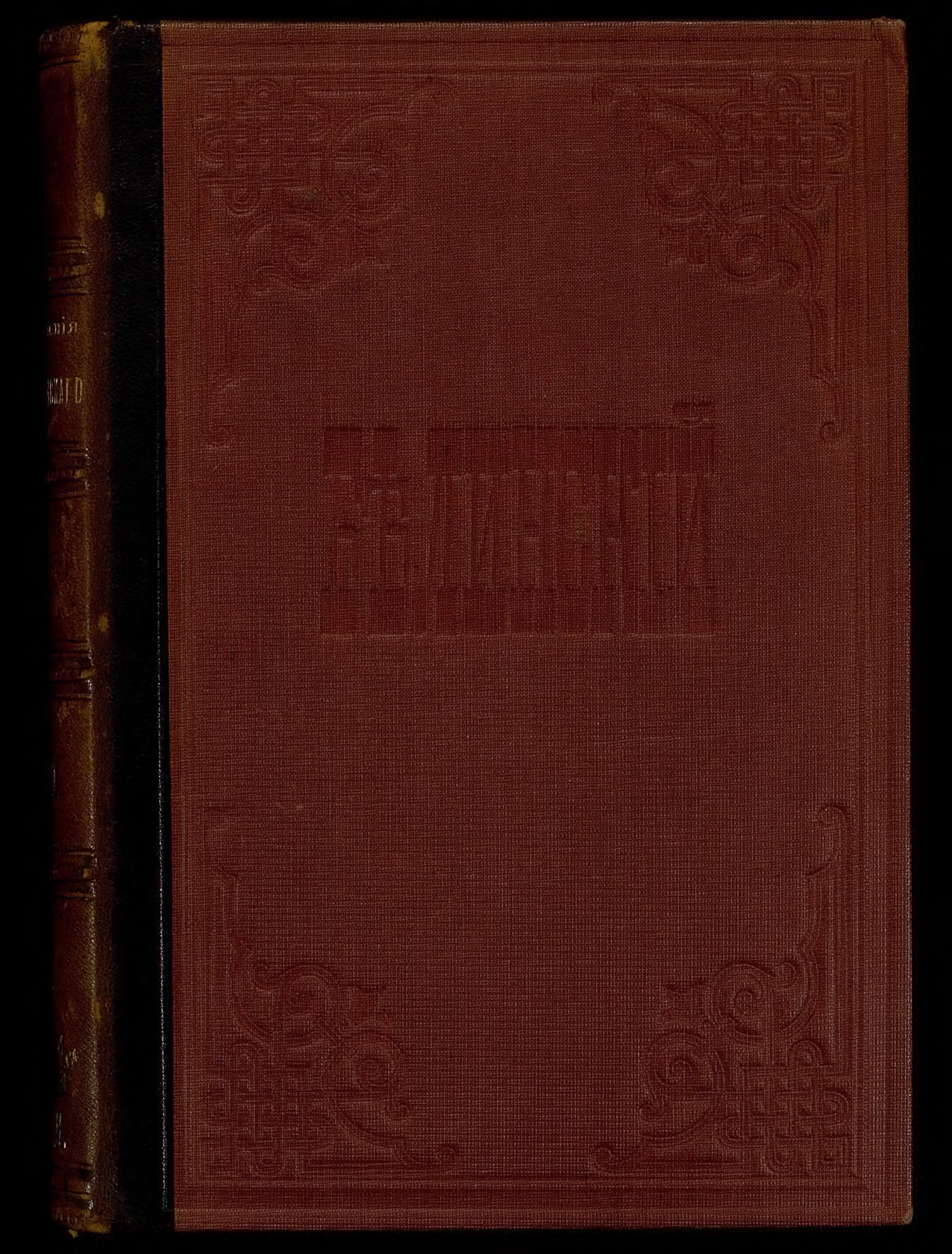
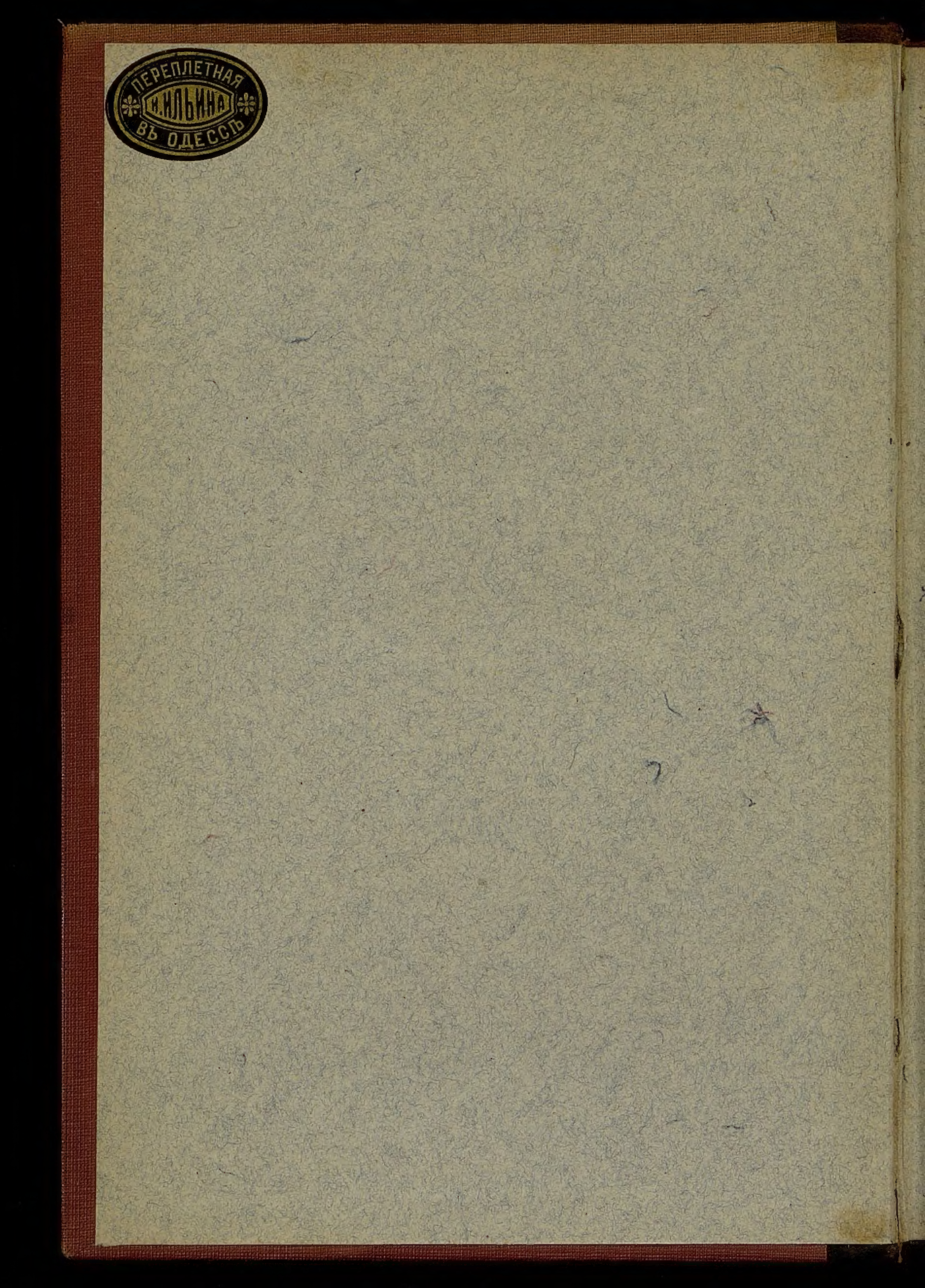

Сочиненія
В, БѢЛИНСКАГО
11
И. И.

ПЕРЕПЛЕТНАЯ
И. ИЛЬИНА
ВЪ ОДЕССѢ

СОЧИНЕНІЯ

В. БѢЛИНСКАГО.

СОЧИНЕНІЯ

В. БѢЛИНСКАГО.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА И ЕГО ФАКСИМИЛЕ.

ЧАСТЬ ОДИНАДЦАТАЯ.

Изданіе третье.

Цѣна за каждую часть 1 р. 25 к.

МОСКВА.
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5.
1884.

1847

СОВРЕМЕННИКЪ.

КРИТИКА

и

БИБЛІОГРАФІЯ.

ВЗГЛЯДЪ НА РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ 1846 ГОДА.

Настоящее есть результатъ прошедшаго и указаніе на будущее. Поэтому, говорить о русской литературѣ 1846 года, значитъ говорить о современномъ состояніи русской литературы вообще, чего нельзя сдѣлать, не коснувшись того, чѣмъ она была, чѣмъ должна быть. Но мы не вдадимся ни въ какія историческія подробности, которыя завлекли бы насъ далеко. Главная цѣль нашей статьи—познакомить заранѣе читателей «Современника» съ его взглядомъ на русскую литературу, слѣдовательно, съ его духомъ и направленіемъ, какъ журнала. Програмы и объявленія, въ этомъ отношеніи, ничего не говорятъ: они только обѣщаютъ. И потому, программа «Современника», по возможности краткая и не многословная, ограничилась только обѣщаніями, чисто внѣшними. Предлагаемая статья, вмѣстѣ съ статьею самого редактора, напечатанною во второмъ отдѣленіи этого же нумера, будетъ второю, внутреннею, такъ сказать, програмою «Современника», въ которой читатели могутъ сами, до извѣстной степени, повѣрять обѣщанія исполненіемъ.

Еслибы насъ спросили, въ чемъ состоитъ отличительный характеръ современной руской литературы, мы отвѣчали бы: въ болѣе и болѣе тѣсномъ сближеніи съ жизнію, съ дѣйствительностію, въ большей и большей близости къ

зрѣлости и возмужалости. Само собою разумѣется, что подобная характеристика можетъ относиться только къ литературѣ недавней, молодой и, притомъ, возникшей не самобытно, а вслѣдствіе подражательности. Самобытная литература зрѣетъ вѣками, и эпоха ея зрѣлости есть въ то же время и эпоха числительнаго богатства ея замѣчательныхъ произведеній (chef-d'oeuvres). Этого нельзя сказать о русской литературѣ. Ея исторія, какъ и исторія самой Россіи, не похожа на исторію никакой другой литературы. И потому, она представляетъ собою зрѣлище единственное, исключительное, которое тотчасъ дѣлается страннымъ, непонятнымъ, почти безсмысленнымъ, какъ скоро на нее будутъ смотрѣть, какъ на всякую другую европейскую литературу. Какъ и все, что ни есть въ современной Россіи живаго, прекраснаго и разумнаго, наша литература есть результатъ реформы Петра Великаго. Правда, онъ не заботился о литературѣ и ничего не сдѣлалъ для ея возникновенія, но онъ заботился о просвѣщеніи, бросивъ въ плодовитую землю русскаго духа сѣмена науки и образованія, — и литература, безъ его вѣдома, явилась въ послѣдствіи сама собою, какъ необходимый результатъ его же дѣятельности. Въ томъ-то, скажемъ мимоходомъ, и состояла органическая жизненность преобразованія Петра Великаго, что оно породило много и такого, о чемъ онъ, можетъ-быть, и не думалъ, чего онъ даже и не предчувствовалъ. Даровитый и умный Кантемиръ, вполовину подражатель, вполовину перелагатель на русскіе нравы сатиръ римскихъ поэтовъ (преимущественно Горація) и ихъ подражателя и перелагателя на французскіе нравы—Буало; Кантемиръ, съ его силлабическимъ размѣромъ, съ его языкомъ полу-книжнымъ, полу-народнымъ, который, по самой этой смѣси, былъ языкомъ образованнаго общества того времени, Кантемиръ и, вслѣдъ за нимъ, Тредьяковскій, съ его безплодною ученостію, съ его бездарнымъ трудо-

любіемъ, съ его схоластическимъ педантизмомъ, съ его неудачными попытками усвоить русскому стихотворству правильные тоническіе размѣры и древніе гекзаметры, съ его варварскими виршами и варварскимъ двоекратнымъ переложеніемъ Роллена,—Кантемиръ и Тредьяковскій были, такъ сказать, прологомъ, предисловіемъ къ русской литературѣ. Отъ смерти перваго прошло съ небольшимъ сто два года (онъ умеръ 31 марта 1744 года); отъ смерти втораго прошло только съ небольшимъ 77 лѣтъ (онъ умеръ 6 августа 1769 года). Тредьяковскій былъ еще въ цвѣтѣ своей славы и еще только шесть лѣтъ величалъ себя «профессоромъ элоквенціи и хитростей піитическихъ»; еще молодой, но больной, слабый и уже близкій къ смерти, Кантемиръ былъ живъ *), когда въ 1739 году, двадцатиосьмилѣтній Ломоносовъ—Петръ Великій русской литературы—прислалъ изъ нѣмецкой земли свою знаменитую «Оду на взятіе Хотина», съ которой, по всей справедливости, должно считать начало литературы. Все, что сдѣлано было Кантемиромъ, осталось безъ слѣда и вліянія въ книжномъ мірѣ; все, что было сдѣлано Тредьяковскимъ, оказалось неудачнымъ —даже его попытки ввести въ русское стихотворство правильные тоническіе метры... Поэтому, ода Ломоносова показалась всѣмъ первымъ стихотворнымъ произведеніемъ на русскомъ языкѣ, которое было написано правильнымъ размѣромъ. Вліяніе Ломоносова на русскую литературу было такое же точно, какъ вліяніе Петра Великаго на Россію вообще: долго литература шла по указанному имъ ей пути, но наконецъ, совершенно освободясь отъ его вліянія, пошла по дорогѣ, которой самъ Ломоносовъ не могъ ни предвидѣть, ни предчувствовать. Онъ далъ ей направленіе книжное, подражательное, и оттого, повидимому, безплодное и безжизненное, слѣдовательно, вред-

*) Кантемиру тогда было 31 годъ, а Тредьяковскому 36 лѣтъ.

ное и губительное. Это совершенная правда, которая, однакожъ, нисколько не умаляетъ великой заслуги Ломоносова, нисколько не отнимаетъ у него права на имя отца русской литературы. Не то же ли самое говорятъ о Петрѣ Великомъ наши литературные старообрядцы? И надо сказать, что ихъ ошибка состоитъ не въ томъ, что̀ они говорятъ о Петрѣ Великомъ и созданной имъ Россіи, а въ томъ, какое они выводятъ изъ этого слѣдствіе. По ихъ мнѣнію, реформа Петра убила въ Россіи народность, а слѣдовательно, и всякій духъ жизни, такъ что Россіи для своего спасенія не остается ничего другаго, какъ снова обратиться къ благодатнымъ полупатріархальнымъ правамъ эпохи Кошихина. Повторяемъ: ошибаясь въ выводѣ, они правы въ положеніи, и поддѣльный, искусственный европеизмъ Россіи, созданный реформою Петра Великаго, дѣйствительно можетъ казаться не болѣе, какъ внѣшнею формою безъ внутренняго содержанія. Но развѣ нельзя того же самаго сказать о всѣхъ поэтическихъ ораторскихъ опытахъ Ломоносова? За что̀ же, по какому же странному противорѣчію съ собственнымъ своимъ взглядомъ, эти самые люди благоговѣютъ передъ именемъ Ломоносова и съ странною раздражительностію принимаютъ за преступленіе всякое свободное мнѣніе объ этомъ риторѣ и въ поэзіи и въ краснорѣчіи? Не было ли бы, съ ихъ стороны, гораздо послѣдовательнѣе и сообразнѣе съ логикою и здравымъ смысломъ, и на Ломоносова смотрѣть также точно, какъ смотрятъ они на Петра Великаго?...

Чужое, извнѣ взятое содержаніе никогда не можетъ замѣнить, ни въ литературѣ, ни въ жизни, отсутствія своего собственнаго, національнаго содержанія; но оно можетъ переродиться въ него современемъ, какъ пища, извнѣ принимаемая человѣкомъ, перерождается въ его кровь и плоть, и поддерживаетъ въ немъ силу, здоровье и жизнь. Не будемъ распространяться, какимъ образомъ это сдѣла-

лось съ Россіею, созданною Петромъ, и русскою литературою, созданною Ломоносовымъ; но что это дѣйствительно сдѣлалось и дѣлается съ ними—это историческій фактъ, истина фактически очевидная. Сравните басни Крылова, комедію Грибоѣдова, произведенія Пушкина, Лермонтова и, въ особенности, Гоголя,—сравните ихъ съ произведеніями Ломоносова и писателей его школы, и вы не увидите между ними ничего общаго, никакой связи, вы подумаете, что въ русской литературѣ все случайно — и талантъ и геній; а можетъ ли имѣть какую-нибудь важность случайное: не есть ли это призракъ, мечта? И дѣйствительно: было время, когда вопросъ — есть ли у насъ литература? не казался парадоксомъ и многими разрѣшенъ былъ въ отрицательномъ смыслѣ. И такое рѣшеніе естественно и неизбѣжно, если русскую литературу судить на основаніяхъ, по которымъ должно судить исторію европейскихъ литературъ. Но одинъ изъ величайшихъ умственныхъ успѣховъ нашего времени въ томъ и состоитъ, что мы, наконецъ, поняли, что у Россіи была своя исторія, нисколько не похожая на исторію ни одного европейскаго государства, и что ее должно изучать и о ней должно судить на основаніи ея же самой, а не на основаніи исторій, ничего не имѣющихъ съ нею общаго, европейскихъ народовъ. То же и въ отношеніи къ исторіи русской литературы. Между писателями, которыхъ мы поименовали выше, и между Ломоносовымъ и его школою, дѣйствительно нѣтъ ничего общаго, никакой связи, если сравнивать ихъ, какъ двѣ крайности; но между ними сейчасъ же явится передъ вами живая кровная связь, какъ скоро вы будете изучать, въ хронологическомъ порядкѣ, всѣхъ русскихъ писателей, отъ Ломоносова до Гоголя. Тогда вы увидите, что до Пушкина все движеніе русской литературы заключалось въ стремленіи, хотя и безсознательномъ, освободиться отъ вліянія Ломоносова и сблизиться съ жизнію, съ дѣйствительностію, слѣдовательно,

сдѣлаться самобытною, національною, русскою. Если въ произведеніяхъ Хераскова и Петрова, такъ незаслуженно превознесенныхъ современниками, нельзя увидѣть ни малѣйшаго прогресса въ этомъ отношеніи,—за то, прогрессъ есть уже въ Сумароковѣ, писателѣ безъ генія, безъ вкуса, почти безъ таланта, но на котораго современники смотрѣли, какъ на соперника Ломоносова. Попытки Сумарокова, хотя и неудачныя, на комедію изъ русскихъ нравовъ, его сатиры, а главное, его простодушно-желчныя выходки противъ «крапивнаго сѣмени», равно какъ и нѣкоторыя прозаическія статьи, болѣе или менѣе касавшіяся вопросовъ современной ему дѣйствительности,—все это показываетъ какое-то стремленіе на сближеніе литературы съ жизнію. И въ этомъ отношеніи, сочиненія Сумарока, лишенныя всякаго художественнаго или литературнаго интереса, заслуживаютъ изученія, такъ же какъ имя его, сперва не по достоинству превозносимое, а потомъ столько же несправедливо унижаемое, заслуживаетъ уваженія въ потомствѣ. Нельзя смотрѣть, какъ на безполезныя явленія, даже и на Хераскова съ Петровымъ: современники видѣли въ нихъ геніевъ, превозносили ихъ до седьмаго неба, стало-быть, читали ихъ, а если читали, стало-быть, эти писатели сильно способствовали распространенію въ Россіи вкуса къ занятію и наслажденію литературою. Безобразныя притчи Сумарокова явились изящными, по тому времени, переводами французскихъ басень въ басняхъ Хемницера и Дмитріева, а въ басняхъ Крылова онѣ явились въ послѣдствіи превосходными народными произведеніями. Подражатель Ломоносова, смиренно благоговѣвшій даже передъ Херасковымъ и Петровымъ, Державинъ, если не былъ самобытнымъ русскимъ поэтомъ, то уже не былъ и только риторомъ. Одаренный отъ природы великимъ поэтическимъ геніемъ, онъ потому только не могъ создать самобытной русской поэзіи, что для этого не пришло еще время, а не по недостатку

естественныхъ силъ и средствъ. Русскій языкъ былъ тогда еще не выработанъ, духъ книжничества и риторики царилъ въ литературѣ; но главное — тогда была только государственная жизнь, но не было жизни общественной, потому что тогда не было общества, а былъ только дворъ, на который всѣ смотрѣли, но который знали только принадлежавшіе къ нему. Не было общества, не было и общественной жизни, общественныхъ интересовъ; поэзіи и литературѣ не откуда было брать содержаніе, и потому онѣ существовали и поддерживались не сами собою, а покровительствомъ сильныхъ и знатныхъ, и носили характеръ оффиціяльный. Такъ должно смотрѣть на эту эпоху, сравнивая ее съ нашею; но не такъ должно смотрѣть на нее, сравнивая ее съ эпохою Ломоносова: тутъ былъ, сравнительно, большой прогрессъ. Если въ это время еще не было общества, зато именно въ это время оно зарождалось, потому что блескъ и образованность двора начинали тогда отражаться и на среднемъ дворянствѣ, и тогда же начали устанавливаться въ немъ тѣ нравы, которые мы видимъ теперь. И потому, кромѣ огромной разницы въ поэтическомъ геніи, Державинъ уже имѣлъ передъ Ломоносовымъ большое преимущество и со стороны содержанія для своей поэзіи, хотя онъ былъ человѣкомъ безъ образованія, не только безъ учености. Поэтому, поэзія Державина далеко разнообразнѣе, живѣе, человѣчнѣе со стороны содержанія, нежели поэзія Ломоносова. Причина этого не въ томъ только, что Ломоносовъ былъ больше превосходный стихотворецъ, нежели поэтъ, тогда-какъ Державинъ отъ природы получилъ поэтическій геній, но и въ сравнительномъ успѣхѣ общества временъ Екатерины Великой передъ обществомъ временъ императрицъ Анны и Елизаветы.

По этой же причинѣ, литература екатерининскаго времени рѣшительно заслоняетъ собою предшествовавшую ей литературу. Кромѣ Державина, въ то время былъ Фонъ-

визинъ—первый даровитый комикъ въ русской литературѣ, писатель, котораго теперь не только чрезвычайно интересно изучать, но котораго читать есть истинное наслажденіе. Въ его лицѣ русская литература, какъ будто даже преждевременно сдѣлала огромный шагъ къ сближенію съ дѣйствительностію: его сочиненія—живая лѣтопись той эпохи. Въ это же время литература наша отъ древнихъ литературъ, изучавшихся въ семинаріяхъ и на семинарскій ладъ, начала исключительно наклоняться къ французской литературѣ. Вслѣдствіе этого, начали хлопотать о такъ-называемой легкой литературѣ, въ которой блисталъ Богдановичъ. Къ концу царствованія Екатерины явился Карамзинъ, давшій русской литературѣ новое направленіе. Мы не будемъ говорить о его великихъ заслугахъ, его великомъ вліяніи на нашу литературу и, черезъ нее, на образованіе нашего общества. Мы не будемъ также входить въ подробности о слѣдовавшихъ за нимъ писателяхъ. Скажемъ коротко, что въ каждомъ изъ нихъ видно постепенное освобожденіе отъ книжнаго, риторическаго направленія, даннаго Ломоносовымъ нашей литературѣ, и постепенное сближеніе литературы съ обществомъ, съ жизнію, съ дѣйствительностію. Загляните въ лицейскія стихотворенія Пушкина, даже во многія изъ піесъ въ первой части его сочиненій, имъ самимъ изданныхъ,—и вы увидите въ нихъ вліяніе почти всѣхъ предшествовавшихъ ему поэтовъ, отъ Ломоносова до Жуковскаго и Батюшкова включительно. Баснописецъ Крыловъ, предшествуемый Хемницеромъ и Дмитріевымъ, такъ сказать, приготовилъ языкъ и стихъ для безсмертной комедіи Грибоѣдова. Стало быть, въ нашей литературѣ всюду живая историческая связь, новое выходитъ изъ стараго, послѣдующее объясняется предыдущимъ, и ничто не является случайно. «Но,—спросятъ насъ, можетъ-быть,—въ чемъ же заключалась важная заслуга Ломоносова, если вся заслуга послѣдующихъ писателей состояла въ постепенной

эманципаціи русской литературы изъ-подъ его вліянія, слѣдовательно въ томъ, что они старались писать не такъ, какъ онъ писалъ? И не странное ли это противорѣчіе— говорить съ уваженіемъ о заслугахъ и геніи писателя, котораго вы же сами называете риторомъ?»

Во первыхъ, Ломоносовъ нисколько не былъ риторомъ по его натурѣ: для этого онъ былъ слишкомъ великъ; но его сдѣлали риторомъ не отъ него зависѣвшія обстоятельства. Его сочиненія раздѣляются на ученыя и литературныя: къ послѣднимъ мы относимъ оды, Петріаду, трагедіи, словомъ, всѣ стихотворные его опыты и похвальныя слова. Въ его ученыхъ сочиненіяхъ по части астрономіи, физики, химіи, металлургіи, навигаціи—нѣтъ риторики, хотя онѣ и писаны длинными періодами по латино-нѣмецкой конструкціи, съ глаголами въ концѣ; но его стихотворныя произведенія и похвальныя рѣчи преисполнены риторики. Отчего же это? Оттого, что для ученыхъ своихъ сочиненій у него было готовое содержаніе, которое добылъ онъ себѣ наукою и трудомъ въ нѣмецкой землѣ, и котораго ему не нужно было дожидаться или допрашиваться у своего отечества. Пріобрѣтенное ученіемъ и трудомъ, онъ развилъ и увеличилъ собственнымъ геніемъ. Стало быть, онъ зналъ что̀ писалъ, и не нуждался въ риторикѣ. Содержанія же для своей поэзіи онъ не могъ найдти въ общественной жизни своего отечества, потому что тутъ не было не только сознанія, но и стремленія къ нему, стало-быть, не было никакихъ умственныхъ и нравственныхъ интересовъ; слѣдовательно, онъ долженъ былъ взять для своей поэзіи совершенно чуждое, но зато готовое содержаніе, выражая въ своихъ стихахъ чувства, понятія и идеи, выработанныя не нами, не нашею жизнію и не на нашей почвѣ. Это значило сдѣлаться риторомъ поневолѣ, потому что понятія чуждой жизни, выдаваемыя за понятія своей жизни, всегда риторика. Еще болѣе риторикою были въ то время евро-

пейскіе кафтаны, камзолы, башмаки, парики, робронды. мушки, ассамблеи, менуэты, и т д. Но кто же, кромѣ теоретиковъ и фантазёровъ, скажетъ, чтобы теперь европейская одежда и нравы не сдѣлались національными для лучшей, т. е. образованнѣйшей части русскаго общества, нисколько не мѣшая ему быть русскимъ на самомъ дѣлѣ, а не по названію только? Скажемъ болѣе: въ отношеніи не только къ образованнѣйшей части русскаго общества, но и всего народа русскаго, теперь сдѣлались чистою риторикою всѣ понятія, опредѣленія и слова до-петровскаго русскаго быта, — и еслибы военные и гражданскіе чины наши были переименованы въ стратиговъ, бояръ, стольниковъ и т. п.,—простой народъ тутъ ровно ничего бы не понялъ. То же самое, благодаря Ломоносову, совершилось и въ литературномъ мірѣ: всѣ поддѣлки подъ народность теперь пахнутъ простонародностію, т.-е. пошлостію, и всѣ попытки въ этомъ родѣ самыхъ даровитыхъ писателей отзываются риторикою.

«Но какимъ же чудомъ, — спросятъ насъ,—внѣшнее, абстрактное заимствованіе чужаго и искусственное перенесеніе его на родную почву,—какимъ чудомъ могло породить оно живой органическій плодъ?»—Въ отвѣтъ на это скажемъ то же, что̀ уже говорили: рѣшеніе этого вопроса, безъ сомнѣнія, интересно; но намъ нѣтъ дѣла до него: для насъ довольно сказать, что такъ, именно такъ было, что это историческій фактъ, достовѣрности котораго не можетъ и подумать опровергать тотъ, у кого есть глаза, чтобъ видѣть, и уши, чтобъ слышать. Писатели, въ которыхъ выразилось прогрессивное движеніе черезъ освобожденіе литературы русской отъ Ломоносовскаго вліянія, нисколько не думали объ этомъ; это дѣлалось у нихъ безсознательно; за нихъ работалъ духъ времени, котораго они были о̀рганами. Они высоко уважали Ломоносова, какъ поэта, благоговѣли передъ его геніемъ, старались подражать ему, и

все-таки больше и больше отходили отъ него. Разительный примѣръ этого—Державинъ. Но въ томъ-то и состоитъ жизненность европейскаго начала, привитаго къ нашей народности Петромъ Великимъ, что оно не коснѣетъ въ мертвой стоячести, но движется, идетъ впередъ, развивается. Еслибы Ломоносовъ не вздумалъ писать одъ по образцу современныхъ ему нѣмецкихъ поэтовъ и французскаго лирика Жанъ Батиста Руссо, не вздумалъ писать своей «Петріады» по образцу Виргилліевой «Энеиды», гдѣ, вмѣстѣ съ Петромъ Великимъ, героемъ своей поэмы, сдѣлалъ дѣйствующимъ лицомъ и Нептуна, засадивъ его съ тритонами и наядами на дно прохладнаго Бѣлаго моря; еслибы, говоримъ мы, вмѣсто всѣхъ этихъ книжныхъ, школярныхъ нелѣпостей, онъ обратился бы къ источникамъ нашей народной поэзіи—къ «Слову о Полку Игоревомъ», къ русскимъ сказкамъ (извѣстнымъ теперь по сборнику Кирши Данилова), къ народнымъ пѣснямъ, и, вдохновленный, проникнутый ими, на ихъ чисто-народномъ основаніи, рѣшился бы построить зданіе новой русской литературы: что̀ бы тогда вышло?—Вопросъ, повидимому, важный, но въ сущности препустой, похожій на вопросы въ родѣ слѣдующихъ: что̀ было бы, если бы Петръ Великій родился во Франціи, а Наполеонъ—въ Россіи, или: что̀ было бы, еслибы за зимою слѣдовала не весна, а прямо лѣто? и т. п. Мы можемъ знать, что̀ было и что̀ есть, но какъ намъ знать, чего не было или чего нѣтъ? Разумѣется, и въ сферѣ исторіи все мелкое, ничтожное, случайное могло бъ быть и не такъ, какъ было; но ея великія событія, имѣющія вліяніе на будущность народовъ, не могутъ быть иначе, какъ именно такъ, какъ они бываютъ, разумѣется, въ отношеніи къ главному ихъ смыслу, а не къ подробностямъ проявленія. Петръ Великій могъ построить Петербургъ, пожалуй, тамъ, гдѣ теперь Шлиссельбургъ, или, по крайней мѣрѣ, хоть немного выше, т.-е. дальше отъ моря, чѣмъ теперь; могъ

сдѣлать новою столицею Ревель или Ригу: во всемъ этомъ играла большую роль случайность, разныя обстоятельства; но сущность дѣла была не въ томъ, а въ необходимости новой столицы на берегу моря, которая дала бы намъ средство легко и удобно сноситься съ Европою. Въ этой мысли уже не было ничего случайнаго, ничего такого, что̀ могло бы равно и быть и не быть, или быть иначе, нежели какъ было. Но для тѣхъ, для кого не существуетъ разумной необходимости великихъ историческихъ событій, мы, пожалуй, готовы признать важность вопроса: что̀ было бы, еслибъ Ломоносовъ, основалъ новую русскую литературу на народномъ началѣ?—и отвѣтимъ имъ, что изъ этого ровно ничего не вышло бы. Однообразныя формы нашей бѣдной народной поэзіи были достаточны для выраженія ограниченнаго содержанія племенной, естественной, непосредственной, полу-патріархальной жизни старой Руси; но новое содержаніе не шло къ нимъ, не улегалось въ нихъ; для него необходимы были и новыя формы. Тогда спасеніе наше зависѣло не отъ народности, а отъ европеизма; ради нашего спасенія, тогда необходимо было не задушить, не истребить (дѣло или невозможное, или гибельное, если возможное) нашу народность, а, такъ-сказать, задержать на время (suspendre) ея ходъ и развитіе, чтобы привить къ ея почвѣ новые элементы. Пока эти элементы относились къ нашимъ роднымъ, какъ масло къ водѣ,—у насъ, естественно, все было риторикою—и нравы и—ихъ выраженіе—литература. Но тутъ было живое начало органическаго сращенія, черезъ процессъ усвоиванія (assimilation), и потому литература отъ абстрактнаго начала мертвой подражательности двигалась все къ живому началу самобытности. И мы дождались наконецъ, до того, что переводъ нѣсколькихъ повѣстей Гоголя на французскій языкъ обратилъ на русскую литературу удивленное вниманіе всей Европы,—говоримъ удивленное, потому что переводы русскихъ ро-

мановъ и повѣстей на иностранные языки дѣлались и прежде, но вмѣсто вниманія, порождали въ иностранцахъ совсѣмъ не лестное для насъ невниманіе къ нашей литературѣ, по той причинѣ, что эти русскіе повѣсти и романы, переведенные на ихъ языки, они считали, напротивъ, переводами съ ихъ языковъ: такъ чужды они были всего русскаго, всякой самобытности и оригинальности.

Карамзинъ окончательно освободилъ рускую литературу отъ Ломоносовскаго вліянія, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ освободилъ ее отъ риторики и сдѣлалъ національною: онъ много для этого сдѣлалъ, но этого не сдѣлалъ, потому что до этого было еще далеко. Первымъ національнымъ поэтомъ русскимъ былъ Пушкинъ *); съ него начался новый періодъ нашей литературы, еще больше противоположный Карамзинскому, нежели этотъ послѣдній Ломоносовскому. Вліяніе Карамзина до сихъ поръ ощутительно въ нашей литературѣ, и полное освобожденіе отъ него будетъ великимъ шагомъ впередъ со стороны русской литературы. Но это не только ни на волосъ не уменьшаетъ заслугъ Карамзина, но, напротивъ, обнаруживаетъ всю ихъ великость: вредное во вліяніи писателя есть запоздалое, отсталое, а чтобы оно владычествовало не въ свое время, необходимо, чтобы въ свое время оно было новымъ, живымъ, прекраснымъ и великимъ

Въ отношеніи къ литературѣ, какъ къ искусству, поэзіи,

*) Намъ могутъ замѣтить, ссылаясь на собственныя наши слова, что не Пушкинъ, а Крыловъ; но вѣдь Крыловъ былъ только баснописецъ-поэтъ, тогда какъ трудно было бы такимъ же образомъ, однимъ словомъ опредѣлить, какой поэтъ былъ Пушкинъ. Поэзія Крылова—поэзія здраваго смысла, житейской мудрости, и для нея скорѣе, чѣмъ для всякой другой поэзіи, можно было найдти готовое содержаніе въ русской жизни. Притомъ же, самыя лучшія, слѣдовательно, самыя народныя басни свои Крыловъ написалъ уже въ эпоху дѣятельности Пушкина, и слѣдовательно, новаго движенія, которое послѣдній далъ русской поэзіи.

творчеству, влiянiе Карамзина теперь совершенно изчезло, не оставивъ никакихъ слѣдовъ. Въ этомъ отношенiи, литература наша всего ближе къ той зрѣлости и возмужалости, рѣчью о которыхъ начали мы эту статью. Такъ называемую «натуральную школу» нельзя упрекнуть въ риторикѣ, разумѣя подъ этимъ словомъ вольное или невольное искаженiе дѣйствительности, фальшивое идеализированiе жизни. Мы отнюдь не хотимъ этимъ сказать, чтобы всѣ новые писатели, которыхъ (въ похвалу имъ или въ осужденiе) причисляютъ къ натуральной школѣ, были все генiи или необыкновенные таланты; мы далеки отъ подобнаго дѣтскаго обольщенiя. За исключенiемъ Гоголя, который создалъ въ Россiи новое искусство, новую литературу, и котораго генiяльность давно уже признана не нами одними и даже не въ одной Россiи только,— мы видимъ въ натуральной школѣ довольно талантовъ, отъ весьма замѣчательныхъ до весьма обыкновенныхъ. Но не въ талантахъ, не въ ихъ числѣ видимъ мы собственно прогрессъ литературы, а въ ихъ направленiи, ихъ манерѣ писать. Таланты были всегда, но прежде они украшали природу, идеализировали дѣйствительность, т. е. изображали несуществующее, разсказывали о небываломъ; а теперь они воспроизводятъ жизнь и дѣйствительность въ ихъ истинѣ. Отъ этого, литература получила важное значенiе въ глазахъ общества. Русская повѣсть въ журналѣ предпочитается переводной, и мало того, чтобы повѣсть была написана русскимъ авторомъ, необходимо, чтобы она изображала русскую жизнь. Безъ русскихъ повѣстей теперь не можетъ имѣть успѣха ни одинъ журналъ. И это не прихоть, не мода, но разумная потребность, имѣющая глубокiй смыслъ, глубокое основанiе: въ ней выражается стремленiе русскаго общества къ самосознанiю, слѣдовательно, пробужденiе въ немъ нравственныхъ интересовъ, умственной жизни. Уже безвозвратно прошло то время,

когда даже всякая посредственность иностранная казалась выше всякаго таланта русскаго. Умѣя отдавать справедливость чужому, русское общество уже умѣетъ цѣнить и свое, равно чуждаясь какъ хвастливости, такъ и уничиженія. Но если оно болѣе интересуется хорошею русскою повѣстью, нежели превосходнымъ иностраннымъ романомъ, въ этомъ видѣнъ огромный шагъ впередъ съ его стороны. Въ одно и то же время умѣть видѣть превосходство чужаго надъ своимъ и все-таки ближе принимать къ сердцу свое, — тутъ нѣтъ ложнаго патріотизма, нѣтъ ограниченнаго пристрастія: тутъ только благородное и законное стремленіе сознать себя ...

Натуральную школу обвиняютъ въ стремленіи все изображать съ дурной стороны. Какъ водится, у однихъ это обвиненіе — умышленная клевета, у другихъ — искренняя жалоба. Во всякомъ случаѣ, возможность подобнаго обвиненія показываетъ только то, что натуральная школа, несмотря на ея огромные успѣхи, существуетъ еще недавно, что къ ней не успѣли еще привыкнуть, и что у насъ еще много людей Карамзинскаго образованія, которыхъ риторика имѣетъ свойство утѣшать, а истина — огорчать. Разумѣется, нельзя, чтобы всѣ обвиненія противъ натуральной школы были положительно ложны, а она во всемъ была непогрѣшительно права. Но еслибы ея преобладающее отрицательное направленіе и было одностороннею крайностію, и въ этомъ есть своя польза, свое добро: привычка вѣрно изображать отрицательныя явленія жизни дастъ возможность тѣмъ же людямъ, или ихъ послѣдователямъ, когда придетъ время, вѣрно изображать и положительныя явленія жизни, не становя ихъ на ходули, не преувеличивая, словомъ, не идеализируя ихъ риторически.

Но внѣ міра собственно беллетристическаго, вліяніе Карамзина до сихъ поръ еще очень ощутительно. Это всего лучше доказываетъ такъ называемая партія славяно-

фильская. Извѣстно, что въ глазахъ Карамзина Іоаннъ III былъ выше Петра Великаго, а до-петровская Русь лучше Россіи новой. Вотъ источникъ такъ-называемаго славянофильства, которое мы, впрочемъ, во многихъ отношеніяхъ считаемъ весьма важнымъ явленіемъ, доказывающимъ, въ свою очередь, что время зрѣлости и возмужалости нашей литературы близко. Во времена дѣтства литературы всѣхъ занимаютъ вопросы, если даже и важные сами по себѣ, то не имѣющіе никакого дѣльнаго примѣненія къ жизни. Такъ называемое славянофильство, безъ всякаго сомнѣнія, касается самыхъ жизненныхъ, самыхъ важныхъ вопросовъ нашей общественности. Какъ оно ихъ касается и какъ оно къ нимъ относится — это другое дѣло. Но прежде всего, славянофильство есть убѣжденіе, которое, какъ всякое убѣжденіе, заслуживаетъ полнаго уваженія, даже и въ такомъ случаѣ, если съ нимъ вовсе не согласны. Славянофиловъ у насъ много, и число ихъ все увеличивается: фактъ, который тоже говоритъ въ пользу славянофильства. Можно сказать, что вся наша литература, а съ нею и часть публики, если не вся публика, раздѣлилась на двѣ стороны—славянофиловъ и не-славянофиловъ. Много можно сказать въ пользу славянофильства, говоря о причинахъ, вызвавшихъ его явленіе; но разсмотрѣвши его ближе, нельзя не увидѣть, что существованіе и важность этой литературной котеріи чисто-отрицательныя, что она вызвана и живетъ не для себя, а для оправданія и утвержденія именно той идеи, на борьбу съ которою обрекла себя. Поэтому, нѣтъ никакого интереса говорить съ славянофилами о томъ, чего они хотятъ, да и сами они неохотно говорятъ и пишутъ объ этомъ, хотя и не дѣлаютъ изъ этого никакой тайны. Дѣло въ томъ, что положительная сторона ихъ доктрины заключается въ какихъ-то туманныхъ, мистическихъ предчувствіяхъ побѣды Востока надъ Западомъ, которыхъ несостоятельность слишкомъ ясно обнаруживается

фактами дѣйствительности, всѣми вмѣстѣ и каждымъ порознь. Но отрицательная сторона ихъ ученія гораздо болѣе заслуживаетъ вниманія, не въ томъ, чтò она говоритъ противъ гніющаго будто бы Запада (Запада славянофилы рѣшительно не понимаютъ, потому что мѣряютъ его на восточный аршинъ); но въ томъ, чтò они говорятъ противъ русскаго европеизма, а объ этомъ они говорятъ много дѣльнаго, съ чѣмъ нельзя не согласиться хотя на половину, какъ, напримѣръ, что въ русской жизни есть какая-то двойственность, слѣдовательно, отсутствіе нравственнаго единства; что это лишаетъ насъ рѣзко выразившагося національнаго характера, какимъ, къ чести ихъ, отличаются почти всѣ европейскіе народы; что это дѣлаетъ насъ какими-то междоумками, которые хорошо умѣютъ мыслить по-французски, по-нѣмецки и по-англійски, но никакъ не умѣютъ мыслить по-русски; и что причина всего этого въ реформѣ Петра Великаго. Все это справедливо до извѣстной степени. Но нельзя остановиться на признаніи справедливости какого-бы то ни было факта, а должно изслѣдовать его причины, въ надеждѣ въ самомъ злѣ найдти и средства къ выходу изъ него. Этого славянофилы не дѣлали и не сдѣлали; но за то они заставили если не сдѣлать, то дѣлать это своихъ противниковъ. И вотъ гдѣ ихъ истинная заслуга. Заснуть въ самолюбивыхъ мечтахъ, о чемъ бы онѣ ни были — о нашей ли народной славѣ, или о нашемъ европеизмѣ,—равно безплодно и вредно, ибо сонъ есть не жизнь, а только грёзы о жизни; и нельзя не сказать спасибо тому, кто прерветъ такой сонъ. Въ самомъ дѣлѣ, никогда изученіе русской исторіи не имѣло такого серьёзнаго характера, какой приняло оно въ послѣднее время. Мы вопрошаемъ и допрашиваемъ прошедшее, чтобы оно объяснило намъ наше настоящее и намекнуло о нашемъ будущемъ. Мы какъ будто испугались за нашу жизнь, за наше значеніе, за наше прошедшее и бу-

дущее, и скорѣе хотимъ рѣшить великій вопросъ: «Быть или не быть?» Тутъ уже дѣло идетъ не о томъ, откуда пришли Варяги—съ Запада или съ Юга, изъ-за Балтійскаго или изъ-за Чернаго моря—, а о томъ, проходитъ ли черезъ нашу исторію какая-нибудь живая органическая мысль, и если проходитъ, какая именно; какія наши отношенія къ нашему прошедшему, отъ котораго мы какъ будто оторваны, и къ Западу, съ которымъ мы какъ будто связаны И результатомъ этихъ хлопотливыхъ и тревожныхъ изслѣдованій начинаетъ оказываться, что, во первыхъ, мы не такъ рѣзко оторваны отъ нашего прошедшаго, какъ думали, и не такъ тѣсно связаны съ Западомъ, какъ воображали. Когда Русскій бываетъ за границею, его слушаютъ, имъ интересуются не тогда, какъ онъ истинно-европейски разсуждаетъ о европейскихъ вопросахъ, но когда онъ судитъ о нихъ, какъ Русскій, хотя бы по этой причинѣ сужденія его были ложны, пристрастны, ограничены, односторонни. И потому, онъ чувствуетъ тамъ необходимость придать себѣ характеръ своей національности, и, за неимѣніемъ лучшаго, становится славянофиломъ, хотя на время и при томъ неискренно, чтобы только чѣмъ-нибудь казаться въ глазахъ иностранцевъ. Съ другой стороны, обращаясь къ своему настоящему положенію, смотря на него глазами сомнѣнія и изслѣдованія мы не можемъ не видѣть, какъ, во многихъ отношеніяхъ, смѣшно и жалко успокоилъ насъ нашъ русскій европеизмъ насчетъ нашихъ русскихъ недостатковъ, забѣливъ и зарумянивъ, но вовсе не изгладивъ ихъ. И въ этомъ отношеніи, поѣздки за границу чрезвычайно полезны намъ: многіе изъ Русскихъ отправляются туда рѣшительными европейцами, а возвращаются оттуда, сами не зная кѣмъ, и потому самому съ искреннимъ желаніемъ сдѣлаться Русскими. Что же все это означаетъ? — Неужели славянофилы правы, и реформа Петра Великаго только лишила насъ народности и

сдѣлала междоумками? И неужели они правы, говоря, что намъ надо воротиться къ общественному устройству и правамъ временъ не то баснословнаго Гостомысла, не то царя Алексѣя Михайловича (насчетъ этого сами господа славянофилы еще не условились между собою)?...

Нѣтъ, это означаетъ совсѣмъ другое, а именно то, что Россія вполнѣ исчерпала, изжила эпоху преобразованія, что реформа совершила въ ней свое дѣло, сдѣлала для нея все. что могла и должна была сдѣлать, и что настало для Россіи время развиваться самобытно, изъ самой себя. Но миновать, перескочить, перепрыгнуть, такъ сказать, эпоху реформы и воротиться къ предшествовавшимъ ей временамъ: неужели это значитъ развиваться самобытно? Смѣшно было бы такъ думать уже по одному тому, что это такая же невозможность, какъ и перемѣнить порядокъ годовыхъ временъ, заставивъ за весною слѣдовать зиму, а за осенью— лѣто. Это значило бы еще признать явленіе Петра Великаго, его реформу и послѣдующія событія въ Россіи (можетъ быть до самаго 1812 года—эпохи, съ которой началась новая жизнь для Россіи), признать ихъ случайными, какимъ-то тяжелымъ сномъ, который тотчасъ исчезаетъ и уничтожается, какъ скоро проснувшійся человѣкъ открываетъ глаза. Но такъ думать сродно только господамъ Маниловымъ. Подобныя событія въ жизни народа слишкомъ велики, чтобъ быть случайными, и жизнь народа не есть утлая лодочка, которой каждый можетъ давать произвольное направленіе легкимъ движеніемъ весла. Вмѣсто того, чтобъ думать о невозможномъ и смѣшить всѣхъ на свой счетъ самолюбивымъ вмѣшательствомъ въ историческія судьбы, гораздо лучше, признавши неотразимую и неизмѣнимую дѣйствительность существующаго, дѣйствовать на его основаніи, руководясь разумомъ и здравымъ смысломъ, а не Маниловскими фантазіями. Не объ измѣненіи того, что̀ совершилось безъ нашего вѣдома и что̀ смѣется надъ

нашею волею, должны мы думать, а объ измѣненіи самихъ себя на основаніи уже указаннаго намъ пути высшею насъ волею. Дѣло въ томъ, что пора намъ перестать казаться и начать быть, пора оставить, какъ дурную привычку довольствоваться словами и европейскія формы и внѣшности принимать за европеизмъ. Скажемъ болѣе: пора намъ перестать восхищаться европейскимъ потому только, что оно не азіятское, но любить, уважать его, стремиться къ нему потому только, что оно человѣческое, и на этомъ основаніи, все европейское, въ чемъ нѣтъ человѣческаго, отвергать съ такою же энергіею, какъ и все азіятское, въ чемъ нѣтъ человѣческаго. Европейскихъ элементовъ такъ много вошло въ русскую жизнь, въ русскіе нравы, что намъ вовсе не нужно безпрестанно обращаться къ Европѣ, чтобъ сознавать наши потребности: и на основаніи того, что̀ уже усвоено нами отъ Европы, мы достаточно можемъ судить о томъ, что̀ намъ нужно.

Повторяемъ, славянофилы правы во многихъ отношеніяхъ; но тѣмъ не менѣе ихъ роль чисто отрицательная, хотя и полезная на время. Главная причина ихъ странныхъ выводовъ заключается въ томъ, что они произвольно упреждаютъ время, процессъ развитія принимаютъ за его результатъ, хотятъ видѣть плодъ прежде цвѣта, и, находя листья безвкусными, объявляютъ плодъ гнилымъ и предлагаютъ огромный лѣсъ, разросшійся на необозримомъ пространствѣ, пересадить на другое мѣсто и приложить къ нему другаго рода уходъ. По ихъ мнѣнію, это не легко, но возможно! Они забыли, что новая Петровская Россія такъ же молода, какъ и Сѣверная Америка, что въ будущемъ ей представляется гораздо больше, чѣмъ въ прошедшемъ. Они забыли, что въ разгарѣ процесса часто особенно бросаются въ глаза именно тѣ явленія, которыя, по окончаніи процесса, должны изчезнуть, и часто не видно именно того, что̀ въ послѣдствіи должно явиться резуль-

татомъ процесса. Въ этомъ отношеніи, Россію нечего сравнивать со старыми государствами Европы, которыхъ исторія шла діаметрально противоположно нашей, и давно уже дала и цвѣтъ, и плодъ. Безъ всякаго сомнѣнія, Русскому легче усвоить себѣ взглядъ Француза, Англичанина или Нѣмца, нежели мыслить самостоятельно, по-русски, потому что то готовый взглядъ, съ которымъ равно легко знакомитъ его и наука и современная дѣйствительность; тогда какъ онъ, въ отношеніи къ самому себѣ, еще загадка, потому что еще загадка для него значеніе и судьба его отечества, гдѣ все зародыши, зачатки, и ничего опредѣленнаго, развившагося, сформировавшагося. Разумѣется, въ этомъ есть нѣчто грустное, но зато какъ много и утѣшительнаго въ этомъ же самомъ! Дубъ растетъ медленно, зато живетъ вѣка. Человѣку сродно желать скораго свершенія своихъ желаній, но скороспѣлость ненадежна: намъ болѣе, чѣмъ кому другому, должно убѣдиться въ этой истинѣ. Извѣстно, что Французы, Англичане, Нѣмцы такъ національны каждый по своему, что не въ состояніи понимать другъ друга, — тогда какъ Русскому равно доступны и соціальность Француза, и практическая дѣятельность Англичанина, и туманная философія Нѣмца. Одни видятъ въ этомъ наше превосходство передъ всѣми другими народами; другіе выводятъ изъ этого весьма печальныя заключенія о безхарактерности, которую воспитала въ насъ реформа Петра: ибо, говорятъ они, у кого нѣтъ своей жизни, тому легко поддѣлываться подъ чужую, у кого нѣтъ своихъ интересовъ, тому легко понимать чужіе; но поддѣлываться подъ чужую жизнь не значитъ жить, понять чужіе интересы не значитъ усвоить ихъ себѣ. Въ послѣднемъ мнѣніи много правды, но не совсѣмъ лишено истины и первое мнѣніе, какъ ни заносчиво оно. Прежде всего мы скажемъ, что рѣшительно не вѣримъ въ возможность крѣпкаго политическаго и государственнаго существованія народовъ, лишен-

ныхъ національности, слѣдовательно, живущихъ чисто внѣшнею жизнію. Въ Европѣ есть одно такое искусственное государство, склеенное изъ многихъ національностей; но кому же неизвѣстно, что его крѣпость и сила—до поры и времени?... Намъ, Русскимъ, нечего сомнѣваться въ нашемъ политическомъ и государственномъ значеніи: изъ всѣхъ славянскихъ племенъ, только мы сложились въ крѣпкое и могучее государство, и какъ до Петра Великаго, такъ и послѣ него, до настоящей минуты, выдержали съ честію не одинъ суровый экзаменъ судьбы, не разъ были на краю гибели, и всегда успѣвали спасаться отъ нея и потомъ являться въ новой и большей силѣ и крѣпости. Въ народѣ, чуждомъ внутренняго развитія, не можетъ быть этой крѣпости, этой силы. Да, въ насъ есть національная жизнь, мы призваны сказать міру свое слово, свою мысли, но какое это слово, какая мысль,—объ этомъ пока еще рано намъ хлопотать. Наши внуки или правнуки узнаютъ это безъ всякихъ усилій напряженнаго разгадыванія, потому что это слово, эта мысль будетъ сказана ими... Такъ какъ русская литература есть главный предметъ нашей статьи, то въ настоящемъ случаѣ будетъ очень естественно сослаться на ея свидѣтельство. Она существуетъ всего какихъ-нибудь сто семь лѣтъ, а между тѣмъ въ ней уже эсть нѣсколько произведеній, которыя потому только и интересны для иностранцевъ, что кажутся имъ не похожими на произведенія ихъ литературъ, слѣдовательно, оригинальными, самобытными, т. е. національно-русскими. Но въ чемъ состоитъ эта русская національность,—этого пока еще нельзя опредѣлить; для насъ пока довольно того, что элементы ея уже начинаютъ пробиваться и обнаруживаться сквозь безцвѣтность и подражательность, въ которыя ввергла насъ реформа Петра Великаго.

Что же касается до многосторонности, съ какою русскій человѣкъ понимаетъ чуждыя ему національности—въ этомъ

заключается равно и его слабая и его сильная сторона. Слабая потому, что этой многосторонности дѣйствительно много помогаетъ его настоящая независимость отъ односторонности собственныхъ національныхъ интересовъ. Но можно сказать съ достовѣрностію, что эта независимость только помогаетъ этой многосторонности; а едва можно сказать съ какою-нибудь достовѣрностію, чтобы она производила ее. По крайней мѣрѣ, намъ кажется, что было бы слишкомъ смѣло приписывать положенію то, что̀ всего болѣе должно приписывать природной даровитости. Не любя гаданій и мечтаній и пуще всего боясь произвольныхъ, имѣющихъ только субъективное значеніе выводовъ, мы не утверждаемъ за непреложное, что русскому народу предназначено выразить въ своей національности наиболѣе богатое и многостороннее содержаніе, и что въ этомъ заключается причина его удивительной способности воспринимать и усвоивать себѣ все чуждое ему; но смѣемъ думать, что подобная мысль, какъ предположеніе, высказываемое безъ самохвальства и фанатизма, не лишена основанія...,

Просимъ извиненія у гг. славянофиловъ, если мы приписали имъ что-нибудь такое, чего они не думали или не говорили: еслибы они могли упрекнуть насъ въ чемъ-нибудь подобномъ, пусть примутъ это за простую и неумышленную ошибку съ нашей стороны. Каковы бы ни были ихъ понятія, или, по нашему, ошибки и заблужденія, мы уважаемъ ихъ источникъ. Мы можемъ сочувствовать всякому искреннему; независимому и благородному, въ его началѣ, убѣжденію, не только не раздѣляя его, но и видя въ немъ діаметральную противоположность нашему убѣжденію. На чьей сторонѣ истина—разсудитъ время—великій и непогрѣшительный судья всѣхъ умственныхъ и теоретическихъ тяжбъ. Журналъ, который теперь одинъ остался органомъ славянофильскаго направленія, объявилъ нѣкогда «непримиримую вражду» всякому противоположному направленію. Что̀ ка-

сается до насъ, имѣя свое опредѣленное направленіе, свои горячія убѣжденія, которыя намъ дороже всего на свѣтѣ, мы тоже готовы защищать ихъ всѣми силами нашими и вмѣстѣ съ тѣмъ противоборствовать всякому противуположному направленію и убѣжденію, но мы хотѣли бы защищать наши мнѣнія съ достоинствомъ, а противоположнымъ—противоборствовать съ твердостію и спокойствіемъ, безъ всякой вражды. Къ чему вражда? Кто враждуетъ, тотъ сердится, а кто сердится, тотъ чувствуетъ, что онъ не правъ. Мы имѣемъ самолюбіе до того считать себя правыми въ главныхъ основаніяхъ нашихъ убѣжденій, что не имѣемъ никакой нужды враждовать и сердиться, смѣшивать идеи съ лицами, и вмѣсто благородной и позволенной борьбы мнѣній заводить безполезную и неприличную борьбу личностей и самолюбій....

На свѣтѣ нѣтъ ничего безусловно важнаго или неважнаго. Противъ этой истины могутъ спорить только тѣ исключительно теоретическія натуры, которыя до тѣхъ поръ и умны, пока носятся въ общихъ отвлеченностяхъ, а какъ скоро спустятся въ сферу приложеній общаго къ частному, словомъ, въ міръ дѣйствительности, тотчасъ оказываются сомнительными на счетъ нормальнаго состоянія ихъ мозга. О такихъ людяхъ русская поговорка выражается, что у нихъ умъ за разумъ зашелъ,—выраженіе, столько же глубокомысленное, сколько и справедливое, потому что оно не отнимаетъ у людей этого разбора ни ума, ни разсудка, но только указываетъ на ихъ неправильныя, превратныя дѣйствія, словно на два испортившіяся колеса въ машинѣ, которыя дѣйствуютъ одно за другое, вопреки своему назначенію, и этимъ дѣлаютъ всю машину негодною къ употребленію. Итакъ, все на свѣтѣ только относительно важно или не важно, велико или мало, старо или ново. «Какъ,—скажутъ намъ, и истина и добродѣтель—понятія относительныя?»—Нѣтъ, какъ понятіе, какъ мысль, онѣ безусловны и вѣчны; но какъ

осуществленіе, какъ фактъ онѣ относительны. Идея истины и добра признавалась всѣми народами, во всѣ вѣка; но что̀ непреложная истина, что̀ добро для одного народа или вѣка, то часто бываетъ ложью и зломъ для другаго народа, въ другой вѣкъ. Поэтому, безусловный, или абсолютный способъ сужденія есть самый легкій, но зато и самый ненадежный; теперь онъ называется абстрактнымъ, или отвлеченнымъ. Ничего нѣтъ легче, какъ опредѣлить, чѣмъ долженъ быть человѣкъ въ нравственномъ отношеніи; но ничего нѣтъ труднѣе, какъ показать, почему вотъ этотъ человѣкъ сдѣлался тѣмъ, что̀ онъ есть, а не сдѣлался тѣмъ, чѣмъ бы ему, по теоріи нравственной философіи, слѣдовало быть.

Вотъ точка зрѣнія, съ которой мы находимъ признаки зрѣлости современной русской литературы въ явленіяхъ, повидимому, самыхъ обыкновенныхъ. Присмотритесь, прислушайтесь: о чемъ больше всего толкуютъ наши журналы?—о народности, о дѣйствительности. На что̀ больше всего нападаютъ они?—на романтизмъ, мечтательность, отвлеченность. О нѣкоторыхъ изъ этихъ предметовъ много было толковъ и прежде, да не тотъ они имѣли смыслъ, не то значеніе. Понятіе о «дѣйствительности» совершенно новое; на «романтизмъ» прежде смотрѣли, какъ на альфу и омегу человѣческой мудрости, и въ немъ одномъ искали рѣшенія всѣхъ вопросовъ; понятіе о «народности» имѣло прежде исключительно литературное значеніе, безъ всякаго приложенія къ жизни. Оно, если хотите, и теперь обращается преимущественно въ сферѣ литературы; но разница въ томъ, что литература-то теперь сдѣлалась эхомъ жизни. Какъ судятъ теперь объ этихъ предметахъ — вопросъ другой. По обыкновенію, одни лучше, другіе хуже, но почти всѣ одинаково въ томъ отношеніи, что въ рѣшеніи этихъ вопросовъ видятъ какъ будто собственное спасеніе. Въ особенности, вопросъ о «народности» сдѣлался всеобщимъ вопро-

сомъ и проявился въ двухъ крайностяхъ. Одни смѣшали съ народностью старинные обычаи, сохранившіеся теперь только въ простонародьи, и не любятъ, чтобы при нихъ говорили съ неуваженіемъ о курной и грязной избѣ, о рѣдькѣ и квасѣ, даже о сивухѣ; другіе, сознавая потребность высшаго національнаго начала и не находя его въ дѣйствительности, хлопочутъ выдумать свое, и неясно, намеками указываютъ намъ на смиреніе, какъ на выраженіе русской національности. Съ первыми смѣшно спорить; но вторымъ можно замѣтить, что смиреніе есть, въ извѣстныхъ случаяхъ, весьма похвальная добродѣтель для человѣка всякой страны, для Француза какъ и для Русскаго, для Англичанина, какъ и для Турка, но что она едва ли можетъ одна составить то, что̀ называется «народностію». Притомъ же, этотъ взглядъ, можетъ-быть, превосходный въ теоретическомъ отношеніи, не совсѣмъ уживается съ историческими фактами. Удѣльный періодъ нашъ отличается скорѣе гордынею и драчливостью, нежели смиреніемъ. Татарамъ поддались мы совсѣмъ не отъ смиренія (что̀ было бы для насъ не честію, а безчестіемъ, какъ и для всякаго другаго народа), а по безсилію, вслѣдствіе раздѣленія нашихъ силъ родовымъ, кровнымъ началомъ, положеннымъ въ основаніе правительственной системы того времени. Іоаннъ Калита былъ хитеръ, а не смиренъ; Симеонъ да̀же прозванъ былъ «гордымъ»; а эти князья были первоначальниками силы Московскаго царства. Димитрій Донской мечемъ, а не смиреніемъ предсказалъ Татарамъ конецъ ихъ владычества надъ Русью. Іоанны III и IV, оба прозванные «грозными», не отличались смиреніемъ. Только слабый Θеодоръ составляетъ исключеніе изъ правила. И вообще, какъ-то странно видѣть въ смиреніи причину, по которой ничтожное Московское княжество сдѣлалось въ послѣдствіи сперва Московскимъ царствомъ, а потомъ Россійскою имперіею, пріосѣнивъ крыльями двуглаваго орла, какъ свое достояніе, Сибирь, Малороссію, Бѣ

лоруссію, Новороссію, Крымъ, Бессарабію, Лифляндію, Эстляндію, Курляндію, Финляндію, Кавказъ. Конечно, въ русской исторіи можно найдти поразительныя черты смиренія, какъ и другихъ добродѣтелей, со стороны правительственныхъ и частныхъ лицъ; но въ исторіи какого же народа нельзя найдти ихъ, и чѣмъ какой-нибудь Людовикъ IX уступаетъ въ смиреніи Өеодору Іоанновичу?... Толкуютъ еще о любви, какъ о національномъ началѣ исключительно присущемъ однимъ славянскимъ племенамъ, въ ущербъ гальскимъ, тевтонскимъ и инымъ западнымъ. Эта мысль у нѣкоторыхъ обратилась въ истинную мономанію, такъ-что кто-то изъ этихъ «нѣкоторыхъ» рѣшился даже печатно сказать, что русская земля смочена слезами, а отнюдь не кровью, и что слезами, а не кровью, отдѣлались мы не только отъ Татаръ, но и отъ нашествія Наполеона... Не правда ли, что въ этихъ словахъ высокій образецъ ума, зашедшаго за разумъ, вслѣдствіе увлеченія системою, теоріею, несообразною съ дѣйствительностію?.. Мы, напротивъ, думаемъ, что любовь есть свойство человѣческой натуры вообще и также не можетъ быть исключительною принадлежностію одного народа или племени, какъ и дыханіе, зрѣніе, голодъ, жажда, умъ, слово... Ошибка тутъ въ томъ, что относительное принято за безусловное. Завоевательная система, положившая основаніе европейскимъ государствамъ, тотчасъ же породила тамъ чисто-юридическій бытъ, въ которомъ само насиліе и угнѣтеніе приняло видъ не произвола, а закона. У Славянъ же, напротивъ, господствовалъ обычай, вышедшій изъ кроткихъ и любовныхъ патріархальныхъ отношеній. Но долго ли продолжался этотъ патріархальный бытъ и что̀ мы знаемъ о немъ достовѣрнаго? Еще до удѣльнаго періода встрѣчаемъ мы въ русской исторіи черты вовсе нелюбовныя — хитраго воителя Олега, суроваго воителя Святослава, потомъ, Святополка (убійцу Бориса и Глѣба), дѣтей Владиміра, возставшихъ на своего отца, и т. п. Это, скажутъ,

занесли къ намъ Варяги, и—прибавимъ мы отъ себя—положили этимъ начало искаженію любовнаго патріархальнаго быта. Изъ чего же въ такомъ случаѣ и хлопотать? Удѣльный періодъ такъ же мало періодъ любви, какъ и смиренія; это скорѣе періодъ рѣзни, обратившейся въ обычай. О татарскомъ періодѣ нечего и говорить: тогда лицемѣрное и предательское смиреніе было нужнѣе и любви, и настоящаго смиренія. Уголовные законы, пытки, казни періода Московскаго царства и послѣдующихъ временъ, до самаго царствованія Екатерины Великой, опять посылаютъ насъ искать любви въ до-историческія времена Славянъ. Гдѣ же тутъ любовь, какъ національное начало? Національнымъ началомъ она никогда и не была, но была человѣческимъ началомъ, поддерживавшимся въ племени его историческимъ, или, лучше сказать, его не-историческимъ положеніемъ. Положеніе измѣнилось, измѣнились и патріархальные нравы, а съ ними изчезла и любовь, какъ бытовая сторона жизни. Ужь не возвратиться ли намъ къ этимъ временамъ? Почему жь бы и не такъ, если это такъ же легко, какъ старику сдѣлаться юношей, а юношѣ—младенцемъ?...

Естественно, что подобныя крайности вызываютъ такія же противоположныя крайности. Одни бросились въ фантастическую народность; другіе—въ фантастическій космополитизмъ, во имя человѣчества. По мнѣнію послѣднихъ, національность происходитъ отъ чисто-внѣшнихъ вліяній, выражаетъ собою все, что̀ есть въ народѣ неподвижнаго, грубаго, ограниченнаго, неразумнаго, и діаметрально противополагается всему человѣческому. Чувствуя же, что нельзя отрицать въ народѣ и человѣческаго, противоположнаго, по ихъ мнѣнію, національному, они раздѣляютъ недѣлимую личность народа на большинство и меньшинство, приписывая послѣднему качества, діаметрально противоположныя качествамъ перваго. Такимъ образомъ, безпрестанно нападая на какой-то дуализмъ, который они видятъ всюду, даже

тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ, они сами впадаютъ въ крайность самаго отвлеченнаго дуализма. Великіе люди, по ихъ понятію, стоятъ внѣ своей національности, и вся заслуга, все величіе ихъ въ томъ и заключается, что они идутъ прямо противъ своей національности, борятся съ нею и побѣждаютъ ее. Вотъ истинно русское и, въ этомъ отношеніи рѣзко-національное мнѣніе, которое не могло бы придти въ голову Европейцу! Это мнѣніе вытекло прямо изъ ложнаго взгляда на реформу Петра Великаго, который, по общему въ Россіи мнѣнію, будто-бы уничтожилъ русскую народность. Это мнѣніе тѣхъ, которые народность видятъ въ обычаяхъ и предразсудкахъ, не понимая, что въ нихъ дѣйствительно отражается народность, но что они одни отнюдь еще не составляютъ народности. Раздѣлить народное и человѣческое на два совершенно-чуждыя, даже враждебныя одно другому начала, значитъ впасть въ самый абстрактный, въ самый книжный дуализмъ.

Чтò составляетъ въ человѣкѣ его высшую, его благороднѣйшую дѣйствительность? — Конечно, то, чтò мы называемъ его духовностію, т. е. чувство, разумъ, воля, въ которыхъ выражается его вѣчная, непреходящая, необходимая сущность. А чтò считается въ человѣкѣ низшимъ, случайнымъ, относительнымъ, преходящимъ?—Конечно, его тѣло. Извѣстно, что наше тѣло мы сызмладенчества привыкли презирать, можетъ-быть, потому именно, что, вѣчно живя въ логическихъ фантазіяхъ, мы мало его знаемъ. Врачи, напротивъ, больше другихъ уважаютъ тѣло, потому что больше другихъ знаютъ его. Вотъ почему отъ болѣзней, чисто-нравственныхъ, они лѣчатъ иногда средствами чисто-матеріяльными, и наоборотъ. Изъ этого видно, что врачи, уважая тѣло, не презираютъ души: они только не презираютъ тѣла, уважая душу. Въ этомъ отношеніи, они похожи на умнаго агронома, который съ уваженіемъ смотритъ не только на богатство получаемыхъ имъ отъ земли

зеренъ, но и на самую землю, которая ихъ произрастила, и даже на грязный, нечистый и вонючій навозъ, который усилилъ плодотворность этой земли. — Вы, конечно, очень цѣните въ человѣкѣ чувство?—Прекрасно!—такъ цѣните же и этотъ кусокъ мяса, который трепещетъ въ его груди, который вы называете сердцемъ, и котораго замедленное или ускоренное біеніе вѣрно соотвѣтствуетъ каждому движенію вашей души.—Вы, конечно, очень уважаете въ человѣкѣ умъ?—Прекрасно!—такъ останавливайтесь же въ благоговѣйномъ изумленіи и передъ этой массою мозга, гдѣ происходятъ всѣ умственныя отправленія, откуда по всему организму распространяются, черезъ позвоночный хребетъ, нити нервъ, которыя суть òрганы ощущеній и чувствъ, и которыя исполнены какихъ-то до того тонкихъ жидкостей, что онѣ ускользаютъ отъ матеріяльнаго наблюденія и не даются умозрѣнію. Иначе, вы будете удивляться въ человѣкѣ слѣдствію мимо причины, или—чтò еще хуже—сочините свои небывалыя въ природѣ причины и удовлетворитесь ими. Психологія, неопирающаяся на физіологію, такъ же несостоятельна, какъ и физіологія, не знающая о существованіи анатоміи. Современная наука не удовольствовалась и этимъ: химическимъ анализомъ хочетъ она проникнуть въ таинственную лабораторію природы, а наблюденіемъ надъ эмбріономъ (зародышемъ) прослѣдить физическій процессъ нравственнаго развитія. Но это внутренній міръ физіологической жизни человѣка; всѣ его сокровенныя отъ насъ дѣйствія, какъ результатъ, выказываются наружѣ въ лицѣ, взглядѣ, голосѣ, даже манерахъ человѣка. А между тѣмъ, чтò такое лицо, глаза, голосъ, манеры? Вѣдь это все — тѣло, внѣшность, слѣдовательно, все преходящее, случайное, ничтожное, потому что вѣдь все это—не чувство, не умъ, не воля?—такъ! но вѣдь во всемъ этомъ мы видимъ и слышимъ и чувство, и умъ, и волю. Всего случайнѣе въ человѣкѣ его манеры, потому что онѣ больше

всего зависятъ отъ воспитанія, образа жизни, отъ общества, въ которомъ живетъ человѣкъ; но почему же иногда и въ грубыхъ манерахъ мужика чувство ваше угадываетъ добраго человѣка, которому вы смѣло можете довѣриться, и въ то же время изящныя манеры свѣтскаго человѣка заставляютъ васъ иногда невольно остерегаться его?—Сколько на свѣтѣ людей съ душою, съ чувствомъ, но у каждаго изъ нихъ его чувство имѣетъ свой характеръ, свою особенность. Сколько на свѣтѣ умныхъ людей, и между тѣмъ у каждаго изъ нихъ свой умъ. Это не значитъ, чтобы умы людей были разные: въ такомъ случаѣ люди не могли бы понимать другъ друга; но это значитъ, что у самаго ума есть своя индивидуальность. Въ этомъ его ограниченность, и поэтому умъ величайшаго генія всегда неизмѣримо ниже ума всего человѣчества; но въ этомъ же и его дѣйствительность, его реальность. Умъ безъ плоти, безъ физіономіи, умъ, не дѣйствующій на кровь и не принимающій на себя ея дѣйствія, есть логическая мечта, мертвый абстрактъ. Умъ — это человѣкъ въ тѣлѣ, или, лучше сказать, человѣкъ черезъ тѣло, словомъ, личность. Оттого на свѣтѣ столько умовъ, сколько людей, и только у человѣчества одинъ умъ. Посмотрите, сколько нравственныхъ оттѣнковъ въ человѣческой натурѣ: у одного умъ едва замѣтенъ изъ за сердца, у другаго сердце какъ будто помѣстилось въ мозгу; этотъ страшно уменъ и способенъ на дѣло, да ничего сдѣлать не можетъ, потому что нѣтъ у него воли; у того страшная воля да слабая голова, и изъ его дѣятельности выходитъ или вздоръ, или зло Перечесть этихъ оттѣнковъ такъ же невозможно, какъ перечесть различія физіономій: сколько людей, столько и лицъ, и двухъ совершенно схожихъ найти еще менѣе возможно, нежели найти два древесные листка, совершенно схожіе между собою... Когда вы влюблены въ женщину, не говорите, что вы обольщены прекрасными качествами ея ума и сердца: иначе, когда вамъ укажутъ на другую, которой

нравственныя качества выше, вы обязаны будете перевлюбиться и оставить первый предметъ своей любви для новаго, какъ оставляютъ хорошую книгу для лучшей. Нельзя отрицать вліянія нравственныхъ качествъ на чувство любви, но когда любятъ человѣка, любятъ его всего, не какъ идею, а какъ живую личность; любятъ въ немъ особенно то, чего не умѣютъ ни опредѣлить, ни назвать. Въ самомъ дѣлѣ какъ бы опредѣли и назвали вы, напримѣръ, то неуловимое выраженіе, ту таинственную игру его физіономіи, его голоса, словомъ, все то, что̀ составляетъ его особность, что́ дѣлаетъ его не похожимъ на другихъ, и за что́ именно вы больше всего и любите его? Иначе, зачѣмъ бы вамъ было рыдать въ отчаяніи надъ трупомъ любимаго вами существа?— Вѣдь съ нимъ не умерло то, что́ было въ немъ лучшаго, благороднѣйшаго, что́ называли вы въ немъ духовнымъ и нравственнымъ,—а умерло только грубо-матеріяльное, случайное?... Но объ этомъ то случайномъ и рыдаете вы горько, потому что воспоминаніе о прекрасныхъ качествахъ человѣка не замѣнитъ вамъ человѣка, какъ умирающаго отъ голода не насытитъ воспоминаніе о роскошномъ столѣ, которымъ онъ недавно наслаждался. Я охотно соглашусь съ спиритуалистами, что мое сравненіе грубо, но за то оно вѣрно, а это для меня главное. Державинъ сказалъ:

Такъ! весь я не умру; но часть меня большая,
Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить.

Противъ дѣйствительности такого безсмертія нечего сказать, хотя оно и не утѣшитъ людей близкихъ поэту; но что́ передаетъ поэтъ потомству, въ своихъ созданіяхъ, если не свою личность? Не будь онъ личность больше, чѣмъ кто-нибудь, личность по преимуществу, его созданія были бы безцвѣтны и блѣдны. Отъ этого творенія каждаго великаго поэта представляютъ собою совершенно особенный, ориги-

нальный міръ, и между Гомеромъ, Шекспиромъ, Байрономъ, Сервантесомъ, Вальтеръ-Скоттомъ, Гёте и Жоржъ-Зандомъ общаго только то, что всѣ они—великіе поэты...

Но что же эта личность, которая даетъ реальность и чувству, и уму, и волѣ, и генію, и безъ которой, все — или фантастическая мечта, или логическая отвлеченность? Я много могъ бы наговорить вамъ объ этомъ, читатели; но предпочитаю лучше откровенно сознаться вамъ, что чѣмъ живѣе созерцаю внутри себя сущность личности, тѣмъ менѣе умѣю опредѣлить ее словами. Это такая же тайна, какъ и жизнь: всѣ ее видятъ, всѣ ощущаютъ себя въ ея нѣдрахъ, и никто не скажетъ вамъ, что она такое. Такъ точно ученые, хорошо зная дѣйствіе и силы дѣятелей природы, каковы электричество, гальванизмъ, магнетизмъ, и потому нисколько не сомнѣваясь въ ихъ существованіи, все-таки не умѣютъ сказать, что они такое. Страннѣе всего, что все, что мы можемъ сказать о личности, ограничивается тѣмъ, что она ничтожна передъ чувствомъ, разумомъ, волею, добродѣтелью, красотою и тому подобными вѣчными и непреходящими идеями; но что безъ нея, преходящаго и случайнаго явленія, не было бы ни чувства, ни ума, ни воли, ни добродѣтели, ни красоты, такъ же, какъ не было бы ни безчувственности, ни глупости, ни безхарактерности, ни порока, ни безобразія...

Что личность въ отношеніи къ идеѣ человѣка, то народность въ отношеніи къ идеѣ человѣчества. Другими словами: народности суть личность человѣчества. Безъ національностей, человѣчество было бы мертвымъ логическимъ абстрактомъ, словомъ безъ содержанія, звукомъ безъ значенія. Въ отношеніи къ этому вопросу, я скорѣе готовъ перейдти на сторону славянофиловъ, нежели оставаться на сторонѣ гуманическихъ космополитовъ, потому что если первые и ошибаются, то какъ люди, какъ живыя существа, а вторые и истину-то говорятъ какъ такое-то изда-

ніе такой-то логики... Но къ счастію, я надѣюсь остаться на своемъ мѣстѣ, не переходя ни къ кому...

Человѣческое присуще человѣку потому, что онъ—человѣкъ, но оно проявляется въ немъ не иначе, какъ, во-первыхъ, на основаніи его собственной личности и въ той мѣрѣ, въ какой она можетъ его вмѣстить въ себѣ, а во вторыхъ, на основаніи его національности. Личность человѣка есть исключеніе другихъ личностей и, потому самому, есть ограниченіе человѣческой сущности; ни одинъ человѣкъ, какъ бы ни велика была его геніальность, никогда не исчерпаетъ самимъ собою не только всѣхъ сферъ жизни, но даже и одной какой-нибудь ея стороны. Ни одинъ человѣкъ не только не можетъ замѣнить самимъ собою всѣхъ людей (т. е. сдѣлать ихъ существованіе не нужнымъ), но даже и ни одного человѣка, какъ бы онъ ни былъ ниже его въ нравственномъ или умственномъ отношеніи, но всѣ и каждый необходимы всѣмъ и каждому. На этомъ и основано единство и братство человѣческаго рода. Человѣкъ силенъ и обезпеченъ только въ обществѣ, но чтобы и общество, въ свою очередь, было сильно и обезпечено, ему необходима внутренняя, непосредственная, органическая связь — національность. Она есть самобытный результатъ соединенія людей, но не есть ихъ произведеніе: ни одинъ народъ не создалъ своей національности, какъ не создалъ самого себя. Это указываетъ на кровное, родовое происхожденіе всѣхъ національностей. Чѣмъ ближе человѣкъ или народъ къ своему началу, тѣмъ ближе онъ къ природѣ, тѣмъ болѣе онъ ея рабъ; тогда онъ не человѣкъ, а ребенокъ, не народъ, а племя. Въ томъ и другомъ человѣческое развивается по мѣрѣ ихъ освобожденія отъ естественной непосредственности. Этому освобожденію часто способствуютъ разныя внѣшнія причины; но человѣческое тѣмъ не менѣе приходитъ къ народу не извнѣ, а изъ него же самого, и всегда проявляется въ немъ національно.

Собственно говоря, борьба человѣческаго съ національнымъ есть не больше, какъ риторическая фигура; но въ дѣйствительности ея нѣтъ. Даже и тогда, когда прогрессъ одного народа совершается черезъ заимствованіе у другаго, онъ тѣмъ не менѣе совершается національно. Иначе нѣтъ прогресса. Когда народъ поддается напору чуждыхъ ему идей и обычаевъ, не имѣя въ себѣ силы переработывать ихъ самодѣяетльностію собственной національности, въ собственную же сущность, — тогда онъ гибнетъ политически. На свѣтѣ много людей, извѣстныхъ подъ именемъ «пустыхъ»: они умны чужимъ умомъ, ни о чемъ не имѣютъ своего мнѣнія, а между тѣмъ и учатся и слѣдятъ за всѣмъ на свѣтѣ. Пустота ихъ въ томъ и состоитъ, что они заимствуютъ цѣликомъ, и ихъ мозгъ не переваривает чужой мысли, а передаетъ ее, черезъ языкъ, въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ принялъ ее. Это люди безличные, потому что чѣмъ человѣкъ личнѣе, тѣмъ способнѣе обращать чужое въ свое, т. е. налагать на него отпечатокъ своей личности. Что̀ человѣкъ безъ личности, то народъ безъ національности. Это доказывается тѣмъ, что всѣ націи, игравшія и играющія первыя роли въ исторіи человѣчества, отличались и отличаются наиболѣе рѣзкою національностію. Вспомните Евреевъ, Грековъ, и Римлянъ; посмотрите на Французовъ, Англичанъ, Нѣмцевъ. Въ наше время, народныя вражды и антипатіи погасли совершенно. Французъ уже не питаетъ ненависти къ Англичанину только за то, что онъ Англичанинъ, и наоборотъ. Напротивъ, со дня на день болѣе и болѣе обнаруживается въ наше время сочувствіе и любовь народа къ народу. Это утѣшительное, гуманное явленіе есть результатъ просвѣщенія. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы просвѣщеніе сглаживало народности и дѣлало всѣ народы похожими одинъ на другой, какъ двѣ капли воды. Напротивъ, наше время есть по преимуществу время сильнаго развитія на-

ціональностей. Французъ хочетъ быть Французомъ и требуетъ отъ Нѣмца, чтобы тотъ былъ Нѣмцемъ, и только на этомъ основаніи и интересуется имъ. Въ такихъ точно отношеніяхъ находятся теперь другъ къ другу всѣ европейскіе народы. А между тѣмъ они нещадно заимствуютъ другъ у друга, нисколько не боясь повредить своей національности. Исторія говоритъ, что подобныя опасенія могутъ быть дѣйствительны только для народовъ нравственно-безсильныхъ и ничтожныхъ. Древняя Эллада была наслѣдницею всего предшествовавшаго ей древняго міра. Въ ея составъ вошли элементы египетскіе и финикійскіе, кромѣ основнаго пелазгическаго. Римляне приняли въ себя, такъ сказать, весь древній міръ, и все-таки остались Римлянами, и если пали, то не отъ внѣшнихъ заимствованій, а отъ того, что были послѣдними представителями изчерпавшаго всю жизнь свою древняго міра, долженствовавшаго обновиться черезъ христіянство и тевтонскихъ варваровъ. Французская литература долгое время рабски подражала греческой и латинской, наивно грабила ихъ заимствованіями,—и все-таки оставалась національно-французскою. Все отрицательное движеніе французской литературы XVIII вѣка вышло изъ Англіи; но Французы до того умѣли усвоить его себѣ, наложивъ на него печать своей національности, что никто и не думаетъ оспаривать у ихъ литературы чести самобытнаго развитія. Нѣмецкая философія пошла отъ Француза Декарта, нисколько не сдѣлавшись отъ этого французскою.

Раздѣленіе народа на противоположныя враждебныя будто бы другъ другу большинство и меньшинство, можетъ-быть, и справедливо со стороны логики, но рѣшительно ложно со стороны здраваго смысла. Меньшинство всегда выражаетъ собою большинство, въ хорошемъ или въ дурномъ смыслѣ. Еще страннѣе приписать большинству народа только дурныя качества, а меньшинству одни хорошія. Хороша

была бы французская нація, если бы о ней стали судить по развратному дворянству временъ Людовика XV-го? Этотъ примѣръ указываетъ, что меньшинство скорѣе можетъ выражать собою болѣе дурныя, нежели хорошія стороны національности народа, потому что оно живетъ искусственною жизнію, когда противополагаетъ себя большинству, какъ что-то отдѣльное отъ него и чуждое ему. Это видимъ мы и въ современной намъ Франціи, въ лицѣ bourgeoisie,—господствующаго теперь въ ней сословія. Что же касается до великихъ людей,—они по преимуществу дѣти своей страны. Великій человѣкъ всегда націоналенъ какъ его народъ, ибо онъ потому и великъ, что представляетъ собою свой народъ. Борьба генія съ народомъ не есть борьба человѣческаго съ національнымъ, а просто на просто новаго со старымъ, идеи съ эмпиризмомъ, разума съ предразсудками. Масса всегда живетъ привычкою, и разумнымъ, истиннымъ и полезнымъ считаетъ только то, къ чему привыкла. Она защищаетъ съ остервененіемъ, то старое, противъ котораго, вѣкомъ или менѣе назадъ, съ остервененіемъ же боролась она, какъ противъ новаго. Противодѣйствіе массы генію необходимо: это съ ея стороны экзаменъ генію; если онъ возьметъ свое, не на что несмотря, значитъ, онъ точно геній, т. е. въ самомъ себѣ носитъ свое право дѣйствовать на судьбы своего отечества. Иначе всякій резонёръ, всякій мечтатель, всякій философъ, всякій маленькій великій человѣкъ сталъ бы обходиться съ народомъ, какъ съ лошадью, направляя его по волѣ своихъ прихотей и фантазій, то въ ту, то въ другую сторону...

Нѣтъ никакой необходимости раздѣляться народу на самого себя, чтобы доставить себѣ источникъ новыхъ идей. Источникъ всего новаго есть старое; по-крайней-мѣрѣ, старымъ приготовляется новое. Въ геніи не столько поражаетъ находчивость новаго, сколько смѣлость противопо-

ставить его старому и произвести между ниму борьбу на смерть. Необходимость нововведеній въ Россій чувствовали еще предшественники Петра; она указывалась настоящимъ положеніемъ государства; но произвести реформу могъ только Петръ. Для этого ему вовсе не нужно было предполагать себя во враждебныхъ отношеніяхъ къ своему народу; но, напротивъ, нужно было знать и любить его, сознавать свое кровное единство съ нимъ. Что̀ въ народѣ безсознательно живетъ какъ возможность, то въ геніи является, какъ осуществленіе, какъ дѣйствительность. Народъ относится къ своимъ великимъ людямъ, какъ почва къ растеніямъ, которыя производитъ она. Тутъ единство, а не раздѣленіе, не двойственность. И вопреки силлогистамъ (новое слово!), для великаго поэта нѣтъ большей чести, какъ быть въ высшей степени національнымъ, потому-что иначе онъ и не можетъ быть великимъ. То, что̀ называютъ резонёры человѣческимъ; противополагая его національному, есть въ сущности новое, непосредственно и логически слѣдующее изъ стараго, хотя бы оно и было чистымъ его отрицаніемъ. Когда крайность какого-нибудь принципа доводится до нелѣпости, изъ нея одинъ естественный путь — переходъ въ противоположную крайность. Это въ натурѣ и человѣка и народовъ. Слѣдовательно, источникъ всякаго прогресса, всякаго движенія впередъ заключается не въ двойственности народовъ, а въ человѣческой натурѣ, такъ же, какъ въ ней заключается и источникъ уклоненій отъ истины, коснѣнія и неподвижности.

Важность теоретическихъ вопросовъ зависитъ отъ ихъ отношенія къ дѣйствительности. То, что̀ для насъ, Русскихъ, еще важные вопросы, давно уже рѣшено въ Европѣ, давно уже составляетъ тамъ простыя истины жизни, въ которыхъ никто не сомнѣвается, о которыхъ никто не

спорить, и въ которыхъ всѣ согласны И—что̀ всего лучше—эти вопросы рѣшены тамъ самою жизнію, или, если теорія и имѣла участіе въ ихъ рѣшеніи, то при помощи дѣйствительности.—Но это нисколько не должно отнимать у насъ смѣлости и охоты заниматься рѣшеніемъ такихъ вопросовъ, потому что пока не рѣшимъ мы ихъ сами собою и для самихъ себя, намъ не будетъ никакой пользы въ томъ, что они рѣшены въ Европѣ. Перенесенные на почву нашей жизни, эти вопросы тѣ же, да не тѣ, и требуютъ другаго рѣшенія.—Теперь Европу занимаютъ новые великіе вопросы. Интересоваться ими, слѣдить за ними намъ можно и должно, ибо ничто человѣческое не должно быть чуждо намъ, если мы хотимъ быть людьми. Но въ то же время для насъ было бы вовсе безплодно принимать эти вопросы какъ наши собственные. Въ нихъ нашего только то, что̀ примѣнимо къ нашему положенію; все остальное чуждо намъ, и мы стали бы играть роль донъ-Кихотовъ, горячась изъ него. Этимъ мы заслужили бы скорѣе насмѣшки Европейцевъ, нежели ихъ уваженіе. У себя, вокругъ себя, вотъ гдѣ должны мы искать и вопросовъ и ихъ рѣшенія. Это направленіе будетъ плодотворно, если и не будетъ блестяще. И начатки этого направленія видимъ мы въ современной русской литературѣ, а въ нихъ — близость ея зрѣлости и возмужалости. Въ этомъ отношеніи литература наша дошла до такого положенія, что ея успѣхи въ будущемъ, ея движеніе впередъ зависятъ больше отъ объема и количества предметовъ, доступныхъ ея завѣдыванію, нежели отъ нея самой. Чѣмъ шире будутъ границы ея содержанія, чѣмъ больше будетъ пищи для ея дѣятельности, тѣмъ быстрѣе и плодовитѣе будетъ ея развитіе. Какъ бы то ни было, но если она еще не достигла своей зрѣлости, она уже нашла, нащупала, такъ сказать, прямую дорогу къ ней,—а это великій успѣхъ съ ея стороны.

Одинъ изъ самыхъ поразительныхъ признаковъ зрѣлости современной русской литературы,—это роль, которую играетъ въ ней стихотворная поэзія. Бывало, стихи и стишки составляли отраду и утѣшеніе нашей публики. Ихъ читали, перечитывали, учили наизустъ, покупали, не жалѣя денегъ, или переписывали въ тетрадки. Новая поэма въ стихахъ, отрывокъ изъ поэмы, новое стихотвореніе, появившееся въ журналѣ или альманахѣ,—все это пользовалось привиллегіею производить шумъ, толки, восторги, споры и т. п. Стихотворцы являлись безъ счету, росли, какъ грибы послѣ дождя. Теперь не то. Стихи играютъ второстепенную въ сравненіи съ прозою роль. Ихъ читаютъ будто нехотя, едва замѣчаютъ, хладнокровно похваливаютъ хорошее и ничего не говорятъ о посредственномъ. Стихотворцевъ, противъ прежняго, стало теперь несравненно меньше. Изъ этого многіе заключили, будто вѣкъ поэзіи миновался для русской литературы, что поэзія скрылась отъ насъ чуть ли не навсегда. Мы такъ, напротивъ, видимъ въ этомъ скорѣе торжество, нежели упадокъ русской поэзіи. Что̀ поколебало, а потомъ и вовсе изгнало манію стихописанія и стихочтенія?—Прежде всего появленіе Гоголя, потомъ появленіе въ печати посмертныхъ сочиненій Пушкина и, наконецъ, явленіе Лермонтова. Поэтическую дѣятельность Пушкина можно раздѣлить на два періода: въ первомъ она является прекрасною, но еще не глубокою, не установившеюся, еще доступною для копированія и подражанія; во второмъ, мы видимъ ее на неприступной высотѣ художественной зрѣлости, глубины, могущества; тутъ уже нельзя копировать ее, нельзя подражать ей. Талантъ Лермонтова съ перваго же своего дебюта обратилъ на себя всеобщее вниманіе, отбилъ у всѣхъ и у всякаго охоту подражать ему. Послѣ этого доступъ къ поэтической славѣ сдѣлался очень труденъ, такъ что талантъ, который прежде могъ бы играть блестящую роль, теперь долженъ ограничиться

болѣе скромнымъ положеніемъ. Это значитъ, что вкусъ публики сдѣлался разборчивѣе, требованія строже: а это, конечно, успѣхъ, а не упадокъ вкуса. Теперь нуженъ новый Пушкинъ, новый Лермонтовъ, чтобы книжка стихотвореній привела въ восторгъ всю публику, въ движеніе—всю литературу. Но уже теперь сдѣлалось рѣшительно невозможнымъ для господъ поэтовъ обращать на себя вниманіе или пріобрѣтать славу или извѣстность хоть на волосъ выше той мѣры, въ какой они дѣйствительно заслуживаютъ, по своему таланту, вниманія, славы или извѣстности. Талантъ теперь всегда будетъ оцѣненъ, и его успѣхъ уже не зависитъ ни отъ покровительства, ни отъ преслѣдованія журналовъ (если еще чѣмъ могутъ они повредить ему, такъ развѣ молчаніемъ, но уже не похвалами и не бранью); онъ будетъ замѣченъ и оцѣненъ, но не иначе, какъ по мѣрѣ его истиннаго достоинства—ни больше, ни меньше.

Въ прошломъ 1846 году вышли стихотворенія гг. Григорьева, Полонскаго, Лизандера, Плещеева, г-жи Жадовской, «Троянъ и Ангелица» г. Вельтмана—что-то въ родѣ дѣтской сказки не то въ стихахъ, не то въ мѣрной прозѣ; «Слово о Полку Игоря», передѣланное г. Минаевымъ на поэму во вкусѣ не древности, не старины, а того недавняго времени, когда была мода на поэмы. Это въ сущности не больше, какъ распространеніе, или разжиженіе, довольно бойкими стихами, довольно короткаго и сжатаго «Слова о Полку Игоревомъ». Мы рады будемъ, если попытка г. Минаева понравится публикѣ; но что̀ до насъ собственно касается, намъ такъ нравится «Слово о Полку Игоревомъ» въ его настоящемъ видѣ, что мы не можемъ безъ непріятнаго чувства смотрѣть на его передѣлки. Намъ кажется, что его вовсе не нужно ни измѣнять, ни переводить, ни перелагать; но довольно замѣнить въ немъ слишкомъ обветшалыя и непонятныя слова болѣе новыми

и понятными, хотя и взятыми же изъ народнаго языка. Мы назвали стихи г. Минаева бойкими: прибавимъ къ этому, что они еще столько же фразисты, сколько и восторженны, и что въ нихъ больше риторики, нежели поэзіи. Г. Минаевъ — энтузіастическій поклонникъ «Слова о Полку Игоревомъ»; въ его глазахъ, оно чуть ли не выше всей русской поэзіи отъ Ломоносова до Лермонтова включительно. Это изъясняетъ онъ въ послѣсловіи къ стихотворному труду своему, которое носитъ слѣдующее наивно-семинарское названіе: «Для любознательныхъ отроковицъ и юношей».

Стихотворенія г-жи Юліи Жадовской были превознесены почти всѣми нашими журналами. Дѣйствительно, въ нихъ нельзя отрицать чего-то въ родѣ поэтическаго таланта. Жаль только, что источникъ вдохновенія этого таланта не жизнь, а мечта, и что по этому онъ не имѣетъ никакого отношенія къ жизни и бѣденъ поэзіею. Это, впрочемъ, выходитъ изъ отношеній г-жи Жадовской къ обществу, какъ женщины. Вотъ стиховтореніе, которое вполнѣ объясняетъ это положеніе:

Меня гнететъ тоски недугъ;
Мнѣ скучно *въ этомъ мірѣ*, другъ;
Мнѣ надоѣли сплетни, вздоръ—
Мужчинъ ничтожный разговоръ,
Смѣшной, нелѣпый женщинъ толкъ,
Ихъ выписные бархатъ, шолкъ,
Ума и сердца пустота
И накладная красота.
Мірскихъ суетъ я не терплю,
Но Божій міръ душой люблю,
Но вѣчно будутъ милы мнѣ—
И звѣздъ мерцанье въ вышинѣ,
И шумъ развѣсистыхъ деревъ,
И зелень бархатныхъ луговъ,
И водъ прозрачная струя,
И въ рощѣ пѣсни соловья

Нужно слишкомъ много смѣлости и героизма, чтобы женщина, такимъ образомъ отстраненная или отстранившаяся отъ общества, не заключилась въ ограниченный кругъ мечтаній, но ринулась бы въ жизнь для борьбы съ нею, если не для наслажденія, котораго возможности не видитъ въ ней. Г-жа Жадовская предпочла этому трудному шагу безмятежное смотрѣніе на небо и звѣзды. Почти въ каждомъ своемъ стихотвореніи не спускаетъ она глазъ съ неба и звѣздъ, но новаго ничего тамъ не замѣтила. Это не то, что Леверье, который открылъ тамъ планету Нептунъ, до него никѣмъ не знаемую. Леверье больше поэтъ, чѣмъ г-жа Жадовская, хоть онъ и не пишетъ стиховъ. Охотно согласимся съ тѣми, кто найдетъ наше сближеніе неумѣстнымъ или натянутымъ; но все-таки скажемъ, что смотрѣть на небо и не видѣть въ немъ ничего, кромѣ общихъ фразъ, съ рифмами или безъ рифмъ—плохая поэзія? Да и что путнаго можетъ увидѣть въ небѣ поэтъ нашего времени, если онъ совершенно чуждъ самыхъ общихъ физическихъ и астрономическихъ понятій, и не знаетъ, что этотъ голубой куполъ, плѣняющій его глаза, не существуетъ въ дѣйствительности, но есть произведеніе его же собственнаго зрѣнія, ставшаго центромъ видимой имъ сферической окружности; что тамъ, на высотѣ, куда ему такъ хочется, и пусто и холодно, и нѣтъ воздуха для дыханія, что отъ звѣзды до звѣзды и въ тысячу лѣтъ не долетишь на лучшемъ аэростатѣ... То ли дѣло земля!—на ней намъ и свѣтло и тепло, на ней все наше, все близко и понятно намъ, на ней наша жизнь и наша поэзія... Зато, кто отворачивается отъ нея, не умѣя понимать ее, тотъ не можетъ быть поэтомъ и можетъ ловить въ холодной высотѣ однѣ холодныя и пустыя фразы...

Изъ поименованныхъ нами стихотворныхъ книжекъ, вышедшихъ въ прошломъ году, замѣчательнѣе другихъ— Стихотворенія Аполлона Григорьева». Въ нихъ, по-край-

ней-мѣрѣ, есть хоть блестки дѣльной поэзіи, т. е. такой поэзіи, которою не стыдно заниматься, какъ дѣломъ. Жаль, что этихъ блестокъ не много; ими обязанъ былъ г. Григорьевъ вліянію на него Лермонтова; но это вліяніе изчезаетъ въ немъ все больше и больше и переходитъ въ самобытность, которая вся заключается въ туманномистическихъ фразахъ, при чтеніи которыхъ невольно приходитъ на память эта старая эпиграмма:

Ужъ подлинно Бибрусъ боговъ языкомъ пѣлъ:
Изъ смертныхъ бо его никто не разумѣлъ.

Вотъ самобытность, которая не стоитъ даже подражательности!

Но истиннымъ пріобрѣтеніемъ для русской литературы вообще было вышедшее въ прошломъ году изданіе стихотвореній Кольцова. Несмотря на то, что эти стихотворенія всѣ были уже напечатаны и прочтены въ альманахахъ и журналахъ,—они производятъ впечатлѣніе новости, потому именно, что собраны вмѣстѣ и даютъ читателю понятіе о всей поэтической дѣятельности Кольцова, представляя собою нѣчто цѣлое. Эта книжка—капитальное, классическое пріобрѣтеніе русской литературы, не имѣющее ничего общаго съ тѣми эфемерными явленіями, которыя, даже и не будучи лишены относительныхъ достоинствъ, перелистываются, какъ новость, для того, чтобы быть потомъ забытыми. Въ наше время стихотворный талантъ ни почемъ—вещь очень обыкновенная; чтобы онъ чего-нибудь стоилъ, ему нужно быть не просто талантомъ, но еще большимъ талантомъ, вооруженнымъ самобытною мыслію, горячимъ сочувствіемъ къ жизни, способностію глубоко понимать ее. Благодаря толкамъ журналовъ, нѣкоторые маленькіе таланты кое-какъ поняли это по своему и стали на заглавныхъ листкахъ своихъ книжекъ ставить эпиграфы, во свидѣтельство, что ихъ поэзія отличается современнымъ на-

правленіемъ, да еще латинскіе, въ родѣ слѣдующаго: Homo sum, et nihil humani a me alienum, puto. Но ни ученость, ни латинскіе эпиграфы, ни даже дѣйствительное знаніе латинскаго языка, не дадутъ человѣку того, чего не дала ему природа, и такъ-называемое «современное направленіе» поэтовъ извѣстнаго разряда всегда будетъ только «плѣнной мысли раздраженьемъ». Вотъ отчего, полуграмотный прасолъ Кольцовъ безъ науки и образованія нашелъ средство сдѣлаться необыкновенымъ и самобытнымъ поэтомъ. Онъ сдѣлался поэтомъ, самъ не зная какъ, и умеръ съ искреннимъ убѣжденіемъ, что если ему и удалось написать двѣ, три порядочныя піески, все таки онъ былъ поэтъ посредственный и жалкій... Восторги и похвалы друзей не много дѣйствовали на его самолюбіе... Будь онъ живъ теперь, онъ въ первый разъ вкусилъ бы наслажденіе увѣрившагося въ самомъ себѣ достоинства; но судьба отказала ему въ этомъ законномъ вознагражденіи за столько мукъ и сомнѣній... Такъ какъ мы не можемъ сказать о поэзіи Кольцова ничего, кромѣ того, что уже высказано объ этомъ предметѣ въ статьѣ: «О жизни и сочиненіяхъ Кольцова», вошедшей въ составъ изданія его сочиненій, то и отсылаемъ къ ней тѣхъ, которые, не читали ея, но хотѣли бы знать наше мнѣніе о талантѣ Кольцова и его значеніи въ русской литературѣ.

Изъ стихотворныхъ произведеній, появившихся не отдѣльно, а въ разныхъ изданіяхъ прошлаго года, замѣчательны: «Помѣщикъ», разсказъ (въ «Петербургскомъ Сборникѣ») и «Андрей», поэма (въ Отечественныхъ Запискахъ») г. Тургенева; «Машенька», поэма г. Майкова (въ Петербургскомъ Сборникѣ»); «Макбетъ» Шекспира, переводъ г. Кронеберга, стихами и прозою. Замѣчательныхъ мелкихъ стихотвореній въ прошломъ году, какъ и вообще въ послѣднее время, было очень мало. Лучшія изъ нихъ принадлежатъ гг. Майкову, Тургеневу и Некрасову.

О стихотвореніяхъ послѣдняго мы могли бы сказать болѣе, если бы этому рѣшительно не препятствовали его отношенія къ «Современнику»...

Кстати о стихотворныхъ переводахъ классическихъ произведеній. Г. А. Григорьевъ перевелъ Софоклову «Антигону» («Библіотека для чтенія» № 8). За многими изъ нашихъ литераторовъ водится замашка говорить съ таинственною важностью о вещахъ давнымъ давно извѣстныхъ и приниматься съ самоувѣренностью за совершенно чуждую имъ работу. Г. Григорьевъ объявляетъ въ небольшомъ предисловіи къ своему переводу, что онъ со временемъ «изложитъ свой взглядъ на греческую трагедію», взглядъ, особенное начало котораго есть, впрочемъ, непосредственная связь ея съ ученіемъ древнихъ мистерій». Да это знаютъ дѣти въ низшихъ классахъ гимназій! Вотъ, напримѣръ, идея, что въ одной «Антигонѣ» является борьба двухъ началъ человѣческой жизни—личнаго права и долга противъ общаго права и долга, и что, слѣдовательно, «въ Антигонѣ изъ-за древнихъ формъ вѣетъ предчувствіемъ иной жизни»—эта идея принадлежитъ исключительно г. Григорьеву, и мы охотно готовы оставить ее за нимъ. Что касается до самой «Антигоны», то едва ли Софоклъ—«аттическая пчела»—узналъ бы себя въ этомъ торопливомъ исполненномъ претензій и крайне-невѣрномъ переводѣ г. Григорьева. Величавый древній сенаръ (шестистопный ямбъ) превратился въ какую-то рубленую, неправильную прозу, напоминающую новѣйшія «драматическія представленія» нашихъ доморощенныхъ драматурговъ; мелодическіе хоры являются пустозвоннымъ наборомъ словъ, часто лишенныхъ всякаго смысла; о древнемъ колоритѣ, характеристикѣ каждаго отдѣльнаго лица нѣтъ и помина *). Спра

*) Нечего говорить о безчисленныхъ промахахъ; по мнѣнію г. Григорьева Аресъ (Марсъ) должно выговаривать Арéсъ, и пр.

шивается, для чего и для кого трудился г. Григорьевъ? Развѣ для того, чтобы отбить у насъ и безъ того не слишкомъ сильную охоту къ классической старинѣ, съ которою онъ такъ необдуманно обошелся?...

По части беллетрической прозы отдѣльными изданіями вышли въ прошломъ году только два сочиненія: «Брынскій Лѣсъ, эпизодъ изъ первыхъ годовъ царствованія Петра Великаго», романъ г. Загоскина, и вторая часть «Петербургскихъ Вершинъ», г. Буткова.

Новый романъ г. Загоскина отличается всѣми, какъ дурными, такъ и хорошими сторонами его прежнихъ романовъ. Отчасти, это новое, не помнимъ уже которое счетомъ, подражаніе г. Загоскина своему первому роману— «Юрію Милославскому». Но герой послѣдняго романа еще безцвѣтнѣе и безличнѣе, нежели герой перваго. О героинѣ нечего и говорить: это вовсе не женщина, а тѣмъ менѣе русская женщина конца XVII столѣтія. По своей завязкѣ, Брынскій Лѣсъ напоминаетъ сантиментальные романы и повѣсти прошлаго вѣка. Стрѣлецкій сотникъ Лёвшинъ романически влюбляется въ какую-то неземную дѣву, съ которой сводитъ его судьба на постояломъ дворѣ. Изъ первой же части романа узнаете вы, что у боярина Буйносова пропала малолѣтная дочь въ Брынскомъ лѣсу, гдѣ онъ остановился проѣздомъ отдохнуть съ своею холопскою свитою, состоявшею человѣкъ изъ пятидесяти. Узнавши это, вы сейчасъ догадываетесь, что идеальная дѣва, плѣнившая Лёвшина, есть дочь Буйносова, а вмѣстѣ съ тѣмъ узнаете, что́ будетъ далѣе въ романѣ и чѣмъ онъ кончится. Любовь двухъ голубковъ высказывается избитыми французами романовъ прошлаго вѣка,—фразами, которыя ни коимъ образомъ не могли бы войдти въ голову русскаго человѣка послѣдней половины XVII столѣтія, когда еще не появлялась и знаменитая книжица, рекомая: «Приклады, какъ пишутся комплименты разные на нѣмецкомъ языкѣ,

то есть писанія отъ потентатовъ къ потентатамъ поздравительные и сожалѣтельные, и иные; такожде между сродниковъ и пріятелей». Къ слабымъ сторонамъ романа принадлежитъ и его направленіе, происходящее отъ охоты автора приходить въ восторгъ отъ всякихъ старинныхъ обычаевъ и нравовъ, даже самыхъ нелѣпыхъ, невѣжественныхъ и варварскихъ, и ими, кстати и некстати, колоть глаза современнымъ обычаямъ и нравамъ. Впрочемъ, это недостатокъ не важный: гдѣ авторъ рисуетъ старину не правдоподобно, невѣрно, слабо, тамъ онъ, разумѣется. не производитъ на читателя никакого впечатлѣнія, кромѣ скуки; тамъ же, гдѣ онъ изображаетъ «доброе старое время» въ его истинномъ видѣ, какъ писатель съ талантомъ,— тамъ онъ всегда достигаетъ результата, совершенно противуположнаго тому, котораго добивается, т. е. разубѣждаетъ читателя именно въ томъ, въ чемъ хочетъ его убѣдить, и наоборотъ. И это лучшія страницы романа, написанныя съ замѣчательнымъ талантомъ и отличающіяся большимъ интересомъ, какъ, напр., картина Земскаго приказа и достойнаго подьяка, Ануфрія Трифоныча; разсказъ прикащика Буйносова о пропажѣ его дочери въ глазахъ семи нянекъ и полусотни челядинцевъ, а главное—картина суда на татарскій манеръ,—суда, гдѣ, въ лицѣ боярина Куродавлева и пришедшихъ къ нему судиться двухъ мужиковъ, выказывается вся прелесть нѣкоторыхъ изъ старинныхъ нравовъ. Къ числу хорошихъ сторонъ новаго романа г. Загоскина должно отнести еще вообще не дурно, а мѣстами и прекрасно очерченные характеры раскольниковъ: Андрея Поморянина, старца Пафнутія, отца Филиппа и Волосатаго старца, и боярина Куродавлева, добровольнаго мученика мѣстнической спѣси. Но всѣхъ ихъ лучше обрисованъ Андрей Поморянинъ. Нельзя не пожалѣть, что г. Загоскинъ занимаетъ въ своемъ романѣ вниманіе читателя больше безцвѣтною и скучною любовью своего героя.

нежели картинами нравовъ и историческихъ событій этой интересной эпохи. Языкъ новаго романа г. Загоскина, какъ и всѣхъ прежнихъ его романовъ, вездѣ ясенъ, простъ, плавенъ, мѣстами одушевленъ и живъ.

Вторая книга «Петербургскихъ Вершинъ» г. Буткова показалась намъ гораздо лучше первой, хотя и первую мы не нашли дурною. По нашему мнѣнію, у г. Буткова нѣтъ таланта для романа и повѣсти, и онъ очень хорошо дѣлаетъ, оставаясь всегда въ предѣлахъ свойственнаго ему одному рода дагерротипическихъ разсказовъ и очерковъ. Это не творчество, не поэзія, но это стóитъ творчества. поэзіи. Разсказы и очерки г. Буткова относятся къ роману и повѣсти, какъ статистика къ исторіи, какъ дѣйствительность къ поэзіи. Въ нихъ мало фантазіи, зато много ума и сердца; мало юмору, зато много ироніи и остроумія, источникъ которыхъ симпатичная душа. Можетъ быть талантъ г. Буткова односторонenъ и не отличается особеннымъ объемомъ; но дѣло въ томъ, что можно имѣть талантъ и многостороннѣе и больше таланта г. Буткова — и напоминать имъ о существованіи то того, то другаго еще бóльшаго таланта; тогда какъ талантъ г. Буткова никого не напоминаетъ — онъ совершенно самъ по себѣ. Вотъ почему особенно любуемся мы имъ и уважаемъ его. Разсказы, очерки, анекдоты—называйте ихъ, какъ хотите—г. Буткова представляютъ собою какой-то особенный родъ литературы доселѣ небывалый. Съ большимъ удовольствіемъ замѣтили мы, что въ этой второй книжкѣ г. Бутковъ рѣже впадаетъ въ каррикатуру, меньше употребляетъ странныхъ словъ, что языкъ его сталъ точнѣе, опредѣленнѣе, и содержаніе еще болѣе проникнулось мыслію и истиною, чѣмъ было все это въ первой книжкѣ. Это значитъ идти впередъ. Отъ души желаемъ, чтобы третья книжка «Петербургскихъ Вершинъ» поскорѣе вышла.

Обращаясь къ замѣчательнымъ произведеніямъ беллетри-

стической прозы, являвшимся въ сборникахъ и журналахъ прошлаго года, — взглядъ нашъ прежде всего встрѣчаетъ «Бѣдныхъ Людей», романъ, вдругъ доставившій большую извѣстность до того времени совершенно неизвѣстному въ литературѣ имени. Впрочемъ, объ этомъ произведеніи было такъ много говорено во всѣхъ журналахъ, что новые подробные толки о немъ уже не могутъ быть интересны для публики. И потому, мы не будемъ слишкомъ распространяться объ этомъ предметѣ. Сила, глубина и оригинальность таланта г. Достоевскаго была признана тотчасъ же всѣми, и—что̀ еще важнѣе — публика тотчасъ же обнаружила ту неумѣренную требовательность въ отношеніи къ таланту г. Достоевскаго и ту неумѣренную нетерпимость къ его недостаткамъ, которыя имѣетъ свойство возбуждать только сильный талантъ. Почти всѣ единогласно нашли въ «Бѣдныхъ Людяхъ» г. Достоевскаго способность утомлять читателя, даже восхищая его, и приписали это свойство, одни — растянутости, другіе — неумѣреной плодовитости. Дѣйствительно, нельзя не согласиться, что еслибы «Бѣдные Люди» явились хотя десятою долею въ меньшемъ объемѣ, и авторъ имѣлъ бы предусмотрительность поочистить ихъ отъ излишнихъ повтореній однихъ и тѣхъ же фразъ и словъ,—это произведеніе явилось бы безукоризненно-художественнымъ. Во второй книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» г. Достоевскій вышелъ на судъ заинтересованной имъ публики со вторымъ своимъ романомъ: «Двойникъ. Приключеніе господина Голядкина». Хотя первый дебютъ молодаго писателя уже достаточно угладилъ ему дорогу къ успѣху, однако должно сознаться, что «Двойникъ» не имѣлъ никакого успѣха въ публикѣ. Если еще нельзя на этомъ основаніи осудить второе произведеніе г. Достоевскаго, какъ неудачное и, еще менѣе, какъ неимѣющее никакихъ достоинствъ,—то нельзя также и признать судъ публики неосновательнымъ. Въ «Двойникѣ» авторъ обнаружилъ огро-

мную силу творчества, характеръ героя концепированъ глубоко и смѣло, ума и истины въ этомъ произведеніи много, художественнаго мастерства тоже; но вмѣстѣ съ этимъ тутъ видно страшное неумѣнье владѣть и распоряжаться экономически избыткомъ собственныхъ силъ. Все, что въ «Бѣдныхъ Людяхъ» было извинительными для перваго опыта недостатками, въ «Двойникѣ» явилось чудовищными недостатками, и это все заключается въ одномъ: въ неумѣньѣ богатаго силами таланта опредѣлять разумную мѣру и границы художественному развитію задуманной имъ идеи. Попробуемъ объяснить нашу мысль примѣромъ. Гоголь такъ глубоко и живо концепировалъ идею характера Хлестакова, что легко бы могъ сдѣлать его героемъ еще цѣлаго десятка комедій, въ которыхъ Иванъ Александровичъ являлся бы вѣрнымъ самому себѣ, хотя и совершенно въ новыхъ положеніяхъ: какъ женихъ, мужъ, отецъ семейства, помѣщикъ, старикъ и т. д. Эти комедіи, нѣтъ сомнѣнія, были бы такъ же превосходны, какъ и «Ревизоръ», но уже такого, какъ онъ, успѣха имѣть не могли бы, а скорѣе бы наскучили, нежели нравились, потому что все уха да уха, хотя бы и «Демьянова», пріѣдается. Какъ скоро поэтъ выразилъ своимъ произведеніемъ идею, его дѣло сдѣлано, и онъ долженъ оставить въ покоѣ эту идею, подъ опасеніемъ наскучить ею. Другой примѣръ на тотъ же предметъ: что можетъ быть лучше двухъ сценъ, выключенныхъ Гоголемъ изъ его комедіи, какъ замедлявшихъ ея теченіе? Сравнительно, онѣ не уступаютъ въ достоинствѣ ни одной изъ остальныхъ сценъ комедіи; почему же онъ выключилъ ихъ?—Потому, что онъ въ высшей степени обладаетъ тактомъ художественной мѣры и не только знаетъ, съ чего начать и гдѣ остановиться, но и умѣетъ развить предметъ ни больше, ни меньше того, сколько нужно. Мы убѣждены, что еслибы г. Достоевскій укоротилъ своего «Двойника», по крайней мѣрѣ, цѣлою третью, повѣсть его могла

бы имѣть успѣхъ. Но въ ней есть еще и другой существенный недостатокъ; это ея фантастическій колоритъ. Фантастическое въ наше время может̀ъ имѣть мѣсто только въ домахъ умалишенныхъ, а не въ литературѣ, и находиться въ завѣдываніи врачей, а не поэтов̀ъ. По всѣмъ этимъ причинамъ, «Двойникъ» оцѣнили только не многіе диллетанты искусства, для которыхъ литературныя произведенія составляютъ предметъ не одного наслажденія, но и изученія. Публика же состоитъ не изъ диллетантовъ, а изъ обыкновенныхъ читателей, которые читаютъ только то, что̀ имъ непосредственно нравится, не разсуждая, почему имъ это нравится, и тотчасъ закрываютъ книгу, какъ скоро она начинаетъ ихъ утомлять, тоже не давая себѣ отчета, почему она имъ не по вкусу. Произведеніе, которое нравится знатокамъ и не нравится большинству, можетъ имѣть свои достоинства; но истинно хорошее произведеніе есть то, которое нравится обѣимъ сторонамъ, или, по крайней мѣрѣ, нравясь первой, читается и второю; Гоголь не всѣмъ нравился, да прочли-то его всѣ...

Въ десятой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» появилось третье произведеніе г. Достоевскаго, повѣсть «Господинъ Прохарчинъ», которая всѣхъ почитателей таланта г. Достоевскаго привела въ непріятное изумленіе. Въ ней сверкаютъ искры таланта, но въ такой густой темнотѣ, что ихъ свѣтъ ничего не даетъ разсмотрѣть читателю.... Не вдохновеніе, не свободное и наивное творчество породило эту странную повѣсть, а что-то въ родѣ... какъ бы это сказать? — не то умничанья, не то претензіи.. иначе она не была бы такою вычурною, манерною, непонятною, болѣе похожею на какое нибудь истинное, но странное и запутанное происшествіе, нежели на поэтическое созданіе. Въ искусствѣ не должно быть ничего темнаго и непонятнаго; его произведенія тѣмъ и выше такъ называемыхъ «истинныхъ происшествій», что поэтъ освѣщаетъ пламен

никомъ своей фантазіи всѣ сердечные изгибы своихъ героевъ, всѣ тайныя причины ихъ дѣйствій, снимаетъ съ разсказываемаго имъ событія все случайное, представляя нашимъ глазамъ одно необходимое, какъ неизбѣжный результатъ достаточной причины. Мы не говоримъ уже о замашкѣ автора часто повторять какое-нибудь особенно удавшееся ему выраженіе (какъ, напримѣръ, «Прохарчинъ мудрецъ!») и тѣмъ ослаблять силу его впечатлѣнія: это недостатокъ второстепенный и, главное, поправимый. Замѣтимъ мимоходомъ, что у Гоголя нѣтъ такихъ повтореній. Конечно, мы не въ правѣ требовать отъ произведенія г. Достоевскаго совершенства произведеній Гоголя; но тѣмъ не менѣе думаемъ, что большому таланту весьма полезно пользоваться примѣромъ еще бо̀льшаго.

Къ замѣчательнымъ произведеніямъ легкой литературы прошлаго года принадлежатъ помѣщенныя въ «Отечественныхъ Запискахъ» повѣсти: «Небывалое въ быломъ, или былое въ небываломъ», Луганскаго, и «Деревня», г. Григоровича. Оба эти произведенія имѣютъ между собою то общее свойство, что они интересны не какъ повѣсти, а какъ мастерскіе физіологическіе очерки бытовой стороны жизни. Мы не скажемъ, чтобы собственно повѣсть Луганскаго не имѣла интереса; мы хотимъ только сказать, что она гораздо интереснѣе своими отступленіями и аксессуарами, нежели своею романическою завязкою. Такъ, напримѣръ, превосходная картина избы съ рѣзными окнами, въ сравненіи съ малороссійскою хатою, лучше всей повѣсти, хотя входитъ въ нее только эпизодомъ и ни чѣмъ внутренно не связана съ сущностью ея содержанія. Вообще, въ повѣстяхъ Луганскаго всего интереснѣе подробности, и «Небывалое въ быломъ, или былое въ небываломъ» въ особенности богато интересными частностями, помимо общаго интереса повѣсти, которая служитъ тутъ только рамкою, а не картиною, средствомъ, а не цѣлью. Объ этомъ можно

было бы сказать больше, но какъ мы скоро будемъ имѣть случай высказать наше мнѣніе о всей литературной дѣятельности этого писателя, то пока и ограничимся этими немногими строками.

О г. Григоровичѣ мы теперь же скажемъ, что у него нѣтъ ни малѣйшаго таланта къ повѣсти, но есть замѣчательный талантъ для тѣхъ очерковъ общественнаго быта, которые теперь получили въ литературѣ названіе «физіологическихъ». Но онъ хотѣлъ сдѣлать изъ своей «Деревни» повѣсть, и отсюда вышли всѣ недостатки его произведенія, которыхъ онъ легко бы могъ миновать, если бы ограничился безсвязными внѣшнимъ образомъ, но дышущими одною мыслію картинами деревенскаго быта крестьянъ. Неудачна также и его попытка заглянуть во внутреній міръ героини его повѣсти, и вообще изъ его Акулины вышло лицо довольно безцвѣтное и неопредѣленное, именно потому, что онъ старался сдѣлать изъ нея особенно интересное лицо. Къ недостаткамъ повѣсти принадлежатъ также и натянутыя, изысканныя и вычурныя мѣстами описанія природы. Но что касается собственно до очерковъ крестьянскаго быта, это блестящая сторона произведенія г. Григоровича. Онъ обнаружилъ тутъ много наблюдательности и знанія дѣла, и умѣлъ высказать то и другое въ образахъ простыхъ, истинныхъ, вѣрныхъ, съ замѣчательнымъ талантомъ. Его «Деревня»—одно изъ лучшихъ беллетристическихъ произведеній прошлаго года.

Статья Луганскаго: «Русскій Мужикъ», явившаяся въ третьей части «Новоселья», исполнена глубокаго значенія, отличается необыкновеннымъ мастерствомъ изложенія и вообще принадлежитъ къ лучшимъ физіологическимъ очеркамъ этого писателя, котораго необыкновенный талантъ не имѣетъ себѣ соперниковъ въ этомъ родѣ литературы.

Съ шестой книжки «Библіотеки для Чтенія» тянется романъ г. Вельтмана: «Приключенія, почерпнутыя изъ моря

житейскаго», который еще не кончился послѣднею книжкою этого журнала за прошлый годъ. Г. Вельтманъ обнаружилъ въ новомъ своемъ романѣ едва ли еще не больше таланта, нежели въ прежнихъ своихъ произведеніяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и тотъ же самый недостатокъ умѣнія распоряжаться своимъ талантомъ. Въ его «Приключеніяхъ» толпится страшное множество лицъ, изъ которыхъ многія очеркнуты съ необыкновеннымъ мастерствомъ; много поразительно вѣрныхъ картинъ современнаго русскаго быта; но вмѣстѣ съ тѣмъ есть лица неестественныя, положенія натянутыя, и слишкомъ запутанные узлы событій часто разрѣшаются посредствомъ deus ex machina. Все, что есть прекраснаго въ этомъ романѣ, принадлежитъ таланту г. Вельтмана, который, безспорно, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ талантовъ нашего времени; а все, что составляетъ слабыя стороны «Приключеній», вышло изъ намѣреннаго желанія г. Вельтмана доказать превосходство старинныхъ нравовъ передъ нынѣшними. Странное направленіе! Мы нисколько не принадлежимъ къ безусловнымъ почитателямъ современныхъ нравовъ русскаго общества, не менѣе всякаго другаго видимъ ихъ странности и недостатки, и желаемъ ихъ исправленія. Какъ и у славянофиловъ, у насъ есть свой идеалъ нравовъ, во имя котораго мы желали бы ихъ исправленія, но нашъ идеалъ не въ прошедшемъ, а въ будущемъ, на основаніи настоящаго. Впередъ идти можно, назадъ—нельзя, и что бы ни привлекало насъ въ прошедшемъ, оно прошло безвозвратно. Мы готовы согласиться, что молодые купчики, которые кутятъ на новый ладъ и лучше умѣютъ проматывать нажитое отцами, нежели пріобрѣтать сами,—мы согласны, что они страннѣе и нелѣпѣе своихъ отцовъ, которые упорно держатся старины. Но мы никакъ не можемъ согласиться, чтобы ихъ отцы не были тоже странны и нелѣпы. Молодыя поколѣнія даже купчиковъ выражаютъ собою переходное состояніе своего сословія, переходное отъ

худшаго къ лучшему, но это лучшее окажется хорошимъ только какъ результатъ перехода, а какъ процессъ перехода, оно, разумѣется, скорѣе хуже, нежели лучше стараго. Дѣйствуйте на исправленіе нравовъ сатирою, или—что лучше всякой сатиры—вѣрнымъ ихъ изображеніемъ; но дѣйствуйте не во имя отжившихъ нравовъ, а во имя разума и здраваго смысла, не во имя мечтательнаго и невозможнаго обращенія къ прошедшему, а во имя возможнаго развитія будущаго изъ настоящаго. Пристрастіе, къ чему бы оно ни прилѣпилось—къ старинѣ или новизнѣ, всегда мѣшаетъ достиженію цѣли, потому что невольно вводитъ въ ложь человѣка, самаго страстнаго къ истинѣ и дѣйствующаго по самому благородному убѣжденію. Это и сбылось съ г. Вельтманомъ въ его новомъ романѣ. Онъ придалъ безнравственнымъ лицамъ своего романа такой колоритъ, какъ будто они безнравственны по милости новыхъ нравовъ, а живи-де они въ Кошихинскія времена, то были бы отличнѣйшими людьми. По крайней мѣрѣ, мы считаемъ себя въ правѣ сдѣлать подобное заключеніе изъ того, что авторъ нигдѣ и не думаетъ маскировать своей симпатіи къ старинѣ, своей антипатіи къ новизнѣ. Такъ, напримѣръ, повинуясь истинѣ, онъ безпристрастно показалъ естественныя причины страшнаго богатства купчины Захолустьева; но въ то же время счелъ за необходимое противопоставить ему Селифонта Михѣича, который тоже страшно разбогатѣлъ, но честностью и порядкомъ, а главное потому, что «жилъ по старому русскому обычаю». Желали бы мы знать, что̀ бы наши купцы сказали объ этой утопіи честнаго благопріобрѣтенія огромнаго имѣнія... По мнѣнію г. Вельтмана, русскій человѣкъ, имѣющій несчастіе знать французскій языкъ, есть человѣкъ погибшій... Какихъ, подумаешь, не бываетъ предразсудковъ у людей съ умомъ и талантомъ!...

Герой романа, Дмитрицкій—нѣчто въ родѣ Ваньки Каина новыхъ временъ, или того, что̀ Французы называютъ che-

valier d'industrie, лицо очень возможное и вообще мастерски очерченное авторомъ. Зато героиня, Саломея Петровна, которой выпала невыгодная роль представительницы и жертвы новѣйшихъ нравовъ и знанія французскаго языка,—лицо совершенно сказочное. Сначала она является жеманницею. холодною лицемѣркою, до пошлости неискусною актрисою. а потомъ самою страстною женщиною, какую только можно вообразить. Дѣйствіе романа презапутанное, въ немъ столько эпизодовъ, сколько лицъ, а лицамъ, какъ мы сказали, счету нѣтъ. Какъ только является новое лицо, авторъ безъ церемоніи бросаетъ героя и героиню и начинаетъ разсказывать читателю исторію этого новаго лица, со дня его рожденія, а иногда и со дня рожденія его родителей, по день его появленія въ романѣ. Большая часть изъ этихъ вводныхъ лицъ изображены или очеркнуты съ большимъ искусствомъ. Ходъ романа очень интересенъ, въ событіяхъ много истины; но въ то же время и много невѣроятностей. Когда автору нѣтъ средства естественно развязать узелъ завязки. или завязать новый, у него сейчасъ является deus ex machina. Таково, напр., похищеніе Саломеи холопами Филиппа Савича, помѣщика кіевской губерніи—самая невѣроятная романическая натяжка, на какую только когда-либо рѣшался писатель съ талантомъ. Такихъ сказочныхъ невѣроятностей особенно много въ событіяхъ жизни Дмитрицкаго; ему все удается, онъ всегда выходитъ съ выгодою для себя изъ самаго затруднительнаго, самаго невыгоднаго положенія. Пріѣзжаетъ въ Москву безъ бумагъ, съ однимъ червонцемъ, останавливается въ гостинницѣ, пьетъ, ѣстъ на широкую ногу, и вдругъ судьба посылаетъ ему литературщика, который принялъ его за литератора, занимавшаго еще вчера этотъ же самый номеръ гостинницы, везетъ его къ себѣ. предлагаетъ у себя квартиру, даетъ денегъ. Все это дѣлается по щучью велѣнью, а по моему прошенью и доказываетъ, что у г. Вельтмана больше таланта для частно-

стей и подробностей, нежели для созданія чего-нибудь цѣлаго, больше наклонности къ сказкѣ, нежели къ роману, и что системы и теоріи много дѣлаютъ вреда его замѣчательному таланту...

Упомянувши еще о «Венгерцахъ» физіологическомъ очеркѣ, въ «Финскомъ Вѣстникѣ», мы окончимъ нашъ перечень всего особенно замѣчательнаго, что̀ явилось въ прошломъ году по части изящной словесности. Перечень этотъ вышелъ не великъ *); обо многомъ мы не хотимъ упоминать вовсе не потому, чтобы во всемъ, о чемъ умалчиваемъ, видѣли мы одно дурное и ничего хорошаго, но потому, что считали нужнымъ говорить только объ особенно замѣчательномъ.

«Воспоминанія Ѳаддея Булгарина (Отрывки изъ видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго въ жизни)», не принадлежа собственно ни къ ученой, ни къ поэтической, но къ такъ-называемой легкой литературѣ, есть книга въ многихъ отношеніяхъ интересная и замѣчательная. По поводу недавно вышедшей третьей части этого сочиненія, мы выскажемъ ниже наше о немъ мнѣніе, а пока ограничимся однимъ упоминовеніемъ.

Къ числу такого же рода произведеній отнесли бы мы и «Записки Доктора» сочиненіе г. Малиновскаго, если бы эти записки больше были вѣрны своей прекрасной цѣли, и больше походили на записки, нежели на мелодраму въ формѣ неудавшагося романа, написаннаго безъ таланта, безъ умѣнія и такту.

---

*) Это произошло частію оттого, что множество замѣчательныхъ белльлетристическихъ произведеній, особенно повѣстей, должно бъ было появиться въ прошломъ году въ одномъ огромномъ сборникѣ, предполагавшемся къ изданію. Но по случаю „Современника", литераторъ, предпринимавшій изданіе этого сборника, счелъ за лучшее оставить свое предпріятіе и передать „Современнику" собранныя имъ статьи.

Отъ чисто-литературныхъ произведеній переходя къ сочиненіямъ ученаго или серьёзнаго содержанія, начнемъ съ того что̀ сдѣлано было въ прошломъ году по части Русской исторіи. Скажемъ здѣсь кстати, что въ «Современникѣ» будетъ обращено особенное вниманіе на этотъ предметъ. Кромѣ статей по части Русской исторіи, журналъ нашъ, не обѣщая своимъ читателямъ полной библіографіи по другимъ частямъ, будетъ представлять отзывы обо всемъ, что̀ будетъ являться сколько-нибудь замѣчательнаго по части Русской исторіи *)...

«Исторія русской словесности, преимущественно древней, — XXXIII публичныя лекціи г. Шевырева» (доселѣ вышло двѣ части), принадлежитъ къ замѣчательнымъ явленіямъ ученой русской литературы прошлаго года. Въ этомъ сочиненіи авторъ обнаружилъ короткое знакомство съ источниками, обширную начитанность, словомъ, эрудицію, которая сдѣлала бы честь самому кропотливому нѣмецкому гелертеру. При этомъ, оно отличается глубокимъ и искреннимъ убѣжденіемъ, самою наивною добросовѣстностью, которыя, однакожь, не помѣшали трудолюбивому и почтенному профессору представлять факты въ самомъ неистинномъ видѣ. Это странное явленіе будетъ очень понятно, если взять въ соображеніе, какую ужасную силу имѣетъ надъ здравомысліемъ человѣка духъ системы, обаяніе готовой идеи, еще прежде изученія фактовъ принятой за непреложно-истинную. Вотъ причина, почему г. Шевыревъ въ духовныхъ сочиненіяхъ древней и старой Руси непремѣнно хочетъ видѣть произведенія народной словесности, а въ русскомъ сказочномъ витязѣ Ильѣ Муромцѣ находитъ что-то общее съ Сидомъ, рыцарственнымъ героемъ національныхъ испанскихъ романсовъ... Вѣдь ученый и трудо-

*) Слѣдующее за симъ въ этой статьѣ 1-го № „Современника“ о русской исторической литературѣ написано г. Кавелинымъ и помѣщено во второй части Собранія его сочиненій, стр. 299—315.

любивый Венелинъ находилъ же Атиллу Славяниномъ, а въ Меровингахъ франкскихъ видѣлъ славянскихъ «мировыхъ» или «міровыхъ»—не помнимъ, право... Это доказываетъ, что господа ученые, платя дань человѣческой слабости, бываютъ подвержены такимъ же странностямъ, какъ и самые простые, вовсе безграмотные люди... Можетъ-быть, это происходитъ оттого, что они, какъ говоритъ простой народъ, зачитываются, и у нихъ умъ за разумъ заходитъ; можетъ-быть, это происходитъ и отъ другихъ причинъ—не знаемъ; но знаемъ только то, что духъ системы и доктрины имѣетъ удивительное свойство омрачать и фанатизировать даже самые свѣтлые умы... Впрочемъ, книга г. Шевырева, внѣ своего славянофильскаго направленія, имѣетъ много достоинствъ, какъ памятникъ примѣрнаго трудолюбія и добросовѣстной, хотя и односторонней, учености. Болѣе всего важны примѣчанія, которыми снабжена она и куда отнесены авторомъ самые интересные факты, которые съ особеннымъ упорствомъ отказались свидѣтельствовать въ пользу любимыхъ идей его. Замѣчательна еще книга г. Шевырева и тѣмъ, что подала поводъ къ четыремъ прекраснымъ критическимъ статьямъ (въ «Отечественныхъ Запискахъ» №№ 5 и 12, въ «Библіотекѣ для Чтенія» и «Финскомъ Вѣстникѣ»).

Къ числу блистательнѣйшихъ пріобрѣтеній по части учебной русской литературы вообще, а не одного прошлаго года, принадлежитъ вышедшее въ прошломъ году второе отдѣленіе второй части «Руководство къ Всеобщей Исторіи» — сочиненіе профессора Лоренца. Этою книжкою заключается средняя исторія. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ продолженія и окончанія этого превосходнаго труда.

«Исторія Консульства и Имперіи». Тьера, появилась въ двухъ переводахъ. Вышла шестая часть «Всемірной Исторіи» Беккера.

«Нравы, Обычаи и Памятники всѣхъ народовъ Земнаго

Шара», изданіе гг. Семена и Стойковича, превосходными иллюстрированными картинами и политипажами, и вообще типографскимъ изяществомъ затмило собою всѣ когда-либо являвшіяся въ Россіи такъ называемыя великолѣпныя изданія. Содержаніе книги соотвѣтствуетъ ея внѣшнему достоинству и—что даетъ ей особенную важность — есть не переводъ, а почти оригинальный трудъ двухъ русскихъ литераторовъ, которые, пользуясь иностранными источниками, умѣли придать ему достоинство одушевленнаго одною идеею сочиненія. Въ вышедшей книгѣ содержится описаніе Индустана, сдѣланное г. Тютчевымъ, и Заганскаго полуострова, сдѣланное г. Стойковичемъ. Во второй книгѣ издатели обѣщаютъ описаніе Китая и Японіи.

Въ журналахъ прошлаго года было очень много интересныхъ статей ученаго содержанія, оригинальныхъ и переводныхъ. Изъ первыхъ въ особенности можно указать на: седьмое и восьмое «Письма объ изученіи природы», Искандера; «Кочующіе и осѣдло-живущіе въ Астраханской губерніи инородцы», барона Ѳ. А. Бюлера; «Европейскія желѣзныя дороги, въ историческомъ, географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ» (въ «Отечественныхъ Запискахъ»); «Нога и рука человѣка», С. С. Куторги (въ «Библіотекѣ для Чтенія»); «Жизнь и нравы змѣй; Жизнь и нравы пауковъ», г. Ушакова (въ «Финскомъ Вѣстникѣ»). Изъ переводныхъ статей особенно замѣчательна—«Оливеръ Кромвель» (въ «Отечественныхъ Запискахъ»). Знаменитое ученое твореніе Гумбольдта было переведено въ «Отечественныхъ Запискахъ» подъ именемъ «Космоса», а въ «Библіотекѣ для Чтенія» подъ именемъ «Козмоса». Нельзя не отдать справедливости обоимъ журналамъ за ихъ поспѣшность познакомить русскую публику съ произведеніемъ великаго ученаго, столь важнымъ по предмету и написаннымъ популярно; но едва ли оба журнала достигли своей цѣли. Популярность изложенія Гумбольдта чисто-нѣмецкая,

слѣдовательно, вполнѣ доступная только людямъ, спеціяльно занимающимся естественными науками и астрономіею. Въ этомъ отношеніи, гораздо полезнѣе перевода обоихъ журналовъ была статья въ «Сѣверной Пчелѣ» (№№ 175—180): «Александръ Гумбольдтъ и его Вселенная (Kosmos)». Не знаемъ, откуда переведена или кѣмъ написана она, но непосвященныхъ въ таинства науки она знакомитъ съ книгою Гумбольдта больше и лучше, нежели переводы этой книги въ обоихъ журналахъ. Въ «Финскомъ Вѣстникѣ» переводится знаменитое твореніе Тьери: «Завоеваніе Англіи Норманнами». Это сочиненіе, конечно, не ново вездѣ, кромѣ Россіи, и оттого мысль «Финскаго Вѣстника» перевесть его заслуживаетъ похвалы и благодарности.

Въ послѣднее время много стало появляться книгъ, брошюръ и статей по спеціяльнымъ предметамъ. Конечно, истинно хорошихъ между ними еще мало, но всѣ онѣ важны, какъ свидѣтельство дѣльнаго направленія литературы. Такъ, напр., въ прошломъ году вышли весьма замѣчательныя книги, которыя мы только поименуемъ, такъ какъ о нихъ было уже много говорено въ журналахъ: первая книга «Записокъ Русскаго Географическаго Общества»; третья часть «Исторіи Смутнаго времени», г. Бутурлина; «Объ источникахъ и употребленіи статистическихъ свѣдѣній», г. Журавскаго; «Нижегородская ярмарка въ 1843, 1844 и 1845 годахъ», г. Мельникова, и пр. Особенно пріятно видѣть, что появляется довольно много книгъ, брошюръ и статей, касающихся не только сельскаго хозяйства, въ его техническомъ значеніи, но и быта того многочисленнаго класса людей, который играетъ такую великую роль въ отношеніи къ сельскому хозяйству, какъ живая и разумная производящая сила. Особенно заслуживаетъ вниманія въ 103 № «Московскихъ Вѣдомостей», превосходная статья С. А. Маслова — «Жаръ и Жатва Хлѣба (Лѣтнія замѣтки въ Московской губерніи)». Эта замѣчательная статья, за ко-

торую почтеннаго автора благословитъ всякій другъ человѣчества, была перепечатана почти во всѣхъ журналахъ, издающихся отъ правительственныхъ вѣдомствъ.

Мы не упомянули о нѣсколькихъ замѣчательныхъ книгахъ, показавшихся въ концѣ прошлаго года, для того, чтобы начать съ нихъ отдѣлъ Критики и Библіографіи «Современника». Но прежде скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ отдѣлѣ нашего журнала. Почти во всѣхъ другихъ журналахъ, критика составляетъ особый отъ библіографіи отдѣлъ. Пишущій эти строки семилѣтнимъ тяжкимъ опытомъ дозналъ невыгоду такого раздѣленія. Подъ критикой разумѣется статья извѣстнаго объема и даже особеннаго отъ рецензіи тона. Замѣчательныхъ книгъ, подлежащихъ вѣдомству серьёзной критики, у насъ выходитъ такъ мало, что обязанность писать по критикѣ каждый мѣсяцъ поневолѣ дѣлается чѣмъ-то въ родѣ тяжелой поставки; ибо много замѣчательнаго печатается въ журналахъ. Поэтому, представляя отчеты наши публикѣ о всѣхъ болѣе или менѣе примѣчательныхъ явленіяхъ русской литературы, мы не будемъ нисколько заботиться, что̀ выйдетъ изъ нашего разбора—критика или рецензія. Пусть сами читатели наши рѣшаютъ это, каждый по своему вкусу и разумѣнію. Этимъ мы надѣемся доставить имъ услугу, избавивъ журналъ нашъ отъ балласта многословія и надутости, неизбѣжнаго иногда пр двойномъ раздѣленіи критики: на большую, или собственно критику, и малую, или рецензію. Критика наша, какъ мы сказали выше, будетъ обращать вниманіе на всѣ сколько-нибудь замѣчательныя сочиненія по части русской исторіи; за тѣмъ болѣе всего обратитъ она свое вниманіе на произведенія чисто литературныя; но въ отношеніи и къ нимъ, мы не обѣщаемъ полной библіографіи, ибо о книгахъ ничтожныхъ даже отрицательно, по нашему мнѣнію, не стоитъ труда ни писать, ни читать. Мы даже будемъ считать нашею обязанностію, изъ уваженія къ публикѣ и самимъ себѣ,

проходить молчаніемъ дюжинныя произведенія дюжинныхъ писакъ, которые успѣли уже пріобрѣсти себѣ позорную извѣстность, которые, думая вѣрно изображать жизнь какъ она есть, вмѣсто этого изображаютъ вѣрно только себя, такъ какъ они есть, т. е. во всемъ ихъ претензій, ограниченности, бездарности, пошлости и слабоумія. Съ другой стороны, чуждые всякихъ притязаній на энциклопедическую многосторонность познаній, мы не будемъ ничего говорить о спеціяльныхъ сочиненіяхъ, какъ бы ни были они замѣчательны, если они выходятъ изъ круга нашихъ занятій. О книгахъ легкихъ и незначительныхъ будетъ у насъ говориться въ фёльетонѣ «Современника», въ отдѣлѣ смѣси, и отъ времени до времени прилагаться къ его книжкамъ полные библіографическіе списки всѣхъ, безъ исключенія, выходящихъ въ Россіи книгъ на русскомъ языкѣ, съ обозначеніемъ типографіи, формата, числа страницъ и даже по возможности, цѣнъ.

ПОХОЖДЕНІЯ ЧИЧИКОВА ИЛИ МЕРТВЫЯ ДУШИ.

Поэма Н. Гоголя. Изданіе второе. Москва. 1846.

Ни время, ни мѣсто не позволяютъ намъ входить въ подробныя объясненія о «Мертвыхъ Душахъ», тѣмъ болѣе, что это мы непремѣнно сдѣлаемъ въ скоромъ времени, представивъ читателямъ «Современника», можетъ-быть, не одну статью вообще о сочиненіяхъ Гоголя и о «Мертвыхъ Душахъ» въ особенности. Теперь же скажемъ коротко, что, по нашему крайнему разумѣнію и искреннему, горячему убѣжденію, «Мертвыя Души» стоятъ весьма высоко въ руской литературѣ, ибо въ нихъ глубокость живой общественной идеи неразрывно сочеталась съ удивительною художественностью образовъ, и этотъ романъ, почему-то названный поэмою, представляетъ собою произведеніе, столько же

національное, сколько и высоко-художественное. Въ немъ есть свои недостатки, важные и неважные. Къ послѣднимъ относимъ мы неправильности въ языкѣ, который вообще составляетъ столько же слабую сторону таланта Гоголя, сколько его слогъ (стиль) составляетъ сильную сторону его таланта. Важные же недостатки романа «Мертвыя Души» находимъ мы почти вездѣ, гдѣ изъ поэта, изъ художника силится авторъ стать какимъ-то прорицателемъ и впадаетъ въ нѣсколько надутый и напыщенный лиризмъ. Къ счастію, число такихъ лирическихъ мѣстъ незначительно въ отношеніи къ объему всего романа, и ихъ можно пропускать при чтеніи, ничего не теряя отъ наслажденія, доставляемаго самимъ романомъ.

Но къ несчастію, эти мистико-лирическія выходки въ «Мертвыхъ Душахъ» были не простыми случайными ошибками со стороны ихъ автора, но зерномъ, можетъ-быть, совершенной утраты его таланта для русской литературы... Все болѣе и болѣе забывая свое значеніе художника, принимаетъ онъ тонъ глашатая какихъ-то великихъ истинъ, которыя въ сущности отзываются ни чѣмъ инымъ, какъ парадоксами человѣка, сбившагося съ своего настоящаго пути, ложными теоріями и системами, всегда гибельными для искусства и таланта. Такъ, напримѣръ, въ прошломъ году появилась статья Гоголя о переводѣ «Одиссеи» Жуковскимъ, до того исполненная парадоксовъ, высказанныхъ съ превыспренними претензіями на пророческій тонъ, что одинъ бездарный писатель нашелъ себя въ состояніи написать по этому поводу статью, грубую и неприличную по тону, но справедливую и основательную въ опроверженіи парадоксовъ статьи Гоголя. Это опечалило всѣхъ друзей и почитателей таланта Гоголя и обрадовало всѣхъ враговъ его. Но исторія не кончилась этимъ. Второе изданіе «Мертвыхъ Душъ» явилось съ предисловіемъ, которое... которое... испугало насъ еще больше знаменитой въ лѣтописяхъ русской

литературы статьи объ Одиссеѣ. Это предисловіе внушаетъ живыя опасенія за авторскую славу въ будущемъ (въ прошедшемъ она непоколебимо прочна) творца «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ»; оно грозитъ русской литературѣ новою великою потерею прежде времени... Предисловіе это странно само по себѣ, по его тонъ... C'est le ton qui fait la musique, говорятъ Французы... Въ этомъ тонѣ столько неумѣреннаго смиренія и самоотрицанія, что они невольно заставляютъ читателя предполагать тутъ чувства совершенно противоположныя...

«Кто бы ты ни былъ, мой читатель, на какомъ бы мѣстѣ ни стоялъ, въ какомъ бы званіи ни находился, *почтенъ* ли ты высшимъ чиномъ (,) или человѣкъ простаго сословія, но если тебя вразумилъ Богъ грамотѣ и попалась уже тебѣ моя книга, я прошу тебя помочь мнѣ».

Вы думаете, это начало предисловія къ «Путешествію Московскаго купца Трифона Коробейникова съ товарищи въ Іерусалимъ, Египетъ и Синайской горѣ, предпріятое въ 1583 году»?—Нѣтъ, ошибаетесь: это начало предисловія ко второму изданію поэмы «Мертвыя Души»... Но далѣе—

«Въ книгѣ, которая передъ тобой, которую, *вѣроятно*, ты уже прочелъ *) въ ея первомъ изданіи, изображенъ человѣкъ, взятый изъ нашего же государства. Ѣздитъ онъ по нашей Русской землѣ, встрѣчается съ людьми всякихъ сословій, отъ *благородныхъ* до *простыхъ*. Взятъ онъ больше за тѣмъ, чтобы показать недостатки и пороки русскаго человѣка, а не его достоинства и добродѣтели, и всѣ люди, которые окружаютъ его, взяты также за тѣмъ, чтобы показать наши слабости и недостатки; *лучшіе люди и характеры будутъ въ другихъ частяхъ*. Въ книгѣ этой многое описано невѣрно, не такъ, какъ есть и какъ дѣйствительно происходитъ въ Русской землѣ, потому что я не могъ узнать всего: мало жизни человѣка на то, чтобы узнать одному и сотую часть того, что дѣлается въ нашей землѣ. Притомъ, отъ моей собственной оплошности, незрѣлости и поспѣшности, произошло множество всякихъ ошибокъ и

*) Авторъ не шутя думаетъ, что его книгу прочли даже люди простаго сословія.. . Ужь не думаетъ ли онъ, что нарочно для нея выучились они грамотѣ и пустились въ литературу?...

промаховъ, такъ что на каждой страницѣ есть что̀ поправить: *я прошу тебя, читатель, поправить меня. Не пренебреги такимъ дѣломъ.* Какого бы ни былъ ты самъ высокаго образованія и *жизни высокой* (?), и какою бы ничтожною ни показалась въ глазахъ твоихъ моя книга, и какимъ бы ни показалось тебѣ мелкимъ дѣломъ ее исправлять и писать на нее замѣчанія,—я прошу тебя это сдѣлать. А ты, читатель не высокаго образованія и простаго званія, *не считай себя такимъ невѣжею* *), чтобы ты не могъ меня чему-нибудь поучить»,—и пр.

Вслѣдствіе всего этого скромный авторъ нашъ проситъ всѣхъ и каждаго «дѣлать свои замѣтки сплошь на всю его книгу, не пропуская ни одного мѣста ея» и «читать ее не иначе, какъ взявши въ руки перо и положивши листъ почтовой бумаги», а потомъ пересылать къ нему свои замѣтки. Итакъ, мы не можемъ теперь вообразить себѣ всѣхъ русскихъ людей иначе, какъ сидящихъ передъ раскрытою книгою «Мертвыхъ Душъ» на колѣняхъ, съ перомъ въ рукѣ и листомъ почтовой бумаги на столѣ; чернилица предполагается сама собою... Особенно люди не высокаго образованія, «не высокой жизни» и простаго сословія должны быть въ большихъ хлопотахъ: писать не умѣютъ, а надо... Не лучше ли имъ всѣмъ пуститься за-границу для личнаго свиданія съ авторомъ,—вѣдь на словахъ удобнѣе объясниться, чѣмъ на бумагѣ... Оно, конечно, эта поѣздка обойдется имъ дороговько, зато какіе же результаты выйдутъ изъ этого!.. Къ чему весь этотъ фарсъ? спросите вы, читатели. Отвѣчаемъ вамъ словами одного изъ героевъ комедіи Гоголя: «Поди ты, спроси иной разъ человѣка, изъ чего онъ что-нибудь дѣлаетъ»...

Въ этомъ фантастическомъ предисловіи есть весьма утѣшительное извѣщеніе, что «воспослѣдуетъ изданіе новое (т. е. новое изданіе) этой книги, въ другомъ и лучшемъ

*) Вѣроятно, авторъ хотѣлъ сказать—*невѣждою*. Замѣчательно, какъ умѣетъ онъ ободрять простыхъ людей, чтобъ они не пугались его величія...

видѣ». Боже мой, какъ вздорожаютъ тогда первыя два изданія! Вѣдь до этого втораго, «Мертвыя Души» продавались по десяти рублей серебромъ вмѣсто трехъ...

СОЧИНЕНІЯ ОЗЕРОВА. *Изданіе Александра Смирдина. Спб. 1846.*

СОЧИНЕНІЯ ФОНЪ-ВИЗИНА. *Изданіе Александра Смирдина. Спб. 1846.*

Почтенному нашему книгопродавцу, А. Ф. Смирдину, въ продолженіи его долговременной книгопродавческой дѣятельности приходило въ голову много хорошихъ мыслей къ пользѣ русской литературы. Но никогда еще не приходило ему мысли болѣе полезной, дѣльной и вмѣстѣ остроумной, какъ мысль изданія въ маленькомъ и красивомъ форматѣ, сжатою (компактною) печатью, полнаго собранія сочиненій русскихъ авторовъ. Не знаемъ, когда эта богатая мысль озарила впервые его книгопродавческую голову. Это рѣшительно блистательнѣйшая мысль, какая только попадала въ голову русскаго книгопродавца съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ на Руси книгопродавцы!... Конечно, этой мысли нельзя назвать вполнѣ оригинальною: она внушена русской душѣ А. Ф. Смирдина лукавымъ Западомъ, именно—знаменитою библіотекою Шарпантье; но вѣдь ни кому же другому изъ русскихъ книгопродавцевъ, а все ему же, все А. Ф. Смирдину пришло желаніе подражать хорошему чужеземному примѣру... Честь и слава ему за это!...

Въ самомъ дѣлѣ, имѣть въ небольшой, опрятно, даже красиво изданной книжкѣ всѣ сочиненія Озерова, всѣ сочиненія Фонъ-Визина,—кому не пріятно это? а когда подумаешь, что эта книжка, напечатанная сжато, но довольно крупнымъ и весьма четкимъ шрифтомъ, стоитъ всего одинъ рубль серебромъ, то невольно спросишь: да кто же

изъ грамотныхъ людей, занимающихся литературою хотя вскользь, между дѣломъ, для отдыха въ праздное время,— кто же изъ нихъ не купитъ ея? Конечно, сочиненія Ломоносова будутъ состоять изъ трехъ томовъ и, слѣдовательно, стоить три рубли серебромъ; но вѣдь въ каждый изъ этихъ маленькихъ, уютныхъ томовъ войдетъ матеріялу на огромную книжищу обыкновенной печати, а старыя, безобразныя изданія Ломоносова, къ тому же теперь и рѣдкія, стоятъ гораздо дороже. По крайней мѣрѣ, два изъ нихъ, второе и третье, въ шести частяхъ, 1794 и 1803—1804 годовъ, въ каталогѣ Смирдина оцѣнены по шестидесяти рублей; а четвертое, въ 3-хъ частяхъ, 1808 года), явно не полное, въ 35 рублей ассигнаціями!... Послѣ этого упрекайте Русскихъ, что они не читаютъ своихъ старыхъ писателей, особенно, когда сообразите, что у насъ всего менѣе читаютъ богатые и всего болѣе читаютъ бѣдные люди! И потому заслуга А. Ф. Смирдина неоцѣнима! Намъ уже довелось слышать не отъ одного образованнаго человѣка, что, благодаря этому изданію, онъ познакомился съ Озеровымъ и Фонъ-Визинымъ, и, стало-быть, познакомился со временемъ и со всею русскою литературою.

Въ этомъ изданіи мы замѣтили только одинъ недостатокъ, котораго, впрочемъ, нельзя назвать неважнымъ. Старинные писатели должны издаваться со всѣми приложеніями, способствующими къ ихъ изученію. Мы говоримъ не о портретахъ и факсимиле — что необходимо увеличило бы цѣну этихъ изданій и, слѣдовательно, лишило бы одного изъ главныхъ достоинствъ ихъ—дешевизны; но мы говоримъ о біографіи писателя, съ обзоромъ, преимущественно историческимъ и хронологическимъ, всей его литературной дѣятельности. Для этого вовсе не нужно было прилагать большихъ статей: было бы достаточно для одного двухъ, трехъ страницъ, для другого — полулиста печатнаго.

Въ небольшую, но уемистую книжку сочиненій Озерова,

изданную А. Ф. Смирдинымъ, вошло все, что находится въ большомъ изданіи 1818 года сочиненій этого писателя, кромѣ, однакожь, статьи князя Вяземскаго: «О жизни и сочиненіяхъ Озерова», которая какъ будто срослась съ сочиненіями Озерова, заключая въ себѣ сужденіе о нихъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ по уму и таланту современниковъ знаменитаго трагика. Но, можетъ быть, не отъ издателя зависѣло припечатаніе этой статьи къ изданнымъ имъ сочиненіямъ Озерова, въ такомъ случаѣ, хотя и жаль, а дѣлать нечего. Но еще болѣе жаль, уже въ другомъ смыслѣ, что, помѣстивши въ выноскахъ къ мелкимъ стихотвореніямъ Озерова объясняющіе ихъ отрывки изъ стихотвореній современныхъ Озерову поэтовъ, и въ особенности изъ Жуковскаго «Посланія къ Вяземскому и Пушкину», подающаго поводъ думать, что Озеровъ преждевременно погибъ жертвою гнусной зависти, отравившей его дни, — издатель, или тотъ литераторъ, которому поручилъ онъ редакцію изданій, не присовокупилъ къ этому слѣдующей, весьма любопытной и поучительной, потому что справедливой, выписки изъ второй части «Воспоминаній Ѳаддея Булгарина»:

«Въ пребываніе свое въ Петербургѣ, Озеровъ былъ обласканъ Государемъ Императоромъ и всѣми членами Августѣйшаго Семейства, отлично принимаемъ во всѣхъ знатныхъ домахъ, а особенно у А. Л. Нарышкина и А. С. Строгонова. Знаменитый Державинъ ласкалъ его и обходился съ нимъ, какъ съ другомъ; и въ домѣ А. Н. Оленина онъ былъ какъ родной»... «Знавшіе хорошо Озерова: знаменитый баснописецъ И. А. Крыловъ, Н. И. Гнѣдичъ и археологъ Ермолаевъ, сказывали мнѣ, что Озеровъ былъ добрый и благородный человѣкъ, но имѣлъ несчастный характеръ: былъ подозрителенъ, недовѣрчивъ, щекотливъ, раздражителенъ въ высшей степени, притомъ мнителенъ и самолюбивъ до послѣдней крайности. Онъ олицетворялъ собою извѣстный латинскій стихъ: «irritabile genus vatum». Съ такимъ характеромъ невозможно быть счастливымъ ни на какомъ поприщѣ, а на литературномъ этотъ характеръ сущее бѣдствіе. Ни въ комъ люди не ищутъ столько слабостей, какъ въ человѣкѣ, объявив-

шемъ притязанія на славу, т. е. на умъ! Люди все простятъ, но превосходства ума — никогда!»... «До какой степени былъ самолюбивъ Озеровъ? Однажды онъ жестоко заболѣлъ съ горя, что его не пригласили къ А. Л. Нарышкину, когда августѣйшему семейству угодно было посѣтить его дачу, хотя всѣмъ извѣстенъ этикетъ, что при подобныхъ случаяхъ приглашаются только люди по выбору высокихъ посѣтителей. Каждый разъ, когда въ какомъ знатномъ домѣ, гдѣ Озеровъ былъ обласканъ, было какое нибудь собраніе, на которое его не пригласили, онъ почиталъ себя обиженнымъ. Кто, встрѣчаясь съ нимъ, не восхищался его сочиненіями и не осыпалъ его похвалами, тотъ былъ врагъ его, то есть того онъ почиталъ врагомъ. Это почти общая болѣзнь всѣхъ поэтовъ, болѣзнь воображенія, которая, какъ и каждый недугъ, отравляетъ жизнь и сводитъ въ могилу. Озеровъ въ высшей степени страдалъ этимъ недугомъ. —Разумѣется, чѣмъ блистательнѣй былъ успѣхъ трагедій Озерова, тѣмъ виднѣе были въ нихъ черныя пятна. Между стихами счастливыми и благозвучными есть стихи слабые, вялые, натянутые и даже смѣшные; между мыслями высокими, благородными, есть мысли самыя обыкновенныя (lieux communs), доходящія даже до тривіяльности, и между нѣжными, трогательными чувствами, есть приторности, или какъ говорятъ французы: marivaudage a l'eau de rose. Все это въ свое время было замѣчено умною, острою, насмѣшливою молодежью, которая рада каждому случаю похохотать и позабавиться, и все это радовало тѣхъ, которые воображали, что торжество Озерова стѣсняетъ путь ихъ талантамъ, и тѣхъ, которымъ несносны были притязанія Озерова. Еслибъ онъ имѣлъ болѣе твердости и болѣе самостоятельности въ характерѣ, то не обращалъ бы вниманія на эти отдаленныя брызги, не могшія запятнать его славу, и какъ умный человѣкъ, самъ долженъ бы признать великую истину, что человѣкъ не можетъ создать *совершенства*. А Озеровъ мучился! Въ свѣтѣ и въ литературѣ есть всегда услужливые пріятели, которые *изъ усердія* извѣщаютъ васъ о всемъ непріятномъ для васъ, повторяютъ передъ вами, изъ дружбы, что говорено было дурнаго на вашъ счетъ, доставляютъ вамъ писанныя противъ васъ критики и эпиграммы! Это мухи и комары, которые мучатъ и терзаютъ васъ, потому что вы имъ нравитесь. Эти-то мухи и комары безпрестанно раздражали Озерова, и доводили его до отчаянія. Онъ вообразилъ, что онъ гонимъ, преслѣдуемъ завистью, а на дѣлѣ этого вовсе не было. Никто не гналъ и не преслѣдовалъ его. Всѣ люди, достойные уваженія, оказывали ему свое вниманіе и уваженіе, и если были насмѣшки, то въ отдаленіи, и онъ вовсе не

вредили поэту —»... «Нѣтъ сомнѣнія, что у него были завистники, потому что это необходимые спутники въ жизни истиннаго таланта; но еслибъ у Озерова не было клеветниковъ, то это означало бы, что піесы его не имѣли никакого достоинства и успѣха. Но вѣдь эти завистники всегда такъ ничтожны, такъ мелки, что человѣку съ умомъ и характеромъ не стоитъ даже обращать на нихъ вниманіе! Ужели за нѣсколько эпиграммъ и пустыхъ шутокъ не могла вознаградить Озерова любовь къ нему публики и уваженіе всѣхъ дорожившихъ народною славою? Самая заманчивая слава — это слава драматическаго писателя, и ни Расинъ, ни Кребильонъ, ни даже Шиллеръ и Гёте не наслаждались такимъ торжествомъ, какъ нашъ Озеровъ. Все это не могло однакожь успокоить его и составить его счастія! Вездѣ ему видѣлись зависть и злоба! Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это расположеніе зависѣло отъ состоянія его здоровья. Біографы его и поэты, завѣщавшіе исторіи свое состраданіе объ участи поэта, погибшаго отъ *стрѣлъ зависти*, были бы болѣе правы, еслибъ сказали, что онъ лишился жизни отъ болѣзни печени!»...

Смирдинское изданіе сочиненій Фонъ-Визина теперь самое полное, потому что противу Салаевскаго изданія, въ немъ помѣщена комедія «Коріонъ», найденная въ бумагахъ Озерова. Извѣстно, что одинъ журналистъ, не разсмотрѣвъ, что комедія эта съ концомъ, придѣлалъ къ ней конецъ собственной работы... Всѣ изданія Фонъ-Визина, до 1830 года, не полны. Московскій книгопродавецъ г. Салаевъ купилъ у родственниковъ Фонъ-Визина оригинальныя его рукописи, съ собственноручными его поправками и пополненіями, и издалъ ихъ подъ надзоромъ Н. П. Бекетова, въ 1830 году, въ Москвѣ, въ четырехъ толстыхъ томахъ, въ большую восьмушку. Это было самое полное и самымъ добросовѣстнымъ образомъ редактированное изданіе. Въ 1838 году, московскій книгопродавецъ, г. Глазуновъ (Улитинъ) перепечаталъ четыре тома Салаевскаго изданія въ одну книгу, сжатою печатью, въ два столбца, въ четвертую долю листа. Изданіе это полно и исправно; но книга уродливо тонка въ отношеніи къ ея непомѣрной длинѣ и ширинѣ. Все это, да съ прибавленіемъ трехъ-актной комедіи «Ко-

ріонъ», вошло въ небольшую, но уютную и плотную книжку Смирдинскаго изданія сочиненій Фонъ-Визина. Изданіе г. Салаева стоило пятнадцать, а г. Глазунова — десять рублей ассигнаціями: изданіе А. Ф. стоитъ три рубля съ половиною ассигнаціями.

Неизданными изъ литературныхъ трудовъ Фонъ-Визина остаются теперь только переводъ стихами Вольтеровой «Альзиры», рукопись которой, съ собственноручными поправками переводчика, хранится у А. Д. Черткова, да еще прозаическіе переводы:

1. Торгующее дворянство, противоположное дворянству военному, или два разсужденія о томъ, служитъ ли то къ благополучію государства, чтобы дворянство вступало въ купечество? съ прибавленіемъ особливаго о томъ же разсужденія Юсти. Спб. 1766.

2. Слово, говоренное по совершеніи Высочайшаго коронованія Императрицы Екатерины Вторыя, въ публичномъ собраніи Императорскаго Московскаго университета, октября 3 дня 1762 года, профессоромъ Іоганомъ Готфридомъ Рейхелемъ, о томъ, что науки и художества процвѣтаютъ защищеніемъ и покровительствомъ владѣющихъ особъ и великихъ людей въ государствѣ. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва. 1762.

3. Слово похвальное Марку Аврелію, сочиненіе Томаса. переводъ съ французскаго. Спб. 1777.

4. Іосифъ, въ десяти пѣсняхъ, соч. Битобе, перев. съ французскаго, двѣ части. Спб. 1790. Этой книги было шесть изданій.

5. Басни правоучительныя, съ изъясненіями барона Гольберга. Въ каталогѣ Смирдина означено только третье изданіе этой книги 1787 года.

6. Геройская добродѣтель, или жизнь Сиѳа, царя египетскаго, изъ таинственныхъ свидѣтельствъ древняго Египта взятая; сочиненіе аббата Террасона, переводъ съ француз-

скаго. Четыре части. Москва. Первое изданіе въ 1762—1768, второе въ 1787—1788 годахъ.

7. Сидней и Силли, или благодѣяніе и благодарность, англійская повѣсть, сочиненіе Арнода, переводъ съ французскаго. Изданіе второе, въ Москвѣ, 1788 года.

Свéрхъ того, въ каталогѣ Смирдина поименовано слѣдующее оригинальное произведеніе Фонъ-Визина, едва ли кому извѣстное изъ тѣхъ, кому не попадалась въ руки эта рѣдкая и курьезная книжка: «Жизнь нѣкотораго мужа, и перевозъ куріозной души его чрезъ Стиксъ рѣку». Спб. 1791 г. Новое изданіе этого сочиненія, вышедшее въ 1802 году, называется такъ: «Жизнь нѣкоего аввакумскаго скитника, въ Брынскихъ лѣсахъ жительствовавшаго, и куріозный разговоръ души его при перевозѣ чрезъ рѣку Стиксъ». Любопытно было бы познакомиться съ этимъ оригинальнымъ произведеніемъ Фонъ-Визина, и очень жаль, что его нѣтъ въ прекрасномъ Смирдинскомъ изданіи!

Что̀ до его семи переводныхъ трудовъ, конечно, они далеко не такъ интересны, какъ его оригинальныя произведенія, для большинства же публики они вовсе не интересны; но для людей, исторически изучающихъ русскій языкъ и литературу, они не лишены интереса, а для литераторовъ, библіографовъ, критиковъ и журналистовъ могутъ быть необходимыми для справокъ. Право, не мѣшало бы ихъ издать хоть въ особой книгѣ для охотниковъ...

При Смирдинскомъ изданіи «Сочиненій Фонъ-Визина» нѣтъ никакихъ примѣчаній, не говоря уже о біографіи автора. Жаль!

Касательно сочиненій Ломоносова, которыя скоро должны выйдти въ свѣтъ въ такомъ же изданіи, замѣтимъ, что намъ сильно не нравится порядокъ и расположеніе первой части. Если издатель расположилъ его оды не по времени ихъ появленія, а по родамъ: то зачѣмъ же не хотѣлъ помѣстить всѣ стихотворныя произведенія его въ одномъ от-

дѣлъ, но «Петріаду», «Тамиру и Селима» и «Письмо о пользѣ стекла» помѣстилъ между трудами Ломоносова для русской географіи и его похвальнымъ словомъ Петру Великому? Похвальныя слова, по нашему, должны бы слѣдовать тотчасъ за стихотворнымъ отдѣломъ. Равнымъ образомъ удивило насъ, что въ объявленіи о скоромъ выходѣ сочиненій Ломоносова, приложенномъ къ изданію сочиненій Озерова, въ перечнѣ сочиненій Ломоносова мы не нашли его трагедіи «Демофонтъ».

СБОРНИКЪ ГАЗЕТЫ: КАВКАЗЪ. *Издаваемый О. И. Константиновымъ. Первое полугодіе 1846 года. Тифлисъ. 1846.*

Въ послѣднее время Кавказъ особенно обращаетъ на себя глаза всего свѣта, насъ же, Русскихъ, въ особенности. Ввѣренная Высшею властію управленію лица, столько же знаменитаго своими военными, сколько и административными талантами, эта страна прочно утверждается за русскимъ владычествомъ, съ одной стороны силою побѣдоноснаго оружія, съ другой—оружіемъ цивилизаціи. Въ томъ и другомъ отношеніи въ короткое время оказаны огромные успѣхи. Съ прошлаго года въ Тифлисѣ издается гезета «Кавказъ», значеніе которой неоцѣнимо важно въ двухъ отношеніяхъ: съ одной стороны, это изданіе, по своему содержанію столь близкое сердцу даже туземнаго народонаселенія, распространяетъ между нимъ образованныя привычки и даетъ возможность грубыя средства къ разсѣянію замѣнить полезными и благородными; съ другой стороны, газета «Кавказъ» знакомитъ Россію съ самымъ интереснымъ и наименѣе знакомымъ ей краемъ, входящимъ въ ея составъ. Вѣрная своему спеціяльному назначенію, эта газета вполнѣ достигаетъ своей цѣли: ея содержаніе — не-

истощимый магазинъ матеріяловъ для исторіи, географіи, статистики и этнографіи Кавказа. Но какъ сбереженіе листковъ газеты неудобно по ихъ формату, то ея редакторъ, г. Константиновъ, рѣшился перепечатать болѣе важныя статьи въ отдѣльныхъ книжкахъ, по полугодіямъ, на первый разъ только въ числѣ 50-ти экземпляровъ и то не для продажи. О послѣднемъ обстоятельствѣ нельзя не пожалѣть: такую книгу многіе желали бы имѣть, и она не залежалась бы въ книжныхъ лавкахъ.

ВЫБРАННЫЯ МѢСТА ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ СЪ ДРУЗЬЯМИ НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ. *Спб. 1847.*

Это едва-ли не самая странная и не самая поучительная книга, какая когда-либо появлялась на русскомъ языкѣ! Безпристрастный читатель, съ одной стороны, найдетъ въ ней жестокій ударъ человѣческой гордости, а съ другой стороны, обогатится любопытными психологическими фактами касательно бѣдной человѣческой природы... Впрочемъ, нисколько не правъ будетъ тотъ, кѣмъ, при чтеніи этой книги, попеременно стали бы овладѣвать то жестокая грусть, то злая радость,—грусть о томъ, что и человѣкъ съ огромнымъ талантомъ можетъ падать такъ же, какъ и самый дюжинный человѣкъ, радость оттого, что все ложное, натянутое, неестественное, никогда не можетъ замаскироваться, но всегда безпощадно казнится собственною же пошлостію... Смыслъ этой книги не до такой степени печаленъ. Тутъ дѣло идетъ только объ искусствѣ, и самое худшее въ немъ—потеря человѣка для искусства. .

Сколько книгъ является съ эпиграфами, которые нисколько къ нимъ не идутъ и ничего въ нихъ не поясняютъ, и сколько эпиграфовъ такъ и просятся въ эту книгу

которая явилась безъ всякаго эпиграфа! Напримѣръ, какъ бы шелъ къ ней этотъ эпиграфъ: «Суета суетъ и всяческая суета!» или этотъ: «Du sublime au ridicul il n'y a qu'un pas!»... Но не будемъ говорить о томъ, чего въ ней нѣтъ, а обратимся къ тому, что въ ней есть... Изъ предисловія узнаемъ мы, что авторъ былъ боленъ при смерти и написалъ было завѣщаніе. Все это очень обыкновенно и со всякимъ случиться можетъ. Но вотъ что вовсе необыкновенно и чего доселѣ еще ни съ кѣмъ изъ частныхъ лицъ не случалось. Завѣщаніе Н. В. Гоголя, напечатанное въ книгѣ вполнѣ, не заключаетъ въ себѣ никакихъ семейныхъ подробностей, которыя, разумѣется, и не шли бы въ печать, но все состоитъ изъ интимной бесѣды автора съ Россіею... То есть: авторъ говоритъ и наказываетъ, а Россія его слушаетъ и обѣщаетъ выполнить... Тутъ, между прочимъ, говорится, какъ о вѣнцѣ творенія Гоголя, о какой-то «Прощальной повѣсти», написанной имъ въ назиданіе, поученіе и услажденіе высокихъ душъ... Потомъ объявляется, что авторъ сжегъ всѣ свои сочиненія, бывшія у него въ рукописяхъ, какъ безполезныя... Вмѣсто этого проситъ онъ друзей своихъ издать его письма съ 1844 года для пользы тоже высокихъ душъ... Но вотъ конецъ завѣщанія въ подлинныхъ словахъ:

VII. Завѣщаю... но я вспомнилъ, что уже не могу этимъ располагать. Неосмотрительнымъ образомъ похищено у меня право собственности: безъ моей воли и позволенія опубликованъ мой портретъ. По многимъ причинамъ, которыя мнѣ объявлять не нужно, я не хотѣлъ этого, не продавалъ никому права на его публичное изданіе, и отказывалъ всѣмъ книгопродавцамъ, доселѣ приступавшимъ ко мнѣ съ предложеніемъ, и только въ такомъ случаѣ предполагалъ себѣ это позволить, еслибы помогъ мнѣ Богъ совершить тотъ трудъ, которымъ мысль моя была занята во всю жизнь мою, и притомъ такъ совершить его, чтобы всѣ мои соотечественники сказали въ одинъ голосъ, что я честно исполнилъ свое дѣло, и даже пожелали бы узнать черты лица того человѣка, который до времени работалъ въ тишинѣ и не хотѣлъ пользоваться незаслу-

женной извѣстностью. Съ этимъ соединялось другое обстоятельство: *портретъ мой въ такомъ случаѣ могъ распродаться вдругъ во множествѣ экземпляровъ, принеся значительный доходъ тому художнику, который долженъ былъ гравировать его.* Художникъ этотъ уже нѣсколько лѣтъ трудится въ Римѣ надъ гравированіемъ безсмертной картины Рафаэля: Преображеніе Господне. Онъ всѣмъ пожертвовалъ для труда своего, труда убійственнаго, пожирающаго годы и здоровье, и съ такимъ совершенствомъ исполнилъ свое дѣло, подходящее нынѣ къ концу, съ какимъ не исполнялъ еще не одинъ изъ граверовъ. Но, по причинѣ высокой цѣны и малаго числа знатоковъ, эстампъ его не можетъ разойтись въ такомъ количествѣ, чтобы вознаградить его за все; мой портретъ ему помогъ бы. Теперь планъ мой разрушенъ: разъ опубликованное изображеніе кого бы то ни было дѣлается уже собственностью каждаго, занимающагося изданіями гравюръ и литографій. Но еслибы случилось такъ, что, послѣ моей смерти, письма послѣ меня изданныя доставили бы какую-нибудь общественную пользу (хоть бы даже однимъ только чистосердечнымъ стремленіемъ ее доставить), и пожелали бы мои соотечественники увидѣть и портретъ мой, то я прошу всѣхъ таковыхъ издателей благородно отказаться отъ своего права; тѣхъ же моихъ читателей, которые по излишней благосклонности ко всему, что ни пользуется извѣстностію, завели у себя какой-нибудь портретъ мой, прошу уничтожить его тутъ же по прочтеніи сихъ строкъ, тѣмъ болѣе, что онъ сдѣланъ дурно и безъ сходства, и покупать только тотъ, на которомъ будетъ выставлено: гравировалъ Іордановъ. Симъ будетъ сдѣлано по крайней мѣрѣ справедливое дѣло. А еще будетъ справедливѣй, если тѣ, которые имѣютъ достатокъ, станутъ вмѣсто портрета моего покупать самый эстампъ Преображенія Господня, который, по признанію даже чужеземцевъ, есть вѣнецъ гравировальнаго дѣла и составляетъ славу русскую.

Завѣщаніе мое немедленно по смерти моей должно быть напечатано во всѣхъ журналахъ и вѣдомостяхъ, дабы, по случаю невѣдѣнія его, никто не сдѣлался передо мною невинно-виноватымъ, и тѣмъ бы не нанесъ упрека на свою душу».

Изданную теперь книгу «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями» г. Гоголь проситъ своихъ соотечественниковъ прочитать нѣсколько разъ, а достаточныхъ изъ нихъ проситъ онъ покупать ее по нѣскольку экземпляровъ для раздачи тѣмъ, которые сами купить ее не въ состоя-

нія (стр. 3)... Собираясь въ Сирію, на поклоненіе святымъ мѣстамъ, проситъ онъ прощенія у всѣхъ, передъ которыми виноватъ, равно какъ и у тѣхъ, передъ которыми не виноватъ... Въ особенности сознаетъ онъ, что въ его обхожденіи съ людьми всегда было много непріятно-отталкивающаго.

«Отчасти это происходило (говоритъ онъ) оттого, что я избѣгалъ встрѣчъ и знакомствъ, чувствуя, что не могу еще произнести умнаго и нужнаго слова человѣку (пустыхъ же и ненужныхъ словъ мнѣ произносить не хотѣлось), и будучи въ то же время убѣжденъ, что, по причинѣ безчисленнаго множества моихъ недостатковъ, мнѣ было необходимо хотя немного воспитать самого себя въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ людей. *Отчасти же это происходило и отъ мелочнаго самолюбія, свойственнаго только такимъ изъ насъ, которые изъ грязи пробрались въ люди и считаютъ себя въ правѣ спѣсиво глядѣть на другихъ* (стр. 4—5).

За предисловіемъ и завѣщаніемъ слѣдуютъ письма. Въ этихъ письмахъ авторъ изображаетъ себя какъ бы прозрѣвшимъ вслѣдствіе своей болѣзни, исполнившимся духа любви, кротости и, въ особенности, смиренія... Содержаніе ихъ совершенно соотвѣтствуетъ такому духу: это не письма, это скорѣе строгія и иногда грозныя увѣщанія учителя ученикамъ... Онъ поучаетъ, наставляетъ, совѣтуетъ, уличаетъ, упрекаетъ, прощаетъ, и т. д. Къ нему всѣ обращаются съ вопросами, и онъ ни кого не оставляетъ безъ отвѣта. Онъ самъ говоритъ: «Все какимъ-то инстинктомъ обращалось ко мнѣ, требуя помощи и совѣта». Тутъ же, черезъ нѣсколько строкъ: «Въ послѣднее время мнѣ случалось даже получать письма отъ людей, мнѣ почти вовсе незнакомыхъ, и давать на нихъ отвѣты такіе, какихъ бы я не съумѣлъ дать прежде. А между прочимъ (?) я ничуть не умнѣе никого» (стр. 121—122). За тѣмъ слѣдуетъ объясненіе, что эта мудрость произошла отъ болѣзни Въ другомъ письмѣ, давая пріятелю совѣтъ по части хозяйства, авторъ говоритъ: «только раскуси его хорошенько, и не-

будешь въ накладѣ; два человѣка уже благодарятъ меня. одинъ изъ нихъ тебѣ знакомый К** (стр. 159)». Видите ли? онъ самъ сознаетъ себя чѣмъ-то въ родѣ curé du village, или даже и папы своего маленькаго католическаго міра... Послушаемъже его совѣтовъ и подивимся имъ...

Говоря въ письмѣ къ одной дамѣ о значеніи женщины въ свѣтѣ, авторъ открываетъ намъ главную причину лихоимства въ Россіи. Найти причину зла—почти тоже, что найти противъ него лѣкарство. И авторъ «Переписки» нашелъ его... Слушайте: главная причина взяточничества чиновниковъ происходитъ «отъ расточительности ихъ женъ. которыя такъ жадничаютъ блистать въ свѣтѣ, большомъ и маломъ, и требуютъ на то денегъ отъ мужей» (стр. 17)... Признаемся: мы были сильно поражены этимъ страннымъ открытіемъ... Мы, однакожь, не остановились на этомъ. но пошли дальше: думая, да думая, мы надумались. что оно, конечно, хорошо, если чиновницы перестанутъ щеголять и блистать въ свѣтѣ, но что еще будетъ лучше. если онѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, навсегда оставятъ дурную привычку—поутру и вечеромъ пить чай или кофе, а въ полдень обѣдать, равно какъ и другую не менѣе дурную привычку прикрывать наготу свою чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ рогожи или самой дешевой парусины... Тогда бы имъ вовсе не для чего было просить у мужей денегъ, а мужьямъ вовсе не для чего было бы брать даже жалованье, не только взятки.. Исправленіе нравовъ было бы всесовершенное... Съ этимъ могутъ несогласиться только-такъ называемые практическіе люди, которые все понимаютъ не вдохновеніемъ, а здравымъ смысломъ да опытностью... Они могутъ сказать. что до Петра Великаго у насъ не было модъ, и женщины сидѣли взаперти, а взяточничество было, да еще въ несравненно сильнѣйшей степени, чѣмъ теперь... Пожалуй, они могутъ еще сказать, что, хорошо зная человѣческую натуру и ея слабости, они считаютъ рѣшительно невозмож-

нымъ, чтобы у однихъ уничтожить желаніе блистать, когда другіе, по своимъ средствамъ, согласятся скорѣе умереть, нежели перестать блистать; и что если равенство въ средствахъ есть неосуществимая мечта, то никакія «переписки» въ мірѣ не убѣдятъ никакого Ира не желать быть Кресомъ, или не завидовать ему, ибо это внѣ природы человѣческой, а немногія и рѣдкія исключенія тутъ ровно ничего не значатъ. Но мало ли чего могутъ наговорить практическіе люди, да что ихъ слушать! Вѣдь они черпаютъ свои мысли въ разумѣ, разсудкѣ, опытѣ и знаніи—источникахъ мірскихъ, свѣтскихъ и грѣховныхъ!... Эти люди, пожалуй, скажутъ вамъ, что только въ здоровомъ тѣлѣ можетъ обитать здоровая душа, что только не страждущій никакимъ разстройствомъ мозгъ можетъ правильно мыслить... Заткните уши отъ такихъ вольнодумныхъ мыслей и плюньте (любимое выраженіе автора «Переписки») на проповѣдниковъ такой ереси; вотъ что̀ говоритъ объ этомъ нашъ авторъ:

«О, какъ нужны намъ недуги! изъ множества пользъ, которыя я уже извлекъ изъ нихъ, укажу вамъ только на одну: не будь этихъ недуговъ, я бы задумалъ, что сталъ уже такимъ, какимъ слѣдуетъ мнѣ быть. Не говорю уже о томъ, что самое *здоровье, которое безпрестанно подталкиваетъ русскаго человѣка на какіе-то прыжки и желаніе порисоваться своими качествами передъ другими*, заставило бы меня надѣлать уже тысячу глупостей. Притомъ, нынѣ, въ мои свѣжія минуты, которыя даетъ мнѣ милость небесная, и среди самыхъ страданій иногда приходятъ ко мнѣ мысли, несравненно лучшія прежнихъ, *и я вижу самъ, что теперь все, что̀ ни выйдетъ изъ-подъ пера моего, будетъ значительнѣе прежняго*» (стр. 26).

Теперь неоспоримо, какъ дважды два — четыре, что нездоровье лучше здоровья; въ здоровьѣ человѣкъ, особенно русскій, любитъ рисоваться и заноситься, а въ болѣзни онъ ясно видитъ, что прежде онъ дѣлалъ однѣ глупости, а вотъ теперь-то за умъ хватился и сталъ молодецъ хоть куда! Онъ ужь тутъ самъ видитъ, что онъ и пишетъ лучше прежняго, и если весь свѣтъ видитъ это дѣло совершенно

наоборотъ, можно «плюнуть» на весь свѣтъ, брешешь—молъ ты, дуракъ!... Вы думаете, что съ свѣтомъ, даже съ большимъ, нельзя такъ говорить? По крайней мѣрѣ, въ «Выбранныхъ мѣстахъ изъ дружеской переписки» свѣтскіе люди иначе не называются, какъ «глупыми умниками» (стр. 149). Вообще, замѣтимъ кстати, обращеніе нашего смиренномудраго совѣтодателя какъ съ своими адептами, такъ и съ людьми никогда его не знавшими, отличается немножко черезчуръ восточною откровенностію. «Критика (у него) устала и запуталась отъ разборовъ загадочныхъ произведеній новѣйшей литературы, съ горя бросилась въ сторону и, уклонившись отъ вопросовъ литературныхъ, понесла дичь» (стр. 51). Вотъ, чтобы помочь этому горю и направить критику на истинный путь, онъ и написалъ свою превосходную критическую статью «Объ Одессеѣ, переводимой Жуковскимъ»,—статью, въ которой, разумѣется, дичи не было нисколько... Но вотъ черта еще лучше: «Какъ глупы нѣмецкіе умники, выдумавшіе, будто Гомеръ миѳъ, а всѣ творенія его — народныя пѣсни и рапсодіи» (стр. 50). Сколько мы помнимъ, главнымъ поборникомъ этого мнѣнія былъ профессоръ Вольфъ, человѣкъ, конечно, не геніальный, но весьма ученый и со всѣмъ не дуракъ... Но вотъ бѣда: это мнѣніе раздѣлялъ и Гёте, который хотя былъ и нѣмецъ, но дуракомъ ни въ чьихъ глазахъ никогда еще не былъ... Что скажутъ о насъ Нѣмцы, если узнаютъ, что ихъ Гёте былъ не болѣе, какъ—дуракъ!.. А между тѣмъ, воля ваша, а вѣдь оно должно быть такъ, потому что нашъ авторъ не знаетъ ни греческаго языка, столь знакомаго Вольфу и Гёте, да едва-ли знаетъ и по нѣмецки-то, сверхъ того, онъ судитъ не по разуму, не по знанію, а по вдохновенію: изъ всего этого слѣдуетъ, что онъ правъ и что Гёте дѣйствительно дуракъ... Нѣтъ, это дѣло рѣшенное—Гёте дуракъ! Да и что тутъ чиниться съ какими-нибудь Нѣмцами!...

Но вотъ особенно интересное сужденіе автора о славянофилахъ, отличающееся всѣмъ достоинствомъ его патріархальной откровенности:

«Споры о нашихъ европейскихъ и славянскихъ началахъ, которые, какъ ты говоришь, пробираются уже въ гостиныя, показываютъ только то, что мы начинаемъ просыпаться, но еще не вполнѣ проснулись; а потому не мудрено, что съ обѣихъ сторонъ наговаривается весьма много дичи. Всѣ эти Славянисты и Европисты,— или же староверы и нововѣры, или же восточники и западники, — что они въ самомъ дѣлѣ, не умѣю сказать, потому что покамѣстъ они мнѣ кажутся только каррикатурами на то, чѣмъ хотятъ быть,— всѣ они говорятъ о двухъ разныхъ сторонахъ одного и того же предмета, никакъ не догадываясь, что нисколько не спорятъ и не поперечатъ другъ другу. Одинъ подошелъ слишкомъ близко къ строенію, такъ, что видитъ одну часть его; другой отошелъ отъ него слишкомъ далеко, такъ, что видитъ весь фасадъ, но по частямъ не видитъ. Разумѣется, правды больше на сторонѣ Славянистовъ и Восточниковъ, потому что они все-таки видятъ фасадъ и, стало-быть, все-таки говорятъ о главномъ, а не о частяхъ. Но и на сторонѣ Европистовъ и Западниковъ тоже есть правда, потому что они говорятъ довольно подробно и отчетливо о той стѣнѣ, которая стоитъ передъ ихъ глазами; вина ихъ въ томъ только, что изъ-за карниза, вѣнчающаго эту стѣну, не видится имъ верхушка всего строенія, то есть глава, куполъ и все, что ни есть въ вышинѣ. Можно бы посовѣтовать обоимъ—одному попробовать, хоть на время, подойти ближе, а другому отступиться немного подалѣе. Но на это они не согласятся, потому что духъ гордости обуялъ обоими. Всякій изъ нихъ увѣренъ, что онъ окончательно и положительно правъ, и что другой окончательно и положительно лжетъ. Кичливости больше на сторонѣ Славянистовъ: *они хвастуны; изъ нихъ каждый воображаетъ о себѣ, что онъ открылъ Америку, и найденное имъ зернышко раздуваетъ въ рѣпу*. Разумѣется, что такимъ *строптивымъ хвастовствомъ* вооружаютъ они еще болѣе противу себя Европистовъ, которые давно бы готовы были отъ многаго отступиться, потому что и сами начинаютъ слышать многое, прежде неслышанное, но упорствуютъ, не желая уступить слишкомъ раскозырявшемуся человѣку.»

А въ другомъ мѣстѣ вотъ что говоритъ авторъ о томъ же предметѣ:

«Многіе у насъ уже и теперь, особенно между молодежью, стали хвастаться не въ мѣру русскими доблестями, и думаютъ вовсе не о томъ, чтобы ихъ углубить и воспитать въ себѣ, но чтобы выставить ихъ напоказъ и сказать Европѣ: «смотрите, Нѣмцы: мы лучше васъ!» Это хвастовство—губитель всего. Оно раздражаетъ другихъ и наноситъ вредъ самому хвастуну. Наилучшее дѣло можно превратить въ грязь, если только имъ похвалишься и похвастаешь. А у насъ, еще не сдѣлавши дѣла, имъ хвастаются! Хвастаются будущимъ! Нѣтъ, по мнѣ, уже лучше временное уныніе и тоска отъ самого себя, нежели самонадѣянность въ себѣ.»

Но мы начали рѣчь о совѣтахъ, которыми авторъ надѣляетъ своихъ адептовъ; надо кончить эту интересную матерію. Одинъ изъ пріятелей автора посягнулъ на дѣло неслыханной дерзости: онъ рѣшился сказать автору письменно, что, по его мнѣнію, теперь-де самое время для выпуска второй части «Мертвыхъ Душъ»... Подобная дерзость не могла не подѣйствовать нѣсколько смутно на смиреніе нашего автора, — и онъ разразился слѣдующимъ громовымъ отвѣтомъ неосторожному смѣльчаку:

«Вотъ, еслибы ты, вмѣсто того, чтобы предлагать мнѣ пустые запросы (которыми напичкалъ половину письма своего и которые ни къ чему не ведутъ, кромѣ удовлетворенія какого-то празднаго любопытства), собралъ всѣ дѣльныя замѣчанія на мою книгу, какъ твои, такъ и другихъ умныхъ людей, занятыхъ, подобно тебѣ, жизнію опытною и дѣльною, да присоединилъ бы къ этому множество событій и анекдотовъ, какіе ни случались въ околодкѣ вашемъ и во всей губерніи, въ подтвержденіе или въ опроверженіе всякаго дѣла въ моей книгѣ, какихъ можно бы десятками прибрать на всякую страницу, тогда бы ты сдѣлалъ доброе дѣло, и я бы сказалъ тебѣ мое крѣпкое спасибо. Какъ бы отъ этого раздвинулся мой кругозоръ! Какъ бы освѣжилась моя голова, и какъ бы успѣшнѣе пошло мое дѣло! Но того, о чемъ я прошу, никто не исполняетъ: моихъ запросовъ никто не считаетъ важными, а только уважаетъ свои; а иной даже требуетъ отъ меня какой-то искренности и откровенности, не понимая самъ, чего онъ требуетъ. И къ чему это пустое любопытство знать впередъ, и эта пустая ни къ чему неведущая торопливость, которою, какъ я замѣчаю, уже и ты начинаешь заражаться? Смотри, какъ въ природѣ совершается все чинно и мудро, въ какомъ стройномъ законѣ, и какъ все разумно исхо-

ить одно изъ другаго! Одни мы, Богъ вѣсть изъ чего, мечемся. Все торопится, все въ какой-то горячкѣ. Ну, взвѣсилъ ли ты хорошенько слова свои: «второй томъ нуженъ теперь необходимо»? Чтобы я изъ-за того только, что есть противъ меня всеобщее неудовольствіе, сталъ торопиться вторымъ томомъ также глупо, какъ и то, что я поторопился первымъ? Да развѣ ужь я совсѣмъ выжилъ изъ ума? Неудовольствіе это мнѣ нужно; въ неудовольствіи человѣкъ хоть что-нибудь мнѣ выскажетъ. И откуда вывелъ ты заключеніе, что второй томъ именно теперь нуженъ? Залѣзъ ты развѣ въ мою голову? Почувствовалъ существо втораго тома? По твоему онъ нуженъ теперь, а по моему не раньше, какъ черезъ два-три года, да и то еще, принимая въ соображеніе попутный ходъ обстоятельствъ и времени. Кто жь изъ насъ правъ? Тотъ ли, у кого второй томъ уже сидитъ въ головѣ или тотъ, кто даже и не знаетъ, изъ чего состоитъ второй томъ? Какая странная мода теперь завелась на Руси! Самъ человѣкъ лежитъ на боку, къ дѣлу настоящему лѣнивъ, а другаго торопитъ, точно, какъ будто непремѣнно другой долженъ изо всѣхъ силъ тянуть отъ радости, что его пріятель лежитъ на боку. Чуть замѣтятъ, что хотя одинъ человѣкъ занялся серьёзно какимъ-нибудь дѣломъ, ужь его торопятъ со всѣхъ сторонъ, и потомъ его же выбранятъ, если сдѣлаетъ глупо, скажутъ: зачѣмъ поторопился? Но оканчиваю тебѣ поученіе. На твой умный вопросъ я отвѣчалъ, и даже сказалъ тебѣ то, чего досель не говорилъ еще никому. Не думай однако же послѣ этой исповѣди, чтобы я самъ былъ такой же уродъ, каковы мои герои. Нѣтъ, я не похожъ на нихъ. Я люблю добро, я ищу его и сгораю имъ; но я не люблю моихъ мерзостей и не держу ихъ руку какъ мои герои; я не люблю тѣхъ низостей моихъ, которыя отдаляютъ меня отъ добра. Я воюю съ ними, и буду воевать, и изгоню ихъ, и мнѣ въ этомъ поможетъ Богъ, и это вздоръ, что выпустили глупые свѣтскіе умники, будто человѣку только и возможно воспитать себя покуда онъ въ школѣ, а послѣ ужь и черты нельзя измѣнить въ себѣ; только въ *глупой свѣтской башкѣ* могла образоваться такая глупая мысль. Я уже отъ многихъ своихъ гадостей избавился тѣмъ, что передалъ ихъ своимъ героямъ, ихъ осмѣялъ въ нихъ и заставилъ другихъ также надъ ними посмѣяться. Я оторвался уже отъ многаго тѣмъ, что, лишивши картиннаго вида и рыцарской маски, подъ которою выѣзжаетъ козыремъ всякая мерзость наша, поставилъ ее рядомъ съ тою гадостію, которая всѣмъ видна. И когда повѣряю себя на исповѣди передъ Тѣмъ, Кто повелѣлъ мнѣ быть въ мірѣ и освобождаться отъ моихъ недостатковъ, вижу много въ

себѣ пороковъ; но они уже не тѣ, которые были въ прошломъ году. Святая сила помогла мнѣ отъ тѣхъ оторваться. А тебѣ совѣтую не пропустить мимо ушей этихъ словъ, но, по прочтеніи моего письма, остаться одному на нѣсколько минутъ и, отъ всего отдѣлясь, взглянуть хорошенько на самаго себя, перебравши передъ собою всю свою жизнь, чтобы провѣрить на дѣлѣ истину словъ моихъ. Въ этомъ же моемъ отвѣтѣ найдешь отвѣтъ и на другіе запросы, если по пристальнѣе вглядишься. Тебѣ объяснится также и то, почему не выставлялъ я до сихъ поръ читателю явленій утѣшительныхъ, и не избралъ въ мои герои добродѣтельныхъ людей. Ихъ въ головѣ не выдумаешь. Пока не станешь самъ, хотя сколько-нибудь, на нихъ походить, пока не добудешь постоянствомъ и не завоюешь силою въ душу нѣсколько добрыхъ качествъ, мертвечина будетъ все, что ни напишетъ перо твое, и какъ земля отъ неба будетъ далеко отъ правды. Выдумывать кошемаровъ—я также не выдумывалъ; кошемары эти давили мою собственную душу: что было въ душѣ, то изъ нея и вышло».

Но истинный перлъ по совѣтодательной части составляютъ три письма автора. Въ одномъ онъ учитъ мужа и жену жить по супружески. Жалѣемъ, что длиннота этого письма лишаетъ насъ возможности пересказать его содержаніе: это чудо, прелесть, еще ничего не являлось подобнаго на русскомъ языкѣ, и передъ этимъ даже путевыя записки за границею г. Погодина — просто пасъ!... Въ другихъ двухъ письмахъ содержатся преудивительные совѣты помѣщику, какъ управлять своими крестьянами. Въ одномъ изъ нихъ замѣчательнѣе всего совѣтъ касательно сельскаго суда и расправы. Такъ какъ, по мнѣнію автора, въ спорахъ, жалобахъ, неудовольствіяхъ и тяжбахъ всегда бываютъ неправы обѣ стороны, то онъ и рѣшаетъ, что дѣло судьи—наказать обѣ...

Эта мысль (говоритъ онъ), какъ непреложное вѣрованіе, разнеслась повсюду въ нашемъ народѣ. Вооруженный ею, даже простой и неумный человѣкъ получаетъ въ народѣ власть и прекращаетъ ссоры. *Мы* только, *люди высшіе*, не слышимъ ся, потому-что набрались пустыхъ рыцарски-европейскихъ понятій о правдѣ. Мы только споримъ изъ-за того, кто правъ, кто-виноватъ; а если разобрать каждое изъ дѣлъ нашихъ, придешь къ тому же знаменателю:

т. е. оба виноваты. И видишь, что *весьма здраво* поступила комендантша въ повѣсти Пушкина *Капитанская Дочка*, которая, пославши поручика разсудить городскаго солдата съ бабою, подравшихся въ банѣ за деревянную шайку, снабдила его такою инструкціею: Разбери, кто правъ, кто виноватъ, да обоихъ и накажи» (стр. 188).

Въ другомъ письмѣ авторъ совѣтуетъ помѣщику прежде всего не шутя, искренно показать своимъ крестьянамъ, что ему, помѣщику, деньги—нуль.

«Негодяямъ же и пьяницамъ повели, чтобы они оказывали добрымъ мужикамъ такое же уваженіе, какъ бы старостѣ, прикащику, попу, или даже самому тебѣ. Чтобы, когда еще они завидятъ издали примѣрнаго мужика и хозяина, *летѣли бы шапки съ головы у всѣхъ мужиковъ*, и все бы ему давало дорогу, а который посмѣлъ бы оказать ему какое-нибудь неуваженіе, или не послушаться умныхъ словъ его, того распеки тутъ же при всѣхъ; скажи ему: «Ахъ, ты, *невымытое рыло!* Самъ весь зажилъ въ сажѣ, такъ, что и глазъ не видать, да еще не хочешь оказать и чести честному! *Поклонись же ему въ ноги* и попроси, чтобъ навелъ тебя на разумъ; не наведетъ на разумъ—собакой пропадешь» (стр. 158—159).

Хорошъ и этотъ совѣтъ: «Мужика не бей: съѣздить его въ рожу еще не большое искусство: это съумѣетъ сдѣлать и становой, и засѣдатель, и даже староста; мужикъ къ этому уже привыкъ, и только что почешетъ слегка у себя въ затылкѣ» (стр. 160). Затѣмъ авторъ учитъ помѣщика ругаться съ мужиками... Что̀ это такое? гдѣ мы? ужь не перенеслись ли мы въ давно-прошедшія времена?...

Но это еще не все. Вотъ лучшее: «Замѣчанія твои о школахъ совершенно справедливы. Учить мужика грамотѣ за тѣмъ, чтобы доставить ему возможность читать пустыя книжонки, которыя издаютъ для народа европейскіе человѣколюбцы, есть дѣйствительно вздоръ. Главное уже то, что у мужика нѣтъ вовсе для этого времени. Послѣ столькихъ работъ никакая книжонка не полезетъ въ голову—и, пришедши домой, онъ заснетъ, какъ убитый, богатырскимъ сномъ» (стр. 162). Либо пойдетъ въ кабакъ, что̀ онъ и дѣлаетъ нерѣдко... Но не понимаемъ, съ чего взялъ авторъ,

будто народъ бѣжитъ, какъ отъ чорта, отъ всякой письменной бумаги? Бумагъ юридическихъ не любитъ не одинъ нашъ народъ, особенно, если грамотѣ не знаетъ; но грамоты нашъ народъ не боится, напротивъ любитъ ее и бѣжитъ къ ней, а не отъ нея. Пусть попроситъ авторъ своихъ друзей, чтобы они переслали ему отчетъ за 1846 годъ г. Министра Государственныхъ Имуществъ, напечатанный во всѣхъ оффиціяльныхъ русскихъ газетахъ: изъ него увидитъ онъ, какъ быстро распространяется въ Россіи грамотность между простымъ народомъ... А если бы захотѣлъ онъ пожить въ той Россіи, которую такъ расхваливаетъ, живя въ разныхъ нѣмецкихъ земляхъ, и поприглядѣться къ нашему простому народу, о которомъ онъ судитъ такъ рѣшительно, не зная его,—онъ убѣдился бы, что эти быстрые успѣхи въ дѣлѣ распространенія грамотности въ простомъ народѣ основаны именно на глубокой потребности, какую чувствуетъ народъ въ грамотности, и на сильномъ стремленіи, какое онъ оказываетъ къ ученію... Авторъ увидѣлъ бы, какъ часто бородатые русскіе мужички ничего не жалѣютъ для обученія дѣтей своихъ грамотѣ и достигаютъ иногда этой цѣли при всевозможной бѣдности въ средствахъ. Да, эта любовь къ свѣту, выразившаяся въ пословицѣ: ученье—свѣтъ, не ученье—тьма, составляетъ одно изъ лучшихъ и благороднѣйшихъ свойствъ русскаго народа,—и это-то свойство до сихъ поръ не признано въ немъ его близорукими восхвалителями и льстецами, которые, взамѣнъ того, навыдумывали для него множество похвальныхъ качествъ, или не бывалыхъ въ немъ, или составляющихъ еще его темную сторону.

Замѣчательна слѣдующая черта: въ началѣ письма, авторъ совѣтуетъ помѣщику показывать крестьянамъ, искренно, безъ штукъ, что деньги ему ни почемъ, т. е. вовсе не нужны; а въ концѣ письма говоритъ: «Разбогатѣешь ты какъ Крезъ, въ противность тѣмъ подслѣповатымъ людямъ, ко-

торые думаютъ, будто выгоды помѣщика идутъ врознь съ выгодами мужиковъ» (стр. 162)...

Особеннымъ оттѣнкомъ отличаются письма автора къ Жуковскому. Вотъ нѣсколько образчиковъ писемъ этого рода:

«Поведемъ рѣчь о статьѣ, надъ которою произнесенъ смертный приговоръ, т. е. о статьѣ подъ названіемъ: *О лиризмѣ нашихъ поэтовъ.* Прежде всего благодарность за смертный приговоръ! Вотъ уже во второй разъ я спасенъ тобою, о мой истинный наставникъ и учитель! Прошлый годъ твоя же рука остановила меня, когда я уже было хотѣлъ послать Плетневу въ *Современникъ* мои сказанія о русскихъ поэтахъ; теперь ты вновь предалъ уничтоженію новый плодъ моего неразумія. Только одинъ ты меня еще останавливаешь, тогда какъ всѣ другіе торопятъ, неизвѣстно зачѣмъ. Сколько *глупостей* успѣлъ бы я уже надѣлать, еслибы только послушался другихъ моихъ пріятелей... Итакъ, вотъ тебѣ моя благодарственная пѣснь — а затѣмъ обратимся къ самой статьѣ. Мнѣ стыдно, когда помыслю, *какъ до сихъ поръ еще я глупъ* и какъ *не умѣю заговорить ни о чемъ, что поумнѣе. Всего нелѣпѣе выходятъ мысли и толки о литературѣ.* Тутъ какъ-то особенно становится все у меня напыщенно, темно и невразумительно. Мою же собственную мысль, которую не только вижу умомъ, но даже чую сердцемъ, не въ силахъ передать. Слышитъ душа многое, а пересказать или написать ничего не умѣю. Основаніе статьи моей справедливо, а между тѣмъ объяснился я такъ, что всякимъ выраженіемъ вызвалъ на противорѣчіе».

Знаменитая статья: «Объ Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ», вновь является въ этой книгѣ, въ видѣ письма къ Н. М. Я... ву. Вотъ основныя мысли этой удивительной статьи:

I. Для перевода «Одиссеи» необходимо приготовленіе цѣлою жизнію, необходимы въ жизни переводчика разныя внутреннія и внѣшнія событія, поселяющія въ душѣ миръ, гармонію и другія похвальныя качества. Жуковскій вполнѣ соотвѣтствуетъ этимъ «необходимымъ» требованіямъ.

II. Переводчикъ долженъ быть христіаниномъ по преимуществу, ибо язычника Гомера можно проникать и постигать только христіанскимъ чувствомъ. И съ этой стороны Жу-

ковскій больше, нежели удовлетворителенъ. (Нужно ли знать переводчику по гречески и знаетъ ли Жуковскій этотъ языкъ,—объ этомъ, какъ дѣлѣ мірскомъ и, слѣдовательно ничтожномъ, авторъ умалчиваетъ).

III. За то переводъ Одиссеи вышелъ несравненно лучше подлинника.

IV. Переводъ этотъ необходимъ для нашего времени, по причинѣ общаго охлажденія и недоразумѣнія.

V. Одиссея произведетъ у насъ вліяніе, какъ вообще на всѣхъ, такъ и отдѣльно на каждаго.

VI. Ее будутъ у насъ читать: дворяне, мѣщане, купцы, грамотеи и неграмотеи, рядовые солдаты, лакеи, дѣти обоего пола.

VII. Греческій политеизмъ, сирѣчь, многобожіе, не введетъ въ искушеніе нашихъ мужичковъ: они почешутъ у себя въ затылкѣ и сейчасъ смекнутъ въ чемъ дѣло и въ чемъ вздоръ.

VIII. Одиссея произведетъ благодѣтельное вліяніе на нашу литературу: писатели и критики наши перестанутъ нести дичь. Но главное—

IX. Одиссея исправитъ всю нашу цивилизацію, испорченную вліяніемъ Европы, и возвратитъ насъ къ незапамятнымъ былымъ временамъ, помолодитъ насъ десятками тремя вѣковъ... Вѣдь это-то и значитъ идти впередъ!...

«Словомъ (говоритъ авторъ), на *страждущихъ и болѣющихъ отъ своего европейскаго совершенства*—Одиссея подѣйствуетъ. Много напомнитъ она имъ младенчески-прекраснаго, которое (увы!) утрачено, но которое должно возвратить себѣ человѣчество, какъ свое законное наслѣдство. Многіе надъ многимъ призадумаются. А между тѣмъ, многое изъ временъ патріархальныхъ, съ которыми есть такое сродство въ русской природѣ, разнесется невидимо по лицу Русской земли. *Благоухающими* устами поэзіи навѣвается на души то, чего не внесешь въ нихъ никакими законами и никакою властью» (стр. 56).

Въ одномъ письмѣ къ Жуковскому, авторъ говоритъ:

«Твоя Одиссея принесетъ много общаго добра: *это тебѣ предрекаю. Она возвратитъ къ свѣжести современнаго человѣка*, усталаго отъ безпорядка жизни и мыслей; она обновитъ въ глазахъ его много того, что́ брошено имъ, какъ ветхое и ненужное для быта; она возвратитъ его къ простотѣ» (стр. 125).

Подобный великій благодѣтельный переворотъ, произведенный литературнымъ трудомъ, тѣмъ необходимѣе, что, по словамъ автора, «все теперь расплылось и разшнуровалось; дрянь и тряпка сталъ всякъ человѣкъ; обратилъ самъ себя въ подлое подножіе всего (?) и въ раба самыхъ пустѣйшихъ и мелкихъ обстоятельствъ, и нѣтъ теперь нигдѣ свободы въ ея истинномъ смыслѣ» (стр. 185).

Все это прекрасно. Но вотъ два смиренные вопроса съ нашей стороны. Какъ будетъ простой народъ читать Одиссею? Положимъ, «Одиссея» не принадлежитъ къ числу книжонокъ, издаваемыхъ для народа европейскими человѣколюбцами; но какъ будетъ читать ее нашъ народъ, которому авторъ такъ положительно и строго запрещаетъ знать грамотѣ?... Или учиться грамотѣ, чтобъ умѣть читать, нужно только «глупымъ» Нѣмцамъ, а Словенину стоитъ только почесать у себя въ затылкѣ, чтобы прочесть всякую книгу, не умѣя читать?... Потомъ, что если, сверхъ чаянія, мистическія предреченія г. Гоголя о вліяніи «Одиссеи» на судьбу русскаго народа вовсе не сбудутся, и переводъ этотъ подобно переводу Гнѣдича «Иліады», будетъ существовать только слишкомъ для немногихъ?... Вѣдь тогда кто жь не скажетъ

Надѣлала синица славы,
А моря не зажгла!...

Но самую любопытнѣйшую часть этой книги составляютъ четыре письма къ разнымъ лицамъ по поводу «Мертвыхъ Душъ». Эти четыре письма обрадовали, привели въ восторгъ, сдѣлали истинно счастливыми нѣкоторыхъ литераторовъ особенно занятыхъ литературною славою Гоголя. Это не тайна, ибо они поспѣшили печатно выразить свое торже-

ство, забывъ мудрую русскую пословицу: поспѣшить—людей насмѣшить, и не менѣе мудрую французскую пословицу: bien rira qui rira le dernier... Изъ слѣдующихъ выписокъ легко будетъ всякому увидѣть, что́ именно въ этихъ фразахъ такъ восхитило враговъ таланта Гоголя.

«Вы напрасно негодуете на неумѣренный тонъ нѣкоторыхъ нападеній на «Мертвыя души». Это имѣетъ свою хорошую сторону. Иногда нужно имѣть противу себя озлобленныхъ. Кто увлеченъ красотами, тотъ не видитъ недостатковъ и прощаетъ все; но кто озлобленъ, тотъ постарается выкопать въ насъ всю дрянь, и выставить ее такъ ярко наружу, что по неволѣ ее увидишь. Истину такъ рѣдко приходится слышать, что уже за одну крупицу ея можно простить всякій оскорбительный голосъ, съ какимъ бы она ни произносилась. Въ критикахъ Булгарина, Сенковскаго и Полеваго есть много справедливаго, начиная даже съ даннаго мнѣ совѣта поучиться прежде русской грамотѣ, а потомъ уже писать. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы я не торопился печатаніемъ рукописи и подержалъ ее у себя съ годъ, я бы увидѣлъ потомъ и самъ, что въ такомъ неопрятномъ видѣ ей никакъ нельзя было являться въ свѣтъ. Самыя эпиграммы и насмѣшки надо мною были мнѣ нужны, не смотря на то, что съ перваго разу пришлись очень не по-сердцу. О! какъ намъ нужны безпрестанные щелчки, и этотъ оскорбительный тонъ, и эти ѣдкія, проникающія насквозь насмѣшки! На днѣ души нашей столько таится всякаго мелкаго, ничтожнаго самолюбія, щекотливаго, сквернаго честолюбія, что насъ ежеминутно слѣдуетъ колоть, поражать, бить всѣми возможными орудіями, и мы должны благодарить ежеминутно насъ поражающую руку.

«Я бы желалъ однакожъ побольше критикъ, не со стороны литераторовъ, но со стороны людей, занятыхъ дѣломъ самой жизни. Со стороны практическихъ людей, какъ на бѣду, кромѣ литераторовъ, не отозвался никто. А между тѣмъ, «Мертвыя души» произвели много шума, много ропота; задѣли за живое многихъ и насмѣшкою, правдою, и каррикатурою; коснулись порядка вещей, который у всѣхъ ежедневно передъ глазами—хоть исполнены промаховъ, анахронизмовъ, явнаго незнанія многихъ предметовъ, мѣстами даже съ умысломъ помѣщено обидное и задѣвающее, авось кто-нибудь выбранитъ меня хорошенько, и въ брани, выскажетъ мнѣ правду, которой добиваюсь. И хоть бы одна душа подала голосъ! А могъ всякъ. И какъ бы еще умно! Служащій чиновникъ могъ бы явно

доказать, въ виду всѣхъ, неправдоподобность мною изображеннаго событія приведеніемъ двухъ-трехъ дѣйствительно случившихся дѣлъ, и тѣмъ бы опровергъ меня лучше всякихъ словъ, или тѣмъ же самымъ образомъ могъ бы защитить и оправдать справедливость мною описаннаго. Приведеніемъ событія случившагося лучше доказывается дѣло, нежели пустыми словами и литературными разглагольствованіями. Могъ бы то же сдѣлать и купецъ, и помѣщикъ, словомъ—всякій грамотѣй, сидитъ ли онъ сиднемъ на мѣстѣ, или рыскаетъ, вдоль и поперегъ, по всему лицу Русской земли. Сверхъ собственнаго взгляда своего, всякій человѣкъ, съ того мѣста, или ступеньки въ обществѣ, на которую поставили его должность, званіе и образованіе, имѣетъ случай видѣть, тотъ же предметъ съ такой стороны, съ которой кромѣ его никто другой не можетъ видѣть. По поводу «Мертвыхъ душъ» могла бы написаться всею толпою читателей другая книга, несравненно любопытнѣйшая «Мертвыхъ душъ», которая могла бы научить не только меня, но и самыхъ читателей, потому что—нечего таить грѣха—всѣ мы очень плохо знаемъ Россію.

«И хоть бы одна душа заговорила во всеуслышаніе! Точно какъ бы вымерло все, какъ бы, въ самомъ дѣлѣ, обитаютъ въ Россіи не живыя, а какія-то «мертвыя души». И меня же упрекаютъ въ плохомъ знаніи Россіи! Какъ будто непремѣнно силою Святаго Духа долженъ узнать я все, что ни дѣлается во всѣхъ углахъ ея—безъ ученія научиться! Но какими путями могу научиться я, писатель, осужденный уже самимъ званіемъ писателя на сидячую, затворническую жизнь, и притомъ еще больной, и притомъ еще принужденный жить вдали отъ Россіи? какими путями могу я научиться? Меня же не научатъ эти литераторы и журналисты, которые сами затворники и люди кабинетные. У писателя только и есть одинъ учитель: сами читатели. А читатели сами отказались поучить меня. Знаю, что дамъ сильный отвѣтъ Богу за то, что не исполнилъ, какъ слѣдуетъ, своего дѣла; но знаю, что дадутъ за меня отвѣтъ и другіе. И говорю это не даромъ. Видитъ Богъ, говорю не даромъ!

«Я предчувствовалъ, что всѣ лирическія отступленія въ поэмѣ будутъ приняты въ превратномъ смыслѣ. Они такъ неясны, такъ мало вяжутся съ предметами, проходящими передъ глазами читателя, такъ невпопадъ складу и замашкѣ сочиненія, что ввели въ заблужденіе какъ противниковъ, такъ и защитниковъ. Всѣ мѣста, гдѣ ни заикнулся я неопредѣленно о писателѣ, были отнесены на мой счетъ; я краснѣлъ даже отъ изъясненій ихъ въ мою пользу. И по дѣломъ мнѣ! Ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало выдавать и сочиненія, ко-

торое хотя выкроено было не дурно, но сшито кое-какъ, бѣлыми нитками, подобно платью, приносимому портнымъ только для примѣрки. Дивлюсь только тому, что мало было сдѣлано упрековъ въ отношеніи къ искусству и творческой наукѣ. Этому помѣшало какъ гнѣвное расположеніе моихъ критиковъ, такъ и непривычка всматриваться въ постройку сочиненія. Слѣдовало показать, какія части чудовищно-длинны въ отношеніи къ другимъ, гдѣ писатель измѣнилъ самому себѣ, не выдержавъ своего собственнаго, уже разъ принятаго тона. Никто не замѣтилъ даже, что послѣдняя половина книги отработана меньше первой, что въ ней великіе пропуски, что главныя и важныя обстоятельства сжаты и сокращены, неважныя и побочныя распространены, что не столько выступаетъ внутренній духъ всего сочиненія, сколько мечется въ глаза пестрота частей и лоскутность его. Словомъ — можно было много сдѣлать нападеній несравненно дѣльнѣйшихъ, выбранить меня гораздо больше, нежели теперь бранятъ, и выбранить за дѣло.

. . . .

«Охота же тебѣ, будучи такимъ знатокомъ и вѣдателемъ человѣка, задавать мнѣ тѣ же пустые запросы, которые умѣютъ задать и другіе. Половина ихъ относится къ тому, что̀ еще впереди. Ну, что̀ толку въ подобномъ любопытствѣ?

«Одинъ только запросъ уменъ и достоинъ тебя, и я бы желалъ, чтобы его мнѣ сдѣлали и другіе, хотя не знаю, съумѣлъ ли бы на него отвѣчать умно. Именно запросъ: отъ чего герои моихъ послѣднихъ произведеній, и въ особенности «Мертвыхъ душъ», будучи далеки отъ того, чтобы быть портретами дѣйствительныхъ людей, будучи сами по себѣ свойства совсѣмъ непривлекательнаго, неизвѣстно почему близки душѣ, точно какъ бы въ сочиненіи ихъ участвовало какое-нибудь обстоятельство душевное? Еще годъ назадъ мнѣ было бы неловко отвѣчать на это даже и тебѣ. Теперь же прямо скажу все: герои мои потому близки душѣ, что они изъ души; всѣ мои послѣднія сочиненія — исторія моей собственной души. А чтобы получше все это объяснить, опредѣлю тебѣ себя самого какъ писателя. Обо мнѣ много толковали, разбирая кое-какія мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣлили. Его слышалъ одинъ только Пушкинъ. Онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ. Вотъ мое главное свойство, одному мнѣ принадлежащее, и котораго точно нѣтъ у другихъ писателей. Оно въ

послѣдствіи углубилось во мнѣ еще сильнѣе отъ соединенія съ нимъ нѣкотораго душевнаго обстоятельства. Но этого я не въ состояніи былъ открыть тогда даже и Пушкину.

Это свойство выступило съ большою силою въ «Мертвыхъ душахъ». «Мертвыя души» не потому такъ испугали многихъ и произвели такой шумъ, чтобы онѣ раскрыли какія нибудь раны общества, или внутреннія болѣзни, и не потому также, чтобы представили потрясающія картины торжествующаго зла и страждущей невинности. Ничуть не бывало. Герои мои вовсе не злодѣи; прибавь я только одну добрую черту любому изъ нихъ, читатель помирился бы съ ними всѣми. Но пошлость всего вмѣстѣ испугала читателей. Испугало ихъ то, что одинъ за другимъ слѣдуютъ у меня герои, одинъ пошлѣе другаго, что нѣтъ ни одного утѣшительнаго явленія что негдѣ даже и пріотдохнуть, или перевести духъ бѣдному читателю, и что по прочтеніи всей книги кажется, какъ бы точно вышелъ изъ какого-то душнаго погреба на Божій свѣтъ. Мнѣ бы скорѣе простили, если бы я выставилъ картинныхъ извергов, но пошлости не простили мнѣ. Русскаго человѣка испугала его ничтожность болѣе, нежели всѣ его пороки и недостатки. Явленіе замѣчательное! Испугъ прекрасный! Въ комъ такое сильное отвращеніе отъ ничтожнаго, въ томъ, вѣрно, заключено все то, что противоположно ничтожному. Итакъ, вотъ въ чемъ мое главное достоинство, но достоинство это, говорю вновь, не развилось бы во мнѣ въ такой силѣ, если бы съ нимъ не соединилось мое собственное душевное обстоятельство и моя собственная душевная исторія. Никто изъ читателей моихъ не зналъ того, что, смѣясь надъ моими героями, онъ смѣялся надо мною.

. . . .

«Не судите обо мнѣ и не выводите своихъ заключеній; вы ошибетесь подобно тѣмъ изъ моихъ пріятелей, которые, создавши изъ меня свой собственный идеалъ писателя, сообразно своему собственному образу мыслей о писателѣ, начали было отъ меня требовать, чтобы я отвѣчалъ ими же созданному идеалу. Создалъ меня Богъ и не скрылъ отъ меня назначенія моего. Рожденъ я вовсе не за тѣмъ, чтобы произвести эпоху въ области литературной. Дѣло мое проще и ближе: дѣло мое есть то, о которомъ прежде всего долженъ подумать всякій человѣкъ, не только одинъ я. Дѣло мое — *душа* и *прочное дѣло жизни.* А потому и образъ дѣйствій моихъ долженъ быть проченъ, и сочинять я долженъ прочно. Мнѣ незачѣмъ торопиться; пусть ихъ торопятся другіе. Жгу, когда нужно

жечь, и, вѣрно, поступаю какъ нужно, потому что безъ молитвы не приступаю ни къ чему».

Вотъ почти все главное, изъ котораго мы, однакоже, вкратцѣ извлечемъ самое существенное:

I. Гоголь самъ сознается, что онъ недоволенъ всѣмъ, что́ было имъ написано до сихъ поръ, а потому сжегъ рукопись второй части «Мертвыхъ Душъ» и другихъ своихъ сочиненій. Ergo: враги таланта Гоголя правы въ томъ, что столько лѣтъ выставляли его писателемъ безъ дарованія, безъ вкуса, мастеромъ на однѣ сальныя и грязныя картины въ родѣ Поль-де-Кока.

II. Гоголь самъ соглашается, что особенность его таланта состоитъ въ умѣніи «очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ.» Ergo: это явно талантъ мелкій и ничтожный...

III. Гоголь объявляетъ торжественно, что согласенъ съ тѣми, которые бранили его сочиненія, и не согласенъ съ тѣми, которые хвалили ихъ. Ergo: хвалители Гоголя суть литературная партія, уцѣпившаяся за него для униженія истинныхъ, но ненавистныхъ ей талантовъ.

IV. Гоголь самъ говоритъ, что «рожденъ онъ вовсе не за тѣмъ, чтобы произвести эпоху въ области литературной, а за тѣмъ, чтобы спасти свою душу». Ergo: лгали тѣ, которые провозгласили его главою новой литературной школы.

V. Гоголь признается самъ, что «въ критикахъ Булгарина, Сенковскаго и Полеваго есть много справедливаго, начиная даже съ даннаго ему совѣта поучиться прежде русской грамотѣ, а потомъ уже писать», и что «еслибы онъ не торопился печатаніемъ рукописи и подержалъ ее у себя съ годъ, то увидѣлъ бы потомъ и самъ, что въ такомъ неопрятномъ видѣ ей никакъ нельзя было являться въ свѣтъ» и пр. Ergo: кромѣ «Вечеровъ на Хуторѣ»

все, написанное Гоголемъ, есть чистый вздоръ и не заслуживаетъ никакого вниманія...

Подобные выводы могутъ показаться правильными и дѣльными только тѣмъ, которымъ они полезны. Сильно ошибаются тѣ, которые думаютъ, что публику нашего времени во всемъ можно увѣрить журнальной статьею, что она вѣритъ только печатному, а сама ничего не видитъ, ничего не понимаетъ. Такимъ образомъ хотятъ увѣрить, что слава Гоголя основана на крикливыхъ возгласахъ какой-то литературной партіи, которой нужно было поднять его, изъ своихъ собственныхъ разсчетовъ. А добрая русская публика и повѣрила этой партіи, и начала раскупать сочиненія Гоголя и наполнять театры, когда въ нихъ давался «Ревизоръ»... Мало этого, помянутая литературная партія успѣла убѣдить въ геніяльности Гоголя даже французскую, а за нею и всю европейскую публику... И все это обманъ, пуфъ, подлогъ,—потому что самъ Гоголь отрицается отъ своихъ сочиненій и своей славы... Только-то?.. А намъ какое до этого дѣло? — Когда нѣкоторые хвалили сочиненія Гоголя, они не ходили къ нему справляться, какъ онъ думаетъ о своихъ сочиненіяхъ, а судили о нихъ сообразно съ тѣми впечатлѣніями, которыя они производили... Такъ точно и теперь и мы не пойдемъ къ нему спрашивать его, какъ теперь прикажетъ онъ намъ думать о его прежнихъ сочиненіяхъ и о его «Выбранныхъ мѣстахъ изъ Переписки съ Друзьями»... Какая намъ нужда, что онъ не признаетъ достоинства своихъ сочиненій, если ихъ признало общество? Это факты, которыхъ дѣйствительности не въ состояніи же опровергнуть онъ самъ... Нѣтъ, господа противники таланта Гоголя, раненько вы вздумали торжествовать побѣду, которой не одержали и которой не одержать вамъ! Именно теперь то еще болѣе, чѣмъ прежде, будутъ расходиться и читаться прежнія сочиненія Гоголя, теперь то еще выше, чѣмъ прежде, будетъ цѣниться онъ

потому что теперь онъ самъ существуетъ для публики больше въ прошедшемъ...

Но оставимъ и хулителей въ сторонѣ, обратимся опять къ нашему автору. Конечно, въ его смиренномудромъ признаніи собственныхъ ошибокъ и правды въ нападкахъ враговъ, много высокаго, дѣлающаго ему особенную честь: но, смотря на дѣло проще, т. е. не со стороны самолюбія, а со стороны самого дѣла, можно замѣтить, что авторъ гораздо бы лучше поступилъ, еслибы, вмѣсто всякихъ признаній, воспользовался дѣльными замѣчаніями и второе изданіе «Мертвыхъ Душъ» выпустилъ бы въ опрятномъ видѣ... То же отчасти можно сказать и о «Выбранныхъ», но отнюдь не избранныхъ мѣстахъ изъ «Переписки съ Друзьями»: они могли явиться въ печати и грамотнѣе, и приличнѣе, и опрятнѣе, вообще, такъ сказать... Но, видно, на словахъ блистать смиреніемъ легче, нежели трудиться на дѣлѣ...

Не можемъ не выставить на видъ еще одной черты. Вотъ что говоритъ авторъ въ одномъ мѣстѣ своей книги: «Вотъ уже почти полтораста лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ государь Петръ I прочистилъ намъ глаза чистилищемъ просвѣщенія европейскаго, далъ въ руки намъ всѣ средства и орудія для дѣла,—и до сихъ поръ остаются также пустынны, грустны и безлюдны наши пространства, также безпріютно и непривѣтливо все вокругъ насъ, точно, какъ будто бы мы до сихъ поръ еще не у себя дома, не подъ родною нашею крышею, но гдѣ-то остановились безпріютно на проѣзжей дорогѣ, и дышетъ намъ отъ Россіи не радушнымъ, роднымъ пріемомъ братьевъ, но какою-то холодною, занесенною вьюгой почтовою станціею, гдѣ видится одинъ ко всему равнодушный станціонный смотритель съ черствымъ отвѣтомъ: «нѣтъ лошадей» (стр. 136). Въ этомъ винитъ авторъ насъ же, и разумѣется, винитъ основательно. Но вотъ что онъ же говоритъ въ другомъ мѣстѣ

своей книги: «И до сихъ поръ еще, къ нашему стыду, указываютъ намъ Европейцы на своихъ великихъ людей, которыхъ умнѣе бываютъ у насъ и не великіе люди; но тѣ хоть какое-нибудь оставили послѣ себя дѣло прочное, а мы производимъ кучи дѣлъ—и всѣ какъ пыль сметаются онѣ съ земли вмѣстѣ съ нами» (стр. 192). Потомъ читаемъ мы вотъ что̀: «Еслибы такимъ же перомъ, какимъ начертана біографія Фонъ-Визина, написано было все царствованіе Екатерины, которое уже и теперь кажется намъ почти фантастическимъ отъ чрезвычайнаго обилія эпохи и необыкновеннаго столкновенія необыкновенныхъ лицъ и характеровъ,— то можно сказать почти навѣрно, что подобнаго по достоинству историческаго сочиненія не представила бы намъ Европа» (стр. 237 — 238). Какъ вамъ кажутся, читатель, эти три выписки изъ различныхъ мѣстъ одной и той же книги?...

Вотъ еще оригинальный образчикъ логики автора: онъ говоритъ, что никто не можетъ признать русскихъ людей ни въ Простаковой, ни въ Тарасѣ Скотининѣ, ни въ Простаковѣ, ни въ Митрофанѣ Фонъ-Визина,—и въ то же время всякій чувствуетъ, что нигдѣ въ другой землѣ, ни во Франціи, ни въ Англіи, не могли образоваться такія существа (стр. 247 — 249)... Вотъ тутъ и понимай, какъ знаешь!...

Теперь вопросъ: зачѣмъ написана вся эта книга?

Это такъ же трудно рѣшить, какъ и то, зачѣмъ написаны авторомъ эти строки: «О, какъ намъ бываетъ нужна публичная, данная въ виду всѣхъ, оплеуха» (стр. 192)!..

Какое слѣдствіе можно извлечь изъ этой книги?

Разумѣется, въ этомъ случаѣ, всякій поступитъ по своему, и слѣдствій будетъ выведено почти столько же, сколько людей возьмется за это дѣло. Что̀ касается до насъ, мы вывели изъ этой книги такое слѣдствіе, что горе человѣку, котораго сама природа создала художникомъ,

горе ему, если, недовольный своею дорогою, онъ ринется въ чуждый ему путь! На этомъ новомъ пути ожидаетъ его неминуемое паденіе, послѣ котораго не всегда бываетъ возможно возвращеніе на прежнюю дорогу.. При этомъ мы, почему-то вспомнили эти стихи Крылова:

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ,
И дѣло не пойдетъ на ладъ.
Да и примѣчено стократъ.
Что кто за ремесло чужое браться любитъ.
Тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй:
Онъ лучше дѣло все погубитъ,
И радъ скорѣй
Посмѣшищемъ стать свѣта,
Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей
Спросить иль выслушать разумнаго совѣта.

Приходили намъ въ голову и другіе выводы изъ книги «Выбранныхъ мѣстъ изъ Переписки съ Друзьями»; но... статья наша и такъ вышла черезчуръ длинна...

—

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ И. КРЫЛОВА, *съ біографіею его писанною П. А. Плетневымъ. Три тома. Спб. 1847.*

ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ ИВАНА АНДРЕЕВИЧА КРЫЛОВА. *Сочиненіе академика Михаила Лобанова. Спб. 1847.*

Въ послѣднее время начали довольно часто появляться изданія сочиненій старыхъ нашихъ писателей. Это одно изъ самыхъ отрадныхъ явленій въ современной русской литературѣ, которое равно дѣлаетъ честь и литературѣ, и публикѣ. Въ то же время, это фактъ, лучше всякихъ доказательствъ изобличающій крикуновъ и полуталантливыхъ рифмачей, которые утверждаютъ, будто теперь на Руси

журналъ убилъ книгу, и книги уже не покупаются публикою... Насъ особенно радуетъ это обращеніе публики къ старымъ писателямъ. Сказать правду, о многихъ изъ нихъ знала она прежде только по наслышкѣ; исключеніе остается, можетъ быть, только за Крыловымъ. Теперь она хочетъ вновь познакомиться съ ними. Родилась потребность—явились и средства къ ея удовлетворенію, т. е. изданія сочиненій старыхъ писателей, почти всегда весьма дешовыя, и никогда очень дорогія, какъ прежде.

Изданія басень Крылова—давно уже не новость въ нашей литературѣ. Съ 1809 года по 1843 ихъ издано было семьдесятъ семь тысячъ экземпляровъ! Но еще въ первый разъ является полное собраніе всѣхъ сочиненій Крылова: вотъ новость и при томъ весьма пріятная! Конечно, его драматическіе опыты вообще слабы, а лирическія произведенія просто плохи, но вѣдь все же тѣ и другіе рѣзко характеризуютъ нравы людей и литературы своего времени, не говоря уже о томъ, что комедіи: «Модная Лавка» и «Урокъ Дочкамъ» и теперь еще многими считаются за отличныя произведенія русской драматургіи. Что же касается до его сатирическихъ статей въ прозѣ, наполнявшихъ нѣкогда издававшіеся имъ же журналы: «Почту Духовъ», «Зрителя». «Санктпетербургскій Меркурій»,—то въ нихъ много ума, соли, мѣстами даже желчи, и вообще онѣ представляютъ собою гораздо больше интереса, нежели какъ можно ожидать этого. Берешь ихъ въ руки съ тѣмъ, чтобы перелистовать, а вмѣсто этого со вниманіемъ прочтешь ихъ. Есть, правда, въ нихъ мѣста довольно скучныя, но они съ избыткомъ вознаграждаются характеристическими чертами нравовъ общества того времени. Есть и цѣлыя статьи, надъ чтеніемъ которыхъ не будетъ зѣваться.

Изданіе Крылова сдѣлано, во всѣхъ отношеніяхъ, прекрасно. Въ типографскомъ отношеніи нечего больше желать: не только чисто и опрятно, но красиво, даже изящно. Вмѣ-

сто обыкновеннаго, всѣмъ извѣстнаго портрета, Крылова, представляющаго его уже старикомъ, издатели приложили превосходно сдѣланную литографію, представляющую черты Крылова, когда ему было 43 года. Этотъ литографированный портретъ снятъ съ живописнаго портрета, писаннаго профессоромъ академіи художествъ, Волковымъ, въ 1812 г.

Одно только замѣтили бы мы противъ редакціонной части изданія: напрасно басни напечатаны во второмъ, а не въ первомъ томѣ, и еще болѣе напрасно предшествуютъ имъ оды и другіе лирическіе опыты, которые слѣдовало бы помѣстить за баснями, въ видѣ приложенія. Вѣдь басни все-таки главное между сочиненіями Крылова, и не будь басень, не было бы нужды издавать и всего остальнаго. Впрочемъ, не въ этомъ дѣло. Мы бы сдѣлали такъ, другіе сочли лучшимъ сдѣлать иначе, а сущность дѣла осталась та же. Но вотъ что насъ удивило: на заглавіи перваго тома выставлено слово: «проза», втораго—«поэзія», а третьяго—«театръ». Противъ послѣдней классификаціи мы ни слова; но мы не понимаемъ, какъ можно прозѣ противопоставить поэзію, а не стихотворенія? Развѣ не бываетъ поэзіи въ сочиненіяхъ, писанныхъ прозою, и прозы въ сочиненіяхъ, писанныхъ стихами? Сплошь да рядомъ, особенно послѣднее. Послѣ этого, и слово «театръ», выставленное на третьемъ томѣ, лишается всякой опредѣленности: такъ какъ въ немъ есть піесы, и стихами и прозою писанныя, то къ чему должны мы ихъ причислять? — Тѣ, которыя писаны стихами — къ поэзіи, а тѣ, которыя писаны прозою — къ прозѣ?... Воля ваша, а для насъ подобная классификація отзывается старыми временами.

Однимъ изъ лучшихъ украшеній изданія сочиненій Крылова нельзя не признать приложенной къ нимъ статьи: «Жизнь и сочиненія Ивана Андреевича Крылова», мастерски написанной г. Плетневымъ. Это — критика - біографія, въ которой съ большимъ искусствомъ Крыловъ охарактеризо-

ванъ какъ баснописецъ и человѣкъ,—въ послѣднемъ отношеніи еще, можетъ-быть, лучше, нежели въ первомъ. Взглядъ автора статьи на Крылова отличается оригинальностію и глубокомысліемъ, какъ это видно сейчасъ же по одному уже вступленію:

«Въ лицѣ Ивана Андреевича Крылова мы видѣли въ полномъ смыслѣ Русскаго человѣка, со всѣми хорошими качествами и со всѣми слабостями, исключительно намъ свойственными. Геній его, какъ баснописца, признанный не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, не защитилъ его отъ обыкновенныхъ нашихъ неровностей въ жизни, посреди которыхъ Русскіе иногда способны всѣхъ удивлять проницательностію и вѣрностію ума своего, а иногда предаются непростительному хладнокровію въ дѣлахъ своихъ. Судьба не благопріятствовала Крылову въ дѣтствѣ и лишила его тѣхъ пособій къ постепеннымъ успѣхамъ въ литературѣ и обществѣ, которыми другихъ надѣляютъ рожденіе, воспитаніе и образованіе. Но онъ, какъ бы наперекоръ счастію, въ послѣдствія времени пріобрѣлъ все, что необходимо писателю и гражданину. Онъ даже успѣлъ развить въ себѣ нѣсколько талантовъ, составляющихъ роскошь и для счастливорожденнаго молодаго человѣка. Побѣдивши первыя препятствія къ благополучію и удовольствіямъ жизни, онъ на время ослабилъ дѣятельность свою въ расширеніи знаній и съ непонятнымъ равнодушіемъ провелъ нѣсколько лѣтъ почти безъ дѣла. Наконецъ снова и почти безсознательно принялся Крыловъ за тотъ родъ поэзіи, которому нынѣ обязанъ безсмертіемъ своимъ. Удивительнѣе всего, что ему суждено было начать славное свое поприще въ такія лѣта, когда многіе перестаютъ писать сочиненія въ стихахъ, предпочитая имъ прозу. Между тѣмъ остался ли хоть легкій слѣдъ на этихъ трудахъ, что авторъ не во-время приступилъ къ нимъ? Нѣтъ: разсматривая ихъ живость и красоты, получаешь убѣжденіе, что это тѣ неувядающіе цвѣты поэзіи, которыми юность украшаетъ генія. И вотъ Крыловъ достигнулъ тогда истинной славы, всеобщаго уваженія, самой чистой къ нему привязанности тѣхъ, которые были къ нему близки и вполнѣ оцѣнили даръ его. Счастіе вознаградило его за всѣ лишенія молодости. Онъ былъ обезпеченъ на всю жизнь. Казалось передъ любознательнымъ, тонкимъ и свѣжимъ умомъ его открылись всѣ пути къ безконечной дѣятельности литератора. Но онъ и своею поэзіею занимался только какъ забавою, которая скоро должна была наскучить ему. Безграничное искусство не влекло его

въ себѣ. Дѣятельность современниковъ не возбуждала его участія. Онъ чувствовалъ выгоды и безопасность положенія своего, и не оказывалъ ни одного покушенія расширить тѣсную раму своихъ умственныхъ трудовъ. Такъ одинъ успѣхъ и счастіе усыпили въ немъ всѣ силы духа! Въ своемъ праздномъ благоразуміи, въ своей безжизненной мудрости онъ похоронилъ, можетъ быть, нѣсколько Крыловыхъ, для которыхъ въ Россіи много еще праздныхъ мѣстъ. Странное явленіе: съ одной стороны геній, по слѣдамъ котораго уже итти почти некуда, съ другой—недвижный умъ, шагу не переступающій за свой порогъ».

Любопытное зрѣлище представляетъ собою Крыловъ, съ дѣтства мучимый бѣсомъ авторства и такъ долго ищущій настоящей дороги своему таланту! Что-то говорило ему, что у него есть талантъ, да только не извѣстно, къ чему именно. И вотъ онъ пишетъ страшно плохія трагедіи, въ которыхъ является далеко ниже Сумарокова, пишетъ плохія оперы, плохія комедіи, изъ которыхъ, однакожь, двѣ имѣли въ свое время огромный успѣхъ. Пишетъ онъ въ то же время сатирическія статьи, которыя уже ближе всего другаго къ его таланту; но и въ нихъ онъ все еще не на своей настоящей дорогѣ, потому что свойственный ему родъ литературы только тотъ, въ которомъ онъ могъ быть первымъ; всякій же другой, въ которомъ онъ могъ играть только второстепенную или третьестепенную роль, не могъ быть его родомъ. И только тридцати восьми лѣтъ отъ роду, началъ писать Крыловъ басни, и тотчасъ же убѣдился, что это его настоящій родъ, и навсегда оставилъ свои попытки во всѣхъ другихъ родахъ.

Есть что-то общее въ этомъ упорномъ и безпокойномъ исканіи своего призванія, между Крыловымъ и Беранже. Послѣдній очень рано понялъ, что его родъ—народная пѣсня; но сколько написалъ, или намѣренъ былъ написать онъ поэмъ и драмъ, прежде, нежели напалъ на свою настоящую дорогу! Но въ Беранже все это понятнѣе, чѣмъ въ Крыловѣ: Беранже—натура живая, страстная, подвиж-

ная; Крыловъ — натура тяжелая, сонная, холодная, неповоротливая. И потому-то, онъ какъ-будто для того только нашелъ и созналъ свое назначеніе, чтобы почти ничего не дѣлать для его выполненія. Въ продолженіи тридцати лѣтъ написалъ онъ всего сто-девяносто-семь басень. Онъ писалъ ихъ какъ-будто нехотя, случайно; ему какъ-будто важнѣе было убѣдиться въ томъ, что онъ можетъ писать басни, нежели писать ихъ... Въ біографіи Крылова, писанной г. Плетневымъ, читатели найдутъ полную оцѣнку всѣхъ трудовъ Ивана Андреевича. Въ этомъ и состоитъ главное, существенное отличіе біографіи Крылова, писанной г. Плетневымъ, отъ біографіи Крылова, писанной г. Лобановымъ: послѣдняя интересна только тѣмъ, что въ ней есть нѣсколько анекдотовъ, нѣсколько чертъ жизни Крылова, которыхъ нѣтъ въ статьѣ г. Плетнева.

Говорить о басняхъ Крылова нѣтъ никакой нужды, потому что почти невозможно сказать о нихъ что-нибудь новое. Общее мнѣніе давно уже выговорилось о Крыловѣ, какъ баснописцѣ. Наши литераторы и критики, обыкновенно столь несогласные между собою въ сужденіяхъ о русскихъ писателяхъ, о Крыловѣ говорятъ всѣ одно и то же. Главная заслуга Крылова состоитъ, конечно, не въ правилахъ мудрости, будто-бы преподанныхъ имъ человѣчеству, а въ томъ, что въ этомъ бѣдномъ и фальшивомъ родѣ поэзіи, изобрѣтенномъ подъ именемъ басни въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, онъ умѣлъ выказать все богатство яснаго, простаго, положительнаго практическаго русскаго ума. Другими словами: высочайшее достоинство басень Крылова заключается въ томъ, что онѣ, и по содержанію, и по изложенію, и по языку, въ высшей степени русскія басни. Даже и въ переводахъ и въ подражаніяхъ Крыловъ умѣлъ остаться Русскимъ. Какъ истинно-геніальный человѣкъ, онъ, подобно другимъ, не ограничился въ баснѣ баснею, но придалъ ей жгучій характеръ сатиры и памфлета.

Слѣдующія слова біографа Крылова много говорятъ объ особенномъ свойствѣ его басень, и мы ими заключимъ нашу статью:

«Легкость, съ которою мы успокоиваемся на первой удачѣ, обнаруживаетъ въ насъ какое-то равнодушіе къ земнымъ благамъ, но вмѣстѣ и хладнокровіе къ общественнымъ интересамъ. Такъ какъ природа отличила Крылова самыми рѣзкими чертами національности, то и игра ихъ въ его образѣ поражаетъ насъ болѣе, нежели въ комъ-нибудь другомъ. Между тѣмъ, какъ писатель, онъ прямо русской своей природѣ былъ обязанъ тѣмъ превосходствомъ въ постиженіи духа нашей жизни и нашего языка, которое въ этомъ отношеніи поставило его у насъ на первомъ планѣ. Никого изъ нашихъ писателей нельзя поставить на одной съ нимъ линіи. Онъ придумывалъ разсказы столь естественные, столь простые и каждому понятные, столь несомнѣнные и очевидные, столь согласные съ нашей жизнію, обыкновеніями и привычками, что въ ихъ составѣ не оставалось и тѣни искусства, сочиненія, или подготовленія. Видишь, чувствуешь, какъ дѣло начинается и происходитъ. Но мысль не придетъ, что сочинитель повторяетъ старинную басню, извѣстную уже всѣмъ народамъ, и прикрываетъ ею общую истину. Разсказываемый имъ случай, повидимому, только и могъ подобнымъ образомъ произойти у насъ. Онъ проникнутъ духомъ нашей жизни и рѣчи.»

ПОВѢСТИ, СКАЗКИ И РАЗСКАЗЫ КАЗАКА ЛУГАНСКАГО. *Четыре части. Спб. 1846.*

Для литературныхъ успѣховъ, для пріобрѣтенія славы писателя, въ наше время мало одного таланта: необходимо еще, чтобы талантъ отъ самой природы былъ означенъ печатью самостоятельности. Какъ нельзя править людьми, имѣя умъ, но не имѣя воли и характера, такъ нельзя быть настоящимъ писателемъ, при помощи только безцвѣтнаго таланта. Оригинальность таланту сообщается угломъ зрѣнія, съ котораго представляется автору міръ, цвѣтомъ стеколъ, сквозь которыя отражаются въ глазахъ ума его всѣ

предметы. Умъ одинъ у всѣхъ людей, и несмотря на то, русская пословица: «сколько головъ, столько умовъ», все-таки справедлива. Умъ, это — духовное оружіе человѣка; оружіе это у всѣхъ людей одно, а каждый дѣйствуетъ имъ особенно. по своему. Мы исключаемъ отсюда людей, у которыхъ это оружіе или деревянное, или изъ дряннаго желѣза: нѣтъ, сколько ни возьмите людей съ одинаково хорошимъ оружіемъ этого рода, вы увидите, что каждый изъ нихъ, не уступая остальнымъ въ искусствѣ дѣйствовать своимъ оружіемъ, все-таки дѣйствуетъ имъ болѣе или менѣе по своему. Писатель съ талантомъ, но безъ оригинальности, сочувствуетъ всему на свѣтѣ, ничему не сочувствуя въ особенности. Такой талантъ похожъ на человѣка, который говоритъ о себѣ, что онъ сгараетъ любовію къ человѣчеству, но что, несмотря на то, онъ никого въ жизнь не любилъ въ особенности, что никогда не было у него ни друга, ни пріятеля, ни брата, ни сестры, ни любовницы. Такой талантъ похожъ на великолѣпные ножны безъ сабли, на богатый сундукъ, въ которомъ ничего не положено. Онъ всегда готовъ писать о чемъ угодно и что хотите, но обыкновенно пишетъ всегда подъ чьимъ-нибудь вліяніемъ. И не мудрено: для кого всѣ предметы одинаково ясно видимы, тотъ въ сущности не видитъ и не знаетъ ни одного. Безъ самобытности нельзя имѣть великаго таланта, а небольшой—въ такомъ случаѣ ничего не стоитъ.

Вглядываясь въ произведенія самобытнаго таланта, всегда находите въ нихъ признаки сильной наклонности, иногда даже страсти къ чему-нибудь одному, и потому самому такой талантъ становится для васъ истолкователемъ овладѣвшаго имъ предмета. Онъ дѣлаетъ его для васъ доступнымъ и яснымъ, рождаетъ въ васъ къ нему симпатію и охоту знать его. Къ числу такихъ-то талантовъ принадлежитъ талантъ г. Даля, прославившагося въ нашей литературѣ подъ именемъ казака Луганскаго.

Въ чемъ же заключается особенность его таланта? Объ этомъ мы пока не будемъ говорить, а скажемъ, въ чемъ заключается господствующая наклонность, симпатія, любовь, страсть его таланта. Заключается все это у него въ русскомъ человѣкѣ, русскомъ бытѣ, словомъ — въ мірѣ русской жизни. Но что̀ жь тутъ оригинальнаго — скажутъ намъ—мало ли людей, которые не меньше г. Даля и всякаго другаго любятъ Русь и все русское... Отвѣчаемъ: очень можетъ быть; но мы говоримъ о г. Далѣ, какъ о человѣкѣ, который самымъ дѣломъ показалъ и доказалъ эту любовь, какъ писатель. Вѣдь легко писать возгласы, исполненные хвалы Россіи и ненависти ко всему не русскому; но это еще не значитъ любить Русь и все русское. Другой и дѣйствительно любитъ ихъ, да нѣтъ у него достаточно таланта, чтобы любовь его отразилась въ мертвой буквѣ и зажгла ее тепломъ и свѣтомъ жизни... Любовь г. Даля къ русскому человѣку — не чувство, не отвлеченная мысль: нѣтъ! это любовь дѣятельная, практическая. Не знаемъ, потому ли знаетъ онъ Русь, что любитъ ее, или потому любитъ ее, что знаетъ; но знаемъ: что онъ не только любитъ ее, но и знаетъ. Къ особенности его любви къ Руси принадлежитъ то, что онъ любитъ ее въ корню, въ самомъ стержнѣ, основаніи ея, ибо онъ любитъ простаго русскаго человѣка, на обиходномъ языкѣ нашемъ называемаго крестьяниномъ и мужикомъ. И—Боже мой! — какъ хорошо онъ знаетъ его натуру! онъ умѣетъ мыслить его головою, видѣть его глазами, говорить его языкомъ. Онъ знаетъ его добрыя и дурныя свойства, знаетъ горе и радость его жизни, знаетъ болѣзни и лѣкарства его быта...

И зато, въ нашей литературѣ нашлось довольно критиковъ-аристократовъ, которыхъ оскорбила, зацѣпила за живое эта любовь г. Даля къ простонародью. Какъ-де, въ самомъ дѣлѣ, унижать литературу изображеніемъ грязи и

вони простонародной жизни? Какъ выводить на сцену чернь, сволочь, мужиковъ-вахлаковъ, бабъ, дѣвокъ? Это аристократическое отвращеніе отъ грязной литературы деревень очень остроумно выразилъ одинъ каррикатуристъ-аристократъ, изобразивъ молодаго автора одной прекрасной повѣсти изъ крестьянскаго быта роющимся въ помойной ямѣ...

Положимъ, господа, этотъ міръ дѣйствительно не отличается особенною опрятностію, чуждъ всякой образованности и далекъ отъ большаго свѣта; но вѣдь вы же сердитесь, когда изображаютъ все васъ же, да васъ; вы же говорите, что чиновники да чиновники и монотонно, и пошло?... «Какъ, да развѣ мы чиновники?—Мы литераторы, мы артисты, мы распространяемъ въ публикѣ изящный вкусъ и благородный тонъ большаго свѣта...» Будьте вы, господа, чѣмъ хотите, служите или не служите вовсе, но вы—чиновники, вы—люди одного изъ среднихъ слоевъ общества, вы отъ большаго свѣта гораздо дальше, нежели эти мужики въ заскорузлыхъ кожанныхъ рукавицахъ, сермяжныхъ балахонахъ и въ смазанныхъ дегтемъ сапожищахъ, а всего чаще въ лаптяхъ... Истинный аристократъ, настоящій свѣтскій человѣкъ никогда не станетъ брезгать мужикомъ, никогда не побоится замараться грязью его жизни тѣмъ, что будетъ смотрѣть на нее или изучать ее... Эта боязнь свойственна только полубарамъ, полугосподамъ, выскочкамъ, которые еще не успѣли забыть, что̀ такое грязь... Извѣстное дѣло, что дворовый человѣкъ больше ломается надъ мужикомъ, нежели тотъ, кому принадлежатъ они оба. Въ чиновникахъ, мѣщанахъ, купцахъ больше спѣси, чинопочитанія, церемонности, презрѣнія ко всему низшему, подобострастія ко всему высшему, нежели въ высшемъ и низшемъ слояхъ общества... Для многихъ ясно также, что въ необразованномъ мужикѣ иногда бываетъ больше врожденнаго достоинства, нежели въ образованныхъ людяхъ среднихъ сословій.

Но подобные люди не стоятъ опроверженій. Мужикъ—человѣкъ, и этого довольно, чтобы мы интересовались имъ такъ же, какъ и всякимъ бариномъ. Мужикъ—нашъ братъ по Христу, и этого довольно, чтобы мы изучали его жизнь и его бытъ, имѣя въ виду ихъ улучшеніе. Если мужикъ не ученъ, не образованъ,—это не его вина... Ломоносовъ родился мужикомъ, и могъ бы и умереть мужикомъ; но обстоятельства помогли ему показать міру, что̀ иногда кроется въ глубинѣ мужицкой натуры, чѣмъ можетъ иногда быть мужикъ. Образованность — дѣло хорошее—что̀ и говорить; но, Бога ради, не чваньтесь ею такъ передъ мужикомъ: почему знать, что при вашихъ внѣшнихъ средствахъ къ образованію, онъ далеко бы оставилъ васъ за собою. При томъ же дорога̀ истинная образованность, а ваша, господа, заставляетъ умныхъ людей краснѣть за образованность и гнушаться ею...

Сочиненія г. Даля можно раздѣлить на три разряда: Русскія народныя сказки, повѣсти и разсказы и физіологическіе очерки. Сказокъ у него особенно много. Мы, признаемся, не совсѣмъ понимаемъ этотъ родъ сочиненій. Другое дѣло—вѣрно записанныя подъ диктовку народа сказки: ихъ собирайте и печатайте, и за это вамъ спасибо. Но сочинять русскія народныя сказки или передѣлывать ихъ—зачѣмъ это, а главное—для кого?—Вѣдь простой народъ не прочтетъ, даже не увидитъ вашей книги, а для образованныхъ классовъ общества—что̀ такое ваши сказки?... Съ такими мыслями взялись мы читать сказки г. Даля; но если, прочтя ихъ, мы не перемѣнили такихъ мыслей, то значительно смягчили ихъ строгость, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ г. Далю. Онъ такъ глубоко проникъ въ складъ ума русскаго человѣка, до того овладѣлъ его языкомъ, что сказки его—настоящія русскія народныя сказки... Поэтому писать ихъ былъ для него великій соблазнъ, и какъ онѣ многимъ и теперь нравятся, и мы не обойдемъ ихъ добрымъ

словомъ не попрекнемъ ихъ рожденіемъ, хотя и не пожелаемъ имъ дальнѣйшаго размноженія...

Въ повѣстяхъ и разсказахъ своихъ г. Даль является человѣкомъ бывалымъ. И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ ни бывалъ онъ? Онъ участвовалъ въ польской кампаніи и въ хивинской экспедиціи, онъ былъ въ Молдавіи, въ Валахіи, въ Бессарабіи; Новороссія съ Крымомъ знакомы ему какъ нельзя больше, а Малороссія—словно родина его... Онъ знаетъ, чѣмъ промышляетъ мужикъ владимірской, ярославской, тверской губерніи, куда ходитъ онъ на промыселъ и сколько заработываетъ .. Г. Даль, это—живая статистика живаго русскаго народонаселенія... Между повѣстями его есть не совсѣмъ удачныя, каковы, напр., «Савелій Грабъ», «Мичманъ Поцѣлуевъ», «Бѣдовикъ»... Онѣ скучны въ цѣломъ, но въ подробностяхъ встрѣчаются драгоцѣнныя черты русскаго быта, русскихъ нравовъ. Многіе разсказы очень занимательны, легко читаются и незамѣтно обогащаютъ васъ такими знаніями, которыя, внѣ этихъ разсказовъ, не всегда можно пріобрѣсти и побывавши тамъ, гдѣ бывалъ Даль. Такъ въ разсказахъ: «Майна», «Бикей» и «Мауляна» знакомитъ онъ насъ съ нравами и бытомъ Кайсаковъ; въ «Цыганкѣ»—съ молдавскою цивилизаціею и положеніемъ Цыганъ въ тамошнемъ краѣ; въ «Болгаркѣ»—съ патріархальными нравами патріархальнаго болгарскаго племени, мало уступающими въ дикости патріархальнымъ кайсацкимъ нравамъ. Вообще, гдѣ основа разсказа проще, малосложнѣе, менѣе запутана, тамъ и разсказъ выходитъ лучше. Къ лучшимъ разсказамъ принадлежатъ, по нашему мнѣнію, «Хмѣль», «Сонъ и Явь» и «Вакхъ Сидоровъ Чайкинъ»...

Въ физіологическихъ очеркахъ своихъ Даль является уже не просто бывалымъ, умнымъ, наблюдательнымъ человѣкомъ и даровитымъ литераторомъ, но еще художникомъ... Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы написать «Дворника», «Деньщика» и «Колбасники и Бородачи», мало наблюдатель-

ности и самаго строгаго изученія дѣйствительности: нуженъ еще элементъ творчества. Иначе, изображенія дворника, деньщика и купцовъ съ купчихами и купецкими дочерьми не являлись бы въ статьяхъ г. Даля типами, не поражали бы своею живою, внутреннею вѣрностію дѣйствительности, не врѣзывались бы навсегда и такъ глубоко въ памяти того, кто прочелъ ихъ разъ... Ихъ можно не только читать, но и перечитывать, и каждый разъ будутъ они казаться все лучше и лучше.

Намъ кажется, что г. Даль, пиша русскія сказки, повѣсти и разсказы, искалъ настоящей дороги для своего таланта, а написавши «Дворника», «Деньщика», «Колбасники и Бородачи», нашелъ ее... Это подтверждается отчасти повѣстью «Бѣдовикъ»: въ ней мы видимъ какъ бы въ зародышѣ то лицо, которое такъ полно и богато, такъ ясно и рѣзко обозначилось потомъ въ «Деньщикѣ». Какъ бы то ни было, но физіологическіе очерки г. Даля считаемъ мы перлами современной русской литературы, и желаемъ и надѣемся, что теперь г. Даль обратитъ свой богатый и сильный талантъ преимущественно на этотъ родъ сочиненій, не теряя болѣе времени на сказки, повѣсти и разсказы...

ВОСПОМИНАНІЯ ѲАДДЕЯ БУЛГАРИНА. *Отрывки изъ видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго въ жизни. Часть третья. Спб. 1847* *).

Первыя двѣ части «Воспоминаній» г. Булгарина подверглись жестокимъ нападкамъ со стороны нѣкоторыхъ журналовъ. Противники г. Булгарина были, въ своихъ нападкахъ, какъ это часто бываетъ въ такихъ случаяхъ, и правы

*) Статья эта, напечатанная по рукописи, въ «Современникѣ», какая-то странная передѣлка.

и неправы. Правы они были потому, что ихъ указанія на слабыя стороны сочиненій г. Булгарина большею частію были основательны и справедливы; неправы же они были потому, что въ ихъ рецензіяхъ на «Воспоминанія» было замѣтно какое-то личное ожесточеніе противъ автора этой книги, и поэтому, явное желаніе видѣть въ ней одно дурное и, во что̀ бы ни стало, не видѣть ничего хорошаго. Поэтому, они разсматривали это сочиненіе преимущественно по отношенію его къ личности автора, болѣе всего обращая вниманіе на тѣ мѣста, въ которыхъ онъ говоритъ о самомъ себѣ и своихъ отношеніяхъ къ разнымъ лицамъ, пользовавшимся извѣстностію въ литературномъ и политическомъ мірѣ.

Найти недостатки можно во всякомъ сочиненіи; но долгъ справедливой и безпристрастной критики указать на хорошее, если оно есть, и въ самомъ дурномъ произведеніи. А «Воспоминанія» г. Булгарина, несмотря на всѣ ихъ недостатки, принадлежатъ скорѣе къ числу хорошихъ, нежели дурныхъ сочиненій. Въ ихъ содержаніи много любопытнаго и интереснаго, разсказаннаго мѣстами живо и увлекательно. Наша литература всего бѣднѣе записками или мемуарами, которыми такъ страшно богата французская литература. Старина наша день ото дня все больше и больше изчезаетъ отъ насъ; а Россія такъ быстро измѣняется, что для насъ и десять лѣтъ назадъ—уже старина. Книга же г. Булгарина начинается описаніемъ того, что̀ было слишкомъ за полвѣка назадъ, и третій томъ ея ограничивается 1806 годомъ, слѣдовательно, эпохою отъ которой протекло уже сорокъ лѣтъ. Дорожа всякою чертою безвозвратно уходящаго отъ насъ прошедшаго, мы очень благодарны г. Булгарину за то, что онъ захотѣлъ и съумѣлъ сохранить не одну любопытную черту нравовъ этого прошедшаго. Книга его—не исторія, и потому намъ вовсе нѣтъ дѣла до того, что въ ней есть ошибки, важныя въ глазахъ военнаго исто-

рика или ученаго стратегика; книга г. Булгарина—его личныя воспоминанія о томъ, что̀ онъ видѣлъ и слышалъ въ продолженіи своей жизни, а онъ жилъ не мало, не на одномъ мѣстѣ, видѣлъ и слышалъ много, и потому для насъ имѣютъ особенный интересъ тѣ изъ его взглядовъ и сужденій, которыя отзываются не нашимъ временемъ. Въ мемуарахъ авторъ всегда говоритъ отъ своего лица, оно играетъ тутъ важную роль, и мы не иначе, какъ черезъ него принимаемъ участіе въ разсказываемыхъ имъ событіяхъ. Его личность никогда не закроетъ отъ читателя истины, потому что для читателя самъ авторъ является тутъ ничѣмъ инымъ, какъ живымъ фактомъ прошедшаго.

Не входя въ излишнія подробности о книгѣ г. Булгарина, скажемъ, что въ ней гораздо больше достоинствъ, нежели недостатковъ. Первая часть богата самыми живыми подробностями о нравахъ старой Польши и объ отношеніяхъ къ Россіи присоединенной тогда къ ней Бѣлоруссіи. Ничего подобнаго нельзя найти ни въ какой другой книгѣ, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ. Во второй части много въ высшей степени интересныхъ подробностей о Петербургѣ того времени, о корпусномъ воспитаніи. Портреты Клингера и Пурпура, нарисованные съ большимъ умѣніемъ, драгоцѣнны каждый по своему. Третья часть преимущественно наполнена военными подробностями, но авторъ умѣлъ ихъ сдѣлать интересными не для однихъ военныхъ, говоря больше о томъ, что̀ онъ самъ видѣлъ или слышалъ, нежели о томъ, что̀ мы и безъ него могли бы узнать изъ книгъ. Много есть любопытныхъ чертъ нравовъ общества при началѣ царствованія Александра Благословеннаго. Во всякомъ случаѣ, желаемъ, чтобы въ слѣдующихъ частяхъ своего сочиненія г. Булгаринъ еще больше обратилъ свое вниманіе преимущественно на нравы и разсказалъ бы намъ еще больше анекдотовъ въ родѣ тѣхъ, которыми оканчивается третья часть его «Воспоминаній».

Зная, что нашъ отзывъ о книгѣ г. Булгарина породитъ много толковъ въ литературныхъ кружкахъ и котеріяхъ, считаемъ за нужное сказать здѣсь нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ. Однимъ изъ главныхъ правилъ, принятыхъ редакціею «Современника» за основаніе ея дѣятельности и направленія — удаляться равно какъ дружескихъ союзовъ, такъ и враждебныхъ отношеній къ партіямъ и лицамъ. Если на безпристрастныхъ людей производитъ непріятное впечатлѣніе, когда какой-нибудь журналъ постоянно превозноситъ похвалами все, что̀ бы ни было написано авторомъ, которому онъ какъ-будто подрядился удивляться, забывая, что нѣтъ совершенства безъ недостатковъ, то еще возмутительнѣе для людей безпристрастныхъ, когда какой-нибудь журналъ изберетъ какое - нибудь извѣстное лицо въ литературѣ мишенью безпрерывной полемической пальбы, и употребляетъ всѣ усилія увѣрить публику, будто онъ искренно не видитъ въ этомъ литераторѣ ни искры ума, таланта и даже смысла. Не говоря уже о томъ, что такой журналъ достигаетъ, въ отношеніи къ постоянно-гонимому имъ лицу, совсѣмъ не того результата, котораго добивается, ибо никто не станетъ истощаться въ брани на предметъ ничтожный,—подобный образъ дѣйствованія даетъ дурной тонъ литературѣ и роняетъ ее въ общемъ мнѣніи. Къ такимъ поястоянно-гонимымъ нѣкоторыми журналами лицамъ принадлежитъ не только г. Булгаринъ, но даже и Гоголь... Мы думаемъ, что подобныя замашки есть остатки полемическаго духа, въ неумѣренности котораго особенно выразилось дѣтское состояніе нашей литературы, и что въ наше время, къ чести русской литературы, пора имъ сдѣлаться исключеніемъ изъ общаго правила... По крайней мѣрѣ мы твердо рѣшились, съ своей стороны, способствовать этому всѣми мѣрами и, въ нашей критикѣ, имѣть дѣло только съ книгами и мнѣніями, а не съ авторами и лицами. Знаемъ, что такой способъ

дѣйствованія для насъ лично будетъ сопряженъ съ своего рода невыгодами: авторъ разбираемой книги можетъ найдти, что мы мало хвалили его книгу, а наши противники—объявить, напротивъ, что мы вступили въ союзъ съ этимъ авторомъ... Послѣднее обвиненіе «Современникъ» уже навлекъ на себя еще прежде выхода въ свѣтъ своей первой книжки... Но что бы ни было, а мы пойдемъ своей дорогою, въ увѣренности, что истина, рано или поздно, а возьметъ свое...

ТЕРЕЗА ДЮНОЙЕ. *Романъ Евгенія Сю. Переводъ В. М. Строева. Спб. 1847. Четыре части.*

МАТИЛЬДА, ЗАПИСКИ МОЛОДОЙ ЖЕНЩИНЫ. *Сочиненіе Евгенія Сю, автора* Парижскихъ Тайнъ *и* Вѣчнаго Жида. *Переводъ съ французскаго, пересмотрѣнный и исправленный В. Строевымъ. Спб. 1846—1847. Тринадцать частей.*

СЫНЪ ТАЙНЫ. (Le Fils du Diable) *Романъ Поля Феваля. Спб. 1847. Два тома, восемь частей.*

ІЕЗУИТЪ. *Характеристическая картина изъ (?) первой четверти осьмнадцатаго столѣтія. Соч. К. Шпиндлера. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1847. Три части.*

Романъ и повѣсть овладѣли въ наше время литературою, или вовсе вытѣснивъ, или оттѣснивъ на задній планъ всѣ другіе ея роды. Можно сказать безъ большаго преувеличенія, что подъ литературою въ наше время разумѣются романъ и повѣсть. Оставя на время въ сторонѣ разницу между романомъ и повѣстью, будемъ то и другое разумѣть подъ однимъ первымъ именемъ, такъ какъ повѣсть есть ничто иное, какъ видъ романа. Романъ выходитъ отдѣльно,—и если онъ хоть сколько-нибудь хорошъ или дуренъ въ любимомъ вкусѣ времени,—онъ будетъ имѣть успѣхъ, не

залежится въ книжныхъ лавкахъ, а его авторъ и съ извѣстностію и съ именемъ. Журналъ просто не можетъ существовать безъ романа. И добро бы еще журналъ въ нашемъ русскомъ смыслѣ, т.-е. то, что̀ въ Европѣ называется «обозрѣніемъ» (revue); нѣтъ! настоящій журналъ, то, что̀ у насъ называется газетою, уже не можетъ поддерживаться только одною политикою, которая всѣхъ такъ интересуетъ и волнуетъ, къ которой всѣ такъ ненасытимо жадны. Въ фельетонахъ этихъ журналовъ печатаются длинные романы, и терпѣливые читатели, въ продолженіи года, а иногда и слишкомъ, довольствуются двумя или много тремя главами «интереснаго» романа въ недѣлю, и каждый изъ нихъ пуще всего боится умереть прежде, нежели успѣетъ прочесть его послѣднюю заключительную главу, для пущей важности обыкновенно называемую «эпилогомъ»... Но вотъ и эпилогъ прочтенъ—глядь, въ слѣдующемъ, а иногда и въ томъ же листкѣ начало новаго романа—и опять трепещетъ за свою жизнь бѣдный читатель въ продолженіи года, вплоть до вожделеннаго эпилога... Журналы набили страшныя цѣны на романы, и теперь иной бездарный писака, въ родѣ г. Поля Феваля, напримѣръ, получаетъ, можетъ-быть, тѣ же суммы, которыя, назадъ тому лѣтъ тридцать казались баснословно-огромными, когда дѣло шло о романахъ отца и творца новѣйшаго романа, великаго и геніяльнаго Вальтера-Скотта... Не только люди съ замѣчательнымъ дарованіемъ, какъ Ежень Сю, или съ какимъ-нибудь дарованіемъ, какъ Александръ Дюма, даже люди вовсе безъ дарованія, какъ уже упомянутый нами Поль Феваль, продаютъ по контрактамъ свое вдохновеніе, или свой задоръ, свой талантъ, или свою бездарность, словомъ, свою дѣятельность на столько-то лѣтъ такому-то журналу. О деньгахъ тутъ спору нѣтъ: онѣ считаются тутъ десятками тысячъ и восходятъ до сотенъ тысячъ—только пишите, пишите какъ можно больше, пишите день и ночь, пишите

за двоихъ, за троихъ, а не станетъ васъ на это одного, найдите себѣ сотрудниковъ, устройте фабрику... Что деньги—деньги вздоръ, дѣло—романъ, за романъ мы не пожалѣемъ денегъ и будемъ подписываться на журналы, лишь бы въ ихъ фёльетонахъ тянулись безконечные романы... Что же за чародѣй этотъ романъ? Въ чемъ заключается причина его владычества надъ грамотными массами? О чемъ онъ имъ говоритъ, чему ихъ учитъ, чѣмъ прельщаетъ?

Романъ порожденъ рыцарскими временами, какъ и романсъ. Романское нарѣчіе, образовавшееся на югѣ Франціи, дало ему имя. Содержаніе его составляли рыцарскіе подвиги; тутъ, разумѣется, важную роль играли красавицы и волшебники. Между дѣйствительнымъ и мечтательнымъ міромъ не проводилось никакой черты, и чѣмъ нелѣпѣе былъ разсказъ, тѣмъ казался онъ вѣроятнѣе. Отъ такихъ-то романовъ помѣшался благородный ламанчскій дворянинъ, обезсмертившій себя, благодаря несравненному генію Сервантеса, подъ именемъ донъ Кихота. Потомъ наступилъ вѣкъ сантиментально - аллегорическихъ романовъ, изъ которыхъ особенно былъ знаменитъ «Романъ Розы». Впрочемъ, полное торжество романа настало только въ XVIII вѣкѣ, не въ томъ смыслѣ, чтобы въ это время онъ получилъ опредѣленное и настоящее значеніе, а въ томъ, что онъ сдѣлался любимымъ родомъ словесности преимущественно передъ всѣми другими ея родами. Но еще гораздо прежде XVIII вѣка явилось нѣсколько замѣчательныхъ твореній въ этомъ родѣ. Геніяльный Рабле — этотъ Вольтеръ XVI вѣка, облекалъ сатиру въ форму чудовищно-безобразныхъ романовъ; и въ томъ же вѣкѣ, великій Сервантесъ написалъ своего безсмертнаго донъ Кихота, въ которомъ сатира явилась въ формѣ высоко-художественнаго романа. Въ XVII вѣкѣ, Скарронъ попытался на изображеніе дѣйствительности, какъ понималъ ее веселый и циническій умъ его, въ своемъ «Ко-

man Comique»*), который навсегда останется замѣчательнымъ произведеніемъ, какимъ по справедливости доселѣ считался.

Въ XVIII вѣкѣ романъ не получилъ никакого опредѣленнаго значенія. Каждый писатель понималъ его по своему. Ричардсонъ и Фильдингъ дѣлали изъ него картины частной семейной жизни, съ цѣлью установить для нея неизмѣняемыя моральныя правила, и потому онъ у нихъ былъ длиненъ, растянутъ, чопоренъ, поучителенъ и сухъ. Добрый Нѣмецъ, Августъ Лафонтенъ, плѣнялъ въ романѣ чувствительныя души приторно-сладенькими мѣщанскими картинами семейственнаго счастія, въ нѣмецкомъ вкусѣ. Французъ Дюкре-Дюмениль (Ducray Duminil **) разсказывалъ въ романѣ о дѣтяхъ, которыхъ рожденіе покрыто тайною, но которыя потомъ благополучно находятъ своихъ «дражайшихъ родителей», папеньку и маменьку, и дѣлаются богатыми и счастливыми. Англичанка Анна Радклифъ, или Радклейфъ (Radcliffe) пугала въ романѣ воображеніе своихъ читателей явленіями мертвецовъ и призраковъ, которыя потомъ очень естественно объяснились тайными ходами и дверями въ замкахъ. Англичанинъ Левисъ (Lewis) угощалъ въ романѣ пылкое воображеніе своихъ читателей таинственными лицами, въ родѣ выходцевъ съ того свѣта ***). Нѣмецъ Шписъ сдѣлалъ изъ романа мистически-фантастически-аллегорическій разсказъ съ нравственною цѣлью. Многочисленное племя романовъ подъ фирмою: «автора Ринальдо-Ринальдини», досыто кормило публику удалыми и иногда великодушными разбойниками. Г-жи Жанлисъ (Genlis) и Коттенъ (Cottin)

*) Знаменитый романъ Скаррона былъ переведенъ на русскій языкъ въ 1801 году, подъ нелѣпымъ заглавіемъ: «Смѣшныя повѣсти забавнаго Скаррона, съ описаніемъ его жизни и всѣхъ сочиненій», въ 4-хъ частяхъ.

**) Впрочемъ, Дюкре-Дюмениль принадлежитъ, по времени, и къ настоящему столѣтію: онъ родился въ 1761, а умеръ въ 1819 году.

***) Левисъ родился въ 1773, а умеръ въ 1818, знаменитый романъ его «Монахъ» вышелъ въ 1795 году.

прославились сантиментально - моральными романами, но у первой на главномъ планѣ была мораль и—ея неизбѣжная спутница — скука *). Не распространяясь ни объ авторѣ «Таинственной Урны», ни о романахъ Коцебу, и не упоминая о прочихъ, менѣе важныхъ романистахъ и романахъ прошлаго вѣка,—скажемъ, что всѣ изчисленныя нами романическія школы и издѣлія, несмотря на всѣ ихъ различія, совершенно сходны въ одномъ: всѣ онѣ изображали дѣйствительность, жизнь и людей въ искаженномъ видѣ, такъ, чтобы начитавшійся ихъ и повѣрившій имъ молодой человѣкъ, вступя въ дѣйствительную жизнь, съ ужасомъ увидѣлъ наконецъ, что она діаметрально-противоположна тому понятію о ней, которое извлекъ онъ изъ своихъ любезныхъ романовъ. Это были сказки, тѣшившія воображеніе и фантазію и добросовѣстно обманывавшія юный и неопытный умъ. Однакожъ, были и пріятныя исключенія изъ общности этого явленія. Французъ Лесажъ (Lesage), авторъ «Хромоногаго бѣса» и «Жиль - Блаза», именно тѣмъ и останется навсегда знаменитъ, что, при замѣчательномъ, хотя и не самобытномъ талантѣ (ибо большею частію заимствовалъ у Испанцевъ), онъ изображалъ жизнь и людей такими, каковы они есть на самомъ дѣлѣ, а не такими, какими бы имъ слѣдовало (по личному мнѣнію автора) быть **). Къ одной категоріи принадлежатъ Французъ Пиго - Лебрёнъ (Pigault-Lebrun ***) и Нѣмецъ Крамеръ (Gotlob-Cramer): оба они съ манерою изображать дѣйствительность, отчасти циническою

*) Stéphanie-Felicité Dugrest de St.-Aubin, comtesse de Genlis боролась въ своихъ романахъ, съ энциклопедистами, называя себя *литераторомъ* (homme de lettres) и *гувернеромъ* (gouverneur) дѣтей герцога Орлеанскаго. Родилась въ 1746, умерла въ 1830 году. Это былъ замѣчательнѣйшій и забавнѣйшій *синій чулокъ* прошлаго вѣка. Она оставила болѣе *восьмидесяти* сочиненій.

**) Лесажъ родился въ 1668, умеръ въ 1747 году. «Жиль-Блазъ» показался въ свѣтъ между 1715 –1735 годами.

***) Родился въ 1753, умеръ въ 1835 году.

и преувеличенною въ наше время Поль-де-Кокомъ, соединяли иронію отрицанія, чего вовсе нѣтъ у послѣдняго. Гораздо замѣчательнѣе ихъ и со стороны таланта и со стороны ироніи отрицанія, два Англичанина—Свифтъ (Swift), авторъ «Гулливерова Путешествія», и Стернъ (Sterne), авторъ «Тристрама Шанди» *). Нужно ли упоминать, что два вождя вѣка—Вольтеръ и Руссо, пользовались формою романа: одинъ для выраженія своихъ идей отрицанія, другой для выраженія своихъ восторженныхъ идей о любви («Новая Элоиза») и о воспоминаніи («Эмиль»)? Но нельзя не упомянуть о романѣ, который написанъ обыкновеннымъ человѣкомъ, но которому, по его поэтической и психологической вѣрности, суждено безсмертіе: мы говоримъ о Histoire du chevalier Desgrieux et de Manon Lescaut» аббата Прево (Prevost d'Exiles **).

Во всѣхъ лучшихъ романахъ прежняго времени видно стремленіе быть картиною общества, представляя анализъ его основаній. Но это было только стремленіемъ; XIX-му вѣку, въ лицѣ Вальтеръ - Скотта, предоставлено было навсегда утвердить истинное значеніе романа. Въ эпоху величайшаго торжества своего, великій шотландскій романистъ былъ, разумѣется, не понятъ. Всѣ думали, что вся тайна чрезвычайнаго ихъ успѣха заключается въ исторической вѣрности нравовъ и костюмовъ,—тогда какъ все дѣло заключалось прежде всего въ вѣрности дѣйствительности, въ живомъ и правдоподобномъ изображеніи лицъ, умѣніи все основать на игрѣ страстей, интересовъ и взаимныхъ отношеній характеровъ. Доказательствомъ справедливости нашего мнѣнія можетъ служить то, что, напримѣръ, «Сенъ-Ронанскія воды» и «Ламмермурская Невѣста», не будучи

*) Свифтъ родился въ 1667, умеръ въ 1745 году; Стернъ родился въ 1713, умеръ въ 1768 году.

**) Родился въ 1697, умеръ въ 1763 году. Знаменитый романъ его появился въ 1732 году.

ни сколько историческими, тѣмъ не менѣе принадлежатъ къ лучшимъ романамъ Вальтеръ-Скотта. Не понявши этого, явилась толпа подражателей во всѣхъ европейскихъ литературахъ, и историческіе романы свирѣпымъ потокомъ низвергнулись на литературы всей Европы и затопили ихъ. Вальтеръ - Скоттовъ развелось вездѣ столько, что дѣвать было некуда. Но въ сущности не они, не эти Вальтеръ Скотты, воспользовались новымъ широкимъ путемъ, проложеннымъ въ искусствѣ настоящимъ Вальтеръ-Скоттомъ. Только геній понимаетъ генія и пользуется правомъ преемственности отъ него продолженія великаго дѣла, потому что только геній умѣетъ отличить въ дѣлѣ идею отъ формы. Между романами Купера и Вальтеръ-Скотта столько же сходства, сколько между старою, историческою гражданственностію Англіи и юною, лишенною почвы преданій, еще не установившеюся цивилизаціею Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, сколько между блѣдною природою тѣснаго пространства, занимаемаго Великобританіею, и богатою природою неисходныхъ дѣвственныхъ пустынь Сѣверной Америки. А между тѣмъ, нисколько не подражая Вальтеръ-Скотту, Куперъ больше и лучше его жалкихъ подражателей воспользовался открытою имъ новою великою дорогою въ искусствѣ. Въ исторіи искусства и литературы такъ же все преемственно, какъ и въ исторіи человѣчества, и никакъ нельзя сказать, чтобы Жоржъ Сандъ не былъ столько же обязанъ генію Вальтеръ-Скотта и Купера, сколько этотъ послѣдній первому, а между тѣмъ, что̀ же есть общаго между романами Жоржа Санда и романами Вальтеръ-Скотта и Купера?..

Жоржъ Сандъ есть, безъ сомнѣнія, первый поэтъ и первый романистъ нашего времени. За его романами, не безъ основанія, утверждено названіе «соціяльныхъ», какъ за романами Вальтеръ-Скотта было съ меньшимъ основаніемъ утверждено названіе «историческихъ». Не нужно особенно пристально вглядываться вообще въ романы нашего

времени, сколько-нибудь запечатленные истиннымъ художественнымъ достоинствомъ, чтобы увидѣть, что ихъ характеръ по преимуществу соціяльный. Довольно указать на романы Англичанина Диккенса, обладающаго талантомъ высшаго разряда; а у насъ, въ Россіи, на произведенія автора «Мертвыхъ Душъ», давшаго живое общественное и глубоко-націонаціональное направленіе новой литературѣ своего отечества... Содержаніе романа — художественный анализъ современнаго общества, раскрытіе тѣхъ невидимыхъ основъ его, которыя отъ него же самого скрыты привычкою и безсознательностію. Задача современнаго романа — воспроизведеніе дѣйствительности во всей ея нагой истинѣ. И потому очень естественно, что романъ завладѣлъ, исключительно передъ всѣми другими родами литературы, всеобщимъ вниманіемъ: въ немъ общество видитъ свое зеркало и, черезъ него, знакомится съ самимъ собою, совершаетъ великій актъ самосознанія.

«Какъ!—скажутъ намъ, можетъ-быть: — и эти разсказы о небывалыхъ и невозможныхъ князьяхъ Рудольфахъ, рыцарствующихъ въ кабакахъ и убѣжищахъ нищеты и воровства, о вѣчномъ жидѣ и дражайшей половинѣ его Продіанѣ, обнимающихся черезъ Беринговъ проливъ, о бѣдномъ морякѣ, который превращается какимъ-то чудомъ въ графа Монте-Кристо, обладающаго билліонами, всѣ эти «тайны»— лондонскія, берлинскія, брюссельскія, всѣ эти эти дѣти тайны или чорта,— неужели все это не вздорныя сказки, а глубокій анализъ, вѣрная картина современнаго общества?»

Мы охотно признали бы справедливость подобнаго возраженія, еслибъ оно намъ было сдѣлано; скажемъ болѣе: этотъ-то вопросъ и составляетъ предметъ нашей статьи. Но прежде, нежели мы къ нему обратимся, намъ нужно воротиться немного назадъ.

Еще прежде нежели романы Вальтеръ Скотта получили всеобщую извѣстность и классическій авторитетъ, романъ

въ XIX вѣкѣ началъ уже измѣняться въ духѣ и направленіи и стремиться къ болѣе серьёзному значенію. Революція измѣнила нравы Европы, сантиментальность прошлаго вѣка стала становиться смѣшною, а легкая каламбурная иронія и насмѣшливость уступать мѣсто то сарказму и юмору, то необузданному довѣрію къ фантастическимъ идеямъ. Переходная эпоха, не понимая себя и не находя въ себѣ самой никакой прочной опоры, бросилась искать спасенія въ среднихъ вѣкахъ. Чистаго, наивнаго вѣрованія, свойственнаго вѣкамъ младенческаго состоянія человѣчества, не было и не могло быть въ цивилизаціи, обладавшей знаніемъ и прошедшей черезъ радикальное отрицаніе XVIII столѣтія. Это отразилось и на романѣ. Онъ не хотѣлъ больше быть сказкою для забавы празднаго воображенія; напротивъ, обнаружилъ притязаніе на рѣшеніе высшихъ вопросовъ мистической стороны жизни. И вотъ въ то время, когда Дюкре-Дюмениль и г-жа Жанлисъ досказывали еще свои запоздалыя сказки, Ирландецъ Матюренъ *) изумилъ всѣхъ, въ своемъ «Мельмотѣ Скитальцѣ» необузданностію дикой фантазіи, которая, при лучшемъ направленіи могла бы произвести что-нибудь, ознаменованное истиннымъ талантовъ. Въ Германіи геніяльный безумецъ Гофманъ возвысилъ до поэзіи болѣзненное разстройство нервъ. Обладая удивительнымъ юморомъ, при огромномъ талантѣ изображать дѣйствительность во всей ея истинности и казнить ядовитымъ сарказмомъ филистерство и гофратство своихъ соотечественниковъ,—онъ въ то же время, какъ истинный Нѣмецъ, призракамъ своего растроеннаго воображенія, которыхъ искренно пугался и боялся и надъ которыми тоже искренно смѣялся, и фантастическимъ нелѣпостямъ принесъ въ жертву и свой несравненный талантъ и безсмертіе имени своего въ потомствѣ... Артистъ по натурѣ, поэтъ,

---

*) Родился въ 1782, умеръ въ 1824 году.

живописецъ и музыкантъ, одаренный въ высшей степени художественнымъ смысломъ, — какъ только познакомился онъ съ романами Вальтеръ-Скотта, тотчасъ понялъ, и то, что это истинныя произведенія творчества, и то, что̀ его собственные романы—незаконнорожденныя дѣти искусства. Тогда написалъ онъ лучшую свою повѣсть, такъ громко свидѣтельствующую объ огромности его таланта—«Мастеръ Іоганесъ Вахтъ», въ которой уже не было ничего фантастическаго. Казалось, онъ рѣшился идти новою дорогою; но было уже поздно: вскорѣ послѣ того, онъ умеръ, истощенный безпорядочнымъ образомъ жизни *). Жанъ Поль Рихтеръ, въ «Титанѣ» и «Леваніи», съ замѣчательнымъ талантомъ выражалъ свои раздуто-идеальныя, натянуто-превыспренныя идеи о значеніи человѣка и жизни его. Къ этой же категоріи должно отнести Тика, романтика по убѣжденію и довольно посредственнаго писателя, который, впрочемъ, писалъ во всѣхъ родахъ. Его «Витторія Аккарамбони» есть попытка написать романъ уже въ духѣ нашего времени.

Еще въ концѣ прошлаго вѣка, (1774) Гёте издалъ своего «Вертера» **)—этого родоначальника слабыхъ, болѣзненныхъ натуръ, которыми всегда такъ обильны переходныя эпохи. «Вильгельмъ Мейстеръ», по своему дидактическому характеру, принадлежитъ къ типу «Эмиля» Руссо; но въ «Вертерѣ» Гёте какъ будто опередилъ время и разгадалъ болѣзнь будущаго вѣка. Поэтому его романъ имѣлъ на нашъ вѣкъ огромное вліяніе,—и «Вертеръ» явился потомъ въ «Рене» Шатобріана, въ «Обермане» Сенанкура и отразился въ безчисленномъ множествѣ другихъ, болѣе

*) Гофманъ родился въ 1776, умеръ въ 1822 году.

**) Шиллеръ тоже написалъ романъ: *Духовидецъ*, въ которомъ всѣ чудеса производятся впрочемъ очень естественно, посредствомъ обмана, жертвой котораго дѣлается не читатель, а герой романа. Романъ этотъ недостоинъ имени своего автора.

или менѣе замѣчательныхъ или незамѣчательныхъ произведеній. Шатобріанъ не довольствовался «Аталою» и «Рене»: онъ изъ «Мучениковъ» сдѣлалъ романъ, довольно надутый и риторическій; но онъ былъ въ духѣ реакціи прошлому вѣку, и потому привелъ въ восторгъ возвратившуюся во Францію эмиграцію, которая горькимъ опытомъ дознала, что для нея выгоднѣе мистическій піэтизмъ, нежели вольтеріянское кощунство, недавно столь любимое ею... Надутый Дарлинкуръ, въ своихъ нелѣпыхъ романахъ, довелъ до каррикатуры это романтико-піэтическое направленіе.

По мѣрѣ ознакомленія Франціи съ европейскими литературами, которыхъ она прежде съ гордымъ невѣжествомъ не хотѣла знать, ея собственная литература подверглась вліянію всѣхъ другихъ литературъ, преимущественно англійской, и отчасти даже нѣмецкой. Въ романѣ особенно отразилось двойственное вліяніе Вальтеръ-Скотта и Байрона. Тогда-то возникла такъ называемая «неистовая школа», любившая изображать адъ душевныхъ и физическихъ страданій человѣка. Всѣ страсти, всѣ злодѣйства, варварства, пороки, пытки, муки—были пущены въ дѣло Демоническія натуры à la Byron дюжинами рисовались въ качествѣ героевъ новыхъ произведеній. Это было ложно и натянуто, потому-что эти страшные Байроны въ сущности были предобрые и даже веселые ребята; но все это было не безъ смысла, не безъ таланта, не безъ достоинства, хотя и временнаго только.

Французы всегда умѣютъ остаться Французами, подъ чьими бы и подъ сколькими бы вліяніями ни находились они. И потому эти «разочарованные» романы никогда не брались ни за отвлеченныя, ни за фантастическія идеи, но всегда имѣли въ виду общество, и если, съ одной стороны, страшно лгали на него, то, съ другой, иногда и говорили правду, а главное — подняли важные общественные вопросы, — больше всѣхъ вопросъ о пауперизмѣ. Наконецъ,

явился Жоржъ Сандъ, — и романъ окончательно сдѣлался общественнымъ, или соціяльнымъ.

Какое бы ни было направленіе французскихъ романистовъ—Бальзака, Гюго, Жанена, Сю, Дюма и пр., въ первую эпоху ихъ дѣятельности,—оно имѣло свои хорошія стороны, потому-что происходило отъ болѣе или менѣе искреннихъ личныхъ убѣжденій и невольно выражало духъ времени. Всѣ эти романисты писали съ французскою живостію и быстротою, но, однакожь, не на заказъ. Въ ихъ сочиненіяхъ видно было уваженіе и къ литературѣ, и къ публикѣ, и къ самимъ себѣ, потому что видны были слѣды мысли, соображенія, литературной отдѣлки. И вдругъ все это измѣнилось: потянулись романы одинъ другаго длиннѣе, безобразнѣе, нелѣпѣе. Если въ прежнихъ романахъ частенько нарушалось правдоподобіе, это происходило отъ ложности убѣжденія, которое все-таки было искренно и наивно. Но теперь не то: теперь авторъ сознательно искажаетъ истину, лжетъ съ умысломъ, придумываетъ нелѣпости съ намѣреніемъ. Ему лишь бы эффектъ былъ, а каковъ этотъ эффектъ—не его дѣло; онъ обращается съ своими читателями, какъ съ школьниками, какъ Далай Лама съ своими поклонниками, морочитъ ихъ, какъ фокусникъ, выдающій себя за колдуна передъ толпою деревенскихъ простаковъ. За примѣрами ходить не далеко; они у всѣхъ въ свѣжей памяти. Но прежде надобно условиться въ значеніи романа, какъ поэтическаго произведенія. Романъ, какъ всякое художественное произведеніе, есть воспроизведеніе явленій дѣйствительнаго міра во всей ихъ истинѣ. Истина также есть предметъ и цѣль искусства, какъ и философіи; вся разница въ средствахъ и пріемахъ. Иначе, чѣмъ бы искусство было выше игры въ карты? Нѣтъ, оно было бы ниже всякаго ремесла, потому-что ремесло полезно. Но если бы романъ былъ и просто только сказкою для развлеченія отъ скуки, и тогда люди съ умомъ въ правѣ были бы требовать отъ него.

чтобъ онъ, и въ качествѣ сказки, удовлетворялъ ихъ какъ людей съ умомъ, а не какъ глупцовъ. А что же можетъ быть умнаго въ невозможномъ? А развѣ возможны эти богатства частныхъ людей, превосходящія годовой бюджетъ богатѣйшаго изъ европейскихъ государствъ? Но вотъ примѣръ самый свѣжій. Въ послѣднемъ и остановившемся, кажется, надолго, къ крайнему огорченію его читателей и почитателей, романѣ своемъ «Записки Врача», г. Александръ Дюма показалъ такой неслыханный опытъ безстыднаго неуваженія къ здравому смыслу публики, который долженъ привести въ отчаяніе всѣхъ другихъ сказочниковъ. Извѣстно, что въ XVIII вѣкѣ былъ шарлатанъ, который выдавалъ себя за графа де Сенъ-Жермена и умѣлъ втереться ко двору Людовика XV. Этотъ шарлатанъ, какъ догадываются, принадлежалъ къ шайкѣ герметистовъ (обладающихъ алхимическою тайною дѣлать золото), которой главою былъ извѣстный авантюристъ Казанова; онъ разглашалъ о себѣ, что умѣетъ дѣлать золото и что онъ жилъ во всѣ вѣка и помнитъ, какъ своихъ современниковъ, Сократа, Платона, Александра Македонскаго, Юлія Цезаря, не говоря уже о замѣчательныхъ лицахъ отъ Карла Великаго до XVIII вѣка включительно. Есть преданіе, будто, за веселымъ ужиномъ, онъ предрекъ своимъ собесѣдникамъ ужасы революціи, и когда они показали недовѣрчивость къ его пророчеству, онъ пригласилъ ихъ посмотрѣть другъ на друга, — и они съ ужасомъ увидѣли себя обезглавленными, кромѣ одного, который въ послѣдствіи дѣйствительно успѣлъ увернуться отъ гильотины. Разумѣется, это преданіе одного сорта съ преданіемъ о «Вѣчномъ Жидѣ» и сочинено заднимъ числомъ. Но г. Александру Дюма того и нужно. Онъ вспомнилъ кстати о другомъ знаменитомъ шарлатанѣ XVIII вѣка, фокусникѣ, интриганѣ, пройдохѣ и мошенникѣ Калліостро,—и изъ этихъ двухъ, совершенно различныхъ лицъ, сдѣлалъ одно, предоставивъ ему лестную честь играть

роль героя своего новаго романа. Этотъ герой ѣдетъ въ Парижъ, верхомъ на арабскомъ жеребцѣ, сопровождая карету, которая похожа на домъ и состоитъ изъ двухъ отдѣленій: въ одномъ устроена химическая лабораторія, и въ ней столѣтній старикъ, что-то въ родѣ Индійца или Тибетца, занимается, дорогою, отыскиваніемъ жизненнаго элексира, дающаго человѣку безсмертіе; другое отдѣленіе какъ во всѣхъ каретахъ—въ немъ сидитъ прекрасная дѣвушка. Когда герою г. Александра Дюма нужно узнать или будущее, или что-нибудь такое, чего, за отдаленностію нѣсколькихъ десятковъ или сотенъ миль, онъ не можетъ видѣть и знать,—тогда онъ однимъ взглядомъ и размѣренными движеніями рукъ приводитъ въ сомнамбулизмъ первую попавшуюся ему молоденькую и хорошенькую дѣвушку и повелительно дѣлаетъ ей нужные ему вопросы, а она, трепеща и страдая тѣломъ и душою, покорно отвѣчаетъ ему... Такимъ образомъ, посредствомъ магнетическаго вліянія, онъ влюбилъ въ себя красавицу, обреченную монастырю и уже постриженную, и увелъ ее изъ монастыря сквозь стѣны, запертыя на замки ворота, мимо караульныхъ... Ему все возможно—на то онъ и герой... Въ это время ѣхала изъ Вѣны въ Парижъ австрійская эрцъ-герцогиня, Марія Антуанета, къ своему жениху, будущему королю Франціи, Людовику XVI. На дорогѣ вздумалось ей заѣхать къ одному раззорившемуся маркизу (т. е. Александру Дюма вздумалось вложить ей это желаніе). Маркизъ ничего не предчувствуетъ, но герой романа, остановившійся на ночь въ его развалившемся зàмкѣ, предсказываетъ ему это. Пріѣхала принцесса—принять ее негдѣ, угостить нечѣмъ. Но для нашего героя это не затрудненіе, а пустяки: махнулъ рукою—и на дворѣ, подъ липами, явилась великолѣпная палатка, а въ ней—великолѣпно сервированный столъ съ чудными завтракомъ: бѣлье тоньше паутины, бѣлѣе снѣгу, золото, серебро, фарфоръ, хрусталь... Герой ловко набивается на

честь быть представленнымъ, въ качествѣ колдуна, принцесѣ. Чтобъ убѣдиться въ его чародѣйствѣ, она требуетъ, чтобъ онъ предсказалъ ей ея будущую участь. Поломавшись, онъ согласился; всѣ вышли изъ палатки, колдунъ сталъ смотрѣть въ графинъ съ какою-то жидкостію и показывать его принцессѣ: г. Александръ Дюма не открылъ своимъ читателямъ, что̀ увидѣла тамъ принцесса, но когда, услышавъ крикъ ея, свита вбѣжала въ палатку, принцесса лежала на полу безъ чувствъ, а колдуна и слѣдъ простылъ, словно сквозь землю провалился... Понятно, что онъ предрекъ ей событія 93 года, столь плачевныя для королевской фамиліи. Извѣстно достовѣрно, что Маріи Антуанетѣ никто подобнаго предсказанія не дѣлалъ; но если г. Александръ Дюма давно уже отрекся начисто отъ здраваго смысла, какъ унизительной для генія препонѣ, то что̀ ему послѣ этого исторія — къ чорту ее!... Пріѣхавъ въ Парижъ, онъ, посредствомъ магнетизированія своей красавицы (которая было улепетнула отъ него, но которую онъ опять съумѣлъ вырвать изъ монастыря, гдѣ настоятельницею была дочь Лудовика XV), онъ узнаетъ все, что̀ дѣлается въ Парижѣ, и, словно кашу, варитъ въ химической кострюлѣ кусокъ золота для кардинала Рогана, въ его присутствіи,—кусокъ, цѣною въ триста тысячъ франковъ... Дальнѣйшихъ фокусъ-покусовъ интереснаго героя мы не знаемъ, затѣмъ, что романъ остановился, какъ по причинѣ путешествія автора въ Испанію, а оттуда, на казенномъ пароходѣ, въ Алжиръ, такъ и по причинѣ процесса, въ который впутался великій господинъ Александръ Дюма, за одну изъ тѣхъ продѣлокъ на манеръ Калліостро, которыя отъ однихъ удостоиваются названія «геніяльныхъ», а отъ другихъ... какъ бы это сказать повѣжливѣе?... ну хоть—«безчестныхъ»... О, великій господинъ Александръ Дюма, о, достойный герой, о, любимое балованное дитя нашего вѣка! — что̀-то еще наплетешь и напутаешь ты намъ въ своемъ романѣ, когда, вдохновлен-

ный штрафами, которые принужденъ будешь заплатить по приговору суда, или —чего, вѣроятно, съ тобою не будетъ— воспользовавшись уединеніемъ тюрьмы (которой бы ты, право, стоилъ!), — примешься ты вновь продолжать интересныя похожденія своего интереснаго и достойнаго галеръ героя? ..

И вотъ такіе то романы теперь всѣми читаются съ жадностью, увеличиваютъ собою число подписчиковъ на политическіе журналы, доставляютъ своимъ производителямъ огромныя деньги; потомъ отпечатываются отдѣльно и по всей Европѣ расходятся въ неимовѣрномъ числѣ экземпляровъ, и, наконецъ, даютъ пищу и поддерживаютъ въ переводахъ даже нѣкоторые изъ нашихъ журналовъ, и опять отдѣльно печатаемые, расходятся въ большомъ числѣ экземпляровъ!

Что̀ это такое? Или снова насталъ вѣкъ Анны Радклифъ и автора «Ринальдо Ринальдини» съ братіею? Или, и въ самомъ дѣлѣ, нашъ дряхлый вѣкъ впалъ въ умственное младенчество и не можетъ иначе вздремнуть послѣ сытнаго обѣда, какъ подъ однообразный лепетъ старой няни, разсказывающей ему разныя небылицы?. . Или, и въ самомъ дѣлѣ, правъ негодующій поэтъ, который сказалъ, что

Насъ тѣшутъ блестки и обманы;
Какъ ветхая краса, нашъ ветхій міръ привыкъ
Морщины прятать подъ румяны?...

Не спѣшите обвинять нашъ вѣкъ — ему и такъ больно достается со всѣхъ сторонъ, и его только бранятъ, а никто не похвалитъ.... А между тѣмъ, право, его есть за что̀ и похвалить. Правда, онъ вовсе не рыцарь, не думаетъ нисколько ни о добродѣтели, ни о морали, ни о чести, и весь погруженъ въ пріобрѣтеніе, или, какъ у насъ ловко выражаются, въ благопріобрѣтеніе; правда, онъ торгашъ, алтынникъ, спекулянтъ, разжившійся всѣми неправдами откупщикъ; но онъ очень уменъ и, что̀ мнѣ

больше всего нравится въ немъ, очень вѣренъ самому себѣ, логически послѣдователенъ... Онъ, видите ли, лучше своихъ предшественниковъ смекнулъ, на чемъ стоитъ и чѣмъ держится общество, и ухватился за принципъ собственности, впился въ него и душою и тѣломъ, и развиваетъ его до послѣднихъ слѣдствій, каковы бы они ни были... Воля ваша, а тутъ нельзя не видѣть своего рода героизма логической послѣдовательности... И какъ ловко взялся онъ за это: изъ старой морали и изъ всего, чѣмъ думало держаться прежнее общество, онъ удержалъ только то, что пригодно ему, какъ полицейская мѣра, облегчающая средства къ «благопріобрѣтенію» и обезпечивающее спокойное обладаніе его сочными плодами... Чудный вѣкъ! нельзя довольно нахвалиться имъ! Его открытіе важнѣе открытія Америки и изобрѣтенія пороха и книгопечатанія, потому что открытая имъ великая тайна — теперь уже не тайна не для однихъ капиталистовъ, антрепренёровъ и подрядчиковъ, словомъ, «пріобрѣтателей», живущихъ чужими трудами, — но и для тѣхъ, которые для нихъ трудятся... и эти ужъ знаютъ, на чемъ міръ стоитъ, т. е. и они хотятъ читать романы....

И дѣйствительно, кто читаетъ эти романы? Въ старину чернь называлась у насъ «подлымъ народомъ»; благодаря образованности и просвѣщенію, это подлое названіе давно уже истребилось, а слово чернь удержалось. Но чернь есть вездѣ, во всѣхъ слояхъ общества; Пушкинъ указалъ намъ даже на свѣтскую чернь.... Вездѣ есть эти ординарныя, дюжинныя натуры, которымъ физическая пища нужна самая деликатная, утонченная, а нравственная — самая грубая, безвкусныя издѣлія харчевенныхъ поваровъ въ родѣ г. Александра Дюма съ братіею. Вы думаете, много читателей во Франціи у Жоржъ Санда? Вѣроятно, гораздо меньше, нежели сколько ихъ есть у него въ сложности въ другихъ странахъ Европы и въ Америкѣ. И Жоржъ Санду

журналисты платятъ большія деньги за печатаніе его романовъ въ фёльетонѣ, но это больше для громкаго имени, и потомъ (мы знаемъ это изъ достовѣрныхъ источниковъ) сильно пожимаются и наверстываютъ свою потерю продажею отдѣльно напечатаннаго того же романа. Вотъ другой примѣръ. Лучшій послѣ Жоржъ Санда романистъ во Франціи—Шарль Бернаръ. Это человѣкъ не геніяльный, но съ замѣчательнымъ талантомъ, истинный поэтъ, а не эффектный сказочникъ. Легитимистъ по своимъ убѣжденіямъ, онъ этимъ иногда вредитъ себѣ, какъ поэту, но поэтическій инстинктъ въ немъ такъ крѣпокъ, что отъ него часто достается своимъ и нерѣдко выставляетъ онъ въ лучшемъ свѣтѣ чужихъ. Какъ всегда просты и естественны завязка, ходъ, развитіе и развязка его романовъ! Какъ хорошо выдержаны характеры, какъ вѣрно изображается современное французское общество! Вспомнимъ хоть послѣдній романъ его «Деревенскій Дворянинъ»: въ немъ разсказаны происшествія двухъ или трехъ дней, до того простыя, естественныя, обыкновенныя, что мудрено было бы пересказать ихъ на словахъ, а между тѣмъ, зачитавши этотъ романъ, нельзя отъ него оторваться, не кончивши его... Вотъ это талантъ! Но пользуется ли онъ хотя десятою долею извѣстности, какою пользуется, напр., г. Александръ Дюма и подобные ему? Кто знаетъ его, напримѣръ, у насъ? А между тѣмъ, всѣ его романы постоянно переводились въ «Отечественныхъ Запискахъ» — журналѣ, который, какъ извѣстно, давно уже пользуется большимъ расходомъ.

Ежели грубыя и безвкусныя издѣлія въ родѣ «Записокъ Врача» находятъ себѣ читателей, почтателей и восторженныхъ обожателей въ образованныхъ классахъ общества, сколько же должны находить они ихъ въ полуобразованныхъ и низшихъ классахъ? И дѣйствительно, романы Сю, Дюма, Сулье и т. п. съ жадностію читаются въ Парижѣ дворниками (portiers), преимущественно ихъ женами

(portières), гризетками, лоретками и т. д., которые не читают романовъ Жоржа Санда, находя ихъ не интересными и скучными.

У насъ многіе негодуютъ на то, что такими романами преимущественно наполняются наши журналы, видя въ этомъ какой-то вредъ и для нравовъ и для литературы. Подобное мнѣніе намъ всегда казалось несправедливымъ. «Тысяча и одна ночь», или арабскія сказки не болѣе вредны для нравовъ. А что касается до искаженія вкуса и упадка литературы—это еще больше напрасное опасеніе. Есть люди, которые уже родятся съ такимъ вкусомъ, который только такими романами и можетъ удовлетворяться: не будь ихъ, они ничего не читали бы. А читать хоть и вздоръ, лишь бы безвредный, все же лучше, нежели играть въ карты или сплетничать. Что же касается до людей низшихъ классовъ общества, эти романы для нихъ—истинное благодѣяніе. Соотвѣтственно съ ихъ образованіемъ, эти романы для нихъ—художественныя произведенія, способныя развить и возвысить, а не исказить и огрубить ихъ понятія. Конечно, у насъ не только дворники, но и швейки еще не читаютъ романовъ (образованіе послѣднихъ пока еще не хватаетъ дальше водевильныхъ куплетцовъ россійскаго издѣлія); но сколько же у насъ людей, которые по образованію—тѣ же швейки, а по положенію имѣютъ и время и способы къ чтенію? Притомъ же, если чернь есть вездѣ, и въ высшихъ слояхъ общества, то и аристократія (природы) есть вездѣ, и въ низшихъ слояхъ общества. Иной переходитъ къ чтенію этихъ романовъ отъ «Бовы», «Еруслана» и «Георга Милорда Аглицкаго», а отъ этихъ романовъ — къ романамъ Вальтеръ-Скотта, Купера и ко всему, что иностранныя литературы и своя отечественная представляютъ лучшаго, и уже не возвращаются назадъ. А еслибъ и не такъ — что нужды, лишь бы читали!

Но если эти романы ни въ какомъ смыслѣ не могутъ

быть вредны, напротивъ, во многихъ отношеніяхъ полезны, — изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобъ ихъ авторы заслуживали уваженіе или благодарность. Они тѣмъ не менѣе все-таки торгаши, фигляры, гаеры, потѣшающіе за деньги толпу, безъ всякаго уваженія къ самимъ себѣ. Они трудятся не для литературы, не для искусства, не для общества, а только для своихъ житейскихъ выгодъ. За что жь ихъ уважать и благодарить? Волъ пасется на полѣ и, оставляя на немъ слѣды своего присутствія, способствуетъ его бо̀льшему плодородію на будущее лѣто, но кто за это поклонится ему?...

Грустнѣе всего, что къ этой шайкѣ сказочныхъ потѣшниковъ добровольно примкнулся писатель съ несомнѣннымъ и большимъ дарованіемъ. Мы говоримъ о знаменитомъ Еженѣ Сю. Въ его «Парижскихъ Тайнахъ» столько любви къ человѣчеству, благородныхъ инстинктовъ, столько страницъ, запечатлѣнныхъ признаками высокаго таланта! И между тѣмъ, весь романъ основанъ на мелодрамѣ, столько неестественныхъ лицъ, особенно между отличающимися по части добродѣтели! Герой романа—лицо сказочное, невозможное, героиня—и приторна и неестественна: поэтому эпилогъ, какъ неизбѣжное слѣдствіе ложной причины, бросается въ глаза своею пошлостію, приторною сантиментальностію, лицемѣрствомъ чувства, скукою, неестественностію, надутостію и фразёрствомъ. Въ «Вѣчномъ Жидѣ» мѣстами поражаютъ читателя тѣ же яркія достоинства, какими блистаютъ «Парижскія Тайны»; но недостатки уже во сто разъ поразительнѣе, нежели въ послѣднемъ романѣ. Важность іезуитовъ, сила ихъ вліянія мелодраматически преувеличена; это еще куда бы ни шло, по крайней мѣрѣ цѣль автора была хороша и похвальна; но къ чему приплелъ онъ тутъ легенду о Жидѣ и Жидовкѣ? И что̀ онъ ею сдѣлалъ?—насмѣшилъ всѣхъ, потому-что впалъ черезъ нее не только въ неестественность разсказа, но еще

и въ риторическую надутость изложенія. А это чудовищно-огромное наслѣдство, въ 200 милліоновъ, охраняемое нѣсколькими поколѣніями одной и той же жидовской фамиліи? А приторные близнецы—сестры, Роза и Бланка, а страшный успѣхъ всѣхъ продѣлокъ Родэна и мелодраматическая смерть всѣхъ добродѣтельныхъ лицъ романа? Но всего и не перечтешь! Зачѣмъ же это «все» замѣшалось въ произведеніе необыкновенно-даровитаго писателя? Затѣмъ, что нужно время и время для того, чтобы писать хорошо и обходиться безъ нелѣпостей, натяжекъ и эффектовъ, чтобы обдумывать свое произведеніе прежде, нежели оно написано, и потомъ обдѣлывать, исправлять, а мѣстами и вовсе переделывать все написанное сгоряча, неловкое, неровное, несообразное съ цѣлымъ. А времени-то и нѣтъ у г. Сю: онъ контрактомъ обязался поставлять по цѣлому тому къ такому-то сроку. Написавши главу перваго тома, онъ сейчасъ же отсылаетъ ее въ типографію журнала, и такимъ образомъ первая глава перваго тома должна оставаться неизмѣняемою, хотя авторъ хорошенько не знаетъ, что онъ будетъ писать во второмъ томѣ, а всѣхъ томовъ-то десять!... Итакъ, если въ первой главѣ онъ допустилъ, можетъ-быть, и по необходимости, какую-нибудь нелѣпость,—онъ уже на весь романъ связанъ этою нелѣпостію и долженъ развивать ее во всѣхъ десяти томахъ, какъ бы ни отвратительна казалась потомъ она самому ему!... Всему злу корень—деньги. Ежену Сю платятъ огромныя суммы, и естественно,—за это требуютъ, чтобъ онъ работалъ за троихъ. Сколько уже разъ останавливался онъ въ своихъ работахъ, какъ останавливается водовозная лошадь, несмотря на удары кнута, ибо чувствуетъ, что ей надо или остановиться и перевести духъ, или сейчасъ же повалиться замертво.. Итакъ, здоровье, талантъ, литературная репутація, — все принесено въ жертву деньгамъ! Винить ли его за это?.. Не дай Богъ никому подражать ему, но я не чувствую ни-

какой охоты винить его, тѣмъ болѣе, что и безъ меня за обвинителями дѣло не станетъ... По моему, тутъ во всемъ виноватъ fatum...

Что бы ни писалъ Ежень Сю, всегда у него есть что-то въ родѣ мысли, какое то стремленіе рѣшить, или, по крайней мѣрѣ, поставить на видъ какой-нибудь нравственный соціальный вопросъ. Въ этомъ отношеніи, онъ вѣренъ себѣ и въ двухъ романахъ, которыхъ заглавіе выставлено въ началѣ нашей статьи. Героиня перваго романа, Тереза Дюнойе страстно полюбила величайшаго негодяя, который, нисколько не любя ее, увѣрилъ, въ своей любви, изъ разсчета, потому что женитьбой на ней думалъ поправить свои разстроенныя обстоятельства. Чтобы вѣрнѣе достичь цѣли, онъ обманулъ ее, но когда увидѣлъ, что отецъ прогналъ Терезу и начисто отказался дать ей хоть грошъ, онъ рѣшился изъ состраданія къ ней еще нѣсколько времени обманывать ее. Она видитъ все, страдаетъ, но вѣритъ ему со всѣмъ упорствомъ слѣпой страсти и сильнаго характера. Она не перестала страстно любить его и тогда, какъ вполнѣ убѣдилась въ его подлости. Ее любилъ другой, спасъ съ ребенкомъ отъ голодной смерти, перевезъ къ себѣ въ замокъ, противъ ея воли, обезпечилъ участь ея ребенка въ надеждѣ, что она излечится наконецъ отъ своей несчастной страсти къ негодяю и полюбитъ его; но онъ, несмотря на эту надежду, ничего отъ нея не требовалъ. Тереза видѣла его страданія, сознавала его благородство и достоинство, была ему благодарна, глубоко уважала его, такъ же, какъ ясно видѣла, что первый предметъ ея уродливой любви—мерзавецъ,—и все-таки продолжала любить мерзавца... Мысль вѣрная, но не новая! Ее давно уже прекрасно выразилъ аббатъ Прево въ превосходномъ романѣ своемъ «Манонъ Леско». Еще шире, глубже и полнѣе развилъ эту мысль Жоржъ Сандъ въ одномъ изъ лучшихъ романовъ своихъ «Леонъ Леони». Тягаться г. Сю съ та-

кими произведеніями, конечно, не подъ силу; но тѣмъ не менѣе романъ его, не будучи художественнымъ созданіемъ, имѣлъ бы свое значительное бельлетристическое и литературное достоинство, еслибъ въ него, какъ и во всѣ романы Сю, не вмѣшалась мелодрама. Герой романа, баронъ Эвенъ Керелліо, влюбился въ Терезу совершенно фантастически, заочно, т. е. онъ влюбился въ портретъ какой-то женщины, по преданіямъ надѣлавшей много зла его фамиліи, а потомъ влюбился въ Терезу, увидѣвъ, что она, какъ двѣ капли воды, похожа на портретъ. А портретъ — замѣтьте — былъ сожженъ въ каминѣ еще въ дѣтствѣ Эвена, а явился вновь по волѣ рока. Къ чему всѣ эти истертыя, пошлыя и тривьяльныя «роковыя» пружины, столь обольстительныя для суевѣрія старыхъ бабъ (а не женщинъ, потому-что это не одно и то же) да для легковѣрія юныхъ пансіонерокъ? Заключеніе романа — верхъ нелѣпости и пошлости: помѣшанный рыбакъ, старый суевѣрный Бретонецъ, Моръ-Надеръ, искренно считающій себя колдуномъ и предсказателемъ, давно уже предрекалъ Эвену, что онъ погибнетъ въ волнахъ океана въ чорный для его фамиліи мѣсяцъ (ноябрь), — и разъ во время прогулки въ лодкѣ по морю едва съ умыслу не утопилъ Эвена, за то, что тотъ усомнился въ его дарѣ предсказанія... И вотъ наши несчастныя жертвы любви, послѣ смерти ребенка, рѣшаются въ чорный мѣсяцъ оправдать предсказаніе Моръ-Надера — и погибаютъ вмѣстѣ съ нимъ втроемъ... Удивительно эффектно, но это-то и любитъ толпа, а деньги за то и даются теперь, что̀ любитъ толпа...

Почти на эту же тему написана и «Матильда». Прежде всего, это романъ длинный, длинный, длинный, растянутый, монотонный и страшно скучный; потомъ это, вообще прескверный романъ, хотя въ немъ и встрѣчаются изрѣдка довольно удачныя страницы. «Матильда» предшествовала «Парижскимъ Тайнамъ» и имѣла, хотя и далеко не такой, какъ

эти послѣднія, но все же огромный успѣхъ. Кромѣ отсутствія не только художественнаго, просто литературнаго, бельлетристическаго достоинства въ изложеніи, въ романѣ этомъ авторъ обнаружилъ рѣдкое непониманіе того, что онъ дѣлалъ и что бы ему должно было дѣлать, чтобъ его произведеніе не вовсе было чуждо правдоподобія и естественности. Изъ своей Матильды онъ силился сдѣлать какой-то идеалъ женщины, что-то въ родѣ героини добродѣтели и страдалицу отъ злобы и развращенія свѣта; а на дѣлѣ выходитъ, что это женщина ограниченнаго ума, безъ характера, легковѣрная, скучная и несносная своею навязчивостію въ любви, своими пансіонскими мечтами о счастіи вдвоемъ подъ соломенною кровлею,—и еще болѣе скучная и несносная своими вѣчными жалобами, слезами и хныканьемъ. Уже перегорѣвшая въ страстяхъ, испытанная горемъ жизни и тяжкими страданіями, она, видя, что молоденькая дѣвочка сдѣлалась больна на смерть отъ любви къ тому, котораго она, Матильда, безъ памяти любитъ и которымъ она горячо любима, рѣшается на самое нелѣпое, по его безплодности, и самое опасное, по его слѣдствіямъ, сомоотверженіе. Она возвращается добровольно къ своему мужу, страшному негодяю и развратнику, и притворяется, что опять любитъ его, а между тѣмъ своего благороднаго и платоническаго обожателя наводитъ на мысль—жениться на дѣвочкѣ. Тотъ вдвойнѣ въ отчаяніи—и оттого, что мечты его на счастіе рушились, и оттого, что любимая имъ женщина оказалась, по его мнѣнію, весьма основательному, пошлою женщиною, ибо могла сойтись вновь съ негодяемъ, давно заслужившимъ галеры: скажите, до женитьбы ли тутъ ему? И какъ, въ этомъ положеніи, навести его на подобную мысль. Но для г. Сю нѣтъ ничего невозможнаго; онъ храбръ—и не трусит натяжекъ и неестественности. Какъ дуракъ, герой его женится на дѣвочкѣ, и сталъ счастливъ. Но общій ихъ всѣхъ врагъ тайно увѣдомилъ его жену, что

она обязана своимъ замужествомъ самоотверженію Матильды,—и случилось то, что рано или поздно, такъ или иначе, а непремѣнно должно было случиться. чѣмъ обыкновенно разрѣшаются подобныя самоотверженія: Эмма чахла, чахла, да и умерла. Мы охотно соглашаемся, что безъ добраго и благороднаго сердца человѣкъ не можетъ быть способенъ на подобныя самоотверженія; но въ нихъ еще гораздо больше сердца участвуетъ экзальтированное воображеніе, глубоко скрытое самолюбіе. тайное желаніе рисоваться передъ другими и въ особенности передъ самимъ собою въ качествѣ героя добродѣтели. Такіе люди – враги своего и чужаго счастія; даже и хорошія ихъ качества служатъ только ко вреду другихъ и ихъ самихъ больше всего. Вотъ какъ слѣдовало бы автору понять свою «Матильду».— и на ея несчастной натурѣ, а не на злобѣ свѣта основать всѣ перенесенныя ею страданія. Тогда, можетъ-быть, вышелъ бы болѣе или менѣе интересный романъ, а не скучная сказка.

Хуже всего даются Сю добродѣтельныя лица. Почти всегда они у него и неестественны до смѣшнаго и притворны до отвратительности. Къ числу такихъ лицъ принадлежатъ де Рошгюнъ. Боже мой, что это за человѣкъ! Другъ бѣдныхъ и несчастныхъ, герой и левъ на войнѣ, мудрецъ даже въ салонѣ — и такъ говоритъ, словно по книгѣ читаетъ, и никому не кажется смѣшонъ! А еще больше портятъ романы Сю — преувеличеніе и театральные мелодраматическіе эффекты. Злодѣй его романа. Люгарто, еще довольно естественъ самъ по себѣ, но его баснословное богатство, его всезнаніе чужихъ тайнъ и всемогущество въ преслѣдованіи многочисленныхъ жертвъ своихъ, – все это сильно отзывается арабскими сказками. Эффектовъ и deus ex machina въ «Матильдѣ» — бездна. Старуха Блондо, видя, что ея воспитанницу успѣли охладить къ ней, рѣшается умереть, выпрыгнувъ въ окно. Но это лицо необходимо автору въ дальнѣйшемъ развитіи романа:

надо спасти его. Старуха начала прощаться съ своею восьмилѣтнею питомицею, которая въ полночь спала крѣпкимъ дѣтскимъ сномъ. Старуха цѣлуетъ ребенка, плачетъ и громко говоритъ монологъ самой себѣ, потомъ бѣжитъ къ окну; но не бойтесь: дитя проснулось и удержало самоубійцу на краю пропасти.... Какъ это трогательно!... Уже замужнюю Матильду врагъ ея, Люгарто, хитростію завлекаетъ въ уединенный домъ, гдѣ всѣ слуги подкуплены и гдѣ ей за ужиномъ подаютъ вино, въ которое всыпанъ сильный усыпляющій порошокъ. Оставшись одна, она начинаетъ чувствовать дѣйствіе порошка; тутъ является къ ней ея палачъ и объявляетъ ей, что намѣренъ ее обезчестить.... Но не бойтесь: вотъ вламываются ея защитники и мстители, и начинается мелодрама, достойная ярмарочныхъ балагановъ...

Одно лицо въ «Матильдѣ» очерчено съ талантомъ: это старая мать Семерена, мужа Урсулы; даже и эти два лица довольно не дурны; но съ первымъ пріятно было бы встрѣтиться даже и не въ такомъ романѣ, какъ «Матильда».

Сынъ Тайны» — замѣчательный романъ во многихъ отношеніяхъ. Когда модное платье франта красуется на его лакеѣ, — явный знакъ, что оно уже не модное, что мода смѣнилась. Когда бездарные писаки успѣваютъ въ какомъ нибудь модномъ родѣ литературы не хуже тѣхъ талантливыхъ писателей, которые ввели его въ моду, — явный знакъ, что этотъ родъ литературы или палъ, или близокъ къ паденію. «Сынъ Тайны» доказываетъ, что на модные романы уже сочинена риторика, и ихъ съ отличнымъ успѣхомъ можно писать по рецепту. У г. Поля Феваля нѣтъ ни ума, ни воображенія, ни страсти, ни этого мастерства увлекательно разсказывать даже вздоры, которымъ такъ владѣютъ Французы и въ которомъ больше всего заключается тайна успѣха ихъ нелѣпыхъ романовъ. Въ романѣ Поля Феваля не встрѣтите ни одной изъ тѣхъ тонкихъ поража-

ющихъ чертъ, ни одной изъ тѣхъ увлекательныхъ страницъ, которыя попадаются даже у Дюма въ самыхъ нелѣпыхъ его романахъ, — какъ, напримѣръ, сцены между Жилльберомъ и Руссо въ «Запискахъ Врача». «Сынъ Тайны», это — нелѣпость на нелѣпости, вздоръ на вздорѣ. Все дѣло вертится на томъ, что три брата-молодца уродились такъ похожими другъ на друга, что родная мать не отличила бы ихъ одного отъ другаго. Они посвятили всю жизнь свою на то, чтобъ отыскать законнаго наслѣдника зáмка Блутгауптъ, сына ихъ дяди, похищеннаго въ дѣтствѣ врагами ихъ фамиліи, и отомстить этимъ врагамъ. И они во всемъ успѣваютъ: имъ покровительствуетъ сама судьба въ образѣ г. Поля Феваля, какъ покровительствовала Телемаку богиня Паллада, въ образѣ Ментора. По этому, для нихъ легко и возможно все, рѣшительно невозможное для другихъ смертныхъ. Ихъ безпрестанно сажаютъ въ тюрьмы, но выбраться изъ тюрьмы, когда нужно — имъ ни почемъ. Когда въ зáмокъ Блутгауптъ собрались всѣ враги ихъ и завлекли туда свою жертву, братья немножко поопоздали явиться въ зáмокъ. Но ничего: они еще успѣютъ свое сдѣлать. На жертву направлена мортира—надо ее уничтожить, а высоко—не достанешь. Одинъ братъ взлезъ на плечо другому, а рука все не достаетъ; нижній братъ началъ присѣдать подъ тяжестію верхняго— вотъ рухнутся оба съ высокой стѣны въ бездну. Въ эту критическую минуту жестокій авторъ, по праву генія, которому законъ не писанъ, оставляетъ и братьевъ съ ихъ неразрушенной мортирой и задыхающагося отъ ужасу читателя съ его нетерпѣніемъ, и начинаетъ новую главу, гдѣ переходитъ къ другимъ лицамъ своего интереснаго романа. Братья-удальцы уже работаютъ другое, а мортиру, какъ видно по ходу разсказа они уничтожили—какъ?—это авторъ почелъ за нужное утаить отъ своихъ читателей, думая, вѣроятно: много будете знать, скоро состарѣетесь.

г. Поль Феваль хорошо знаетъ натуру своихъ читателей— и зато онъ съ хлѣбцемъ... Въ наше время умный человѣкъ не умретъ съ голоду, если умѣетъ тѣшить или надувать тѣхъ, которые глупѣе его...

Авторъ «Iезуита», г. Шпиллеръ, нѣкогда пользовался большою извѣстностію въ Германіи, какъ счастливый подражатель Вальтеръ-Скотта. Но теперь онъ пишетъ въ модномъ родѣ. Куда бросились французскіе кони съ копытомъ, туда же поплелся и нашъ Нѣмецъ съ клешнею. Пока дѣйствіе его романа происходитъ въ Германіи—еще можно читать его; но какъ скоро перенесъ онъ его въ южную Америку — посыпались такіе мелодраматическіе эффекты, что мочи нѣтъ. Тутъ дикари дѣлаютъ нападеніе на селеніе обращенныхъ и мудро-управляемыхъ добродѣтельнымъ священникомъ дикарей, кого перерѣзали, кого забрали въ плѣнъ, въ томъ числѣ и добродѣтельнаго пастора. Но онъ, поговоривъ съ ними съ часъ времени, убѣдилъ ихъ креститься и увелъ для поселенія на свое пепелище. Тутъ кому не пропасть, всѣ находятся и другъ съ другомъ сходятся, хотя и необыкновеннымъ, но, по мнѣнію автора, возможнымъ образомъ. Къ концу романа, герои соединяются законнымъ бракомъ и живутъ счастливо. Добродѣтель награждена, порокъ наказанъ, раскаяніе уважено. Только злодѣи іезуиты урвались отъ заслуженной кары. Стало быть, все какъ слѣдуетъ.

Было время, когда переводъ всякаго иностраннаго романа на русскій языкъ составлялъ важную новость въ литературѣ и давалъ пищу критикѣ и полемикѣ, а переводчику всеобщую извѣстность. Время это давно прошло—и безвозвратно. Если бы кто-нибудь перевелъ теперь вполнѣ съ подлинника, всего Вальтеръ-Скотта или всего Купера,— тотъ составилъ бы себѣ имя. Но перевести, даже порядочно, модный французскій романъ—теперь ничего не значитъ. На подобные подвиги никто не обратитъ вниманія.

тѣмъ болѣе, что они относятся скорѣе къ промышленности, нежели къ литературѣ, — и если мы рѣшились говорить объ этихъ эфемерныхъ явленіяхъ книжной торговли, то потому только, что не о чемъ говорить, хоть совсѣмъ выключай библіографію изъ журнала. Но старое обыкновеніе выставлять на переводныхъ романахъ имя переводчика опять входитъ и должно войти въ силу, потому-что переводами большею частію занимаются люди, равно не знающіе ни того языка, съ котораго переводятъ, ни того, на который переводятъ, всего чаще послѣдній, слѣдовательно, публикѣ нужно ручательство извѣстнаго имени, что переводъ удобенъ къ чтенію. Къ числу такихъ классическихъ именъ принадлежитъ имя г. Строева: оно безпрестанно выставляется на переведенныхъ съ французскаго романахъ то въ качествѣ переводчика, то въ качествѣ пересмотрщика чужаго перевода, въ обоихъ случаяхъ какъ вѣрное ручательство за достоинство перевода. Для насъ вѣрность этого ручательства немного—какъ бы сказать—сомнительна...

ДВА ИВАНА, ДВА СТЕПАНЫЧА, ДВА КОСТЫЛЬКОВА. *Романъ. Сочиненіе Н. Кукольника. Спб. 1846.*

Г. Кукольникъ принадлежитъ къ немногому числу нашихъ самыхъ неутомимыхъ, плодовитыхъ и разнообразныхъ бельлетристовъ. Еслибы собрать въ одномъ изданіи все, что̀ написалъ онъ, вышло бы немалое число довольно плотныхъ томовъ. Въ какихъ родахъ сочиненій ни испытывалъ себя г. Кукольникъ, чего ни писалъ онъ—драмы итальянскія, драмы турецкія, драмы русскія, драмы изъ жизни художниковъ, преимущественно итальянскихъ и отчасти нѣмецкихъ, драмы историческія, драмы въ стихахъ, драмы въ прозѣ, повѣсти и романы итальянскіе, нѣмецкіе, фран-

цузскіе, русскіе, статьи юмористическія, статьи объ искусствѣ, живописи преимущественно, критики, рецензіи, лирическія стихотворенія, отрывки изъ поэмъ, участвовалъ во множествѣ журналовъ и альманаховъ, самъ издалъ альманахъ «Новогодникъ», издавалъ «Художественную Газету», «Картины русской живописи», «Дагерротипъ», а теперь издаетъ русскую «Иллюстрацію», такъ плѣняющую публику изящными политипажами и остроумною и замысловатою перепискою. Какой широкій кругъ дѣятельности! Мы устали только отъ того, что бросили на него легкій, поверхностный взглядъ! Скажемъ къ этому, что если нѣкоторыя произведенія г. Кукольника были приняты холодно и прошли не замѣченными (преимущественно его повѣсти, въ которыхъ мѣстомъ дѣйствія избрана, никогда невиданная авторомъ Италія), зато бо̀льшая часть его произведеній имѣла большой, а нѣкоторыя изъ нихъ и чрезвычайный успѣхъ (особенно русскія историческія драмы). Но тѣмъ не менѣе— странное дѣло!—все идетъ впередъ, вкусъ и требованія публики видимо измѣняются съ каждымъ днемъ, а полнаго собранія сочиненій г. Кукольника все нѣтъ какъ нѣтъ, и— что̀ всего удивительнѣе—нельзя сказать, чтобы въ публикѣ замѣтно было особенное нетерпѣніе видѣть его поскорѣе. На свѣтѣ удивительнаго много, но удивительное не есть сверхъ-естественное, стало-быть, подлежитъ объясненію,— что̀ и даетъ намъ смѣлость попытаться на объясненіе этого факта, которое, въ свою очередь, должно объяснить намъ значеніе г. Кукольника, какъ писателя, и его мѣсто въ русской литературѣ. По нашему мнѣнію, это всего лучше сдѣлать черезъ сравненіе, которое не всегда доказываетъ, но часто объясняетъ дѣло. Перебирая въ памяти нашей всѣхъ дѣятелей русской литературы, мы находимъ, что ни съ кѣмъ не имѣетъ г. Кукольникъ такъ много сходства, какъ съ Сумароковымъ. Г. Кукольникъ рѣшительно Сумароковъ нашего времени. Знаемъ, что многіе въ нашемъ благонамѣ

ренномъ сравненіи увидятъ желаніе унизить г. Кукольника, и потому спѣшимъ объясниться, чтобы отстранить отъ себя токое несправедливое обвиненіе. Сумароковъ былъ не вмѣру превозносенъ своими современниками, и не вмѣру унижаемъ нашимъ временемъ. Мы находимъ, что какъ ни сильно ошибались современники Сумарокова въ его геніяльности и несомнѣнности его правъ на безсмертіе, но они были къ нему справедливѣе, нежели потомство. Сумароковъ имѣлъ у своихъ современниковъ огромный успѣхъ, а безъ дарованія, воля ваша, нельзя имѣть никакого успѣха ни въ какое время. Въ то время талантъ дѣлалъ человѣка извѣстнымъ императрицѣ и велъ его къ чинамъ и орденамъ, и Сумароковъ, подобно Ломоносову и, въ послѣдствіи, Державину, не за что иное очутился дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ, какъ за свой талантъ. Въ то время, какъ и въ наше, не мало бы нашлось охотниковъ до чиновъ и почестей, которые не пожалѣли бы трудовъ, бумаги и чернилъ, чтобъ возвыситься черезъ литературу. Однакожь, успѣли въ этомъ немногіе, именно тѣ только, за которыми общее мнѣніе утвердило громкое имя генія или великаго таланта. Сумароковъ больше другихъ былъ любимцемъ публики своего времени; поэтическія произведенія Ломоносова больше уважали, а Сумарокова— больше любили. Это понятно: онъ больше Ломоносова былъ бельлетристъ, его сочиненія были легче, доступнѣе для понятія большинства, больше имѣли отношенія къ жизни. Онъ писалъ не однѣ трагедіи, но и комедіи, плохія, конечно, но лучше которыхъ тогда не было. Въ предисловіяхъ къ своимъ сочиненіямъ и отдѣльныхъ журнальныхъ статьяхъ, онъ писалъ о правахъ, о разныхъ близкихъ къ обществу вопросахъ, распространялъ дѣльныя и благородныя понятія о томъ, что составляетъ истинное благородство человѣка и какихъ людей должно почитать чернью, или, какъ тогда выражались, «подлымъ народомъ». Трагедіи его рѣшительно

предпочитались трагедіямъ Ломоносова и Хераскова. Онъ далъ пищу рождавшемуся русскому театру и средство Волкову, а потомъ Дмитревскому, показать въ полномъ блескѣ ихъ таланты. Его «Димитрій Самозванецъ» давался на нашихъ губернскихъ театрахъ и привлекалъ въ нихъ многочисленную публику еще въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія. Это было на нашей памяти. Сумароковъ имѣлъ огромное вліяніе на распространеніе на Руси любви къ чтенію, къ театру, слѣдовательно, образованности. Какъ поэтъ, художникъ, онъ не имѣлъ ни искры таланта, но какъ бельлетристъ, онъ для своего времени имѣлъ довольно таланта. Восторгъ его современниковъ для насъ, конечно, не законъ, но фактъ, живое свидѣтельство того, что онъ былъ имъ много полезенъ. Когда наступила въ русской литературѣ эпоха критики и повѣрки старыхъ авторитетовъ, Сумарокова втоптали въ грязь, но несправедливо, потому что руководствовались одною эстетическою точкою зрѣнія и вовсе упустили изъ виду историческую. Мы увѣрены, что не далеко то время, когда презрѣніе къ имени Сумарокова будетъ снято. Сумароковъ уронилъ себя въ потомствѣ больше всего своимъ характеромъ, раздражительнымъ, мелочно-самолюбивымъ, нагло-хвастливымъ. Но зачѣмъ смѣшивать лицо съ литераторомъ? Сочиненія Сумарокова можно теперь читать только по особенной охотѣ къ историческому изученію русской литературы; но тѣмъ не менѣе ихъ должно цѣнить, если не по преувеличеннымъ похваламъ его современниковъ, то и не по мѣркѣ нашего времени. Причина необыкновеннаго успѣха сочиненій Сумарокова и потомъ быстраго ихъ упадка заключается именно въ ихъ бельлетристическомъ значеніи. Они были по плечу большинству и потому нравились ему. Пришло время—большинство публики явилось совсѣмъ другое, а на сторонѣ Сумарокова остались только люди того поколѣнія, которое еще не забыло, какъ оно завивалось à la pigeon и пудрилось.

Мы сдѣлали бы большую несправедливость, еслибы стали утверждать, что, по таланту, г. Кукольникъ не выше Сумарокова. Нѣтъ, въ наше время и для второстепеннаго успѣха. нужно уже гораздо больше таланта, нежели сколько нужно было Сумарокову, чтобы попасть въ геніи первой величины. Кромѣ несомнѣннаго и блестящаго бельлетристическаго таланта, у г. Кукольника есть и поэтическое чувство, и даръ изобрѣтенія, въ извѣстной степени. Но обозрѣвая мысленно судьбу его произведеній, невольно вспоминаешь Сумарокова. Послѣдній палъ вдругъ, долго спустя послѣ своей смерти. По отсутствію критики, его сочиненія долго превозносились до небесъ съ голоса его современниковъ; но не смотря на то, время брало свое. Языкъ шелъ впередъ, развивался, совершенствовался; какъ драматургъ, какъ трагикъ и комикъ, Княжнинъ сталъ гораздо выше Сумарокова, какъ Озеровъ гораздо выше Княжнина; притчи Сумарокова были совершенно затѣнены баснями Хемницера и Дмитріева; объ одахъ его нечего было и говорить послѣ одъ Державина, а тамъ появились Карамзинъ, Жуковскій и Батюшковъ, вполнѣ овладѣвшіе вниманіемъ публики. Правда, не смотря на все это, никто не смѣлъ усомниться въ геніи Сумарокова; но это потому, что, по духу безпредѣльнаго уваженія къ авторитетамъ, ни у кого не хватало смѣлости высказать собственное чувство, собственную мысль. Въ сущности же, всѣ охладѣли къ Сумарокову, давно уже не читали его, а многіе и поняли его. Стало-быть, недоставало слова, а не дѣла. Пришло время— нашлись смѣльчаки—сказали,—и огромный авторитетъ почти восьмидесяти лѣтъ рухнулъ въ короткое время. Теперь не то. Если читатель нашего времени черезъ годъ, черезъ два перечтетъ произведеніе, которое привело его въ восторгъ при своемъ появленіи, и увидитъ, что оно уже не производитъ на него прежняго впечатлѣнія, онъ знаетъ что́ думать о немъ и знаетъ, кого слѣдуетъ за это винить.

Первое произведеніе г. Кукольника, вдругъ доставившее

ему огромную извѣстность, была драма въ стихахъ: «Торквато Тассо». Она отличалась всѣми признаками молодаго, неопытнаго таланта, была крайне бѣдна драматическимъ движеніемъ, но блистала нѣсколькими горячими, хотя и не всегда умѣстными, лирическими выходками. Она появилась въ 1833 году, кажется; стало быть, около четырнадцати лѣтъ назадъ тому, — и между тѣмъ, въ это время она постарѣла чуть ли не четырнадцатью десятками лѣтъ. Вторымъ произведеніемъ г. Кукольника была русская историческая драма: «Рука Всевышняго отечество спасла». Она обязана была своимъ успѣхомъ болѣе похвальному чувству любви къ родинѣ, нежели поэтическому выраженію этихъ чувствъ или драматическимъ своимъ достоинствамъ. Это тотъ же «Димитрій Донской» Озерова, тотъ же «Пожарскій» Крюковскаго, только немножко оромантизированный, ошекспиренный. Итакъ, успѣхъ этой піесы былъ чисто случайный (un succès de circonstence), и потому она теперь совершенно забыта. Затѣмъ г. Кукольникъ написалъ множество драмъ, преимущественно изъ жизни итальянскихъ художниковъ. Въ нихъ есть хорошіе стихи, болѣе или менѣе удачныя мѣста, но не въ драматическомъ, а въ лирическомъ родѣ: одна охота не сдѣлаетъ драматургомъ, — для этого нуженъ талантъ. Кто прочелъ одну драму г. Кукольника, тотъ знаетъ всѣ его драмы: такъ одинаковы ихъ пружины и пріемы. Поэтому, трудно прочесть сряду двѣ драмы г. Кукольника, а прочтя, уже невозможно не перемѣшать ихъ въ своей памяти, пока не забудешь вовсе, что̀ обыкновенно дѣлается очень скоро. Вторая русская драма г. Кукольника — «Скопинъ Шуйскій» имѣла огромный успѣхъ на сценѣ, благодаря ея обилію въ эффектахъ и сильной наклонности русской публики къ національности въ поэзіи и литературѣ. Сверхъ того, эта драма породила со стороны другихъ литераторовъ много попытокъ въ ея родѣ, которыя были ни хуже, ни лучше ея. На сценѣ она и теперь еще можетъ производить

свой эффектъ; но въ чтеніи такъ и бросаются въ глаза ложность ея національности и характеровъ, и бѣлыя нитки, которыми сметано ея дѣйствіе.

Самыми неудачными попытками г. Кукольника были его повѣсти и разсказы, содержаніе которыхъ заимствовано изъ италіянской жизни. Странная претензія — описывать страну, которой авторъ никогда не видалъ! Конечно, это же самое дѣлалъ, напримѣръ, и Пушкинъ, но этотъ человѣкъ имѣлъ на то привиллегію отъ природы. Бывшіе въ Испаніи говорятъ, что «Каменный гость» Пушкина дышетъ колоритомъ этой страны, пропитанъ ея духомъ, и что «Ночной зефиръ» не отвязывался отъ ихъ памяти, когда они бродили вечеромъ по улицамъ Севильи. Не всѣмъ же быть Пушкиными. Въ своихъ «Египетскихъ ночахъ» онъ забрался во дворецъ Клеопатры—и былъ въ немъ какъ у себя дома, очеркнулъ передъ нами эту эпоху съ такою истиною, какъ будто самъ жилъ въ это время и все видѣлъ своими глазами. Потомъ г. Кукольникъ написалъ три большіе историческіе романа: «Эвелину де Вальероль», «Альфъ и Альдона» и «Дурочка Луиза». Въ первомъ изобразилъ старую Францію, во второмъ—древнюю Литву, въ третьемъ—старинную Пруссію. Первый романъ лучше остальныхъ двухъ, но въ немъ видно не свободное творчество, а только способность подражательности, и онъ сильно отзывается тѣмъ, что̀ называется tour de force. Объ остальныхъ двухъ романахъ не стоитъ и говорить. Все это теперь забыто и всего этого не разбудишь отъ вѣчнаго сна никакими новыми изданіями...

Какая этому причина? Очень простая. У г. Кукольника есть талантъ для поэтическаго выраженія мыслей, но нѣтъ творческой силы для созданія чего-нибудь цѣлаго, гдѣ всѣ части соразмѣрны и все подчинено общей идеѣ. Нельзя также сказать, чтобъ онъ особенно былъ богатъ идеями. Талантъ его неполный, ему недостаетъ чего-то, недостаетъ

«этого», какъ говоритъ одно лицо въ одной русской повѣсти. Попытаемся объяснить это сравненіемъ. Положимъ, что для составленія полнаго таланта нужно 100 долей, а природа отпустила ихъ г. Кукольнику только $99^{3}/_{4}$: стало-быть недостаетъ пустяковъ, всего одной четверти, а все же недостаетъ! Отъ того, въ его произведеніяхъ, даже не лишенныхъ частныхъ красотъ, всегда чувствуется какое-то усиліе, которое въ этомъ случаѣ есть то же безсиліе, что-то утомляющее, скоро наводящее скуку; чувствуется, что авторъ почти вездѣ становится выше своихъ средствъ. Онъ бельлетристъ,—и только, а ему хочется быть поэтомъ, творцомъ, и онъ всегда берется за произведенія, требующія не такого таланта, и нерѣдко обнаруживаетъ въ нихъ притязанія на такого рода нововведенія и замашки, которыя свойственны только генію. И что́ жь изо-всего этого вышло? Вотъ, напримѣръ, сколько лѣтъ писалъ, обработывалъ, держалъ подъ спудомъ и лелѣялъ, какъ любимое дитя свое, г. Кукольникъ своего «Паткуля». Сколько лѣтъ носились слухи объ этомъ произведеніи, которое должно было обогатить собою русскую литературу? И вотъ «Паткуль» появился, сперва въ журналѣ, потомъ отдѣльною книгою — и ничего!...

Г. Кукольникъ какъ будто самъ давно уже почувствовалъ, что по избранной имъ дорогѣ далеко не уйдешь, что надо поискать новой. Кажется, въ 1842 году вышла его повѣсть «Сержантъ Иванъ Ивановъ, или всё за одно», содержаніе которой взято было имъ изъ эпохи Петра Великаго. Повѣсть эта имѣла большой успѣхъ, — и за нею появилось много повѣстей г. Кукольника. Дѣйствительно, это лучшее изо всего, что̀ только когда-либо писалъ онъ. Но пора наконецъ сказать правду объ этихъ повѣстяхъ, уже не въ мѣру захваленныхъ и превознесенныхъ. Въ нихъ есть неотъемлемыя достоинства—противъ этого ни слова. Г. Кукольникъ удачно схватилъ въ нихъ одну характеристическую

черту той эпохи: это—противоположность старыхъ нравовъ съ непонимаемыми нововведеніями и наивность ихъ смѣшенія между собою. Кромѣ того, г. Кукольникъ мастерски владѣетъ разговорнымъ языкомъ того времени – языкомъ книжнымъ, вычурнымъ, испещреннымъ иностранными словами. Многія характеристическія черты эпохи подсмотрѣны и схвачены имъ съ поражающею вѣрностію, и вообще въ его очеркахъ того быта много комическаго, веселаго, смѣшнаго, милаго и вмѣстѣ съ тѣмъ умнаго. Но, во первыхъ, это не повѣсти, а извѣстные анекдоты, передѣланные на разсказы. Въ нихъ всегда играетъ важную роль любовь и они всегда благополучно разрѣшаются законнымъ бракосочетаніемъ любовниковъ—они же и герои разсказовъ. По нашему мнѣнію, это элементъ вовсе не русскій: любовь въ русскомъ быту никогда не играла первостепенной роли и особенно мало имѣла соотношенія съ бракомъ. Это и теперь почти такъ, а тогда было совершенно такъ. Вообще, г. Кукольникъ довольно мелко плаваетъ въ отношеніи къ духу и сущности того времени, и если онъ часто многое почерпаетъ съ самаго дна, то съ дна прибрежнаго, мелкаго. Онъ понялъ болѣе одну комическую сторону избранной имъ эпохи, и смотритъ на нее и односторонно и поверхностно. Въ его глазахъ побѣдитель безусловно правъ, а побѣжденные безусловно виноваты. Въ его повѣстяхъ реформѣ противятся одни злодѣи и негодяи. Это взглядъ и не философскій и не историческій. Реформа Петра-Великаго такъ исключительно огромна во всемірной исторіи, что не менѣе дѣлаетъ чести народу, который ее перенесъ, какъ и реформатору: а что было бы въ ней особенно великаго, еслибы ея противники были только злодѣи и негодяи?... Тогда это была бы только полицейская реформа—не больше. Не такъ поэтъ долженъ понимать такую великую и странную эпоху въ жизни народа: онъ никого не долженъ ни оправдывать, ни защищать, ни обвинять — это не его дѣло; но онъ долженъ, вѣрнымъ

изображеніемъ всего, такъ какъ оно было, все сдѣлать понятнымъ, слѣдовательно, все объяснить. Для этого, онъ равно безпристрастно, не увлекаясь ни моральною точкою зрѣнія, ни привычными идеями своего времени, долженъ понять обѣ стороны, стать въ ихъ положеніе, войти, такъ-сказать, въ кожу каждаго дѣйствующаго лица, и представить его самимъ собою. Тогда бы г. Кукольникъ понялъ, что въ числѣ противниковъ реформы были не одни злодѣи, изверги, негодяи и шуты, но и люди, достойные быть поборниками лучшаго дѣла, натуры сильныя и благородныя. Намъ нечего хлопотать оправдывать Петра: онъ оправданъ исторіею и въ нашей помощи не нуждается. Противники его реформы были осуждены и отвержены духомъ времени, геніемъ исторіи, и всѣ дѣйствія и усилія ихъ осуждены были на безплодность; но тѣмъ не менѣе, въ ихъ рядахъ не мало было людей, которыхъ прозорливость Петра умѣла цѣнить и на которыхъ онъ тѣмъ болѣе негодовалъ, чѣмъ болѣе желалъ ихъ видѣть въ своихъ рядахъ. Съ другой стороны, успѣху реформы содѣйствовали не одни добродѣтельные и чистые, умные и жаждавшіе образованія люди. Такъ какъ въ историческомъ процессѣ великія причины мѣшаются съ малыми, и эгоизмъ, разсчетъ и корысть помогаютъ добру не меньше самоотверженія и доблести, то и въ рядахъ поборниковъ реформы много было плутовъ, глупцовъ и негодяевъ. Извѣстно, какую важную роль при реформѣ нравовъ играютъ франты и вертопрахи: они очень помогли перевѣсу иностранной одежды надъ національною.

Какъ бы то ни было, но повѣсти и разсказы изъ эпохи Петра Великаго нѣсколько освѣжили увядавшій авторитетъ г. Кукольника, и теперь онъ, кажется, и самъ понимаетъ, что это послѣдняя опора и надежда его литературной извѣстности. Въ этихъ повѣстяхъ и разсказахъ, онъ сдѣлалъ невольную уступку духу времени и одною стороною своего таланта примкнулся къ такъ называемой натуральной шко-

лѣ, потому что главное достоинство ихъ все-таки въ истинѣ и естественности, хотя и въ извѣстной только степени. И вотъ года два назадъ тому, въ одномъ журналѣ появился большой романъ г. Кукольника: «Два Ивана, два Степаныча, два Костылькова», содержаніе котораго взято тоже изъ эпохи Петра Великаго, и который теперь вышелъ отдѣльною книгою. Завязка романа проста и естественна, совершенно въ нравахъ того времени. Недоросль изъ дворянъ, молодой и богатый Костыльковъ пьянствуетъ, развратничаетъ среди холоповъ въ своей деревнѣ и укрывается отъ службы, за что̀ кормитъ и даритъ всѣхъ подъячихъ своей провинціи, самого воеводу, а воеводихѣ платитъ еще дороже—связью съ нею, хотя она ему и противна. Наконецъ, укрываться больше нельзя. Но у него живетъ какой-то таинственный пришлецъ, тоже Иванъ Степанычъ, и почти однихъ лѣтъ съ нимъ. Этотъ вызывается идти на службу за Костылькова, подъ его именемъ. Митрофанушка радъ и, несмотря на свою скупость, согласился на всѣ условія, довольно тяжелыя по тому времени. Настоящій Костыльковъ изображенъ не дурно и въ продолженіи всего романа вѣренъ себѣ. Но на его двойникѣ обнаружилась вся немощность фантазіи г. Кукольника замыслить (концепировать и выдержать характеръ, немного поглубже и посложнѣе. Двойникъ Костылькова — человѣкъ съ большимъ характеромъ: онъ вертитъ по своему всѣми — и Костыльковымъ, и его дворнею, и подъячими, и воеводою съ воеводшею. Почему-то онъ закадычный другъ нерѣшительному и обжорливому фискалу провинціи, и это даетъ ему большой вѣсъ. Отецъ Костылькова былъ злодѣй; въ смутныя времена стрѣлецкихъ мятежей, онъ оттягалъ имѣніе у всѣхъ своихъ, менѣе его богатыхъ, сосѣдей. Такимъ же образомъ разорилъ онъ и довелъ до могилы сосѣда—помѣщика Полозкова, владѣвшаго небольшою усадьбою на берегу большой рѣки, и завладѣлъ сю и его добромъ; схватилъ двоихъ малолѣтныхъ

дѣтей Полозкова, мальчика и дѣвочку, привезъ ихъ домой, и, по волѣ автора, никто изъ холопей не зналъ, чьи это дѣти, а знала это только добрая жена злодѣя. Мальчикъ былъ похищенъ вѣрнымъ слугою своего отца и увезенъ въ Москву, а дѣвочка выросла въ дѣвичьей Костылькова и насильно сдѣлалась его наложницею. Итакъ, двойникъ Костылькова — Полозковъ. Онъ поклялся отмстить сыну врага за разореніе и смерть своего отца и за безчестіе своей сестры. Еще прежде уговорилъ онъ Малашу бѣжать отъ тирана, и она уже была влюблена въ своего брата и думала, что онъ ее любитъ. Спрятавъ ее въ развалившійся домъ родной усадьбы, онъ открылъ ей тайну родства. Въ развалившемся домѣ есть что-то въ родѣ трактира и постоялаго двора, а пристань рѣки служитъ мѣстомъ сходки разбойничьимъ шайкамъ. Попавшись въ трактирѣ въ кругъ разбойниковъ, Степанычъ заставилъ ихъ разбѣжаться въ ужасѣ, сказавши, что онъ видѣлъ недалеко военную команду: ему все удается. Итакъ, съ одной стороны разбойники, съ другой то обстоятельство, что нельзя же долго скрывать сестру отъ Костылькова въ какихъ-нибудь пяти верстахъ отъ его резиденціи и въ его же усадьбѣ. Что тутъ дѣлать? Но не безпокойтесь: Степанычу все удается не хуже Емели Дурачка, которому помогала щука. Видитъ онъ разъ—идетъ военная команда, а въ офицерѣ узнаетъ своего пріятеля. Онъ помогаетъ ему изловить 106 человѣкъ разбойниковъ (Степанычъ—собаку съѣлъ на эти вещи). Офицеръ видитъ Малашу и тутъ же влюбляется въ нее; Степанычъ благородно открываетъ ему свое съ нею родство и ея позоръ и бѣдность. Офицеръ стоитъ на своемъ и, по совѣту Степаныча, припугнувъ Костылькова службою, заставляетъ его отпустить Малашу на волю, и женится на ней. Дѣло сдѣлалось скоро, на военную ногу. Вотъ послѣ этихъ-то подвиговъ Степанычъ идетъ въ службу за Костылькова. Съ его деньгами и на его лошадяхъ пріѣзжаетъ

онъ въ Москву и является къ Колычеву, которой, равно какъ и оберъ-полицiймейстеръ, ужасно полюбилъ его. И было за что: молодецъ собою, въ службу царскую такъ и рвется, говоритъ умно и бойко! На Спасскомъ мосту изобличилъ онъ передъ лицомъ оберъ-полицiймейстера кликушу, смущавшую народъ суевѣрiемъ, по наущенiю поборниковъ старины. Замѣтивъ при прiемѣ дворянъ, что одинъ изъ нихъ выставилъ за себя нанятаго мошенника, ловко притворившагося сумасшедшимъ, онъ краснорѣчiемъ убѣдилъ его повиниться въ своемъ преступленiи и пойти въ службу. Третiй подвигъ Степаныча еще чудеснѣе и рѣшительно лучше всѣхъ двѣнадцати подвиговъ Геркулеса. Степанычъ сказалъ оберъ-полицiймейстеру, что ему извѣстно мѣсто сборища фанатиковъ, распускающихъ въ народѣ ложные слухи и лубочные пасквили ко вреду правительства, и что онъ изловитъ ихъ. Начальникъ полицiи предлагаетъ ему команду, Степанычъ отвѣчаетъ, что у него есть своя, и что онъ «по охотѣ на воровъ тѣшится». Проведенный тайкомъ хозяиномъ дома въ комнату, сосѣднюю той, гдѣ собралось скопище. Степанычъ въ щель все видитъ и слышитъ. Въ презусѣ общества узнаетъ онъ Пахомыча, городскаго учителя его провинцiи, пьяницу, обжору, развратника, шута, который безпрестанно бражничалъ у Костылькова, потѣшая его, и сильно добивался Малаши, котораго онъ, Степанычъ, заставилъ выучить себя грамотѣ въ одну недѣлю, который навелъ разбойниковъ на убѣжище Малаши и вмѣстѣ съ ними, скованный отправленъ былъ въ городскую тюрьму. Это страшная натяжка: такой человѣкъ могъ дѣлать всѣ подобныя мерзости, но быть главою религiозныхъ и политическихъ фанатиковъ никакъ не могъ по своему характеру. Степанычъ смѣло врывается въ скопище и начинаетъ усовѣщивать его краснорѣчивою рѣчью. Какая смѣшная мелодрама! Вспомнивъ свирѣпыя пытки и казни того времени, легко понять, что если въ подобномъ скопищѣ

были глупцы, простаки и трусы, то предводители его были люди на все готовые, которымъ убить человѣка, что̀ раздавить муху, особенно, если этотъ человѣкъ тащитъ ихъ въ застѣнокъ. И въ самомъ дѣлѣ, Степанычъ видитъ, что одинъ изъ его невольныхъ слушателей наматываетъ на руку кистень; по быстрѣе молніи бросается на него нашъ герой, опрокидываетъ и велитъ вязать, что̀ и исполнено. Нѣкоторые въ страхѣ бѣгутъ—Степанычъ за ними съ краснорѣчіемъ, они возвращаются—и всѣхъ ихъ ведетъ онъ въ Кремль и представляетъ оберъ-полиціймейстеру, говоря ему: вотъ моя команда! Какъ это эффектно!

Но любопытные могутъ сами прочесть романъ г. Кукольника, что̀ мы имъ даже и совѣтуемъ, потому что онъ не безъ достоинствъ и не безъ занимательности, хотя и исполненъ натяжекъ, неестественности, эффектовъ и мелодрамы. Мы довольно говорили о содержаніи романа, чтобы имѣть право сказать, что герой его ни съ чѣмъ не сообразенъ. Ему все удается, онъ по страсти, по натурѣ дѣлается полицейскимъ сыщикомъ—и потомъ въ запрещенномъ игорномъ домѣ выигрываетъ болѣе 4000 рублей — сумму огромную по тогдашнему времени, да еще какъ выигрываетъ!—не давши содержателямъ поживиться ни одною ставкою. Онъ любитъ подсматривать и подслушивать, узнаетъ такимъ образомъ важныя тайны всѣхъ и каждаго и этимъ пользуется. Его не надулъ ни одинъ плутъ, ни одинъ мошенникъ, а онъ всѣхъ ихъ провелъ. И въ то же время онъ влюбляется высокою платоническою любовью къ неземной дѣвѣ! Онъ—пройдоха, пролазъ, удалецъ, плутъ и надувало, и онъ же — герой добродѣтели! За то всѣ его благородныя чувства высказываются такъ книжно, пошло и приторно! Впрочемъ, это общій недостатокъ всѣхъ добродѣтельныхъ лицъ въ сочиненіяхъ г. Кукольника: всѣ они говорятъ о добродѣтели, словно, по книгѣ читаютъ, и слушать ихъ какъ-то совѣстно за нихъ. Особенно приторно проявляется у нихъ

любовь къ Петру Великому: она у нихъ вся въ сентенціяхъ, какими наполняются нравственныя книжки для дѣтей...

Къ числу хорошо выдержанныхъ лицъ въ романѣ г. Кукольника принадлежатъ: подъячій Чевушкинъ, отчасти дочь его, Груня, Квинтиніанусъ, воевода и воеводша провинціи, въ которой помѣстья Костылькова. Зато невыносимо приторенъ характеръ плаксиваго и великодушнаго дворянина Жатаго. Но еще хуже героиня романа, идеальная Оленька. Авторъ называетъ ее «поэтической дѣвочкою», но мы не замѣтили въ ней ничего поэтическаго и думаемъ, что къ ней лучше шли бы эпитеты «чахоточной» и «плаксивой». Авторъ, по особенному къ ней расположенію, снабдилъ ее столько же сильнымъ характеромъ, сколько слабымъ тѣломъ. Но какъ-то изъ нея вышла неземная дѣва во вкусѣ романтиковъ нашего времени, совершенно чуждая нравовъ своего времени. Она уходитъ въ свою комнату, чтобы прочесть письмо своего любовника (а не жениха) и отвѣтить на него; старая тетка застаетъ ее въ этомъ занятіи и вырываетъ письмо. И что̀ жь? наша героиня даже и не сконфузилась отъ такой непредвидѣнной бѣды и на отрѣзъ объявила, что любитъ и будетъ переписываться. Да помилуйте, г. Кукольникъ! съ чѣмъ же это сообразно? Что̀ за сказка такая, а вы еще говорите, что вашъ романъ—даже и не романъ, а правдивая исторія! Когда же исторія такъ не удачно лгала? Да если бы, за такое страшное, по понятіямъ того времени, преступленіе, эту дѣвицу выставили на площади у позорнаго столба, или патріархальнымъ обычаемъ нещадно отодрали дома розгами,—то прежде всѣхъ и тверже всѣхъ была бы убѣждена она сама, что это подѣломъ ей, что она заслужила это, и никто бы не разувѣрилъ ее въ этомъ. Такова сила вліянія времени на человѣка! А каково, въ отношеніи къ правамъ, было то время, г. Кукольникъ знаетъ это лучше многихъ, потому что особенно изучилъ его. Но одной этой несообразности было ему мало: онъ заблагоразсудилъ покончить свой романъ

другою, еще большею. Когда Оленька узнала, пріѣхавъ отъ вѣнца, что была выдана за человѣка, уважаемаго, но не любимаго ею, то вотъ какъ распорядилась она вечеромъ: подойдя къ двери брачной комнаты, куда слѣдовалъ за нею ея мужъ и провожала тетка съ другими родичами, она низко присѣла мужу, захлопнула дверь передъ его носомъ и заперлась, сказавъ, что и всегда такъ будетъ дѣлать... Мужъ и тетка, вмѣсто того, чтобы велѣть выломать дверь и по тогдашнему расправиться съ непокорною и безстыдною нарушительницею божескихъ и человѣческихъ законовъ, почувствовали раскаяніе и стыдъ!!...

Вотъ такъ-то всякое произведеніе г. Кукольника носитъ въ себѣ зародыши скораго разрушенія, какъ тѣ неудачно организованныя дѣти, которыхъ ни какой присмотръ не спасаетъ отъ смерти... И теперь скажемъ, что въ романѣ г. Кукольника много хорошаго, и что, конечно, лучше читать его, нежели модные французскіе романы въ родѣ графа «Монте-Кристо», «Записки Врача» и «Чортова Сына», и его, конечно, почитаютъ, да и... забудутъ...

Недостатокъ или недовѣсокъ въ талантѣ г. Кукольника особенно обнаруживается въ большихъ его произведеніяхъ; въ нихъ яснѣе видно, что чѣмъ болѣе онъ предпринимаетъ, тѣмъ менѣе выполняетъ...

Къ недостаткамъ исторіи о Костыльковыхъ принадлежитъ еще то, что авторъ часто впадаетъ въ манеру Поль-де-Кока. Отъ того, напр., разсказъ о Степанычѣ, въ которомъ чтеніе плохаго перевода виргиліевой поэмы «Ars Amandi» разжигаетъ вожделѣніе, производитъ на читателя непріятное впечатлѣніе.... Такъ же на манеръ Поль-де-Кока преувеличены нѣкоторыя комическія сцены и положенія. Къ такимъ относимъ мы картину черезчуръ толстаго камерира Кононыча, который, поѣхавъ въ таратайкѣ, высадилъ и дно и сидѣнье, да въ этомъ положеніи и проторчалъ чуть ли не всю ночь... Таково же описаніе въѣзда воеводы въ

провинцію. Воеводиху звали Маланьей Ивановной. Проѣзжая мимо лѣсу Костылькова, въ которомъ тотъ съ своею ватагою вызывалъ криками отставшую свою любовницу Маланью Ивановну, воеводиха вообразизила, что это кричатъ лѣшіе и перепугалась. Это черта забавная и въ духѣ времени, но авторъ, какъ говорится, пересолилъ, даже слишкомъ...

Въ заключеніе скажемъ, что романъ г. Кукольника и конченъ и не конченъ. т. е. конченъ да такъ, что авторъ можетъ писать и другой романъ съ тѣми же главными дѣйствующими лицами. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что авторъ увѣряетъ, что исторія двухъ Ивановъ, двухъ Степанычей, двухъ Костыльковыхъ совершенно кончилась, «въ чемъ, говоритъ онъ, и свидѣтельствую подписаніемъ руки моея». Почему же не продолжаться исторіи Ивана Степановича Полозкова? Въ этомъ мы такъ же не видимъ никакой причины, какъ и въ манерѣ писать моея, вмѣсто моей, на манеръ Сумарокова, который, вѣроятно, для вящей красоты слога, писалъ скорянѣ и быстряѣ вмѣсто скорѣе и быстрѣе....

НОВАЯ БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ВОСПИТАНІЯ, *издаваемая Петромъ Рѣдкинымъ. Москва. 1847. Дви книжки.*

СЫНЪ РЫБАКА, МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЛОМОНОСОВЪ. *Повѣсть для дѣтей. Сочиненіе П. Фурмана. Изданіе второе. Спб. 1847.*

АЛЬМАНАХЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ, *составленный П. Фурманомъ. Спб. 1847.*

Что̀ читать дѣтямъ? Нашимъ дѣтямъ вовсе нечего читать!— Вотъ вопросы и восклицанія, которые безпрестанно раздаются со всѣхъ сторонъ. А между тѣмъ сколько ежегодно издается у насъ книгъ и книжекъ для дѣтей, изда-

вались и даже и теперь издается дѣтскій журналъ. Конечно. наши дѣтскія книги большею частью очень плохи и принадлежатъ совсѣмъ не къ литературѣ, а къ промышленности, составляютъ часть товара, который долженъ наполнять лавки съ дѣтскими игрушками; но все же между нашими книгами и изданіями для дѣтей есть и порядочныя. по крайней мѣрѣ такія, которыя только со стороны языка и слога уступаютъ французкимъ сочиненіямъ этого рода. а по содержанію и направленію столько походятъ на нихъ. сколько слѣдуетъ переводамъ и передѣлкамъ походить на свои оригиналы... Но загляните въ эти лучшія книги,— и вы невольно скажете: «Бѣдныя дѣти. вамъ дѣйствительно нечего читать! И ужь лучше вамъ вовсе ничего не читать, нежели читать эти вздоры и пошлости!...»

Скажемъ яснѣе нашу мысль: за исключеніями, слишкомъ не многими и рѣдкими, мы считаемъ вздорными и вредными не только наши русскія книги для дѣтей, но и ихъ иностранные образцы, разгуливающіе по всему свѣту подъ эгидою громкихъ именъ ихъ знаменитыхъ авторовъ...

Еслибы это было не такъ, то откуда же возникъ бы вопросъ: нужны ли, полезны ли дѣтскія книги вообще? А этотъ вопросъ со дня на день повторяется чаще и рѣшается различно. Одни утверждаютъ, что для чтенія дѣтямъ необходимы книги, приноравливаемыя къ ихъ понятію; другіе доказываютъ, что дѣти должны читать тѣ же самыя книги, какія читаютъ и взрослые, только съ болѣе строгимъ выборомъ.

Не беремся рѣшить этотъ вопросъ; но попытаемся изложить наше о немъ мнѣніе.

Рѣшеніе подобныхъ вопросовъ и легко и трудно. Всѣ дѣти имѣютъ общія родовыя ихъ возрасту свойства и качества. и потому ничего нѣтъ легче, какъ, составивши себѣ отвлеченное понятіе о дѣтяхъ, рѣшить всѣ касающіеся до нихъ вопросы. Но вотъ въ чемъ трудность: у каждаго ребенка

своя натура, свои интеллектуальныя средства, нравственныя наклонности, характеръ; дѣти бываютъ различныхъ возрастовъ, потребности семилѣтняго дитяти уже не тѣ, что у ребенка трехъ лѣтъ, а потребности двѣнадцатилѣтняго дитяти далеко не тѣ, какія у семилѣтняго, и т. д. Притомъ, гдѣ границы дѣтскаго возраста? Неужели человѣкъ въ 14 лѣтъ—уже юноша? И время отъ 14 до 16 лѣтъ не составляетъ ли перехода отъ дѣтства къ юношеству? Кромѣ того, не случается ли, что одинъ и въ 18 лѣтъ смотритъ ребенкомъ, а другой въ 14 обнаруживаетъ интеллектуальную зрѣлость юноши? При этомъ какую важную роль играетъ различіе половъ! Что̀ идетъ мальчикамъ, то не годится для дѣвочекъ, и наоборотъ.

Съ какихъ лѣтъ должно начинать учить ребенка чтенію и письму?—Опять вопросъ относительный, котораго нельзя рѣшить для всѣхъ дѣтей, но который долженъ рѣшаться особо для каждаго ребенка. Обыкновенно общимъ среднимъ терминомъ для начала ученія полагаютъ семилѣтній возрастъ. Мы думаемъ, что и при самыхъ острыхъ и рѣзко выказывающихся способностяхъ ребенка нѣтъ никакой нужды торопиться начинать ученіе раньше семи лѣтъ. До этого же возраста, должно обращать все вниманіе преимущественно на физическое и нравственное воспитаніе. Первое должно быть положительнымъ и состоять въ развитіи здоровья, тѣлесной крѣпости, гибкости и ловкости. Это—дѣло гимнастики и правильнаго образа жизни. Пусть дѣти играютъ, шумятъ, рѣзвятся, лишь бы во всемъ этомъ не было ничего грубаго, пошлаго, неприличнаго, и лишь бы они во̀-время и вмѣру ѣли, во̀-время ложились спать и вмѣру спали. Нравственное воспитаніе дѣтей даже и дальше семилѣтняго возраста, должно быть отрицательное, т. е. состоять въ удаленіи отъ нихъ всякихъ дурныхъ примѣровъ и въ развитіи въ нихъ чувствъ любви, справедливости и человѣчности не правилами морали, а, такъ сказать, вліяніемъ

привычки, такъ, чтобы они не знали, какія это чувства и какъ они въ нихъ развиваются. Все это зависитъ отъ людей, которыми окружены бываютъ дѣти ежедневно. Но моральныя правила, сентенціи, поученія, способны только наводить на дѣтей скуку и возбуждать въ нихъ отвращеніе, или образовывать изъ нихъ педантовъ, резонёровъ, лицемѣровъ. Чѣмъ моложе ребенокъ, тѣмъ непосредственнѣе должно быть его нравственное воспитаніе, т. е. тѣмъ болѣе должно его не учить, а пріучать къ хорошимъ чувствамъ, наклонностямъ и манерамъ, основывая все преимущественно на привычкѣ, а не на преждевременномъ и, слѣдовательно, неестественномъ развитіи понятій. Пріобрѣтенное дитятею такимъ непосредственнымъ образомъ, такъ сказать, привычкою, послужитъ самымъ прочнымъ основаніемъ для сознательнаго развитія всѣхъ человѣческихъ чувствъ, когда настанетъ время дѣятельности его ума и разсудка. Что̀ касается до ученія, то дитя учится и до азбуки: дѣти любопытны и обо всемъ спрашиваютъ старшихъ: что̀ это и что̀ то. Должно отвѣчать имъ кротко, терпѣливо, серьёзно, не шутя и не обманывая ихъ, объяснять имъ сообразно съ степенью пониманія, и искусно уклоняться отъ ихъ вопросовъ, когда они касаются такихъ предметовъ, о которыхъ имъ знать не слѣдуетъ, или такихъ, которые выше ихъ понятія. Кромѣ того, въ этотъ возрастъ можно и должно тѣмъ, у кого есть средства, учить дѣтей живымъ иностраннымъ языкамъ, но только говорить, и собственно не учить, а пріучать, опять основываясь только на силѣ привычки.

Но вотъ ребенку семь лѣтъ, вотъ онъ уже довольно бѣгло читаетъ. Что̀ же читать ему? И заботливые родители ищутъ по книжнымъ лавкамъ приличной пищи для читательнаго голода ихъ дѣтей. Да помилуйте, мало ли у нихъ чтеній и безъ этихъ книгъ? Вѣдь азбука не конецъ, а только начало ученія. Дитя, которое до семи лѣтъ успѣло выучиться лепетать на двухъ или трехъ иностранныхъ языкахъ, кромѣ

русской азбуки, должно заняться еще тремя азбуками. Кромѣ того, за азбукой слѣдуетъ грамматика, ариѳметика, географія и т. д. Все это возьметъ много времени у ребенка и охладитъ его излишнее порываніе къ книгамъ, потому что охота попрыгать, пошумѣть, побѣгать, поиграть и даже пошалить, у иного не проходитъ даже и въ 15 лѣтъ. Но, скажутъ намъ, и за уроками, и за играми, все-таки остается праздное время, особенно зимою, котораго нечѣмъ наполнить. Это можетъ быть. Но какія же давать тутъ дѣтямъ книги? Главный недостатокъ этихъ книгъ тотъ, что онѣ или выше, или ниже понятій дѣтей. Въ первомъ случаѣ, онѣ дѣлаютъ изъ дѣтей скороспѣлыхъ умниковъ, педантовъ, резонёровъ; во второмъ—дѣлаютъ ихъ слабоумными, пріучая къ неестественной ихъ возрасту наивности. Большая часть дѣтскихъ книгъ вмѣщаетъ въ себѣ вдругъ оба эти недостатка. Вотъ почему онѣ даже не безполезны только, а положительно вредны. Въ этихъ разсказахъ для дѣтей все—ложь, фраза, риторика; жизнь отражается въ нихъ какъ предметы въ кривомъ да еще запачканномъ спереди и потертомъ сзади зеркалѣ. И потому лучшими книгами для чтенія дѣтей перваго возраста могли бъ быть такія книги, которыя бы весело знакомили ихъ съ землею, съ природою и отчасти съ исторіею. Книги эти непремѣнно должны быть съ картинками, ибо «наглядность» должна быть основаніемъ дѣтскаго развитія. Еслибы нашлась книжка съ картинками, изображающими горы, моря, острова, полуострова, минералы, разныя чудеса физической природы, потомъ явленія растительнаго и наконецъ животнаго царства, и при этихъ картинкахъ былъ бы объяснительный текстъ, простой, толковый, безъ фразъ и восклицаній о томъ, какъ прекрасна природа и т. п.; еслибы всѣ эти предметы были изложены не только въ порядкѣ, но и въ ученой системѣ, а въ текстѣ ни слова не упоминалось ни о какихъ системахъ,—такую книжку всякій отецъ долженъ бы поспѣшить купить для своихъ дѣтей,

въ полной увѣренности, что это безцѣнный, по своей полезности, гостинецъ для нихъ. Гдѣ кончается царство животныхъ, тамъ начинается царство человѣка. Для легкаго и пріятнаго знакомства дѣтей съ этимъ царствомъ, очень полезны путешествія или просто описанія земель и народовъ всего земнаго шара. Картинки тутъ опять должны играть главную роль. Текстъ долженъ быть такой, какъ будто онъ писанъ для взрослыхъ людей, только изъ него должно быть исключено все, что̀ выше понятія дѣтей, что̀ не можетъ быть имъ интересно, чего не слѣдуетъ имъ знать. Что̀ касается до исторіи, она должна состоять изъ біографій историческихъ лицъ, анекдотовъ изъ ихъ жизни, отдѣльныхъ историческихъ событій, имѣющихъ нравственное значеніе. Нравственность тутъ должна быть главнымъ предметомъ, но о ней отнюдь не должно упоминать, отнюдь никакихъ наставленій и поученій: она должна быть не въ словахъ, а въ дѣлѣ, и переходить въ дѣтей не какъ понятіе, а какъ чувство. Разумѣется, такого рода книги должны быть припоровлены къ дѣтскому возрасту. Дѣти очень любятъ біографіи полководцевъ, но для нихъ нѣтъ никакого интереса въ біографіяхъ ученыхъ, художниковъ, философовъ, администраторовъ, и т. п. Впрочемъ, все зависитъ отъ намѣренія, цѣли и умѣнья автора книги. Біографія Платона во всякомъ случаѣ безполезна и скучна для дѣтей, потому что отъ превыспреннихъ идей этого, конечно, геніальнаго мыслителя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и мечтателя и фантаста, и у взрослыхъ людей иногда умъ за разумъ заходитъ. Но біографія Сократа—другое дѣло. Это былъ не столько философъ, сколько мудрецъ; ученіе его было живое, практическое, удобоприложимое къ жизни; самая манера его спорить и доказывать можетъ быть и полезна и интересна для дѣтей, если изложить ее ясно и искусно: въ ней такъ много драматическаго элемента. Но что за польза дѣтямъ знать біографію Гомера прежде, нежели прочтутъ они

«Иліаду» и «Одиссею», и имъ что-нибудь понравится въ этихъ поэмахъ? Послѣ — другое дѣло.

Дѣти ужасно впечатлительны, такъ что отъ этой способности зависитъ и ихъ спасеніе и ихъ гибель. Человѣкъ всю жизнь помнитъ всякій вздоръ, который читалъ онъ въ дѣтствѣ и который тогда ему особенно нравился. Изъ этого видно, какое великое счастье для дѣтей, когда ихъ мягкій и впечатлительный, какъ воскъ, свѣжій, не засоренный пустяками и вздорами, не усталый, не истомленный мозгъ обогатится только полезными и дѣльными впечатлѣніями! Это должно быть одною изъ главныхъ заботъ воспитанія, чтобы и пріятное было полезно. Но несчастны тѣ дѣти, которыхъ юный мозгъ засорится сперва чтеніемъ дѣтскихъ книгъ, и потомъ водевилями, вздорными романами и всякою подобною дрянью! Лучше бы имъ вовсе ничего не читать!

Изъ всего можно сдѣлать злоупотребленіе. Охота къ чтенію—хорошая наклонность въ дѣтяхъ, но и она можетъ сдѣлаться вредною, пріучивъ ихъ къ мечтательности и похищая время у ихъ ученія. Пусть на чтеніе будетъ у нихъ свое время, и пусть чтеніе не отнимаетъ времени не только у ученія, но даже у игръ и рѣзвости. Всему должно быть свое время, и строгій порядокъ долженъ быть душою всего. Когда видишь умнаго и страстнаго къ чтенію ребенка или юношу, который лишенъ всѣхъ средствъ къ ученію и образованію, предоставленъ природѣ и самому себѣ, и съ жадностію читаетъ безъ разбора все, что ни попадется ему подъ руку, и хорошее, и дурное,—и жалѣешь о немъ, и радуешься за него. Все лучше и полезнѣе ему такъ читать, нежели пристраститься, отъ лѣности и отъ нечего дѣлать, къ картамъ, къ билльярду, къ вину и другимъ неизящнымъ «художествамъ». Но грустно видѣть ребенка или молодаго человѣка, который, имѣя всѣ средства къ ученію, тратитъ большую часть своего времени на чтеніе литератур-

ныхъ произведеній, предается мечтательности и гонится за энциклопедическимъ всезнаніемъ, которое иногда хуже положительнаго невѣжества!

Отъ 7-ми до 14-ти лѣтъ много воды утекаетъ, и ребенокъ становится уже не ребенкомъ. Ученіе идетъ своимъ порядкомъ, и, кромѣ пользы, въ свою очередь, можетъ доставить ему и удовольствія чтенія. Это въ особенности переводы съ иностранныхъ языковъ. Корнелій Непотъ, Салюстій, Плутархъ: развѣ содержаніе ихъ сочиненій не такъ же интересно, какъ и содержаніе романа? По крайней мѣрѣ, надо стараться, чтобъ это было такъ. Всего лучше, если молодой человѣкъ прочтетъ на доступныхъ ему иностранныхъ языкахъ все, признанное классическимъ, дѣльнымъ, и пристрастится къ этому роду чтенія прежде, нежели познакомится съ романами и вообще съ легкою литературою.

Время для чтенія романовъ молодымъ людямъ, есть время ихъ перехода отъ дѣтства къ юношеству, когда уже имъ можно читать многое, но еще не иначе, какъ съ выбора и разрѣшенія старшихъ. Первый романъ, который можно дать молодому человѣку лѣтъ двѣнадцати — «Юрій Милославскій» г. Загоскина. Затѣмъ понемногу можно давать романы Вальтеръ-Скотта и Купера. Тутъ все дѣло въ томъ, чтобъ не дать въ руки молодаго человѣка такой книги, которая можетъ прежде времени познакомить его съ такими чувствами, страстями и понятіями, которыя несвойственны его возрасту. Это истинная гибель и для здоровья и для нравственности. Вотъ почему мы прямо и безъ оговорокъ указали на Вальтеръ-Скотта и Купера: въ ихъ романахъ изображена жизнь дѣйствительная, а не воображаемая, они изящны, художественны, а между тѣмъ, въ нихъ нѣтъ ничего опаснаго даже для дѣтей. Мы очень уважаемъ Гофмана, и если видимъ въ немъ чудака и безумца, то все же геніальнаго, и, однакожь, считаемъ его для дѣтей

столько же, или еще и болѣе вреднымъ, нежели Поль-де-Кока, хотя и вовсе другимъ образомъ. Для дѣтей страшно вредно все, что развиваетъ и возбуждаетъ фантазію на счетъ другихъ интеллектуальныхъ способностей; фантазія у дѣтей и безъ того самая дѣятельная способность, и потому ее слѣдуетъ скорѣе сдерживать, нежели возбуждать, или, что всего губительнѣе, давать ей уродливое направленіе ко вреду дѣятельности ума и, въ особенности, разсудка и здраваго смысла.

«Новая Библіотека для Воспитанія», издаваемая г. Рѣдкинымъ, есть единственная книга, которую можно рекомендовать отцамъ семействъ, изъ всѣхъ книгъ этого рода, появившихся въ послѣднее время. Не всѣ статьи, составляющія ея содержаніе, одинаковаго достоинства; но между ними нѣтъ рѣшительно дурныхъ, и есть очень хорошія. Пересмотримъ ихъ по порядку. «О Лунѣ», статья г. А. Драшусова, очень дѣльна по содержанію. Иначе и быть не можетъ: нельзя сказать о лунѣ что-нибудь другое, кромѣ того, что можно сказать о ней, если говорить примется человѣкъ, коротко знакомый съ астрономіею. Стало-быть, все достоинство такой статьи должно состоять въ оживленномъ и увлекательномъ изложеніи. Къ сожалѣнію, статья г. Драшусова суха, черства и скучна, а сверхъ того написана языкомъ и слогомъ, нельзя сказать, чтобы изящными... Въ началѣ своей статьи, г. Драшусовъ говоритъ, что «внимательное чтеніе, особенно при помощи наставника», его статьи, познакомитъ съ луною. Но если нуженъ наставникъ, то статья вовсе не нужна. Въ свое время молодой человѣкъ, на университетскихъ лекціяхъ, узнаетъ все, что относится до луны, а до тѣхъ поръ ему лучше учиться у своего наставника чистой математикѣ, безъ которой невозможно знаніе астрономіи. За чѣмъ же ему терять время надъ статьею не литературно и не изящно написанною?... «Прогулка по Гарцу», статья г. В. Лапшина, не лишена

интереса и написана хорошо. Но мы рѣшительно не понимаемъ, зачѣмъ помѣщена въ «Библіотекѣ для Воспитанія» сказка: «Золотой Жукъ»? А что̀ ручается, что это не сказка, а анекдотъ, а если и анекдотъ—что̀ въ немъ хорошаго для дѣтей? Развѣ то, что онъ разовьетъ въ нихъ манію къ отыскиванію кладовъ?... Вторая книжка «Библіотеки» начинается «Русской Лѣтописью для первоначальнаго чтенія»; это пересказъ, если можно такъ выразиться, Несторовой хроники его же складомъ, да только нашимъ языкомъ. Вотъ это статья! Она равно интересна и полезна для дѣтей, и для тѣхъ взрослыхъ, которые и не прочь бы отъ знанія отечественной исторіи, но нисколько не расположены изучать ее ученымъ образомъ, по источникамъ, которыхъ чтеніе такъ трудно. А здѣсь можно получить понятіе объ источникахъ, не трудясь, а только наслаждаясь. Статья принадлежитъ г. Соловьеву, который обѣщаетъ для «Библіотеки» цѣлый рядъ такихъ статей. Мысль счастливая, особенно когда исполняется ученымъ, который можетъ отвѣчать за каждое выраженіе, за каждое слово въ своей статьѣ,—что̀ всего важнѣе въ статьяхъ такого рода. Слѣдующая статья—«Пирръ» есть именно одна изъ тѣхъ статей, которыя желательно какъ можно чаще встрѣчать въ этомъ изданіи. Она извлечена изъ Roth's Lesebuch zur Einleitung in die Geschichte. «Мнѣ хотѣлось быть лѣкаремъ»—повѣстца для дѣтей не лишенная интереса; въ ней говорится о правахъ и обычаяхъ Персіанъ нашего времени. «Странствованія Одиссея», по нашему мнѣнію, должны бы быть изложены иначе—просто въ прозаическомъ переводѣ, пожалуй, съ выпусками, сокращеніями и измѣненіями, но въ переводѣ; въ пересказѣ же эта поэма лишилась всей своей поэтической прелести и стала похожа на нелѣпую сказку.

Мы не скажемъ, чтобы «Новая Библіотека для Воспитанія», издаваемая г. Рѣдкинымъ, вполнѣ удовлетворяла

всѣмъ требованіямъ и не могла бъ быть лучше, даже гораздо лучше; но мы по совѣсти можемъ сказать, что и сама по себѣ, это—дѣльная и полезная для дѣтей книга, которую смѣло можно рекомендовать отцамъ семействъ, и что она не идетъ ни въ какое сравненіе съ книгами этого рода, безпрестанно издающимися у насъ. Надѣемся и увѣрены, что ея издатель не будетъ жалѣть никакихъ трудовъ на постепенное улучшеніе такого полезнаго изданія.

«Сына Рыбака» мы выставили въ началѣ нашей статьи не потому, что это лучшая изъ дѣтскихъ книгъ, изданныхъ въ послѣднее время въ Петербургѣ, и не потому, что она достигла втарого изданія; а потому, что она представляетъ собою богатый образецъ совершенной безполезности большей части дѣтскихъ книгъ. Какой можетъ быть интересъ для дѣтей въ біографіи поэта и ученаго, когда еще они не имѣютъ ни малѣйшаго понятія ни о поэзіи, ни о наукѣ? Издавать для малолѣтнихъ дѣтей подобную книгу—не то ли это самое, что издавать для крестьянъ біографію Гегеля? Вотъ другое дѣло издать для дѣтей біографію Петра Великаго, Суворова, Кутузова: это имъ доступнѣе: они любятъ разсказы о сраженіяхъ, да и личность Петра Великаго, какъ государя и какъ человѣка, искусно очерченная, не могла бы ихъ не заинтерессовать. Но что̀ имъ въ Ломоносовѣ? А когда они подростутъ, то пусть прочтутъ романъ-біографію Ломоносова, прекрасно составленный г. К. Полевымъ, да вмѣстѣ съ тѣмъ примутся читать и самого Ломоносова.

И какъ бѣдно и жалко составлена книжка г. Фурмана! Первая половина ея—компиляція изъ прекрасной книги г. К. Полеваго; а вторая—вялый, мертвый наборъ словъ. И все это украшено восьмью безобразнѣйшими литографіями. И такія книги появляются вторымъ изданіемъ! Бѣдныя дѣти, лучше бы вамъ вовсе не знать грамотѣ!

«Дѣтскій Альманахъ для дѣтей», изданный г. Фурманомъ,

избрали мы для рецензіи, какъ общій типъ почти всѣхъ дѣтскихъ книгъ! Этотъ альманахъ состоитъ изъ четырехъ драматическихъ піесъ въ прозѣ. Несмотря на русскія (весьма неудачно придуманныя) имена и фамиліи, явно, что всѣ эти піесы переведены съ французскаго: въ нихъ вовсе не наши нравы, и отъ этого нелѣпость ихъ дѣлается еще вопіющее. Въ нихъ добродѣтельные говорятъ словно по книгѣ, порочные къ концу піесы непремѣнно раскаяваются и дѣлаются добродѣтельными. Нигдѣ не замѣтно причинъ ни порока, ни раскаянія. Стало-быть, все вздоръ и ложь. Но для многихъ людей развивать въ дѣтяхъ нравственныя чувства можно только обманывая ихъ: достойная проклятія мысль! Сатана—отецъ гнусной лжи—породилъ ее, а лживые, или ограниченные люди увѣровали въ нее и чаютъ отъ нея спасенія дѣтей своихъ! Все въ этихъ піесахъ неестественно, сантиментально, пошло, надуто—и чувства и выраженіе! А языкъ это верхъ неестественности: ни одной простой фразы, все по книжному.

Обращаясь къ общей идеѣ полезности или безполезности дѣтскихъ книгъ, вотъ что скажемъ мы, какъ результатъ нашего мнѣнія объ этомъ предметѣ:

Мнѣніе, что дѣти должны читать только то, что читаютъ и взрослые, не лишено основанія и справедливости; но требуетъ большихъ исключеній и ограниченій. Но намъ кажется, что можно дать на этотъ предметъ правило, не допускающее почти никакихъ исключеній и ограниченій: книги для дѣтей можно и должно писать, но хорошо и полезно только то сочиненіе для дѣтей, которое можетъ занимать взрослыхъ людей и нравится имъ, не какъ дѣтское сочиненіе, а какъ литературное произведеніе, писанное для всѣхъ. И къ повѣстямъ, разсказамъ и драматическимъ піесамъ это относится едва ли еще не болѣе, чѣмъ къ статьямъ другаго рода.

Да гдѣ же взять такихъ книгъ?—Это ужь не наше дѣло.

Мы сочтемъ себя очень счастливыми, если изложеніемъ нашего мнѣнія объ этомъ предметѣ, наведемъ иного талантливаго человѣка на настоящій путь въ отношеніи къ сочиненію книгъ для дѣтей.

КАРТИНА ЗЕМЛИ ДЛЯ НАГЛЯДНОСТИ ПРИ ПРЕПОДАВАНІИ ФИЗИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ, *составленная А. Ф. Постельсомъ. Съ литографированнымъ большимъ рисункомъ. Спб. 1846.*

Наглядность признана теперь всѣми единодушно самымъ необходимымъ и могущественнымъ помощникомъ при ученіи. Она состоитъ въ томъ, чтобы помогать памяти и уму ребенка представленіемъ вида и ѝбраза предметовъ, которые онъ изучаетъ. Это матеріальное и чувственное вспомогательное средство для спасенія бѣдныхъ дѣтей отъ убійственнаго, подавляющаго способности, сухаго и мертваго отвлеченія столь любимаго идеалистами. Вся сущность прекрасной методы г. Язвинскаго состоитъ въ клѣточкахъ, которыя сами по себѣ не много значатъ, но помогаютъ памяти и уму какъ чувственные значки, остающіеся какъ бы передъ глазами учащагося даже и тогда, какъ онъ уже ихъ не видитъ. Эта великая важность наглядности основана на самой природѣ человѣка, у котораго самыя отвлеченныя умственныя представленія все-таки суть не иное что̀, какъ результатъ дѣятельности мозговыхъ ѝрgrowthановъ, которымъ присущи извѣстныя способности и качества. Давно уже сами философы согласились, что «ничего не можетъ быть въ умѣ, что̀ прежде не было въ чувствахъ». Гегель, признавая справедливость этого положенія, прибавилъ: «кромѣ самого ума». Но эта прибавка, едва ли не подозрительна, какъ порожденіе трансцендентальнаго идеализма. Человѣкъ не прямо же, не чистымъ мышленіемъ дошелъ до сознанія, что у

него есть умъ, а замѣтилъ это прежде всего изъ собственныхъ дѣйствій, въ которыхъ отразился его умъ, но которыя онъ опять-таки только черезъ чувства созналъ своимъ умомъ. Всякій, даже простой человѣкъ знаетъ, что у него умъ въ головѣ, — знаетъ это по причинѣ, можетъ-быть, болѣе простой и естественной, нежели какъ обыкновенно думаютъ. Человѣкъ въ порывѣ горячихъ, страстныхъ чувствъ, невольно прижимаетъ руку къ груди и сердцу, куда сильнѣе приливаетъ кровь при движеніяхъ чувствъ. Когда же человѣкъ о чемъ-нибудь размышляетъ, сильно занятъ какимъ-нибудь соображеніемъ, особенно разсчисленіемъ, — палецъ его какъ-будто невольно то и дѣло прилагается ко лбу, а рука невольно отъ времени до времени потираетъ лобъ. Явленіе простое, но многознаменательное! Во время процесса мысли, человѣкъ какъ-будто чувствуетъ, что тутъ гнѣздо его мыслительной дѣятельности, что тамъ тоже происходитъ какое-то безпокойство, которое обнаруживается и въ его озабоченныхъ движеніяхъ, что тамъ какъ-будто что-то шевелится...

Посмотрите, какъ жадны дѣти къ картинкамъ! Они готовы прочесть самый сухой и скучный текстъ, лишь бы только онъ объяснилъ имъ содержаніе картинки. И потому картинки все болѣе и болѣе дѣлаются пособіемъ при воспитаніи и ученіи. Г. Постельсъ справедливо замѣчаетъ, что дѣти, не выѣзжавшія изъ такого мѣста, гдѣ нѣтъ горъ, или моря, съ бо̀льшимъ трудомъ заучиваютъ эти предметы въ географіи противъ дѣтей, видѣвшихъ эти предметы въ натурѣ. Для этого онъ и издалъ свою «Картину Земли», на которой изображены моря, заливы, проливы, озера, рѣки, острова, гавани, горы, лѣса, города, корабли и т. д. Трудъ его прекрасный и полезный, но не полный. Для полноты карта должна быть непремѣнно иллюминована, чтобы можно было показать разныя геологическія различія: горные кряжи, слои, породы, пласты, мраморъ, металлы и тому подобные

предметы, гдѣ цвѣтъ иногда важнѣе формы. Но при всемъ томъ трудъ г. Постельса все-таки полезенъ, и мы должны быть благодарны ему за доброе начало добраго дѣла, которое вѣроятно, найдетъ продолжателей.

НОВАЯ БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ВОСПИТАНІЯ, *издаваемая Петромъ Рѣдкинымъ. Книжка III. Москва. 1847.*

ГОРОДОКЪ ВЪ ТАБАКЕРКѢ. *Дѣтская сказка дѣдушки Иринея, изд. княземъ Одоевскимъ. Изданіе второе. Спб. 1847.*

МОРОЗЪ ИВАНОВИЧЪ. *Дѣтская сказка дѣдушки Иринея, изданная княземъ Одоевскимъ. Спб. 1847.*

СБОРНИКЪ ДѢТСКИХЪ ПѢСЕНЪ *дѣдушки Иринея, изданный княземъ Одоевскимъ. Тетрадь I. Спб. 1847.*

ПЕТЕРБУРГСКІЙ СБОРНИКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ, *изданъ В. Петровымъ и М. М. Спб. 1847.*

ПОВѢСТИ ДЛЯ ДѢТЕЙ. *Съ шестью картинками. Спб. 1847.*

Третья книжка «Новой Библіотеки для Воспитанія» г. Рѣдкина состоитъ изъ трехъ статей. Изъ нихъ особенно интересна первая. Она называется: «Атлантическій Океанъ», но собственно есть ни что иное, какъ разсказъ объ открытіи Америки, слѣдовательно, біографія Колумба. Послѣ этого нечего говорить объ интересности содержанія статьи; остается замѣтить только, что и ея изложеніе прекрасно, и что въ началѣ статьи находятся любопытныя извѣстія о всѣхъ попыткахъ, въ древнемъ и новомъ мірѣ, обойти моремъ Африку и о нечаянныхъ и безплодныхъ открытіяхъ Америки, сдѣланныхъ Финикіянами и Норманнами — первыми въ древности, а вторыми еще въ IX столѣтіи по Р. Х. — Продолженіе «Странствованій Одиссея», составляющее вторую статью «Б. для В.», еще болѣе убѣдило насъ въ без-

плодности подобныхъ передѣлокъ великихъ творенiй древности, — о чемъ мы уже говорили въ прошлой книжкѣ «Современника». Просто нѣтъ возможности читать: глупая сказка, да и только! А переведите «Одиссею», хотя и прозою, съ сокращенiями и выпусками (но ужь, разумѣется, безъ вставокъ собственнаго издѣлiя), но съ сохраненiемъ (сколько это возможно при такихъ условiяхъ) тона и колорита разсказа подлинника,—вышла бы чудная поэтическая поэма!— Третья статья—«Первый герцогъ церингенскiй» уже самымъ началомъ своимъ привела насъ въ ужасъ: это, во первыхъ, нѣмецкая, да еще народная сказка, а во вторыхъ, «баснословный разсказъ сѣдой старины», говоря собственною вычурною и истасканною фразою автора. Сѣдую старину тутъ представляетъ старый угольщикъ, которому внимаетъ нашъ юный вѣкъ въ лицѣ, вѣроятно, очень молодаго литератора, богатаго охотою писать, но бѣднаго на вымыслы. Такимъ людямъ угольщики и старыя бабы—истинный кладъ, неистощимый источникъ поэтическаго вдохновенiя и литературныхъ бредней! И ужь подлинно сказку разсказалъ старый угольщикъ «долинъ своего, богатаго угольями, Шварцвальда»! Былъ—видите ли—угольщикъ, который каждый разъ, какъ сожжетъ дрова, находилъ въ угольной ямѣ, вмѣстѣ съ углями, большой кусокъ чистаго серебра. На это сокровище онъ помогаетъ какому то королю, потерявшему свое королевство, снова завоевать его, — за что̀ тотъ дѣлаетъ его герцогомъ и отдаетъ за него одну изъ дочерей своихъ. Еще въ ожиданiи успѣховъ оружiя короля, нашъ угольщикъ выстроилъ себѣ огромный и крѣпкiй за̀мокъ. Сдѣлавшись герцогомъ, онъ сталъ гордъ, грубъ и прожорливъ. Разъ вздумалось ему приказать своимъ поварамъ—изжарить ему ребенка, что̀ и было сдѣлано. Хоть онъ его и не съѣлъ, но напротивъ впалъ въ отчаянное раскаянiе, — тѣмъ не менѣе, подобная черта, особенно въ книжкѣ для чтенiя дѣтей, возмутительна и отвратительна! Для чего дѣтямъ знать

о такихъ мерзостяхъ? Чтобы предохранить ихъ отъ охоты ѣсть жареныхъ дѣтей? Но для этого слишкомъ достаточно нравовъ нашего времени; а если бы для какого-нибудь изверга этого было недостаточно, такъ у правительствъ есть средства къ предупрежденію подобныхъ исключительныхъ событій гораздо подѣйствительнѣе вздорныхъ нѣмецкихъ народныхъ сказокъ. Надо сказать правду, трудно было бы обнаружить больше неловкости, нежели сколько обнаружено ея выборомъ этой дрянной статьи! Средневѣковыя нелѣпости и дикости давно уже надоѣли намъ въ балладахъ, да какихъ еще — художественно-прекрасныхъ! а тутъ нашимъ дѣтямъ суютъ ту же дичь, да еще въ убогой прозѣ! Умоляемъ издателя «Библіотеки для Воспитанія» не пятнать болѣе своего прекраснаго изданія помѣщеніемъ въ него какихъ бы то ни было сказокъ, а особенно нѣмецкихъ, да еще народныхъ, а пуще всего «баснословныхъ разсказовъ сѣдой старины изъ устъ сѣдаго угольщика». Исторія лучше сказокъ даже для дѣтей. И въ среднихъ вѣкахъ можно найти для нихъ много интереснаго и поучительнаго: вмѣстѣ съ чертами страшнаго варварства, свойственнаго временамъ глубокаго и всеобщаго невѣжества, черты великихъ характеровъ, великихъ дѣлъ, стремленія къ свѣту знанія съ опасностію погибнуть на кострѣ за колдовство и ересь. А сказки пусть слушаютъ отъ старыхъ нянекъ тѣ бѣдныя дѣти, которыхъ воспитаніе невниманіемъ или невѣжествомъ родителей поручается сообществу холоповъ: отъ нихъ то̀ ли еще услышатъ они, эти несчастныя дѣти! Видя въ «Библіотекѣ для Воспитанія» полезное и дѣльное изданіе, мы рѣшились постоянно обращать на нее все наше вниманіе,—и чѣмъ лучше будетъ казаться намъ она, тѣмъ строже и рѣзче будутъ наши приговоры.

Мы очень рады встрѣчѣ съ дѣдушкою Иринеемъ послѣ такой долгой съ нимъ разлуки. Надо сказать правду, этотъ добрый старичокъ такой мастеръ говорить съ дѣтьми, ка-

кихъ не много и не у насъ однихъ. Скажемъ кстати, что по нѣкоторымъ признакамъ можно подозрѣвать, что этотъ дѣдушка Ириней—что-то въ родѣ Протея, что у него много именъ, что онъ и старъ и молодъ, и одинъ работаетъ и дѣлаетъ по крайней мѣрѣ за десятерыхъ.... Вообще есть поводы думать, что эта многообъемлющая тревожная дѣятельность, мѣшая ему сосредоточить всѣ силы свои на одномъ главномъ предметѣ и ограничиться слишкомъ немногими второстепенными, лишаетъ его возможности выказать себя всего въ чемъ-нибудь одномъ или немногомъ, но заставляетъ только вполовину обнаруживать свои богатыя средства во всемъ или во многомъ... Можетъ-быть, поэтому-то онъ такъ мало и пишетъ для дѣтей, тогда какъ, посвяти онъ свою дѣятельность одному этому занятію, наши дѣти имѣли бы въ немъ своего Вальтеръ-Скотта съ придачею еще нѣсколькихъ писателей. Но все это только предположенія, можетъ-быть, и не совсѣмъ справедливыя, а потому и оставимъ ихъ въ сторонѣ, утверждая за достовѣрное только удивительную способность дѣдушки Иринея писать для дѣтей. Двѣ сказки его, одна старая, другая новая, милы до чрезвычайности, хотя и написаны для маленькихъ, очень маленькихъ дѣтей. Мы увѣрены, что они будутъ въ восторгѣ отъ этихъ сказочекъ, которыхъ сюжеты такъ ловко приноровлены къ дѣтской фантазіи, разсказъ такъ увлекателенъ, а языкъ такъ правиленъ и такъ похожъ на тотъ, которымъ говорятъ грамотные люди. Дѣти не выйдутъ изъ «городка въ табакеркѣ» съ его фантастическими и въ то же время очень простыми и естественными чудесами. Рукодѣльница и Лѣнивица съ Морозомъ Ивановичемъ тоже очень займутъ ихъ,—и если имъ въ послѣдней сказочкѣ что-нибудь придетъ не по душѣ, такъ это развѣ ея послѣсловіе, гдѣ дѣдушка Ириней совѣтуетъ имъ «думать да гадать: что̀ здѣсь правда, что̀ неправда,—что̀ сказано впрямь, что стороною,—что̀ шутки ради, что̀ въ наставленье, а что̀ наме-

комъ». Эхъ, подумаешь, старость-то: никакъ не удержится отъ моральныхъ сентенцій! Да помилуйте: сказать дѣтямъ, что прочитанное ими не быль, а шутки, наставленія и намеки, значитъ — разочаровать ихъ. Для нихъ сказка — то же, что для взрослыхъ романъ, а потерпятъ ли послѣдніе, чтобы авторъ, въ концѣ своего романа, сказалъ имъ, что все это — выдумка его воображенія и что въ самомъ дѣлѣ ничего этого не было, хотя они сами очень хорошо знаютъ, что все это—выдумка, сочиненіе, а не быль?... Далѣе дѣдушка Ириней вразумляетъ своихъ маленькихъ, очень маленькихъ читателей, что «не за всякій трудъ и добро награда бываетъ; а бываетъ награда ненарокомъ, потому-что трудъ и добро сами по себѣ хороши и ко всякому дѣлу пригодны». Вотъ ужь подлинно — спустя лѣто, въ лѣсъ по малину! Да вы лучше бы развили въ самой сказкѣ эту истину, а доказавши сказкою совершенно противное, нечего уже поправлять ошибку разсужденіями, которыхъ дѣти не читаютъ и не любятъ...

Мы сказали, что языкъ сказочекъ дѣдушки Иринея чистый, правильный и прекрасный; тѣмъ болѣе намъ жаль, что въ каждой изъ нихъ, Богъ знаетъ ради чего, употреблено по разу слово: сіи. Дѣти не поймутъ его, какъ будто бы оно было санскритское или эѳіопское слово, и будутъ спрашивать старшихъ, что̀ де оно значитъ. И не мудрено: теперь, когда уже подъячіе перевелись, а вмѣсто ихъ явились благовоспитанные чиновники, теперь только черезъ знакомство съ семинаристами да съ русскою литературою можно дѣтямъ познакомиться съ неприличными словами въ родѣ «сихъ, оныхъ, коихъ, каковыхъ, таковыхъ, содѣлывать, поэлику, днесь, се» и т. п.

Несмотря на то, сказочки дѣдушки Иринея хороши, столько хороши, сколько могутъ быть хороши сказочки для маленькихъ, очень маленькихъ дѣтей,—и мы тѣмъ болѣе жалѣемъ, что не можемъ того же сказать о его стихахъ для дѣтей,

стихахъ, которые... но судите сами: вотъ «Пѣсня для входа въ классъ»:

Трахъ, тарарахъ, танъ-танъ-танъ.
Трахъ, тарарахъ, танъ-танъ-танъ! *(дважды)*
Время, время въ классъ сбираться!
Не шумѣть и не толкаться,
Не зѣвать по сторонамъ,
А садиться по скамьямъ.
Трахъ, тарарахъ, танъ-танъ-танъ.
Трахъ, тарарахъ, танъ-танъ-танъ!

Вотъ и вся пѣсня! Намъ кажется, что не писавши стиховъ смолоду, лучше ужь и не браться за нихъ подъ старость; а написавши музыку, попросить кого-нибудь изъ записныхъ стиходѣевъ придѣлать къ ней стишки на извѣстную тему. Но это бы еще куда ни шло, а насъ пуще всего (даже пуще стиховъ) испугалъ гибельный совѣтъ, который дѣдушка Ириней даетъ дѣтямъ насчетъ чистки зубовъ:

Зубы, десны *крѣпче* три
И снаружи и снутри.

Помилуйте, какъ это можно! Одинъ изъ нашихъ знакомыхъ разсказалъ намъ про себя, именно по поводу этихъ стиховъ, очень поучительную быль. Владѣя необыкновенно крѣпкими, здоровыми и чистыми зубами, онъ недавно сталъ чувствовать въ нихъ сильный ломъ, когда возьметъ въ ротъ холодной воды. Дантистъ, котораго онъ спрашивалъ о причинѣ этого явленія, осмотрѣвъ его зубы, сказалъ ему: вѣрно вы крѣпко трете зубы щоткою съ зубнымъ порошкомъ?—Очень крѣпко.—Такъ оставьте на недѣлю вовсе тереть, а послѣ трите какъ можно тише и легче, а то у васъ и такъ остался ужь слишкомъ тонкій слой глазури: если протрете ее, всѣ ваши зубы вдругъ начнутъ гнить и крошиться.

Совѣтуемъ дѣдушкѣ Иринею, при второмъ изданіи трехъ

его пѣсень, слово крѣпче замѣнить легче,—что тѣмъ удобнѣе сдѣлать, что черезъ это и размѣръ стиховъ ничего не терпитъ; а въ ожиданіи этого скажемъ нѣсколько назидательныхъ словъ о чрезмѣрно дорогой цѣнѣ его крохотныхъ сказочекъ. Эти микроскопическія книжечки стоятъ каждая по 50 копѣекъ серебромъ, а тетрадка, заключающая въ себѣ стихотворенія, 1 рубль серебромъ, стало-быть, всѣ три —два рубля серебромъ: цѣна баснословно-чудовищная! Можетъ быть, тетрадка со стихами и нотами и стоитъ того, потому что печатаніе нотъ вездѣ обходится дороже печатанія книгъ; но двѣ сказочки въ 32 или 64-ю долю листа, одна въ 56, другая въ 58 страницъ крупной и, нельзя, сказать, чтобы красивой печати, на бумагѣ весьма средняго достоинства, съ плохими политипажами, которыхъ очень немного, и изъ которыхъ помѣщенные во второй книжкѣ дѣланы не къ ней (потому-что мужички на нихъ нѣмецкіе, а не русскіе); во сколько могли онѣ обойдтись издателю? Если ихъ напечатано 1200 экземпляровъ, то съ издержками на печать, бумагу и переплетъ, каждый экземпляръ едва ли обошелся въ двѣ копѣйки серебромъ... Стало быть, за вычетомъ 20-ти процентовъ за коммиссію продажи, чистаго барыша съ каждой книги 38 копѣекъ серебромъ... Помилуйте, да вѣдь это значитъ—потративши на изданіе 1200 экземпляръ 84 рубля ассигнаціями да уступивши въ пользу книжныхъ лавокъ, за коммиссію, 420 рублей ассигнаціями, итого 504 рубля,—пріобрѣсти 1596 рублей ассигнаціями! Да это выгоднѣе всякой деревни и всякаго дома въ столицѣ! Каждая изъ этихъ книжечекъ едва ли бы заняла два листка (т. е. четыре страницы) нашего журнала: разочтемъ же, по чемъ бы долженъ былъ продаваться нашъ журналъ, по цѣнѣ сказочекъ дѣдушки Иринея. Каждая книжка нашего журнала состоитъ болѣе, нежели изъ 25-ти печатныхъ листовъ; возьмемъ круглое число 25 листовъ. Если четыре страницы должны стоить 50 коп. сер.,

то листъ (16-ть страницъ) долженъ стоить два рубля серебромъ, а годовое изданіе журнала (12 книжекъ) 600 рублей серебромъ, вмѣсто 15-ти: выгодно было бы издавать журналъ, несмотря на чудовищную разницу въ издержкахъ на изданіе!... Настоящая цѣна каждой изъ двухъ книжечекъ дѣдушки Иринея должна бы быть—десять копѣекъ серебромъ: за вычетомъ двухъ копѣекъ на изданіе да двухъ же копѣекъ за коммиссію, издатель получалъ бы шесть копѣекъ барыша на четыре копѣйки, т. е. 60 процентовъ на рубль: и то лучше всякой деревни и всякаго дома на Невскомъ проспектѣ! Но теперь едва ли онъ что-нибудь получитъ, потому-что книжки его, по цѣнѣ, доступны, только дѣтямъ такихъ отцовъ, которые—

Не то на серебрѣ—на золотѣ ѣдятъ,
Сто человѣкъ къ услугамъ . . . .

Да и тѣ едва ли будутъ много покупать. По крайней мѣрѣ что касается до меня, будь я милліонеръ,—я скорѣе выкинулъ бы два рубля серебромъ за окно, нежели бы заплатилъ ихъ за эти три книжки, потому-что есть что-то оскорбительное и обидное въ необходимости платить за вещь вдесятеро больше того, что̀ она сто̀итъ. Дѣдушка Ириней назначилъ эту гиперболическую цѣну за свои маленькія книжки совсѣмъ не по тѣмъ причинамъ и побужденіямъ, по которымъ это дѣлается книгопродавцами (намъ больше, нежели кому-нибудь извѣстно это, потому что мы немного знаемъ дѣдушку Иринея), а по какой-то странной и опрометчивой необдуманности, и еще болѣе по свойственной почти каждому русскому человѣку, и богатому и бѣдному, замашкѣ—считать цѣлковые и полтинники за пятаки и гроши, а пятаки и гроши ни за что не считать... Разумѣется, кто хочетъ строить себѣ домъ, для того и тысяча полтинниковъ—ничтожная сумма; но кому нужно купить калачъ, булку, хлѣбъ или фунтъ соли, для того полтинникъ—деньги

и деньги, и всякій милліонеръ имѣетъ право выйти изъ себя отъ негодованія, если съ него запросятъ полтинникъ за калачъ, булку или фунтъ соли. Конечно, книги не принадлежатъ къ предметамъ потребленія первой необходимости, и всякій воленъ назначать своей книгѣ какую ему угодно цѣну: да мы никогда и не вмѣшивались въ такого роду разсчеты. Но на этотъ разъ дѣло вышло какъ-то особенно поразительно, и мы не могли не увидѣть въ немъ вреда и безъ того непользующейся особеннымъ кредитомъ литературѣ нашей. Всѣ твердятъ объ общей пользѣ, о распространеніи просвѣщенія и образованія, а дѣлаютъ совсѣмъ не то, и тѣмъ это прискорбнѣе, если дѣлаютъ такъ безъ достаточнаго основанія, даже не по корыстному разсчету, а Богъ вѣдаетъ почему. А публика ропщетъ, бранитъ литераторовъ и литературу—и подѣломъ. Вотъ почему, если бы кому-нибудь слова наши показались не совсѣмъ пріятными—просимъ не взыскать: мы говоримъ правду и дѣло, а до лицъ, или литературныхъ партій, другими словами— до н а ш и х ъ и в а ш и х ъ, намъ нѣтъ дѣла...

«Петербургскій Сборникъ для Дѣтей», изданный г. В. Петровымъ и таинственными буквами М. М., былъ бы довольно порядочною дѣтскою книгою, еслибы авторы помѣщенныхъ въ немъ статей умѣли получше писать, а переводныя статьи, были бы не переведены, а передѣланы для русскихъ дѣтей, Заглянемъ въ этотъ «Сборникъ». Онъ начинается драматическою пьесою въ стихахъ г. А. Григорьева: «Олегъ Вѣщій, сказаніе русскаго лѣтописца». Тутъ разговариваютъ огнищане, витязи, норманскіе и славянскіе, поютъ скальды, Олегъ ѣдетъ съ войскомъ по сухому пути, на ладьяхъ, поставленныхъ на колеса, къ Цареграду и прибиваетъ свой щитъ къ его воротамъ, говоря прозаически, или къ его в р а т а м ъ, говоря поэтически, потомъ умираетъ отъ ужаленія змѣи, выползшей изъ костей любимаго коня его. Не понимаемъ, что за фантазія—драматизировать

жизнь, о которой дошли до насъ самыя скудныя извѣстія, да и тѣ составляютъ еще предметъ сомнѣній, толкованій и споровъ спеціальныхъ ученыхъ? А потомъ, что за манера—искать поэзію въ сказкахъ, а не въ истинѣ и въ дѣйствительности? А наконецъ, если ужь писать стихами, то зачѣмъ непременно плохими?... Самое названіе пьесы: «Сказаніе русскаго лѣтописца» дышетъ притензіею: дѣтямъ слѣдовало бы сказать, какого лѣтописца, а то они, пожалуй, подумаютъ, что этотъ лѣтописецъ—г. Григорьевъ, пишущій или писавшій свои сказочныя лѣтописи прозаическими стихами...

«Бѣлая мышка», разсказъ какого-то Гежезипа Моро, кромѣ того, что вздорная вещь, еще и старая: мы давно уже читали ее въ какой-то русской дѣтской книжонкѣ. Тутъ на сценѣ волшебница, обращенная въ бѣлую мышку, Людовикъ XI, наслѣдникъ его, Карлъ дофинъ, и немурскій герцогъ, запертый въ желѣзную клѣтку. Не понимаемъ мы этой смѣси исторіи съ волшебными сказками! Русскія дѣти тутъ ровно ничего не поймутъ, потому-что тутъ о Людовикѣ XI не сказано и десяти словъ, а героемъ разсказа является мышь! Чепуха страшная! Что бы вмѣсто волшебныхъ вздоровъ, разсказать дѣтямъ, попроще и пояснѣе, что̀ такое былъ Людовикъ XI, какъ, несмотря на его жестокость, суевѣріе, вѣроломство, варварство, онъ положилъ во Франціи начало великому дѣлу централизаціи, нанесъ ударъ феодализму, расширилъ монархическую власть, и, словомъ, дѣлая всю жизнь свою одно зло, самъ не зная какъ, сдѣлалъ для Франціи много добра,—между тѣмъ, какъ наслѣдникъ его, Карлъ VIII, будучи добрымъ, благонамѣреннымъ и благороднымъ королемъ, надѣлалъ Франціи одного зла своимъ нелѣпымъ славолюбіемъ, которое далеко не оправдывалось его военными и политическими дарованіями! Сколько бы тутъ можно было разсказать дѣтямъ интересныхъ анекдотовъ, характеризующихъ тотъ вѣкъ и его лю-

дей! Вмѣсто всего этого разсказана вздорная сказка съ историческими планами, чуждыми и непонятными для дѣтей!—«Сирота», повѣсть, была бы не дурна, еслибъ разсказана была лучшимъ языкомъ.—«Семейство Ссыльнаго», разсказы объ Австраліи и индійскомъ Архипелагѣ—статья очень интересная по содержанію и очень дурно изложенная, какимъ-то книжнымъ языкомъ, что особенно видно въ разговорахъ.—«Михайло Васильевичъ Ломоносовъ»—вторая плохая компиляція изъ книги К. Полеваго.—«Явленіе природы на островѣ Тиморѣ»—очень интересная по содержанію статейка; о языкѣ нечего и говорить. Вотъ для примѣра фраза на выдержку:—«Исполинъ волкановъ—Фіаларагаиъ, нависшій надъ Тиморомъ, отъ котораго онъ родился и отъ котораго когда-нибудь погибнетъ, начинаетъ дымиться», и пр. Понятно, что Фіаларагаиъ родился отъ Тимора, но какъ понять, чтобы онъ отъ Тимора же и погибнулъ: скорѣе можетъ случиться, что Тиморъ погибнетъ отъ Фіаларагана.—«Пчелы»—очень интересная по содержанію статья; изложеніе плоховато.—Маленькія статейки: «Фультонъ, изобрѣтатель пароходовъ»; «Мысли дикаря о поединкѣ» (т. е. о дуели); «Смѣшное суевѣріе»; «Удивительныя слѣдствія страха въ птицахъ»; «Какимъ образомъ картофель сдѣлался пищею Европейцевъ»; «Бури на Амазонской рѣкѣ»:—всѣ эти статейки очень умно выбраны, и дѣти, безъ всякаго сомнѣнія, найдутъ ихъ для себя очень интересными, не говоря уже о томъ, что онѣ будутъ имъ и полезны. Вообще, по выбору статей, «Петербургскій Сборникъ для Дѣтей»—книжка—хоть бы куда; жаль только, что ея составители плохо пишутъ по-русски. Да, чуть было не забыли мы сказать, что этотъ «Сборникъ» украшенъ весьма безобразными литографіями.

«Повѣсти для Дѣтей» (съ шестью картинками, довольно безобразными)— книжка, вся составленная изъ переводовъ съ французскаго. Будь это не переводы, а передѣлки, при-

норовленныя къ понятіямъ русскихъ дѣтей, книжка могла бы быть для нихъ интересною; но въ настоящемъ ея видѣ она рѣшительно никуда не годится.—«Судейская Ошибка»: что̀ это такое? По каковски это? Но положимъ такъ, согласимся даже, что этотъ разсказъ и интересенъ, и трогателенъ, и поучителенъ—но для кого—для французскихъ дѣтей, а для нашихъ тутъ все непонятно и странно: и нравы, и обычаи, и положенія, и адвокаты, и Палата Провосудія (Palais de Justice), которую переводчикъ перековеркалъ въ «судилищную палату». Все это слѣдовало бы объяснить дѣтямъ, а для этого пересказать имъ повѣсть, какъ говорится въ училищахъ, своими словами, а не слово въ слово съ подлинника. Въ этой повѣсти употреблено нѣсколько разъ слово стража: въ наше время бываютъ «караулы, караульные, часовые, сторожа, хожалые, городовые, будочники», но стражей никакихъ нѣтъ и не бываетъ. Это слово книжное, мертвое и употреблять его, значитъ—обнаруживать явное неумѣніе писать порусски.—«Тайны Бутылки»—разсказъ не безъ интереса, только не для дѣтей; для нихъ тутъ все непонятно.—«Леди Люси»—очень бы интересный и трогательный разсказъ для дѣтей, еслибъ только онъ былъ не переведенъ, а пересказанъ, и было бы въ немъ объяснено все историческое.—«Бѣдность, честность, счастіе, или марсельскій сирота»: эту вздорную драму, въ которой такъ плоско доказывается выгода добродѣтели, ибо-де за нее платится наличною монетою и большими кушами, мы уже читали въ плохомъ дѣтскомъ альманахѣ г. Фурмана.—Объ «Алисѣ», разсказѣ изъ временъ Людовика IX, надобно бы сказать то же, что̀ уже было говорено о «Судейской Ошибкѣ»: будь это не переводъ, а передѣлка, повѣсть была бы хороша, но какъ переводъ, она никуда не годится.

Вотъ и все лучшее, что̀ появилось къ празднику пасхи по части дѣтской литературы...

МУЗЕЙ СОВРЕМЕННОЙ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. *Выпуски 1-ой и 2-ой. Спб. 1847.*

Слова нѣтъ! Настоящее положеніе русской литературы совсѣмъ не такъ печально, какъ многіе думаютъ. Умные люди утверждаютъ, что оно даже очень хорошо. Русская литература поумнѣла и быстро вступаетъ въ періодъ зрѣлости,—такъ говорятъ умные люди и доказательства приводятъ основательныя: она не производитъ стихотвореній, она отказалась отъ изображенія сильныхъ, могучихъ и клокочущихъ страстей, громадныхъ личностей; Звонскіе, Лирскіе, Гремины—совсѣмъ вывелись въ ней; мѣсто ихъ заняли Петровы, Ивановы, Сидоровы; мѣщанская слабость изображать большой свѣтъ, съ графами и графинями, мебелью отъ Гамбса и Тура, духами отъ Марса и мороженымъ отъ Резанова, также проходитъ въ ней. Она даже шагнула дальше, съ нѣкотораго времени начала обнаруживать храбрость неслыханную.... Живымъ ключомъ забился въ ней новый родникъ, изъ котораго она прежде гнушалась черпать; цѣль ея стала благороднѣе и дѣльнѣе, чѣмъ когда-либо... Отказавшись отъ изображенія бурь и волненій, безъ сомнѣнія, возвышенныхъ и глубокихъ, возникающихъ въ благовонной атмосферѣ аристократическихъ залъ, при громѣ бальной музыки и ослѣпительномъ освѣщеніи, она не гнушается темныхъ дѣлъ, страстей и страданій низменнаго и бѣднаго міра, освѣщеннаго лучиной. Теперь въ ней уже нерѣдкость произведеніе, въ которомъ не встрѣтите вы не только князей, графовъ и генераловъ, но даже лицъ, имѣющихъ оберъ-офицерскій чинъ,—и она умѣетъ такими произведеніями не отталкивать, но привлекать къ себѣ публику... Міръ старухъ, жолтыхъ и страшныхъ, посвятившихъ себя гнилому тряпью, внѣ котораго нѣтъ для нихъ интересовъ, ни радостей, ни самой жизни; стариковъ сердитыхъ и мрачныхъ; женщинъ жалкихъ и возмущающихъ, которыя протягиваютъ

руку украдкой и краснѣютъ или дѣлаются жертвой позора и нищеты; дѣтей блѣдныхъ и болѣзненныхъ, которыя дрожатъ и скачутъ отъ холода, выгнанныя на свѣтъ божій нуждой изъ сыраго подвала,—теменъ и страшенъ такой міръ, и много надобно было нашей литературѣ, недавно еще щепетильной и чопорной, передумать и пережить, чтобы рѣшиться низойдти до него,—приподнять хоть немного завѣсу, скрывающую его мрачныя тайны, — и она приподняла ее.... Сдѣлавъ великій шагъ твердо и сознательно, она не смущается позорными упреками, которые, къ стыду нашего времени, сыплются еще на нее изъ разныхъ угловъ, зато, что занимается она предметами «ничтожными» и «унизительными для нея, роется въ грязи».... Она сама знаетъ, что ея теперешніе герои—нерѣдко люди, которыхъ привычки грубы, страданья обыкновенны до пошлости, страсти неблаговоспитанны, въ которыхъ нѣтъ ничего романтическаго и привлекательнаго, скорѣй много отталкивающаго, но она знаетъ также, что они люди.... Деликатныхъ и благовоспитанныхъ порицателей, которые торжественно объявляютъ такихъ людей нестоящими вниманія, а картины ихъ быта невозбуждающими ничего, кромѣ отвращенія, — она и слушать не хочетъ! Она знаетъ ихъ вкусъ: забвенія подавляющей дѣйствительности, обмана хотятъ они, но его-то и не даетъ она имъ; напротивъ, она, какъ нарочно взялась возмущать ихъ спокойствіе, портить пищевареніе...

Слова нѣтъ — литература поумнѣла, но... интересныхъ книгъ выходитъ все-таки мало, и тѣ, которые кричатъ: «читать нечего», почти правы... Публика, не то, чтобъ вовсе равнодушна къ русской литературѣ, но и не слишкомъ-то занимается ею—и винить публику было бы грѣшно. Рѣдко является произведеніе, которое самимъ дѣломъ напомнило бы публикѣ о существованіи русской литературы, ея процвѣтаніи, возмужалости и другихъ похвальныхъ качествахъ, охотно за ней теперь признаваемыхъ. «Современникъ» ра-

дуется, что ему въ настоящее время посчастливилось представить на страницахъ своихъ два такія произведенія: мы говоримъ о романѣ г. Искандера «Кто Виноватъ» и о романѣ г. Гончарова «Обыкновенная Исторія», о которыхъ говоритъ теперь весь Петербургъ. Но много ли въ годъ является такихъ произведеній? Даже каждый ли годъ является по одному такому произведенію?... А между тѣмъ, потребность къ чтенію усиливается. Люди смѣтливые пользуются такою потребностью и недостаткомъ собственно русскихъ книгъ, способныхъ удовлетворить ей — и издаютъ переводы. Переводные романы расходятся — и смѣтливые люди не въ накладѣ... И что̀ жь тутъ дурнаго? Публикѣ нравится читать переводы, смѣтливымъ людямъ нравится издавать ихъ; все, кажется, въ порядкѣ вещей... дѣло простое и законное... Не странно ли послѣ того читать при объявленіи объ иномъ изданіи переводовъ разсужденіе объ испорченности и развращеніи вкуса публики, дурномъ направленіи литературы, и увѣреніе.... въ чемъ бы вы думали?... что новое изданіе поставило себѣ цѣлію исправить вкусъ, изгнать дурное направленіе, однимъ словомъ, спасти литературу и публику отъ конечной погибели?... Да полно такую ли цѣль поставило себѣ новое изданіе?... Нѣтъ, между прочимъ и потому, что еслибъ и дѣйствительно погибалъ вкусъ, то исправленіе его зависитъ не отъ такихъ мѣръ... Ничего нѣтъ дурнаго, трудясь хоть бы и надъ переводомъ романовъ, желать себѣ вознагражденія за труды отъ тѣхъ, кто нуждается въ переводахъ, — поэтому мы прямо скажемъ, что цѣль всѣхъ подобныхъ изданій—надежда на хорошій сбытъ, доставляющій вещественную прибыль.... Къ чему же превыспреннія разглагольствія, столь неумѣстныя? Зачѣмъ добровольно дѣлать себя смѣшнымъ? къ чему набрасывать тѣнь чего-то дурнаго на дѣло, конечно, довольно ничтожное, но совершенно невинное, усиліемъ представить его въ другомъ видѣ?

«Музей современной иностранной литературы» говоритъ, что онъ, недовольный романами, «поставляемыми на ежедневное потребленіе въ фельетоны», предположилъ себѣ цѣлію «доставлять любителямъ чтеніе постоянное, избранное, разнообразное, пріятное и, въ кажущейся легкости своей, непортящее вкуса, не совращающее понятій».... Что же переводитъ и печатаетъ «Музей»? Да то же, что печатаютъ наши журналы, поддерживающіеся переводами, съ тою только разницею, что, не имѣя возможности поспѣвать за журналами, «Музей» печатаетъ, такъ сказать, «остатки иностранныхъ литературъ», то-есть то, что забраковано журналистами (такъ, напримѣръ, въ первомъ своемъ выпускѣ «Музей» напечаталъ, между прочимъ, романъ «Домашній Сверчокъ»—худшій изъ четырехъ святочныхъ романовъ Диккенса), а иногда и то же, что печатается въ журналахъ. Иначе и быть не можетъ въ изданіи, печатающемъ произведенія иностранныхъ «современныхъ» литературъ, снабжающихъ матеріаломъ бо́льшую часть нашихъ журналовъ. Въ чемъ же привиллегія «Музея» на исправленіе вкуса передъ журналами и гдѣ возможность къ такой реформѣ?...

«Музей» любитъ обѣщать, и, завѣривъ публику въ великости своей цѣли, онъ не оставляетъ ее въ неизвѣстности и на счетъ способовъ, какими предположилъ себѣ достигать ее.

„Пригласивъ къ постоянному соучастію сотрудниковъ *дѣятельныхъ, опытныхъ, владѣющихъ и отечественнымъ, и иностранными языками, и съ самой выгодной стороны* знакомыхъ нашей читающей публикѣ,—*заручая значительный капиталъ на это изданіе*, — не прибѣгая къ пособію подписки, преждевременно собирающей на подобныя предпріятія деньги,—желая доставить чтеніе не только *пріятное*, но въ весьма многихъ отношеніяхъ (*при настоящемъ направленіи нѣкоторыхъ произведеній литературы*) *полезное*, — принявъ намѣреніе вмѣстѣ съ сотрудниками нашими исполнять наше дѣло со всевозможно-строгимъ раченіемъ,—мы будемъ *молчаливо* и *скромно* идти

своей дорогой, ожидая, чтобъ не чей-либо одиночный, можетъ быть, и пристрастный, или не избранный въ судьи мнѣніемъ общественнымъ голосъ,—но чтобъ самое мнѣніе это и опытъ дѣла, котораго результаты не могутъ быть съ нимъ въ разнорѣчіи, произнесли свой приговоръ и доказали бы:—понята ли нами потребность и достигнута ли предположенная цѣль».

Какъ громко, величаво, торжественно! А для чего?... Если вы точно пригласили сотрудниковъ дѣятельныхъ и пр. и пр., то отчего жь вы скрыли ихъ имена отъ публики, которой, по вашимъ словамъ, они извѣстны съ «самой выгодной стороны»? А если вы считали нужнымъ соблюсти въ этомъ отношеніи скромность, то для чего жь не соблюли ее и въ томъ отношеніи? Вѣдь объявить, что имѣетъ отличныхъ, даже геніальныхъ сотрудниковъ всякій можетъ, да что̀ жь изъ того? Нужны или имена, чтобъ публика могла повѣрить ваши слова, или—еще лучше—самое дѣло, которое во всякомъ случаѣ лучше словъ... Объявить, что «заручилъ значительный капиталъ на изданіе» тоже можетъ всякій, имѣющій капиталъ и не имѣющій его.... Вы поставляете на видъ публикѣ, что «не прибѣгаете къ пособію подписки, преждевременно сбирающей на подобныя предпріятія деньги». Это опять напрасно. Всѣмъ, и вамъ въ особенности, извѣстно, что «съ нѣкотораго времени» объявлять преждевременной подписки ни на какія изданія, кромѣ періодическихъ, нельзя. Наконецъ, вы говорите, что будете идти своею дорогою «молчаливо и скромно»,—и отъ такого увѣренія право лучше бы воздержаться, особенно послѣ такого предисловія.... Во всякомъ случаѣ, молчаливость и скромность вашу никто не мѣшалъ вамъ показать на дѣлѣ, и публика вѣрно наградила бы васъ за такія прекрасныя качества, замѣтивъ ихъ въ васъ сама... А теперь, когда вы уже сами себя наградили торжественнымъ признаніемъ въ себѣ такихъ качествъ, ей тутъ дѣлать нѣчего....

Однакожь, дѣло еще не совсѣмъ испорчено: публика бу-

детъ васъ читать, если только вы будете продолжать свое дѣло, какъ начали, потому-что «Музей современной иностранной литературы»—изданіе отнюдь не лишнее.... При всей массивности своей, журналы наши не могутъ вмѣстить въ себѣ всего, что является болѣе или менѣе интереснаго въ иностранныхъ литературахъ; иногда остаются непереведенными повѣсти и романы, даже замѣчательно хорошіе. Вотъ съ ними-то знакомить публику настоящее дѣло «Музея», который очень умно предположилъ себѣ не ограничиваться текущими произведеніями иностранныхъ литературъ, но переводить и явившіяся уже нѣсколько лѣтъ назадъ. Переводы въ «Музеѣ» если не всѣ равно хороши, то и не всѣ плохи. Изданіе опрятно и дешево....

Словомъ, «Музей» хоть куда, и можетъ удовлетворять современной страсти къ чтенію романовъ не хуже никакого другаго подобнаго изданія, — и вотъ его настоящая цѣль. Но если смотрѣть на него съ точки зрѣнія той великой цѣли, которую переводчики, по увѣренію ихъ самихъ, предположили себѣ,—то его слѣдовало бы назвать совершенно ничтожнымъ. Вотъ къ какимъ послѣдствіямъ приводитъ иногда преувеличенный взглядъ на собственную работу, добродушно высказанный во всеуслышаніе!

ОТВѢТЪ «МОСКВИТЯНИНУ».

Появленіе «Современника» въ преобразованномъ видѣ, подъ новою редакціею, возбудило, какъ и слѣдовало ожидать, много толковъ и шуму въ разныхъ литературныхъ кругахъ и кружкахъ, великолѣпно величающихъ себя «партіями». Особенное вниманіе обращено было ими на многія статьи по отдѣлу словесности, какъ, напримѣръ: «Кто Виноватъ?», «Обыкновенная Исторія», «Записки Охотника». Но до сихъ поръ эти сужденія о «Современникѣ» ограничивались ко-

роткими и отрывочными отзывами, иногда похвальными, чаще порицательными, мелкими нападками въ разсыпную. А вотъ теперь, во второй части «Москвитянина», вышедшей въ сентябрѣ нынѣшняго года, является большая статья, подъ названіемъ: «О мнѣніяхъ Современника историческихъ и литературныхъ».

Если бы тутъ дѣло шло только о «Современникѣ», мы не видѣли бы никакой необходимости отвѣчать на эту статью. Однимъ журналъ нашъ можетъ нравиться, другимъ не нравиться, это дѣло личнаго вкуса, въ которое намъ всего менѣе слѣдуетъ вмѣшиваться. Но статья «Мосвитянина» о «Современникѣ» касается основныхъ началъ (принциповъ) не одного «Современника», но всей русской литературы настоящаго времени. Такимъ образомъ споръ или полемика теряетъ тутъ свое личное значеніе и переходитъ въ борьбу за идеи. Въ такомъ случаѣ, молчаніе съ нашей стороны не безъ основанія могло бъ быть принято всѣми за тайное и невольное согласіе съ нашими противниками. Вотъ почему мы считаемъ себя обязанными возразить на статью «Москвитянина».

Въ ней разсмотрѣны три статьи, помѣщенныя въ первой книжкѣ «Современника» за нынѣшній годъ: «Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи» г. Кавелина, «О современномъ направленіи русской литературы» г. Никитенко, и «Взглядъ на русскую литературу 1846 года» г. Бѣлинскаго. Статью г. Кавелина критикъ «Москвитянина» силится уничтожить, выказывая ея, будто бы, противорѣчія и опровергая ея основныя положенія своими собственными; но самого г. Кавелина онъ оставляетъ безъ всякой оцѣнки или критики. Приступая же къ разбору статей гг. Никитенко и Бѣлинскаго, онъ счелъ за нужное представить, въ легкихъ, но рѣзкихъ очеркахъ, литературную характеристику ихъ авторовъ. И достается же имъ отъ него! Впрочемъ, строго судя г. Никитенко, критикъ «Москвитянина» еще помнитъ русскую пословицу: гдѣ гнѣвъ, тутъ и ми-

лость; но къ г. Бѣлинскому онъ безпощадно строгъ; онъ вышелъ противъ него съ рѣшительнымъ намѣреніемъ уничтожить его до-тла, съ знаменемъ, на которомъ огненными буквами написано: pas de grâce! Въ своемъ мѣстѣ мы остановимся на этомъ посполитомъ рушеніи чужой литературной извѣстности и обнаружимъ ея тайныя причины и побужденія; а теперь начнемъ разборъ статьи нашего грознаго аристарха съ самаго начала. Грозенъ онъ — нечего сказать; но страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ, а мы не изъ робкаго десятка.... Критика была бы, конечно, ужаснымъ оружіемъ для всякаго, еслибы къ счастію она сама не подлежала—критикѣ же...

Такъ какъ г. Кавелинъ, статья котораго отдѣльно и съ особенной подробностью разобрана критикомъ «Москвитянина», рѣшился самъ отвѣчать ему, то отвѣтъ «Современника» «Москвитянину» будетъ состоять изъ двухъ статей. Что же касается до г. Никитенко, онъ и на этотъ разъ остается вѣрнымъ своему «независимому положенію въ нашей литературѣ», какъ выразился о немъ критикъ «Москвитянина», и предоставляетъ намъ отвѣтить за него, въ той мѣрѣ, въ какой нужно это для защиты «Современника».

Въ началѣ статьи «Москвитянина», въ видѣ интродукціи. говорится довольно темно, какими-то намеками, о какомъ-то «литературномъ спорѣ между Москвою и Петербургомъ и о необходимости этого спора»; о томъ, что «петербургскіе журналы встрѣтили московское направленіе съ насмѣшками и самодовольнымъ пренебреженіемъ, придумали для послѣдователей его (т. е. московскаго направленія) названіе старовѣровъ и славянофиловъ, показавшееся имъ почему-то очень забавнымъ, подтрунивали надъ мурмолками», и что, «принявши разъ этотъ тонъ, имъ было трудно перемѣнить его и сознаться въ легкомысліи». Въ доказательство указывается на «Отечественныя Записки», которыя въ особенности погрѣшили тѣмъ, что «такъ-назы-

ваемымъ славянофиламъ приписывали то, чего они никогда не говорили и не думали». Въ свидѣтели всего этого призываются «московскіе ученые, не раздѣляющіе образа мыслей московскаго направленія». Потомъ отдается должная справедливость «Отечественнымъ Запискамъ» въ томъ, что «къ концу прошлаго года и въ нынѣшнемъ, онѣ значительно перемѣнили тонъ и стали добросовѣстнѣе всматриваться въ тотъ образъ мыслей, котораго прежде не удостоивали серьёзнаго взгляда». Вслѣдъ за тѣмъ читаемъ слѣдующія строки, которыя выписываемъ вполнѣ:

«Въ это самое время отъ нихъ («Отечественныхъ Записокъ») отошли нѣкоторые изъ постоянныхъ ихъ сотрудниковъ и основали новый журналъ. Отъ нихъ, разумѣется, нельзя было ожидать направленія по существу своему новаго; но можно и должно было ожидать лучшаго, достойнѣйшаго выраженія того же направленія; всего отраднѣе было то, что редакцію принялъ на себя человѣкъ, умѣвшій сохранить независимое положеніе въ нашей литературѣ, и не написавшій ни одной строки подъ вліяніемъ страсти или раздраженнаго самолюбія; наконецъ, въ новомъ журналѣ должны были участвовать лица, издавна живущія въ Москвѣ, хорошо знакомыя съ образомъ мыслей другой литературной партіи и съ ея послѣдователями, проведшія съ ними нѣсколько лѣтъ въ постоянныхъ сношеніяхъ и узнавшія ихъ безъ посредства журнальныхъ статеекъ и сплетень, развозимыхъ заѣзжими посѣтителями».

Но—увы!—ожиданія «Москвитянина», или его критика, г. М.... З.... К...., не сбылись!

«Скажемъ откровенно (говоритъ онъ): первый нумеръ «Современника» не оправдалъ нашего ожиданія. Можетъ быть, мы и ошибаемся; но, по нашему мнѣнію, новый журналъ подлежитъ тремъ важнымъ обвиненіямъ: во первыхъ, въ отсутствіи единства направленія и согласія съ самимъ собою; во вторыхъ, въ односторонности и тѣснотѣ своего образа мыслей; въ третьихъ, въ искаженіи образа мыслей противниковъ».

Остановимся на этомъ. Увертюра разыграна мастерски и вполнѣ подготовила къ впечатлѣнію самой оперы; остается только слушать, восхищаться и аплодировать. Явно, что изъ трехъ важныхъ обвиненій, взводимыхъ критикомъ «Моск-

витянина» на «Современникъ», въ его глазахъ истинно важно только то, которое онъ не безъ умысла поставилъ послѣднимъ, какъ менѣе другихъ важное. Съ первыхъ же строкъ статьи видно, что тутъ дѣло собственно не о «Современникѣ»;

Но умыселъ другой тутъ былъ:
Хозяинъ музыку любилъ.

Что̀ такое «московское направленіе», загадочною рѣчью о которомъ начинается статья? Разумѣется, такъ называемое славянофильство. Очевидно, что авторъ статьи — славянофилъ. Но онъ не хочетъ этого названія; онъ говоритъ, что его партію окрестили имъ петербургскіе журналы. Изъ этого видно, что онъ самъ чувствуетъ все смѣшное, заключающееся въ этомъ словѣ, но онъ не чувствуетъ, что слово можетъ быть смѣшно не само собою, а заключеннымъ въ немъ понятіемъ, и что перемѣнить названіе вещи не значитъ измѣнить самую вещь. Петербургскіе журналы не сговаривались давать названіе славянофиловъ литераторамъ извѣстнаго образа мыслей; вѣроятно, они или подслушали его у самихъ этихъ литераторовъ, или извлекли изъ сущности ихъ ученія, альфа и омега котораго суть Славяне, враждебно и торжественно противополагаемые гніющему Западу. На свѣтѣ много охотниковъ называть своихъ противниковъ смѣшными или не смѣшными именами. Это же и не мудрено; но мудрено дать кому-либо такое названіе, которое бы принято было всѣми. Такія удачныя названія рѣдко выдумываются кѣмъ-нибудь, но принадлежатъ всѣмъ, и никому въ особенности. Таково и названіе славянофиловъ. Но пусть славянофилы не будутъ больше славянофилами; намъ это все равно: мы не видимъ важнаго вопроса не только въ названіи славянофиловъ, но даже и въ сущности ихъ ученія. Итакъ, пусть они изъ славянофиловъ переименуются во что̀ имъ угодно, но только не въ «московское направленіе»: этого не можетъ допустить здравый смыслъ. Во

первыхъ, выраженіе «московское направленіе» неловко и неудобно для обозначенія литературной партіи: какъ называть людей «направленіемъ»? А во вторыхъ—и это главное—почему славянофильство именно московское направленіе? Мы понимаемъ, что господамъ славянофиламъ, живущимъ въ Москвѣ, очень лестно прикрыться именемъ такого важнаго въ Россіи города, какъ Москва, и завербовать въ свои ряды всѣхъ Москвичей поголовно; но лестно ли это будетъ для Москвы и Москвичей — вотъ вопросъ! И что̀ на это скажутъ, съ одной стороны, тѣ московскіе ученые, которые, по словамъ самого критика «Москвитянина», не раздѣляютъ образа мыслей «московскаго направленія», но хорошо съ нимъ знакомы; а съ другой стороны лица, которыя раздѣляютъ этотъ образъ мыслей, но живутъ и пишутъ въ Петербургѣ?... Намъ кажется, что славянофильству чуть ли не болѣе слѣдуетъ названіе петербургскаго направленія, чѣмъ московскаго. По крайней мѣрѣ, сколько мы знаемъ славянофильство, оно совсѣмъ не такъ ново на Руси, какъ, можетъ-быть, думаютъ сами послѣдователи этого ученія. Кому не извѣстно, что успѣхи Карамзина въ преобразованіи русскаго литературнаго языка вызвали, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, партію, которая, вооружаясь противъ его нововведеній, думала отстаивать отъ иноземнаго вліянія родной языкъ и добрые праотческіе нравы! Какъ вы думаете, не сродни ли эта партія нынѣшнимъ славянофиламъ? Вотъ нѣсколько стиховъ на выдержку изъ посланія Василія Пушкина къ Жуковскому, піесы, по которой можно, до извѣстной степени, судить о живости и характерѣ борьбы двухъ партій нашей литературы того времени:

Въ чемъ увѣряютъ насъ Паскаль и Боссюэтъ,
Въ Синопсисѣ того, въ Степенной Книгѣ нѣтъ.
Отечество люблю, языкъ я русскій знаю;
Но Тредьяковскаго съ Расиномъ не равняю,—
И Пиндаръ нашихъ странъ тѣмъ слогомъ не писалъ,

Какимъ Баянъ въ свой вѣкъ героевъ воспѣвалъ.
Я правъ, и ты со мной, конечно, въ томъ согласенъ;
Но правду говорить безумцамъ—трудъ напрасенъ.
Я вижу весь соборъ безграмотныхъ *Славянъ*,
Которыми здѣсь вкусъ къ изящному попранъ,
Противъ меня теперь рыкающій ужасно.
Къ дружинѣ вопіетъ нашъ Балдусъ велегласно.
«О братіе мои, зову на помощь васъ!
«Ударимъ на него—и первый буду азъ.
«Кто намъ граматикѣ совѣтуетъ учиться,
«Во тьму кромѣшную, въ гіенну погрузится;
«И аще смѣетъ кто Карамзина хвалить,
«Нашъ долгъ, о людіе, злодѣя истребить».
. . . .
Итакъ, любезный другъ, я смѣло въ бой вступаю;
Въ словесности расколъ, какъ должно, осуждаю.
Аристъ душою добръ, но авторъ онъ дурной,
И намъ отъ книгъ его нѣтъ пользы никакой,
Въ страницѣ каждой онъ слогъ древній выхваляетъ
И русскимъ всѣмъ словамъ прямой источникъ знаетъ;
Что нужды? Толстый томъ, гдѣ зависть лишь видна,
Не есть лагарповъ курсъ, а пагуба одна.
Въ славянскомъ языкѣ и самъ я пользу вижу,
Но вкусъ я варварскій гоню и ненавижу.
Въ душѣ своей ношу къ изящному любовь;
Творенье безъ идей мою волнуетъ кровь.
Словъ много затвердить не есть еще ученье:
Намъ нужны ни слова, намъ нужно просвѣщенье.

Видите ли: и здѣсь уже люди, объявившіе себя противъ европейскаго образованія, названы Славянами; а далеко ли отъ Славянъ до славянофиловъ? Правда, съ обѣихъ сторонъ здѣсь споръ чисто литературный, потому что другаго тогда и не могло быть; и разумѣется, славянофильская партія нашего времени двинулась дальше своей прародительницы. А гдѣ было гнѣздо этой старой славянской партіи? — въ Петербургѣ. Посланіе, изъ котораго мы выписали нѣсколько стиховъ, написано было въ Москвѣ—центрѣ литературной реформы того времени. Въ послѣднее

время славянофильство, какъ новое направленіе, рѣзко и рѣшительно провозгласило себя въ московскомъ журналѣ «Москвитянинѣ»; но и тутъ оно упреждено было въ Петербургѣ: изданіе «Маяка» началось годомъ ранѣе «Москвитянина». Многіе славянофилы не любятъ вспоминать о «Маякѣ», какъ будто чуждаются его, никогда не высказываютъ своего мнѣнія ни за, ни противъ него; подумаешь, что они и не знаютъ ничего о существованіи подобнаго журнала. А это оттого, что «Маякъ» былъ самымъ крайнимъ и самымъ послѣдовательнымъ органомъ славянофильства. Вѣрный своему принципу, исходному пункту своего ученія, онъ никогда не противорѣчилъ ему и логически дошелъ до крайнихъ, до послѣднихъ своихъ результатовъ. Онъ не признавалъ ни тѣни истины во всемъ, что хоть сколько-нибудь противорѣчило его основному убѣжденію; и если знаменитѣйшихъ представителей русской литературы, отъ Ломоносова и Державина до Пушкина, онъ объявилъ зараженными западною ересью, вредными и опасными для нравственной чистоты русскаго общества, — онъ сдѣлалъ это не почему другому, какъ по строгой послѣдовательности, строгой вѣрности началу своего ученія. Въ немъ все было едино и цѣло, все сообразно съ его направленіемъ и цѣлью: и языкъ, и манера выражаться, и литературное и художественное достоинство его стиховъ и прозы. Онъ больше славянофилъ, чѣмъ «Москвитянинъ», и потому имѣлъ полное право смотрѣть на него, какъ на противорѣчиваго, непослѣдовательнаго органа того ученія, которое во всей чистотѣ своей явилось только въ немъ, пресловутомъ «Маякѣ». Но этимъ самымъ, разумѣется, онъ оказалъ очень дурную услугу славянофильству, потому что выставилъ его на позорище свѣта въ его истинномъ, настоящемъ видѣ; а извѣстно, что есть предметы, которые стоитъ только выказать въ ихъ дѣйствительномъ значеніи и образѣ, чтобы уронить ихъ, хотя это дѣлается иногда

и съ цѣлію, напротивъ, поднять и возвысить ихъ въ глазахъ общества....

Какъ бы то ни было, но изъ всего сказаннаго нами неоспоримо слѣдуетъ, что называть славянофильство «московскимъ направленіемъ» отнюдь не слѣдуетъ, потому что Петербургу славянофильство принадлежитъ не только не меньше, но чуть ли еще не больше, чѣмъ Москвѣ. Отстранивши отъ Москвы такъ не впопадъ навязываемое ей московскими славянофилами исключительное право на славянофильство, мы дѣйствуемъ въ ея пользу, а не противъ ея. Но точно также мы не согласились бы называть славянофильство и «петербургскимъ направленіемъ». Только тогда можно означить какое-нибудь направленіе именемъ города, когда оно дѣйствительно есть главное, исключительное направленіе этого города, а всѣ другія, существующія въ немъ направленія, являются на второмъ и третьемъ планѣ, слабы, незначительны, ничтожны. Но по поводу славянофильства этого нельзя сказать ни о Петербургѣ, ни о Москвѣ. Въ томъ и другомъ городѣ жили и дѣйствовали знаменитѣйшіе представителя нашей литературы, имѣвшіе рѣшительное и важное вліяніе и на литературу и на образованіе общества, и они-то, между тѣмъ, нисколько не принадлежатъ къ славянофиламъ. Мы знаемъ, что гг. московскіе славянофилы могутъ указать намъ съ торжествомъ по крайней мѣрѣ на два знаменитыя въ литературѣ имени, какъ такія, которыя, еслибы и не принадлежали имъ вполнѣ, то болѣе или менѣе симпатизируютъ съ ними — особенно на имя Гоголя, послѣ изданія его «Переписки съ Друзьями». Но это ровно ничего не доказывало бы въ ихъ пользу, потому что великое значеніе Гоголя въ русской литературѣ основывается вовсе не на этой «Перепискѣ», а на его прежнихъ твореніяхъ, положительно и рѣзко антиславянофильскихъ. И потому гг. московскіе славянофилы были бы вполнѣ вѣрны своей точкѣ зрѣнія, еслибы восхи-

щались только «Перепискою», а на всѣ другія произведенія Гоголя смотрѣли бы косо. Но они и ихъ приняли подъ свое высокое покровительство, вѣроятно, ради будущихъ, новыхъ его произведеній, которыхъ характеръ заранѣе опредѣляется въ ихъ глазахъ «Перепискою». «Маякъ» никогда не обнаружилъ бы такой непослѣдовательности: еслибъ онъ здравствовалъ доселѣ, вѣроятно онъ расхвалилъ бы «Переписку» и простилъ бы за нее Гоголю его прежнія произведенія, но только простилъ бы, не отрицая настоятельной необходимости для нихъ очистительнаго аутода-фе.

Что касается до массы русскихъ литераторовъ, прежнихъ и теперешнихъ, старыхъ и молодыхъ, они избираютъ мѣстомъ своего жительства Петербургъ или Москву по разнымъ обстоятельствамъ ихъ жизни, не всегда зависящимъ отъ ихъ воли, и ужь, конечно, всего менѣе по уваженію къ тому образу мыслей, который раздѣляютъ. И потому отвести для славянофиловъ городъ Москву, а для литераторовъ противоположнаго направленія — городъ Петербургъ, можетъ войдти въ голову только квартирмейстерамъ особаго, исключительнаго рода. Какъ въ Петербургѣ много славянофиловъ, такъ точно въ Москвѣ много не-славянофиловъ, и наоборотъ. Критикъ «Москвитянина» указываетъ на Петербургъ, какъ на мѣстопребываніе противоположной «московскому направленію» партіи, и самъ же говоритъ, что въ Москвѣ есть ученые, не раздѣляющіе этого направленія, и отзывается о нихъ съ уваженіемъ. Странное дѣло: почему же направленіе славянофиловъ, живущихъ въ Москвѣ, «московское», а направленіе этихъ ученыхъ, тоже живущихъ въ Москвѣ, да еще издавна, по словамъ критика «Москвитянина» не-московское?... Въ этомъ видно притязаніе на первенство значенія, высокое уваженіе къ своему славянофильскому значенію, въ ущербъ всякому другому значенію. Мы такъ думаемъ, что право на пер-

венство, въ этомъ случаѣ, можетъ дать только преимущество таланта, а не отношеніе къ той или другой партіи.... Что же ввело въ заблужденіе критика «Москвитянина» и заставило его выдумать «московское направленіе»? Неужели то обстоятельство, совершенно внѣшнее и случайное, что въ Петербургѣ мало журналовъ, но все же есть ихъ нѣсколько, и нѣкоторые изъ нихъ направленія славянофильскаго, другіе—не имѣютъ ничего общаго съ славянофильствомъ; а въ Москвѣ всего-на-все одинъ журналъ, и онъ славянофильскій? И что поэтому московскіе ученые и литераторы, не принадлежащіе къ славянофильской партіи, помѣщаютъ свои труды въ петербургскихъ журналахъ? Нѣтъ это не то! Тутъ скрываются болѣе важныя причины. Господамъ славянофиламъ нужно, необходимо, волею или неволею, навязать Москвѣ славянофильство. По ихъ мнѣнію, это ученіе одно истинно-русское, національное, а Москва — представительница и хранительница русской народности. Итакъ, очевидно — что-нибудь одно изъ двухъ: или славянофильство — направленіе ложное, или оно московское... Москва вишь виновата! И потому, говоря такъ много о выраженіи «московское направленіе», мы не привязались къ мелочи, а обратили особенное вниманіе на одинъ изъ важнѣйшихъ спорныхъ пунктовъ славянофильства... Читатели уже видятъ, какъ крѣпокъ и проченъ этотъ спорный пунктъ; но мы покажемъ это еще больше, обратившись къ другимъ такимъ же точкамъ опоры направленія, претендующаго на званіе «московскаго»...

Такимъ же точно образомъ, какъ не признаемъ мы этого названія, не признаемъ мы существованія спора между Москвою и Петербургомъ. Правда, бывали прежде и бываютъ теперь споры между московскими и петербургскими литераторами, но такъ же точно, какъ и споры московскихъ съ московскими же и пететербурскихъ съ петербургскими же литераторами; но ни Москва съ Петербургомъ, ни Петер-

бургъ съ Москвою никогда и не думали спорить. Да изъ чего же бы имъ и спорить? Было время, когда Москва спорила съ Тверью и Рязанью, но на то были свои историческія причины, которыхъ теперь не существуетъ, и время это давно прошло. Петербургъ и Москва — оба принадлежатъ Россіи и равно дороги, важны и необходимы какъ ей, такъ и другъ другу. Петербургъ можетъ похвалиться передъ Москвою такими хорошими сторонами, какихъ въ ней нѣтъ, и отсутствіемъ такихъ недостатковъ, которые въ ней есть; Москва въ свою очередь, можетъ, на достаточномъ основаніи, сдѣлать то же самое въ отношеніи къ Петербургу. Но именно то, что, кромѣ общихъ имъ выгодныхъ сторонъ, каждый изъ нихъ имѣетъ еще свои собственныя, — это-то самое и дѣлаетъ ихъ и необходимыми и полезными другъ другу и должно соединять ихъ, вмѣсто того, чтобъ раздѣлять. Подобное отношеніе должно быть источникомъ не споровъ, а взаимнаго другъ на друга полезнаго вліянія. Петербургъ — резиденція правительства и, въ административномъ смыслѣ, центральный городъ Россіи, хотя и стоитъ на одной изъ ея оконечностей; Петербургъ — окно въ Европу, посредникъ между Европой и Россіею. Такой роли не могъ бы играть городъ съ иностраннымъ народонаселеніемъ, какъ, напр., Ревель или Рига, хотя бы это былъ и столько же огромный, какъ Петербургъ, городъ. Москва — центральный городъ Россіи, по географическому положенію. Вся сѣверовосточная, восточная и южная Россія и съ самимъ Петербургомъ сносится черезъ Москву. Сверхъ того Москва — городъ по преимуществу промышленный, торговый и, по своему университету, старѣйшему изъ русскихъ университетовъ, городъ науки. При этомъ не должно упускать изъ виду, что Москва есть городъ древній, историческій, городъ преданія, представительница народнаго духа. Петербургъ, напротивъ, городъ новый, построенный на завоеванной землѣ, торговая колонія, разросшаяся въ столицу; его почва чужда преда

ній; онъ кипитъ народонаселеніемъ, преимущественно наноснымъ, приплывающимъ къ нему изо всѣхъ концовъ Россіи, бо̀льшею частію чисто русскимъ, меньшею частію обрусѣлымъ иностраннымъ. Это послѣднее никогда не можетъ дать ему иностраннаго характера, уже по одному тому, что оно состоитъ изъ людей разныхъ націй и вѣроисповѣданій, и потому не представляетъ собою сплошной массы, которая бы могла контро-балансировать съ массою русскаго народонаселенія Петербурга. Находясь подъ вліяніемъ русскихъ законовъ и тѣмъ болѣе чувствуя нравственный перевѣсъ надъ собою массы русскаго народонаселенія, эти иностранцы скоро дѣлаются почти Русскими, дѣти же ихъ —совершенно Русскіе; а между тѣмъ въ торговлѣ, въ ремеслахъ, въ формахъ жизни, они приносятъ съ собою новые, необходимые намъ элементы. Благодаря морю и пароходству, Петербургъ отдѣленъ отъ Европы только тремя сутками пути; а благодаря желѣзнымъ дорогамъ, безъ перерыва идущимъ теперь отъ Штетина до Гавра, онъ ближе всѣхъ другихъ русскихъ городовъ и къ Парижу и къ Лондону. Черезъ Петербургъ передаются Россіи всѣ новѣйшія изобрѣтенія, сдѣланныя въ Европѣ, по части наукъ, искусствъ, мануфактуръ, ремеслъ. Такимъ образомъ, безъ Петербурга, Москва представляла бы только крайность народнаго начала, не оживляемаго и не умѣряемаго элементами европейской жизни; а Петербургъ безъ Москвы имѣлъ бы на провинцію болѣе административное, нежели живое нравственное и соціальное вліяніе; потому-что если Петербургъ есть посредникъ между Европою и Россіею, то Москва есть посредникъ между Петербургомъ и Россіею. Называя Петербургъ посредникомъ между Европою и Россіею, мы не думаемъ этимъ сказать, что, только живя въ немъ, можно слѣдить за успѣхами наукъ и искусствъ въ Европѣ. Напротивъ, это можно дѣлать, живя не только въ Москвѣ, но и въ Тамбовѣ, и въ Саратовѣ. Но подобное наблюденіе ус

пѣховъ ума человѣческаго въ Европѣ, внѣ Петербурга, возможно только для отдѣльныхъ лицъ, а не для массъ. Можно, напримѣръ, и живя въ Москвѣ, знать лучшій способъ кладки камней и кирпичей при строеніи зданій; но говорятъ, при постройкѣ кремлевскаго дворца и храма Спасителя, въ Москву было привезено изъ Петербурга нѣсколько работниковъ для наученія московскихъ мастеровъ надлежащему способу класть кирпичъ при выводѣ стѣнъ. Безъ сомнѣнія, московскіе архитекторы знали, какъ кладется въ Европѣ камень и кирпичъ; а въ Петербургѣ, мастеровые, не заботясь объ Европѣ, умѣли класть кирпичъ, какъ кладутъ его тамъ.

Этотъ простой и ничтожный, повидимому, фактъ показываетъ, какое вліяніе имѣетъ Петербургъ, по своей близости къ Европѣ, не на одни избранныя личности, но на самую жизнь Россіи. Его роль чисто практическая; его вліянія надо искать не въ однѣхъ книгахъ, но въ правахъ, въ образѣ жизни. Его замѣчательнѣйшія учебныя заведенія— спеціяльныя, преимущественно техническія.

Естественно, что между Петербургомъ и Москвою должны быть существенныя различія, которыя должны отразиться и въ литературѣ разностію точекъ воззрѣнія на одни и тѣ же предметы. Изъ этого могъ бы возникнуть даже споръ, о которомъ говоритъ критикъ «Москвитянина». Но этого спора доселѣ не было, хотя и бывали споры между петербургскими и московскими литераторами. Можетъ-быть, это происходитъ отъ сильнаго и быстраго вліянія другъ на друга обоихъ городовъ. Напримѣръ, было время, когда московскіе литераторы (разумѣется нѣкоторые) упрекали петербургскихъ за то, что тѣ берутъ деньги за свои труды, а не пишутъ изъ одной любви къ литературѣ, и еще за то, что ихъ журналистика отличается не направленіемъ, не идеями, а только аккуратнымъ, современнымъ, выходомъ книжекъ. Если хотите, въ этомъ фактѣ выразилось, болѣе

или менѣе, различіе обоихъ городовъ; но на долго ли? Еще не успѣлъ прекратиться этотъ споръ на перьяхъ, какъ причины его уже и не существовало: въ Петербургѣ явились журналы и съ направленіемъ и съ идеями, да вдобавокъ и съ аккуратнымъ, своевременнымъ выходомъ книжекъ; а въ Москвѣ такъ же, какъ и въ Петербургѣ, стали брать деньги за литературные труды, и безденежныя литературныя предпріятія сдѣлались невозможны; но отъ этого въ Москвѣ не перевелись люди съ убѣжденіями и идеями. Въ сущности же весь этотъ споръ вышелъ больше изъ того, что однихъ литераторовъ приписали къ Петербургу, другихъ къ Москвѣ, и по нимъ судили о томъ и другомъ городѣ. Такъ, напримѣръ, московскіе журналисты, въ своей полемической войнѣ съ Петербургомъ, имѣли въ виду преимущественно гг. Греча, Булгарина и Воейкова и какъ будто забывали, что кромѣ ихъ, въ Петербургѣ жили Крыловъ, Гнѣдичъ, Жуковскій, Пушкинъ, потомъ Гоголь—писатели, которыхъ, конечно, нельзя было обвинять въ отсутствіи направленія. Пушкинъ съ самаго появленія на литературное поприще продавалъ книгопродавцамъ свои сочиненія за неслыханныя до него цѣны, а между тѣмъ онъ не былъ тогда журналистомъ; въ его поэзіи не выражалось ни петербургскаго, ни московскаго направленія: живя въ Петербургѣ, онъ, какъ поэтъ, по своему таланту, по духу, содержанію и формѣ своихъ произведеній, принадлежалъ не Петербургу, не Москвѣ только, а цѣлой Россіи. Въ послѣднее время возникла полемика по поводу славянофильства, но это отнюдь не было споромъ между Петербургомъ и Москвою. Ссылаемся на тѣ самыя «Отечественныя Записки», о которыхъ говоритъ, въ началѣ статьи своей, критикъ «Москвитянина»: онъ найдетъ тамъ возраженія и отповѣди не одному «Москвитянину» или «Московскому Сборнику», но и «Маяку». Сверхъ того, статьи противъ «Москвитянина» и «Московскаго Сборника» писаны тамъ не одними пе-

тербургскими литераторами, но и московскими; такъ напримѣръ, въ нынѣшнемъ году напечатана тамъ была статья московскаго профессора, г. Грановскаго, въ опроверженіе статьи г. Хомякова, помѣщенной въ «Московскомъ Сборникѣ» на 1847 годъ: въ возникшемъ за тѣмъ спорѣ, возраженія г. Хомякова печатались въ «Московскомъ Городскомъ Листкѣ», а возраженія г. Грановскаго въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Гдѣ жь тутъ споръ Петербурга съ Москвою? Тутъ столько же споръ Петербурга съ Петербургомъ и Москвы съ Москвою, сколько и Петербурга съ Москвою. Нѣтъ, какъ ни хлопочите, а никакъ не удастся вамъ обыкновенные литературные споры превратить въ какую-то борьбу двухъ городовъ, и еще менѣе успѣете вы смѣшать съ Москвою какой-нибудь литературный кружокъ. Москва велика, и какъ ни надувайтесь, а все съ нее не будете ростомъ, только повредите вашему здоровью и будете смѣшны...

Бывали когда-то въ нѣкоторыхъ петербургскихъ журналахъ насмѣшки надъ Москвою, а въ московскихъ что-то въ родѣ не совсѣмъ пріязненныхъ выходокъ противъ Петербурга. Но подобный споръ могъ быть только плодомъ юношескаго, незрѣлаго состоянія нашей литературы и нашей общественной образованности. Теперь, слава Богу, по крайнѣй мѣрѣ, въ петербургскихъ журналахъ вовсе вышли изъ употребленія наѣздническіе возгласы противъ Москвы, и въ патетическомъ и въ проническомъ духѣ. Со стороны московскихъ литераторовъ (по крайней мѣрѣ, можно смѣло поручиться за тѣхъ, которые не раздѣляютъ такъ называемаго «московскаго направленія») тоже не видно никакихъ предубѣжденій противъ Петербурга. Всѣ совершеннолѣтніе давно уже предоставили подобные споры о превосходствѣ одной столицы передъ другою дѣтямъ, юношамъ и энтузіастамъ. И хорошо сдѣлали, потому что въ такихъ спорахъ играли главную роль не Москва и Петербургъ, а малень-

кое самолюбіе спорщиковъ: каждый хотѣлъ возвысить украшенный его присутствіемъ городъ насчетъ другаго. Тамъ же, гдѣ къ самолюбію примѣшивался фанатизмъ теорій, не видно было ни малѣйшаго знанія ни того города, который превозносился, ни того, который приносился ему въ жертву. Короче, это былъ споръ дѣтскій, ребяческій. Петербургскіе журналы дѣйствительно подтрунивали надъ мурмолками, а московскіе журналы точно не подтрунивали надъ ними; но это не потому, чтобъ мурмолки были смѣшны только въ Петербургѣ, въ Москвѣ же были-бы не смѣшны, а опять-таки потому только, что въ Москвѣ всего-на-все одинъ журналъ, да и тотъ родственный мурмолкамъ. А что надъ ними смѣялись петербургскіе журналы—въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго для петербургскихъ журналовъ...

Смѣяться, право, не грѣшно
Надъ тѣмъ, что кажется смѣшно.

Смѣхъ часто бываетъ великимъ посредникомъ въ дѣлѣ отличенія истины отъ лжи. Иная мысль или иной поступокъ совершенно оправдываются логикою: вы не соглашаетесь съ ихъ истинностію, но и не находите ничего возразить на доказательства ихъ неоспоримой истинности. Но тутъ дѣло рѣшаетъ смѣхъ! Такъ, напримѣръ, можно видѣть и понимать, что вотъ этотъ господинъ надѣлъ мурмолку по глубокому убѣжденію, которымъ онъ не шутитъ, которому онъ благородно приноситъ въ жертву всю жизнь свою, что онъ правъ съ своей точки зрѣнія и защищаетъ мурмолку съ жаромъ, краснорѣчиво, логически и умно; все это можно видѣть и понимать—и все-таки смѣяться... Можно любить человѣка, даже уважать его—и вмѣстѣ съ этимъ смѣяться надъ нимъ... Тебя зову въ свидѣтели, о знаменитый витязь ламанчскій, вѣчно-памятный обожатель несравненной Дульцинеи табозской! Ты былъ рыцарь безъ пятна и страха, краса и честь кавалеровъ, гроза и трепетъ злодѣевъ, надежда и отрада

угнетенныхъ и страждущихъ; благородный и великодушный, ты часто являлся мудрецомъ въ рѣчахъ своихъ, дышавшихъ возвышенностію мыслей и чувствъ, ясностію взгляда, здравымъ смысломъ и краснорѣчіемъ; храбрый воинъ, ты былъ еще и справедливымъ, искуснымъ судьею! Вижу и признаю всѣ твои достоинства, удивляюсь имъ — и все-таки, читая дивную эпопею твоей жизни, отъ всего сердца смѣюсь надъ тобою, до той самой минуты, когда, готовый изъ этого міра, населеннаго трактирщиками, волшебниками, злодѣями, вассалами, рабами и рыцарями, перейдти въ другой, лучшій міръ, гдѣ вовсе нѣтъ всей этой дряни, ты вдругъ какъ бы прозрѣлъ и плачущему оруженосцу своему и будущему губернатору завоеваннаго тобою острова, Санхо-Пансѣ, сказалъ, что ты не рыцарь; а помѣщикъ... тогда мой смѣхъ, то веселый, то грустный, смѣется уже одною безпримѣсною и глубокою грустью...

Приступая къ разбору статьи г. Никитенко, критикъ «Москвитянина« говоритъ, что «здѣсь должно быть обозначено направленіе журнала, то къ чему онъ клонитъ общественное мнѣніе, мѣрило всѣхъ его литературныхъ сужденій и оправданіе сочувствій». То же видитъ онъ и въ статьѣ Бѣлинскаго, вслѣдствіе чего основательно требуетъ, чтобы обѣ эти статьи выражали одно воззрѣніе, были проникнуты однимъ направленіемъ; а между тѣмъ находитъ въ нихъ страшныя противорѣчія. И поэтому мы скажемъ нѣсколько словъ о его взглядѣ на статью г. Никитенко только въ отношеніи къ этимъ противорѣчіямъ.

Критикъ «Москвитянина» соглашается съ г. Никитенко, что наша общественная образованность вообще отличается отсуствіемъ мощныхъ, широко раскрывающихся личностей, зато она разстилается въ ширину и глубину, течетъ спокойнѣе, тише, какъ дома, и работаетъ безъ шуму, но работаетъ около самыхъ основаній. Но никакъ не хочетъ согласиться съ нимъ насчетъ той же мысли, только выска-

занной въ приложеніи къ современной русской литературѣ. Вотъ слова г. Никитенко:

«Взамѣнъ сильныхъ талантовъ, недостающихъ нашей современной литературѣ, въ ней, такъ сказать, отстоялись и улеглись жизненныя начала дальнѣйшаго развитія и дѣятельности... Въ ней есть сознаніе своей самостоятельности и своего назначенія. Она уже сила, организованная правильно, дѣятельная, живыми отпрысками переплетающаяся съ разными общественными нуждами и интересами, не метеоръ, случайно залетѣвшій изъ чужой намъ сферы на удивленіе толпы, не вспышка уединной геніяльной мысли, нечаянно проскользнувшая въ умахъ и потрясшая ихъ на минуту новымъ и невѣдомымъ ощущеніемъ. Въ области литературы нашей теперь нѣтъ мѣстъ особенно замѣчательныхъ, *но есть вся литература.*»

На это критикъ «Москвитянина» возражаетъ, что г. Никитенко «кажется, слишкомъ снисходителенъ къ изящной литературѣ». При этомъ кстати онъ вспомнилъ, что мысль эту читалъ когда-то въ «Отечественныхъ Запискахъ»; но тамъ, по его мнѣнію, она была кстати, а у г. Никитенко некстати, потому-де, что г. Никитенко любитъ искусство ради самого искусства и глубоко понимаетъ его требованія, а въ этомъ случаѣ удовлетворяется количествомъ и легкимъ сбытомъ произведеній взамѣнъ качества и внутренняго достоинства. Остановимся на этомъ. Г. Бѣлинскій неоднократно высказывалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» ту мысль, что, за исключеніемъ Гоголя, пишущаго въ послѣднее время мало и рѣдко, въ русской литературѣ теперь нѣтъ великихъ талантовъ, но за то есть теперь у насъ литература. Г. Никитенко, независимо отъ г. Бѣлинскаго, въ статьѣ своей, помѣщенной въ первой книжкѣ «Современника» по своему высказалъ, и, можетъ-быть, тоже не въ первый разъ, ту же мысль. Что̀ можно заключить изъ этого факта, касательно единства направленія «Современника»? Ничего болѣе, кромѣ того, что редакторъ «Современника» сходится съ своими сотрудниками въ одномъ изъ главныхъ пунктовъ направленія его журнала. Но благонамѣренному критику «Москвитянина» непремѣнно нужно было, во что̀ бы

ни стало, найти тутъ противорѣчія; но какъ, несмотря на всю свою готовность къ этому, онъ все-таки не могъ найдти въ словахъ г. Никитенко противорѣчія со взглядомъ г. Бѣлинскаго, то счелъ за нужное найдти у г. Никитенко противорѣчіе съ самимъ собою... И дѣйствительно, въ словахъ редактора «Современника» есть противорѣчіе, но только не съ самимъ собою, а съ критикомъ «Москвитянина»: г. Никитенко видитъ въ новой русской литературѣ нѣчто достойное вниманія и уваженія, а г. М.... З.... К... видитъ въ ней безобразную массу бездарыхъ и нелѣпыхъ произведеній. Что̀ сказать на это? Ничего болѣе, какъ посовѣтовать г. Никитенко, когда онъ будетъ что-нибудь писать, посылать програму каждой своей статьи на утвержденіе рѣшительнаго и непогрѣшительнаго въ своихъ приговорахъ критика «Москвитянина»: что̀ онъ у него одобритъ, такъ тому и быть, что̀ забракуетъ, то вонъ изъ статьи. Это, кажется, единственный способъ для г. Никитенко избѣгать мыслей и воззрѣній неосновательныхъ и ложныхъ .. въ глазахъ критика «Москвитянина».—Многіе могутъ найдти не совсѣмъ согласною съ здравымъ смысломъ подобную опеку какого-то замаскировавшагося таинственными буквами неизвѣстнаго литературнаго наѣздника, надъ извѣстнымъ профессоромъ и литераторомъ, обладающимъ, по сознанію самого его противника, самобытнымъ взглядомъ на предметы мысли. Намъ самимъ это кажется такъ; но г. М.... К.... З.... думаетъ объ этомъ иначе: все, что̀ не согласно съ его образомъ мыслей, онъ считаетъ рѣшительнымъ вздоромъ. Въ этомъ отношеніи, онъ не менѣе всѣхъ восточныхъ людей вѣритъ въ «несомнѣнную книгу», только въ отличіе отъ нихъ видитъ эту «несомнѣнную книгу»—въ себѣ.

Было бы слишкомъ утомительно и скучно слѣдить за критикомъ «Москвитянина» шагъ за шагомъ. Онъ выписываетъ изъ разбираемыхъ имъ статей цѣлыя страницы; разбирая его такъ же подробно, мы должны были бы выпи-

сывать и эти выписки и его собственныя страницы; и потому постараемся какъ можно короче изложить сущность дѣла. Въ статьѣ своей г. Никитенко нападаетъ мѣстами на недостатки такъ называемой натуральной школы, состоящіе въ преувеличеніи и однообразіи предметовъ. Это его мнѣніе, и онъ выражаетъ его безъ рѣзкости, безъ всякой враждебности къ натуральной школѣ; напротивъ, въ самыхъ его нападкахъ видно, что онъ уважаетъ и любитъ ее. и на этомъ-то основаніи желаетъ указать ей ея настоящую дорогу. Словомъ, онъ признаетъ и талантъ и достоинство въ произведеніяхъ натуральной школы, но признаетъ ихъ не безусловно, хвалитъ основаніе, но порицаетъ крайности. Во всемъ этомъ критикъ «Москвитянина» увидѣлъ страшныя противорѣчія съ статьею г. Бѣлинскаго, лишающія «Современникъ» всякаго единства мысли и направленія. «Одно изъ двухъ (говоритъ онъ): или журналъ не долженъ имѣть своего образа мыслей, и тогда онъ не журналъ—а неизвѣстно что̀ такое; или онъ долженъ имѣть его, и тогда не мѣшаетъ участвующимъ въ немъ согласиться предварительно между собою». Здѣсь мы прежде всего считаемъ долгомъ поблагодарить грознаго критика за его уваженіе къ нашему журналу, невольно высказавшееся у него самою чрезмѣрностію требованій отъ «Современника». Прибавимъ къ этому, что его идеалъ журнала очень вѣренъ; но къ несчастію его существованіе рѣшительно невозможно при настоящемъ состояніи литературы и общественнаго образованія. Въ Европѣ не только каждое извѣстное мнѣніе можетъ сейчасъ же найдти свой органъ въ журналѣ, но и каждый изъ оттѣнковъ этого мнѣнія: для этого тамъ всегда найдется достаточное число людей, способныхъ работать по опредѣленному направленію. Но и тамъ едва ли найдется хотя одинъ хорошій журналъ или одно хорошее обозрѣніе, въ которомъ все до послѣдней строки было бы проникнуто однимъ направленіемъ. Это возможно вполнѣ только въ отношеніи

къ политическимъ, или критическимъ статьямъ, но не всегда возможно въ отношеніи даже къ ученымъ статьямъ, и рѣшительно невозможно въ отношеніи къ произведеніямъ изящной словесности. Ни одинъ журналъ не откажется отъ превосходной статьи, потому только, что она по духу своему, не совсѣмъ ладитъ съ направленіемъ журнала. Въ такомъ случаѣ, обыкновенно статья печатается съ оговоркою отъ редакціи, а иногда въ томъ же журналѣ помѣщается и возраженіе на несогласныя съ направленіемъ журнала мѣста въ статьѣ. Что̀ же касается до произведеній изящной словесности, на нихъ тамъ вовсе не простираются условія, налагаемыя направленіемъ журнала на статьи теоретическія. Жоржъ-Сандъ, напримѣръ, по своимъ убѣжденіямъ и симпатіямъ, не имѣетъ ничего общаго съ людьми, участвующими въ «Journal des Débats» или «Revue des deux Mondes»; а между тѣмъ вздумай она помѣстить тамъ свою повѣсть— возьмутъ, да еще съ какою радостью, не обращая никакого вниманія на духъ и направленіе повѣсти. И это очень естественно: кто дѣйствительно понимаетъ законы искусства, тотъ знаетъ, что повѣстей писать по заказу нельзя, и что тутъ направленіе и духъ должны зависѣть только отъ личности автора. Хорошихъ же поэтовъ вездѣ немного, стало-быть, тутъ выборъ можетъ касаться только достоинства романа или повѣсти, но не направленія ихъ.

Что̀ касается до нашихъ журналовъ, — необходимость имѣть извѣстное направленіе, извѣстный образъ мыслей и никогда не противорѣчить ему, начали обнаруживаться только въ послѣднее время. Журналовъ у насъ немного, но все-таки больше, нежели сколько есть у насъ людей, способныхъ своими трудами поддерживать журналы. У насъ большое счастіе для журнала, если онъ успѣетъ соединить труды нѣсколькихъ людей и съ талантомъ и съ образомъ мыслей, если не совершенно тождественнымъ, то по крайней мѣрѣ не расходящимся въ главныхъ и общихъ положеніяхъ. По-

этому требовать отъ журнала, чтобы всѣ его сотрудники были совершенно согласны даже въ оттѣнкахъ главнаго направленія, значитъ требовать невозможнаго. Тутъ не помогутъ мудрые совѣты въ родѣ слѣдующаго: сперва соберитесь да согласитесь между собою. Искусственнымъ образомъ нельзя соглашать людей въ дѣлѣ убѣжденія, и ни одинъ порядочный человѣкъ ничего не уступитъ изъ своего мнѣнія ради причины, лежащей внѣ его мнѣнія. Лишь бы журналъ имѣлъ общій характеръ, такъ-что съ его представленіемъ въ умѣ всякаго соединялось бы извѣстное направленіе: этого для него пока совершенно достаточно, чтобъ быть ему хорошимъ журналомъ. Разность въ оттѣнкахъ мыслей еще ничего; плохо какъ «изъ одного города да не однѣ вѣсти». Вотъ, напримѣръ, какъ г. М... З... К... отзывается о первой теперь поэтической знаменитости не только во Франціи, но и во всей Европѣ: «Жоржъ-Сандъ, котораго, конечно, не назовутъ писателемъ отсталымъ отъ вѣка, истощивъ въ прежнихъ своихъ произведеніяхъ всѣ виды страсти, всѣ образы личности, протестующей противъ общества, въ «Консуэло», «Жаннѣ», въ «Compagnon du tour de France», изображаетъ красоту и спокойное могущество самопожертвованія и самообладанія; а въ «Чортовой Лужѣ» она плѣняется мирною простотою семейнаго быта». Оставляя въ сторонѣ приложеніе, которое критикъ «Москвитянина» хочетъ сдѣлать изъ своего сужденія о Жоржъ-Сандѣ, мы замѣтимъ только, что въ этомъ сужденіи видно высокое уваженіе къ таланту знаменитаго французскаго писателя, въ чемъ мы совершенно съ нимъ согласны. Но вотъ что о томъ же писателѣ сказалъ г. Хомяковъ, принадлежащій къ тому же «московскому направленію», къ которому принадлежитъ и г. М... З.... К..... и печатающій свои статьи въ тѣхъ же изданіяхъ, т. е. въ «Москвитянинѣ» и «Московскомъ Сборникѣ»:

«Впрочемъ, по мѣрѣ того, какъ художество народное дѣлается менѣе возможнымъ, такъ оскудѣваетъ и художество вообще, и Франція по необходимости была страною анти-художественною, т. е. не только неспособною производить, но неспособною понимать прекрасное, въ какой бы то ни было области искусства. Такъ, напримѣръ, въ наше время Франція и офранцузившаяся (?) публика встрѣчала съ слѣпымъ благоговѣніемъ произведенія Жоржъ-Санда *которыя совершенно ничтожны въ смыслѣ художественномъ* (какое бы они ни имѣли значеніе въ отношеніи движенія общественной мысли) и не нашла ни похвалъ, ни удивленія, когда та же Жоржъ-Сандъ почерпнула изъ скуднаго, но уцѣлѣвшаго источника простаго человѣческаго быта прелестный и *почти художественный* разсказъ Чортовой Лужи, подъ которымъ Диккенсъ и едва ли не самъ Гоголь могли бы подписать свои имена». (Московскій Сборникъ. 1847, стр. 350—351).

Вотъ это такъ противорѣчіе! Тутъ поневолѣ вспомнишь стихъ Крылова:

Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?

Чѣмъ другимъ давать совѣтъ «предварительно согласиться между собою», не лучше ль было бы прежде самимъ испытать на дѣлѣ возможность осуществленія такого совѣта, чтобъ не подать повода говорить о себѣ:

Запѣли молодцы: кто въ лѣсъ, кто по дрова!

Обратимся къ противорѣчіямъ «Современника». Послѣ многихъ выписокъ изъ статьи г. Никитенко, критикъ «Москвитянина» задаетъ намъ слѣдующіе вопросы: «Но если таковъ образъ мыслей редактора, почему помѣщена въ той же книжкѣ повѣсть подъ заглавіемъ: «Родственники»? Развѣ для того, чтобы читатели тутъ же могли повѣрить на дѣлѣ справедливость впечатлѣній г. Никитенко, какъ будто произведенныхъ именно этою повѣстью? Вообще, почему отдѣлъ словесности отданъ почти исключительно въ распоряженіе тому направленію, которое такъ справедливо осуждается самимъ редакторомъ въ отдѣлѣ наукъ?» На всѣ эти во-

просы мы отвѣтимъ критику «Москвитянина» однимъ вопросомъ: а на какомъ основаніи вы увѣрены такъ положительно, что г. Никитенко раздѣляетъ вашъ образъ мыслей касательно какъ повѣсти «Родственники», такъ и всѣхъ другихъ повѣстей въ отдѣлѣ словесности нашего журнала? Кромѣ того, что г. Никитенко и не думалъ, подобно вамъ, уничтожать натуральной школы, а только хотѣлъ, показавши ея достоинства (на что вы ему и возразили на стр. 177), показать и ея недостатки, состоящіе, по его мнѣнію, въ преувеличеніи и однообразіи. Для примѣненія, онъ могъ имѣть въ виду произведенія, дѣйствительно отличающіяся грубою естественностію или впадающія въ каррикатуру, какихъ немало появляется въ нашей литературѣ. Какъ бы то ни было, но какъ онъ не указалъ ни на одно произведеніе, то вы не имѣли никакого основанія навязывать ему этихъ указаній, кромѣ вашего самолюбія, которое увѣряетъ васъ, что судить безошибочно значитъ судить по вашему. И неужели вы не шутя думаете, что стоитъ только назвать, безъ всякихъ доказательствъ, ту, или другую повѣсть дурною, чтобы всѣхъ убѣдить, что она точно дурна? Но нѣтъ, этого вамъ мало: вы, кажется, убѣждены, что вамъ ничего не нужно и говорить, что съ вами безусловно должны быть согласны всѣ, даже не зная, какъ вы думаете о томъ или другомъ предметѣ: хотя г. Никитенко, до появленія вашей статьи, и не могъ знать вашего мнѣнія о повѣсти «Родственники», однако тѣмъ не менѣе, думаете вы, не могъ не раздѣлять его... Странная увѣренность!

Далѣе скромный критикъ «Москвитянина», въ видѣ уступки, дѣлаетъ такое замѣчаніе: «Можетъ быть, другаго рода повѣстей достать нельзя; можетъ быть, даже такія повѣсти нужны для успѣха журнала, чего мы, впрочемъ, не думаемъ». Странно видѣть человѣка, который, по собственному сознанію, рѣшительно не знаетъ журнальнаго дѣла, а между тѣмъ взялся разсуждать о немъ! Онъ не знаетъ,

какія повѣсти можно доставать, и какія повѣсти нравятся публикѣ и слѣдовательно могутъ поддержать журналъ. То говоритъ: «можетъ-быть», то: «чего мы, впрочемъ, не думаемъ». Какъ объяснить ему это? Онъ назвалъ только одну повѣсть: «Родственники». О ней можно судить съ двухъ сторонъ: со стороны направленія и со стороны выполненія. Въ первомъ отношеніи, мы на «можетъ быть» нашего критика отвѣчаемъ утвердительно; во второмъ отношеніи, эта повѣсть не безъ достоинствъ, мѣстами замѣчательныхъ, но вообще не можетъ идти въ образецъ повѣстей той школы, на которую съ такимъ ожесточеніемъ нападаетъ нашъ критикъ. Въ этомъ случаѣ, намъ трудно отвѣчать ему, сколько потому, что онъ по одной первой книжкѣ журнала хочетъ произнести судъ о всѣхъ будущихъ книжкахъ этого журнала, хотя бы ему суждено было продолжаться десять лѣтъ при постоянномъ участіи однихъ и тѣхъ же лицъ, сколько и потому, что онъ, говоря о повѣстяхъ, назвалъ только повѣсть «Родственники» и неопредѣленно указалъ на отдѣлъ словесности, не сказавши ни слова о повѣсти «Кто Виноватъ?» Искандера, вышедшей какъ приложеніе къ первой книжкѣ, ни о «Хорѣ и Калиничѣ», разсказѣ г. Тургенева, помѣщенномъ въ Смѣси. Вѣроятно, онъ имѣлъ свои причины не высказывать своего мнѣнія объ этихъ двухъ произведеніяхъ, и въ такомъ случаѣ, надо отдать ему справедливость, онъ поступилъ очень ловко. Еслибы мы сказали, что онъ и ихъ считаетъ тѣмъ же, чѣмъ считаетъ всѣ произведенія натуральной школы, онъ могъ бы отвѣтить, что о нихъ ничего не говорилъ, что онъ указалъ только на то, что̀ было помѣщено въ отдѣлѣ словесности. Но если бы, сдѣлавши вопросъ: «можетъ быть даже такія повѣсти нужны для успѣха журнала», онъ указалъ на «Кто Виноватъ?» и «Хорь и Калинычъ»—тогда бы мы положительно и утвердительно отвѣчали ему: да! Но онъ хочетъ быть съ нами велико-

душнымъ; онъ отрицаетъ мысль, чтобы мы, въ выборѣ повѣстей, руководствовались разсчетомъ на успѣхъ журнала, а не внутреннимъ достоинствомъ повѣстей. Благодаримъ за доброе мнѣніе, но никакъ не думаемъ, чтобы потребности нашего читающаго общества были въ такомъ разладѣ съ истиннымъ вкусомъ, что удовлетворять имъ непремѣнно значило бы—руководствоваться корыстнымъ разсчетомъ, а не слѣдовать искренно своему вкусу и убѣжденію. Въ «Современникѣ» не было и не будетъ помѣщено ни одной повѣсти, которая бы, по искреннему убѣжденію редакціи, не заключала въ себѣ какихъ-нибудь хорошихъ сторонъ, дѣлающихъ ее стоющею печати, и уже было напечатано нѣсколько весьма замѣчательныхъ произведеній въ этомъ родѣ. Они были замѣчены и отличены публикою, и мы очень рады, что нашъ вкусъ, наше личное мнѣніе совпали, въ отношеніи къ нимъ, со вкусомъ и мнѣніемъ большинства публики. Эти произведенія: «Кто Виноватъ?», «Обыкновенная Исторія», «Разсказы Охотника» и «Изъ сочиненія доктора Крупова о душевныхъ болѣзняхъ вообще и объ эпидемическомъ развитіи оныхъ въ особенности».... Замѣчательна также мысль критика, сдѣланная въ видѣ уступки, что «редакторъ Современника не властенъ пересоздать изящной литературы по своимъ желаніямъ.» Вотъ что правда, то правда! Только съ чего вы взяли, что онъ желаетъ ее пересоздать? Желать видѣть ее въ лучшемъ, совершеннѣйшемъ видѣ, и желать пересоздать — не одно и то же.

Теперь слѣдуютъ критическія противорѣчія статьи г. Никитенко съ статьею г. Бѣлинскаго. Въ послѣдней сказано, между прочимъ, что «еслибы преобладающее отрицательное направленіе и было въ натуральной школѣ одностороннею крайностію, и въ этомъ есть своя польза, свое добро: привычка вѣрно изображать отрицательныя явленія жизни дастъ возможность тѣмъ же людямъ, или ихъ по-

слѣдователямъ, когда придетъ время, вѣрно изображать и положительныя явленія жизни, не становя ихъ на ходули, не преувеличивая, словомъ, не идеализируя ихъ риторически». Конечно, тутъ нѣтъ буквальнаго, внѣшняго согласія съ статьею г. Никитенко; но нѣтъ и рѣзкаго противорѣчія. Съ одной стороны, тутъ уступка, согласіе въ томъ, что отрицаніе составляетъ дѣйствительно преобладающее направленіе новой школы; съ другой показана польза и этого направленія. Но критикъ «Москвитянина» восклицаетъ патетически: «мы не спрашиваемъ, справедливо ли это или нѣтъ, но согласно ли съ убѣжденіями редактора и съ наставленіями, предложенными имъ въ его статьѣ? Думаетъ ли онъ, что, смотря по времени, литература можетъ изображать и темныя и свѣтлыя стороны дѣйствительности, т. е. быть правдивою, можетъ также изображать однѣ отрицательныя стороны, то есть клеветать? Полагаетъ ли онъ, что привычка отыскивать одни пороки и поносить людей способствуетъ развитію безпристрастія и справедливости?... Въ этихъ словахъ отозвалось рѣшительное отсутствіе живаго практическаго пониманія искусства. Критикъ «Москвитянина», мы увѣрены въ этомъ, человѣкъ умный и начитанный, который знаетъ всѣ возможныя теоріи и системы искусства, особенно нѣмецкія. Это, безспорно, очень хорошо; но одного этого еще очень мало для дѣйствительнаго пониманія искусства; для этого прежде всего и больше всего нужно то врожденное эстетическое чувство, тотъ инстинктъ, тотъ тактъ изящнаго, которые обнаруживаются не въ теоріи, а въ ея критическомъ приложеніи къ произведеніямъ искусства. Мы еще обратимся къ этому вопросу и покажемъ, въ какомъ отношеніи находится къ нему критикъ «Москвитянина»; а теперь покажемъ, какъ мало истины въ его словахъ. Ему кажется рѣшительною нелѣпостію, чтобы литература, смотря по времени, отличалась то тѣмъ, то другимъ исключитель-

нымъ направленіемъ. А между тѣмъ, это всегда такъ было и будетъ; доказательства можно найдти въ исторіи каждой литературы. Изображать однѣ отрицательныя стороны жизни—вовсе не значитъ клеветать, а значитъ только находиться въ односторонности; клеветать же значитъ взводить на дѣйствительность такія обвиненія, находить въ ней такія пятна, какихъ въ ней вовсе нѣтъ. Давать клеветѣ другое значеніе — тоже значитъ клеветать... не на клевету, разумѣется, а на людей не нашего прихода... Находить въ людяхъ тѣ пороки, которые въ нихъ дѣйствительно есть, не значитъ поносить ихъ: поношеніе въ самихъ порокахъ, и кто порочень, тотъ поноситъ самъ себя... Привычка отыскивать дѣйствительно существующее очень близка къ привычкѣ отыскивать истину, а это, разумѣется, способствуетъ развитію безпристрастія и справедливости...

Противорѣчій между статьею г. Никитенко и статьею г. Бѣлинскаго критикъ «Москвитянина» находитъ такую бездну, что даже отказывается на всѣ указывать, а избираетъ самыя разительныя. «Редакторъ (говоритъ онъ) нападалъ сильно на каррикатурныя изображенія помѣщиковъ и деревенскаго быта; критикъ, въ числѣ замѣчательныхъ стихотворныхъ произведеній прошлаго года упоминаетъ о разсказѣ подъ заглавіемъ: «Помѣщикъ (въ Отечественныхъ Запискахъ)». Дался же гг. славянофиламъ этотъ «Помѣщикъ»! Вотъ уже скоро два года, какъ было напечатано (въ «Петербургскомъ Сборникѣ» г. Некрасова, а не «Отечественныхъ Запискахъ») это стихотвореніе г. Тургенева, а они до сихъ поръ не могутъ отъ него придти въ себя. Съ того времени и до сей минуты все толкуютъ о немъ. Увѣряютъ, что это произведеніе ничтожное, каррикатура, что оно бездарно, плохо: кажется стоило ли бы обращать на него вниманіе? А между тѣмъ они все продолжаютъ изъ за него волноваться и выходить изъ себя... Обращаясь къ

противорѣчію, спросимъ критика «Москвитянина»: на какомъ основаніи вообразилъ онъ, что г. Никитенко, говоря о каррикатурныхъ изображеніяхъ помѣщиковъ, мѣтилъ именно на піесу г. Тургенева? Ужь не на основаніи ли ея заглавія, такъ положительно указывающаго на помѣщика, что и ошибиться нельзя? Въ такомъ случаѣ, намъ остается только дивиться тонкой проницательности критика «Москвитянина»... «Редакторъ (продолжаетъ онъ) строго осуждалъ направленіе тѣхъ писателей, которые созидаютъ такъ-называемые народные характеры изъ грязи, лохмотьевъ, квасу, щей и кулаковъ русскаго человѣка, а критикъ восхваляетъ повѣсть подъ заглавіемъ «Деревня (въ «Отечественныхъ Запискахъ»), которая создана именно по этому рецепту».. Опять то же! Критику «Москвитянина» кажется, что повѣсть «Деревня» создана по этому рецепту, и этого ему достаточно для убѣжденія, что и г. Никитенкѣ кажется то же... Но здѣсь мы остановимся и отъ частностей перейдемъ къ общему вопросу — къ вопросу о натуральной школѣ, которая съ такимъ живымъ участіемъ и вниманіемъ принята публикою и съ такимъ ожесточеніемъ преслѣдуется двумя литературными партіями—неестественною или риторическою, состоящею изъ отставныхъ беллетристовъ, и славянофильскою. Намъ очень непріятно, что мы должны повторять то, что́ уже не разъ было говорено нами: но что́ жь намъ дѣлать, если противники натуральной школы, безпрестанно нападая на нее, твердятъ все одно и то же, не умѣя выдумать ничего новаго?

Обѣ эти партіи бо̀льшею частію согласны въ ихъ нападкахъ на натуральную школу, хотя и по разнымъ побужденіямъ; ихъ доводы, доказательства, даже тонъ—почти одинаковы; но только въ одномъ онѣ существенно разнятся. Первая партія, не любя натуральной школы, еще больше не любитъ Гоголя, какъ ея главу и основателя. Въ этомъ есть смыслъ и логика. Идя отъ начала ложнаго, эти люди,

по крайней мѣрѣ, не противорѣчатъ себѣ до явной безсмыслицы: нападая на плодъ, не восхищаются корнемъ; осуждая результатъ, не хвалятъ причины. Ошибаясь въ отношеніи къ истинѣ, они совершенно правы въ отношеніи къ самимъ себѣ. Что касается до причинъ ихъ нерасположенія къ произведеніямъ Гоголя,—онѣ давно извѣстны: Гоголь далъ такое направленіе литературѣ, которое изгнало изъ нея риторику и для успѣха въ которомъ необходимъ талантъ. Вслѣдствіе этого, старая манера выводить въ романахъ и повѣстяхъ риторическія олицетворенія отвлеченныхъ добродѣтелей и пороковъ, вмѣсто живыхъ типическихъ лицъ, пала. Всѣ попытки писателей этой школы на поддержаніе къ нимъ вниманія публики обращаются для нихъ въ рѣшительныя паденія. Даже тѣ ихъ произведенія, которыя въ свое время имѣли успѣхъ, даже значительный, давно уже забыты. Новыя изданія ихъ остаются въ книжныхъ лавкахъ. Согласитесь, что это непріятно, и есть изъ чего выйдти изъ себя и увидѣть въ новой школѣ своего личнаго врага. Къ этому присоединяются и другія обстоятельства. Эти люди вышли на литературное поприще во время господства совершенно иныхъ понятій объ искусствѣ и литературѣ. Тогда искусство не имѣло ничего общаго съ жизнію, дѣйствительностію. Написать романъ или повѣсть, тогда значило—наплести разныхъ неправдоподобныхъ событій, вмѣсто характеровъ, заставить говорить и дѣйствовать аллегорическія фигуры разныхъ дурныхъ и хорошихъ качествъ, все это напичкать моральными сентенціями, и изъ всего этого вывести какое нибудь нравственное правило, въ родѣ того, напримѣръ, что добродѣтель награждается, а порокъ наказывается. При этомъ допускалась легкая и умѣренная сатира, т. е. беззубыя насмѣшки надъ общими человѣческими слабостями, не воплощенными въ лицо и характеръ, и потому существующими равно вездѣ, какъ и нигдѣ. О колоритѣ мѣстности и времени не было вопроса, и потому

нельзя было понять какой землѣ и какому вѣку принадлежатъ дѣйствующія лица романа или повѣсти; зато можно было имѣть удовольствіе по произволу переносить ихъ въ какую угодно землю, въ какой угодно вѣкъ. Но взамѣнъ этого, строго требовалось, чтобы подлѣ каждаго злодѣя рисовался добродѣтельный человѣкъ, подлѣ глупца—умница, подлѣ лжеца—правдолюбъ. Именъ эти герои не имѣли, но имъ давались клички по ихъ качествамъ: Добросердовъ, Честоповъ, Пріятовъ, Ножовъ, Вороватинъ и т. п. Такъ писать было легко: для этого не нужно было таланта, наблюдательности, живаго чувства дѣйствительности; а нужны были только нѣкоторая образованность и начитанность, а главное—охота и навыкъ писать. И подъ вліяніемъ этихъ-то понятій выросли и развились писатели той школы, о которой мы говоримъ. Удивительно ли, что до сихъ поръ они все такъ же понимаютъ искуство? Оно для нихъ — невинное и полезное занятіе, которое должно тѣшить читателя, представляя ему только пріятныя картины жизни, рисуя только образованныхъ людей, и ни подъ какимъ видомъ—неотесанныхъ мужиковъ въ зипунахъ и лаптяхъ. Правда, еще эти писатели были не стары, когда такъ называемый романтизмъ вторгся вдругъ и въ нашу литературу, когда романы Вальтеръ-Скота смѣнили «Малекъ Аделя» г-жи Коттэнъ, и знакомство съ драмами Шекспира показало, что всякій человѣкъ, на какой бы низкой ступени общества и даже человѣческаго достоинства ни стоялъ онъ, имѣетъ полное право на вниманіе искусства потому только, что онъ человѣкъ. И многіе изъ писателей неестественной риторической школы горячо стали за романтизмъ; но это произвело въ нихъ только какую-то странную смѣсь старыхъ установившихся понятій съ новыми неустановившимися. Они не могли въ нихъ примириться, по существенной противоположности другъ другу. И потому, наши романисты и нувеллисты этой школы остались при старыхъ понятіяхъ, сдѣ-

давши нѣсколько нелогическихъ уступокъ въ пользу новыхъ. Это отразилось въ ихъ сочиненіяхъ тѣмъ, что они стали заботиться о мѣстномъ колоритѣ и позволяли себѣ рисовать и людей низшихъ сословій. Это называлось у нихъ народностію. Но въ чемъ состояла эта народность? Въ томъ, что своимъ сколкамъ съ чужеземныхъ образцовъ они давали русскія имена, да еще иногда и историческія, отчего ихъ лица нисколько не дѣлались русскими, потому что прежде всего не были созданіями искусства, а были только блѣдными копіями. Вообще ихъ романы походили на нынѣшніе русскіе водевили, передѣлываемые изъ французскихъ, посредствомъ переложенія чуждыхъ намъ французскихъ нравовъ на чуждые имъ русскіе нравы. Риторика всегда оставалась риторикою, даже и подрумяненная плохо понятнымъ романтизмомъ. Для яснаго уразумѣнія новыхъ образцовъ искусства и новыхъ о немъ понятій, нужно было время, а для обращенія русской литературы на дорогу самобытности нужны новые образцы въ самой русской литературѣ. И такіе образцы даны были Пушкинымъ и потомъ Гоголемъ. Но слѣдовать за ними можно было бы только людямъ съ талантомъ. Вотъ отчего писатели риторической школы такъ косо смотрѣли на Пушкина и почему такъ невыносимо имъ одно имя Гоголя! Въ чемъ состоятъ ихъ нападки на него? Вѣчно въ одномъ и томъ же: онъ рисуетъ грязь, представляетъ неумытую натуру и оскорбляетъ русское общество, находя въ немъ характеры низкіе и не противопоставляя имъ высокихъ... Все это совершенно согласно съ старинными піитиками и риториками.

За то же самое, тѣми же самыми выраженіями нападаютъ славянофилы на натуральную школу, но за то же самое превозносятъ они Гоголя. Что̀ за странное противорѣчіе? Какая его причина? Если бы критикъ «Москвитянина» не находилъ никакой связи между Гоголемъ и натуральною школою, онъ былъ бы правъ съ своей точки зрѣнія, какъ

бы ни была она фальшива. Но вотъ что̀ говоритъ онъ самъ объ этомъ: «Петербургскіе журналы подняли знамя и провозгласили явленіе новой литературной школы, по ихъ мнѣнію, совершенно самостоятельной. Они выводятъ ее изъ всего прошедшаго развитія нашей литературы и видятъ въ ней отвѣтъ на современныя потребности нашего общества. Происхожденіе натурализма, кажется, объясняется гораздо проще; нѣтъ нужды придумывать для него родословной, когда на немъ лежатъ явные признаки тѣхъ вліяній, которымъ онъ обязанъ своимъ существованіемъ. Матерьялъ данъ Гоголемъ, или, лучше, взятъ у него: это пошлая сторона нашей дѣйствительности». Основная мысль этихъ словъ справедлива: натуральная школа дѣйствительно произошла отъ Гоголя, и безъ него ея не было бы; но фактъ этотъ толкуется критикомъ «Москвитянина» фальшиво. Если натуральная школа вышла изъ Гоголя, изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы она не была результатомъ всего прошедшаго развитія нашей литературы и отвѣтомъ на современныя потребности нашего общества, потому что самъ Гоголь, ея основатель, былъ результатомъ всего прошедшаго развитія нашей литературы и отвѣтомъ на современныя потребности нашего общества. Что онъ несравненно выше и важнѣе всей своей школы, противъ этого мы и не думали спорить; это другое дѣло. Во взглядѣ критика «Москвитянина» на Гоголя видно рѣшительное непониманіе ни искусства, ни Гоголя. Ясно, что онъ держится тѣхъ же піитикъ и риторикъ, которыми руководствуются писатели неестественной школы, и что, за неимѣніемъ собственнаго прочнаго воззрѣнія на предметъ, онъ слишкомъ увлекся мнѣніемъ Пушкина о Гоголѣ, съ которымъ самъ Гоголь безусловно согласился. Вотъ его собственныя слова на этотъ счетъ: «Обо мнѣ много толковали, разбирая кое-какія мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣлили. Его слышалъ одинъ только Пушкинъ. Онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у

одного писателя не было этого дара выставлять такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ. Вотъ мое главное свойство, одному мнѣ принадлежащее, и котораго точно нѣтъ у другихъ писателей» (Выбран. Мѣста изъ Переп. съ Друзьями, стр. 141—142). Въ этихъ словахъ много правды; но ихъ нельзя принимать за полное и окончательное сужденіе о Гоголѣ. Теньеръ былъ по преимуществу живописецъ пошлости жизни голландскаго простонародья (что́—скажемъ мимоходомъ—не помѣшало Европѣ признать его великимъ талантомъ); эта пошлость есть истинный герой его живописныхъ поэмъ, тутъ она на первомъ планѣ и прежде всего бросается въ глаза зрителю. Однакожь было бы нелѣпо искать чего-нибудь общаго между талантомъ Теньера и Гоголя. Гогартъ — по преимуществу живописецъ пороковъ, разврата и пошлости, и больше ничего; но и съ нимъ у Гоголя такъ же мало сходства, какъ и съ Теньеромъ. Гоголь создалъ типы—Ивана Ѳедоровича Шпоньки, Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, Хлестакова, Городничаго, Бобчинскаго и Добчинскаго, Земляники, Шпекина, Тяпкина-Ляпкина, Чичикова, Манилова, Коробочки, Плюшкина, Собакевича, Ноздрева и многіе другіе. Въ нихъ онъ является великимъ живописцемъ пошлости жизни, который видитъ насквозь свой предметъ во всей его глубинѣ и широтѣ и схватываетъ его во всей полнотѣ и цѣлости его дѣйствительности. Но зачѣмъ же забываютъ, что тотъ же Гоголь написалъ «Тараса Бульбу», поэму, герой и второстепенныя дѣйствующія лица которой—характеры высокотрагическіе? И между тѣмъ видно, что поэма эта писана тою же рукою, которою писаны «Ревизоръ» и «Мертвыя Души». Въ ней является та особенность, которая принадлежитъ только таланту Гоголя. Въ драмахъ Шекспира встрѣчаются съ великими личностями и пошлыя, но комизмъ

у него всегда на сторонѣ только послѣднихъ; его Фальстафъ смѣшонъ, а принцъ Генрихъ и потомъ король Генрихъ V— вовсе не смѣшонъ. У Гоголя Тарасъ Бульба такъ же исполненъ комизма, какъ и трагическаго величія; оба эти противоположные элемента слились въ немъ неразрывно и цѣлостно въ единую, замкнутую въ себѣ, личность; вы и удивляетесь ему, и ужасаетесь его, и смѣетесь надъ нимъ. Изъ всѣхъ извѣстныхъ произведеній европейскихъ литературъ примѣръ подобнаго, и то не вполнѣ, сліянія серьёзнаго и смѣшнаго, трагическаго и комическаго, ничтожности и пошлости жизни со всѣмъ, что̀ есть въ ней великаго и прекраснаго, представляетъ только «Донъ-Кихотъ» Сервантеса. Если въ «Тарасѣ Бульбѣ» Гоголь умѣлъ въ трагическомъ открыть комическое, то въ «Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ» и «Шинели» онъ умѣлъ уже не въ комизмѣ, а въ положительной пошлости жизни найдти трагическое. Вотъ гдѣ, намъ кажется, должно искать существенной особенности таланта Гоголя. Это—не одинъ даръ выставлять ярко пошлость жизни, а еще болѣе—даръ выставлять явленія жизни во всей полнотѣ ихъ реальности и ихъ истинности. Въ «Перепискѣ» Гоголя есть одно мѣсто, которое бросаетъ яркій свѣтъ на значеніе и особенность его таланта, и которое было или ложно понято, или оставлено безъ вниманія: «Эти ничтожные люди (въ «Мертвыхъ Душахъ») однакожь ничуть не портреты съ ничтожныхъ людей; напротивъ, въ нихъ собраны черты тѣхъ, которые считаютъ себя лучшими другихъ, разумѣется, только въ разжалованномъ видѣ изъ генераловъ въ солдаты; тутъ кромѣ моихъ собственныхъ, есть даже черты моихъ пріятелей» (стр. 145 — 146). Дѣйствительно, каждый изъ насъ, какой бы онъ ни былъ хорошій человѣкъ, если вникнетъ въ себя съ тѣмъ безпристрастіемъ, съ какимъ вникаетъ въ другихъ,— то непремѣнно найдетъ въ себѣ, въ бо̀льшей или меньшей степени, многіе изъ элементовъ многихъ героевъ Гоголя.

И кому не случалось встрѣчать людей, которые немножко скупеньки, какъ говорится, прижимисты, а во всѣхъ другихъ отношеніяхъ—прекраснѣйшіе люди, одаренные замѣчательнымъ умомъ, горячимъ сердцемъ? Они готовы на все доброе, они не оставятъ человѣка въ нуждѣ, помогутъ ему, но только подумавши, поразсчитавши, съ нѣкоторымъ усиліемъ надъ собою? Такой человѣкъ, разумѣется, не Плюшкинъ, но съ возможностію сдѣлаться имъ, если поддастся вліянію этого элемента, и если, при этомъ, стеченіе враждебныхъ обстоятельствъ разовьетъ его и дастъ ему перевѣсъ надъ всѣми другими склонностями, инстинктами и влеченіями. Бываютъ люди съ умомъ, душою, образованіемъ, познаніями, блестящими дарованіями—и, при всемъ этомъ, съ тѣмъ качествомъ, которое теперь извѣстно на Руси подъ именемъ «хлѣстаковства». Скажемъ больше: многіе ли изъ насъ, положа руку на сердце, могутъ сказать, что имъ не случалось быть Хлестаковыми, кому цѣлые года своей жизни (особенно молодости), кому хоть одинъ день, одинъ вечеръ, одну минуту? Порядочный человѣкъ не тѣмъ отличается отъ пошлаго, чтобы онъ былъ вовсе чуждъ всякой пошлости, а тѣмъ, что видитъ и знаетъ, что̀ въ немъ есть пошлаго, тогда какъ пошлый человѣкъ и не подозрѣваетъ этого, въ отношеніи къ себѣ; напротивъ, ему-то и кажется больше всѣхъ, что онъ истинное совершенство. Здѣсь мы опять видимъ подтвержденіе выше высказанной нами мысли объ особенности таланта Гоголя, которая состоитъ не въ исключительномъ только дарѣ живописать ярко пошлость жизни, а проникать въ полноту и реальность явленій жизни. Онъ, по натурѣ своей, не склоненъ къ идеализаціи, онъ не вѣритъ ей; она кажется ему отвлеченіемъ, а не дѣйствительностію; въ дѣйствительности, для него добро и зло, достоинство и пошлость не раздѣльны, а только перемѣшаны не въ равныхъ доляхъ. Ему дался не пошлый человѣкъ, а человѣкъ вообще, какъ онъ есть,

не украшенный и не идеализированный. Писатели риторической школы утверждають, будто всѣ лица, созданныя Гоголемъ, отвратительны, какъ люди. Справедливо ли это?— Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ! Возьмемъ на выдержку нѣсколько лицъ. Маниловъ пошлъ до крайности, сладокъ до приторности, пустъ и ограниченъ; но онъ не злой человѣкъ; его обманываютъ его люди, пользуясь его добродушіемъ; онъ скорѣе ихъ жертва, нежели они его жертвы. Достоинство отрицательное—не споримъ; но еслибы авторъ придалъ къ прочимъ чертамъ Манилова еще жестокость обращенія съ людьми, тогда всѣ бы закричали: что за гнусное лицо, ни одной человѣческой черты! Такъ уважимъ же въ Маниловѣ и это отрицательное достоинство. Собакевичъ—антиподъ Манилова; онъ грубъ, неотесанъ, обжора, плутъ и кулакъ; но избы его мужиковъ построены хоть неуклюжо, а прочно, изъ хорошаго лѣсу, и, кажется, его мужикамъ хорошо въ нихъ жить. Положимъ, причина этого не гуманность, а разсчетъ, но разсчетъ, предполагающій здравый смыслъ, разсчетъ, котораго, къ несчастію, не бываетъ иногда у людей съ европейскимъ образованіемъ, которые пускаютъ по міру своихъ мужиковъ на основаніи раціональнаго хозяйства. Достоинство опять отрицательное, но вѣдь если бы его не было въ Собакевичѣ, Собакевичъ былъ бы еще хуже: стало быть, онъ лучше при этомъ отрицательномъ достоинствѣ. Коробочка пошла и глупа, скупа и прижимиста, ея дѣвчонка ходитъ въ грязи босикомъ, но зато не съ распухшими отъ пощечинъ щеками, не сидитъ голодна, не утираетъ слезъ кулакомъ, не считаетъ себя несчастною, но довольна своею участью. Скажутъ: все это доказываетъ только то, что лица, созданныя Гоголемъ, могли бъ быть еще хуже, а не то, чтобъ они были хороши. Да мы и не говоримъ, что они хороши, а говоримъ только, что они не такъ дурны, какъ говорятъ о нихъ.

Писатели риторической школы ставятъ въ особенную вину

Гоголю, что, вмѣстѣ съ пошлыми людьми, онъ, для утѣшенія читателей не выводитъ на сцену лицъ порядочныхъ и добродѣтельныхъ. Въ этомъ съ ними согласны и почитатели Гоголя изъ славянофильской партіи. Это доказываетъ, что тѣ и другіе почерпнули свои понятія объ искусствѣ изъ однѣхъ и тѣхъ же піитикъ и риторикъ. Они говорятъ: развѣ въ жизни одни только пошлецы и негодяи? Что̀ сказать имъ на это? Живописецъ изобразилъ на картинѣ мать, которая любуется своимъ ребенкомъ и которой все лицо— одно выраженіе материнской любви. Что̀ бы сказали критику, который осудилъ бы эту картину на томъ основаніи, что женщинамъ доступно не одно материнское чувство, что художникъ оклеветалъ изображенную имъ женщину, отнявъ у нея всѣ другія чувства? Я думаю, вы ничего не сказали бы ему, даже согласились бы съ нимъ—и хорошо бы сдѣлали. Но тутъ, скажутъ, уже потому нѣтъ клеветы, что на лицѣ женщины изображено чувство похвальное. Стало быть, по вашему живописецъ оклеветалъ бы женщину вообще, еслибы представилъ на картинѣ Медею, убивающую, изъ чувства ревности, собственныхъ дѣтей? Стало быть, вы будете осуждать его за то, что онъ не помѣстилъ на своей картинѣ фигуры добродѣтельной женщины, которая бы, всѣмъ выраженіемъ своего лица и взора, всею своею позою, протестовала противъ ужаснаго дѣйствія Медеи? Да художникъ хотѣлъ изобразить крайнюю степень ревности: это было задушевною идеею, которую хотѣлъ онъ выразить; стало быть, все чуждое этой идеѣ только раздвоило и ослабило бы интересъ его картины, нарушило бы единство ея впечатлѣнія. Стало-быть, подобныя требованія съ вашей стороны противорѣчатъ основнымъ законамъ искусства. «Перебирая послѣдніе романы, (говоритъ критикъ «Москвитяна»), изданные во Франціи, съ притязаніемъ на соціальное значеніе, мы не находимъ ни одного, въ которомъ бы выставлены были одни пороки и темныя стороны общества.

Напротивъ, вездѣ, въ противоположность извергамъ, негодяямъ, плутамъ и ханжамъ, изображаются лица, принадлежащія къ однимъ сословіямъ и занимающія въ обществѣ одинаковое положеніе съ первыми, но честныя, благородныя, щедрыя и набожныя. Говорятъ, что типы честныхъ людей удаются хуже, чѣмъ типы негодяевъ; это отчасти справедливо; но еще справедливѣе то, что ни тѣ, ни другіе не имѣютъ художественнаго достоинства, пишутся не съ художественною цѣлью, а потому должно судить о нихъ не по выполненію, а по намѣренію». Мы замѣтимъ на это, что если произведеніе, претендующее принадлежать къ области искусства, не заслуживаетъ никакого вниманія по выполненію, то оно не стоитъ никакого вниманія и по намѣренію, какъ бы ни было оно похвально, потому что такое произведеніе уже нисколько не будетъ принадлежать къ области искусства. Истиннымъ художникамъ равно удаются типы и негодяевъ и порядочныхъ людей; когда же мы находимъ въ романѣ удачными только типы негодяевъ и неудачными типы порядочныхъ людей, это явный знакъ, что, или авторъ взялся не за свое дѣло, вышелъ изъ своихъ средствъ, изъ предѣловъ своего таланта и слѣдовательно погрѣшилъ противъ основныхъ законовъ искусства, т.-е. выдумывалъ, писалъ и натягивалъ риторически тамъ, гдѣ надо было творить, или, что онъ безъ всякой нужды, вопреки внутреннему смыслу своего произведенія, только по внѣшнему требованію морали, ввелъ въ свой романъ эти лица, и слѣдовательно опять погрѣшилъ противъ основныхъ законовъ искусства. Вотъ то-то и есть: хлопочутъ о чистомъ искусствѣ, и первые не понимаютъ его; нападаютъ на искусство, служащее постороннимъ цѣлямъ, и первыя требуютъ, чтобы оно служило постороннимъ цѣлямъ, т.-е. оправдывало бы теоріи и системы нравственныя и соціяльныя. Творчество, по своей сущности, требуетъ безусловной свободы въ выборѣ предметовъ не только отъ критиковъ, но

и отъ самого художника. Ни ему никто не въ правѣ задавать сюжетовъ, ни онъ самъ не въ правѣ направлять себя въ этомъ отношеніи. Онъ можетъ имѣть опредѣленное направленіе, но оно у него только тогда можетъ быть истинно, когда, безъ усилія, свободно, сходится съ его талантомъ, его натурою, инстинктами и стремленіемъ. Онъ изобразилъ вамъ порокъ, развратъ, пошлость: судите, вѣрно ли, хорошо ли онъ это сдѣлалъ; а не толкуйте, зачѣмъ онъ сдѣлалъ это, а не другое, или вмѣстѣ съ этимъ, не сдѣлалъ и другаго. Говорятъ: что̀ за это направленіе—изображать одно низкое и пошлое? — А почему бы не такъ? Одинъ живописецъ прославился изображеніемъ вообще животныхъ, другой только коровъ или лошадей, третій —кухонныхъ припасовъ, и каждый изъ нихъ только этимъ и занимался всю жизнь, и никого изъ нихъ не обвиняли за это; а въ области поэзіи отнимаютъ у художника это право. То, скажутъ, живопись, а то поэзія. Но вѣдь то и другое, не смотря на все ихъ различіе, равно искусство, а основные законы искусства—одни и тѣ же во всѣхъ искусствахъ. Не вѣрю я эстетическому чувству и вкусу тѣхъ людей, которые съ удивленіемъ останавливаются передъ Мадонною Рафаэля и съ презрѣніемъ отворачиваются отъ картинъ Теньера, говоря: это проза жизни, пошлость, грязь; но также точно и не вѣрю я и эстетическому смыслу тѣхъ, которые съ нѣкоторою ироническою улыбкою посматриваютъ на Мадонну Рафаэля, говоря: это идеалы, то чего нѣтъ въ натурѣ! и съ умиленіемъ смотрятъ на картины Теньера, говоря: вотъ натура, вотъ истина, вотъ дѣйствительность! Для этихъ людей не существуетъ искусства; новая форма—и они не узнаютъ его, какъ маленькія дѣти не узнаютъ знакомаго имъ человѣка, потому только, что онъ на сюртукъ надѣлъ шинель, въ которой они никогда его не видали. Имъ не растолкуешь, что Мадонну и сцены мужиковъ, какъ ни различны эти яв-

ленія, произвелъ одинъ и тотъ же духъ искусства, что Рафаэль и Теньеръ—оба художники и оба нашли содержаніе своихъ произведеній въ той же дѣйствительности, безконечно разнообразной и всегда единой, какъ разнообразна и едина природа, какъ разнообразно и едино существо человѣка! А сколько такихъ людей на бѣломъ свѣтѣ! По крайней мѣрѣ мнѣ не разъ случалось встрѣчать такихъ тонкихъ знатоковъ и цѣнителей искусства. Одни изъ нихъ отрицаютъ всякій талантъ въ Гоголѣ, и когда такому господину намекнешь, что это отъ отсутствія эстетическаго чувства, онъ сейчасъ съ торжествомъ возразитъ: отчего же я понимаю Пушкина и восхищаюсь имъ? Другіе не признаютъ особеннаго таланта въ Пушкинѣ, на томъ основаніи, что имъ очень нравится Гоголь. Это значитъ только, что ни тѣ, ни другіе не понимаютъ ни Пушкина, ни Гоголя, и восхищаются въ нихъ вовсе не тѣмъ, что̀ составляетъ сущность и красоту ихъ твореній. Одинъ писатель риторической школы печатно объявилъ, что еслибы ему нужно было выѣхать изъ Россіи и взять съ собою только лучшее изъ русской литературы, онъ взялъ бы только басни Крылова и «Горе отъ Ума» Грибоѣдова. Какъ выраженіе личнаго, частнаго вкуса, это было бы справедливо и основательно; но какъ взглядъ на искусство вообще, это ложь, это все равно, какъ если бы кто, любя березу больше всѣхъ другихъ деревьевъ, сталъ доказывать, что дубъ—дерево некрасивое и дрянное.

Самое сильное и тяжелое обвиненіе, которымъ писатели риторической школы думаютъ окончательно уничтожить Гоголя, состоитъ въ томъ, что лица, которыя онъ обыкновенно выводитъ въ своихъ сочиненіяхъ, оскорбляютъ общество. Въ этомъ съ ними совершенно согласились и славянофилы, только больше въ этомъ отношеніи къ натуральной школѣ, нежели къ Гоголю: первую они нещадно бранятъ за это, а насчетъ Гоголя только изъявляютъ сожалѣніе, что онъ не рисуетъ искупительныхъ лицъ. Подобное обви-

ненie больше всего показываетъ незрѣлость нашего общественнаго образованія. Въ странахъ, упредившихъ насъ развитіемъ цѣлыхъ вѣковъ, и понятія не имѣютъ о возможности подобнаго обвиненія. Никто не скажетъ, чтобы Англичане не были ревнивы къ своей національной чести; напротивъ, едва ли есть другой народъ, въ которомъ національный эгоизмъ доходилъ бы до такихъ крайностей, какъ у Англичанъ. И между тѣмъ, они любятъ своего Гогарта, который изображалъ только пороки, развратъ, злоупотребленія и пошлость англійскаго общества его времени. И ни одинъ Англичанинъ не скажетъ, что Гогартъ оклеветалъ Англію, что онъ не видѣлъ и не признавалъ въ ней ничего человѣческаго, благороднаго, возвышеннаго и прекраснаго. Англичане понимаютъ, что талантъ имѣетъ полное и святое право быть одностороннимъ, и что онъ можетъ быть великимъ въ самой односторонности. Съ другой стороны, они такъ глубоко чувствуютъ и сознаютъ свое національное величіе, что нисколько не боятся, чтобы ему могло повредить обнародованіе недостатковъ и темныхъ сторонъ англійскаго общества. Но и мы можемъ жаловаться только на незрѣлость общественнаго образованія, а не на отсуствіе въ нашемъ обществѣ чувства своего національнаго достоинства: это доказывается тѣмъ фактомъ, не подлежащимъ никакому сомнѣнію, что, несмотря на ребяческіе возгласы не впопадъ усердныхъ патріотовъ, произведенія Гоголя въ короткое время получили на Руси народность. Ихъ не читаютъ только тѣ, которые ничего не читаютъ; а «Ревизора» знаютъ многіе и изъ тѣхъ, которые вовсе не знаютъ грамотѣ. Успѣхъ натуральной школы есть тоже фактъ, потверждающій ту же истину. И оно такъ должно быть: чѣмъ сильнѣе человѣкъ, чѣмъ выше онъ нравственно, тѣмъ смѣлѣе онъ смотритъ на свои слабыя стороны и недостатки. Еще болѣе можно сказать это о народахъ, которые живутъ не человѣческій вѣкъ, а цѣлые вѣка. Народъ слабый, ничтожный или состарѣвшійся,

изжившій всю жизнь свою до невозможности идти впередъ, любитъ только хвалитъ себя и больше всего боится взглянуть на свои раны: онъ знаетъ, что онѣ смертельны, что его дѣйствительность не представляетъ ему ничего отраднаго, и что только въ обманѣ самого себя можетъ онъ находитъ тѣ ложныя утѣшенія, до которыхъ такъ падки слабые и дряхлые. Таковы, напримѣръ, Китайцы или Персіяне: послушать ихъ, такъ лучше ихъ нѣтъ народа въ мірѣ и всѣ другіе народы передъ ними—ослы и негодяи. Не таковъ долженъ быть народъ великій, полный силъ и жизни: сознаніе своихъ недостатковъ, вмѣсто того, чтобы приводить его въ отчаяніе и повергать въ сомнѣнія о своихъ силахъ, даетъ ему новыя силы, окриляетъ его на новую дѣятельность. Вотъ почему, первый нашъ свѣтскій писатель былъ сатирикъ, и съ легкой руки его сатира постоянно шла объ руку съ другими родами литературы. Лирикъ Державинъ, воспѣвавшій величіе Россіи, былъ въ то же время и сатирикомъ, и его оды къ «Фелицѣ», его «Вельможа» принадлежатъ къ лучшимъ и оригинальнѣйшимъ его произведеніямъ. Здѣсь мы не можемъ не упомянуть о просвѣщенномъ и благодѣтельномъ покровительствѣ, которымъ наше правительство ободряло сатиру: оно допустило къ представленію и «Недоросля», и «Ябеду», и «Горе отъ Ума», и «Ревизора». И наше общество было достойно своего правительства: за исключеніемъ второй изъ этихъ комедій, слабой по выполненію, всѣ другія въ короткое время сдѣлались народными драматическими піесами.

На чемъ основаны доказательства противниковъ и почитателей Гоголя, что его произведенія оскорбительны для русскаго имени? На томъ только—и больше ни на чемъ—что, читая ихъ, каждый убѣдится, что въ Россіи нѣтъ порядочныхъ людей. Мы вполнѣ согласны, что точно найдется не мало людей, способныхъ вывести изъ сочиненій Гоголя такое оригинальное слѣдствіе; но гдѣ же нѣтъ такихъ прос-

тодушныхъ читателей, которые далѣе буквальнаго смысла книги ничего въ ней не видятъ, и неужели по нимъ должно судить о всей русской публикѣ, и только соображаясь съ ихъ ограниченностію должна дѣйствовать литература? Напротивъ, намъ кажется, о нихъ она всегда менѣе должна заботиться. Есть люди, для которыхъ литература и наука, просвѣщеніе и образованіе дѣйствительно только вредны, а не полезны, потому что сбиваютъ ихъ съ послѣдняго остатка здраваго смысла, скупо удѣленнаго имъ природою, неужели же для нихъ уничтожить литературу и науку, просвѣщеніе и образованіе? Подобное предположеніе нелѣпо уже по одному тому, что такіе люди находятся въ рѣшительномъ меньшинствѣ, и что литература и наука оказываютъ благодѣтельное вліяніе не на однѣ избранныя натуры, но на всю массу общества. Намъ скажутъ, что не одни ограниченные люди видятъ въ сочиненіяхъ Гоголя оскорбленіе русскому обществу. Положимъ такъ; но мнѣніе-то это, кому бы ни принадлежало оно, всегда будетъ ограниченнымъ. Писатель выведетъ въ повѣсти пьяницу, а читатель скажетъ: можно ли такъ позорить Россію? будто въ ней все одни пьяницы? Положимъ, этотъ читатель умный, даже очень умный человѣкъ; да слѣдствіе-то, которое онъ вывелъ изъ повѣсти, нелѣпо. Намъ скажутъ, что искусство обобщаетъ частныя явленія и что оно уже не искусство, если представляетъ явленія случайныя. Правда; но вѣдь общество, и особливо народъ, заключаетъ въ себѣ множество сторонъ, которыя не только повѣсть, цѣлая литература никогда не изчерпаетъ. Критикъ «Москвитянина» особено обидѣлся повѣстью «Деревня». «Въ ней (говоритъ онъ) собрано и ярко выставлено все, что можно было найдти въ нравахъ крестьянъ грубаго, оскорбительнаго и жестокаго. Но поражаютъ не частности, а глубокая безчувственность и совершенное отсутсвіе нравственнаго смысла въ цѣломъ быту. Ни состраданія, ни раскаянія, ни стыда, ни страха, ни даже жи-

вотной привязанности между единокровными, авторъ ничего не нашелъ въ русской деревнѣ. Можетъ-быть, вы подумаете, что она представляется ему въ томъ состояніи первобытной дикости, которое, по мнѣнію нѣкоторыхъ, предшествуетъ пробужденію нравственнаго сознанія и, слѣдовательно, допускаетъ развитіе; но вы ошибетесь; въ сквернословіи крестьянъ авторъ подслушалъ какую то иронію надъ попраннымъ чувствомъ, признакъ не дикости, а растлѣнія; имена отца, матери, слова молитвы произносятся безпрестанно, но безотзывно; ими играютъ безъ содроганія; они какъ будто выдуманы для другихъ людей, а не для жалкаго племени, утратившаго всякое подобіе съ человѣкомъ». У! какъ сильно! Только справедливо ли? Содержаніе повѣсти «Деревня» состоитъ въ томъ, что бѣдную загнанную сиротку, по проискамъ плута-старосты, господа выдали замужъ за негодяя, въ дурную семью. Что же, критикъ «Москвитянина» думаетъ, что въ деревняхъ нѣтъ негодяевъ, нѣтъ дурныхъ семействъ? Или онъ думаетъ, что изобразить негодяя или дурное семейство, значитъ —доказать, что въ русскихъ деревняхъ все негодяи и дурныя семейства? Надо согласиться, что нашъ критикъ очень щедръ въ раздачѣ другимъ разныхъ дурныхъ цѣлей и намѣреній: но къ счастію, вовсе не впопадъ. Въ повѣсти «Деревня», г Григоровичъ изобразилъ деревню именно въ томъ видѣ, какъ это говоритъ критикъ «Москвитянина», хотя и не съ тою цѣлію, не съ тою мыслію, которыя онъ такъ великодушно ему приписываетъ. Въ правахъ этой «Деревни» дѣйствительно только грубое и жестокое, и нѣтъ даже «животной привязанности между единокровными». Но вотъ тотъ же самый г. Григоровичъ, который написалъ «Деревню», предлагаетъ читателямъ, въ этой книжкѣ «Современника» новую свою повѣсть («Антонъ-Горемыка»), въ которой на сценѣ опять деревня и которой герой—русскій крестьянинъ, но уже вовсе не въ родѣ мужа Акулины, а человѣкъ добрый, который, по-своему,

нѣжно, человѣчески любитъ своего племянника, свою жену и обращается съ ними по-человѣчески. Слѣдуетъ ли же изъ этого, что г. Григоровичъ видитъ въ русской деревнѣ только дикость и звѣрство въ семейныхъ отношеніяхъ? Нѣтъ, изъ этого слѣдуетъ совсѣмъ другое, а именно то, что въ одной повѣсти онъ взялъ одну сторону деревни, а въ другой другую. Вы сами сказали, что въ первой повѣсти онъ выставилъ все грубое, оскорбительное и жестокое, что̀ можно было найдти въ нравахъ крестьянъ. Если это можно было найдти, значитъ, это не выдумано, а взято съ дѣйствительности, значитъ, это истина, а не клевета. Послѣдней тутъ нельзя искать, послѣ вашихъ собственныхъ словъ; ее скорѣе можно искать и найти въ вашемъ усиліи обвинить г. Григоровича въ дурныхъ цѣляхъ и намѣреніяхъ... Какое вы имѣете право требовать отъ автора, чтобы онъ замѣчалъ и изображалъ не ту сторону дѣйствительности, которая сама мечется ему въ глаза, которую онъ узналъ, изучилъ, а ту, которая васъ занимаетъ? Вы въ правѣ только требовать, чтобы онъ не выдумывалъ, былъ вѣренъ изображаемой имъ дѣйствительности; а все, что̀ есть и бываетъ, принадлежитъ ему, равно какъ и выборъ изъ всего этого. Въ «Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» есть слѣдующее статистическое извѣстіе касательно смертности въ Россіи:

«Кромѣ разницы въ численности (погибшихъ въ дракахъ) есть еще то различіе между мущинами, женщинами и дѣтьми, что первые почти всѣ погибли въ обоюдныхъ ссорахъ и побоищахъ, часто вслѣдствіе собственной же задорливости при слабосиліи; изъ послѣднихъ, женщины преимущественно были жертвами супружескихъ неудовольствій и исправительныхъ или наставительныхъ мѣръ супруговъ, кромѣ немногихъ случаевъ, гдѣ и онѣ пали, ратоборствуя, даже иногда съ подобными же себѣ женщинами; а дѣти лишались жизни болѣе всего отъ неумѣреннаго наказанія ихъ, что̀ называется, чѣмъ попало, за шалости или проступки. Всѣ эти случаи не составляютъ убійствъ преднамѣренныхъ, и не могутъ быть не при-

чтены къ смертности отъ неосторожности. Въ Тверской губерніи, напримѣръ, одинъ крестьянинъ, желая наказать жену за что-то, убилъ ударомъ руки бывшаго у ней на груди ребенка: что это какъ не неосторожность? Весьма похожая на эту смерть постигла одного шестнадцатимѣсячнаго ребенка въ Полтавской губерніи; а въ Курской случилось точь-вточь подобное происшествіе».

Такого рода оффиціяльное извѣстіе можетъ быть до нѣкоторой степени указателемъ нравовъ простаго народа. Что случается часто или не рѣдко, то не есть явленіе случайное, исключительное и можетъ служить матеріяломъ для художественнаго произведенія, но отнюдь не можетъ быть принято за всеобщее явленіе, исключающее всѣ противоположныя, и служить позоромъ обществу или народу. Такъ, напримѣръ, всѣмъ извѣстно, что кромѣ Россіи, нигдѣ нѣтъ обыкновенія париться въ жаркой банѣ, слѣдовательно, нигдѣ же кромѣ Россіи, не можетъ быть и примѣровъ смерти отъ запариванія. Но слѣдуетъ ли скрывать такіе факты изъ боязни какого-то нареканія на народъ? Это случается въ народѣ, но кто же скажетъ, что весь русскій народъ какъ дорвется до полка, такъ и запарится сейчасъ же? Крайняя степень всякаго зла тѣмъ еще и выносима, что обрушивается всегда на меньшинствѣ, слѣдовательно, если и можетъ принадлежать тому или другому обществу, то никогда не можетъ послужить обвиненіемъ всему обществу.

Но обратимся исключительно къ критику «Москвитянина» и разберемъ его мнѣніе о Гоголѣ и натуральной школѣ. «Гоголь (говоритъ онъ) первый дерзнулъ ввести изображеніе пошлаго въ область художества». Не правда. Литература наша началась не съ Гоголя, а между-тѣмъ именно началась попыткою ввести изображеніе пошлаго въ область художества. Вспомните Кантемира. Съ тѣхъ поръ, какъ мы замѣтили это выше, литература наша не оставляла вовсе этого направленія. Въ немъ блистательно отличился Фонъ-Визинъ; оно отразилось во многихъ лучшихъ

созданіяхъ Державина. Пушкинъ началъ писать своего (неоконченаго впрочемъ) «Арапа Петра Великаго», когда еще имени Гоголя не появлялось въ печати. При этомъ не мѣшаетъ вспомнить не только «Графа Нулина», всего посвященнаго изображенію пошлости, но «Евгенія Онѣгина», въ которомъ изображеніе пошлости играетъ не послѣднюю роль. Гоголь только пошелъ далѣе всѣхъ въ томъ, что̀ критикъ «Москвитянина» разумѣетъ подъ выраженіемъ: изображеніе пошлости, и что̀, по нашему мнѣнію, справедливѣе называть изображеніемъ дѣйствительности, какъ она есть, во всей ея полнотѣ и истинѣ. Въ этомъ отношеніи, Гоголь дѣйствительно сталъ такъ выше всѣхъ другихъ писателей русскихъ, обнаружилъ въ своей манерѣ столько самобытности и оригинальности, что сталъ основателемъ новой литературной школы, хотѣлъ ли онъ этого или нѣтъ — все равно. Но пойдемъ далѣе за нашимъ критикомъ.

«На то нуженъ былъ его геній. Въ этотъ глухой, безцвѣтный міръ, безъ грома и безъ потрясеній, неподвижный и ровный, какъ бездонное болото, медленно и безвозвратно втягивающее въ себя все живое и свѣжее, *въ этотъ міръ, высоко поэтическій самымъ отсутствіемъ всего идеальнаго* (?), онъ первый опустился какъ рудокопъ, почуявшій подъ землею еще нетронутую силу. Съ его стороны это было не одно счастливое внушеніе художественнаго инстинкта, но сознательный подвигъ цѣлой жизни, *выраженіе личной потребности внутренняго очищенія*. Подъ изображеніемъ дѣйствительности, поразительно истиннымъ, *скрывалась душевная, скорбная исповѣдь*. Отъ этого произошла *односторонность* его послѣднихъ произведеній, *которыхъ однако нельзя назвать односторонними* (!), именно потому, что вмѣстѣ съ содержаніемъ художникъ передаетъ свою мысль, свое побужденіе (?!:..) Оно такъ необходимо для полноты впечатлѣнія, такъ нераздѣльно съ художественнымъ достоинствомъ его произведеній, что литературный подвигъ Гоголя только въ этомъ смыслѣ и могъ совершиться (???...). Ни страсть къ наблюденіямъ, ни благородное негодованіе на пороки и вообще никакое побужденіе, какъ бы съ виду оно ни было безкорыстно, но допускающее въ душѣ художника чувство личнаго превосходства, не дало бы на него ни права, ни силъ (??). Нужно было породниться душою съ тою жиз-

нію и съ тѣми людьми, отъ которыхъ отворачиваются съ презрѣніемъ, нужно было почувствовать въ себѣ самомъ ихъ слабости, пороки и пошлость, чтобы въ нихъ же почувствовать присутсвіе человѣческаго. Кто съ этимъ не согласенъ, или кто иначе понимаетъ внутренній смыслъ произведеній Гоголя, съ тѣмъ мы не можемъ спорить—это одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые рѣшаются безъ аппеляція въ глубинѣ сознанія».

Мы и не споримъ, потому что спорить можно только противъ того, съ чѣмъ бываешь несогласенъ, но что̀, въ то же время, хорошо понимаешь; а въ этой выпискѣ, признаемся, мы почти ничего не поняли. Почему міръ, изображенный Гоголемъ, высоко-поэтиченъ самымъ отсутствіемъ всего идеальнаго? Почему послѣднія произведенія Гоголя односторонни, однакожь ихъ не позволяется называть односторонними, на томъ основаніи, что вмѣстѣ съ содержаніемъ художникъ передастъ свою мысль, свое побужденіе? Воля ваша—темно что-то, мистицизмомъ отзывается! Ничего не понимаемъ! Что̀ значитъ «вмѣстѣ съ содержаніемъ передавать свою мысль»? Да въ искусствѣ иначе мысль и не передается, какъ черезъ содержаніе и форму; это дѣлали всѣ художники и до Гоголя, и будутъ дѣлать послѣ него, потому что въ этомъ сущность искусства. Почему Гоголь открылъ міръ пошлости не вслѣдствіе своей художнической натуры, своего художническаго призванія, а вслѣдствіе «личной потребности внутренняго очищенія»? Да это пахнетъ умилительною средневѣковскою легендою, чѣмъ-то въ родѣ баллады «Двѣнадцать спящихъ Дѣвъ!... Еще разъ—ничего не понимаемъ! И потому, оставивъ въ покоѣ этотъ великолѣпный наборъ громкихъ словъ и таинственныхъ фразъ, перейдемъ къ натуральной школѣ, которая въ глазахъ нашего критика безъ вины виновата передъ Гоголемъ тѣмъ, что пошла по пути, который онъ ей самъ указалъ.

Первая ея вина та, что она переняла у Гоголя только его односторонность, т. е. взяла у него одно содержаніе.

изъ чего неоспоримо слѣдуетъ, что односторонность есть содержаніе, а содержаніе есть односторонность. Но пусть будетъ такъ. Вторая вина ея та, что она подражаетъ Гоголю во всемъ, даже въ опредѣленіи людей по бородавкѣ на носу, по цвѣту жилета и т. п. Но направленіе натуральная школа заимствовала не у Гоголя, а у новѣйшей французской литературы, и это направленіе есть—«каррикатура и клевета на дѣйствительность, понятая какъ исправительное средство». Затѣмъ слѣдуетъ характеристика новѣйшей французской литературы и ея сравненіе съ ловкимъ прикащикомъ, который, «поддѣлываясь подъ вкусъ публики и соблазняя ее яркими красками, заманиваетъ къ себѣ въ лавку толпу покупателей, отбиваетъ ихъ отъ сосѣдняго продавца и помогаетъ своему господину (т. е. хозяину) сбывать товаръ, иными словами: вербовать послѣдвателей». Сравненіе очень вѣрно: всякое изящное произведеніе съ соціяльнымъ направленіемъ есть, во первыхъ, непремѣнно французское, хотя бы написано было, напримѣръ, Диккенсомъ; во вторыхъ, вербовать послѣдователей значитъ тоговать, а торговать значитъ—набирать послѣдователей. Противъ этого нечего сказать, кромѣ развѣ того, что, писатели риторической школы дадутъ большаго маха, если собственными словами нашего критика не докажутъ, что Гоголь заимствовалъ свое направленіе у новѣйшей французской литературы. Это имъ будетъ тѣмъ легче сдѣлать, что они, подобно, намъ, вѣроятно, не вѣрятъ мистическому увѣренію, будто Гоголь открылъ міръ пошлости вслѣдствіе личной потребности внутренняго очищенія, чѣмъ и отличился рѣзко и отъ новѣйшей французской литературы и отъ русской натуральной школы, подражающей ему. Но далѣе: новѣйшая французская литература приняла въ себя какъ основное двигательное начало—одушевленіе страсти, какъ цѣль—возбужденіе страсти; а страсть, по мнѣнію нашего

критика, оскверняетъ все то, во чтò ее вмѣшиваютъ. Мы думали доселѣ, что, напротивъ, страсть есть источникъ всякой живой, плодотворной дѣятельности, что ею сдѣлано все великое и прекрасное, и что зло не въ страсти вообще, а въ дурныхъ страстяхъ; но что безъ страстей вообще житейское море такъ же бы чуждо было всякаго движенія, какъ водяное море безъ вѣтровъ. Иные люди нападаютъ на страсти оттого именно, что сами слишкомъ страстны, что устали и измучились волненіемъ страстей. Другіе же потому, что вовсе ихъ не знаютъ и сами не вѣдаютъ за чтò на нихъ сердятся. Всякіе бываютъ люди и всякія страсти. У иного, напримѣръ, всю страсть, весь паоосъ его натуры составляетъ холодная злость, и онъ только тогда бываетъ уменъ, талантливъ и даже здоровъ, когда кусается.

Итакъ, это дѣло рѣшеное, не подлежащее никакому сомнѣнію, что сущность новѣйшей французской литературы —«клевета на дѣйствительность, въ смыслѣ преувеличенія темныхъ ея сторонъ, допущенная для поощренія къ совершенствованію». «Стремленіе (прибавляетъ нашъ критикъ) въ основѣ своей благородное, похвальное, но сознанное ложно и потому безплодное». Однакожь,не думайте, чтобы натуральная школа ужь ничѣмъ не отличалась отъ французской литературы: у нея содержаніе свое, національное, разработанное Гоголемъ. Чтò за путаница! Какъ истина-то, противъ воли нашего критика, сама пробивается наружу сквозь непроходимую чащу умышленно наплетенныхъ клеветъ, съ благородною цѣлью, если не исправить своихъ литературныхъ противниковъ, то хоть насолить имъ! Какъ ни припутываетъ онъ къ натуральной школѣ французскую словесность, а все-таки только одинъ Гоголь является въ прямомъ отношеніи къ ней. Какъ ни бились мы, чтобы понять, чѣмъ, по мнѣнію нашего критика, разнится натуральная школа отъ Гоголя, а поняли въ его словахъ только то, чтò давно хорошо понимали и безъ него, т. е. что

Гоголь далеко выше всѣхъ своихъ послѣдователей. Значитъ: преступленіе натуральной школы состоитъ только въ томъ, что таланты ея представителей ниже таланта Гоголя. Да, это вина! Мы пропускаемъ юмористическую характеристику натуральной школы, сдѣланную критикомъ «Москвитянина» съ цѣлію показать всю ничтожность, пустоту и пошлость натуральной школы. Въ этой характеристикѣ онъ обнаружилъ бездну того остроумія, которое такъ и блещетъ въ его сравненіи французской соціяльной литературы съ лавкою прикащика. Онъ говоритъ, что произведенія натуральной школы—пародіи на созданные Гоголемъ типы, каррикатуры и клевета на дѣйствительность, что ея пріемы всегда одни и тѣ же, характеры блѣдны и безцвѣтны, интрига завязывается слабымъ узломъ, такъ что всякій разсказъ можно на любомъ мѣстѣ прервать и также тянуть до безконечности, и что всѣмъ этимъ достигается побочная цѣль, а именно: наводится нестерпимая скука на читателя. Далѣе онъ говоритъ положительно, что вліяніе натуральной школы безвредно, потому что ничтожно. Эта мысль даже повторена; въ другомъ мѣстѣ критикъ говоритъ, что писатели нелюбимой имъ школы впали въ односторонность «именно потому, что у насъ односторонность невинна и безопасна, что самое направленіе есть плодъ подражанія, а не дѣйствительныхъ потребностей общества, и потому забавляетъ его или наводитъ на него скуку, не задѣвая за живое». Наконецъ, что натуральная школа не поддержана ни однимъ сильнымъ талантомъ, что ей не поддался ни одинъ даже второкласный талантъ, и что она должна изчезнуть такъ же скоро и случайно, какъ она возникла.

Положимъ, все это справедливо; но въ такомъ случаѣ, изъ чего же вы горячитесь, зачѣмъ безпрестанно пишете о натуральной школѣ, ни на минуту не сводите съ нея вашего тревожнаго вниманія, посвящаете ей цѣлыя длинныя статьи, похожія на горькія жалобы, если еще не на что-то

худшее?... Воля ваша, а тутъ есть странное противорѣчіе, которое можно объяснить только развѣ тѣмъ, что къ этому вопросу примѣшалась та страсть, которой вліяніе критикъ находитъ столь дурнымъ. Стоитъ ли толковать о пустякахъ, о вздорѣ—словомъ, о литературныхъ произведеніяхъ, которыя клевещутъ на общество, даже не по злонамѣренности, напротивъ, съ добрымъ и благороднымъ намѣреніемъ (стр. 204—205), а потому, что они не самобытны, на половину подражаютъ Гоголю, перенимая его односторонность и недостатки, на половину — новѣйшей французской литературѣ, перенимая у ней преувеличенія и недобросовѣстное искаженіе дѣйствительности, о литературныхъ произведеніяхъ, чуждыхъ всякаго достоинства, не ознаменованныхъ талантомъ, способныхъ наводить только скуку и потому самому безвредныхъ и ничтожныхъ, несмотря на ложное ихъ направленіе? Но если уже нашъ критикъ позволилъ себѣ сдѣлать такую несообразность, впасть въ такое противорѣчіе съ самимъ собою, несмотря на всю нелюбовь его къ подобнымъ противорѣчіямъ, по крайней мѣрѣ въ другихъ, онъ все же бы долженъ былъ представить хоть какія-нибудь доказательства въ подтвержденіе своего мнѣнія, вмѣсто того, чтобы ограничиться только изложеніемъ своего мнѣнія. Нѣтъ ничего легче, какъ доказывать общими положеніями безъ примѣненій ихъ къ подробностямъ обсуживаемаго предмета. Этакъ легко доказать, что не только натуральная школа, но и любая литература никуда не годится; но подобная манера доказывать убѣдительна только для доказывающаго, больше ни для кого. Правда, критикъ сослался на три произведенія натуральной школы: «Деревню», «Родственники» и «Помѣщикъ»; но, во первыхъ, натуральная школа состоитъ не изъ трехъ же только этихъ произведеній, а во вторыхъ, онъ только назвалъ ихъ дурными, не приведя никакихъ доказательствъ, вѣроятно, думая что ему стоитъ только

сказать то или другое, чтобы ему всѣ повѣрили безусловно. Правда, онъ распространился о «Деревнѣ», но изъ его диктаторскихъ возгласовъ противъ этой повѣсти видно только то, что ему не нравится ея направленіе, а не то, чтобы оно дѣйствительно было дурно. Нѣтъ, если онъ хотѣлъ, почему бы то ни было, уничтожить натуральную школу, ему бы слѣдовало, оставивъ въ сторонѣ ея направленіе, ея, какъ онъ вѣжливо выражается, клеветы на общество, разобрать главныя его произведенія на основаніи эстетической критики, чтобы показать, какъ мало, или какъ вовсе не соотвѣтствуютъ они основнымъ требованіямъ искусства. Тогда уже и ихъ направленіе само собою уничтожилось бы, потому что, когда произведеніе, претендующее принадлежать къ области искусства, не выполняетъ его требованій, тогда оно ложно, мертво, скучно, и не спасетъ его никакое направленіе. Искусство можетъ быть органомъ извѣстныхъ идей и направленій, но только тогда, когда оно—прежде всего искусство. Иначе его произведенія будутъ мертвыми аллегоріями, холодными диссертаціями, а не живымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности. Тѣмъ болѣе обязанъ былъ сдѣлать это нашъ критикъ, что онъ особенно заботится о чистомъ искусствѣ, объ искусствѣ, какъ искусство. Но онъ предпочелъ упомянуть, и то вскользь, о трехъ только произведеніяхъ натуральной школы, а обо всѣхъ другихъ умалчиваетъ и, кромѣ г. Григоровича, не назвалъ по имени ни одного изъ ея представителей.

На все на это у него были свои причины. Онъ, вѣроятно, чувствовалъ, что, пустившись въ настоющую критику произведеній натуральной школы, онъ принужденъ былъ бы найдти въ ней что-нибудь и хорошее, что̀ было вовсе несообразно съ его намѣреніемъ; потомъ онъ не могъ бы избѣжать выписокъ, а онѣ могли бы доказывать совершенно противное его доказательствамъ. Называя по именамъ пи-

сателей натуральной школы, онъ этимъ показалъ бы, что не шутитъ своимъ дѣломъ и не смотритъ на отношенія въ которыя могла бы его поставить его откровенность ко столькимъ лицамъ. Гораздо спокойнѣе было ему назвать только одного, да намекнуть еще на двухъ: остальные не въ правѣ считать себя въ числѣ подпавшихъ его нападкамъ: при случаѣ можно сказать имъ, что онъ не относитъ ихъ къ натуральной школѣ. Но подобныя недоговорки и уклончивость никогда не разъясняютъ дѣла, а только усиливаютъ и усложняютъ недоразумѣнія, и потому мы просимъ нашего критика отвѣтить намъ прямо и откровенно: неужели онъ и въ самомъ дѣлѣ не видитъ никакого таланта, не признаетъ никакой заслуги въ такихъ писателяхъ, каковы, напримѣръ: Луганскій (Даль), авторъ «Тарантаса», авторъ повѣсти «Кто Виноватъ?», авторъ «Бѣдныхъ Людей», авторъ «Обыкновенной Исторіи», авторъ «Записокъ Охотника», авторъ «Послѣдняго Визита». о которыхъ онъ не почелъ за нужное упомянуть? Потомъ: неужели онъ и въ самомъ дѣлѣ ни во что̀ ставитъ успѣхъ произведеній натуральной школы, или думаетъ увѣрить насъ, что онъ его не видитъ и не признаетъ? Какіе журналы пользуются наибольшимъ успѣхомъ, если не тѣ, въ которыхъ помѣщаются произведенія натуральной школы, и которыхъ направленіе совпадаетъ съ направленіемъ этой школы? Скажемъ больше: безъ этихъ произведеній натуральной школы теперь невозможенъ успѣхъ никакого журнала. Или критикъ нашъ не шутя считаетъ русскую публику до сихъ поръ несовершеннолѣтнею, какимъ-то недорослемъ, который шагу не можетъ сдѣлать безъ критическихъ нянекъ, и потому поневолѣ допускаетъ ихъ сбивать его съ толку, направляя то въ ту, то въ другую сторону? Это дѣйствительно было, въ эпоху безусловной вѣры въ имена и авторитеты; но этого давно уже нѣтъ. Критика, слава Богу, давно уже изъ журналовъ перешла

публику, сдѣлалась общественнымъ мнѣніемъ. Судьба книги или какого-нибудь литературнаго произведенія уже давно не зависитъ отъ произвола всякаго, кто только вздумаетъ ее поднять или уронить. Монополій критическихъ теперь нѣтъ, потому что у всякаго журнала свое мнѣніе, и что хвалитъ одинъ, то бранитъ другой. Но обратимся къ фактамъ. Пушкинъ былъ встрѣченъ и восторженными похвалами и ожесточенною бранью: неужели же наша публика признала его великимъ національнымъ поэтомъ только потому, что его хвалители перекричали его порицателей? Нужно ли говорить, что съ перваго появленія Гоголя на литературное поприще до сей минуты, его постоянно преслѣдуетъ одна литературная партія, что самыя рѣшительныя нападки на него раздавались изъ журнала, имѣвшаго обширный кругъ читателей, и доселѣ раздаются изъ газеты, тоже пользующейся большимъ расходомъ? Неужели же опять необыкновенный и быстрый успѣхъ сочиненій Гоголя произошелъ оттого, что, какъ увѣряетъ одна газета, его хвалители кричали громче всѣхъ? Лермонтовъ дѣйствовалъ на литературномъ поприщѣ какихъ-нибудь четыре года и умеръ прежде, нежели талантъ его успѣлъ вполнѣ развернуться, а между тѣмъ, во мнѣніи публики, онъ еще при жизни своей сталъ въ ряду первоклассныхъ знаменитостей русской литературы: неужели и это опять дѣло литературной партіи? А публика тутъ что же! Какая, подумаешь, сговорчивая публика! Но почему же наши противники съ обѣихъ сторонъ не могли увѣрить ее ни въ ничтожности прославляемыхъ нами литературныхъ именъ, ни въ великости талантовъ и заслугъ писателей своихъ партій? Вѣдь если дѣло пойдетъ на громкость голоса, рѣзкость выраженій и рѣшительность приговоровъ, наши противники едва ли уступятъ намъ въ этомъ, но, вѣроятно, еще и далеко превзойдутъ насъ.... Но риторическая школа, нападая на натуральную, по крайней мѣрѣ, противопостав

ляетъ, хотя и безъ успѣха, ея писателямъ и произведеніямъ—своихъ писателей и свои произведенія; но господа славянофилы не могутъ сдѣлать и этого. А между тѣмъ, самымъ простымъ, законнымъ, справедливымъ и дѣйствительнымъ средствомъ уничтожить натуральную школу и дать настоящее направленіе вкусу публики было бы для нихъ—противопоставить ея писателямъ своихъ писателей, ея произведеніямъ—свои произведенія... Что же мѣшаетъ имъ сдѣлать это? Они, впрочемъ, это и дѣлаютъ время отъ времени, понемножку и помаленьку: то напечатаютъ повѣсть, которой никто, кромѣ ихъ, читать не можетъ и не хочетъ, то стихотвореніе въ родѣ «свѣтика-луны», въ народномъ тонѣ котораго видѣнъ баринъ, неловко костюмировавшійся крестьяниномъ... Бѣдные!...

Но мы еще не упомянули о самой главной, самой тяжкой винѣ, которая, по мнѣнію критика «Москвитянина», лежитъ на натуральной школѣ. Дѣло—видите ли—въ томъ, что «она не обнаружила никакого сочувствія къ народу и такъ же легкомысленно клевещетъ на него, какъ и на общество»!... Вотъ ужь этого-то обвиненія мы, признаться, не ожидали отъ гг. славянофиловъ, хотя и многаго другаго ожидали отъ нихъ! Но защищать противъ него натуральную школу мы не намѣрены, по крайней мѣрѣ, серьёзно, потому что видимъ въ немъ даже не клевету, а просто нелѣпость. Это все равно, какъ еслибы славянофиловъ обвинять въ исключительной любви къ Западу и ненависти ко всему, что носитъ на себѣ славянскій характеръ. Въ этомъ случаѣ, мы искренно жалѣемъ о критикѣ «Москвитянина», что онъ не позаботился подкрѣпить ссылками на сочиненія натуральной школы, и даже выписками изъ нихъ, такое важное, уже не въ литературномъ, а въ нравственномъ отношеніи, обвиненіе, выставляющее въ дурномъ свѣтѣ не талантъ, а сердце его противниковъ, оскорбляющее уже не самолюбіе, а ихъ достоинство... Да, такой со стороны

его необдуманный поступокъ возбуждаетъ въ насъ искреннее къ нему сожалѣніе...

Положеніе натуральной школы между двумя непріязненными ей партіями поистинѣ странно: отъ одной она должна защищать Гоголя, и отъ обѣихъ — самое себя; одна нападаетъ на нее за симпатію къ простому народу, другая нападаетъ на нее за отсутствіе къ нему всякаго сочувствія... Оставимъ въ сторонѣ разглагольствованія критика «Москвитянина» о народѣ, который, по его мнѣнію, «сохранилъ въ себѣ какое-то здравое сознаніе равновѣсія между субъективными требованіями и правами дѣйствительности, сознаніе заглушенное въ насъ одностороннимъ развитіемъ личности», и предоставимъ ему самому разгадать таинственный смыслъ его собственныхъ словъ: а сами замѣтимъ только, что враги натуральной школы отличаются, между прочимъ, удивительною скромностію въ отношеніи къ самимъ себѣ и удивительною готовностію отдавать должную справедливость даже своимъ противникамъ. Недавно одинъ изъ нихъ, г. Хомяковъ, съ рѣдкою въ нашъ хитрый и осторожный вѣкъ наивностію, объявилъ печатно, что въ немъ чувство любви къ отечеству «невольное и прирожденное», а у его противниковъ — «пріобрѣтенное волею и разсудкомъ, такъ сказать, наживное» (Моск. Сборникъ, 1847, стр. 356). А вотъ теперь г. М... З... К... объявляетъ, въ пользу себя и своего литературнаго прихода, монополію на симпатію къ простому народу! Откуда взялись у этихъ господъ притязанія на исключительное обладаніе всѣми этими добродѣтелями? Гдѣ, когда, какими книгами, сочиненіями, статьями, доказали они, что они больше другихъ знаютъ и любятъ русскій народъ? Все, что дѣлалось литераторами для споспѣшествованія развитію первоначальной образованности между народомъ, дѣлалось не ими. Укажемъ на «Сельское Чтеніе», издаваемое княземъ Одоевскимъ и г. Заблоцкимъ: тамъ есть труды г. Даля, князя Одоевскаго, графа Солло-

губа и другихъ литераторовъ, но ни одного изъ славянофиловъ. Знаемъ, что гг. славянофилы смотрятъ на это изданіе, почему-то, очень не ласково, и не высоко цѣнятъ его; но не будемъ здѣсь спорить съ ними о томъ, хороша или дурна эта книжка: пусть она и дурна, да дѣло въ томъ, что литературная партія, на которую они такъ нападаютъ, сдѣлала что могла для народа и тѣмъ показала свое желаніе быть ему полезною; а они, славянофилы ничего не сдѣлали для него. И почему думаетъ критикъ «Москвитянина», что писатели натуральной школы не знаютъ народа? Сошлемся въ особенности на того же Даля, о которомъ мы уже упоминали: изъ его сочиненій видно, что онъ на Руси человѣкъ бывалый; воспоминанія и разсказы его относятся и къ западу и къ востоку, и къ сѣверу и къ югу, и къ границамъ и къ центру Россіи; изо всѣхъ нашихъ писателей, не исключая и Гоголя, онъ особенное вниманіе обращаетъ на простой народъ, и видно, что онъ долго и съ участіемъ изучалъ его, знаетъ его бытъ, до малѣйшихъ подробностей, знаетъ, чѣмъ владимірскій крестьянинъ отличается отъ тверскаго, и въ отношеніи къ оттѣнкамъ нравовъ и въ отношеніи къ способамъ жизни и промысламъ. Читая его ловкіе, рѣзкіе, теплые типическіе очерки русскаго простонародья, многому отъ души смѣешься, о многомъ отъ души жалѣешь, но всегда любишь въ нихъ простой нашъ народъ, потому что всегда получаешь о немъ самое выгодное для него понятіе. И публика, послѣ этого повѣритъ какому-нибудь г. М... З... К..., въ продолженіи двухъ почти лѣтъ прогарцовавшему въ литературѣ двумя статейками, что такой писатель, какъ г. Даль, меньше его знаетъ и любитъ русскій народъ, или что онъ выставляетъ его въ каррикатурѣ?.... Не думаемъ! Нападая на г. Григоровича за злостное, будто бы, представленіе крестьянскихъ нравовъ въ его повѣсти «Деревня», критикъ «Москвитянина» не забылъ замѣтить, что лицо Акулины очерк..

риторически и лишено естественности; а что въ самой неудавшейся попыткѣ автора повѣсти показать глубокую натуру въ загнанномъ лицѣ его героини, видна его симпатія и любовь къ простому народу, — объ этомъ онъ забылъ упомянуть, вѣроятно, по избытку безпристрастія и справедливости...

Приступая къ статьѣ г. Бѣлинскаго, критикъ «Москвитянина» почелъ нужнымъ отрекомендовать его публикѣ не только со стороны его литературной дѣятельности, но и со стороны характера. «Г. Бѣлинскій (говоритъ онъ) составляетъ совершенную противоположность г. Никитенко. Онъ почти никогда не является самимъ собою и рѣдко пишетъ по свободному внушенію. Вовсе не чуждый эстетическаго чувства (чему доказательствомъ служатъ особенно прежнія статьи его), онъ какъ будто пренебрегаетъ имъ и, обладая собственнымъ капиталомъ, постоянно живетъ въ долгъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ явился на поприщѣ критики, онъ былъ всегда подъ вліяніемъ чужой мысли. Несчастная воспріимчивость, способность понимать легко и поверхностно, отрекаться скоро и рѣшительно отъ вчерашняго образа мыслей, увлекаться новизною и доводить ее до крайностей, держала его въ какой-то постоянной тревогѣ, которая обратилась наконецъ въ нормальное состояніе и помѣшала развитію его способностей». Не знаемъ, изъ какого источника почерпнулъ критикъ «Москвитянина» эти любопытныя свѣдѣнія о г. Бѣлинскомъ, но только не изъ его сочиненій: всего вѣроятнѣе, что изъ сплетень, развозимыхъ заѣзжими посѣтителями, о которыхъ онъ упоминаетъ въ началѣ своей статьи. Оттого и сужденіе его о г. Бѣлинскомъ не имѣетъ ничего общаго съ литературнымъ отзывомъ. Еслибы онъ обратился къ настоящему источнику, т. е. къ статьямъ г. Бѣлинскаго, то едва ли бы нашелъ тамъ подтвержденіе тому, что̀ говоритъ онъ о немъ. Повѣрить ему, такъ во всей литературной дѣятельности

г. Бѣлинскаго нѣтъ никакого единства, что сегодня онъ говоритъ одно, завтра другое! Это едва ли справедливо. По крайней мѣрѣ, г. Бѣлинскому не разъ случалось читать на себя нападки своихъ противниковъ за излишнее постоянство въ главныхъ пунктахъ его убѣжденій касательно многихъ предметовъ. Вотъ ужь сколько, напримѣръ, времени, какъ онъ говоритъ о славянофилахъ одно и то же, и можетъ положительно ручаться за себя, что никогда не измѣнится въ этомъ отношеніи. Онъ глубоко убѣжденъ, что критикъ «Москвитянина» человѣкъ вполнѣ самостоятельный и родился уже готовымъ славянофиломъ, а не сдѣлался имъ вслѣдствіе несчастной воспріимчивости и таковой же способности понимать легко и поверхностно, и что ничто не помѣшало развитію его способностей, съ такимъ блескомъ обнаруженныхъ имъ при защитѣ славянофильства. Да, г. Бѣлинскій охотно уступаетъ ему и самобытность, и глубокость пониманія, особенно предметовъ, недоступныхъ разумѣнію другихъ, напр., того, что Гоголь сдѣлался живописцемъ пошлости вслѣдствіе личной потребности внутренняго очищенія; словомъ, г. Бѣлинскій охотно уступаетъ своему противнику все, что онъ у него отнялъ; но, къ величайшему своему прискорбію, взамѣнъ этого, никакъ не можетъ признать въ немъ того, что онъ такъ великодушно, хотя и вовсе непослѣдовательно, призналъ въ немъ, т. е эстетическаго чувства. Г. Бѣлинскій признаетъ вполнѣ оригинальность, глубину и силу мистическаго воззрѣнія въ сужденіи критика «Москвитянина» о Гоголѣ; но никакъ не можетъ сказать того же о его эстетическомъ воззрѣніи на Гоголя и на натуральную школу. Г. Бѣлинскому странно только, что его противникъ могъ найдти въ немъ эстетическое чувство, когда, вслѣдъ за тѣмъ же, онъ говоритъ, что онъ, г. Бѣлинскій, былъ всегда подъ чужою мыслію, съ тѣхъ поръ, какъ явился на поприщѣ критики. Да зачѣмъ же эстетическое чувство тому, кто опредѣляетъ

достоинство изящныхъ произведеній съ чужаго голоса, кто чужой мысли не умѣетъ провести черезъ себя самого и претворить ее свою собственную? И какъ въ критикахъ такого человѣка замѣтить эстетическое чувство? Далѣе критикъ «Москвитянина обвиняетъ г. Бѣлинскаго въ отсутствіи терпимости, справедливо приписывая это его привычкѣ мыслить чужимъ образомъ мыслей. Г. Бѣлинскій, съ своей стороны, видитъ несомнѣнное доказательство мыслительной самобытности г. М.... З.... К.... въ его терпимости, которую такъ умилительно обнаружилъ онъ при сужденіи о натуральной школѣ и о своихъ противникахъ, гг. Кавелинѣ и Бѣлинскомъ. Что же касается до того, что г. М.... З.... К.... осудилъ г. Бѣлинскаго на вѣчную неразвитость способностей, — г. Бѣлинскій нисколько не удивляется благородной умѣренности и изящной вѣжливости такого о немъ отзыва: ему уже не въ первый разъ встрѣчать подобныя противъ себя выходки въ «Москвитянинѣ». Чего тамъ не писали о немъ? И что онъ ни чему не учился, ни о чемъ не имѣетъ понятія, не знаетъ ни одного иностраннаго языка, и т. п. Въ началѣ прошлаго года, г. Бѣлинскій собирался издать огромный литературный сборникъ; объ этомъ намѣреніи слегка было намекнуто, въ числѣ другихъ литературныхъ слуховъ, въ «Отечественныхъ Запискахъ». И что же?—въ «Москвитянинѣ», вслѣдъ затѣмъ, было напечатано, что въ Петербургѣ издается огромный альманахъ, съ картинками, съ цыганскими хорами и плясками и т. п. Тутъ, впрочемъ, нечему и удивляться: въ подобныхъ выходкахъ гг. славянофилы не болѣе, какъ вѣрны началу своего ученія, т. е. слѣдуютъ тѣмъ неиспорченнымъ вліяніемъ лукаваго Запада правамъ, которымъ они такъ удивляются, и которые, къ ихъ сожалѣнію, давно уже изчезли на Руси, но которые при ихъ помощи, будемъ надѣяться, еще воротятся къ намъ... Но пока г. Бѣлинскій не видитъ никакой нужды горячо спорить за себя съ такими

противниками, или прибѣгать въ спорѣ, къ ихъ средствамъ. Да и къ чему? Публика и сама съумѣетъ увидѣть разницу между человѣкомъ, у котораго литературная дѣятельность была призваніемъ, страстью, который никогда не отдѣлялъ своего убѣжденія отъ своихъ интересовъ, который, руководствуясь врожденнымъ инстинктомъ истины, имѣлъ больше вліянія на общественное мнѣніе, чѣмъ многіе изъ его дѣйствительно ученыхъ противниковъ, — и между какимъ-нибудь баричемъ который изучалъ народъ черезъ своего камердинера, и думаетъ что любитъ его больше другихъ, потому что сочинилъ или принялъ на вѣру готовую о немъ мистическую теорію, который, между служебными и свѣтскими обязанностями, занимается также и литературою, въ качествѣ диллетанта, и изъ году въ годъ высиживаетъ по статейкѣ, имѣя вдоволь времени показаться въ ней умнымъ, ученымъ и, пожалуй, талантливымъ... Въ наше время талантъ самъ по себѣ не рѣдкость; но онъ всегда былъ и будетъ рѣдкостью въ соединеніи съ страстнымъ убѣжденіемъ, съ страстною дѣятельностію, потому что только тогда можетъ онъ быть дѣйствительно полезенъ обществу. Что̀ касается до вопроса, сообразна ли съ способностью страстнаго глубокаго убѣжденія способность измѣнять его, онъ давно рѣшенъ для всѣхъ тѣхъ, кто любитъ истину больше себя и всегда готовъ пожертвовать ей своимъ самолюбіемъ, откровенно признаваясь, что онъ, какъ и другіе, можетъ ошибаться и заблуждаться. Для того же, чтобъ вѣрно судить, легко ли отдѣлывался такой человѣкъ отъ убѣжденій, которыя уже не удовлетворяли его, и переходилъ къ новымъ, или это всегда бывало для него болѣзненнымъ процессомъ, стоило ему горькихъ разочарованій, тяжелыхъ сомнѣній, мучительной тоски, для того, чтобы судить объ этомъ, прежде всего надо быть увѣреннымъ въ своемъ безпристрастіи и добросовѣстности...

Говоря выше о Гоголѣ и натуральной школѣ, мы отвѣ-

тили на бо́льшую часть возраженій критика «Москвитянина» на статью г. Бѣлинскаго, особенно виноватаго, въ его глазахъ, за хорошее мнѣніе о натуральной школѣ. Это-то критикъ нашъ и называетъ «односторонностью и тѣснотою образа мыслей», составляющихъ второй пунктъ его обвинительнаго противъ «Современника» акта. Въ сущности, эта односторонность и тѣснота образа мыслей есть самобытный, независимый отъ славянофильства взглядъ на литературу. Третье и послѣднее обвиненіе противъ насъ въ статьѣ «Москвитянина», состоитъ въ искаженіи нами образа мыслей гг. славянофиловъ. Можетъ-быть, мы и дѣйствительно не совсѣмъ вѣрно излагали ихъ образъ мыслей и приписывали имъ иногда такія мнѣнія, которыя имъ не принадлежатъ, и умалчивали о такихъ, которыя составляютъ основу ихъ ученія. Но кто же въ этомъ виноватъ? Конечно не мы, а сами гг. славяфилы. До сихъ поръ ни одинъ изъ нихъ не потрудился изложить основныхъ началъ славянофильскаго ученія, показать, чѣмъ оно разнится отъ извѣстныхъ воззрѣній. Вмѣсто этого, у нихъ одни

Намеки тонкіе на то,
Чего не вѣдаетъ никто.

Доселѣ, ихъ образъ мыслей проглядываетъ только въ симпатіяхъ и антипатіяхъ къ тѣмъ или другимъ литературнымъ произведеніямъ и лицамъ. Кромѣ того, они безпрестанно противорѣчатъ самимъ себѣ; такъ что можно подумать, что у нихъ столько же мнѣній, сколько и лицъ. Можно указать на выходки, разбросанныя тамъ и сямъ. противъ европеизма, цивилизаціи, необходимости образованія и грамотности для простаго народа, противъ реформы Петра Великаго, современныхъ нравовъ, какіе то темные намеки, что русскому обществу надо воротиться назадъ и снова начать свое самобытное развитіе съ той эпохи, на которой оно было прервано, надо сблизиться съ народомъ.

который, будто бы, сохранилъ въ чистотѣ древніе славянскіе нравы и нисколько не измѣнился въ продолженіи вѣковъ. Все это, можетъ-быть, и заслуживаетъ, по крайней мѣрѣ, быть выслушаннымъ; но для этого сперва должно быть высказаннымъ. Г. Бѣлинскій, въ статьѣ своей, въ первой книжкѣ «Современника» сказалъ, что явленіе славянофильства есть фактъ, замѣчательный до извѣстной степени, какъ и ротестъ противъ безусловной подражательности и какъ свидѣтельство потребности русскаго общества въ самостоятельномъ развитіи. Въ подобномъ отзывѣ не могло быть ничего оскорбительнаго для гг. славянофиловъ. Напротивъ, онъ давалъ имъ удобный случай объясниться съ своими противниками, изложивъ имъ свое ученіе и показавъ имъ, въ чемъ и гдѣ именно они понимаютъ его невѣрно. Но гг. славянофилы поступили иначе. Какъ люди, не привыкшіе къ благосклоннымъ о себѣ отзывамъ со стороны не принадлежащихъ къ нимъ литературныхъ партій, они до того обрадовались отзыву г. Бѣлинскаго, что начали смотрѣть на всѣхъ своихъ противниковъ, какъ на разбитое въ прахъ войско, а на себя какъ на великихъ побѣдителей. Вотъ что̀ называется — не давши сраженія, торжествовать побѣду! Вмѣсто того, чтобы объяснить своё образъ мыслей, они съ ожесточеніемъ начали нападать на чужія мнѣнія.

Скажите, легко ли, послѣ этого, судить вѣрно о такомъ образѣ мыслей?

Давно уже замѣчена за гг. славянофилами замашка—основывать важность своего ученія на такихъ фактахъ, которые или вовсе не существуютъ, или доказываютъ совсѣмъ противное. Мы сейчасъ представимъ доказательство этого изъ статьи г. М.... З.. . К..., гдѣ между прочимъ выдается за несомнѣнную истину, будто бы «на краснорѣчивый голосъ Мицкевича взоры многихъ, въ томъ числѣ и Жоржъ-Санда, обратились къ славянскому міру, который понятъ

ими какъ міръ общины, и обратились не съ однимъ любопытствомъ, а съ какимъ то участіемъ и ожиданіемъ». Эта оригинальная выходка снабжена выноскою, въ которой говорится объ извѣстномъ сочиненіи Жоржа-Санда — «Жишка: или «Зишка». Все это, по мнѣнію критика «Москвитянина», значитъ ни больше, ни меньше, какъ то, что Европа ужасно какъ занята такъ-называемымъ славянскимъ вопросомъ; а по нашему мнѣнію, все это ровно ничего не значитъ. Если Сандъ избрала предметомъ своего сочиненія гусситскую войну, это могло произойдти безъ всякаго отношенія къ важности, или неважности славянскаго вопроса, а, напротивъ, именно оттого, что гусситская война—событіе чисто европейское, западное, католическое; славянскаго тутъ только національное происхожденіе дѣйствователей, да безплодный для нихъ исходъ героической, впрочемъ, борьбы. Когда дѣло реформы взяло на себя германское племя, реформа восторжествовала надъ католицизмомъ. Что̀ касается до Мицкевича, его дѣйствительно краснорѣчивый, хотя и сумазбродный голосъ, точно обратилъ къ себѣ на нѣкоторое время вниманіе Парижанъ, жадныхъ до новостей: но къ славянскому вопросу все-таки не возбудилъ никакого участія. Извѣстно, что французское правительство принуждено было запретить Мицкевичу публичныя чтенія, но не за ихъ направленіе, нисколько не опасное для него, а чтобы прекратить сцены, несогласныя съ общественнымъ приличіемъ. Надо сказать, что въ Парижѣ есть нѣкто г. Товьянскій, выдающій себя за пророка и чудотворца, который призванъ, когда настанетъ время, устроить къ лучшему дѣла сего міра. Мицкевичъ увѣровалъ въ этого шарлатана,—что̀ доказываетъ, что у него натура страстная и увлекающаяся, воображеніе пылкое и наклонное къ мистицизму, но голова слабая. Отсюда ученіе его носитъ названіе мессіанизма, или товьянизма, и ему слѣдуютъ нѣсколько десятковъ человѣкъ изъ Поляковъ. Когда, разъ на

лекціи, Мицкевичъ въ фанатическомъ вдохновеніи спрашивалъ своихъ слушателей, вѣрятъ ли они новому мессіи, какая-то восторженная женщина бросилась къ его ногамъ рыдая и восклицая: вѣрю, учитель! Вотъ случай, по которому прекращены лекціи Мицкевича, и о нихъ теперь во все забыли въ Парижѣ. Вообше въ Европѣ мало заботятся о чужихъ вопросахъ и чужихъ дѣлахъ, потому что у всѣхъ много своихъ и всѣ заняты ими. Это особенно относится къ Французамъ; для нихъ всѣ другія страны существуютъ только по отношенію къ Франціи. Можетъ-быть, поэтому въ ихъ журналахъ можно находить болѣе или менѣе вѣрныя извѣстія только объ Англіи, Испаніи и Италіи: онѣ къ нимъ ближе и больше связаны съ ними политически. Говорятъ въ Парижѣ и о Россіи, но отнюдь не потому, что это славянская земля, а потому, что это великое и могущественное государство, съ огромнымъ вліяніемъ въ сферѣ европейской политики.

И вотъ на какихъ фактахъ, славянофилы основываютъ важность своего ученія! Но вотъ еще примѣръ, какъ трудно, какъ невозможно понимать ихъ. Г. Кавелинъ сказалъ, что на новгородскомъ вѣчѣ «дѣла рѣшались не по большинству голосовъ, не единогласно, а какъ-то неопредѣленно, сообща». Эти слова объясняются цѣлымъ взглядомъ г. Кавелина на новгородскую общину, какъ чуждую всякаго прочнаго основанія и потому неспособную развиться ни въ какую государственную форму. Г. М.... З.... К.... возражаетъ на это, что въ Новгородѣ было двоевластіе, и что идеалъ новгородскаго быта можно опредѣлить, какъ согласіе князя съ вѣчемъ. Этимъ онъ хочетъ указать на особенности славянскаго общиннаго начала, составляющаго краеугольный камень славянофильства. Но изъ его словъ видно, что особеннаго и оригинальнаго въ этомъ бытѣ ничего не было, что онъ отзывается каррикатурою на нынѣшнія конституціонныя монархіи, основа которыхъ—двое

властіе, а идеалъ—согласіе короля съ палатою. Критикъ «Москвитянина» прибавляетъ, что рѣдкія минуты этого согласія князя съ вѣчемъ представляютъ апогей новгородскаго быта, но признается, что оно осуществлялось только иногда, и то не надолго. Что жь тутъ было особенно любовнаго, согласнаго, общиннаго, по любимому выраженію славянофиловъ? Въ возраженіе на слова господина Кавелина, критикъ «Москвитянина» замѣчаетъ, что «способъ рѣшенія по большинству запечатлѣваетъ распаденіе общества на большинство и меньшинство и разложеніе общиннаго начала; вѣче, выраженіе его (общиннаго начала), нужно именно для того, чтобы примирить противоположности, цѣль его — вынести и спасти единство; отъ этого вѣче обыкновенно оканчивается въ лѣтописяхъ формулою: «снидошася вси въ любовь»». Скажите, Бога ради, есть ли, можетъ ли быть въ какомъ бы то ни было совѣщательномъ правленіи другой способъ рѣшенія вопросовъ, кромѣ какъ по большинству голосовъ? Утверждать это, значитъ—смѣяться надъ здравымъ смысломъ. Что на новогородскомъ вѣчѣ случалось бывать единодушному рѣшенію вопросовъ, безъ всякаго противорѣчащаго меньшинства—это не диво; это случается, даже не рѣдко, и въ представительныхъ камерахъ конституціонныхъ государствъ нашего времени; тѣмъ чаще это могло случаться въ массѣ народа, вездѣ наклоннаго къ мгновенному единодушному увлеченію и порыву, какъ въ добрѣ, такъ и въ злѣ. Также часто могло случаться, что меньшинство являлось слишкомъ ничтожнымъ, чтобы спорить съ большинствомъ, и часто соглашалось съ нимъ не по убѣжденію, а изъ опасенія хлебнуть волховской водицы. Извѣстно, что въ случаѣ раздѣленія мнѣній на половины ровныя или почти ровныя, бывали драки и побоища, доставлявшія Волхову обильную добычу; которая сторона побѣждала, та и рѣшала вопросъ. И потому, его рѣшеніе все-таки всегда зависѣло отъ большинства, или

по крайней мѣрѣ отъ перевѣса физической силы. Но г. Кавелинъ былъ правъ, сказавши, что дѣла рѣшались на вѣчѣ не по большинству голосовъ: онъ хотѣлъ этимъ указать на отсутствіе балотировки, или другой какой-нибудь постоянной, неизмѣнной, кореннымъ закономъ опредѣленной формы для обнаруженія большинства, а потому и прибавилъ: «а както совершенно неопредѣленно, сообща», т.-е. безтолково и нелѣпо, какъ прилично общинѣ чисто патріархальной, совершенно чуждой юридическаго элемента. И такія общины были совсѣмъ не у однихъ славянскихъ племенъ, какъ увѣряютъ гг. славянофилы, а были и у всѣхъ племенъ и народовъ въ патріархальномъ состояніи, даже и у дикарей, да только нигдѣ онѣ не развились, во многихъ мѣстахъ не удержались. И у цельтическихъ племенъ были эти общины, ибо они управлялись собраніями народа и совѣтами старцевъ, жрецовъ и т. д.; но только германскіе народы развили общинное начало, потому что внесли въ него юридическое начало, какъ главное и преобладающее.

А между тѣмъ общинный бытъ славянскихъ племенъ — краеугольный камень славянофильства; по крайней мѣрѣ, онъ не сходитъ у нихъ съ языка, и ему назначили они свидѣтельствовать въ пользу любовности, какъ общественной стихіи, отличающей славянскія племена отъ всѣхъ другихъ. Но не значитъ ли это—основывать свое ученіе именно на тѣхъ фактахъ, которые особенно противорѣчатъ ему? Какъ же вы хотите, чтобы такое ученіе понимали, и чтобы, говоря о немъ, не впадали въ противорѣчія? И потому, г. Бѣлинскій охотно признаетъ, что онъ изложилъ основанія славянофильства невѣрно и противорѣчиво, и не будетъ защищаться отъ возраженій своего противника по этому вопросу, тѣмъ болѣе, что эти возраженія не подвинули его, г. Бѣлинскаго, ни на шагъ впередъ по части пониманія славянофильства, а напротивъ, повергли его еще въ бо̀льшее прежняго недоразумѣніе насчетъ этого таинственнаго

ученія. Онъ не станетъ спорить съ гг. славянофилами даже и въ такомъ случаѣ, если они скажутъ ему, что онъ ошибся и впалъ въ противорѣчіе, назвавши славянофильство заслуживающимъ вниманіе и имѣющимъ какой-нибудь смыслъ явленіемъ, но охотно согласится съ ними въ этомъ, по личной потребности внутренняго очищенія... Да и какъ спорить съ славянофилами о чемъ бы то ни было, возражать имъ противъ чего бы то ни было, или защищаться противъ нихъ въ чемъ бы то ни было, когда они, какъ кажется, окончательно порѣшили, что ихъ ученіе несомнѣннѣе самой несомнѣнной книги восточныхъ народовъ, что все несогласное съ нимъ есть оскорбленіе истины и нравственнаго чувства? Просимъ нашихъ читателей вспомнить, что̀ наговорилъ критикъ «Москвитянина» на натуральную школу; нашелъ ли онъ въ ней хоть что-нибудь хорошее, что̀ находятъ въ ней иногда, хотя и не искренно, а ради приличія, даже риторическіе враги ея? Еще разъ: какъ спорить съ людьми, которымъ, во что̀ бы ни стало, нужно оправдать свою систему, и которые по этому не уважаютъ даже фактовъ? Г. Бѣлинскій, напримѣръ, сказалъ: «Извѣстно, что въ глазахъ Карамзина Іоаннъ III былъ выше Петра Великаго, а до-Петровская Русь лучше Россіи новой: вотъ источникъ славянофильства». Говоря такъ онъ имѣлъ въ виду не одну исторію Карамзина, но и рукописный его обзоръ древней и новой исторіи Россіи, извѣстный многимъ. Критикъ «Москвитянина», выписывая, изъ VI тома исторіи Карамзина, параллель между Іоанномъ III и Петромъ Великимъ, самъ соглашается, что здѣсь дѣйствительно проглядываетъ предпочтеніе въ пользу Іоанна; а потомъ какъ-то выводитъ, что г. Бѣлинскій взвелъ на Карамзина небылицу.

Мы отвѣтили критику «Москвитянина» на всѣ три его обвинительные противъ «Современника» пункта. Читатели видѣли, какъ важны и дѣйствительны противорѣчія между статьею г. Никитенко и статьею г. Бѣлинскаго, равно какъ

и помѣщаемыми въ нашемъ журналѣ произведеніями натуральной школы. Что касается до втораго пункта, т. е. по односторонности и тѣсноты образа мыслей «Современника»,— ясно, какъ день, что онѣ заключаются въ нашемъ несогласіи съ основаніями славянофильства, въ томъ, что мы никакъ не можемъ принять за аксіому предположенія, будто европейскій бытъ ложенъ своимъ основаніемъ отрицанія крайностей,—что мы не можемъ отдѣлить Гоголя отъ натуральной школы иначе, какъ только на основаніи неоспоримаго превосходства его таланта, а отнюдь не на томъ, темномъ и непонятномъ для насъ основаніи, будто онъ сдѣлался живописцемъ пошлости по личному требованію внутренняго очищенія, — что мы не можемъ ненавидѣть и преслѣдовать натуральную школу, взводя на нее разныя небылицы, и обращая противъ нея то, что составляетъ ея существенное достоинство, т. е. симпатію къ человѣку во всякомъ состояніи и званіи, за то только, что она не поняла личной потребности внутренняго очищенія. Но фанатизмъ послѣдователей какого-нибудь ученья доказываетъ не его истинность, а только его односторонность, исключительность и часто совершенную ложность. А какъ судятъ гг. славянофилы объ изящныхъ произведеніяхъ, напримѣръ? Для нихъ тутъ все дѣло въ направленіи: согласно оно съ ихъ направленіемъ, такъ въ произведеніи есть талантъ; не согласно — оно чистѣйшая бездарность. Вотъ изъ тысячи примѣровъ одинъ. Г. Тургеневъ у «Москвитянина» и у «Московскаго Сборника» постоянно находился въ разрядѣ бездарныхъ писакъ, особенно за его стихотворный физіологическій очеркъ «Помѣщикъ». Но вотъ «Московскому Сборнику» показалось, почему-то, что въ своемъ разсказѣ «Охотника»: «Хорь и Калинычъ», г. Тургеневъ сошелся съ славянофилами въ понятіи о простомъ народѣ, — и за это г. Тургенева тотчасъ же и торжественно произвели Московскіе Сборщики изъ бездарностей въ таланты. «

разсказъ его названъ—шутка ли!—превосходнымъ. Да неужели же талантъ писателя прежде всего не въ его натурѣ, не въ его головѣ, а всегда только въ его направленіи? Неужели сочиненіе не можетъ въ одно и то же время отличаться и талантомъ и ложнымъ направленіемъ? Мы не думаемъ, чтобы гг. славянофилы не знали этого; но они съ умысломъ закрываютъ глаза на эту истину, съ умысломъ держатся этой (говоря словами г. М.... З.... К....) «клеветы на дѣйствительность, въ смыслѣ преувеличенія темныхъ ея сторонъ, допущенной для поощренія къ совершенствованію» т. е. къ переходу въ славянофильство; но (скажемъ опять словами того же г. М.... З.... К....) «никто не въ правѣ заподозрѣвать намѣренія: мы вѣримъ, что оно чисто и благородно, но средство не годится, и путь слишкомъ хитеръ», т. е. слишкомъ отзывается дѣтствомъ. Но, по крайней мѣрѣ, «Московскій Сборникъ» обнаружилъ похвальную готовность похвалить хорошее въ писателѣ противной стороны, хотя и по своему объяснилъ это внезапное и неожиданное имъ явленіе хорошаго у писателя, который, по его мнѣнію, до тѣхъ поръ писалъ только дурное. Вотъ его собственныя слова по этому предмету: «Вотъ что̀ значитъ прикоснуться къ землѣ и къ народу: вмигъ дается сила! Пока г. Тургеневъ толковалъ о своихъ скучныхъ любвяхъ, да разныхъ апатіяхъ о своемъ эгоизмѣ, все выходило вяло и безталанно: но онъ прикоснулся къ народу, прикоснулся къ нему съ участіемъ и сочувствіемъ, и посмотрите, какъ хорошъ его разсказъ! Талантъ, таившійся въ сочинителѣ (а!), скрывавшійся во все время, пока онъ силился увѣрить другихъ и себя въ отвлеченныхъ и потому небывалыхъ состояніяхъ души, этотъ талантъ вмигъ обнаружился, и какъ сильно и прекрасно, когда онъ заговорилъ о другомъ. Всѣ отдадутъ ему справедливость: по крайней мѣрѣ, мы спѣшимъ сдѣлать это. Дай Богъ г. Тургеневу продолжать по этой дорогѣ!» Почему же г. М.... З.... К....

не замѣтилъ этого: вѣдь разсказъ «Хорь и Калиничъ» напечатанъ въ первой же книжкѣ «Современника», въ которой напечатаны и разбираемыя имъ статьи? Ясно, что, или онъ боялся это сдѣлать, чтобы его нападки на натуральную школу, въ его же собственныхъ глазахъ, не обратились въ совершенную ложь, или что два славянофила не могутъ говорить объ одномъ и томъ же предметѣ, не противорѣча другъ другу.

Какъ же, послѣ этого, требовать отъ другихъ, чтобы они вѣрно судили о такомъ ученіи, въ которомъ еще не успѣли согласиться сами его послѣдователи? Вотъ когда они сами вникнутъ хорошо и основательно въ то, что выдаютъ за начало всякой премудрости, да ясно и опредѣленно изложатъ свое ученіе,—тогда ихъ будутъ слушать, не станутъ приписывать имъ того, чего они не говорили, и, можетъ-быть, не соглашаясь съ ними вполнѣ, охотно отдадутъ справедливость тому, что есть хорошаго и справедливаго въ ихъ образѣ мыслей. Но для этого имъ нужно больше говорить о себѣ, чѣмъ о другихъ, больше доказывать свои положенія, чѣмъ опровергать чужія, потомъ, выражаться насчетъ своихъ противниковъ повѣжливѣе, съ бо́льшимъ достоинствомъ, и вообще не ограничиваться одними общими отвлеченными разсужденіями о любви и смиреніи, но проявлять ихъ въ дѣйствіи. Любовь и смиреніе, безспорно, прекрасныя добродѣтели на дѣлѣ; но на словахъ онѣ стоютъ не больше всякой другой болтовни.

ВЕКФИЛЬДСКІЙ СВЯЩЕННИКЪ. *Романъ, сочиненный Оливьеромъ Гольдсмитомъ. Перевелъ съ англійскаго Алексѣй Огинскій, съ присовокупленіемъ свѣдѣній о жизни и твореніяхъ автора, заимствованныхъ Вальтеръ-Скоттомъ изъ сочиненій Пріора. Спб. 1847.*

Я ужь давно не вѣрю въ раздѣленіе поэтическихъ произведеній на субъективныя и объективныя; а прочитавъ

новый переводъ Векфильдскаго, или, какъ называли его прежде, Вакефильдскаго священника, убѣдился совершенно въ основательности моего невѣрія. Всѣ произведенія поэзіи, больше или меньше, субъективны, т. е. всѣ они высказываютъ внутренній міръ автора, который напрасно бы старался утаить свои задушевныя мысли и чувства. Чисто объективнаго поэтическаго представленія жизни — такого, гдѣ бы поэтъ не подавалъ собственнаго голоса въ дѣлахъ людей, гдѣ бы умирали *его* мнѣнія, гдѣ бы уничтожались *его* ощущенія—не было, нѣтъ и не будетъ. Внимательный читатель узнаетъ творца при всей видимой его скрытности, кажущемся притворствѣ; онъ можетъ не только отгадать нѣкоторыя черты характера поэта по нѣкоторымъ мѣстамъ сочиненія, но и создать, по этимъ чертамъ, ясное, цѣльное представленіе всего характера. Такъ Гервинусъ, анализируя творенія Шекспира, выводитъ изъ анализа очень любопытныя замѣтки о событіяхъ въ его жизни, которую мы такъ мало знаемъ: глубокомысленный критикъ становится въ то же время и вѣрнымъ біографомъ. Поэты, повидимому, безстрастные въ изображеніи страстей, или, что одно и то же, не увлекаемые ни одною исключительною страстію, принадлежали, какъ теперь извѣстно и какъ можно видѣть изъ ихъ поэтическихъ произведеній, къ людямъ исключительнаго направленія, къ поборникамъ извѣстной партіи. Политическія мнѣнія Шекспира, творца по преимуществу, высказываются въ Коріоланѣ; романы Вальтеръ-Скотта обличаютъ аристократа, тори; романы Купера— Американца, но Американца — консерватора. И потому названія объективный и субъективный поэтъ, какъ раздѣляющія одно и то же творчество на двѣ рѣзкія, не существующія половины, должны быть изгнаны изъ теоріи. Если жь и позволится сохранить ихъ, то единственно для означенія различныхъ степеней поэтическаго представленія, изъ которыхъ на одной мы легко знакомимся съ личностью

автора, а на другой это знакомство пріобрѣтается долговременнымъ вниманіемъ, но отнюдь не для показанія различной, даже противоположной сущности какихъ-то двухъ родовъ поэзіи. Вѣдь и въ жизненномъ знакомствѣ то же самое, что́ въ знакомствѣ книжномъ: одного ближняго узнаешь, какъ только онъ раскрылъ ротъ; съ другимъ надобно съѣсть три пуда соли. Изъ этого не слѣдуетъ однакожь, чтобы послѣдній не выразилъ себя такъ или иначе, рано или поздно, дѣломъ или словомъ.

Вслѣдствіе этого, біографія автора становится особенно важною: ибо созданіе поэтическаго вымысла отражаетъ въ себѣ и поэта, ибо существуетъ тѣсная, необходимая связь между тѣмъ, что̀ произвелъ онъ въ минуты вдохновенія. и тѣмъ, что̀ онъ былъ самъ, всегда и вездѣ. Личность творца или его постоянныя свойства и временное расположеніе души его легли неизбѣжно не только въ основѣ цѣлаго, но и въ каждомъ дѣйствующемъ лицѣ, въ каждой части дѣйствія. Свѣдѣнія о жизни Гольдсмита, заимствованныя Вальтеръ-Скоттомъ изъ сочиненій Пріора и приложенныя къ русскому и французскому переводамъ Векфильдскаго священника, даютъ намъ возможность опредѣлить характеръ автора.

Отецъ Гольдсмита, въ числѣ многихъ даровъ природы, получилъ странную, баснословную нынѣ способность—презирать вполнѣ земныя блага. Изучивъ многіе предметы, преимущественно фантастическіе, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о предметахъ дѣйствительныхъ, о дѣлахъ сего, т. е. грѣшнаго міра. Смотря все вверхъ, онъ никогда не смотрѣлъ себѣ подъ ноги; удивительная безпечность, крайняя непредусмотрительность равнялись простотѣ его нравовъ. Можно было извинить первыя по той же самой причинѣ, по которой можно было не уважать послѣднюю, именно по тому, что его достоинства и недостатки были врожденные: разумъ и воля умывали здѣсь свои руки.

Онъ не пріобрѣлъ однихъ и не старался уничтожить другіе, какъ честный воинъ. Онъ шелъ, руководимый слѣпымъ инстинктомъ, безъ труда и слѣдовательно безъ заслуги. Герой пассивной добродѣтели, если только могутъ быть пассивные герои, онъ всю жизнь сохранилъ вѣру въ добро, переходящую въ суевѣріе. Безсознательный оптимизмъ управлялъ его чувствами и мыслями; но этотъ оптимизмъ не выросъ на почвѣ мышленія, а дался ему отъ природы, не стоилъ ему ни гроша. Я знаю, какъ бы назвали теперь подобнаго философа, презирающаго земныя блага: но не знаю навѣрное, какъ называли его люди тогдашняго вѣка. Впрочемъ, современники Гольдсмитова отца отзывались о немъ очень положительно: «Гольдсмиты — странные люди. У нихъ все по своему: они глотаютъ первый кусокъ, никогда не заботясь о слѣдующемъ». Причина такой беззаботности объяснена также благоразумно. «Это происходитъ оттого, говорили, что сердце у нихъ устроено хорошо, но голова не на своемъ мѣстѣ». А вотъ любопытный отзывъ о немъ самого сына, автора Векфильдскаго священника: «Отецъ мой считалъ деньги презрѣннымъ прахомъ. Онъ пріучилъ насъ сочувствовать бѣдствіямъ ближнихъ, какъ истиннымъ, такъ и ложнымъ, но не далъ средствъ сопротивляться бѣдствію. Мы были чрезвычайно искусны въ искреннемъ желаніи давать другимъ милліоны и не имѣли способности зарабатывать копѣйку».

Такое воспитаніе, отрывая человѣка отъ дѣйствительныхъ интересовъ жизни, уноситъ его въ холодную даль фантастическаго міросозерцанія. Оно убиваетъ энергію дѣйствія, чтобы дать раздолье теплымъ ощущеніямъ, которыми ничего не сдѣлаешь для пользы общества, а развѣ только будешь забавляться ими для собственной пріятности и развлеченія. Оно наконецъ не спасаетъ и самого воспитанника при встрѣчѣ его съ дѣйствительною жизнію, когда нужна борьба съ врагомъ, а не спокойное созерцаніе враж-

дебныхъ предметовъ, когда необходима сила, а не умилительныя чувства. Гольдсмитъ испытывалъ всю жизнь неловкое положеніе отъ батюшкина оптимизма: непредусмотрительность и слѣпое довѣріе къ той истинѣ, что все идетъ къ лучшему, давали ему порядочные щелчки. Но такъ какъ онъ отъ той же предусмотрительной природы, въ рукахъ которой ядъ и противоядіе, получилъ огромную долю терпѣнія, этой знаменитой добродѣтели ословъ. и равнодушія, этого стоическаго достоинства хладнокровныхъ животныхъ, то удары судьбы отражались отъ его души подобно тому, какъ стрѣлы отражаются отъ толстой шкуры бегемота. Несмотря на уроки дѣйствительныхъ непріятностей, Гольдсмитъ стремился больше къ мечтамъ. нежели къ существенности. Онъ кормилъ себя баснями и думалъ, что тотъ же кормъ пригоденъ всѣмъ птицамъ безъ разбора. Онъ не жаловался на удары судьбы или общества и вообразилъ, что лучшее, единственное средство быть счастливымъ—не жаловаться на несчастіе. Умирая, отецъ оставилъ ему, вмѣсто всякаго движимаго и недвижимаго имущества, свое родительское благословеніе — наслѣдство прекрасное, единственно нужное тѣмъ, кто презираетъ земныя блага. Но не хорошо здѣсь лишь то обстоятельство. что наслѣдникъ, какъ бы ни думалъ онъ о счастіи, впадаетъ непремѣнно въ противорѣчіе между своими понятіями, которыя можно оставить, и естественными побужденіями, отъ которыхъ невозможно отвязаться. Гольдсмитъ высоко уважалъ благословеніе, однакожь чувствовалъ, что на него не покупаются дрянныя блага земли, необходимыя живущему. Притомъ же природа не дала ему «дурной способности» (его собственное выраженіе) заботиться о себѣ самомъ, находить покровительство въ своихъ силахъ устроивать твердымъ трудомъ свою жизнь. Беззаботный. не привыкшій къ порядку, даже находящій удовольствіе въ безпорядкѣ, онъ долгое время велъ скитальческую жизнь

пробовалъ счастія въ карточной игрѣ—вѣроятно съ цѣлію выиграть, но случилось такъ, что онъ проигралъ и послѣднее. И между тѣмъ тотъ же самый человѣкъ писалъ къ своему другу слѣдующее: «Я не завидую тебѣ въ твоихъ благахъ. Спокойный въ уголку моемъ, смѣюсь надъ свѣтомъ и надъ собою, самымъ смѣшнымъ предметомъ въ свѣтѣ». Не знаю, какого качества эта врожденная доброта, при которой добрякъ не отказывается обыгрывать ближнихъ, и не понимаю, въ чемъ достоинство такъ-называемаго спокойствія, которое не видитъ безпокойствія другихъ, а само есть подарокъ вялой природы, инстинктуальная способность неподвижныхъ натуръ. Странствовать по свѣту съ одной сорочкой на тѣлѣ и съ неограниченнымъ довѣріемъ къ судьбѣ, когда все оканчивается лишь этимъ довѣріемъ и когда нѣтъ другихъ побужденій къ странствію, кромѣ желанія ходить или нежеланія заняться дѣломъ — неужели значитъ жить? Гольдсмитъ принадлежалъ именно къ подобнымъ людямъ. Вальтеръ-Скоттъ справедливо называетъ его «цивилизованнымъ цыганомъ». Въ составленіи книгъ, какъ и въ практикѣ жизни, онъ увлекался своею безпечностію, не давалъ себѣ труда проводить по сочиненію одну опредѣленную мысль. Виги упрекали его за исторію Англіи, въ которой онъ служилъ не пользамъ народа. «У меня вовсе не было этого въ виду, отвѣчалъ онъ; единственная цѣль моя состояла въ томъ, чтобы написать книгу извѣстнаго объема, которая не сдѣлала бъ никому зла, если не могла сдѣлать никакой пользы». Необходимость доставать хлѣбъ управляла перомъ его, замѣняя ему авторское честолюбіе. Сверхъ того, онъ былъ неразборчивъ въ выборѣ предметовъ и писалъ часто не взвѣшивая своихъ силъ и не имѣя достаточныхъ свѣдѣній. Отъ исторіи греческой переходилъ онъ съ равною легкостью къ исторіи натуральной. Изучалъ ли ты птицъ? спросили его друзья, когда онъ принялся за изложеніе орнитологіи.

Ни сколько, отвѣчалъ онъ пренаивно: я съ трудомъ различаю гуся отъ лебедя. Джонсонъ отнесся такъ о предпринятомъ сочиненіи: «Натуральная исторія Гольдсмита будетъ такъ же истинна и такъ же занимательна, какъ арабская сказка». Сколько здѣсь врожденной доброты и душевнаго спокойствія, предоставляемъ рѣшить людямъ отъ природы добрымъ и спокойнымъ; но что это безчестно — видитъ каждый изъ насъ.

По такимъ даннымъ характера, не трудно составить понятіе о значеніи и тонѣ «Векфильдскаго Священника», сочиненія, написаннаго съ натуры, котораго каждая подробность, съ любовію изображенная, напоминала автору радости его дѣтства, событія у домашняго очага. Примрозъ, векфильдскій священникъ, есть портретъ Гольдсмитова отца: та же врожденная довѣрчивость къ судьбѣ, позволяющая дѣлать все, что угодно и принимающая флегматическое состояніе духа за спокойствіе чистой совѣсти, за подвигъ добродѣтели: то же презрѣніе къ прямымъ обязанностямъ человѣка и занятіе фантастическими сюжетами. Джоржъ, старшій сынъ священника, очень плохъ, какъ герой романа; но иначе и быть не могло, потому что онъ вѣрная копія самого Гольдсмита, плохаго героя жизни. Авторъ былъ воленъ въ выборѣ сюжета и дѣйствующихъ лицъ, и еслибъ онъ ограничился только воспроизведеніемъ своего семейственнаго быта, картинами случаевъ, совершившихся въ кругу родномъ, какъ въ любезномъ намъ муравейникѣ, портретами лицъ знакомыхъ, друзей или связанныхъ съ нимъ узами крови, то конечно никто бы не имѣлъ права осудить его ни за тѣсную рамку созданія, ни за любовь, съ которой онъ надъ нимъ трудился. Но, къ сожаленію, Гольдсмитъ неограничился этимъ. Онъ простеръ дальше свои виды —и впалъ въ большія ошибки. Онъ захотѣлъ въ своей жизни видѣть законы жизни для всѣхъ; онъ чувства, или, вѣрнѣе, малочувствіе хладнокровнаго сердца принялъ за

нормальное состоянiе каждаго сердца; онъ свое слѣпое довѣрiе къ судьбѣ вмѣнилъ въ неизмѣнную обязанность каждому страдальцу, который не слѣпъ и не суевѣренъ. Дѣло въ томъ, что Гольдсмитъ никогда не былъ вполнѣ несчастливъ: въ этомъ случаѣ легко проповѣдывать покорность несчастiю. Во вторыхъ, дѣло въ томъ, что не всякаго природа построила одинакимъ образомъ: если одному, на ряду съ врожденною безпечностью, дала она врожденную же способность переносить безъ ропота плоды собственныхъ промаховъ, то другаго наградила она мудрою заботливостiю и вмѣстѣ тонкою чувствительностiю. Видѣть естественное въ своемъ только—значитъ не допускать разнообразiя природы и обнаруживать явную тупость воззрѣнiй. Хорошо еще, когда бы нравственныя предписанiя романа вытекали изъ устъ человѣка мужественнаго, занятаго дѣйствительнымъ счастiемъ и дѣйствительными бѣдствiями мiра; но въ Векфильдскомъ священникѣ говоритъ ихъ человѣкъ безпечный тугой на подъемъ мысли и еще болѣе тугой на движенiе воли, равно способный къ добру и злу, скиталецъ по инстинкту и выбору. Какiя истины откроетъ намъ подобный ораторъ? Нѣтъ, онъ скроетъ отъ насъ истину, потому что самъ ищетъ ее Богъ знаетъ гдѣ, и будетъ возглашать ложь, вполнѣ убѣжденный въ справедливости своихъ мнѣнiй, ибо, повторимъ, у него сердце можетъ быть и доброе, но голова не на своемъ мѣстѣ. Люди, воспитанные въ школѣ векфильдскаго священника, принадлежатъ или къ ничтожнымъ существамъ, или къ существамъ вреднымъ своимъ ученiемъ, отчужденнымъ отъ всего здороваго и дѣйствительнаго. Изчислимъ главнѣйшiя ихъ свойства: лѣность и безпечность при всякомъ дѣйствительномъ трудѣ; погруженiе мысли въ фантастическiя занятiя, крайне благопрiятныя лѣнивой натурѣ; удивительное равнодушiе ко всякому порядку общественному—благому и тягостному; довольство собственной особой, вложенное отъ природы, а не купленное заслуга-

ми, не вытекающее изъ благороднаго сознанія достоинствъ; оптимистическое воззрѣніе на міръ, которое крайне покровительствуетъ апатіи, производитъ застой и противодѣйствуетъ каждому успѣху; пассивная жизнь или прозябаніе, довѣренность къ слѣпой судьбѣ и недовѣренность къ разумному движенію человѣчества, неумѣнье смотрѣть на предметы прямо, выводить изъ нихъ необходимыя слѣдствія, анализировать ихъ истинныя основанія, и проч., и проч., и проч. Многія изъ этихъ свойствъ обнаруживаются почти въ каждой главѣ Гольдсмитова творенія. Возьмемъ хоть главу XIV. Сынъ векфильдскаго священника невыгодно продалъ лошадь. Отецъ его, увѣренный въ своей практической мудрости, какъ и всѣ люди, которые никогда не имѣли прямыхъ сношеній съ жизнью, рѣшился продать другую лошадь самъ. На торгу оказалось, что конь ученаго священника былъ слѣпой, хромой, съ одышкой. Этихъ трехъ капитальныхъ недостатковъ единственной своей животины владѣлецъ не замѣтилъ дома и разглядѣлъ ихъ только тогда, когда наткнули его на то добрые люди. Покупщикъ обманулъ его—и какое жь нравственное слѣдствіе вывелъ изъ обмана почтенный священникъ? Что надобно вникать въ дѣла, знакомиться съ окружающими насъ предметами, смотрѣть на вещи прямо? Нѣтъ, совсѣмъ другое: что человѣкъ не долженъ гордиться, и что главная его добродѣтель—смиреніе. Выводъ оригинальный, оттого, что герой не занимался жизнію. Чѣмъ же онъ занимался? Догматическими спорами или, какъ прооригинально выражается новый переводъ, «словопреніями» о различныхъ предметахъ, преимущественно о томъ, что неприлично людямъ извѣстнаго сословія вступать во второй бракъ. Векфильдскій священникъ, какъ видно отсюда, былъ строгій защитникъ моногаміи. Отсюда же видно, что фантастическое, отвлеченное, выдуманное, заслоняетъ у этихъ людей все дѣйствительное, истинное, естественное и здоровое.

Вотъ въ чемъ, по нашему мнѣнію, капитальный недостатокъ, главнѣйшая ошибка знаменитаго творенія: оно не просто поэтическое произведеніе, но произведеніе, съ дидактическимъ направленіемъ, съ моральными стремленіями: въ немъ общее построено на индивидуальномъ и, вдобавокъ, ложномъ воззрѣніи; герой его, при всемъ видимомъ смиреніи, должно быть, отличался особеннымъ, неизмѣримымъ самолюбіемъ, когда себя, отрѣшенную отъ дѣйствительнаго міра единицу, хотѣлъ навязать въ наставники всему человѣчеству, желающему блаженствовать на самомъ дѣлѣ, а не въ теоріи оптимизма, желающему не страдать также на самомъ дѣлѣ, а не въ системѣ слѣпаго довѣрія. Поэтому нельзя не улыбнуться, читая предувѣдомленіе сочинителя: «Герой романа представленъ готовымъ повиноваться и поучать, простымъ въ изобиліи, достойнымъ въ бѣдствіи». Но эта простота, это достоинство, какъ мы видѣли, проистекаютъ не изъ сознанія заслугъ и не приносятъ человѣку ничего, существенно ему нужнаго. «Въ настоящемъ вѣкѣ богатства и роскоши кому будетъ нравиться человѣкъ съ такими свойствами? Любящіе жить въ большомъ свѣтѣ, съ негодованіемъ станутъ отвращаться отъ его скромнаго деревенскаго камина; почитающіе непристойныя рѣчи остроуміемъ, не найдутъ въ невинной его бесѣдѣ ничего замысловатаго, а презирающіе религію будутъ смѣяться надъ тѣмъ, кто утѣшенія въ сей жизни всего болѣе почерпалъ изъ науки о жизни будущей». Мы ничего не скажемъ о третьемъ пунктѣ, но замѣтимъ относительно двухъ первыхъ, что крайности сходятся: есть простота равнозначительная пустотѣ, и слѣдовательно еще худшая безумной роскоши, которая тоже пуста; скромный каминъ, который выѣдаетъ глаза дымомъ, не доставляя пріятной теплоты, такъ же дуренъ, какъ и каминъ нескромный, обдающій всѣхъ излишнимъ жаромъ; а догматическія словопренія, имѣющія дѣло съ чуждыми для человѣка интересами, съ

фантастическими предметами, нисколько не лучше непристойныхъ рѣчей, ибо и то и другое равно непристойно.

Для чего новый переводъ Гольдсмитова романа нуженъ людямъ нашего времени, — это, безъ сомнѣнія, знаетъ только переводчикъ. Онъ (то есть романъ, а не переводчикъ) вовсе не къ лицу современнымъ стремленіямъ, положительному направленію вѣка, дѣйствительнымъ его занятіямъ дѣйствительностью. Теперь предстоитъ надобность въ человѣкѣ трезвомъ, бодромъ, дѣятельномъ, который бы смотрѣлъ на вещи прямо, и любилъ бы землю, жилище наше и нашихъ потомковъ на долгое время. Теперь мы убѣдились, что лицемѣрить и нелицемѣрно любить ложь равно вредно, что умышленно противоборствовать истинѣ и неумышленно преслѣдовать ее есть одинаковое зло. Трудно даже рѣшить, отчего больше проигрываетъ общество: отъ злобы ли злыхъ людей, или отъ равнодушія, тупости, неповоротливости, односторонности, кривосмотрѣнія людей, по природѣ добрыхъ, которые ни рыба, ни мясо. Для чего же, повторяемъ, нуженъ былъ новый переводъ творенія, явившагося въ XVIII вѣкѣ? Ужели переводчикъ хотѣлъ поставить идеалъ Гольдсмитова человѣка въ образецъ нашему человѣчеству? Да сохранитъ его Богъ отъ такого идеала, а если онъ уже выбралъ его правиломъ своей жизни, то да проститъ ему Богъ его прегрѣшеніе: не вѣдаетъ бо что̀ творитъ.

Или, быть можетъ, не думая нисколько о приложеніи прошедшаго къ современному, переводчикъ имѣлъ въ виду только показать, какъ мыслили и дѣйствовали нѣкоторые люди XVIII вѣка, какъ, пожалуй, мыслятъ и дѣйствуютъ многіе сюжеты XIX столѣтія, какъ мыслилъ и дѣйствовалъ всю жизнь Векфильдскій священникъ съ чадами и домочадцами? Въ такомъ случаѣ можно еще оправдать появленіе новаго перевода: это будетъ поэтической картиной прошедшаго времени, воспроизведеніемъ отжившихъ идеа-

ловъ блаженства. Читатель полюбуется имъ, какъ художникъ, который смотритъ съ удовольствіемъ на все сотворенное, умѣя находить въ каждой твари свою долю прекраснаго, или какъ философъ, который понимаетъ значеніе всего бывшаго и указываетъ ему свое историческое мѣсто, какъ натуралистъ указываетъ мѣсто даже допотопнымъ животнымъ. Но въ такомъ случаѣ — извините — мы уже потребуемъ отъ васъ больше, нежели при какой-нибудь другой цѣли, перевода вѣрнаго, изящнаго. А вашъ переводъ — мы не знаемъ, какъ вѣжливѣе о немъ отозваться — обнаруживаетъ явное невѣдѣніе ни того языка, съ котораго вы переводили, ни того, на который переводили: онъ просто — безграмотенъ. Всего забавнѣе, что переводчикъ напечаталъ отъ себя предисловіе, въ которомъ преважно разсуждаетъ о важности переводовъ, утверждая, что «переводы знаменитыхъ твореній, въ извѣстный часъ обновляясь, какъ бы возникаютъ изъ пепла, подобно баснословному фениксу», и что «это возникновеніе или возрожденіе производитъ критика, это чистилище разнообразныхъ переводовъ, этотъ строгій, хотя не всегда вѣрный блюститель вкуса и чистоты, этотъ огонь, пожирающій злое и лукавое». «Надлежитъ притомъ думать (замѣчаетъ наивно переводчикъ), что занимающійся переводомъ, сверхъ критики, долженъ слѣдовать извѣстнымъ правиламъ; они бываютъ общія и частныя, они многочисленны»... Да, не мѣшаетъ объ этомъ думать! И всѣ эти высокопарныя разсужденія, всѣ эти тропы и фигуры явились или возродились по случаю новаго перевода «Векфильдскаго священника», перевода крайне плохаго, ужаснаго своей безграмотностью! Вотъ, что̀ говорится, много шуму изъ пустяковъ!

Г. Огинскій покушается (хотя довольно скромно) противопоставить свой трудъ старому переводу г. Страхова. Но какое жь тутъ можетъ быть сравненіе? переводъ Стра-

хова для своего времени былъ очень хорошъ, а вашъ переводъ для своего времени чрезвычайно не хорошъ.

Сверхъ того, несмотря на заглавіе книги, утверждающее, что переводъ сдѣланъ съ англійскаго, мы имѣемъ много основательныхъ причинъ думать, что онъ «возрожденъ» съ французскаго. Во первыхъ, примѣчанія, помѣщенныя г. Огинскимъ внизу страницъ, тѣ же самыя, что находятся во французскомъ переводѣ «Векфильдскаго священника»; только переводчица, Луиза Беллокъ (Belloc) отнесла ихъ на конецъ книги. Во вторыхъ, самъ г. Огинскій говоритъ о переводчикахъ французскихъ, Нодье и г-жѣ Беллокъ. Въ третьихъ (и это самое важное), постройка русскихъ фразъ такъ и указываетъ на грубые галлицизмы. Впрочемъ, основательныя подозрѣнія наши нисколько не измѣняютъ сущности дѣла, и переводчику обижаться ими нечего. Вѣдь это только значитъ, что г. Огинскій знаетъ французскій языкъ такъ же плохо, какъ англійскій и русскій. Другаго заключенія здѣсь невозможно вывести.

Представимъ нѣсколько выписокъ, довольно любопытныхъ, изъ удивительнаго, въ 1847 году, перевода. Каждая страница «возродитъ» предъ нами неистощимый матеріялъ удивленія:

«Никогда я не оспаривалъ твоего искусства въ приготовленіи пирога съ *гусятиной*, *и* (а) мнѣ предоставь, прошу тебя, доводы *въ словопреніи*». —

Надобно замѣтить, г. Огинскій слово «controverse» переводитъ «словопреніемъ», а французскій союзъ *et* непремѣнно союзомъ *и*.

«Я такъ убѣжденъ былъ въ ея честолюбіи, что вовсе не безпокоилъ меня человѣкъ, *пришедшій въ раззореніе по имѣнію* (*un homme ruiné*).

«Какое словопреніе читала дочь наша?» — «Я теперь читаю разсужденіе *о любовной религіи* (т. е. *sur la religion de l'amour*).

«Англійская поэзія теперь не что иное, какъ наборъ *роскошныхъ*

видовъ, не имѣющихъ между собою никакой связи—скопленіе прилагательныхъ, которыя, возвышая звуки, не утверждаютъ смысла».

«У насъ есть двѣ лошади для плуга, *жеребенокъ, который служитъ намъ десятый годъ* (т. е. *la jument*).

«На этотъ разъ мы *преклонились* быть счастливыми».

«Дамы поддерживали между собою разговоръ *одна другой*».

Зловредная мысль была очевидна, и мы далѣе *не простирались* (т. е. не распространялись объ этомъ)

Довольно, даже слишкомъ. Не пускаясь «въ словопренія», смиримся и утѣшимся, по методѣ Векфильдскаго священника и каплана. Во-первыхъ, смиримся: ибо если errare humanum est, то и ошибаться безчеловѣчно тоже въ природѣ людей вообще и переводчиковъ въ особенности. Во вторыхъ, утѣшимся: ибо, не найдя въ предметѣ того, чего искать въ немъ должно, мы нашли въ немъ другое—предметъ для забавы и удивленія.

СОЧИНЕНІЯ ФОНЪ-ВИЗИНА. *Изданіе второе Александра Смирдина. Спб. 1847.*

Конечно, ни одинъ изъ русскихъ писателей, старыхъ и новыхъ, не можетъ равняться съ Крыловымъ въ числѣ изданій своихъ сочиненій. Но, кажется, изъ старыхъ писателей Фонъ-Визинъ, въ этомъ отношеніи, ближе всѣхъ другихъ къ Крылову. Трудно было бы исчислить всѣ изданія его сочиненій (особенно отдѣльными піесами) до Салаевскаго изданія. Въ 1830 году, московскій книгопродавецъ г. Салаевъ издалъ въ Москвѣ, въ четырехъ томахъ, полное собраніе сочиненій Фонъ-Визина, съ пополненіями и поправками автора, которыя были доставлены издателю родственниками и наслѣдниками творца «Недоросля». Годомъ раньше, въ 1829, сочиненія Фонъ-Визина были изданы московскимъ книгопродавцемъ г. Ширяевымъ, въ двухъ частяхъ. Вслѣдъ за изданіемъ г. Салаева, вышло въ Мо-

свѣ же «Собраніе оригинальныхъ драматическихъ сочиненій и переводовъ Д. И. Фонъ-Визина», въ трехъ частяхъ (изданіе невѣрное и неполное). Несмотря на всѣ эти изданія, въ 1838 году, московскій книгопродавецъ, г. Глазуновъ (Улитинъ) вновь издалъ (по Салаевскому изданію) полное собраніе сочиненій Фонъ-Визина, въ одной книгѣ. сжатою печатью, въ два столбца. Въ концѣ прошлаго года, г. Смирдинъ выпустилъ въ свѣтъ полное собраніе сочиненій Фонъ-Визина, въ которое, кромѣ всего, заключающагося въ изданіяхъ гг. Салаева и Глазунова, вошла еще комедія (неоконченная) Фонъ-Визина «Коріонъ», найденная въ бумагахъ Озерова. И вотъ ровно черезъ годъ г. Смирдинъ опять издаетъ сочиненія Фонъ-Визина. И мы, не боясь попасть въ ложные пророки, скажемъ, что едва ли не каждый годъ придется г. Смирдину издавать сочиненія этого даровитаго и умнаго писателя екатерининскаго вѣка....

Это новое изданіе такъ же хорошо; какъ и прошлогоднее. Одно только можемъ мы замѣтить противъ него: это выборъ курсива до того кудряваго, вычурнаго, съ какими-то завитками и заверткамн, что онъ столько же тяжелъ глазамъ, сколько и противенъ здравому вкусу. Это образецъ типографскаго безвкусія! Надо сознаться, что въ типографскомъ дѣлѣ у насъ на Руси, до сихъ поръ мало замѣтно вкусу. Напримѣръ, кромѣ того, что буква *ѣ* по самому начертанію своему довольно безобразна, ее умѣли довести разными улучшеніями до нестерпимаго уродства и такимъ образомъ заставили ее еще больше портить русскій шрифтъ, вообще некрасивый по его прямоугольному, квадратно-образному начертанію. Сперва выдумали изъ верхней оконечной черты буквы *ѣ* вынимать трехъ-угольникъ и такимъ образомъ сдѣлали ее съ двумя острыми клинообразными рогами. Потомъ начали отливать ее въ уровень съ тѣми буквами, которыя не выходятъ изъ строки. Къ чему

это? Буквы: *б*, *у*, *ф*, *ѣ*, по ихъ начертанію, противны въ уменьшонномъ видѣ; ихъ необходимо продолжать за строку. Къ числу такихъ буквъ не мѣшало бы присовокупить и *в*, *з*, *к*. Это принято для нѣкоторыхъ буквъ во всѣхъ европейскихъ шрифтахъ, а именно: b, d, f, g, h, k, l, p, q, t. Сравняйте эти буквы съ другими—и шрифтъ сдѣлается безобразнымъ. А нашъ шрифтъ—повторяемъ — и безъ того куда не красивъ отсуствіемъ въ немъ кривыхъ линій и замѣненіемъ ихъ прямыми углами. Почему бы намъ, напримѣръ, не печатать нашего п (покоя) точно такъ, какъ печатается латинскій n, а м (мыслете), какъ латинское m, благо теперь трехъ-ногое твердо m замѣнено т. Словомъ, почему бы всѣ буквы наши, сходныя начертаніемъ съ латинскими, не печатать на латинскій манеръ? Право, отъ этого печать наша много выиграла бы, да и ошибокъ типографскихъ стало бы являться меньше. Вѣдь въ скорописи шрифтъ нашъ давно уже принялъ характеръ чисто латинскій? Тамъ даже наше русское безобразное д давно уже замѣнено латинскимъ *d*.

ГЛАВНЫЯ ЧЕРТЫ ДРЕВНЕЙ ФИНСКОЙ ЭПОПЕИ КАЛЕВАЛЫ. *Морица Эмана. Гельсингфорсъ. 1847.*

Это не сама поэма, а только изложеніе ея содержанія. Изъ этого должно заключить, что Калевала есть твореніе великое, потому что въ противномъ случаѣ для чего бы ее было даже и переводить на русскій языкъ, не только издавать одно изложеніе ея содержанія, съ присовокупленіемъ ученыхъ и всякихъ другихъ примѣчаній? Такъ обходятся только съ монументальными произведеніями человѣческаго ума. Дѣйствительно, почитатели Калевалы сравниваютъ ее съ вѣковѣчными, полными всемірнаго значенія поэмами Гомера. Вотъ какъ отозвался о переводѣ изъ нея

отрывка на шведскій языкъ профессоръ-поэтъ Рунебергъ, издававшій въ Гельсингфорсѣ «Утреннюю Газету».

Редакція должна сказать, что, по ея мнѣнію, ни одному переводу образцовъ древности, Иліады и Одиссеи, не удалось сохранить столько красотъ подлинника, чтобы его можно было сравнить съ переводомъ этой финской руны. Редакція не имѣла случая познакомиться съ остальными рунами Калевалы, но, судя по этой рунѣ, она полагаетъ, что *финская литература въ Калевалѣ получила сокровище, которое, и въ объемѣ и содержаніи, можно сравнить съ прекраснѣйшими греческими образцами, и даже превосходитъ ихъ, можетъ быть, своимъ высокимъ естествоописаніемъ и безыскусственнымъ блескомъ*, если только можно превзойти то, что совершенно» (стр. 77—78).

Въ концѣ книжки приложено довольно длинное сужденіе о Калевалѣ другаго шведскаго или финскаго (не знаемъ, право) литератора, г. Тенгстрема,—сужденіе, изъ котораго мы, по его длиннотѣ, сдѣлаемъ только извлеченіе.

«Слаба и блѣдна сага о греческомъ Орфеѣ въ сравненіи съ этимъ пышнымъ растеніемъ *поэтическаго естество-описанія* (?), въ объемъ котораго входитъ весь міръ съ своею (не его ли?) жизнію и со всѣмъ своимъ (его) блескомъ. Особенно величественна самая картина очаровательной силы звуковъ кантеля и описаніе природы. Оно здѣсь достигло той степени жизни и дѣйствительности, какое (не какую ли?) только истинная поэзія въ силахъ произвести и которое (не которая ли?) должно (должна?) поразить всякаго созерцателя» (стр. 82). «Такимъ образомъ народъ съ чрезвычайною силою представилъ національный свой духъ и главныя черты жизни какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніяхъ. Что касается до представленія этихъ образцовъ, какъ они являются въ поэзіи, то отнюдь они не пустыя, аллегорическія фигуры, но, напротивъ, они облечены въ свои собственныя формы, полны *житіемъ* (?) и дѣйствительностію. *Они также совершенны, какъ герои Гомера, но совершенство ихъ только другаго характера.* Если мы въ краткихъ словахъ изложимъ содержаніе финской эпопеи, со всѣми ея недостатками, то найдемъ, что она имѣетъ столько красотъ, что *можетъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду эпическихъ твореній прочихъ народовъ.* Если опять будемъ сравнивать ее съ Иліадою и Одиссеею, то найдемъ, что она не можетъ съ ними сравняться относительно полноты образовъ, *избытка мѣстоположенія* (?), пре-

краснаго равенства между природою и духомъ, исторической ясности въ развязкѣ происшествій и ровнаго эпическаго шага (хода?); но зато она представляетъ такія явленія внутренней душевной красоты, какихъ мы не найдемъ въ Гомерѣ. (Вотъ какъ!!...) Также Калевала въ общеисторическомъ отношеніи не можетъ быть соперницею съ твореніями Гомера (а!...), но если ясно и подробно показать національный духъ того и другаго народа (т. е. древнихъ Грековъ и Финновъ!!..), то трудно рѣшить, на какой сторонѣ преимущество (вотъ оно куда пошло...). Финской эпопеѣ должно отдать преимущество въ томъ, что она въ одно описаніе *стѣснила* (?) весь національный духъ, который Гомеръ представилъ въ двухъ картинахъ» (стр. 93—94).

Случилось такъ, что, прочитавши предисловіе, мы прочли примѣчанія къ поэмѣ, прежде поэмы. Это обстоятельство, естественно, возбудило въ насъ сильное любопытство насчетъ самой поэмы. Правда, преувеличенность этихъ отзывовъ не ускользнула отъ насъ, и показалась намъ довольно подозрительною. Особенно возбуждалъ въ насъ сомнѣніе послѣдній доводъ въ пользу превосходства финской поэмы надъ поэмами Гомера, состоящій въ томъ, что финская эпопея въ одно описаніе стѣснила весь національный духъ, тогда какъ Гомеру нужно было создать для этого двѣ большія поэмы. Что жь тутъ мудренаго? — думали мы. Иной національный духъ такъ малъ, что уложится въ орѣховой скорлупѣ, а иной такъ глубокъ и широкъ, что ему мало всей земли. Таковъ былъ національный духъ древнихъ Грековъ. Гомеръ далеко не изчерпалъ его весь въ своихъ двухъ поэмахъ. И кто хочетъ ознакомиться и освоиться съ національнымъ духомъ древней Эллады, тому мало одного Гомера, но будутъ для этого необходимы и Гезіодъ, и трагики, и Пиндаръ, и комикъ Аристофанъ, и философы, и историки, и ученые, а тамъ еще остается архитектура и скульптура, инаконецъ изученіе всей внутренней, домашней и политической жизни. Съ XVI вѣка изучаетъ Европа древнюю Грецію—и все еще конца не видно этому изученію. Гдѣ только не откроютъ слѣды какихъ-нибудь колоній гре-

ческихъ, какъ, напр., въ Крыму,—какъ тотчасъ же возникаетъ цѣлая эрудиція по поводу бѣдныхъ остатковъ развалинъ, фресокъ и надписей, вырываемыхъ изъ могилъ. — и множество ученыхъ составляетъ себѣ имя этими изысканіями. Такъ глубоки и многознаменательны даже слабые слѣды жизни этого удивительнаго племени...

И однакожъ, несмотря на то, мы думали, что самая преувеличенность восторженныхъ похвалъ финской поэмѣ, со стороны ея поклонниковъ, можетъ до нѣкоторой степени свидѣтельствовать о ея значительномъ достоинствѣ, помимо всякихъ неумѣстныхъ сравненій ея съ поэмами Гомера. И вотъ мы начинаемъ читать изложеніе содержанія знаменитой поэмы—и не вѣримъ глазамъ нашимъ! Вмѣсто ожидаемаго удовольствія, нами овладѣло чувство досады—слѣдствіе жестоко обманутаго ожиданія! Не нравиться намъ можетъ многое, не возбуждая досады; но когда неумѣренныя похвалы приготовятъ къ ожиданію чего-то необыкновеннаго, тогда разочарованіе, естественно, возбуждаетъ досаду и на восторженныхъ хвалителей и на превознесенное произведеніе. Что же мы нашли въ «финской эпопеѣ»? Вотъ вопросъ, который ставитъ насъ въ затруднительное положеніе передъ читателями! Переписать здѣсь всю книжку г. Эмана—значило бы поступить противъ правъ литературной собственности. Пересказать развѣ ея содержаніе вкратцѣ?—Но мы, во первыхъ, ничего не поняли въ ея содержаніи, а во вторыхъ, какъ пересказывать то, что и въ чтеніи показалось такъ скучнымъ и не интереснымъ? Нельзя сказать, чтобы въ этой поэмѣ не проблескивали искорки поэзіи; но онѣ проблескиваютъ изрѣдка и слабо сквозь мракъ призраковъ, порожденныхъ дикой и невѣжественною фантазіею. Вотъ отрывокъ для образчика финской фантазіи:

Наконецъ, Вайнямейненъ, вспомнивъ, что давно похороненный богатырь Випуненъ былъ чрезвычайно смышленъ въ колдовствѣ и свѣдущъ въ первоначальныхъ словахъ, вздумалъ отправиться на его могилу въ надеждѣ найдти нужныя слова. Но какъ дорога туда

шла по женскимъ игламъ, чрезъ острые мечи мущинъ и чрезъ сѣкиры витязей, то онъ просилъ Ильмаринена выковать ему желѣзныя перчатки, сапоги, рубашку и длинный шестъ. Такъ вооруженный, достигъ онъ на третій день до могилы богатыря. Густой лѣсъ уже шумѣлъ надъ могилою. Вяйнямейненъ вырубилъ лѣсъ и вколотилъ шестъ въ ротъ Випунена. Тотъ проснулся отъ мертваго сна и, напрасно стараясь откусить шестъ, проглотилъ самого Вяйнямейнена. Для препровожденія времени, Вяйнямейненъ изъ желѣзной своей рубашки и прочихъ вещей, устроилъ себѣ кузницу въ животѣ богатыря и началъ ковать настоящимъ образомъ. Эта выдумка сильно мучила Випунена. Уголья и огарки жгли ему горло. Онъ въ нуждѣ своей между прочимъ говоритъ: «Кто ты такой, кого я теперь проглотилъ? Съ сотнею витязей я тоже сдѣлалъ, но ни кто меня такъ не мучилъ. Ежели ты сотворенъ создателемъ, то я твердо уповаю на него, что онъ не покинетъ меня добраго; но ежели ты наемникъ злаго духа, то ты, мерзкій, убирайся! Ты поднятъ ли изъ глубокихъ водъ, или прибылъ изъ волнъ шумящаго моря, или изъ дальнихъ болотъ колдуновъ, или изъ страшныхъ странъ медвѣдей? Отецъ мой вѣдь прежде могъ прогнать все зло. Неужели я не подобенъ отцу? Неужели я не похожъ на брата моего, который управлялъ небесными тучами. Я могу просить помощи у небесъ и у преисподней земли. Громко закричу въ моей нуждѣ, такъ что крикъ отзовется въ глубинѣ земли и чрезъ девять небесъ. Укко! близкій сосѣдъ громовыхъ тучъ! дай мнѣ огненный мечъ, чтобъ я могъ наказать больно этого подлеца. Поднимайся изъ волнъ ты, богиня морей! Приди для моего спасенія. Приди, о лѣсъ! съ твоими тысячами вооруженныхъ витязей. Приди ты, пустыня, съ своими полями, и вы, озера! Возстань изъ земли, мать земнаго шара и поднимитесь всѣ вы, въ гробахъ почивающіе ратники, на истребленіе этого зла. Каве! ты дочь природы, пышная, прекрасная, укроти страшныя мои мученія! Собирайтесь тысячи чертей, чтобъ избавить меня отъ этого злаго духа! Убирайся, негодяй, изъ меня: мѣста во мнѣ нѣтъ для тебя; ищи себѣ другаго жилища. Перемѣстись, куда тебѣ угодно, но только далѣе отъ меня. Куда мнѣ заговорить тебя, куда сослать тебя? Спѣши скорѣе къ тому, кто тебя прислалъ сюда; спѣши домой съ быстротою огненной искры; достань себѣ лыжи или коня у Гиси, и уѣзжай. Ежели ты Калма, возставшій изъ гроба, то отправляйся опять туда. Ежели ты прибылъ изъ водъ, то я сошлю тебя на край сѣвера, чтобъ волны тамъ тебя успокоили. Ежели ты прибылъ съ вѣтромъ, то воротись назадъ по пути весеннихъ вѣтровъ. Ежели ты изъ болотъ, то заклинаю тебя

отправиться въ нетающія болота, откуда ты никогда не вылѣзешь, или ступай въ обиталища мертвыхъ, или въ кипящую, пламенную рѣку Рутью. Ежели же ты теперь не послушаешься, то возьму на прокатъ ногти у орла и пугну тебя. Пора тебѣ убираться. Удались до разсвѣта, прежде чѣмъ взойдетъ небесная, утренняя заря».

Напрасно однакожъ Випуненъ старался колдевскими пѣснями и заклинаніями избавиться отъ непріятнаго гостя. Вяйнямейненъ все-таки не удалялся и грозилъ остаться навсегда, ежели Випуненъ не выучитъ его необходимымъ словамъ. И такъ Випуненъ принужденъ былъ отперетъ кладовую своихъ словъ: онъ начинаетъ пѣть. Пѣсень ему недостаетъ, какъ скаламъ недостаетъ камней или рѣкамъ воды. Пѣніе его продолжается безконечные дни и ночи. Солнце остановилось слушать, мѣсяцъ также прислушивается, и большая медвѣдица поучается».

Скажите, похожи ли сколько-нибудь эти дикіе, грубые, лишенные смысла образы, на греческіе мифы, столь полные глубокаго значенія, столь изящные по своимъ формамъ? какое можетъ быть сравненіе между эстетически-прекрасными богами древней Греціи, ея человѣчески интересными для насъ героями—и этими уродливыми, чудовищными образами боговъ и богатырей-колдуновъ финскихъ, съ ихъ «первоначальными словами?» Кажется, объ этомъ и рѣчи не можетъ быть. Г. Тенгстремъ, въ своихъ натянутыхъ сравненіяхъ Калевалы съ поэмами Гомера, чуть было не напалъ на истину, коснувшись разницы ихъ во всемірно-историческомъ значеніи; но поспѣшилъ обойти этотъ главный и существенный вопросъ, угрожавшій рѣшительнымъ опроверженіемъ всѣхъ его преувеличенныхъ похвалъ финской поэмѣ. Нѣтъ, не съ Иліадою и Одиссеею сравнивать ее, а развѣ съ поэмами въ родѣ «Слово о полку Игоревомъ», да и тутъ еще не рѣшенный вопросъ, на чьей сторонѣ окажется преимущество.... Проблески поэзіи—повторяемъ—въ Калевалѣ есть, но въ какомъ же народномъ произведеніи нѣтъ ихъ? Поэзія—общее достояніе человѣчества на всѣхъ ступеняхъ его, во всѣхъ его положеніяхъ, отъ самаго дикаго до самаго образованнаго. Но народная, есте-

ственная, или непосредственная поэзія только у себя дома оказываетъ особенно сильное вліяніе на души людей; это туземное растеніе, которое вянетъ на чуждой ему почвѣ. Даже и у себя дома много теряетъ она своей силы надъ людьми, какъ скоро у народа возникаетъ художественная поэзія. Во всякомъ случаѣ, интересъ народной поэзіи — интересъ мѣстный, домашній. Каждому дорого свое, родное. Общій интересъ народныя произведенія могутъ пріобрѣтать только тогда, когда наука замѣтитъ въ нихъ указанія и факты для объясненія до-историческихъ временъ жизни народа. А особенно за поэзіей тутъ слишкомъ гоняться нечего: ея такъ много, что дѣвать некуда! Народная поэзія—только для охотниковъ. Охота пуще неволи, говоритъ русская пословица. Охотникъ правъ въ своей страсти, особенно, если не воображаетъ всѣхъ подобными себѣ охотниками и не навязываетъ ихъ удивленію предмета своей страсти...

Но чѣмъ тѣснѣе, исключительнѣе кругъ занятій человѣка, тѣмъ больше важности придаетъ ему человѣкъ. За отсутствіемъ другихъ сильныхъ національныхъ интересовъ, Финны съ особенною страстью обратились къ собиранію и изученію памятниковъ ихъ народной поэзіи. Въ этомъ отношеніи, у нихъ много общаго съ тѣми славянскими племенами, которыхъ вся жизнь въ воспоминаніи, въ прошедшемъ, а не въ настоящемъ и будущемъ. Тѣ и другіе какъ будто открыли содержаніе и цѣль жизни своей въ отыскиваніи словесныхъ и другихъ памятниковъ своего прошедшаго. Поэма, пѣсня, пословица, стихъ, полстиха, надпись на камнѣ, — все для нихъ равно важно, велико. И оно понятно: юноша не дорожитъ своимъ настоящимъ, о прошедшемъ также не думаетъ; вся жизнь, всѣ надежды и мечты его въ будущемъ, и онъ мыслію опережаетъ время, воображаетъ себя старше, нежели онъ есть, готовъ прибавлять себѣ года, какъ устарѣлая кокетка убавляетъ ихъ

у себя. Человѣкъ взрослый, совершеннолѣтній, уже любитъ свое прошедшее, каково бы оно ни было, но онъ уже не рвется въ будущее, не вѣритъ его обольстительнымъ обѣщаніямъ; онъ уже научился цѣнить настоящее, дорожитъ имъ, и вся жизнь, вся дѣятельность его въ настоящемъ. Для старика настоящее уныло и безотрадно, а въ будущемъ онъ видитъ только могилу, и потому бранитъ настоящее и не любитъ думать, не только говорить о будущемъ: он весь въ прошедшемъ, весь въ своихъ воспоминаніяхъ, онъ молодѣетъ, говоря о нихъ, дѣлается счастливъ и гордъ, хваля доброе старое время. Это жизнь въ воспоминаніи, жизнь заднимъ числомъ! Ее знаютъ и народы. Тогда они дѣлаются археологами исключительно и думаютъ, что важное и дорогое для нихъ также важно и дорого и для другихъ. Осмѣльтесь усомниться въ цѣнности ихъ сокровищъ или посмотрѣть на нихъ равнодушно, — вы совершите въ ихъ глазахъ преступленіе, которому нѣтъ равнаго.... Улыбнитесь насмѣшливо или только недовѣрчиво, когда они указываютъ вамъ на своихъ Гомеровъ, на свои Иліады и Одиссеи, — они взглянутъ на небо, не гремитъ ли уже громъ, долженствующій поразить васъ за ужасное нечестіе вашего скептицизма.... Какъ во всѣхъ иллюзіяхъ старости, тутъ все дышитъ преувеличеніемъ и фанатизмомъ. Но если такимъ археологамъ-патріотамъ часто случается встрѣчать холодность и равнодушіе, а иногда и насмѣшку, со стороны людей, которымъ чужды ихъ обольщенія, — зато иногда они встрѣчаютъ не только сочувствіе, но и готовность на тѣ же преувеличенія, тамъ, гдѣ бы, кажется, всего менѣе могли они ожидать найти ихъ. Это самое нашла финская литература въ извѣстномъ русскомъ литераторѣ, графѣ Соллогубѣ. Заглавіе книжки г. Эмана украшено эпиграфомъ, заимствованнымъ изъ статьи графа Соллогуба; а эпиграфъ этотъ гласитъ: «Вы едва ли поймете, какъ утѣшительно теперь, когда изъ литературы сдѣлался какой-то безобраз-

ный рынокъ, найти въ уголкѣ Европы столь неожиданное явленіе». Это сказано по поводу финскаго литератора г. Ленрота, который нѣсколько лѣтъ, терпя нужду и холодъ, ходитъ пѣшкомъ по Финляндіи, отыскивая въ хижинахъ ея поселянъ народныя пѣсни. Мы первые готовы отдать справедливость прекрасному и благородному подвигу г. Ленрота; но не считаемъ нужнымъ впадать для этого въ преувеличеніе. Какъ! всѣ литературы Европы, кромѣ финской, превратились въ какой-то безобразный рынокъ?... Какъ! безкорыстное служеніе наукѣ или литературѣ существуетъ теперь только въ Финляндіи?...: Помилуйте, господа энтузіасты! прочтите жизнь такихъ людей, какъ Гумбольдтъ или Араго—и посмотрите, такія ли еще жертвы принесли они наукѣ! Вспомните, что до сихъ поръ не прерывается въ Европѣ рядъ этихъ смѣлыхъ мучениковъ науки, которые отваживаются на путешествія въ страны отдаленныя и опасныя, напр., въ глубину Африки, гдѣ большею частію погибаютъ они отъ воспалительныхъ и заразительныхъ болѣзней или отъ ножа дикарей. Корысть, разсчетъ и торговля дѣйствительно проникли теперь во всѣ литературы; но вы близоруки, если за ними не разсмотрѣли тѣхъ благородныхъ и прекрасныхъ явленій, которыя хотя и въ меньшинствѣ, но есть и всегда будутъ вездѣ, къ чести человѣческой натуры. Что въ финской литературѣ нѣтъ торгашества, это очень естественно: занятіе финскою литературою не представляетъ никакихъ матеріяльныхъ выгодъ, а потому за него и берутся не спекулянты, а только люди, дѣйствительно любящіе литературу.

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

Въ обзорѣ русской литературы за прошлый 1846 годъ, помѣщенномъ въ первой книжкѣ «Современника», мы ука-

зали только на нѣкоторыя статьи, помѣщенныя въ журналахъ, но о самыхъ журналахъ не сказали ни слова. О старыхъ новаго сказать было нечего, а повторять старое было бы и скучно и безполезно. Ихъ характеръ, направленіе, духъ—давно всѣмъ извѣстны. И еслибы который-нибудь изъ нихъ, противъ воли, потерпѣлъ какое-нибудь существенное измѣненіе въ своемъ внутреннемъ значеніи, всѣми мѣрами усиливаясь въ то же время сохранить, хотя внѣшнимъ образомъ, свой прежній характеръ, — вѣроятно, это было бы и безъ нашихъ указаній тотчасъ всѣми замѣчено, и намъ больше, нежели кому-нибудь другому, было бы неумѣстно вмѣшиваться въ какія бы то ни было разбирательства по этому предмету. О новыхъ или преобразованныхъ журналахъ, долженствовавшихъ появиться въ новомъ 1847 году, мы, естественно, не могли говорить потому, что еще не видали ихъ. Правда, о нѣкоторыхъ или, по крайней мѣрѣ, о нѣкоторомъ можно было и заранѣе сказать безошибочно, что̀ изъ него выйдетъ, не прибѣгая къ духу прорицанія, а только припомнивъ его неоднократныя метаморфозы; но вѣдь это же самое могъ бы сказать о немъ и всякій, стало-быть, нечего было и говорить....

Тѣмъ пріятнѣе для насъ, что много хорошаго можемъ мы сказать о преобразованныхъ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ». Мы многаго ожидали отъ этой газеты по ея новой программѣ, въ которой были показаны и новыя матеріяльныя средства редакціи и поименовано много новыхъ сотрудниковъ; но «Санктпетербургскія Вѣдомости» съ первыхъ же нумеровъ своихъ за нынѣшній годъ превзошли всѣ ожиданія наши. Прежній редакторъ ихъ, г. Очкинъ, воспользовался какъ слѣдуетъ новымъ своимъ положеніемъ редактора къ прежнему своему изданію, расширившимъ предѣлы его дѣятельности и давшимъ ему возможность обнаружить въ истинномъ свѣтѣ свои способности для реди-

жированія большою политическою и литературною газетою. Хотя въ ея заглавіи и стоятъ только два эпитета: политическая и литературная, и не стоитъ, какъ въ другихъ газетахъ, ученая; но это недостатокъ только заглавія газеты, а не самой газеты, потому-что въ ней публика прочла уже не одну замѣчательную ученую статью. Мы далеки отъ того, чтобы видѣть въ преобразованныхъ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» какое-то чудо совершенства. При сужденіи о какой бы то ни было русской газетѣ, всегда должно брать въ соображеніе, до какой степени простирается у насъ вообще возможность хорошаго изданія въ этомъ родѣ, и до какой степени зависитъ отъ радактора его совершенство. Съ этой точки зрѣнія, немногаго остается желать для улучшенія «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей»,—и, судя по ихъ дебюту, мы убѣждены, что съ этой стороны въ скоромъ времени онѣ не оставятъ ничего больше желать своимъ читателямъ, потому что уже и теперь «Санктпетербургскія Вѣдомости» такъ далеко оставили за собою всѣ другія изданія одного съ ними рода, что сдѣлали невозможнымъ всякое сравненіе между собою и ими. Нельзя надивиться довольно богатству и полнотѣ внутренихъ извѣстій въ каждомъ нумерѣ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей». Заграничныя извѣстія, какъ политическія, такъ и частныя, въ нихъ тоже гораздо полнѣе и разнообразнѣе, нежели въ другихъ русскихъ газетахъ, исключая «Московскихъ Вѣдомостей». По помѣщеніе такихъ статей, какъ «Штейнъ и Поццо ди-Борго» и «Уголовное судопроизводство во Франціи и Англіи», уже совершенно выводитъ «Санктпетербургскія Вѣдомости» изъ подъ общаго уровня доселѣ бывшихъ и сущихъ газетъ россійскихъ. «Взятіе Азова», любопытная статья г. Устрялова, вѣроятно, не останется единственною ученою статьею въ годовомъ изданіигазеты.

Фѣльетонъ составляетъ существенную принадлежность всякой газеты. Къ сожалѣнію, фѣльетонъ у насъ пока еще

невозможенъ. Что̀ такое фёльетонъ? Это болтунъ, повидимому, добродушный и искренній, но въ самомъ дѣлѣ часто злой и злорѣчивый, который все знаетъ, все видитъ, обо многомъ не говоритъ, но высказываетъ рѣшительно все, колетъ эпиграммою и намекомъ, увлекаетъ и живымъ словомъ ума и погремушкою шутки.... Гдѣ жь ужиться съ фёльетономъ русской публикѣ, которая такъ церемонна, серьёзна, чопорна, съ такимъ избыткомъ одарена великодушною готовностію благоприлично скучать, такъ уважаетъ, даже вчужѣ, благонамѣренную наружность? Отъ того нашъ русскій фёльетонъ, какъ и нашъ русскій водевиль, такъ приторенъ въ своихъ любезностяхъ, такъ скученъ и вялъ въ своемъ остроуміи, а главное—такъ мало изобрѣтателенъ на предметы разговора! Бѣдняжка вѣчно начинаетъ или съ того, что въ Петербургѣ всегда дурная погода, или съ того, какъ трудно ему, фёльетонисту, писать по заказу, когда вовсе не о чемъ писать, а въ головѣ пусто .. Вотъ тутъ-то, въ припадкѣ фёльетоннаго отчаянія, желая быть остроумнымъ, во что̀ бы ни стало, восклицаетъ онъ иногда: «Зачѣмъ у насъ такъ много полу-плохихъ журналовъ, а не одинъ хорошій журналъ?» На что̀ зѣвающій читатель можетъ отвѣтить ему: «Скажите-ка лучше, зачѣмъ всѣ ваши фёльетоны такъ положительно плохи; что бы вамъ написать хоть одинъ порядочный»...

Но «Санктпетербургскія Вѣдомости» умѣли перещеголять другія русскія газеты даже и со стороны фёльетона. Если фёльетонныя статьи въ нихъ и неодинаковаго достоинства, за то между ними нѣтъ такихъ, которыя могли бы компрометировать газету, а съ нею и всю русскую литературу. Очень выгодно для »Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» то обстоятельство, что у нихъ, по множеству сотрудниковъ, и фёльетоны пишутся разными лицами, которыя говорятъ въ нихъ о русской литературѣ, о русскомъ и французскомъ театрѣ, объ италіянской оперѣ въ Петербургѣ и тому по-

добныхъ немногихъ предметахъ русскаго и петербургскаго міра; но никогда не говорятъ о себѣ, о своей любви къ правдѣ, и что всѣ ихъ за нее гонятъ, о гибели чистоты русскаго языка литераторами чужаго прихода, и тому подобныхъ пошлостяхъ, которыя уже давно вышли изъ вѣры, давно всѣмъ наскучили и опротивѣли... Нѣкоторые фёльетоны «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» даже очень интересны, особенно подписанные именемъ г. Губера и буквами: Э. И. Въ нихъ высказывается много дѣльнаго, и притомъ такъ умно, ловко, живо. Правда, между всѣмъ этимъ попадаются мнѣнія, съ которыми вы, можетъ-быть, никакъ не согласитесь, но которыхъ тѣмъ не менѣе вы не можете не уважать, которыя — что̀ всего важнѣе — вы можете оспоривать, не боясь вдаться въ такъ-называемую полемику... Такимъ образомъ, фёльетонъ г. Губера: «Русская литература въ 1846 году», помѣщенный въ 4 № «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей», возбудилъ въ насъ желаніе сдѣлать на него нѣсколько замѣтокъ.

Говорить о современной русской литературѣ, значитъ говорить о такъ называемой натуральной школѣ и о такъ называемыхъ славянофилахъ, ибо это самыя характеристическія явленія современной русской литературы, внѣ которыхъ нѣтъ на Руси никакой литературы. Г. Губеръ о нихъ и говоритъ. Приговоръ его славянофиламъ нѣсколько строгъ и одностороненъ. Съ одной стороны, онъ очень справедливо сравниваетъ славянофильскую партію въ Россіи съ романтическою партіей въ Германіи, стоявшею за средніе вѣка и тевтонизмъ и ненавидѣвшею Францію и все французское; кромѣ ратованія за мертвое начало, между обѣими партіями, русскою и нѣмецкою, есть еще то общее, что онѣ не имѣютъ важнаго значенія внѣ литературнаго, книжнаго міра. Но съ другой стороны, г. Губеръ не совѣмъ правъ, видя въ нашихъ славянофилахъ не больше, какъ «защитниковъ бороды и кафтана». Правда, между славянофилами

есть и такіе; но въ какой же партіи нѣтъ людей, которые своею ограниченностію дѣлаютъ смѣшною свою партію. Однакожь, по нѣкоторымъ не слѣдуетъ заключать обо всѣхъ? Еще менѣе правъ г. Губеръ, говоря, что «эта славянская партія составляетъ неотъемлемое достояніе Москвы» и что «въ Петербургѣ совсѣмъ другое дѣло», что-де «тутъ молодое поколѣніе силится опрокинуть старый порядокъ русской литературы» и пр. Нѣтъ, это не такъ. Правда, въ Москвѣ много славянофиловъ, но меньше ли ихъ и въ Петербургѣ? Этотъ вопросъ неизбѣжно влечетъ за собою другой: покойный «Маякъ» менѣе ли «Москвитянина» былъ выразителемъ ультра-славянофильскихъ понятій, или болѣе? А вѣдь «Маякъ» издавался не въ Москвѣ, а въ Петербургѣ, и наполнялся преимущественно трудами живущихъ въ Петербургѣ литераторовъ. Съ другой стороны, въ Москвѣ не мало живетъ ученыхъ и литераторовъ, нисколько не принадлежащихъ къ славянофильской партіи. Укажемъ, для примѣра, на гг. Искандера, Грановскаго, Кавелина, Соловьева, Рѣдькина, Корша, Рулье... Скажемъ болѣе: молодое поколѣніе, на которое такъ горько жалуется г. Губеръ за то, что «оно силится опрокинуть старый порядокъ русской литературы», это молодое поколѣніе совсѣмъ не туземное въ отношеніи къ Петербургу: оно переѣхало въ Петербургъ изъ Москвы...

Но главный предметъ статьи г. Губера составляетъ такъ-называемая натуральная школа русской литературы и критики, которую онъ, однакоже, называетъ литературою и критикою молодого поколѣнія—что не совсѣмъ вѣрно, ибо если молодыя поколѣнія всѣ на сторонѣ этой школы, то въ числѣ дѣятелей этой школы есть люди, изъ которыхъ одни подвигаются уже къ своимъ сороковымъ годамъ, а другіе уже и перешли за нихъ. Вообще, наши литераторы какъ-то долго считаются молодыми людьми, а потомъ какъ-то вдругъ повертываются въ разрядъ старыхъ... Говоря

о натуральной школѣ, г. Губеръ ясно показываетъ, что самъ онъ, по своимъ убѣжденіямъ, не принадлежитъ ни къ ней, ни къ противоположной ей, и ни къ какой другой литературной котеріи, и что, слѣдовательно, онъ человѣкъ безъ предубѣжденій и предразсудковъ, человѣкъ безпристрастный. Дѣйствительно, мало сочувствуя натуральной школѣ, онъ тѣмъ не менѣе смотритъ на нее безъ всякой враждебности, обвиняя ее за ея недостатки, отдаетъ полную справедливость ея заслугамъ, а — главное — весьма благородно защищаетъ ее отъ несправедливыхъ нареканій и навѣтовъ ожесточенныхъ враговъ ея. Все это хорошо; но со всѣмъ этимъ г. Губеръ не рѣшилъ вопроса, даже не подвинулъ его впередъ и нисколько не выполнилъ своей роли посредника и примирителя. Есть два способа оставаться безпристрастнымъ среди тревожныхъ волненій партій. Первый состоитъ въ томъ, чтобы безпристрастно видѣть всѣ стороны, дурныя и хорошія, чуждыхъ партій, а самому все-таки оставаться вѣрнымъ своему убѣжденію, и, слѣдовательно, оставаться вѣрнымъ своей партіи, если это убѣжденіе раздѣляется другими (а что же въ немъ дѣльнаго, если оно никѣмъ не раздѣляется?). Второй (и самый надежный, самый вѣрный, самый легкій) способъ быть безпристрастнымъ состоитъ въ томъ, чтобы, кое въ чемъ соглашаясь и кое въ чемъ не соглашаясь съ тѣмъ и другимъ, самому не имѣть никакого опредѣленнаго мнѣнія, никакого постояннаго убѣжденія. Такого рода «безпристрастные» люди, неспособные принадлежать ни къ какой партіи, иначе называются равнодушными или индифферентами. Не принадлежать къ партіи можетъ только геній и то потому, что онъ самъ—знамя, подъ сѣнь котораго не замедлитъ стать огромная партія. Претензія не принадлежать къ партіи всегда совпадаетъ съ претензіею одному видѣть ясно безусловную истину, на которую всѣ другіе смотрятъ сквозь тусклые очки парціальныхъ пристрастій; но чистая, безусловная истина есть только логи-

ческій абстрактъ: всякая живая истина всегда носитъ на себѣ отпечатокъ временнаго, условнаго.

Мы слишкомъ далеки отъ того, чтобы видѣть въ г. Губерѣ безпристрастнаго зрителя борьбы, который тѣмъ больше видитъ, чѣмъ меньше принимаетъ участія въ борьбѣ; но въ то же время мы должны сказать, что тщетно отыскивали въ его статьяхъ, того, что̀ называется началомъ, принципомъ, взглядомъ, образомъ мыслей, наконецъ, убѣжденіемъ. У него есть мнѣнія, но до того личныя, что они больше на своемъ мѣстѣ въ частомъ разговорѣ, нежели въ печати. Никакъ нельзя понять, чего онъ держится. Только что заговоритъ онъ о чемъ-нибудь положительно, и обрадованный читатель думаетъ добраться до какого-нибудь вывода, какъ авторъ тотчасъ же отступается отъ своего мнѣнія и идетъ дальше, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что хотя шелъ онъ не мало и не близко, а не дошелъ ни до чего.... Начнемъ сначала

«Прежде поэзія космополитомъ обходила города и села, распѣвая сладкія пѣсни и чуждаясь соприкосновенія съ ежедневною жизнію: она расхаживала, не причастная тому, что̀ творилось кругомъ, строгая муза, неприступная жрица, съ важнымъ праздничнымъ лицомъ: она облекалась въ *воскресныя* (?) одежды и *служила* чистую, неподкупную *службу* своей единственной богинѣ—красотѣ».

Несмотря на то, что эти строки прочли мы 4 января 1847 года въ первый разъ въ нашей жизни, намъ показалось, что мы давно знаемъ ихъ наизусть: таково, впрочемъ свойство всѣхъ общихъ риторическихъ мѣстъ.... Право, пора бы перестать вспоминать о какомъ-то чистомъ и абстрактномъ искусствѣ, котораго никогда и нигдѣ не бывало. Пора перестать думать, что можно возвысить искусство, представляя его то какимъ-то бродягою, безъ дома и отечества, то цыганкою, то прелестницею не изъ денегъ, а по страсти къ ремеслу. Да гдѣ и когда было такое искусство? Искусство древнихъ Грековъ ближе всякаго искусства въ мірѣ подходитъ къ идеалу чистаго, независимаго отъ дѣй-

ствительной жизни искусства; но при всемъ этомъ, укажите мнѣ на какое-нибудь другое искусство, которое бы съ такою полнотою, глубокостію и многосторонностію выразило въ себѣ всѣ элементы религіозной, политической, государственной, гражданской и частной жизни Эллиновъ.... Поэтому-то, не имѣя понятія объ исторической и внутренней жизни этого народа, нельзя понимать и его поэзіи. Уже нечего и говорить о какомъ-нибудь Аристофанѣ, на каждый стихъ котораго необходимо по сотнѣ комментарій, чтобы понимать его: не далеко уйдете вы и въ пониманіи другихъ поэтовъ Греціи, если ученымъ образомъ не ознакомитесь съ ихъ жизнію, которая была источникомъ ихъ поэзіи. А этого бы совсѣмъ не нужно въ отношеніи къ чистой, безусловной поэзіи, которая паритъ горе, считая для себя за униженіе знать, что̀ дѣлается долу... Изъ писателей новаго міра, рыцари небывалаго чистаго искусства обыкновенно съ торжествомъ указываютъ на Гете; но тутъ-то они, сверхъ всякаго съ ихъ стороны чаянія, находятъ орудіе противъ себя, а не за себя... Правда, Гёте, по̀ особенному свойству, возможному и понятному только въ нѣмецкой натурѣ, оставался равнодушнымъ къ политическимъ вопросамъ въ самое обильное великими политическими событіями время; согласны съ г. Губеромъ, что «какъ человѣкъ и какъ Нѣмецъ, Гете былъ не правъ»; но не можемъ согласиться, чтобы какъ-поэтъ, какъ художникъ, Гёте, въ этомъ случаѣ, хоть сколько-нибудь подходилъ подъ идеалъ безукоризненнаго жреца абстрактнаго искусства. Въ Гёте должно отличать человѣка отъ художника: Гёте былъ великій художникъ, но человѣкъ онъ былъ самый обыкновенный... Не искусство, а его личный характеръ заставляли его вѣчно тереться между сильными земли, жить и дышать милостынею ихъ улыбокъ, равно какъ и оказывать самое холодное невниманіе ко всему, что̀ не касалось до него лично, что̀ могло возмутить его юпитеровское, говоря поэ-

тически, и эгоистическое, говоря прозаически, спокойствіе И потому, равнодушіе Гёте къ живымъ вопросамъ современной ему исторіи не имѣетъ ничего общаго съ искусствомъ: искусство и не думало обязывать его, въ свою пользу, безнравственнымъ равнодушіемъ такого рода. Но тѣмъ не менѣе, Гёте, какъ художникъ, какъ поэтъ, былъ вполнѣ сыномъ своей страны, своего вѣка, вполнѣ выразилъ собою если не все, то многія изъ существеннѣйшихъ сторонъ современной ему дѣйствительности. Это доказывается его отвращеніемъ ко всему отвлеченному туманному, мистическому, ко всякой, какъ называетъ ее г. Губеръ, «не здѣшней» поэзіи. Это же доказывается его стремленіемъ ко всѣму простому, ясному, опредѣленному, здѣшнему, земному, дѣйствительному, реальному, положительному; его страстнымъ сочувствіемъ природѣ, которое не только отразилось пантеистическимъ міросозерцаніемъ въ его поэзіи, но еще и выразилось съ его стороны великими услугами въ области естествознанія, какъ науки. Какъ при этомъ не вспомнить о его живой симпатіи къ древнему міру, среди всеобщаго стремленія къ варварскимъ среднимъ вѣкамъ, откуда поэзія выносила только невѣжественныя идеи, да уродливые образы? И вотъ причина, почему теперь, въ наше время, скептическій, холодный Гете, въ самой Германіи, въ такомъ же содержаніи пріобрѣтаетъ себѣ новыхъ читателей и почитателей, въ какомъ пламенный и рыцарственно благородный Шиллеръ теряетъ ихъ со дня на день. Да, въ лицѣ Гёте искусство служило жизни, или, лучше сказать, выражало жизнь; онъ не могъ бы сдѣлать его вспомогательнымъ орудіемъ для какой-нибудь эфемерной партіи, но весь геній свой отдалъ онъ на помощь великой партіи великаго вѣка...

Объяснивши по своему, что съ Гете должно было кончиться такъ-называемое космополитическое искусство (котораго нигдѣ и никогда не существовало), г. Губеръ показываетъ

необходимость послѣдовавшаго за тѣмъ переворота во всѣхъ европейскихъ литературахъ, а вслѣдъ за ними и русской. Тутъ мимоходомъ у него сказано много очень хорошаго о гармоніи, тишинѣ и примиреніи, какъ условіяхъ процвѣтанія искусства. Г. Губеръ смотритъ на этотъ предметъ глазами отживающихъ теперь свой вѣкъ нѣмецкихъ эстетикъ. Для него жизнь есть покой и сонъ, а не движеніе, не борьба; онъ не догадывается, что примиреніе въ искусствѣ совершается черезъ обобщеніе явленія, черезъ возведеніе его въ идею, но что въ дѣйствительности примиреніе царствуетъ только въ сонныхъ городахъ бюргерской Германіи...

Но вотъ мы, наконецъ, у главнаго пункта нашего возраженія. Сближеніе русской литературы съ дѣйствительностію выразилось, по словамъ г. Губера, въ появленіи «литературы чиновниковъ». Послушаемъ самого г. Губера:

«Всѣ эти новыя произведенія, сближающія литературу съ дѣйствительною жизнію и прославляемыя критикою, ограничиваются до сихъ поръ изображеніемъ мелкихъ чиновниковъ; отъ этого происходитъ утомительное однообразіе въ содержаніи нашихъ повѣстей и романовъ. *Нѣтъ сомнѣнія, что чиновникъ, во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ, составляетъ любопытное явленіе въ нашей дѣйствительной жизни; правда, что многія другія стороны ея не подлежатъ анализу литератора*; но повторять всегда одно и то же, находить въ этомъ однообразномъ содержаніи единственное спасеніе литературы, осудить ее на такое скудное направленіе, значитъ не понимать современныхъ требованій искусства. Истинный художникъ, поэтъ или прозаикъ, призванный временемъ и дарованіемъ на великую службу мысли, не покоритъ своихъ убѣжденій, своего вдохновенія такому тѣсному условію. Онъ останется вѣренъ характеру и направленію времени, онъ будетъ сочувствовать всѣмъ его движеніямъ и нуждамъ; на немъ отразятся его борьба, его надежды, язвы и страданія; но вдохновеніе его не станетъ боязливо искать условнаго содержанія: сегодня оно выражается въ явленіи дѣйствительнаго міра, а завтра въ старинномъ преданіи; сегодня герой его называется Кузьмой или Прохоромъ, а завтра Нерономъ, или Калигулой; сегодня онъ является чиновникомъ четырнадцатаго класса, а завтра Титаномъ греческой мифологіи. Въ мысли художника отразится его сочувствіе къ современному направленію, а не въ оболочкѣ этой мысли......

«Недостатокъ этой молодой литературы состоитъ не въ томъ, что она пишетъ о чиновникахъ, а въ томъ, что она ничего другаго не пишетъ; не въ томъ, что она выставляетъ грязныя стороны жизни, а въ томъ, что она еще не возвысилась ни до единой изъ чистыхъ ея сторонъ. Въ доказательство же, что и то и другое возможно, стóитъ только указать на произведенія Лермонтова или графа Соллогуба».

Не понимаемъ, какъ подобныя строки могли выйдти изъ подъ пера человѣка съ такимъ умомъ и образованіемъ какъ г. Губеръ! Парадоксъ на парадоксѣ, и каждый опровергнутъ самимъ же авторомъ! Сказать, что «многія другія стороны нашей дѣйствительности не подлежатъ анализу литератора» — и въ то же время преважно, т. е. нисколько не шутя, обвинять литературу, какъ въ важномъ преступленіи, въ томъ, что она, кромѣ чиновниковъ, ничѣмъ не занимается: не значитъ ли это шутить надъ здравымъ смысломъ читателей?... И притомъ, не совсѣмъ правда. будто новая литература занимается только чиновникомъ: хоть и рѣже, но иногда касается она и помѣщика, и купца, и мѣщанина, и крестьянина...

А вотъ теперь Министерство Государственныхъ Имуществъ объявило конкурсъ на сочиненіе книгъ какъ касающихся до быта простаго народа, такъ и для чтенія этому простому народу. По этому поводу намъ пришла въ голову слѣдующая мысль: еслибы наша литература до сихъ поръ возилась все съ Неронами, Калигулами да Титанами, а не съ Кузьмами и Прохорами четырнадцатаго класса,—можно ли было бы призвать ее на такое великое дѣло, какъ сочиненіе книгъ для народа?...

Но г. Губеръ не имѣетъ ничего общаго съ людьми, которые начисто запрещаютъ литературѣ заниматься чиновниками; онъ только обвиняетъ ее за то, что она ими занимается одними, тогда какъ можно бы ей было позаняться и другимъ чѣмъ-нибудь, какъ это доказываютъ сочиненія Лермонтова и графа Соллогуба... Какъ, г. Губеръ, такъ

новая литература, въ лицѣ Лермонтова и графа Соллогуба, умѣла же находить предметы для своихъ занятій и внѣ чиновническаго міра?... Такъ за что̀ же вы обвиняете ее, бѣдную «новую литературу»?... Но зачѣмъ и теперь всѣ не слѣдуютъ примѣру Лермонтова и графа Соллогуба?—Не мудрено отвѣчать на подобный вопросъ, если только вы намѣрены были сдѣлать его. Слѣдовать за Лермонтовымъ никому не слѣдуетъ. Что̀ же касается до графа Соллогуба, то ему, вѣроятно, потому никто не слѣдуетъ, почему онъ никому не слѣдуетъ, кромѣ того однакожь, кто создалъ эту новую литературу, и кому всѣ болѣе или менѣе слѣдуютъ... Что̀ же до Нероновъ, Калигулъ и Титановъ—кто же мѣшаетъ кому изображать ихъ въ стихахъ и въ прозѣ? И развѣ не дѣлали этого — Марлинскій въ повѣстяхъ, г. Тимоѳеевъ—въ мистеріяхъ? Развѣ г. Бернетъ не написалъ «Графа Меца»? А сколько прошло передъ глазами нашими и скрылось навсегда романовъ въ родѣ «Призрака», «Непостижимой» и т. п.? Сколько г. Кукольникъ написалъ, съ одной стороны, итальянскихъ повѣстей и драмъ, а съ другой—русскихъ повѣстей и драмъ? А драмы Полеваго и г. Ободовскаго? Куда все это скрылось? Изъ всего этого, еще только русскія повѣсти г. Кукольника менѣе пострадали отъ забвенія, и то по причинѣ болѣе юмористическаго, нежели трагическаго ихъ характера. Какое слѣдствіе можно вывести изъ всего этого? А вотъ какое: хороши Нероны, Калигулы и Титаны Байрона, Гёте, даже Пушкина и Лермонтова; но куда плохи и невыносимы эти образы у талантовъ третьяго разряда, дарованій средней руки. Послѣдніе очень умно дѣлаютъ, что кромѣ чиновниковъ ни о чемъ писать не хотятъ. Даже посредственная повѣсть съ чиновниками можетъ имѣть свою цѣну, хотя на время, но посредственная поэма съ Нерономъ, Калигулою или Титанами—вещь нестерпимо скучная и пошлая. Изъ этого, однакожь, не слѣдуетъ, чтобы для изображенія дѣйствительной жизни

со всѣми даже пошлыми и грязными сторонами ея требовалось меньше таланта или генія, нежели на изображеніе какихъ-нибудь идеальныхъ міровъ: изъ этого слѣдуетъ только, что маленькимъ талантамъ лучше держаться того, что̀ у нихъ передъ глазами и что̀ имъ по плечу, нежели того, что̀ такъ далеко отъ нихъ и такъ выше ихъ силъ. Такъ вотъ отчего, къ общей радости, писатели наши оставили въ покоѣ Нероновъ, Калигулъ и Титановъ, предпочтя имъ Кузьму да Прохора... Это означаетъ совершеннолѣтіе: только ребенокъ хватается за труды не по силамъ...

Положимъ, что современная русская литература идетъ не большою столбовою дорогою, а проселочною; но если это единственная дорога, существующая для нея, неужели же вы обвините ее, что она предпочла лучше идти проселочнымъ путемъ, нежели вовсе не идти ни по какой дорогѣ,—вы, которые такъ хорошо знаете, что̀ подлежитъ и что̀ не подлежитъ анализу литератора? Мы даже думаемъ, что литература наша дѣлаетъ больше, нежели сколько можно отъ нея требовать. Теперешній путь ея не блестящъ, но проченъ и полезенъ. Знакомя общество съ самимъ собою, т. е. развивая въ немъ самосознаніе, оно удовлетворяетъ его главнѣйшей и важнѣйшей въ настоящую минуту потребности. Этого она не могла бы достигать съ Неронами, Калигулами и Титанами, которыхъ наше общество рѣшительно не хочетъ знать. Никто не станетъ спорить противъ того, что «Египетскія ночи», «Галубъ», «Каменный Гость» — великія художественныя созданія. Но потому-то и существуютъ они у насъ только для слишкомъ немногаго числа истинныхъ знатоковъ искусства; большинство же рѣшительно предпочитаетъ имъ произведенія, равныя имъ по художественному достоинству, но изображающія нашу дѣйствительность, какъ она есть, какъ, напр., «Мертвыя Души».

Новая критика съ гордостію можетъ сказать, что и она способствовала этому направленію новой литературы; но

чтобы она произвела, или—что еще преувеличеннѣе—чтобы она одна произвела его: думать такъ, значило бы возвышать ее не по заслугамъ. А между тѣмъ, ея противники (обыкновенно писатели, не имѣвшіе особеннаго успѣха) въ этомъ и упрекаютъ ее. Настоящее время особенно неблагопріятно исключительному владычеству какой-нибудь литературной партіи, потому-что публика наша уже совсѣмъ не та, какою была она лѣтъ пятнадцать назадъ; она соглашается съ тѣмъ, что находитъ справедливымъ, но на слово не вѣритъ никому. Отъ этого теперь ни одинъ журналъ не можетъ пристрастными нападками повредить успѣху никакого дарованія, никакой книгѣ, равно какъ и доставить успѣхъ посредственности или бездарности. Говорятъ, будто журналы убили теперь книгу, такъ что «отдѣльныя книги гостятъ въ магазинахъ или нищенствуютъ въ библіотекахъ для чтенія; литераторъ, который рѣшается на особенное изданіе своего произведенія, не любитъ говорить о томъ, сколько экземпляровъ онъ напечаталъ и сколько ихъ разошлось». Это рѣшительная неправда, которую ничего нѣтъ легче какъ доказать фактами. Нейдутъ теперь только стихотворенія, и то потому, что публика не хочетъ знать стихотвореній, которыя не то, чтобы хороши, не то, чтобы плохи, а такъ себѣ—не дурны... Теперь у насъ довольно стихотворцевъ не безъ таланта, да та бѣда, что трудно отличать стихотворенія одного отъ стихотвореній другаго,— такъ похожи они другъ на друга...

Но критика, говоритъ г. Губеръ, виновата тѣмъ, что, усиливаясь сблизить литературу съ жизнію, выражается сама дикимъ, непонятнымъ языкомъ. Это старая нападка на употребленіе извѣстныхъ терминовъ и словъ. Но что жь дѣлать, если со временъ Петра Великаго языкъ нашъ пестрѣетъ иностранными словами? Видно это нужно? Вѣдь критика не фёльетонъ, и ей приходится часто говорить объ идеяхъ, для выраженія которыхъ у насъ нѣтъ словъ въ

обыкновенномъ разговорномъ языкѣ. Но теперь подобный упрекъ критикѣ едва ли не анахронизмъ, и едва ли въ этомъ отношеніи можно безъ несправедливости упрекнуть ее въ томъ, въ чемъ справедливо упрекали ее лѣтъ восемь назадъ тому. Зато, если вѣрить врагамъ критики, она часто убиваетъ таланты то неумѣренною бранью, то неумѣренными похвалами. Но прежде всего, господа, съ умысла или безъ умысла дѣлаетъ она это? Если съ умысла, нельзя не пожалѣть, что такая низкая и презрѣнная критика пользуется такою силою и такимъ вліяніемъ. Но это къ счастію, невозможно: такая критика всегда безсильна и никого убивать не въ состояніи. Если же она дѣлаетъ это безъ умысла: за что же хотите вы лишить ее права ошибаться? Право, вы ужь черезъ-чуръ уважаете ее и хотите въ ней видѣть что-то непогрѣшительное, что-то такое, что выше человѣческой природы. Какъ на самую умилительную и самую недавнюю жертву критики, г. Губеръ указываетъ на автора «Бѣдныхъ Людей».

«Новая критика (говоритъ онъ) жадно ухватилась за эту книгу, разсыпалась въ восторженныхъ похвалахъ, пожаловала молодаго литератора въ геніи первой степени и вознесла его на такую высоту, на которой поневолѣ голова закружится, что и случилось на самомъ дѣлѣ: промахи, простительные въ первомъ произведеніи, сдѣлались грубыми ошибками во второмъ; недостатки выросли; что было сперва однообразно, потомъ сдѣлалось скучно до утомленія и только немногіе, прилежные читатели, да и тѣ по обязанности, прочитали до конца *господина Голядкина* и *Прохарчина*. Эта горькая, но чистая правда, которая должна была опечалить человѣка съ такимъ рѣшительнымъ дарованіемъ, какъ г. Достоевскій. И кто знаетъ, на сколько виновата въ этихъ неудачахъ неосторожная критика юнаго поколѣнія? Кто знаетъ, какое вліяніе имѣла она на развитіе молодаго, сильнаго, но еще шаткаго, незрѣлаго дарованія?»

Вотъ ужь подлинно съ больной-то головы да на здоровую! Вѣроятно, г. фёльетонисту не совсѣмъ пріятно будетъ узнать, что самые факты обращаютъ его грозное обвиненіе ни во что: юная критика, на которую онъ мѣтитъ и

которая, по его словамъ, превознесла автора «Бѣдныхъ Людей» на головокружительную высоту, явилась въ печати ровно черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ «Двойникъ» (Приключенія господина Голядкина) былъ уже напечатанъ. Слѣдовательно, автору «Бѣдныхъ Людей» не было никакой возможности испортить своей второй повѣсти вслѣдствіе головокруженія отъ похвалъ первой... Мы и теперь считаемъ г. Достоевскаго человѣкомъ съ рѣшительнымъ талантомъ, и на основаніи этого-то мнѣнія и думаемъ, что ни похвала ни брань не можетъ имѣть на него никакого вліянія; въ противномъ же случаѣ, мы считали бы этотъ талантъ и нерѣшительнымъ и ничтожнымъ... И стоитъ ли, въ самомъ дѣлѣ, обращать какое-нибудь вниманіе на талантъ, который можетъ быть убитъ похвалою или порицаніемъ критики? Когда появился Пушкинъ, его неумѣренно захваливали и неумѣренно забранивали; а онъ все-таки шелъ своею дорогою и всегда оставался вѣренъ своему поэтическому инстинкту, даже иногда вопреки убѣжденіямъ своего собственнаго ума. Безъ этого инстинкта нѣтъ художника, и лишенный его талантъ такъ ничтоженъ, что чѣмъ скорѣе изъ него ничего не выйдетъ, тѣмъ лучше для литературы и публики. Детски-неосновательное мнѣніе, будто критика можетъ убивать таланты, захваливая или забранивая ихъ, сохранилось у насъ до сихъ поръ отъ той аркадской эпохи нашей литературы, когда она тонула вся въ слезахъ и вздохахъ чувствительныхъ писателей... Теперь подобное мнѣніе смѣшно и дико...

Въ прошломъ 1846 году изъ адресъ-календаря русской литературы выбыло нѣсколько почетныхъ именъ. Февраля 22-го умеръ въ Москвѣ извѣстный драматическій писатель князь Александръ Александровичъ Шаховской, на 73 году отъ рожденія. Марта 22 умеръ въ Петербургѣ Николай Алексѣевичъ Полевой, на 50 году отъ рожденія. Декабря 26 скончался въ Москвѣ извѣстный на Руси поэтъ Нико-

лай Михайловичъ Языковъ, на 40 году отъ рожденія. Хотя всѣ эти писатели умерли въ такое время или въ такихъ обстоятельствахъ своей жизни, что литературѣ отъ нихъ уже нечего было болѣе ожидать, но все-таки это скорбныя утраты для общества. Полевой умеръ, едва дожившп до старости, а Языковъ—едва переживши пору молодости. Неожиданное извѣстіе о смерти замѣчательнаго человѣка какъ-то особенно тяжело ложится на душу... И не мудрено: кромѣ сочувствія и уваженія, какими подобные люди всегда пользуются въ обществѣ, ихъ возрастомъ измѣряются возрасты цѣлыхъ поколѣній...

Языковъ пользовался на Руси извѣстностію и даже славою, какія даются слишкомъ немногимъ талантамъ. Чтобы понять это явленіе, надобно было бы представить живую картину той эпохи русской литературы, на смѣну которой явился Пушкинъ съ своими сподвижниками. Но какъ ни мѣсто, ни время не позволяютъ намъ вдаваться въ такія подробности, то мы скажемъ коротко, что то была эпоха рабскаго подражанія немногимъ признаннымъ образцамъ. Никто не смѣлъ быть оригинальнымъ; каждый имѣлъ право насиловать языкъ въ грамматическомъ отношеніи, дѣлать, подъ видомъ «піитическихъ вольностей», самыя чудовищныя усѣченія, писать самыми дубовыми стишищами; но никто не смѣлъ употребить выраженія или слова, не употребленнаго уже однимъ изъ признанныхъ образцовъ. Поэзія тогда поучала, и если позволяла себѣ иногда воспѣвать что-нибудь живое, то не иначе, какъ шуточнымъ тономъ. Пушкинъ своимъ появленіемъ нарушилъ этотъ глубокій сонъ нашей литературы, и литературные старовѣры встрѣтили его, какъ еретика и раскольника въ искусствѣ. Естественно, что въ томъ, что̀ называлось тогда литературною дерзостью, послѣдователи Пушкина пошли дальше своего учителя. Изъ нихъ всѣхъ замѣтнѣе былъ Языковъ какъ своимъ бойкимъ, искристымъ, звонкимъ и блестящимъ

стихомъ, такъ и направленіемъ своей поэзіи, которая въ сущности была ни чѣмъ инымъ, какъ поэзіею нѣмецкаго буршества.. Она воспѣвала и высокій трудъ науки, и будущее гражданское призваніе студента, и преданія отечественной старины, и дѣву-вдохновительницу свѣтлыхъ мыслей, и дѣву-соблазнительницу, и шипучее искрометное вино, и молодыя, безумныя оргіи сладострастія и пьянства. Все это было тогда такъ ново и такъ неотразимо-увлекательно для молодежи, и она была безъ ума отъ удалыхъ стиховъ Языкова... Многіе изъ людей того поколѣнія ставили его наравнѣ съ Пушкинымъ, другіе даже выше его... Никому въ голову не входило, что, при неотъемлемыхъ достоинствахъ поэзіи Языкова, въ ней былъ и весьма важный недостатокъ — отсутствіе искренности, другими словами: она не была тѣмъ, чѣмъ сама себя искренно считала.. Изъ буршества ничего не можетъ выйдти кромѣ филистерства, потому именно, что разгулъ нѣмецкаго бурша есть не выраженіе бьющей черезъ край волнующейся жизни, а слѣдствіе принципа. Нѣмецъ говоритъ себѣ: въ молодости надо быть молодымъ, т. е. учиться, пить и драться, — и онъ рѣшается быть молодымъ до тридцати лѣтъ; провожая послѣдній день своего 30 года, онъ въ послѣдній разъ напивается мертвецки и поутру встаетъ уже степеннымъ филистеромъ. Вотъ отчего Нѣмецъ не успѣваетъ быть ни человѣкомъ, ни гражданиномъ: вся жизнь его правильно раздѣлена на буршество и филистерство.

Поэзія Языкова не была выраженіемъ его жизни. Оттого вино только шипитъ и пѣнится въ его стихахъ, но не охмѣляетъ, а дѣва-соблазнительница—

То играло сновидѣнье,
Безтѣлесная мечта!

Поэзія Языкова всегда жила принципомъ, всегда ладила съ головою, а на сердце только ссылалась. Чувствуя однообразіе мотивовъ своего вдохновенія, Языковъ началъ объ-

щать бросить «праздныя забавы», перестать бражничать и приняться за важныя дѣла. Но это обѣщаніе скоро обратилось въ общее мѣсто его поэзіи. Между тѣмъ, Пушкина не стало, страсть къ стихамъ начала въ публикѣ смѣняться страстью къ прозѣ, во всемъ чувствовался рѣзкій переломъ. литература явно брала новое направленіе. Стихи Языкова являлись все рѣже и рѣже. Наконецъ, съ 1841 года, въ Москвѣ начался издаваться журналъ «Москвитянинъ», въ которомъ Языковъ вновь началъ являться съ своими стихотвореніями. Въ нихъ уже не было прежняго стиха, но еще были прежнія замашки. Къ этому присоединилось славянофильское направленіе, котораго Языковъ захотѣлъ быть поэтическимъ органомъ. Такъ всегда поэзія этого человѣка была выраженіемъ выбраннаго сознательно принципа. Но ничего нѣтъ хуже, когда поэтъ дѣлается отголоскомъ какой-нибудь партіи: его удѣлъ доводить до смѣшнаго ученіе, которое ему навязано. Такъ и было съ Языковымъ. Послѣднее время его поэтической дѣятельности было грустною эпохою совершеннаго паденія его таланта. Но въ началѣ своего поэтическаго поприща Языковъ оказалъ большія услуги русскому языку, русскому стиху и, отчасти, русской поэзіи. Имя его, конечно, переживетъ его труды и займетъ почетное мѣсто въ исторіи русской литературы. Таково наше мнѣніе о Языковѣ.

Укажемъ теперь на слѣдующій замѣчательный фактъ. Въ ноябрьской книжкѣ одного журнала за 1846 годъ былъ помѣщенъ отзывъ объ извѣстной статьѣ г. Маслова «Жаръ и Жатва Хлѣба», въ которомъ отдана справедливость, по крайней мѣрѣ, чувству, побудившему г. Маслова къ написанію статьи. И что же? въ первой книжкѣ за нынѣшній годъ того же самаго журнала появилась статья, въ которой смѣются надъ статьею г. Маслова со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія, преимущественно филантропической... Авторъ этой статьи имѣлъ смѣлость подписать подъ нею свое имя.

которое теперь должно пріобрѣсти себѣ огромную извѣстность... Удерживаемся отъ всякихъ сужденій объ этой статьѣ: она сама за себя говоритъ громко и, подобно извѣстнымъ поступкамъ, сама въ себѣ носитъ судъ свой... Замѣтимъ только, что въ статьѣ г. Маслову вмѣняется въ преступленіе то, что онъ говоритъ о печальномъ положеніи только рабочихъ женщинъ во время жаровъ жатвы, а не говоритъ ни слова о тѣхъ, которыя во время зимнихъ морозовъ полощутъ въ прорубяхъ рѣкъ бѣлье и т. п. Вотъ это—логика! Докторъ указалъ на новую болѣзнь, описалъ ея признаки и даже предложилъ, въ видѣ опыта, лекарства противъ нея. Вы думаете, что этотъ докторъ пріобрѣлъ право на общую признательность! Ничуть не бывало: не хвалить, а бранить его должно за то, что, указавши на одну новую болѣзнь, не указалъ онъ на тысячи другихъ... Кому такая логика покажется немного странною, тѣхъ отсылаемъ къ журналу, въ которомъ помѣщена статья, — и кстати, пусть они сами рѣшатъ: кто пріобрѣлъ себѣ больше чести и славы, авторъ ли, написавшій эту знаменитую статью, или журналъ, рѣшившійся напечатать ее?

1848

СОВРЕМЕННИКЪ.

КРИТИКА

и

БИБЛІОГРАФІЯ.

ВЗГЛЯДЪ НА РУССКОЮ ЛИТЕРАТУРУ 1847 ГОДА.

I.

ВРЕМЯ И ПРОГРЕСЪ. — ФЕЛЬЕТОНИСТЫ — ВРАГИ ПРОГРЕСА.—УПОТРЕБЛЕНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ СЛОВЪ ВЪ РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.—ГОДИЧНЫЯ ОБОЗРѢНІЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВЪ АЛЬМАНАХАХЪ ДВАДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ.—ОБОЗРѢНІЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ. — НАТУРАЛЬНАЯ ШКОЛА.—ЕЯ ПРОИСХОЖДЕНІЕ. — ГОГОЛЬ. — НАПАДКИ НА НАТУРАЛЬНУЮ ШКОЛУ.—РАЗСМОТРѢНІЕ ЭТИХЪ НАПАДОКЪ

Когда долго не бываетъ тѣхъ замѣчательныхъ событій. которыя рѣзко измѣняютъ въ чемъ-нибудь обычное теченіе дѣлъ и круто поворачиваютъ его въ другую сторону. всѣ года кажутся похожими одинъ на другой. Новый годъ празднуется какъ условный календарный праздникъ, и людямъ кажется, что вся перемѣна, все новое, принесенное истекшимъ годомъ, состоитъ только въ томъ, что каждый изъ нихъ и еще однимъ годомъ сталъ старѣе—

И хоромъ бабушки твердятъ:
Какъ наши годы-то летятъ!

А между тѣмъ, какъ оглянется человѣкъ назадъ и пробѣжитъ въ своей памяти нѣсколько такихъ годовъ, то и видитъ, что все стало съ тѣхъ поръ какъ-то не такъ, какъ было прежде. Разумѣется, тутъ у всякаго свой календарь. свои люстры, олимпіады, десятилѣтія, годины, эпохи, періоды, опредѣляемые и назначаемые событіями его собствен-

ной жизни. И потому одинъ говоритъ: «какъ все перемѣнилось въ послѣднія двадцать лѣтъ!» Для другаго перемѣна произошла въ десять, для третьяго — въ пять лѣтъ. Въ чемъ заключается она, эта перемѣна, не всякій можетъ опредѣлить, но всякій чувствуетъ, что вотъ съ такого-то времени точно произошла какая-то перемѣна, что и онъ какъ будто не тотъ, да и другіе не тѣ, да не совсѣмъ тотъ порядокъ и ходъ самыхъ обыкновенныхъ дѣлъ на свѣтѣ. И вотъ одни жалуются, что все стало хуже; другіе въ восторгѣ, что все становится лучше. Разумѣется, тутъ зло и добро опредѣляется большею частію личнымъ положеніемъ каждаго, и каждый свою собственную особу ставитъ центромъ событій и все на свѣтѣ относитъ къ ней: ему стало хуже, и онъ думаетъ, что все и для всѣхъ стало хуже, и наоборотъ. Но такъ понимаетъ дѣло большинство, масса; люди, наблюдающіе и мыслящіе, въ измѣненіи обычнаго хода житейскихъ дѣлъ, видятъ, напротивъ, не одно улучшеніе или пониженіе ихъ собственнаго положенія, но измѣненіе понятій и нравовъ общества, слѣдовательно развитіе общественной жизни. Развитіе для нихъ есть ходъ впередъ, слѣдовательно улученіе, успѣхъ, прогресъ.

Фельетонисты, которыхъ у насъ теперь развелось такое множество, и которые, по обязанности своей еженедѣльно разсуждать въ газетахъ о томъ, что въ Петербургѣ погода постоянно дурна, считаютъ себя глубокими мыслителями и глашатаями великихъ истинъ, — фельетонисты наши очень не взлюбили слово «прогресъ» и преслѣдуютъ его съ тѣмъ остроуміемъ, котораго неоспоримую и блестящую славу они дѣлятъ только съ нашими же водевилистами. За что же слово «прогресъ» навлекло на себя особенное гоненіе этихъ остроумныхъ господъ? Причинъ много разныхъ. Одному слово это не любо потому, что о немъ не слышно было въ то время, когда онъ былъ молодъ и еще какъ-нибудь и смогъ бы понять его. Другому потому, что это сло-

во введено въ употребленіе не имъ, а другими,—людьми, которые не пишутъ ни фёльетоновъ, ни водевилей, а между тѣмъ имѣютъ въ литературѣ такое вліяніе, что могутъ вводить въ употребленіе новыя слова. Третьему это слово противно потому, что оно вошло въ употребленіе безъ его вѣдома, спросу и совѣта, тогда какъ онъ убѣжденъ, что безъ его участія ничего важнаго не должно дѣлаться въ литературѣ. Между этими господами много большихъ охотниковъ выдумывать что-нибудь новое, да только это никогда имъ не удается. Они и выдумываютъ, да все не въ попадъ, и всѣ ихъ нововведенія отзываются чаромутіемъ и возбуждаютъ смѣхъ. За то чуть только кто-нибудь скажетъ новую мысль или употребитъ новое слово, имъ все кажется, что вотъ эту-то мысль или это-то слово они и выдумали бы непремѣнно, еслибы ихъ не упредили и такимъ образомъ не перебили у нихъ случая отличиться нововведеніемъ. Есть между этими господами и такіе, которые еще не пережили эпохи, когда человѣкъ способенъ еще учиться, и, по лѣтамъ своимъ, могли бы понять слово «прогресъ», такъ не могутъ достичь этого по другимъ «не зависящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ». При всемъ нашемъ уваженіи къ господамъ фёльетонистамъ и водевилистамъ и къ ихъ доказанному блестящему остроумію, мы не войдемъ съ ними въ споръ, боясь, что бой былъ бы слишкомъ не равенъ, разумѣется—для насъ.... Есть еще особенный родъ враговъ «прогреса»; это люди, которые тѣмъ сильнѣйшую чувствуютъ къ этому слову ненависть, чѣмъ лучше понимаютъ его смыслъ и значеніе. Тутъ уже ненависть собственно не къ слову, а къ идеѣ, которую оно выражаетъ, и на невинномъ словѣ вымѣщается досада на его значеніе. Имъ, этимъ людямъ, хотѣлось бы увѣрить и себя и другихъ, что застой лучше движенія, старое всегда лучше новаго и жизнь заднимъ числомъ есть настоящая, истинная жизнь, исполненная счастія и нравственности. Они согла-

шаются, хотя и съ болью въ сердцѣ, что міръ всегда измѣнялся и никогда не стоялъ долго на точкѣ нравственнаго замерзанія; но въ этомъ-то они и видятъ причину всѣхъ золъ на свѣтѣ. Вмѣсто всякаго спора съ этими господами, вмѣсто всякихъ доказательствъ и доводовъ противъ нихъ, мы скажемъ, что это—китайцы... Такое названіе рѣшаетъ вопросъ лучше всякихъ изслѣдованій и разсужденій...

Слово «прогресъ» естественно должно было встрѣтить особенную непріязнь къ нему со стороны пуристовъ русскаго языка, которые возмущаются всякимъ иностраннымъ словомъ, какъ ересью или расколомъ въ ортодоксіи роднаго языка. Подобный пуризмъ имѣетъ свое законное и дѣльное основаніе; но тѣмъ не менѣе онъ—односторонность, доведенная до послѣдней крайности. Нѣкоторые изъ старыхъ писателей, не любя современной русской литературы (потому что она далеко ихъ обошла, а они отъ нея далеко отстали, и такимъ образомъ лишились всякой возможности играть въ ней сколько-нибудь значительную роль), прикрываются пуризмомъ и твердятъ безпрестанно, что въ наше время, прекрасный русскій языкъ всячески искажается и уродуется, особенно введеніемъ въ него иностранныхъ словъ. Но кто же не знаетъ, что пуристы говорили то же самое объ эпохѣ Карамзина? Стало-быть, наше время терпитъ тутъ совершенную напраслину, и если оно виновато въ томъ, въ чемъ его обвиняютъ, то отнюдь не больше всякаго другаго времени, предшествовавшаго ему. Еслибы употребленіе въ русскомъ языкѣ иностранныхъ словъ и было зломъ, оно зло необходимое, корень котораго глубоко лежитъ въ реформѣ Петра Великаго, познакомившей насъ со множествомъ до того совершенно чуждыхъ намъ понятій, для выраженія которыхъ у насъ не было словъ. Поэтому необходимо было чужія понятія и выражать чужими готовыми словами. Нѣкоторыя изъ этихъ словъ такъ и остались непереведенными и незамѣненными, и потому получили праве

гражданства въ русскомъ словарѣ. Всѣ къ нимъ привыкли, всѣ ихъ понимаютъ: за что же гнать ихъ? Конечно, простолюдинъ не пойметъ словъ «инстинктъ», «эгоизмъ», но не потому, не пойметъ словъ: что они иностранныя, а потому, что его уму чужды выражаемыя ими понятія и слова «побудка», «ячество», не будутъ для него нисколько яснѣе «инстинкта» и «эгоизма». Простолюдины не понимаютъ чисто-русскихъ словъ, которыхъ смыслъ внѣ тѣснаго круга ихъ обычныхъ житейскихъ понятій, напримѣръ: «событіе, современность, возникновеніе» и т. п., и хорошо понимаютъ иностранныя слова, выражающія относящіяся къ ихъ быту или не чуждыя его понятія, напримѣръ: «пачпортъ, билетъ, ассигнація, квитанція» и т. п. Что же касается до людей образованныхъ, то «инстинктъ», для нимъ—воля ваша—яснѣе и понятнѣе «побудки», «эгоизмъ»—«ячества», «факты»—«бытей». Но если одни иностранныя слова удержались и получили въ русскомъ языкѣ право гражданства, зато другія, съ теченіемъ времени, были удачно замѣнены русскими, большею частію вновь составленными. Такъ Тредьяковскій, говорятъ, ввелъ слово «предметъ», а Карамзинъ—«промышленность». Такихъ русскихъ словъ, удачно замѣнившихъ собою иностранныя, множество. И мы первые скажемъ, что употреблять иностранное слово, когда есть равносильное ему русское слово, значитъ оскорблять и здравый смыслъ и здравый вкусъ. Такъ, напримѣръ, ничего не можетъ быть нелѣпѣе и диче, какъ употребленіе слова «утрировать», вмѣсто «преувеличивать». Каждая эпоха русской литературы ознаменовывалась наплывомъ иностранныхъ словъ; наша, разумѣется, не избѣгла его. И это еще не скоро кончится: знакомство съ новыми идеями, выработавшимися на чуждой намъ почвѣ, всегда будетъ приводить къ намъ и новыя слова. Но чѣмъ дальше, тѣмъ менѣе это будетъ замѣтно, потому что до сихъ поръ мы вдругъ знакомились съ цѣлымъ кругомъ дотолѣ чуждыхъ намъ понятій. По мѣрѣ нашихъ успѣховъ

въ сближеніи съ Европою, запасы чуждыхъ намъ понятій будутъ все болѣе и болѣе истощаться, и новымъ для насъ будетъ только то, что ново и для самой Европы. Тогда, естественно, и заимствованія пойдутъ ровнѣе, тише, потому что мы будемъ уже не догонять Европу, а идти съ нею рядомъ, не говоря уже о томъ, что и языкъ русскій съ теченіемъ времени будетъ все болѣе и болѣе выработываться, развиваться, становиться гибче и опредѣленнѣе.

Нѣтъ сомнѣнія, что охота пестрить русскую рѣчь иностранными словами безъ нужды, безъ достаточнаго основанія, противна здравому смыслу и здравому вкусу; но она вредитъ не русскому языку и не русской литературѣ, а только тѣмъ, кто одержимъ ею. Но противоположная крайность, т. е. неумѣренный пуризмъ, производитъ тѣ же слѣдствія, потому что крайности сходятся. Судьба языка не можетъ зависѣть отъ произвола того или другаго лица. У языка есть хранитель надежный и вѣрный: это—его же собственный духъ, геній. Вотъ почему изъ множества вводимыхъ иностранныхъ словъ удерживаются только немногія, а остальныя сами собою исчезаютъ. Тому же самому закону подлежатъ и новосоставляемыя русскія слова: одни изъ нихъ удерживаются, другія исчезаютъ. Неудачно придуманное русское слово для выраженія чуждаго понятія не только не лучше, но рѣшительно хуже иностраннаго слова. Говорятъ, для слова «прогресъ» не нужно и выдумывать новаго слова, потому что оно удовлетворительно выражается словами; «успѣхъ, поступательное движеніе», и т. д. Съ этимъ нельзя согласиться. Прогресъ относится только къ тому, что развивается само изъ себя. Прогресомъ можетъ быть и то, въ чемъ вовсе нѣтъ успѣха, пріобрѣтенія, даже шагу впередъ; и напротивъ, прогресомъ можетъ быть иногда неуспѣхъ, упадокъ, движеніе назадъ. Это именно относится къ историческому развитію. Бываютъ въ жизни народовъ и человѣчества эпохи несчастныя

въ которыя цѣлыя поколѣнія какъ бы приносятся въ жертву слѣдующимъ поколѣніямъ. Проходитъ тяжелая година—и изъ зла рождается добро. Слово «прогресъ» отличается всею опредѣленностію и точностію научнаго термина, и въ послѣднее время оно сдѣлалось ходячимъ словомъ, его употребляютъ всѣ—даже тѣ, которые нападаютъ на его употребленіе. И потому, пока не явится русскаго слова, которое бы вполнѣ замѣнило его собою, мы будемъ употреблять слово «прогресъ».

Всякое органическое развитіе совершается черезъ прогресъ, развивается же органически только то, что̀ имѣетъ свою исторію, а имѣетъ свою исторію только то, въ чемъ каждое явленіе есть необходимый результатъ предыдущаго и имъ объясняется. Если можно представить себѣ литературу, въ которой являются отъ времени до времени сочиненія замѣчательныя, но чуждыя всякой внутренней связи и зависимости, обязанныя своимъ появленіемъ внѣшнимъ вліяніямъ, подражательности,—у такой литературы не можетъ быть исторіи. Ея исторія—каталогъ книгъ. Къ такой литературѣ слово «прогресъ» неприложимо, и появленіе новаго, почему-нибудь замѣчательнаго произведенія въ ней не есть прогресъ, потому что это произведеніе не имѣетъ корня въ прошедшемъ и не дастъ плода въ будущемъ. Тутъ время и годы ничего не значатъ: они могутъ идти себѣ, ничего не измѣняя. Не такъ бываетъ въ литературѣ, развивающейся исторически: тутъ каждый годъ что̀-нибудь да приноситъ за собою, и это что̀ нибудь есть прогресъ. Но не каждый годъ можно ясно увидѣть и опредѣлить этотъ прогресъ; часто онъ оказывается только въ послѣдствіи. Но во всякомъ случаѣ, очень полезно въ опредѣленные сроки, напримѣръ, по окончаніи каждаго года, обозрѣвать въ цѣломъ ходъ литературы, ея пріобрѣтенія, ея богатства или ея бѣдность. Такія обозрѣнія не безполезны для настоящаго времени и могутъ служить важнымъ пособіемъ для будущаго историка литературы.

Отчеты о литературной дѣятельности за каждый истекшій годъ начали входить у насъ въ обыкновеніе съ 1823 года. Примѣръ былъ поданъ Марлинскимъ, въ знаменитомъ того времени альманахѣ. И съ тѣхъ поръ годовыя обозрѣнія литературы почти не прерывались въ альманахахъ въ продолженіи десяти лѣтъ. Въ журналахъ же они появлялись рѣдко, но въ послѣднее время постоянно печатаются въ одномъ извѣстномъ журналѣ уже лѣтъ семь сряду. Отдѣленіе критики въ «Современникѣ» прошлаго года началось обзоромъ русской литературы 1846 года, и каждая первая книжка его на новый годъ всегда будетъ заключать въ себѣ такое обозрѣніе литературной дѣятельности за истекшій годъ.

Подобныя обозрѣнія съ теченіемъ времени дѣлаются истинными лѣтописями литературы, важнымъ пособіемъ для ея историка. Альманачныя обозрѣнія, о которыхъ мы сейчасъ говорили, имѣютъ теперь для насъ весь интересъ старины, несмотря на то, что начались всего 24 года назадъ тому! Такъ быстро идетъ впередъ наша литература! Но какою отдаленною, какою глубокою стариною отзывается «Обозрѣніе русской литературы 1814 года», написанное г. Гречемъ и помѣщенное въ «Сынѣ Отечества» 1815 года! На нѣсколькихъ жиденькихъ страничкахъ исчислены всѣ ученыя и литературныя пріобрѣтенія и сокровища 1814 года. Годъ этотъ дѣйствительно ознаменованъ былъ появленіемъ нѣсколькихъ замѣчательныхъ серьёзныхъ книгъ, какъ, напримѣръ: «Собраніе государственныхъ россійскихъ грамотъ и договоровъ», обязанное своимъ изданіемъ графу Н. П. Румянцеву; «Исторія медицины въ Россіи», Рихтера, и переводъ Дестуниса «Плутарховыхъ Жизнеописаній». Но что̀ за страшная бѣдность по части собственно такъ-называемой изящной словесности! Переводъ Делилевой поэмы «Сады», г. Палицына, описательная поэма князя Шихматова «Сельскій Житель», стихотвореніе Державина

«Христосъ», «Ночь на размышленіе», князя Шихматова, и «Размышленіе о судьбѣ», князя Долгорукова. Все это поэмы въ дидактическомъ родѣ, который тогда былъ особенно въ ходу, а теперь давно уже признанъ анти-поэтическимъ и забытъ совершенно. Потомъ въ обозрѣніи г. Греча упоминается объ изданіи басенъ и сказокъ Александра Измайлова и о басняхъ какого-то г. Агафи, и въ заключеніе замѣчено, что басни Крылова были помѣщаемы въ журналахъ. Вотъ и все! Авторъ обозрѣнія замѣчаетъ, что въ теченіи первыхъ пяти лѣтъ XIX столѣтія вышло болѣе сочиненій, нежели прежде того въ теченіи десяти лѣтъ, но что, по причинѣ политическихъ обстоятельствъ того времени, съ 1806 до 1814 года, литературное движеніе въ Россіи почти совсѣмъ остановилось. Въ продолженіи второй половины 1812 и первой 1813 годовъ не только не вышло въ свѣтъ, но и не было написано ни одной страницы, которая бы не имѣла предметомъ тогдашнихъ происшествій. «Наконецъ, въ 1814 году — говоритъ авторъ обозрѣнія — увѣнчавшемъ всѣ напряженія и труды истекшихъ лѣтъ, русская литература, посвящая поэзію и краснорѣчіе въ честь и славу великаго монарха своего, обратилась снова на путь мирный, уровненный и огражденный навсегда. Въ теченіе сего года вышли многіе сочиненія и переводы, которые останутся незабвенными въ лѣтописяхъ нашей литературы». Это отчасти справедливо, только не въ отношеніи къ произведеніямъ поэзіи.... Замѣчательно, что, признавая бѣдность нѣкоторыхъ разрядовъ своего обозрѣнія, авторъ, какъ успѣху русской литературы, радуется тому, что, въ теченіи 1814 года вышло въ Петербургѣ и Москвѣ только по одному роману (оба переведены съ нѣмецкаго), да двѣ историческія повѣсти! Не думалъ онъ тогда, что романъ и повѣсть скоро станутъ во главѣ всѣхъ родовъ поэзіи, и что самъ онъ напишетъ нѣкогда «Поѣздку въ Германію» и «Черную жен-

щину»! Но вотъ еще характеристическая черта нашей литературы, или, лучше сказать, нашей публики, — черта, о которой, къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы теперь она отзывалась стариною: извѣстнаго путешествія Крузенштерна вокругъ свѣта, изданнаго въ 1809—1813 годахъ, на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, и путешествія вокругъ свѣта Лисянскаго, изданнаго въ 1812 году, на русскомъ и англійскомъ языкахъ, въ Россіи разошлось — говоритъ авторъ обозрѣнія — едва ли по двѣсти экземпляровъ каждаго, между тѣмъ какъ въ Германіи вышло три изданія путешествія Крузенштерна, а въ Лондонѣ продана въ двѣ недѣли половина экземпляровъ книги Лисянскаго.

Годичныя обозрѣнія появились въ альманахахъ вслѣдствіе начинавшаго возникать критическаго духа. Приступая къ обозрѣнію литературы извѣстнаго года, критикъ начиналъ иногда очеркомъ всей исторіи русской литературы. Писать эти обозрѣнія тогда было очень легко и очень трудно. Легко потому, что все ограничивалось легкими сужденіями, выражавшими личный вкусъ обозрѣвателя; трудно, или, лучше сказать, скучно потому, что это была работа дробная, мелкая: надо было перечислить рѣшительно все, что появилось въ теченіи обозрѣваемаго года отдѣльно изданнымъ, въ журналахъ и альманахахъ: оригинальное и переводное. А что печаталось тогда, по части изящной словесности, въ журналахъ и альманахахъ? — большею частію крошечные отрывки изъ маленькихъ поэмъ, изъ романовъ, повѣстей, драмъ, и т. п. Большею частію цѣлыхъ сочиненій и не существовало: отрывокъ писался безъ всякаго намѣренія написать цѣлое. О каждой такой бездѣлицѣ надо было упомянуть и сказать свое мнѣніе, потому что тогда при началѣ такъ-называемаго романтизма, все было ново, все интересовало собою, все считалось важнымъ событіемъ — и отрывокъ изъ несуществующей поэмы въ двадцать стиховъ счетомъ, и эле-

гія, и сотое подражапіе какой-нибудь піэсѣ Ламартина, переводъ романа Вальтеръ-Скотта и переводъ романа какого-нибудь Фанъ-деръ-Фельде.

Въ этомъ отношеніи, теперь гораздо лучше писать обозрѣнія. Теперь уже не считается принадлежащимъ къ литературѣ все, что ни выходитъ изъ-подъ типографскихъ станковъ. Теперь многое испытано, ко многому приглядѣлись и привыкли. Конечно, переводъ такого романа, какъ «Домби и Сынъ», и теперь замѣчательное явленіе въ литературѣ, и обозрѣватель не вправѣ пропустить его безъ вниманія; но за то переводы романовъ Сю, Дюма и другихъ французскихъ беллетристовъ, появляющіеся теперь дюжинами, уже нельзя считать всегда литературными явленіями. Они пишутся сплеча, ихъ цѣль—выгодный сбытъ, доставляемое ими наслажденіе извѣстному разряду любителей такой литературы, относится, конечно, ко вкусу, но не къ эстетическому, а тому, который у однихъ удовлетворяется сигарами, у другихъ щелканіемъ орѣшковъ... Публика нашего времени уже не та, что была прежде. Произволъ критики уже не можетъ убить хорошей книги и дать ходъ дурной. Французскіе романы наполняютъ собою наши журналы и издаются особо; въ томъ и другомъ случаѣ, они находятъ себѣ множество читателей. Но по этому отнюдь не слѣдуетъ дѣлать рѣзкихъ заключеній о вкусѣ публики. Многіе берутся за романъ Дюма, какъ за сказку, впередъ зная, что это такое; читаютъ его съ тѣмъ, чтобы развлечь себя на время чтенія небывалыми приключеніями, а потомъ и забыть ихъ навсегда. Въ этомъ, разумѣется, нѣтъ ничего дурнаго. Одинъ любитъ качаться на качеляхъ, другой ѣздить верхомъ, третій плавать, четвертый курить, и многіе, вмѣстѣ съ этимъ, любятъ читать вздорныя сказки, хорошо разсказываемыя. Поэтому переводные романы и повѣсти уже не заслоняютъ собою оригинальныхъ; напротивъ, общій вкусъ публики отдаетъ послѣднимъ рѣшительное предпочтеніе,

такъ что помѣщать въ журналахъ преимущественно переводные романы и повѣсти заставляетъ журналистовъ только одна крайность, т. е. недостатокъ въ оригинальныхъ произведеніяхъ этого рода. И такое направленіе вкуса публики становится замѣтнѣе и опредѣленнѣе годъ отъ году. Въ отношеніи же къ оригинальнымъ произведеніямъ очарованіе именъ совершенно изчезло; громкое имя, конечно, и теперь заставитъ каждаго взяться за новое сочиненіе, но уже никто не придетъ отъ него въ восторгъ, если въ немъ хорошаго одно только имя автора. Сочиненія посредственныя, слабыя проходятъ незамѣтными, умираютъ своею смертію, а не отъ ударовъ критики. Такому положенію литературы, столь различному отъ того, въ какомъ она находилась лѣтъ двадцать назадъ тому, должна соотвѣтствовать и критика. Отдавая отчетъ въ годичномъ движеніи литературной дѣятельности, теперь нечего обращать вниманіе на количество произведеній или хлопотать объ оцѣнкѣ каждаго явленія, изъ опасенія, что, безъ указаній критики, публика не будетъ знать, что̀ считать ей хорошимъ и что̀ — дурнымъ. Нѣтъ даже нужды останавливаться на каждомъ порядочномъ произведеніи и вдаваться въ подробный разборъ всѣхъ его красотъ и недостатковъ. Подобное вниманіе принадлежитъ теперь по праву только особенно замѣчательнымъ, въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ, произведеніямъ. Главная же задача тутъ—показать преобладающее направленіе, общій характеръ литературы въ данное время, прослѣдить въ ея явленіяхъ оживляющую и движущую ее мысль. Только такимъ образомъ можно если не опредѣлить, то хоть намекнуть, на сколько истекшій годъ подвинулъ впередъ литературу, какой прогрессъ совершила она въ немъ.

Собственно новымъ 1847 годъ ничѣмъ не ознаменовалъ себя въ литературѣ. Явились въ преобразованномъ видѣ нѣкоторыя изъ старыхъ періодическихъ изданій, явился даже одинъ новый листокъ; замѣчательными произведеніями

по части изящной словесности прошлый годъ былъ особенно богатъ въ сравненіи съ предшествовавшими годами; явилось нѣсколько новыхъ именъ, новыхъ талантовъ и дѣйствователей по разнымъ частямъ литературы. Но не явилось ни одного изъ тѣхъ ярко-замѣчательныхъ произведеній, которыя своимъ появленіемъ дѣлаютъ эпоху въ исторіи литературы, даютъ ей новое направленіе. Вотъ почему мы говоримъ, что собственно новымъ литература прошлаго года ничѣмъ не ознаменовала себя. Она шла по прежнему пути, котораго нельзя назвать ни новымъ, потому что онъ успѣлъ уже обозначиться, ни старымъ, потому что слишкомъ недавно открылся для литературы,—именно немного раньше того времени, когда въ первый разъ было кѣмъ-то выговорено слово: «натуральная школа». Съ тѣхъ поръ прогрессъ русской литературы въ каждомъ новомъ году состоялъ въ болѣе твердомъ ея шагѣ въ этомъ направленіи. Прошлый 1847 годъ былъ особенно замѣчателенъ въ этомъ отношеніи, въ сравненіи съ предшествовавшими ему годами, какъ по числу и замѣчательности вѣрныхъ этому направленію произведеній, такъ и большею опредѣленностію, сознательностію и силою самого направленія и большимъ его кредитомъ у публики.

Натуральная школа стоитъ теперь на первомъ планѣ русской литературы. Съ одной стороны, нисколько не преувеличивая дѣла, по какимъ-нибудь пристрастнымъ увлеченіямъ, мы можемъ сказать, что публика, т. е. большинство читателей за нее: это фактъ, а не предположеніе. Теперь вся литературная дѣятельность сосредоточилась въ журналахъ; а какіе журналы пользуются большею извѣстностію, имѣютъ болѣе обширный кругъ читателей и бóльшее вліяніе на мнѣніе публики, какъ не тѣ, въ которыхъ помѣщаются произведенія натуральной школы? Какіе романы и повѣсти читаются публикою съ особеннымъ интересомъ, какъ не тѣ, которые принадлежатъ натуральной школѣ

или, лучше сказать, читаются ли публикою романы и повѣсти, не принадлежащіе къ натуральной школѣ? Какая критика пользуется бо̀льшимъ вліяніемъ на мнѣніе публики, или, лучше сказать, какая критика болѣе сообразна съ мнѣніемъ и вкусомъ публики, какъ не та, которая стоитъ за натуральную школу противъ риторической? Съ другой стороны, о комъ безпрестанно говорятъ, спорятъ, на кого безпрестанно нападаютъ съ ожесточеніемъ, какъ не на натуральную школу? Партіи, ничего не имѣющія между собою общаго, въ нападкахъ на натуральную школу дѣйствуютъ согласно, единодушно, приписываютъ ей мнѣнія, которыхъ она чуждается, намѣренія, которыхъ у ней никогда не было, ложно перетолковываютъ каждое ея слово, каждый ея шагъ, то бранятъ ее съ запальчивостію, забывая иногда приличіе, то жалуются на нее чуть не со слезами. Что̀ общаго между заклятыми врагами Гоголя, представителями побѣжденнаго риторическаго направленія, и между такъ-называемыми славянофилами?—Ничего!—и однакожь послѣдніе, признавая Гоголя основателемъ натуральной школы, согласно съ первыми нападаютъ, въ томъ же тонѣ, тѣми же словами, съ такими же доказательствами, на натуральную школу, и почли за нужное отличиться отъ своихъ новыхъ союзниковъ только логическою непослѣдовательностію, вслѣдствіе которой они поставили Гоголю въ заслугу то самое, за что̀ преслѣдуютъ его школу, на томъ основаніи, что онъ писалъ по какой-то «потребности внутренняго очищенія». Къ этому должно прибавить, что школы, непріязненныя натуральной, не въ состояніи представить ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго произведенія, которое доказало бы дѣломъ, что можно писать хорошо, руководствуясь правилами, противоположными тѣмъ, которыхъ держится натуральная школа. Всѣ попытки ихъ въ этомъ родѣ послужили къ торжеству натурализма и паденію риторизма. Видя это, нѣкоторые изъ противниковъ натураль-

ной школы пытались противопоставлять ей ея же писателей. Такъ одна газета думала г. Бутковымъ уничтожить авторитетъ самого Гоголя....

Все это нисколько не ново въ нашей литературѣ, но было не разъ и всегда будетъ. Карамзинъ первый произвелъ раздѣленіе въ едва возникавшей тогда русской литературѣ. До него всѣ были согласны во всѣхъ литературныхъ вопросахъ, и если бывали разногласія и споры, они выходили не изъ мнѣній и убѣжденій, а изъ мелкихъ и безпокойныхъ самолюбій Тредьяковскаго и Сумарокова. Но это согласіе доказывало только безжизненность тогдашней такъ-называемой литературы. Карамзинъ первый оживилъ ее, потому что перевелъ ее изъ книги въ жизнь, изъ школы въ общество. Тогда, естественно, явились и партіи, началась война на перьяхъ, раздались вопли, что Карамзинъ и его школа губятъ русскій языкъ и вредятъ добрымъ русскимъ нравамъ. Въ лицѣ его противниковъ, казалось, вновь возстала русская упорная старина, которая съ такимъ судорожнымъ, и тѣмъ болѣе безплоднымъ напряженіемъ, отстаивала себя отъ реформы Петра Великаго. Но большинство было на сторонѣ права, т. е. таланта и современныхъ нравственныхъ потребностей, вопли противниковъ заглушались хвалебными гимнами поклонниковъ Карамзина. Все группировалось около него, и отъ него все получало свое значеніе и свою значительность, все—даже его противники. Онъ былъ героемъ, Ахилломъ литературы того времени. Но что, вся эта тревога въ сравненіи съ бурею, которая поднялась съ появленіемъ Пушкина на литературномъ поприщѣ? Она такъ памятна всѣмъ, что нѣтъ нужды распространяться о ней. Скажемъ только, что противники Пушкина видѣли въ его сочиненіяхъ искаженіе русскаго языка, русской поэзіи, несомнѣнный вредъ не только для эстетическаго вкуса публики, но и — повѣрятъ ли теперь этому? — для общественной нравственности!!... Не

желая шевелить старыя дрязги, мы удерживаемся отъ всякихъ указаній, но если у насъ ихъ потребуютъ, мы всегда готовы представить печатныя доказательства. Въ одной критикѣ на «Графа Нулина» Пушкинъ обвинялся въ неприличіи, доходящемъ до цинизма! Перечитывая эту критику теперь, невольно забываешь, когда и на что̀ она писана: такъ и кажется, что это сейчасъ написанная статья противъ какого-нибудь произведенія теперешней натуральной школы: тотъ же языкъ, тѣ же доводы, та же манера браться за дѣло, какіе и теперь употребляются въ нападкахъ на натуральную школу.

Что̀ же за причина, что противники всякаго движенія впередъ во всѣ эпохи нашей литературы говорили одно и то же и почти одними и тѣми же словами?

Причина этото скрывается тамъ же, гдѣ надо искать и происхожденіе натуральной школы—въ исторіи нашей литературы. Она началась натурализмомъ: первый свѣтскій писатель былъ сатирикъ Кантемиръ. Несмотря на подражаніе латинскимъ сатирикамъ и Буало, онъ умѣлъ остаться оригинальнымъ, потому что былъ вѣренъ натурѣ и писалъ съ нея. Къ несчастію, однообразіе избраннаго имъ рода, грубость и необработанность языка, не свойственный нашей поэзіи силлабическій метръ, не допустили Кантемира быть образцомъ и законодателемъ русской поэзіи. Роль эта была предоставлена Ломоносову. Но какъ Кантемиръ все-таки остается человѣкомъ съ необыкновеннымъ талантомъ, то его и нельзя выключить изъ русской исторіи литературы, какъ перваго, по времени, ея поэта. Поэтому, мы вправѣ сказать, не искажая фактовъ и не дѣлая натяжекъ, что русская поэзія, при самомъ началѣ своемъ, потекла, если можно такъ выразиться, двумя параллельными другъ другу руслами, которыя, чѣмъ далѣе, тѣмъ чаще сливались въ одинъ потокъ, разбѣгаясь послѣ опять на два, до тѣхъ поръ, пока въ наше время не составили одного

цѣлаго. Въ лицѣ Кантемира, русская поэзія обнаружила стремленіе къ дѣйствительности, къ жизни, какъ она есть, основала свою силу на вѣрности натурѣ. Въ лицѣ Ломоносова, она обнаружила стремленіе къ идеалу, поняла себя, какъ оракула жизни высшей, выспренней, какъ глашатая всего высокаго и великаго. Оба эти направленія были законны и оба вышли не изъ жизни, а изъ теоріи, изъ книги, изъ школы. Но манера, съ какою Кантемиръ взялся за дѣло, утверждаетъ за первымъ направленіемъ преимущество истины и реальности. Въ Державинѣ, какъ талантѣ высшемъ, оба эти направленія часто сливались, и его оды къ «Фелицѣ», «Вельможѣ», «На Счастіе» едва ли не лучшія его произведенія, по крайней мѣрѣ, безъ всякаго сомнѣнія въ нихъ больше оригинальнаго, русскаго, нежели въ его торжественныхъ одахъ. Въ басняхъ Хемницера и въ комедіяхъ Фонъ-Визина отозвалось направленіе, представителемъ котораго, по времени, былъ Кантемиръ. Сатира у нихъ уже рѣже переходитъ въ преувеличеніе и каррикатуру, становится болѣе натуральною, по мѣрѣ того, какъ становится болѣе поэтическою. Въ басняхъ Крылова сатира дѣлается вполнѣ художественною; натурализмъ становится отличною характеристическою чертою его поэзіи. Это былъ первый великій натуралистъ въ нашей поэзіи. За то онъ первый и подвергся упрекамъ за изображенія «низкой природы», особенно за басню «Свинья». Посмотрите, какъ натуральны его животныя: это настоящіе люди, съ рѣзко очерченными характерами, и притомъ люди русскіе, а не другіе какіе-нибудь. А его басни, въ которыхъ дѣйствующія лица—русскіе мужички? Не есть ли это верхъ натуральности? И однакожь теперь уже не упрекаютъ Крылова ни за свинью, которая, «не жалѣя рыла, весь задній дворъ изрыла», ни за то, что, въ своихъ басняхъ, онъ выводилъ мужиковъ, да еще заставлялъ ихъ говорить самымъ мужицкимъ складомъ. Скажутъ: то басня, то такой ужь родъ поэзіи. А

развѣ законы изящнаго не одинаковы для всѣхъ его родовъ? Дмитріевъ писалъ тоже басни, и въ нихъ изрѣдка вводилъ, эпизодически, крестьянъ; но его басни, имѣющія свои неотъемленныя достоинства, нисколько не отличаются натуральностію, и его крестьяне говорятъ въ нихъ какимъ-то общимъ, не принадлежащимъ исключительно ни одному сословію языкомъ. Причина этой разницы лежитъ въ томъ, что поэзія Дмитріева и въ басняхъ его, такъ же какъ и въ одахъ, шла отъ Ломоносова, а не отъ Кантемира, держалась идеала, а не дѣйствительности. Теорія Ломоносова опиралась на древнихъ, какъ понимали ихъ тогда въ Европѣ. Карамзинъ и Дмитріевъ, особенно послѣдній, смотрѣли на искусство глазами Французовъ XVIII вѣка. А извѣстно, что Французы того времени понимали искусство какъ выраженіе жизни не народа, а общества, и притомъ только высшаго, дворянскаго, и приличіе считали главнымъ и первымъ условіемъ поэзіи. Оттого у нихъ греческіе и римскіе герои ходили въ парикахъ и говорили героинямъ: madame! Эта теорія глубоко проникла въ русскую литературы, и, какъ увидимъ далѣе, слѣды ея вліянія не изгладились совсѣмъ и до сихъ поръ...

Озеровъ, Жуковскій и Батюшковъ продолжали собою направленіе, данное нашей поэзіи Ломоносовымъ. Они были вѣрны идеалу, но этотъ идеалъ у нихъ становился все менѣе и менѣе отвлеченнымъ и риторическимъ, все больше и больше сближающимся съ дѣйствительностію или по крайней мѣрѣ стремившимся къ этому сближенію. Въ произведеніяхъ этихъ писателей, особенно двухъ послѣднихъ, языкомъ поэзіи заговорили уже не одни оффиціяльные восторги, но и такія страсти, чувства и стремленія, источникомъ которыхъ были не отвлеченные идеалы, но человѣческое сердце, человѣческая душа. Наконецъ явился Пушкинъ, поэзія котораго относится къ поэзіи всѣхъ предшествовавшихъ ему поэтовъ, какъ достиженіе относится

къ стремленію. Въ ней слились въ одинъ широкій потокъ оба, до того текшіе раздѣльно, ручья русской поэзіи. Русское ухо услышало въ ея сложномъ аккордѣ и чисто русскіе звуки. Несмотря на преимущественно идеальный и лирическій характеръ первыхъ поэмъ Пушкина, въ нихъ уже вошли элементы жизни дѣйствительной, что̀ доказывается смѣлостію, въ то время удивившею всѣхъ, ввести въ поэму не классическихъ итальянскихъ или испанскихъ. а русскихъ разбойниковъ, не съ кинжалами, и пистолетами, а широкими ножами и тяжелыми кистенями, и заставить одного изъ нихъ говорить въ бреду про кнутъ и грозныхъ палачей. Цыганскій таборъ, съ оборванными шатрами между колесами телѣгъ, съ пляшущимъ медвѣдемъ и нагими дѣтьми въ перикидныхъ корзинкахъ на ослахъ, былъ тоже неслыханною дотолѣ сценою для кроваваго трагическаго событія. Но въ «Евгеніи Онѣгинѣ» идеалы еще болѣе уступили мѣсто дѣйствительности или, по крайней мѣрѣ, то и другое до того слилось во что-то новое, среднее между тѣмъ и другимъ, что поэма эта должна по справедливости считаться произведеніемъ, положившимъ начало поэзіи нашего времени. Тутъ уже натуральность является не какъ сатира, не какъ комизмъ, а какъ вѣрное воспроизведеніе дѣйствительности, со всѣмъ ея добромъ и зломъ, со всѣми ея житейскими дрязгами; около двухъ или трехъ лицъ, опоэтизированныхъ или нѣсколько идеализированныхъ, выведены люди обыкновенные, но не на посмѣшище, какъ уроды, какъ исключенія изъ общаго правила, а какъ лица, составляющія большинство общества. И все это въ романѣ, писанномъ стихами!

Что̀ же въ это время дѣлалъ романъ въ прозѣ?

Онъ всѣми силами стремился къ сближенію съ дѣйствительностію, къ натуральности. Вспомните романы и повѣсти Нарѣжнаго, Булгарина, Марлинскаго, Загоскина, Лажечникова, Ушакова, Вельтмана, Полеваго, Погодина.

Здѣсь не мѣсто разсуждать о томъ, кто изъ нихъ больше сдѣлалъ, чей талантъ былъ выше; мы говоримъ объ общемъ имъ всѣмъ стремленіи — сблизить романъ съ дѣйствительностію, сдѣлать его вѣрнымъ ея зеркаломъ. Между этими попытками были очень замѣчательныя, но тѣмъ не менѣе всѣ онѣ отзывались переходною эпохою, стремились къ новому, не оставляя старой колеи. Весь успѣхъ заключался въ томъ, что, несмотря на вопли старовѣровъ, въ романѣ стали появляться лица всѣхъ сословій, и авторы старались поддѣлываться подъ языкъ каждаго. Это называлось тогда народностію. Но эта народность слишкомъ отзывалась маскарадностью: русскія лица низшихъ сословій походили на переряженныхъ баръ, а бары только именами отличались отъ иностранцевъ. Нуженъ былъ геніяльный талантъ, чтобы навсегда освободить русскую поэзію, изображающую русскіе нравы, русскій бытъ, изъ-подъ чуждыхъ ей вліяній. Пушкинъ много сдѣлалъ для этого; но докончить, довершить дѣло предоставлено было другому таланту. Въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829 годъ явился отрывокъ изъ романа Пушкина: «Арапъ Петра Великаго», подъ заглавіемъ: «IV глава изъ историческаго романа». Этотъ маленькій отрывокъ былъ — верхъ натуральности! Въ такой тѣсной рамкѣ такая широкая картина нравовъ эпохи Петра Великаго! Но, къ сожалѣнію, этого романа было написано всего только шесть главъ и начало седьмой (вполнѣ онѣ были напечатаны уже по смерти Пушкина).

Съ появленія «Миргорода» и «Арабесокъ» (въ 1835 году) и «Ревизора» (въ 1836), начинается полная извѣстность Гоголя и его сильное вліяніе на русскую литературу. Изъ всѣхъ сужденій объ этомъ писателѣ, высказанныхъ почитателями его таланта, самое замѣчательное и близкое къ истинѣ едва ли не принадлежитъ человѣку, который вовсе не принадлежитъ къ числу его почитателей

и который, какъ будто въ какомъ-то внезапномъ вдохновеніи, самъ не зная какъ, вышелъ на минуту изъ своей обычной колеи, которой былъ вѣренъ всю жизнь, проговорившu о Гоголѣ слѣдующій диѳирамбъ:

«Всѣ произведенія Гоголя обнаруживаютъ въ немъ самоувѣренность, стремленіе къ самодѣятельности, какое-то умышленное, насмѣшливое пренебреженіе къ прежнимъ знаніямъ, опытамъ и образцамъ, *онъ читаетъ только книгу природы*, *изучаетъ только міръ дѣйствительный*; потому его идеалы слишкомъ естественны и просты до наготы; они, по выраженію Ивана Никифоровича, одного изъ его созданій, являются передъ читателемъ въ натурѣ. Красоты его созданій всегда новы, свѣжи, поразительны; *ошибки чуть не отвратительны (?)*; *онъ, какъ будто забывъ исторію, подобно древнимъ, начинаетъ новый міръ искусствъ*, вызывая его изъ небытія въ *простонравное (?) хаотическое* (?!) состояніе; потому-то его искусство какъ будто не знаетъ, не понимаетъ стыдливости; онъ великій художникъ, не знающій исторіи и не видавшій образцовъ искусства».

Въ этомъ, исполненномъ лирическаго безпорядка диѳирамбѣ, безъ воли и сознанія автора, высказана самая характеристическая черта таланта Гоголя—оригинальность и самобытность, отличающія его отъ всѣхъ русскихъ писателей. Что это сдѣлано нечаянно, по вдохновенію, доказывается и параллелью, которую проводитъ авторъ между Гоголемъ и—кѣмъ бы вы думали? — г. Кукольникомъ!!—и странными, противорѣчащими словами и выраженіями въ самомъ диѳирамбѣ, доказывающими, что не въ волѣ человѣка даже на минуту, и притомъ въ порывѣ вдохновенія, совершенно оторваться отъ обычной колеи своей жизни. Надо сказать, что авторъ — теоретикъ и всю жизнь провелъ въ составленіи и преподаваніи разныхъ риторикъ и піитикъ, которыя, какъ и всѣ книги этого рода, никогда и никого не научили сочинять хорошо, но съ толку сбили многихъ. Вотъ почему его особенно поразила въ сочиненіяхъ Гоголя ихъ полная отрѣшенность и независимость отъ всякихъ школьныхъ правилъ и преданій,—и если онъ

не могъ, съ одной стороны, не вмѣнить ему этого въ заслугу, то, съ другой, не могъ того же самаго не поставить ему въ заслуженный упрекъ. Отсюда и увидалъ онъ въ сочиненіяхъ Гоголя «ошибки, чуть не отвратительныя» и «простонравное хаотическое состояніе искусства». Спросите его, какія это ошибки, — и мы увѣрены, что онъ прежде всего укажетъ на будочника, который казнитъ звѣря на ногтѣ (въ «Мертвыхъ Душахъ»), и этимъ фактомъ подтвердитъ окончательно, что Гоголь «не знаетъ исторіи и не видалъ образцовъ искусства». А между тѣмъ Гоголю, вѣроятно, извѣстнѣе, нежели его критику, что одна изъ извѣстнѣйшихъ галлерей въ Европѣ хранитъ, какъ безцѣнное сокровище, картину великаго Мурильо, представляющую мальчика, который съ усердіемъ и обстоятельно занимается тѣмъ, что̀ будочникъ сдѣлалъ съ просонья и мимоходомъ.

Какъ бы то ни было, но дѣйствительно вліяніе теорій и школъ было одною изъ главныхъ причинъ, почему многіе сначала спокойно, безъ всякой враждебности, искренно и добросовѣстно видѣли въ Гоголѣ не болѣе, какъ писателя забавнаго, но тривіальнаго и незначительнаго, и вышли изъ себя уже вслѣдствіе восторженныхъ похвалъ, расточавшихся ему другою стороною, и важнаго значенія, которое онъ быстро пріобрѣталъ въ общественномъ мнѣніи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни ново было, въ свое время, направленіе Карамзина, — оно оправдывалось образцами французской литературы. Какъ ни странно поразили всѣхъ баллады Жуковскаго, съ ихъ мрачнымъ колоритомъ, съ ихъ кладбищами и мертвецами, — но за нихъ были имена корифеевъ нѣмецкой литературы. Самъ Пушкинъ, съ одной стороны, былъ подготовленъ предшествовавшими ему поэтами, и первые опыты его носили на себѣ легкіе слѣды ихъ вліянія, а съ другой стороны, его нововведенія оправдывались общимъ движеніемъ во всѣхъ литературахъ Европы

и вліяніемъ Байрона — авторитета огромнаго. Но Гоголю не было образца, не было предшественниковъ ни въ русской, ни въ иностранныхъ литературахъ. Всѣ теоріи, всѣ преданія литературныя были противъ него, потому что онъ былъ противъ нихъ. Чтобы понять его, надо было вовсе выкинуть ихъ изъ головы, забыть о ихъ существованіи,—а это для многихъ значило бы переродиться, умереть и вновь воскреснуть. Чтобы яснѣе сдѣлать нашу мысль, посмотримъ, въ какихъ отношеніяхъ находится Гоголь къ другимъ русскимъ поэтамъ. Конечно, и въ тѣхъ сочиненіяхъ Пушкина, которыя представляютъ чуждыя русскому міру картины, безъ всякаго сомнѣнія, есть элементы русскіе, но кто укажетъ ихъ? Какъ доказать, что, напримѣръ, поэмы: «Моцартъ и Сальери», «Каменный Гость», «Скупой Рыцарь», «Галубъ», могли быть написаны только русскимъ поэтомъ, и что ихъ не могъ бы написать поэтъ другой націи? То же можно сказать и о Лермонтовѣ. Всѣ сочиненія Гоголя посвящены исключительно изображенію міра русской жизни, и у него нѣтъ соперниковъ въ искусствѣ воспроизводить ее во всей ея истинности. Онъ ничего не смягчаетъ, не украшаетъ, вслѣдствіе любви къ идеаламъ, или какихъ-нибудь заранѣе принятыхъ идей, или привычныхъ пристрастій, какъ, напримѣръ, Пушкинъ въ «Онѣгинѣ» идеализировалъ помѣщицкій бытъ. Конечно, преобладающій характеръ его сочиненій — отрицаніе: всякое отрицаніе, чтобъ быть живымъ и поэтическимъ, должно дѣлаться во имя идеала,—и этотъ идеалъ у Гоголя также не свой, т. е. не туземный, какъ и у всѣхъ другихъ русскихъ поэтовъ, потому что наша общественная жизнь еще не сложилась и не установилась, чтобы могла дать литературѣ этотъ идеалъ. Но нельзя же не согласиться съ тѣмъ, что, по поводу сочиненій Гоголя, уже никакъ невозможно предложить вопроса: какъ доказать, что они могли быть написаны только русскимъ поэтомъ, и что ихъ

не могъ бы написать поэтъ другой націи? Изображать русскую дѣйствительность, и съ такою поразительною вѣрностію и истиною, разумѣется, можетъ только русскій поэтъ. И вотъ пока въ этомъ-то болѣе всего и состоитъ народность нашей литературы.

Литература наша была плодомъ сознательной мысли, явилась какъ нововведеніе, началась подражательностію. Но она не остановилась на этомъ, а постоянно стремилась къ самобытности, народности, изъ риторической стремилась сдѣлаться естественною, натуральною. Это стремленіе, ознаменованное замѣтными и постоянными успѣхами, и составляетъ смыслъ и душу исторіи нашей литературы. И мы не обинуясь скажемъ, что ни въ одномъ русскомъ писателѣ это стремленіе не достигло такого успѣха, какъ въ Гоголѣ. Это могло совершиться только черезъ исключительное обращеніе искусства къ дѣйствительности, помимо всякихъ идеаловъ. Для этого нужно было обратить все вниманіе на толпу, на массу, изображать людей обыкновенныхъ, а не пріятныя только исключенія изъ общаго правила, которыя всегда соблазняютъ поэтовъ на идеализированіе и носятъ на себѣ чужой отпечатокъ. Это великая заслуга со стороны Гоголя, но это-то люди стараго образованія и вмѣняютъ ему въ великое преступленіе передъ законами искусства. Этимъ онъ совершенно измѣнилъ взглядъ на самое искусство. Къ сочиненіямъ каждаго изъ поэтовъ русскихъ можно, хотя и съ натяжкою, приложить старое и ветхое опредѣленіе поэзіи, какъ «украшенной природы»; но въ отношеніи къ сочиненіямъ Гоголя этого уже невозможно сдѣлать. Къ нимъ идетъ другое опредѣленіе искусства— какъ воспроизведеніе дѣйствительности во всей ея истинѣ. Тутъ все дѣло въ типахъ, а идеалъ тутъ понимается не какъ украшеніе (слѣдовательно, ложь), а какъ отношенія, въ которыя авторъ становитъ другъ къ другу создан-

ные имъ типы, сообразно съ мыслію, которую онъ хочетъ развить своимъ произведеніемъ.

Искусство въ наше время обогнало теорію. Старыя теоріи потеряли весь свой кредитъ; даже люди, воспитанные на нихъ, слѣдуютъ не имъ, а какой-то странной смѣси старыхъ понятій съ новыми. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые изъ нихъ, отвергая старую французскую теорію, во имя романтизма, первые подали соблазнительный примѣръ выводить въ романѣ лица низшихъ сословій, даже негодяевъ, къ которымъ шли имена Вороватиныхъ и Ножовыхъ; но они же потомъ оправдывались въ этомъ тѣмъ, что вмѣстѣ съ безнравственными лицами, выводили и нравственныя, подъ именемъ Правдолюбовыхъ, Благотворовыхъ и т. п. Въ первомъ случаѣ видно было вліяніе новыхъ идей, во второмъ — старыхъ, потому-что по рецепту старой піитики необходимо было на нѣсколькихъ глупцовъ отпустить хоть одного умника, а на нѣсколькихъ негодяевъ хоть одного добродѣтельнаго человѣка *). Но въ обоихъ случаяхъ, эти междоумки совершенно упускали изъ виду главное, т. е. искусство, потому-что и не догадывались, что ихъ и добродѣтельныя и порочныя лица были не люди, не характеры, а риторическія олицетворенія отвлеченныхъ добродѣтелей и пороковъ. Это лучше всего объясняетъ, почему для нихъ теорія, правило важнѣе дѣла, сущности: послѣднее недоступно ихъ разумѣнію. Впрочемъ, отъ вліянія теоріи не всегда избѣгаютъ и таланты, даже геніальные. Гоголь принадлежитъ къ числу немногихъ, совершенно избѣгнувшихъ всякаго вліянія какой-бы то ни было теоріи. Умѣя понимать искусство и удивляться ему въ произведеніяхъ другихъ поэтовъ, онъ тѣмъ не менѣе пошелъ своей дорогою, слѣдуя глубокому и вѣрному художническому инстинкту.

*) Тогда слово *резонёръ* для комедіи было такимъ же техническимъ словомъ, какъ *и jeune premier*, первый любовникъ, или *примадонна* для оперы.

какимъ щедро одарила его природа, и не соблазняясь чужими успѣхами на подражаніе. Это, разумѣется, не дало ему оригинальности, но дало ему возможность сохранить и высказать вполнѣ ту оригинальность, которая была принадлежностью, свойствомъ его личности и, слѣдовательно, подобно таланту, даромъ природы. Отъ этого онъ и показался для многихъ какъ бы извнѣ вошедшимъ въ русскую литературу, тогда-какъ на самомъ дѣлѣ онъ былъ ея необходимымъ явленіемъ, требовавшимся всѣмъ предшествовавшимъ ея развитіемъ.

Вліяніе Гоголя на русскую литературу было огромно. Не только всѣ молодые таланты бросились на указанный имъ путь, но и нѣкоторые писатели, уже пріобрѣтшіе извѣстность, пошли по этому же пути, оставивши свой прежній. Отсюда появленіе школы, которую противники ея думали унизить названіемъ натуральной. Послѣ «Мертвыхъ Душъ» Гоголь ничего не написалъ. На сценѣ литературы теперь только его школа. Всѣ упреки и обвиненія, которые прежде устремлялись на него, теперь обращены на натуральную школу, и если еще дѣлаются выходки противъ него, то по поводу этой школы. Въ чемъ же обвиняютъ ее? Обвиненій не много, и они всегда одни и тѣ же. Сперва нападали на нее за ея, будто бы, постоянныя нападки на чиновниковъ. Въ ея изображеніяхъ быта этого сословія одни искренно, другіе умышленно, видѣли злонамѣренныя каррикатуры. Съ нѣкотораго времени эти обвиненія замолкли. Теперь обвиняютъ писателей натуральной школы за то, что они любятъ изображать людей низкаго званія, дѣлаютъ героями своихъ повѣстей мужиковъ, дворниковъ, извощиковъ, описываютъ углы, убѣжища голодной нищеты и часто всяческой безнравственности. Чтобы устыдить новыхъ писателей, обвинители съ торжествомъ указываютъ на прекрасныя времена русской литературы, ссылаются на имена Карамзина и Дмитріева, избиравшихъ для своихъ сочиненій предметы вы-

сокіе и благородные, и приводятъ въ примѣръ забытаго теперь изящества чувствительную пѣсенку: «Всѣхъ цвѣточковъ болѣ розу я любилъ». Мы же напомнимъ имъ, что первая замѣчательная русская повѣсть была написана Карамзинымъ, и ея героиня была обольщенная петиметромъ крестьянка—бѣдная Лиза... Но тамъ, скажутъ они, все опрятно и чисто, и подмосковная крестьянка не уступитъ самой благовоспитанной барышнѣ. Вотъ мы и дошли до причины спора: тутъ виновата, какъ видите, старая піитика. Она позволяетъ изображать, пожалуй, и мужиковъ, но не иначе, какъ одѣтыхъ въ театральные костюмы, обнаруживающихъ чувства и понятія, чуждыя ихъ быту, положенію и образованію, и объясняющихся такимъ языкомъ, которымъ никто не говоритъ, а тѣмъ болѣе крестьяне,—языкомъ литературнымъ, украшеннымъ «сими, оными, коими, таковыми», и т. п. Да чего же лучше: пастушки и пастушки французскихъ писателей XVIII вѣка представляютъ готовый и прекрасный образецъ для изображенія русскихъ крестьянъ и крестьянокъ; берите цѣликомъ: вотъ вамъ и соломенныя шляпы съ голубыми и розовыми лентами, пудра, мушки, фижмы, корсеты, юбки съ ретрусманами, башмаки на высокихъ красныхъ каблукахъ. Только въ языкѣ держитесь домашнихъ литературныхъ привычекъ, потому-что Французы никогда не любили щеголять обветшалыми, неупотребляемыми въ разговорѣ словами. Это замашка чисто русская; у насъ даже первокласные таланты любятъ «брега, младость, перси, очи, выю, стопы, чело, главу, гласъ» и тому подобныя принадлежности такъ-называемаго «высшаго слога». Короче: старая піитика позволяетъ изображать все, что̀ вамъ угодно, но только предписываетъ, при этомъ, изображаемый предметъ такъ украсить, чтобы не было никакой возможности узнать, что̀ вы хотѣли изобразить. Слѣдуя строго ея урокамъ, поэтъ можетъ пойдти дальше прославленнаго Дмитріевымъ маляра Ефрема, ко-

торый Архипа писалъ Сидоромъ, а Луку—Кузьмою: онъ можетъ снять съ Архипа такой портретъ, который не будетъ походить не только на Сидора, но и ни на что на свѣтѣ, даже на комокъ земли. Натуральная школа слѣдуетъ совершенно противному правилу; возможно-близкое сходство изображаемыхъ ею лицъ съ ихъ образцами въ дѣйствительности не составляетъ въ ней всего, но есть первое ея требованіе, безъ выполненія котораго уже не можетъ быть въ сочиненіи ничего хорошаго. Требованіе тяжелое, выполнимое только для таланта! Какъ же, послѣ этого, не любить и не чтить старой піитики тѣмъ писателямъ, которые когда-то умѣли и безъ таланта съ успѣхомъ подвизаться на поприщѣ поэзіи? Какъ не считать имъ натуральной школы самымъ ужаснымъ врагомъ своимъ, когда она ввела такую манеру писать, которая имъ недоступна? Это, конечно, относится только къ людямъ, у которыхъ въ этотъ вопросъ вмѣшалось самолюбіе; но найдется много и такихъ, которые по искреннему убѣжденію не любятъ естественности въ искусствѣ, вслѣдствіе вліянія на нихъ старой піитики. Эти люди съ особенною горечью жалуются еще на то, что теперь искусство забыло свое прежнее назначеніе. «Бывало —говорятъ они—поэзія поучала, забавляя, заставляла читателя забывать о тягостяхъ и страданіяхъ жизни, представляла ему только картины пріятныя и смѣющіяся. Прежніе поэты представляли и картины бѣдности, но бѣдности опрятной, умытой, выражающейся скромно и благородно: притомъ же къ концу повѣсти всегда являлась чувствительная молодая дама или дѣвица, дочь богатыхъ и благородныхъ родителей, а нето благодѣтельный молодой человѣкъ, —и во имя милаго или милой сердца водворяли довольство и счастье тамъ, гдѣ была бѣдность и нищета, и благодарныя слезы орошали благодѣтельную руку,—и читатель невольно подносилъ свой батистовый платокъ къ глазамъ и чувствовалъ, что онъ становится добрѣе и чувствительнѣе...

А теперь!—посмотрите, что теперь пишутъ! мужики въ лаптяхъ и сермягахъ, часто отъ нихъ несетъ сивухою, баба—родъ центавра, по одеждѣ не вдругъ узнаешь, какого это пола существо; углы—убѣжища нищеты, отчаянія и разврата, до которыхъ надо доходить по двору грязному по колѣни; какой-нибудь пьянюшка—подъячій или учитель изъ семинаристовъ, выгнанный изъ службы, — все это списывается съ натуры, въ наготѣ страшной истины, такъ что если прочтешь—жди ночью тяжелыхъ сновъ...» Такъ или почти такъ говорятъ маститые питомцы старой піитики. Въ сущности, ихъ жалобы состоятъ въ томъ, зачѣмъ поэзія перестала безстыдно лгать, изъ дѣтской сказки превратилась въ быль, не всегда пріятную, зачѣмъ отказалась она быть гремушкою, подъ которую дѣтямъ пріятно и прыгать и засыпать. Странные люди, счастливые люди! имъ удалось на всю жизнь остаться дѣтьми и даже въ старости быть несовершеннолѣтними, недорослями,—и вотъ они требуютъ, чтобы и всѣ походили на нихъ! Да читайте свои старыя сказки—никто вамъ не мѣшаетъ; а другимъ оставьте занятія, свойственныя совершеннолѣтію. Вамъ ложь—намъ истина; раздѣлимся безъ спору, благо вамъ не нужно нашего пая, а мы даромъ не возьмемъ вашего.... Но этому полюбовному раздѣлу мѣшаетъ другая причина—эгоизмъ, который считаетъ себя добродѣтелью. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ человѣка обезпеченнаго, можетъ-быть богатаго; онъ сейчасъ пообѣдалъ сладко, со вкусомъ (поваръ у него прекрасный), усѣлся въ спокойныхъ вольтеровскихъ креслахъ съ чашкою кофе, передъ пылающимъ каминомъ, тепло и хорошо ему, чувство благосостоянія дѣлаетъ его веселымъ, — и вотъ беретъ онъ книгу, лѣниво переворачиваетъ ея листы,—и брови его надвигаются на глаза, улыбка исчезаетъ съ румяныхъ губъ, онъ взволнованъ, встревоженъ, раздосадованъ... И есть отъ чего! книга говоритъ ему, что не всѣ на свѣтѣ живутъ такъ хорошо какъ онъ, что есть

углы, гдѣ подъ лохмотьями дрожитъ отъ холоду цѣлое семейство, можетъ-быть недавно еще знавшее довольство,— что есть на свѣтѣ люди, рожденіемъ, судьбою обреченные на нищету,—что послѣдняя копѣйка идетъ на зелено вино не всегда отъ праздности и лѣни, но и отъ отчаянія. И нашему счастливцу неловко, какъ будто совѣстно своего комфорта. А все виновата скверная книга: онъ взялъ ее для своего удовольствія, а вычиталъ тоску и скуку. Прочь ее! «Книга должна пріятно равлекать; я и безъ того знаю. что въ жизни много тяжолаго и мрачнаго, и если читаю, такъ для того, чтобы забыть это!» восклицаетъ онъ.—Такъ, милый, добрый сибаритъ, для твоего спокойствія и книги должны лгать, и бѣдный забывать свое горе, голодный свой голодъ, стоны страданія должны долетать до тебя музыкальными звуками, чтобы не испортился твой апетитъ, не нарушился твой сонъ... Представьте теперь, въ такомъ же положеніи другаго любителя пріятнаго чтенія. Ему надо было дать балъ, срокъ приближался, а денегъ не было; управляющій его, Никита Ѳедорычъ, что-то замѣшкался высылкою. Но сегодня деньги получены, балъ можно дать; съ сигарой въ зубахъ, веселый и довольный, лежитъ онъ на диванѣ, и отъ нечего дѣлать, руки его лѣниво протягиваются къ книгѣ. Опять та же исторія! Проклятая книга разсказываетъ ему подвиги Никиты Ѳедорыча, подлаго холопа, съ дѣтства привыкшаго подобострастно служить чужимъ страстямъ и прихотямъ, женатаго на отставной любовницѣ родителя своего барина. И ему-то, незнакомому ни съ какимъ человѣческимъ чувствомъ, поручена судьба и участь всѣхъ Антоновъ... Скорѣе прочь ее, скверную книгу!... Представьте теперь еще въ такомъ комфортномъ состояніи человѣка, который въ дѣтствѣ бѣгалъ босикомъ, бывалъ на посылкахъ, а лѣтъ подъ пятьдесятъ какъ-то очутился въ чинахъ, имѣетъ «малую толику». Всѣ читаютъ—надо и ему читать; но что̀ находитъ онъ въ книгѣ?—свою біографію.

да еще какъ вѣрно разсказанную, хотя, кромѣ его самого, темныя похожденія его жизни—тайна для всѣхъ, и ни одному сочинителю не откуда было узнать ихъ... И вотъ онъ уже не взволнованъ, а просто взбѣшонъ, и съ чувствомъ достоинства облегчаетъ свою досаду такимъ разсужденіемъ: «Вотъ какъ пишутъ нынѣ! вотъ до чего дошло вольнодумство! Такъ ли писали прежде? Штиль ровный, гладкій, все о предметахъ нѣжныхъ или возвышенныхъ, читать сладко и обидѣться нечѣмъ!»

Есть особенный родъ читателей, который, по чувству аристократизма, не любитъ встрѣчаться даже въ книгахъ съ людьми низшихъ классовъ, обыкновенно не знающими приличія и хорошаго тона, не любитъ грязи и нищеты, по ихъ противоположности съ роскошными салонами, будуарами и кабинетами. Эти отзываются о натуральной школѣ не иначе, какъ съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ, ироническою улыбкою.... Кто они такіе, эти феодальные бароны, гнушающіеся «подлою чернью», которая въ ихъ глазахъ ниже хорошей лошади? Не спѣшите справляться о нихъ въ геральдическихъ книгахъ или при дворахъ европейскихъ: вы не найдете ихъ гербовъ, они не ѣздятъ ко двору, и если видали большой свѣтъ, то не иначе, какъ съ улицы, сквозь ярко освѣщенныя окна, на сколько позволяли сторы и занавѣски.... Предками они не могутъ похвалиться: они обыкновенно — или чиновники, или изъ новаго дворянства, богатаго только библейскими преданіями о дѣдушкѣ управляющемъ, о дядюшкѣ откупщикѣ, а иногда и о бабушкѣ просвирнѣ и тетушкѣ торговкѣ. Авторъ этой статьи считаетъ при этомъ обязанностію довести до свѣдѣнія своихъ читателей, что упрекать ближняго незнатностью происхожденія вовсе не въ его привычкахъ и положительно противно всѣмъ его убѣжденіямъ, и что онъ самъ отнюдь не стыдится признаться въ этомъ. Но онъ думаетъ—и вѣроятно читатели его согласятся съ нимъ—что ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ

оборвать съ вороны павлиныя перья и доказать ей, что она принадлежитъ къ той породѣ, которую вздумала презирать. Человѣкъ простаго званія еще не ворона потому, что онъ простаго званія; вороною дѣлаетъ не званіе, а природа, и вороны также бываютъ во всѣхъ званіяхъ, какъ во всѣхъ же званіяхъ бываютъ и орлы; но, конечно, только воронѣ свойственно рядиться въ павлиныя перья и величаться ими. Такъ почему же не сказать воронѣ, что она—ворона? Презрѣніе къ низшимъ сословіямъ въ наше время отнюдь не есть порокъ высшихъ сословій; напротивъ, это болѣзнь выскочекъ, порожденіе невѣжества, грубости чувствъ и понятій. Умный и образованный человѣкъ, еслибъ онъ былъ одержимъ этою болѣзнью, никогда не обнаружитъ ея, потому что она не въ духѣ времени, потому что показать ее—значитъ каркнуть о себѣ во все воронье горло. Намъ кажется, что какъ ни гадко лицемѣріе, но въ этомъ случаѣ оно даже лучше вороньей откровенности, потому что свидѣтельствуетъ объ умѣ. Павлинъ, гордѣливо распускающій пышный хвостъ свой передъ другими птицами, слыветъ животнымъ красивымъ, но не умнымъ. Что же сказать о воронѣ, спѣсиво выказывающей заимствованный нарядъ? Подобная спѣсь всегда чужда ума и есть порокъ по преимуществу плебейскій. Гдѣ больше ломанья и притязаній, какъ не въ тѣхъ слояхъ общества, которые начинаются тотчасъ послѣ самыхъ низшихъ? А это потому, что тутъ всего больше невѣжества. Посмотрите, какъ глубоко презираетъ лакей мужика, который во всѣхъ отношеніяхъ лучше, благороднѣй, человѣчнѣй его! Откуда эта гордость въ лакеѣ?—Онъ перенялъ пороки своего барина и оттого считаетъ себя далеко образованнѣе мужика. Внѣшній лоскъ грубыми натурами всегда принимается за образованность.

«Что за охота наводнять литературу мужиками?» восклицаютъ аристократы извѣстнаго разряда. Въ ихъ глазахъ писатель—ремесленникъ, которому какъ что закажутъ, такъ

онъ и дѣлаетъ. Имъ въ голову не входитъ, что, въ отношеніи къ выбору предметовъ сочиненія, писатель не можетъ руководствоваться ни чуждою ему волею, ни даже собственнымъ произволомъ; ибо искусство имѣетъ свои законы, безъ уваженія которыхъ нельзя хорошо писать. Оно прежде всего требуетъ, чтобы писатель былъ вѣренъ собственной натурѣ, своему таланту, своей фантазіи. А чѣмъ объяснить, что одинъ любитъ изображать предметы веселые, другой—мрачные, если не натурою, характеромъ и талантомъ поэта? Кто что̀ любитъ, чѣмъ интересуется, то и знаетъ лучше, а что̀ лучше знаетъ, то лучше и изображаетъ. Вотъ самое законное оправданіе поэта, котораго упрекаютъ за выборъ предметовъ; оно не удовлетворительно только для людей, которые ничего не смыслятъ въ искусствѣ и грубо смѣшиваютъ его съ ремесломъ. Природа —вѣчный образецъ искусства, а величайшій и благороднѣйшій предметъ въ природѣ—человѣкъ. А развѣ мужикъ—не человѣкъ?—Но что̀ же можетъ быть интереснаго въ грубомъ, необразованномъ человѣкѣ?—Какъ что̀?—его душа, умъ, сердце, страсти, склонности,—словомъ, все то же, что̀ и въ образованномъ человѣкѣ. Положимъ, послѣдній выше перваго; но развѣ ботанистъ интересуется только садовыми, улучшенными искусствомъ растеніями, презирая ихъ полевые, дико-растущіе первообразы? Развѣ для анатомика и физіолога организмъ дикаго Австралійца не такъ же интересенъ, какъ и организмъ просвѣщеннаго Европейца? На какомъ же основаніи, искусство въ этомъ отношеніи, должно такъ разниться отъ науки? А потомъ — вы говорите, что образованный человѣкъ выше необразованнаго. Съ этимъ нельзя не согласиться съ вами, но не безусловно. Конечно, самый пустой свѣтскій человѣкъ несравнено выше мужика, но въ какомъ отношеніи? Только въ свѣтскомъ образованіи, а это нисколько не помѣшаетъ иному мужику быть выше его, напримѣръ, со стороны ума, чув-

ства, характера. Образованіе только развиваетъ нравственныя силы человѣка, но не даетъ ихъ: даетъ ихъ человѣку природа. И въ этой раздачѣ драгоцѣннѣйшихъ даровъ своихъ она дѣйствуетъ слѣпо, не разбирая сословій... Если изъ образованныхъ классовъ общества выходитъ больше замѣчательныхъ людей, это потому, что тутъ больше средствъ къ развитію, а совсѣмъ не потому, чтобы природа была для людей низшихъ классовъ скупѣе въ раздачѣ даровъ своихъ. «Чему можно научиться изъ книги, въ которой описывается какой-нибудь спившійся съ кругу горемыка?» говорятъ еще эти аристократы средней руки.—Какъ чему? разумѣется, не свѣтскому обращенію и не хорошому тону, а знанію человѣка въ извѣстномъ положеніи. Одинъ спивается отъ лѣности, отъ дурнаго воспитанія, отъ слабости характера, другой отъ несчастныхъ обстоятельствъ жизни, въ которыхъ онъ можетъ быть нисколько не виноватъ. Въ обоихъ случаяхъ, это примѣры поучительные и любопытные для наблюденія. Конечно отвернуться съ презрѣніемъ отъ человѣка падшаго гораздо легче, нежели протянуть ему руку на утѣшеніе и помощь, такъ же какъ осудить его строго, во имя нравственности, гораздо легче, нежели, съ участіемъ и любовію, войдти въ его положеніе, изслѣдовать до глубины причину его паденія и пожалѣть о немъ, какъ о человѣкѣ, даже и тогда, когда онъ самъ окажется много виноватымъ въ своемъ паденіи. Искупитель рода человѣческаго приходилъ въ міръ для всѣхъ людей; не мудрыхъ и образованныхъ, а простыхъ умомъ и сердцемъ рыбаковъ призвалъ Онъ быть «ловцами человѣковъ», не богатыхъ и счастливыхъ, а бѣдныхъ, страждущихъ, падшихъ искалъ Онъ, чтобы однихъ утѣшить, другихъ ободрить и возстановить. Гнойныя язвы на едва прикрытомъ нечистыми лохмотьями тѣлѣ не оскорбляли его исполненнаго любви и милосердія взгляда. Онъ —сынъ Бога, человѣчески любилъ людей и сострадалъ имъ въ ихъ нищетѣ,

грязи, позорѣ, развратѣ, порокахъ, злодѣйствахъ; Онъ разрѣшилъ бросить камень въ блудницу тѣмъ, которые ничѣмъ не могли упрекнуть себя въ совѣсти, и устыдилъ жестокосердыхъ судей, и сказалъ падшей женщинѣ слово утѣшенія;—и разбойникъ, испуская духъ на орудіи заслуженной имъ казни, за одну минуту раскаянія, услышалъ отъ него слово прощенія и мира.... А мы—сыны человѣческіе—мы хотимъ любить изъ нашихъ братій только равныхъ намъ, отворачиваемся отъ низшихъ, какъ отъ парій, отъ падшихъ, какъ отъ прокаженныхъ... Какія добродѣтели и заслуги дали намъ на это право? Не отсутствіе ли именно всякихъ добродѣтелей и заслугъ!... Но божественное слово любви и братства не втунѣ огласило міръ. То, что прежде было обязанностію только призванныхъ на служеніе алтарю лицъ или добродѣтелью немногихъ избранныхъ натуръ,—это самое дѣлается теперь обязанностью обществъ, служитъ признакомъ уже не одной добродѣтели, но и образованности частныхъ лицъ. Посмотрите, какъ, въ нашъ вѣкъ, вездѣ заняты всѣ участью низшихъ классовъ, какъ частная благотворительность всюду переходитъ въ общественную, какъ вездѣ основываются хорошо организованныя, богатыя вѣрными средствами общества для распространенія просвѣщенія въ низшихъ классахъ, для пособія нуждающимся и страждущимъ, для отвращенія и предупрежденія нищеты и ея неизбѣжнаго слѣдствія — безнравственности и разврата. Это общее движеніе, столь благородное, столь человѣческое, столь христіанское, встрѣтило своихъ порицателей въ лицѣ поклонниковъ тупой и косной патріархальности. Они говорятъ, что тутъ дѣйствуютъ мода, увлеченіе, тщеславіе, а не человѣколюбіе. Пусть такъ, да когда же и гдѣ же въ лучшихъ человѣческихъ дѣйствіяхъ не участвовали подобныя мелкія побужденія? Но какъ же сказать, что только такія побужденія могутъ быть причиною такихъ явленій? Какъ думать, что главные виновники та-

кихъ явленій, увлекающіе своимъ примѣромъ толпу, не одушевлены болѣе благородными и высокими побужденіями? Разумѣется, нечего удивляться добродѣтели людей, которые бросаются въ благотворительность не по чувству любви къ ближнему, а изъ моды, изъ подражательности, изъ тщеславія; но это добродѣтель въ отношеніи къ обществу, которое исполнено такого духа, что и дѣятельность суетныхъ людей умѣетъ направлять къ добру! Это ли не отрадное въ высшей степени явленіе новѣйшей цивилизаціи, успѣховъ ума, просвѣщенія и образованности?

Могло-ли не отразиться въ литературѣ это новое общественное движеніе,—въ литературѣ, которая всегда бываетъ выраженіемъ общества! Въ этомъ отношеніи литература сдѣлала едва-ли не больше: она скорѣе способствовала возбужденію въ обществѣ такого направленія, нежели только отразила его въ себѣ, скорѣе упредила его, нежели только не отстала отъ него. Нечего говорить, достойна-ли и благородна-ли такая роль; но за нее-то и нападаетъ на литературу безгербовная аристократія. Мы думаемъ, что довольно показали, изъ какихъ источниковъ выходятъ эти нападки и чего они стоютъ...

Остается упомянуть еще о нападкахъ на современную литературу и на натурализмъ вообще съ эстетической точки зрѣнія, во имя чистаго искусства, которое само себѣ цѣль и внѣ себя не признаетъ никакихъ цѣлей. Въ этой мысли есть основаніе, но ея преувеличенность замѣтна съ перваго взгляду. Мысль эта чисто-нѣмецкаго происхожденія. она могла родиться только у народа созерцательнаго, мыслящаго и мечтающаго, и никакъ не могла бы явиться у народа практическаго, общественность котораго для всѣхъ и каждаго представляетъ широкое поле для живой дѣятельности. Что̀ такое чистое искусство, этого хорошо не знаютъ сами поборники его, и оттого оно является у нихъ какимъ-то идеаломъ, а не существуетъ фактически. Оно

въ сущности есть дурная крайность другой дурной крайности, т.-е. искусства дидактическаго, поучительнаго, холоднаго, сухаго, мертваго, котораго произведенія не иное что, какъ реторическія упражненія на заданныя темы. Безъ всякаго сомнѣнія, искусство прежде всего должно быть искусствомъ, а потомъ уже оно можетъ быть выраженіемъ духа и направленія общества въ извѣстную эпоху. Какими бы прекрасными мыслями ни было наполнено стихотвореніе, какъ бы ни сильно отзывалось оно современными вопросами, но если въ немъ нѣтъ поэзіи,—въ немъ не можетъ быть ни прекрасныхъ мыслей и никакихъ вопросовъ, и все, что можно замѣтить въ немъ, это развѣ прекрасное намѣреніе, дурно выполненное. Когда въ романѣ или повѣсти нѣтъ образовъ и лицъ, нѣтъ характеровъ, нѣтъ ничего типическаго,—какъ бы вѣрно и тщательно ни было списано съ натуры все, что въ немъ разсказывается, читатель не найдетъ тутъ никакой натуральности, не замѣтитъ ничего вѣрно подмѣченнаго, ловко схваченнаго. Лица будутъ перемѣшиваться между собою въ его глазахъ; въ разсказѣ онъ увидитъ путаницу непонятныхъ происшествій. Невозможно безнаказанно нарушать законы искусства. Чтобы списывать вѣрно съ натуры, мало умѣть писать, т.-е. владѣть искусствомъ писца или писаря; надобно умѣть явленія дѣйствительности провести черезъ свою фантазію, дать имъ новую жизнь. Хорошо и вѣрно изложенное слѣдственное дѣло, имѣющее романическій интересъ, не есть романъ и можетъ служить развѣ только матеріяломъ для романа, т.-е. подать поэту поводъ написать романъ. Но для этого онъ доженъ проникнуть мыслію во внутреннюю сущность дѣла, отгадать тайныя душевныя побужденія, заставившія эти лица дѣйствовать такъ, схватить ту точку этого дѣла, которая составляетъ центръ круга этихъ событій, даетъ имъ смыслъ чего-то единаго, полнаго, цѣлаго, замкнутаго въ самомъ себѣ. А это можетъ сдѣлать только

поэтъ. Кажется, чего бы легче было вѣрно списать портретъ человѣка? И иной цѣлый вѣкъ упражняется въ этомъ родѣ живописи, а все не можетъ списать знакомаго ему лица такъ, чтобы и другіе узнали, чей это портретъ. Умѣть списать вѣрно портретъ есть уже своего рода талантъ, но этимъ не оканчивается все. Обыкновенный живописецъ сдѣлалъ очень сходно портретъ вашего знакомаго: сходство не подвергается ни малѣйшему сомнѣнію въ томъ смыслѣ, что вы не можете не узнать съ разу, чей это портретъ, а все какъ-то недовольны имъ,—вамъ кажется, будто онъ и похожъ на свой оригиналъ, и не похожъ на него. Но пусть съ него же сниметъ портретъ Тырыновъ или Брюловъ,—и вамъ покажется, что зеркало далеко не такъ вѣрно повторяетъ образъ вашего знакомаго, какъ этотъ портретъ, потому что это будетъ уже не только портретъ, но и художественное произведеніе, въ которомъ схвачено не одно внѣшнее сходство, но вся душа оригинала. Итакъ, вѣрно списывать съ дѣйствительности можетъ только талантъ, и какъ бы ни ничтожно было произведеніе въ другихъ отношеніяхъ, но чѣмъ болѣе оно поражаетъ вѣрностію натурѣ, тѣмъ несомнѣннѣе талантъ его автора. Что не все должно оканчиваться вѣрностію натурѣ, особенно въ поэзіи,—это другой вопросъ. Въ живописи, по свойству и сущности этого искусства, одно умѣнье вѣрно писать съ натуры, можетъ служить часто признакомъ необыкновеннаго таланта. Въ поэзіи это не совсѣмъ такъ: не умѣя вѣрно писать съ натуры, нельзя быть поэтомъ, но и одного этого умѣнія тоже мало, чтобъ быть поэтомъ, по крайней мѣрѣ замѣчательнымъ. Обыкновенно говорятъ, что вѣрное списываніе съ натуры предметовъ ужасныхъ (наприм., убійства, казни и т. п.), безъ мысли и художественности, возбуждаетъ отвращеніе, а не наслажденіе. Это больше, чѣмъ несправедливо, это ложно. Зрѣлище убійства или казни есть такой предметъ, который самъ по себѣ не можетъ до-

ставлять наслажденія, и въ произведеніи великаго поэта читатель наслаждается не убійствомъ, не казнію, а мастерствомъ, съ какимъ то или другое изображено поэтомъ. слѣдовательно, это наслажденіе эстетическое, а не психологическое, смѣшанное съ невольнымъ ужасомъ и отвращеніемъ, тогда какъ картина высокаго подвига, или счастія любви доставляетъ наслажденіе болѣе сложное, и потому полное, столько же эстетическое, какъ и психологическое. Но человѣкъ безъ таланта никогда вѣрно не изобразитъ убійства или казни, хотя бы онъ тысячу разъ имѣлъ случай изучить этотъ предметъ въ дѣйствительности; все, что можетъ онъ сдѣлать,—это болѣе или менѣ вѣрное его описаніе, но никогда не представитъ онъ вѣрной его картины. Описаніе его можетъ возбуждать сильное любопытство, но не наслажденіе. Если же, не имѣя таланта, онъ пустится писать картину такого событія, она всегда произведетъ только одно отвращеніе, но не потому, что вѣрно списана съ натуры, а по причинѣ противоположной, потому что мелодрама не есть драматическая картина, театральный эффектъ не есть выраженіе чувства.

Но, вполнѣ признавая, что искусство прежде всего должно быть искусствомъ, мы тѣмъ не менѣе думаемъ, что мысль о какомъ-то чистомъ, отрѣшенномъ искусствѣ, живущемъ въ своей собственной сферѣ, не имѣющемъ ничего общаго съ другими сторонами жизни, есть мысль отвлеченная, мечтательная. Такого искусства никогда и нигдѣ не бывало. Безъ всякаго сомнѣнія, жизнь раздѣляется и подраздѣляется на множество сторонъ, имѣющихъ свою самостоятельность; но эти стороны сливаются одна съ другою живымъ образомъ, и нѣтъ между ними рѣзкой раздѣляющей ихъ черты. Какъ ни дробите жизнь, она всегда едина и цѣльна. Говорятъ: для науки нуженъ умъ и разсудокъ, для творчества—фантазія, и думаютъ, что этимъ порѣшили дѣло начисто, такъ что хоть сдавай его въ архивъ. А для

искусства не нужно ума и разсудка? А ученый можетъ обойдтись безъ фантазіи? Неправда! Истина въ томъ, что въ искусствѣ фантазія играетъ самую дѣятельную и первенствующую роль; а въ наукѣ—умъ и разсудокъ. Бываютъ, конечно, произведенія поэзіи, въ которыхъ ничего не видно, кромѣ сильной блестящей фантазіи; но это вовсе не общее правило для художественныхъ произведеній. Въ твореніяхъ Шекспира, не знаешь, чему больше дивиться—богатству ли творческой фантазіи, или богатству всеобъемлющаго ума. Есть роды учености, которые не только не требуютъ фантазіи, въ которыхъ эта способность могла бы только вредить; но никакъ этого нельзя сказать объ учености вообще. Искусство есть воспроизведеніе дѣйствительности, повторенный какъ-бы вновь созданный міръ: можетъ ли же оно быть какою-то одинокою, изолированною отъ всѣхъ чуждыхъ ему вліяній дѣятельностію? Можетъ ли поэтъ не отразиться въ своемъ произведеніи какъ человѣкъ, какъ характеръ, какъ натура,—словомъ, какъ личность! Разумѣется, нѣтъ, потому-что и самая способность изображать явленія дѣйствительности безъ всякаго отношенія къ самому себѣ — есть опять таки выраженіе натуры поэта. Но и эта способность имѣетъ свои границы. Личность Шекспира просвѣчиваетъ сквозь его творенія, хотя и кажется, что онъ такъ же равнодушенъ къ изображаемому имъ міру, какъ и судьба, спасающая или губящая его героевъ. Въ романахъ Вальтеръ-Скотта невозможно не увидѣть въ авторѣ человѣка болѣе замѣчательнаго талантомъ, нежели сознательно-широкимъ пониманіемъ жизни, тори, консерватора и аристократа по убѣжденію и привычкамъ. Личность поэта не есть что-нибудь безусловное, особо стоящее, внѣ всякихъ вліяній извнѣ. Поэтъ прежде всего—человѣкъ, потомъ гражданинъ своей земли, сынъ своего времени. Духъ народа и времени на него не могутъ дѣйствовать менѣе, чѣмъ на другихъ. Шек-

спиръ былъ поэтомъ старой веселой Англіи, которая, въ продолженіи немногихъ лѣтъ, вдругъ сдѣлалась суровою, строгою, фанатическою. Пуританское движеніе имѣло сильное вліяніе на его послѣднія произведенія, наложивъ на нихъ отпечатокъ мрачной грусти. Изъ этого видно, что родись онъ десятилѣтіями двумя позже, — геній его остался бы тотъ же, но характеръ его произведеній былъ бы другой. Поэзія Мильтона—явно произведеніе его эпохи: самъ того не подозрѣвая, онъ въ лицѣ своего гордаго и мрачнаго сатаны написалъ апоѳеозу возстанія противъ авторитета, хотя и думалъ сдѣлать совершенно другое. Такъ сильно дѣйствуетъ на поэзію историческое движеніе обществъ. Вотъ отчего теперь исключительно-эстетическая критика, которая хочетъ имѣть дѣло съ поэтомъ и его произведеніемъ, не обращая вниманія на мѣсто и время, гдѣ и когда писалъ поэтъ, на обстоятельства, подготовившія его къ поэтическому поприщу и имѣвшія вліяніе на его поэтическую дѣятельность, потеряла теперь всякій кредитъ, сдѣлалась невозможною. Говорятъ: духъ партій, сектантизмъ вредятъ таланту, портятъ его произведенія. Правда! И потому-то онъ долженъ быть органомъ не той или другой партіи или секты, осужденной, можетъ-быть, на эфемерное существованіе, обреченной изчезнуть безъ слѣда, но сокровенной думы всего общества, его можетъ-быть еще не яснаго самому ему стремленія. Другими словами: поэтъ долженъ выражать не частное и случайное, но общее и необходимое, которое даетъ колоритъ и смыслъ всей его эпохѣ. Какъ же разсмотритъ онъ въ этомъ хаосѣ противорѣчащихъ мнѣній, стремленій, которое изъ нихъ дѣйствительно выражаетъ духъ его эпохи? Въ этомъ случаѣ, единственнымъ вѣрнымъ указателемъ больше всего можетъ быть его инстинктъ, темное безсознательное чувство, часто составляющее всю силу геніяльной натуры: кажется, идетъ наудачу, вопреки общему мнѣнію, наперекоръ всѣмъ при-

нятымъ понятіямъ и здравому смыслу, а между тѣмъ идетъ прямо туда, куда надо идти,—и вскорѣ даже тѣ, которые громче другихъ кричали противъ него, волею или неволею, а идутъ за нимъ и уже не понимаютъ, какъ же можно было бы идти не по этой дорогѣ. Вотъ почему иной поэтъ только до тѣхъ поръ и дѣйствуетъ могущественно, даетъ новое направленіе цѣлой литературѣ, пока просто, инстинктивно, безсознательно слѣдуетъ внушенію своего таланта; а лишь только начнетъ разсуждать и пустится въ философію,—глядь, и споткнулся, да еще какъ!... И обезсилѣетъ вдругъ богатырь, точно Самсонъ, лишенный волосъ, и онъ, который шелъ впереди всѣхъ, тащится теперь въ заднихъ отсталыхъ рядахъ, въ толпѣ своихъ прежнихъ противниковъ, а теперь новыхъ союзниковъ, и вмѣстѣ съ ними вооружается на собственное дѣло; да ужь поздно: не его волею сдѣлано оно, не его волею и пасть ему, оно выше его самого, и нужнѣе обществу, нежели онъ самъ теперь.... И больно, и жалко, и смѣшно смотрѣть на даровитаго поэта, захотѣвшаго сдѣлаться плохимъ резонёромъ!...

Въ наше время, искусство и литература больше, чѣмъ когда-либо прежде, сдѣлались выраженіемъ общественныхъ вопросовъ, потому что въ наше время эти вопросы стали общѣе, доступнѣе всѣмъ, яснѣе, сдѣлались для всѣхъ интересомъ первой степени, стали во главѣ всѣхъ другихъ вопросовъ. Это, разумѣется, не могло не измѣнить общаго направленія искусства во вредъ ему. Такъ самые геніяльные поэты, увлекаясь рѣшеніемъ общественныхъ вопросовъ, удивляютъ иногда теперь публику сочиненіями, которыхъ художественное достоинство нисколько не соотвѣтствуетъ ихъ таланту или по крайней мѣрѣ обнаруживается только въ частностяхъ, а цѣлое произведеніе слабо, растянуто, вяло, скучно. Вспомните романы Жоржа Санда: «Le Meunier d'Angibault», «Le Péché de Monsieur Antoine», «Isidore». Но и здѣсь бѣда произошла собственно не отъ

вліянія современныхъ общественныхъ вопросовъ, а отъ того, что авторъ существующую дѣйствительность хотѣлъ замѣнить утопіею, и вслѣдствіе этого заставилъ искусство изображать міръ, существующій только въ его воображеніи. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ характерами возможными, съ лицами всѣмъ знакомыми, онъ вывелъ характеры фантастическіе, лица небывалыя, и романъ у него смѣшался со сказкою, натуральное заслонилось неестественнымъ, поэзія смѣшалась съ риторикою. Но изъ этого еще нѣтъ причины вопить о паденіи искусства: тотъ же Жоржъ-Сандъ послѣ «Le Meunier d'Angibault» написалъ «Теверино», а послѣ «Изидоры» и «Le Péché de Monsieur Antoine» — Лукрецію Флоріани». Порча искусства вслѣдствіе вліянія современныхъ общественныхъ вопросовъ могла бы скорѣе обнаружиться на талантахъ низшей степени, но и тутъ она обнаруживается только въ неумѣніи отличать существующее отъ небывалаго, возможное отъ невозможнаго, и еще болѣе—въ страсти къ мелодрамѣ, къ натянутымъ эффектамъ. Что̀ особенно хорошо въ романахъ Евгенія Сю?—вѣрныя картины современнаго общества, въ которыхъ больше всего видно вліяніе современныхъ вопросовъ. А что̀ составляетъ ихъ слабую сторону, портитъ ихъ до того, что отбиваетъ всякую охоту читать ихъ?—Преувеличенія, мелодрама, эффекты, небывалые характеры въ родѣ принца Родольфа, — словомъ, все ложное, неестественное, ненатуральное, — а все это выходитъ отнюдь не изъ вліянія современныхъ вопросовъ, а изъ недостатка таланта, котораго хватаетъ только на частности и никогда на цѣлое произведеніе. Съ другой стороны, мы можемъ указать на романы Диккенса, которые такъ глубоко проникнуты задушевными симпатіями нашего времени, и которымъ это нисколько не мѣшаетъ быть превосходными художественными произведеніями.

Мы сказали, что чистаго, отрѣшеннаго, безусловнаго,

или, какъ говорятъ философы, абсолютнаго искусства никогда и нигдѣ не бывало. Если нѣчто подобное можно допустить, такъ это развѣ художественныя произведенія тѣхъ эпохъ, въ которыя искусство было главнымъ интересомъ, исключительно занимавшимъ образованнѣйшую часть общества. Таковы, напримѣръ, произведенія живописи итальянскихъ школъ въ XVI столѣтіи. Ихъ содержаніе, повидимому, преимущественно религіозное; но это большею частію миражъ, а на самомъ дѣлѣ предметъ этой живописи — красота какъ красота, больше въ пластическомъ или классическомъ, нежели въ романтическомъ смыслѣ этого слова. Возьмемъ, напримѣръ, мадону Рафаэля, этотъ chef d'oeuvre итальянской живописи XVI вѣка. Кто не помнитъ статьи Жуковскаго объ этомъ дивномъ произведеніи, кто съ молодыхъ лѣтъ не составилъ себѣ о немъ понятія по этой статьѣ? Кто, стало-быть, не былъ увѣренъ, какъ въ несомнѣнной истинѣ, что это произведеніе по превосходству романтическое, что лицо мадоны — высочайшій идеалъ той неземной красоты, которой таинство открывается только внутреннему созерцанію, и то въ рѣдкія мгновенія чистаго восторженнаго вдохновенія?... Авторъ предлагаемой статьи недавно видѣлъ эту картину. Не будучи знатокомъ живописи, онъ не позволилъ бы себѣ говорить объ этой удивительной картинѣ съ цѣлію опредѣлить ея значеніе и степень ея достоинства; но какъ дѣло идетъ только о его личномъ впечатлѣніи и о романтическомъ или неромантическомъ характерѣ картины, — то онъ думаетъ, что можетъ позволить себѣ на этотъ счетъ нѣсколько словъ. Статьи Жуковскаго онъ не читалъ уже давно, можетъ быть больше десяти лѣтъ, но какъ до того времени онъ читалъ и перечитывалъ ее со всѣмъ страстнымъ увлеченіемъ, со всею вѣрою молодости, и зналъ ее почти наизусть, — то и подошелъ къ знаменитой картинѣ съ ожиданіемъ уже извѣстнаго впечатлѣнія. Долго смо-

трѣлъ онъ на нее, оставлялъ, обращался къ другимъ картинамъ и снова подходилъ къ ней. Какъ ни мало знаетъ онъ толку въ живописи, но первое впечатлѣніе его было рѣшительно и опредѣленно въ одномъ отношеніи: онъ тотчасъ же почувствовалъ, что послѣ этой картины трудно понять достоинства другихъ и заинтересоваться ими. Два раза былъ онъ въ дрезденской галлереѣ, и въ оба видѣлъ только эту картину, даже когда смотрѣлъ на другія и когда ни на что не смотрѣлъ. И теперь, когда ни вспомнитъ онъ о ней, она словно стоитъ передъ его глазами, и память почти замѣняетъ дѣйствительность. Но чѣмъ дольше и пристальнѣе всматривался онъ въ эту картину, чѣмъ больше думалъ тогда и послѣ, тѣмъ болѣе убѣждался, что мадона Рафаэля и мадона, описанная Жуковскимъ подъ именемъ рафаэлевой,—двѣ совершенно различныя картины, не имѣющія между собою ничего общаго, ничего сходнаго. Мадона Рафаэля—фигура строго классическая и нисколько не романтическая. Лицо ея выражаетъ ту красоту, которая существуетъ самостоятельно, не заимствуя своего очарованія отъ какого-нибудь нравственнаго выраженія въ лицѣ. На этомъ лицѣ, напротивъ, ничего нельзя прочесть. Лицо мадоны, равно и вся ея фигура исполнены невыразимаго благородства и достоинства. Это дочь царя, проникнутая сознаніемъ и своего высокаго сана, и своего личнаго достоинства. Въ ея взорѣ есть что-то строгое, сдержанное, нѣтъ благости и милости, но нѣтъ и гордости, презрѣнія, а вмѣсто всего этого какое-то не забывающее своего величія снисхожденіе. Это—какъ бы сказать — idéal sublime du comme il faut. Но ни тѣни неуловимаго, таинственнаго, туманнаго, мерцающаго, — словомъ, романтическаго; напротивъ, во всемъ такая отчетливая, ясная опредѣленность, оконченность, такая строгая правильность и вѣрность очертаній, и вмѣстѣ съ этимъ такое благородство, изящество кисти! Религіозное созерцаніе выразилось въ

этой картинѣ только въ лицѣ божественнаго младенца, но созерцаніе, исключительно свойственное только католицизму того времени. Въ положеніи младенца, въ протянутыхъ къ предстоящимъ (разумѣю зрителей картины) рукахъ, въ расширенныхъ зрачкахъ глазъ его видны гнѣвъ и угроза, а въ приподнятой нижней губѣ горделивое презрѣніе. Это не Богъ прощенія и милости, не искупительный агнецъ за грѣхи міра, — это Богъ судящій и карающій... Изъ этого видно, что и въ фигурѣ младенца нѣтъ ничего романтическаго; напротивъ, его выраженіе такъ просто и опредѣленно, такъ уловимо, что сразу понимаешь отчетливо, что̀ видишь. Развѣ только въ лицахъ ангеловъ, отличающихся необыкновеннымъ выраженіемъ разумности и задумчиво созерцающихъ явленіе Божества, можно найдти что-нибудь романтическое.

Всего естественнѣе искать такъ-называемаго искусства — у Грековъ. Дѣйствительно, красота, составляющая существенный элементъ искусства, была едва-ли не преобладающимъ элементомъ жизни этого народа. Оттого, искусство его ближе всякаго другаго къ идеалу такъ-называемаго чистаго искусства. Но тѣмъ не менѣе красота въ немъ была больше существенною формою всякаго содержанія, нежели самимъ содержаніемъ. Содержаніе же ему давали и религія и гражданская жизнь, но только всегда подъ очевиднымъ преобладаніемъ красоты. Стало-быть, и самое греческое искусство только ближе другихъ къ идеалу абсолютнаго искусства, но нельзя назвать его абсолютнымъ, т. е. независимымъ отъ другихъ сторонъ національной жизни. Обыкновенно ссылаются на Шекспира и особенно на Гёте, какъ на представителей свободнаго, чистаго искусства; но это одно изъ самыхъ неудачныхъ указаній. Что Шекспиръ—величайшій творческій геній, поэтъ по преимуществу, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; но тѣ плохо понимаютъ его, кто изъ-за его поэзіи не видитъ

богатаго содержанія, неистощимаго рудника уроковъ и фактовъ для психолога, философа, историка, государственнаго человѣка и т. д. Шекспиръ все передаетъ черезъ поэзію, но передаваемое имъ далеко отъ того, чтобы принадлежать одной поэзіи. Вообще характеръ новаго искусства — перевѣсъ важности содержанія надъ важностію формы, тогда какъ характеръ древняго искусства — равновѣсіе содержанія и формы. Ссылка на Гёте еще неудачнѣе, нежели ссылка на Шекспира. Мы докажемъ это двумя примѣрами. Въ «Современникѣ» прошлаго года напечатанъ былъ переводъ гётевскаго романа Wahlverwandschaften, о которомъ и на Руси было иногда толковано печатно; въ Германіи же онъ пользуется страшнымъ почетомъ, о немъ написаны тамъ горы статей и цѣлыя книги. Не знаемъ, до какой степени понравился онъ русской публикѣ, и даже понравился ли онъ ей: наше дѣло было познакомить ее съ замѣчательнымъ произведеніемъ великаго поэта. Мы даже думаемъ, что романъ этотъ больше удивилъ нашу публику, нежели понравился ей. Въ самомъ дѣлѣ, тутъ многому можно удивиться! Дѣвушка переписываетъ отчеты по управленію имѣніемъ; герой романа замѣчаетъ что въ ея копіи, чѣмъ дальше, тѣмъ больше почеркъ ея становится похожъ на его почеркъ. «Ты любишь меня!» восклицаетъ онъ, бросаясь ей на шею. Повторяемъ: такая черта не одной нашей, но и всякой другой публикѣ не можетъ не показаться странною. Но для нѣмцевъ она нисколько не странна, потому что это черта нѣмецкой жизни, вѣрно схваченная. Такихъ чертъ въ этомъ романѣ найдется довольно; многіе сочтутъ, пожалуй, и весь романъ ни за что иное, какъ за такую черту... Не значитъ ли это, что романъ Гёте написанъ до того подъ вліяніемъ нѣмецкой общественности, что внѣ Германіи онъ кажется чѣмъ-то странно необыкновеннымъ? Но «Фаустъ» Гёте, конечно, вездѣ—великое созданіе. На него въ особенности любятъ указы-

вать какъ на образецъ чистаго искусства, не подчиняющагося ничему, кромѣ собственныхъ, одному ему свойственныхъ законовъ. И однакожь не въ осудъ будь сказано почтеннымъ рыцарямъ чистаго искусства — «Фаустъ» есть полное отраженіе всей жизни современнаго ему нѣмецкаго общества. Въ немъ выразилось все философское движеніе Германіи въ концѣ прошлаго столѣтія. Недаромъ послѣдователи школы Гегеля цитовали безпрестанно, въ своихъ лекціяхъ и философскихъ трактатахъ, стихи изъ «Фауста». Недаромъ также, во второй части «Фауста», Гёте безпрестанно впадалъ въ аллегорію, часто темную и непонятную по отвлеченности идей. Гдѣ жь тутъ чистое искусство?

Мы видѣли, что и греческое искусство только ближе всякаго другаго къ идеалу такъ-называемаго чистаго искусства, но не осуществляетъ его вполнѣ; что̀ же касается до новѣйшаго искусства, оно всегда было далеко отъ этого идеала, а въ настоящее время еще больше отдалилось отъ него; но это-то и составляетъ его силу. Собственно художественный интересъ не могъ не уступить мѣсто другимъ важнѣйшимъ для человѣчества интересамъ, и искусство благородно взялось служить имъ, въ качествѣ ихъ о̀ргана. Но отъ этого оно нисколько не перестало быть искусствомъ, а только получило новый характеръ. Отнимать у искусства право служить общественнымъ интересамъ, значитъ не возвышать, а унижать его, потому что это значитъ— лишать его самой живой силы, т.-е. мысли, дѣлать его предметомъ какого-то сибаритскаго наслажденія, игрушкою праздныхъ лѣнивцевъ. Это значитъ даже убивать его, чему доказательствомъ можетъ служить жалкое положеніе живописи нашего времени. Какъ будто не замѣчая кипящей вокругъ него жизни, съ закрытыми глазами на все живое, современное, дѣйствительное, это искусство ищетъ вдохновенія въ отжившемъ прошедшемъ, беретъ оттуда готовые

идеалы, къ которымъ люди давно уже охладѣли, которые никого уже не интересуютъ, не грѣютъ, ни въ комъ не пробуждаютъ живаго сочувствія.

Платонъ считалъ униженіемъ, профанаціею науки приложеніе геометріи къ ремесламъ. Это понятно въ такомъ восторженномъ идеалистѣ и романтикѣ, гражданинѣ маленькой республики, гдѣ общественная жизнь была такъ проста и немногосложна; но въ наше время она не имѣетъ даже оригинальности милой нелѣпости. Говорятъ, Диккенсъ своими романами сильно способствовалъ въ Англіи улучшенію учебныхъ заведеній, въ которыхъ все основано было на безщадномъ драньѣ розгами и варварскомъ обращеніи съ дѣтьми. Что жь тутъ дурнаго, спросимъ мы, если Диккенсъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ какъ поэтъ? Развѣ отъ этого романы его хуже въ эстетическомъ отношеніи? Здѣсь явное недоразумѣніе: видятъ, что искусство и наука не одно и то же, а не видятъ, что ихъ различіе вовсе не въ содержаніи, а только въ способѣ обработывать данное содержаніе. Философъ говоритъ силлогизмами, поэтъ—образами и картинами, а говорятъ оба они одно и то же. Политико-экономъ, вооружась статистическими числами, доказываетъ, дѣйствуя на умъ своихъ читателей или слушателей, что положеніе такого-то класса въ обществѣ много улучшилось или много ухудшилось, вслѣдствіе такихъ-то и такихъ-то причинъ. Поэтъ, вооружаясь живымъ и яркимъ изображеніемъ дѣйствительности, показываетъ, въ вѣрной картинѣ, дѣйствуя на фантазію своихъ читателей, что положеніе такого-то класса въ обществѣ дѣйствительно много улучшилось или ухудшилось отъ такихъ-то и такихъ-то причинъ. Одинъ доказываетъ, другой показываетъ, и оба убѣждаютъ, только одинъ логическими доводами, другой—картинами. Но перваго слушаютъ и понимаютъ немногіе, другаго — всѣ. Высочайшій и священнѣйшій интересъ общества есть его собственное благосостояніе, равно про-

стертое на каждаго изъ его членовъ. Путь къ этому благосостоянію — сознаніе, а сознанію искусство можетъ способствовать не меньше науки. Тутъ и наука и искусство равно необходимы, и ни наука не можетъ замѣнить искусства, ни искусство науки.

Дурное, ошибочное пониманіе истины не уничтожаетъ самой истины. Если мы видимъ иногда людей, даже умныхъ и благонамѣренныхъ, которые берутся за изложеніе общественныхъ вопросовъ въ поэтической формѣ, не имѣя отъ природы ни искры поэтическаго дарованія, изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что такіе вопросы чужды искусству и губятъ его. Если бы эти люди вздумали служить чистому искусству, ихъ паденіе было бы еще разительнѣе. Плохъ, напримѣръ, былъ забытый теперь романъ «Панъ Подстоличъ», вышедшій назадъ тому больше десяти лѣтъ и написанный съ похвальною цѣлію—представить картину состоянія бѣлорусскихъ крестьянъ; но все же онъ не былъ совсѣмъ безполезенъ, и хоть съ страшною скукою, но прочли же его иные. Конечно, авторъ лучше достигъ бы своей благородной цѣли, еслибы содержаніе своего романа изложилъ въ формѣ записокъ или замѣтокъ наблюдателя, не пускаясь въ поэзію; но если бы онъ взялся написать романъ чисто поэтическій, онъ еще меньше достигъ бы своей цѣли. Теперь многихъ увлекаетъ волшебное словцо: «направленіе»; думаютъ, что все дѣло въ немъ, и не понимаютъ, что въ сферѣ искусства, во первыхъ, никакое направленіе гроша не стоитъ безъ таланта, а во-вторыхъ, самое направленіе должно быть не въ головѣ только, а прежде всего въ сердцѣ, въ крови пишущаго; прежде всего должно быть чувствомъ, инстинктомъ, а потомъ уже, пожалуй, и сознательною мыслію,—что для него, этого направленія, такъ же надобно родиться, какъ и для самого искусства. Идея, вычитанная или услышанная и, пожалуй, понятая, какъ должно, но не проведенная черезъ собственную натуру,

не получившая отпечатка вашей личности, есть мертвый капиталъ не только для поэтической, но и всякой литературной дѣятельности. Какъ ни списывайте съ натуры, какъ ни сдобривайте вашихъ списковъ готовыми идеями и благонамѣренными «тенденціями», но если у васъ нѣтъ поэтическаго таланта,—списки ваши никому не напомнятъ своихъ оригиналовъ, а идеи и направленія останутся общими реторическими мѣстами.

Теперь что нибудь одно изъ двухъ: или картины нѣкоторыхъ сторонъ общественнаго быта, представляемыя писателями натуральной школы, проникнуты истиною и вѣрностію дѣйствительности, и въ такомъ случаѣ онѣ порождены талантомъ, носятъ на себѣ отпечатокъ созданія; или, если это наоборотъ, онѣ не могутъ никого увлекать и убѣждать, и въ нихъ никто не видитъ ни малѣйшаго сходства съ дѣйствительностію. Такъ и говорятъ о нихъ противники этой школы; но тогда слѣдуетъ вопросъ: отчего же, съ одной стороны, эти произведенія пользуются такимъ успѣхомъ у большинства читающей публики, а съ другой, имѣютъ способность такъ сильно раздражать противниковъ натуральной школы? Вѣдь только золотая посредственность пользуется завидною привиллегіею—никого не раздражать и не имѣть враговъ и противниковъ?

Одни говорили, что натуральная школа клевещетъ на общество и унижаетъ его умышленно; другіе теперь прибавляютъ къ этому, что она особенно виновата, въ этомъ отношеніи, передъ простымъ народомъ. Послѣднее обвиненіе выходитъ какъ-то противорѣчиво у хулителей натуральной школы: одни изъ нихъ упрекаютъ ее, съ мѣщански-аристократической точки зрѣнія, достойной прославленнаго Мольеромъ г. Журдэна, за излишнюю симпатію къ людямъ простаго званія, другіе за скрытую враждебность къ нимъ. Мы уже имѣли случай обстоятельно и подробно возразить на это обвиненіе и доказать всю его неоснова-

тельность и неблаговидность (въ статьѣ: «Отвѣтъ Москвитянину»), такъ что новаго объ этомъ сказать ничего не имѣемъ, пока наши доброжелатели не выдумаютъ чего нибудь новаго въ подкрѣпленіе этого, дѣлающаго имъ особенную честь, обвиненія. И потому скажемъ нѣсколько словъ о другомъ обвиненіи. Одни говорятъ (и очень справедливо на этотъ разъ), что натуральная школа основана Гоголемъ; другіе, отчасти соглашаясь съ этимъ, прибавляютъ еще, что французская неистовая словесность (лѣтъ десять назадъ тому, какъ уже кончавшаяся вмалѣ) еще больше Гоголя имѣла участія въ порожденіи натуральной школы. Подобное обвиненіе изъ рукъ вонъ нелѣпо: всѣ факты рѣшительно противъ него. Обращаясь къ его родословной, можно сказать, что оно порождено или тѣми неблаговидными причинами, о которыхъ говорить запрещаетъ приличіе, или рѣшительнымъ непониманіемъ литературнаго дѣла. Послѣднее еще вѣрнѣе. Хотя эти господа и ратуютъ за искусство, но это не мѣшаетъ имъ не имѣть о немъ ни малѣйшаго понятія. Какія произведенія французской литературы причислены были у насъ, почему-то, къ неистовой школѣ?—Первые романы Гюго (и въ особенности его знаменитая «Notre-Dame de Paris»), Сю, Дюма, «Мертвый оселъ и гильотинированная женщина» Жюль Жанена. Не такъ-ли? Кто жь теперь ихъ помнитъ, когда сами авторы ихъ давно уже приняли новое направленіе? И что̀ составляло главный характеръ этихъ произведеній, не лишенныхъ впрочемъ своего рода достоинствъ?—преувеличеніе, мелодрама, трескучіе эффекты. Представителемъ такого направленія у насъ былъ только Марлинскій, и вліяніе Гоголя положило рѣшительный конецъ этому направленію. Что же у него общаго съ натуральной школою? Теперь даже и рѣдкихъ попытокъ нѣтъ на произведенія съ такимъ направленіемъ, за исключеніемъ развѣ драмъ съ испанскими страстями, восхищающихъ обычныхъ посѣтителей Алексан-

ципскаго театра. А если посредственность и бездарность пытаются иногда, и то очень рѣдко, пріобрѣсти успѣхъ подражаніемъ французскимъ романамъ, то новѣйшимъ, болѣе нелѣпымъ и вздорнымъ, нежели неистовымъ. Къ такимъ попыткамъ принадлежитъ недавно напечатанный въ одномъ журналѣ романъ «Спекуляторы», наполненный небывалыми злодѣями, или, вѣрнѣе сказать, негодяями, и невозможными похожденіями, изъ которыхъ однакожь выводится въ концѣ чистѣйшая нравственность. Но натуральной школѣ что̀ за дѣло до подобныхъ произведеній? Они къ ней не относятся ни съ которой стороны.

Гораздо вѣрнѣе всѣхъ этихъ обвиненій тотъ фактъ, что, въ лицѣ писателей натуральной школы, русская литература пошла по пути истинному и настоящему, обратилась къ самобытнымъ источникамъ вдохновенія и идеаловъ, и черезъ это сдѣлалась и современною, и русскою. Съ этого пути она, кажется, уже не сойдетъ, потому-что это прямой путь къ самобытности, къ освобожденію отъ всякихъ чуждыхъ и постороннихъ вліяній. Этимъ мы отнюдь не хотимъ сказать, что она всегда останется въ томъ состояніи, какъ теперь; нѣтъ, она будетъ идти впередъ, измѣняться, но только никогда уже не перестанетъ быть вѣрною дѣйствительности и натурѣ. Мы нисколько не обольщены ея успѣхами и вовсе не хотимъ преувеличивать ихъ. Мы очень хорошо видимъ, что наша литература и теперь еще на пути стремленія, а не достиженія, что она только устанавливается, но еще не установилась. Весь успѣхъ ея заключается пока въ томъ, что она нашла уже свою настоящую дорогу и больше не ищетъ ея, но съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе твердымъ шагомъ продолжаетъ идти по ней. Теперь у ней нѣтъ главы, ея дѣятели таланты не первой степени, а между тѣмъ она имѣетъ свой характеръ и уже безъ помочей идетъ по настоящей дорогѣ, которую ясно видитъ сама. Здѣсь невольно приходятъ намъ на память слова, сказан-

ныя редакторомъ «Современника» въ первой книжкѣ этого журнала за прошлый годъ: «Въ замѣнъ сильныхъ талантовъ, не достающихъ нашей современной литературѣ, въ ней, такъ-сказать, отстоялись и улеглись жизненныя начала дальнѣйшаго развитія и дѣятельности. Она уже, какъ мы замѣтили выше, явленіе опредѣленнаго рода; въ ней есть сознаніе своей самостоятельности и своего значенія. Она уже сила организованная правильно, дѣятельная, живыми отпрысками переплетающаяся съ разными общественными нуждами и интересами, не метеоръ, случайно залетѣвшій изъ чуждой намъ сферы на удивленіе толпы, не вспышка уединенной геніяльной мысли, нечаянно проскользнувшая въ умахъ и потрясшая ихъ на минуту новымъ и невѣдомымъ ощущеніемъ. Въ области литературы нашей теперь нѣтъ мѣстъ особенно замѣчательныхъ, но есть вся литература. Недавно она еще была похожа на пестрое пространство нашихъ полей, только-что освободившихся отъ ледяной земной коры: тутъ на холмахъ кой-гдѣ пробивается травка, въ оврагахъ лежитъ еще почернѣвшій снѣгъ, перемѣшанный съ грязью. Теперь ее можно сравнить съ тѣми же полями въ весеннемъ убранствѣ: хотя зелень не блистаетъ яркимъ колоритомъ, мѣстами она очень блѣдна и не роскошна, но она уже стелется повсюду; прекрасное время года наступаетъ».

Мы думаемъ, что въ этомъ есть прогрессъ...

Справедливость выписанныхъ нами словъ сдѣлается еще очевиднѣе, если обратить вниманіе и на другія стороны русской литературы нашего времени. Тамъ увидимъ мы явленіе, соотвѣтствующее тому, которое въ поэзіи называютъ натурализмомъ, т. е. то же стремленіе къ дѣйствительности, реальности, истинѣ, то же отвращеніе отъ фантазій и призраковъ. Въ наукѣ отвлеченныя теоріи, апріорныя построенія, довѣріе къ системамъ со дня на день теряютъ свой кредитъ и уступаютъ мѣсто направленію

практическому, основанному на знаніи фактовъ. Конечно, наука еще не пустила у насъ глубокихъ корней, но и въ ней уже замѣтенъ поворотъ къ самобытности, именно въ той сферѣ, въ которой самобытность прежде всего должна начаться для русской науки — въ сферѣ изученія русской исторіи. Въ ея событіяхъ, до сихъ поръ объяснявшихся подъ вліяніемъ изученія западной исторіи, уже приводятся начала жизни, только ей свойственныя, и русская исторія объясняется по-русски. То же обращеніе къ вопросамъ, имѣющимъ болѣе близкое отношеніе собственно къ нашей, русской жизни, то же усиліе разрѣшить ихъ по своему замѣтно и въ изученіи современнаго быта Россіи. Чтобы доказать это, мы разберемъ все, что въ прошломъ году явилось замѣчательнаго въ какомъ бы то нибыло отношеніи.

2.

ЗНАЧЕНІЕ РОМАНА И ПОВѢСТИ ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.— ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ РОМАНЫ И ПОВѢСТИ ПРОШЛАГО ГОДА И ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННЫХЪ РУССКИХЪ БЕЛЛЕТРИСТОВЪ: ИСКАНДЕРЪ, ГОНЧАРОВЪ, ТУРГЕНЕВЪ, ДАЛЬ, ГРИГОРОВИЧЪ, ДРУЖИНИНЪ. — НОВОЕ СОЧИНЕНІЕ Г. ДОСТОЕВСКАГО «ХОЗЯЙКА». — «ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ» Г-ЖИ Т. Ч. — РАЗСКАЗЫ О СИБИРСКИХЪ ЗОЛОТЫХЪ ПРОМЫСЛАХЪ, Г. НЕБОЛЬСИНА. — ИСПАНСКІЯ ПИСЬМА, Г. БОТКИНА. — ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЯ УЧЕНЫЯ СТАТЬИ ПРОШЛАГО ГОДА. — ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЯ КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ. — Г. ШЕВЫРЕВЪ. — ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ РУССКИХЪ АВТОРОВЪ, А. СМИРДИНА.

Романъ и повѣсть стали теперь во главѣ всѣхъ другихъ родовъ поэзіи. Въ нихъ заключилась вся изящная литература, такъ что всякое другое произведеніе кажется

при нихъ чѣмъ-то исключительнымъ и случайнымъ. Причины этого — въ самой сущности романа и повѣсти, какъ рода поэзіи. Въ нихъ лучше, удобнѣе, нежели въ какомъ-нибудь другомъ родѣ поэзіи, вымыслъ сливается съ дѣйствительностію, художественное изобрѣтеніе смѣшивается съ простымъ, лишь бы вѣрнымъ, списываньемъ съ натуры. Романъ и повѣсть, даже изображая самую обыкновенную и пошлую прозу житейскаго быта, могутъ быть представителями крайнихъ предѣловъ искусства, высшаго творчества; съ другой стороны, отражая въ себѣ только избранныя, высокія мгновенія жизни, они могутъ быть лишены всякой поэзіи, всякаго искусства... Это самый широкій, всеобъемлющій родъ поэзіи. Въ немъ талантъ чувствуетъ себя безгранично свободнымъ; въ немъ соединяются всѣ другіе роды поэзіи — и лирика, какъ изліяніе чувствъ автора по поводу описываемаго имъ событія, и драматизмъ, какъ болѣе яркій и рельефный способъ заставлять высказываться данные характеры. Отступленія, разсужденія, дидактика, нетерпимыя въ другихъ родахъ поэзіи, въ романѣ и повѣсти могутъ имѣть законное мѣсто. Романъ и повѣсть даютъ полный просторъ писателю въ отношеніи преобладающаго свойства его таланта, характера, вкуса, направленія, и т. д. Вотъ почему въ послѣднее время такъ много романистовъ и повѣствователей. И потому же теперь самые предѣлы романа и повѣсти раздвинулись: кромѣ «разсказа», давно уже существовавшаго въ литературѣ, какъ низшій и болѣе легкій видъ повѣсти, недавно получили въ литературѣ право гражданства такъ-называемыя физіологіи, характерическіе очерки разныхъ сторонъ общественнаго быта. Наконецъ самые мемуары, совершенно чуждые всякаго вымысла, цѣнимые только по мѣрѣ вѣрной и точной передачи ими дѣйствительныхъ событій, самые мемуары, если они мастерски написаны, составляютъ какъ бы послѣднюю грань въ области романа, замыкая ее собою. Что̀ же об-

щаго между вымыслами фантазіи и строго историческимъ изображеніемъ того, что̀ было на самомъ дѣлѣ? Какъ что̀?— художественность изложенія! Недаромъ же историковъ называютъ художниками. Кажется, что̀ бы дѣлать искусству (въ смыслѣ художества) тамъ, гдѣ писатель связанъ источниками, фактами, и долженъ только о томъ стараться, чтобы воспроизвести эти факты какъ можно вѣрнѣе? Но въ томъ-то и дѣло, что вѣрное воспроизведеніе фактовъ не возможно при помощи одной эрудиціи, а нужна еще фантазія. Историческіе факты, содержащіеся въ источникахъ,—не болѣе, какъ камни и кирпичи: только художникъ может воздвигнуть изъ этого матеріяла изящное зданіе. Въ первой статьѣ нашей, мы уже говорили о томъ, что вѣрно списывать съ натуры такъ же нельзя безъ творческаго таланта, какъ и создавать вымыслы, похожіе на натуру. Сближеніе искусства съ жизнію, вымысла — съ дѣйствительностію, въ нашъ вѣкъ особенно выразилось въ историческомъ романѣ. Отсюда былъ только шагъ до истиннаго воззрѣнія на мемуары, въ которыхъ такую важную роль играютъ очерки характеровъ и лицъ. Если очерки живы, увлекательны, значитъ — они не копіи, не списки, всегда блѣдные, ничего не выражающіе, а художественное воспроизведеніе лицъ и событій. Такъ дорожатъ портретами Фанъ-Дейковъ, Тиціановъ и Веляскесовъ, вовсе не интересуясь знать, съ кого были писаны эти портреты: ими дорожатъ, какъ картинами, какъ художественными произведеніями. Такова сила искусства: лицо, ничѣмъ не замѣчательное само по себѣ, получаетъ чрезъ искусство общее значеніе для всѣхъ равно интересное, и на человѣка, который, при жизни не обращалъ на себя ничьего вниманія, смотрятъ вѣка, по милости художника, давшаго ему своею кистію новую жизнь! То же самое и въ мемуарахъ, и въ разсказахъ, и во всякаго рода снимкахъ съ натуры. Тутъ степень достоинства произведенія зависитъ

отъ степени таланта писателя. И вы можете въ книгѣ любоваться человѣкомъ, съ которымъ не захотѣли бы нигдѣ встрѣтиться, котораго, можетъ-быть, всегда знали бы, какъ самое пустое и скучное созданіе. Запоздалыя эстетики утверждаютъ, что «поэзія не должна быть живописью, потому что въ живописи все дѣло въ вѣрномъ изображеніи предмета, схваченнаго въ одномъ извѣстномъ моментѣ». Но если поэзія берется изображать лица, характеры, событія, — словомъ, картины жизни, само собою разумѣется, что въ такомъ случаѣ она беретъ на себя ту же самую обязанность, что̀ живопись, т. е. быть вѣрною дѣйствительности, которую взялась воспроизводить. И эта вѣрность есть первое требованіе, первая задача поэзіи. О поэтическомъ талантѣ автора тутъ должно судить, прежде всего основываясь на томъ, до какой степени удовлетворяетъ онъ этому требованію, рѣшаетъ эту задачу. Если онъ не живописецъ: явный знакъ, что онъ и не поэтъ, что у него вовсе нѣтъ таланта. Но что поэзія не должна быть только живописью, это опять другое дѣло, и съ этимъ нельзя не согласиться. Въ картинахъ поэта должна быть мысль, производимое ими впечатлѣніе должно дѣйствовать на умъ читателя, должно давать то или другое направленіе его взгляду на извѣстныя стороны жизни. Для этого романъ и повѣсть, съ однородными имъ произведеніями, самый удобный родъ поэзіи. На его долю, преимущественно досталось изображеніе картинъ общественности, поэтическій анализъ общественной жизни.

Прошлый 1847 годъ былъ особенно богатъ замѣчательными романами, повѣстями и разсказами. По огромному успѣху въ публикѣ, первое мѣсто между ними принадлежитъ, безъ всякаго сомнѣнія, двумъ романамъ: «Кто Виноватъ?» и «Обыкновенная Исторія», почему мы и начнемъ съ нихъ наше обозрѣніе изящной литературы за прошлый годъ.

Г. Искандеръ давно уже извѣстенъ публикѣ, какъ авторъ разныхъ статей, отличающихся замѣчательнымъ умомъ, талантомъ, остроуміемъ, оригинальностію взгляда на предметы и оригинальностію выраженія. Но какъ романистъ, онъ талантъ новый, обратившій на себя особенное вниманіе русской публики только съ прошлаго года. Правда, въ «Отечественныхъ Запискахъ» были напечатаны два его опыта въ искусствѣ разсказывать: «Записки одного молодаго человѣка» (1840) и «Еще изъ записокъ одного молодаго человѣка» (1841), въ которыхъ можно было предугадывать въ авторѣ будущаго даровитаго романиста, судя по вѣрности и живости этихъ легкихъ очерковъ. Г. Гончаровъ, авторъ «Обыкновенной Исторіи», лицо совершенно новое въ нашей литературѣ, но уже занявшее въ ней одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Потому ли, что оба эти романа—«Кто Виноватъ?» и «Обыкновенная Исторія», появились почти въ одно время и раздѣлили между собою славу необыкновеннаго успѣха, — о нихъ не только говорятъ вмѣстѣ, но еще и сравниваютъ ихъ между собою, будто явленія однородныя. Одинъ журналъ, объявивъ недавно романъ Искандера въ высшей степени художественнымъ произведеніемъ, изъявилъ свое недовольство романомъ г. Гончарова на томъ основаніи, что въ послѣднемъ не нашелъ достоинствъ перваго. Мы тоже намѣрены въ разборѣ этихъ романовъ ставить ихъ вмѣстѣ, но не для того, чтобы показать ихъ сходство, котораго между ними, какъ произведеніями совершенно различными по ихъ сущности, нѣтъ и тѣни, а для того, чтобы самою ихъ взаимною противоположностію вѣрнѣе очертить особенность каждаго изъ нихъ и показать ихъ достоинства и недостатки.

Видѣть въ авторѣ «Кто Виноватъ?» необыкновеннаго художника, значитъ вовсе не понимать его таланта. Правда, онъ обладаетъ замѣчательною способностію вѣрно передавать явленія дѣйствительности, очерки его опредѣлены

и рѣзки, картины его ярки и сразу бросаются въ глаза. Но даже и эти самыя качества доказываютъ, что главная сила его не въ творчествѣ, не въ художественности, а въ мысли, глубоко прочувствованной, вполнѣ сознанной и развитой. Могущество этой мысли—главная сила его таланта; художественная манера схватывать вѣрно явленія дѣйствительности—второстепенная, вспомогательная сила его таланта. Отнимите у него первую, — вторая окажется слишкомъ несостоятельною для самобытной дѣятельности.

Подобный талантъ не есть что-нибудь особенное, исключительное, случайное. Нѣтъ, такіе таланты также естественны, какъ и таланты чисто художественные. Ихъ дѣятельность образуетъ особенную сферу искусства, въ которой фантазія является на второмъ мѣстѣ, а умъ—на первомъ. На это различіе мало обращаютъ вниманія, и оттого въ теоріи искусства выходитъ страшная путаница. Хотятъ видѣть въ искусствѣ своего рода умственный Китай, рѣзко отдѣленный точными границами отъ всего, что̀ не искусство въ строгомъ смыслѣ слова. А между тѣмъ эти пограничныя линіи существуютъ больше предположительно, нежели дѣйствительно; по крайней мѣрѣ ихъ не укажешь пальцемъ, какъ на картѣ границы государствъ. Искусство, по мѣрѣ приближенія къ той или другой своей границѣ, постепенно теряетъ нѣчто отъ своей сущности и принимаетъ въ себя отъ сущности того, съ чѣмъ граничитъ, такъ что вмѣсто разграничивающей черты является область, примиряющая обѣ стороны.

Поэтъ-художникъ—болѣе живописецъ, нежели думаютъ. Чувство формы — въ этомъ вся натура его. Вѣчно соперничать съ природою въ способности творить — его высочайшее наслажденіе. Схватить данный предметъ во всей его истинѣ, заставить его, такъ-сказать, дышать жизнію: вотъ въ чемъ его сила, торжество, удовлетвореніе, гордость. Но поэзія выше живописи, предѣлы ея обширнѣе,

нежели предѣлы всякаго другаго искусства. И потому, поэтъ, разумѣется, не можетъ ограничиться одною живописью, — о чемъ мы впрочемъ уже говорили. Но какія бы ни были другія превосходныя, возбуждающія восторгъ и удивленіе качества его твореній, — все-таки главная сила его въ поэтической живописи. Онъ обладаетъ способностію быстро постигать всѣ формы жизни, переноситься во всякій характеръ, во всякую личность, — и для этого ему нужны не опытъ, не изученіе, а достаточно иногда одного намека или одного быстраго взгляда. Два-три факта, — и его фантазія возстановляетъ цѣлый отдѣльный, замкнутый въ самомъ себѣ міръ жизни, со всѣми его условіями и отношеніями, съ свойственнымъ ему колоритомъ и оттѣнками. Такъ Кювье наукою дошелъ до искусства по одной ископаемой кости возстановлять умственно цѣлый организмъ животнаго, которому она принадлежала. Но тутъ дѣйствовалъ геній, развитый и вспомоществуемый наукою; поэтъ же преимущественно опирается на свое чувство, свой поэтическій инстинктъ.

Другой разрядъ поэтовъ, о которомъ мы начали говорить и къ которому принадлежитъ авторъ романа «Кто Виноватъ?», можетъ изображать вѣрно только тѣ стороны жизни, которыя особенно почему бы то ни было поразили ихъ мысль и особенно знакомы имъ. Они не понимаютъ наслажденія представить вѣрно явленіе дѣйствительности для того только, чтобы вѣрно представить его. У нихъ не достаетъ ни охоты, ни терпѣнія на такой, по ихъ мнѣнію, безполезный трудъ. Для нихъ важенъ не предметъ, а смыслъ предмета, — и ихъ вдохновеніе вспыхиваетъ только для того, чтобы, черезъ вѣрное представленіе предмета сдѣлать въ глазахъ всѣхъ очевиднымъ и осязательнымъ смыслъ его. У нихъ, стало-быть, опредѣленная и ясно сознанная цѣль впереди всего, а поэзія — только средство къ достиженію этой цѣли. Поэтому, доступный ихъ таланту міръ жизни

опредѣляется ихъ задушевною мыслію, ихъ взглядомъ на жизнь; это магическій кругъ, изъ котораго они не могутъ выйдти безнаказанно, т. е. не теряя вдругъ способности изображать дѣйствительность поэтически вѣрно. Отнимите у нихъ эту, одушевляющую ихъ, мысль, заставьте отказаться отъ ихъ взгляда на предметы, — и у нихъ нѣтъ больше и таланта; тогда какъ талантъ поэта-художника всегда съ нимъ, пока вокругъ него движется жизнь, какая бы она ни была.

Что̀ составляетъ задушевную мысль Искандера, которая служитъ ему источникомъ его вдохновенія, возвышаетъ его иногда, въ вѣрномъ изображеніи явленій общественной жизни, почти до художественности?—Мысль о достоинствѣ человѣческомъ, которое унижается предразсудками, невѣжествомъ, и унижается то несправедливостью человѣка къ своему ближнему, то собственнымъ добровольнымъ искаженіемъ самого себя. Герой всѣхъ романовъ и повѣстей Искандера, сколько бы ни написалъ онъ ихъ, всегда былъ и будетъ одинъ и тотъ же: это—человѣкъ, понятіе общее, родовое, во всей обширности этого слова, во всей святости его значенія. Искандеръ—по преимуществу поэтъ гуманности. Поэтому, въ его романѣ бездна лицъ, бо̀льшею частію мастерски очерченныхъ, но нѣтъ героя, нѣтъ героини. Въ первой части, заинтересовавъ насъ четою Негровыхъ, онъ выводитъ намъ героями романа Круциферскаго и Любоньку. Въ эпизодѣ, написанномъ для связи обѣихъ частей, героемъ является Бельтовъ; но мать Бельтова и его гувернёръ-Женевецъ едва ли не больше, нежели онъ самъ, интересуютъ собою читателя. Во второй части героями являются Бельтовъ и Круциферская, и въ ней только раскрывается вполнѣ основная мысль романа, являющаяся сначала такъ загадочною въ его названіи: «Кто Виноватъ?». Но мы должны признаться, что эта-то мысль всего менѣе и интересуетъ насъ въ романѣ, такъ же, какъ

Бельтовъ, герой романа, кажется намъ самымъ неудачнымъ лицомъ во всемъ романѣ. Когда Круциферскій сдѣлался женихомъ Любоньки, докторъ Круповъ сказалъ ему: «не пара тебѣ эта невѣста, ужь что̀ хочешь,—эти глаза, этотъ цвѣтъ лица, этотъ трепетъ, который иногда пробѣгаетъ по ея лицу — она тигренокъ, который еще не знаетъ своей силы, а ты, да что̀ ты? ты невѣста; ты, братецъ, нѣмка; ты будешь жена — ну годно ли это?» Въ этихъ словахъ лежитъ завязка романа, который, по намѣренію автора, долженъ былъ только начаться свадьбою, вмѣсто того, чтобы кончиться сю. Авторъ, познакомивши насъ съ Бельтовымъ, ведетъ насъ въ мирное убѣжище молодой четы, уже четыре года наслаждающейся тихимъ семейнымъ счастіемъ; — но, помня мрачное предсказаніе оракула въ лицѣ скептическаго доктора, читатель невольно ждетъ, что въ самой картинѣ семейнаго счастія Круциферскихъ авторъ покажетъ ему зародышъ и начало будущихъ бѣдъ. Круциферскій дѣйствительно не женился, а вышелъ замужъ. Его жена была слишкомъ выше его, слѣдовательно слишкомъ не по немъ. Естественно, что онъ былъ вполнѣ счастливъ сю, но не естественно, чтобъ она была спокойно счастлива, не видѣла тревожныхъ сновъ, не задумывалась наяву. Она могла уважать и даже любить своего мужа, какъ существо младенчески чистое и благородное, которое, сверхъ того, вырвало ее изъ аду родительскаго дома; но такая ли любовь могла удовлетворить такую женщину, наполнить тѣ потребности, тѣ стремленія ея натуры, которыя тѣмъ мучительнѣе, чѣмъ неопредѣленнѣе и безсознательнѣе? Знакомство съ Бельтовымъ, скоро превратившееся въ любовь, должно было только открыть ей глаза на ея положеніе, пробудить въ ней сознаніе того, что она не могла быть счастлива съ такимъ человѣкомъ, какъ Круциферскій. Но этого авторъ не сдѣлалъ.

Мысль была прекрасная, исполненная глубокаго трагн-

ческаго значенія. Она-то и увлекла большинство читателей и помѣшала имъ замѣтить, что вся исторія трагической любви Бельтова и Круциферскаго разсказана умно, очень умно, даже ловко, но за то ужъ нисколько не художественно. Тутъ мастерской разсказъ, но нѣтъ и слѣда живой поэтической картины. Мысль спасла и вынесла автора: умомъ онъ вѣрно понялъ положеніе своихъ героевъ, но передалъ его только какъ умный человѣкъ, хорошо понявшій дѣло, но не какъ поэтъ. Такъ иногда даровитый актёръ, взявшійся за роль, которая вовсе не въ его средствахъ и талантѣ, все-таки не портитъ ее, но умно и ловко выполняетъ ее, вмѣсто того, чтобы сыграть. Мысль роли не потеряна, а трагическій смыслъ піесы дополняетъ недостатокъ въ выполненіи главной роли, — и зритель не вдругъ догадывается, что онъ былъ только увлеченъ, а совсѣмъ не удовлетворенъ.

Это доказывается между прочимъ и тѣмъ, что во второй части романа характеръ Бельтова произвольно измѣненъ авторомъ. Сперва это былъ человѣкъ, жаждавшій полезной дѣятельности и ни въ чемъ не находившій ея, по причинѣ ложнаго воспитанія, которое далъ ему благородный женевскій мечтатель. Бельтовъ зналъ многое и обо всемъ имѣлъ общія понятія, но совершенно не зналъ той общественной среды, въ которой одной могъ бы дѣйствовать съ пользою. Все это не только сказано, но и показано авторомъ мастерски. Мы думаемъ, что при этомъ авторъ могъ бы еще указать слегка и на натуру своего героя, нисколько не практическую и, кромѣ воспитанія, порядочно испорченную еще и богатствомъ. Тому, кто родился богатымъ, надо получить отъ природы особенное призваніе къ какой бы то ни было дѣятельности, чтобы не праздно жить на свѣтѣ и не скучать отъ бездѣйствія. Этого-то призванія и не замѣтно вовсе въ натурѣ Бельтова. Натура его была чрезвычайно богата и многостороння, но въ этомъ богатствѣ и

многосторонности ничто не имѣло прочнаго корня. У него много ума, но ума созерцательнаго, теорическаго, который не столько углублялся въ предметы, сколько скользилъ по нимъ. Онъ способенъ былъ понимать многое, почти все, но эта-то многосторонность сочувствія и пониманія и мѣшаетъ такимъ людямъ сосредоточить всѣ свои силы на одномъ предметѣ, устремить на него всю свою волю. Такіе люди вѣчно порываются къ дѣятельности, пытаясь найти свою дорогу, и разумѣется не находятъ ея.

Такимъ образомъ Бельтовъ осужденъ былъ томиться никогда неудовлетворяемою жаждою дѣятельности и тоскою бездѣйствія. Авторъ мастерски передалъ намъ его неудачныя попытки служить, потомъ сдѣлаться врачемъ, артистомъ. Если нельзя сказать, что онъ вполнѣ очертилъ и разъяснилъ этотъ характеръ,—все же это у него лицо, хорошо очерченное, понятное и естественное. Но въ послѣдней части романа Бельтовъ вдругъ является передъ нами какою-то высшею, геніяльною натурою, для дѣятельности которой дѣйствительность не представляетъ достойнаго поприща.... Это уже совсѣмъ не тотъ человѣкъ, съ которымъ мы такъ хорошо познакомились прежде; это уже не Бельтовъ, а что-то въ родѣ Печорина. Разумѣется, прежній Бельтовъ былъ гораздо лучше, какъ всякій человѣкъ, играющій свою собственную роль. Сходство съ Печоринымъ для него крайне невыгодно. Не понимаемъ, зачѣмъ автору нужно было съ своей дороги сойдти на чужую!... Неужели этимъ онъ хотѣлъ поднять Бельтова до Круциферской? Напрасно! для нея онъ былъ бы также интересенъ и въ прежнемъ своемъ видѣ; и тогда онъ сталъ бы подлѣ бѣднаго Круциферскаго настоящимъ колосомъ подлѣ карлика. Онъ былъ человѣкъ взрослый, совершеннолѣтній, мужчина, по крайней мѣрѣ по уму и взгляду на жизнь; а Круциферскій, съ его благородными мечтами, вмѣсто настоящаго пониманія людей и жизни, и подлѣ прежняго Бельтова все казался бы ре-

бенкомъ, котораго развитіе задержано какою-нибудь болѣзнію.

Круциферская, въ свою очередь, является гораздо интереснѣе въ первой части романа, нежели въ послѣдней. Нельзя сказать, чтобы и тамъ ея характеръ былъ рѣзко очерченъ; но зато рѣзко было очерчено ея положеніе въ домѣ Негрова. Тамъ она хороша молча, безъ словъ, безъ дѣйствій. Читатель угадываетъ ее, хотя не слышитъ отъ нея почти ни слова. Авторъ въ обрисовкѣ ея положенія обнаружилъ необыкновенное мастерство. Только въ отрывкахъ изъ ея дневника она у него высказывается сама. Но мы не совсѣмъ довольны этою исповѣдью. Кромѣ того, что манера знакомить читателей съ героинями романовъ черезъ ихъ записки—манера старая, избитая и фальшивая,—записки Любоньки немножко отзываются поддѣлкою: по крайней мѣрѣ не всякій повѣритъ, что ихъ писала женщина... Очевидно, что и тутъ авторъ вышелъ изъ сферы своего таланта. То же скажемъ мы и объ отрывкахъ Круциферской въ концѣ романа. Въ томъ и другомъ случаѣ, авторъ ловко отдѣлался отъ задачи, которая была ему не по силамъ, но не больше. Вообще, сдѣлавшись Круциферскою, Любонька перестала быть характеромъ, лицомъ, и превратилась въ мастерски, умно развитую мысль. Она и Бельтовъ — два единственныя лица, съ которыми авторъ не совладѣлъ какъ слѣдуетъ. Но и въ нихъ нельзя не удивляться его ловкости и искусству поддержать интересъ до конца и поразить, растрогать большинство читателей тамъ, гдѣ съ его талантомъ, но безъ его ума и вѣрнаго взгляда на предметы, всякій другой только насмѣшилъ бы.

Итакъ, не въ картинѣ трагической любви Бельтова и Круциферской надо искать достоинствъ романа Искандера. Мы видѣли, что это вовсе не картина, а мастерски изложенное слѣдственное дѣло. Вообще «Кто Виноватъ?» собственно не романъ, а рядъ біографій, мастерски написан-

ныхъ и ловко связанныхъ внѣшнимъ образомъ въ одно цѣлое именно тою мыслію, которой автору не удалось развить поэтически. Но въ этихъ біографіяхъ есть и внутренняя связь, хотя и безъ всякаго отношенія къ трагической любви Бельтова и Круциферской. Это—мысль, которая глубоко легла въ ихъ основаніе, дала жизнь и душу каждой чертѣ, каждому слову разсказа, сообщила ему эту убѣдительность и увлекательность, которыя равно неотразимо дѣйствуютъ на читателей симпатизирующихъ и несимпатизирующихъ съ авторомъ, образованныхъ и необразованныхъ. Мысль эта является у автора какъ чувство, какъ страсть; словомъ, изъ его романа видно, что она столько же составляетъ паѳосъ его жизни, какъ и его романа. О чемъ бы онъ ни говорилъ, чѣмъ бы ни увлекся въ отступленіе, онъ никогда не забываетъ ея, безпрестанно возвращается къ ней, она какъ-будто невольно сама высказывается у него. Эта мысль срослась съ его талантомъ; въ ней его сила; еслибъ онъ могъ охладѣть къ ней, отречься отъ нея,—онъ бы вдругъ лишился своего таланта. Какая же эта мысль? Это — страданіе, болѣзнь при видѣ непризнаннаго человѣческаго достоинства, оскорбляемаго съ умысломъ, и еще больше безъ умысла; это то, что̀ Нѣмцы называютъ гуманностію (Humanität). Тѣ, кому покажется непонятною мысль, заключающаяся въ этомъ словѣ, въ сочиненіяхъ Искандера найдутъ самое лучшее ея объясненіе. О самомъ же словѣ скажемъ, что нѣмцы сдѣлали его изъ латинскаго слова humanus, что̀ значитъ человѣческій. Здѣсь оно берется въ противоположность слову животный. Когда человѣкъ поступаетъ съ людьми, какъ слѣдуетъ человѣку поступать съ своими ближними, братьями по естеству, онъ поступаетъ гуманно; въ противномъ случаѣ, онъ поступаетъ, какъ прилично животному. Гуманность есть человѣколюбіе, но развитое сознаніемъ и образованіемъ. Человѣкъ, воспитывающій бѣднаго сироту не по разсчету, не изъ хвастов-

ства, а по желанію сдѣлать добро, — воспитывающій его какъ роднаго сына, но вмѣстѣ съ этимъ дающій ему чувствовать, что онъ его благодѣтель, что онъ на него тратится, и пр. и пр., такой человѣкъ, конечно, заслуживаетъ названіе добраго, нравственнаго и человѣколюбиваго, но отнюдь не гуманнаго. У него много чувства, любви, но они не развиты въ немъ сознаніемъ, покрыты грубою корою. Его грубый умъ и не подозрѣваетъ, что въ натурѣ человѣческой есть струны тонкія и нѣжныя, съ которыми надобно обращаться бережно, чтобы не сдѣлать человѣка несчастнымъ при всѣхъ внѣшнихъ условіяхъ счастія, или чтобы не огрубить, не опошлить человѣка, который, при болѣе гуманномъ съ нимъ обращеніи, могъ бы сдѣлаться порядочнымъ. А между тѣмъ сколько на свѣтѣ такихъ благодѣтелей, которые мучатъ, а иногда и губятъ тѣхъ, на кого изливаются ихъ благодѣянія, безъ всякаго дурнаго умысла, иногда горячо любя ихъ, смиренно желая имъ всякаго добра, — и потомъ добродушно удивляются тому, что вмѣсто привязанности и уваженія имъ заплачено холодностію, равнодушіемъ, неблагодарностію, даже ненавистію и враждою, или что изъ ихъ воспитанниковъ вышли негодяи, тогда какъ они имъ дали самое нравственное воспитаніе. Сколько есть отцовъ и матерей, которые дѣйствительно по своему любятъ своихъ дѣтей, но считаютъ священною обязанностію безпрестанно твердить имъ, что они обязаны своимъ родителямъ и жизнію, и одеждой, и воспитаніемъ! Эти несчастные и не догадываются, что они сами лишаютъ себя дѣтей, замѣняя ихъ какими-то пріемышами, сиротами, которыхъ они взяли изъ чувства благодѣтельности. Они спокойно дремлютъ на моральномъ правилѣ, что дѣти должны любить своихъ родителей, и потомъ, въ старости, со вздохомъ повторяютъ избитую сентенцію, что отъ дѣтей-де нечего ожидать, кромѣ неблагодарности. Даже этотъ страшный опытъ не снимаетъ толстой ледяной коры

съ ихъ оцѣпенѣлыхъ умовъ и не заставляетъ ихъ наконецъ понять, что сердце человѣческое дѣйствуетъ по своимъ собственнымъ законамъ и никакихъ другихъ признавать не хочетъ и не можетъ, что любовь по долгу и по обязанности есть чувство противное человѣческой природѣ, сверхъестественное, фантастическое, невозможное и небывалое. что любовь дается только любви, что любви нельзя требовать, какъ чего-то слѣдующаго намъ по праву, но всякую любовь надо пріобрѣсти, заслужить, отъ кого бы то ни было, все равно — отъ высшаго или отъ низшаго насъ. сыну ли отъ отца, или отцу отъ сына. Посмотрите на дѣтей: часто случается, что дитя очень равнодушно смотритъ на свою мать, хотя она и кормитъ его своею грудью, и подымаетъ страшный ревъ, если, проснувшись, не увидитъ тотчасъ же своей няни, которую оно привыкло видѣть при себѣ безотлучно. Видите ли: ребенокъ — это полное и совершенное выраженіе природы — даритъ своей любовью того, кто доказываетъ ему любовь свою на самомъ дѣлѣ, кто отказался для него отъ всѣхъ удовольствій, словно желѣзною цѣпью приковалъ себя къ его жалкому и слабому существованію.

Гуманность нисколько не находится въ противорѣчіи съ уваженіемъ къ высокимъ общественнымъ положеніямъ и рангамъ; но она находится въ рѣшительномъ противорѣчіи съ презрѣніемъ къ кому бы то ни было, кромѣ негодяевъ и подлецовъ. Она охотно признаетъ общественное первенство людей; но только смотритъ на него не съ одной внѣшней, но болѣе съ внутренней стороны. Гуманность не только не обязываетъ — человѣка низшаго сословія съ грубыми манерами, привычками, осыпать непривычными ему вѣжливостями, но даже запрещаетъ это, потому что такое обращеніе поставило бы его въ неловкое положеніе, заставило бы подозрѣвать въ немъ насмѣшку или дурной умыселъ. Гуманный человѣкъ обойдется съ низшимъ себя и грубо

развитымъ человѣкомъ съ тою вѣжливостью, которая тому не можетъ показаться странною или дикою; но онъ не допуститъ его унижать передъ нимъ свое человѣческое достоинство,—не позволитъ ему кланяться себѣ въ ноги, не станетъ называть его Ванькой или Ванюхой и тому подобными именами, похожими на собачьи клички, не будетъ легонько трясти его за бороду въ знакъ своего милостиваго къ нему расположенія, чтобы тотъ, подло ухмыляясь, говорилъ ему съ подобострастіемъ: «за что изволите жаловать?...» Чувство гуманности оскорбляется, когда люди не уважаютъ въ другихъ человѣческаго достоинства, и еще болѣе оскорбляется и страдаетъ, когда человѣкъ самъ въ себѣ не уважаетъ собственнаго достоинства.

Вотъ это-то чувство гуманности и составляетъ, такъ-сказать, душу твореній Искандера. Онъ ея проповѣдникъ, адвокатъ. Выводимыя имъ на сцену лица—люди не злые, даже большею частію добрые, которые мучатъ и преслѣдуютъ самихъ себя и другихъ чаще съ хорошими, нежели съ дурными намѣреніями, больше по невѣжеству, нежели по злости. Даже тѣ изъ его лицъ, которыя отталкиваютъ отъ себя низостію чувствъ и гадостію поступковъ, представляются авторомъ больше какъ жертвы ихъ собственнаго невѣжества и той среды, въ которой они живутъ, нежели ихъ злой натуры. Онъ изображаетъ преступленія, неподлежащія вѣдомству законовъ и понимаемыя большинствомъ какъ дѣйствія разумныя и нравственныя. Злодѣевъ у него мало: въ трехъ повѣстяхъ, доселѣ напечатанныхъ, только въ одной «Сорокѣ-Воровкѣ» выведенъ злодѣй, да и то такой, котораго и теперь многіе готовы счесть за самаго добродѣтельнаго и нравственнаго человѣка. Главное орудіе Искандера, которымъ онъ владѣетъ съ такимъ удивительнымъ мастерствомъ — иронія, нерѣдко возвышающаяся до сарказма, но чаще обнаруживающаяся легкою, граціозною и необыкновенно добродушною шуткою: вспом

ните добраго почтмейстера, который два раза чуть не убилъ Бельтову, сначала горемъ, потомъ радостью, и такъ добродушно потиралъ себѣ руки, такъ вкушалъ успѣхъ сюрприза, что «нѣтъ въ мірѣ жестокаго сердца, которое нашло бы въ себѣ силу упрекнуть его за эту штуку, и которое бы не предложило ему закусить». А между тѣмъ, и въ этой чертѣ, нисколько не возмутительной, а только забавной, авторъ остается вѣрнымъ своей завѣтной идеѣ. Все, что касается этой идеи въ романѣ «Кто Виноватъ?»,— все это отличается вѣрностію дѣйствительности, мастерствомъ изложенія, которыя выше всякихъ похвалъ. Здѣсь, а не въ любви Бельтова и Круциферской, блестящая сторона романа и торжество таланта автора. Мы сказали выше, что романъ этотъ—рядъ біографій, связанныхъ между собою одною мыслію, но безконечно разнообразныхъ, глубоко правдивыхъ и богатыхъ философскимъ значеніемъ. Здѣсь авторъ вполнѣ въ своей сферы. Что лучшаго въ той самой части романа, которая вся посвящена трагической любви Бельтова и Круциферской, какъ не біографія почтеннѣйшаго Карпа Кондратьича, бойкой супруги его Марьи Степановны и бѣдной дочери ихъ Варвары Карповны, по домашнему Вавы,—біографія, вошедшая сюда эпизодомъ? Когда интересны въ романѣ Круциферскій и Любонька? тогда, какъ они живутъ въ домѣ Негровыхъ и страдаютъ отъ всего ихъ окружающаго. Такія положенія сподручны автору, и онъ необыкновенный мастеръ рисовать ихъ. Когда интересенъ самъ Бельтомъ?—когда мы читаемъ исторію его превратнаго и ложнаго воспитанія, и потомъ исторію его неудачныхъ попытокъ найдти свою дорогу въ жизни. Это также входитъ въ сферу таланта автора. Онъ—философъ по преимуществу, а между тѣмъ немножко и поэтъ и воспользовался этимъ, чтобы изложить свои понятія о жизни притчами. Это всего лучше доказывается его превосходнымъ разсказомъ: «Изъ сочиненія доктора Крупова—

О душевныхъ болѣзняхъ вообще и объ эпедемическомъ развитіи оныхъ въ особенности». Въ немъ авторъ ни одною чертою, ни однимъ словомъ не вышелъ изъ сферы своего таланта, и оттого здѣсь его талантъ въ большей опредѣленности, нежели въ другихъ его сочиненіяхъ. Мысль его та же, но она приняла здѣсь исключительно тонъ ироніи, для однихъ очень веселой и забавной, для другихъ грустной и мучительной, и только въ изображеніи косаго Лёвки—фигуры, которая бы сдѣлала честь любому художнику — авторъ говоритъ серьёзно. По мысли и по выполненію, это рѣшительно лучшее произведеніе прошлаго года, хотя оно и не произвело на публику особеннаго впечатлѣнія. Но публика права въ этомъ случаѣ: въ романѣ «Кто Виноватъ?» и въ нѣкототыхъ произведеніяхъ другихъ писателей она нашла больше ближайшихъ къ ней и потому нужнѣйшихъ и полезнѣйшихъ ей истинъ, а между тѣмъ, въ послѣднемъ произведеніи тотъ же духъ, то же содержаніе, что̀ и въ первомъ. Вообще, упрекнуть автора въ односторонности, значило бы вовсе не понять его. Онъ можетъ изображать вѣрно только міръ, подлежащій вѣдомству его задушевной мысли; его мастерскіе очерки основаны на врожденной наблюдательности и на изученіи извѣстной стороны дѣйствительности. Натура воспріимчивая и впечатлительная, авторъ сохранилъ въ памяти своей многіе образы, поразившіе его еще въ дѣтствѣ. Легко понять, что выводимыя имъ лица не суть чистыя созданія фантазіи, это скорѣе мастерски обдѣланные, а иногда и вовсе передѣланные матеріялы, цѣликомъ взятые изъ дѣйствительности. Вѣдь мы сказали, что авторъ больше философъ, и только немножко поэтъ...

Совершенную противоположность составляетъ съ нимъ въ этомъ отношеніи авторъ «Обыкновенной Исторіи». Онъ поэтъ, художникъ, и больше ничего. У него нѣтъ ни любви, ни вражды къ создаваемымъ имъ лицамъ, они его не веселятъ, не сердятъ, онъ не даетъ никакихъ нравствен-

ныхъ уроковъ ни имъ, ни читателю; онъ какъ-будто думаетъ: кто въ бѣдѣ, тотъ и въ отвѣтѣ, а мое дѣло сторона. Изъ всѣхъ нынѣшнихъ писателей, онъ одинъ, только онъ одинъ приближается къ идеалу чистаго искусства, тогда какъ всѣ другіе отошли отъ него на неизмѣримое пространство—и тѣмъ самымъ успѣваютъ. Всѣ нынѣшніе писатели имѣютъ еще нѣчто кромѣ таланта, и это-то нѣчто важнѣе самого таланта и составляетъ его силу; у г. Гончарова нѣтъ ничего, кромѣ таланта; онъ больше, чѣмъ кто-нибудь теперь поэтъ-художникъ. Талантъ его не первостепенный, но сильный, замѣчательный. Къ особенностямъ его таланта принадлежитъ необыкновенное мастерство рисовать женскіе характеры. Онъ никогда не повторяетъ себя, ни одна его женщина не напоминаетъ собою другой, и всѣ, какъ портреты, превосходны. Что̀ общаго между грубой и злой, но по своему способной къ нѣжнымъ чувствамъ Аграфеной и между свѣтской женщиной, мечтательной и съ разстроенными нервами? И каждая изъ нихъ въ своемъ родѣ мастерское, художественное произведеніе. Мать молодаго Адуева и мать Надиньки—обѣ старухи, обѣ очень добры, обѣ очень любятъ своихъ дѣтей и обѣ равно вредны своимъ дѣтямъ, наконецъ обѣ глупы и пошлы. А между тѣмъ это два лица совершенно различныя: одна барыня провинціяльная стараго вѣка, ничего не читаетъ и ничего не понимаетъ, кромѣ мелочей хозяйства: словомъ, добрая внучка злой госпожи Простаковой; другая барыня столичная, которая читаетъ французскія книжки, ничего не понимаетъ, кромѣ мелочей хозяйства: словомъ, добрая правнучка злой госпожи Простаковой. Въ изображеніи такихъ плоскихъ и пошлыхъ лицъ, лишенныхъ всякой самостоятельности и оригинальности, иногда всего лучше выказывается талантъ, потому что всего труднѣе обозначить ихъ чѣмъ-нибудь особеннымъ. Что̀ общаго между этою живою, вѣтренною, своенравною, и немножко лукавою Надинькою,

и тою спокойною по наружности, но пожираемою внутреннимъ огнемъ, Лизою? Тетка героя романа — лицо вводное, мимоходомъ очерченное, но какое прекрасное женское лицо! Какъ хороша она въ сценѣ, оканчивающей первую часть романа! Мы не будемъ распространяться насчетъ мастерства, съ какимъ обрисованы мужскіе характеры: о женскихъ мы не могли не замѣтить, потому что до сихъ поръ они рѣдко удавались у насъ даже первостепеннымъ талантамъ; у нашихъ писателей женщина — или приторно сантиментальное существо, или семинаристъ въ юбкѣ, съ книжными фразами. Женщины г. Гончарова живыя, вѣрныя дѣйствительности создания. Это новость въ нашей литературѣ.

Обратимся къ двумъ главнымъ мужскимъ лицамъ романа — молодому Адуеву и его дядѣ, Петру Иванычу: о послѣднемъ нельзя не сказать, хотя нѣсколько словъ, говоря о первомъ, потому что онъ, противоположностію своею, еще болѣе оттѣняетъ героя романа. Говорятъ, типъ молодаго Адуева — устарѣлый; говорятъ, что такіе характеры уже не существуютъ на Руси. Нѣтъ, не перевелись и не переведутся никогда такіе характеры, потому что ихъ производятъ не всегда обстоятельства жизни, но иногда сама природа. Родоначальникъ ихъ на Руси — Владиміръ Ленскій, по прямой линіи происходящій отъ гётевскаго Вертера. Пушкинъ первый замѣтилъ существованіе въ нашемъ обществѣ такихъ натуръ и указалъ на нихъ. Съ теченіемъ времени онѣ будутъ измѣняться, но сущность ихъ всегда будетъ та же самая.... Молодой Адуевъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, мечтаетъ, съ какою радостію обниметъ своего обожаемаго дядю и въ какомъ восторгѣ будетъ отъ него дядя. Онъ останавливается въ трактирѣ — и боится, что дядя осердится на него, зачѣмъ онъ не пріѣхалъ прямо къ нему. Холодный пріемъ дяди разсѣеваетъ его провинціяльныя мечты. До сихъ поръ молодой Адуевъ является больше провинціяломъ, нежели романтикомъ. Онъ

даже непріятно былъ пораженъ тѣмъ, что дядя назвалъ дуракомъ Заѣзжалова и дурою деревенскую тетку съ ея жолтымъ цвѣткомъ, приславшихъ къ нему преглупѣйшія письма. Провинціялы часто бываютъ очень смѣшны въ своихъ отношеніяхъ къ своимъ роднымъ и знакомымъ. Въ маленькихъ городкахъ жизнь однообразна, узка, мелка. всѣ другъ друга знаютъ и если не враждуютъ между собою, то непремѣнно пребываютъ въ нѣжнѣйшей дружбѣ: среднихъ отношеній почти нѣтъ. И вотъ изъ городка отправляется искать счастія въ столицу молодой человѣкъ: всѣ имъ интересуются, провожаютъ его, желаютъ ему всякого счастія, просятъ не забывать. Онъ уже сдѣлался въ столицѣ пожилымъ человѣкомъ, родной городокъ его представляется ему какимъ-то смутнымъ видѣніемъ; подъ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній, новыхъ знакомствъ, отношеній, интересовъ, онъ давно перезабылъ и имена, и лица людей, которыхъ такъ коротко зналъ въ дѣтствѣ, и помнитъ только о самыхъ близкихъ къ нему, да и то они представляются ему въ томъ видѣ, какъ онъ ихъ оставилъ, а вѣдь они съ тѣхъ поръ перемѣнились же. По ихъ письмамъ онъ видитъ, что у него съ ними нѣтъ ничего общаго; отвѣчая имъ, онъ поддѣлывается подъ ихъ тонъ, подъ ихъ понятія; удивительно ли, что онъ пишетъ къ нимъ рѣже и рѣже, наконецъ и совсѣмъ перестаетъ писать. Мысль о пріѣздѣ въ столицу родственника или знакомаго пугаетъ его столько же, какъ жителей пограничнаго города во время войны пугаетъ мысль, что непріятель пойдетъ ихъ дорогою. Въ столицѣ не понимаютъ заочной любви; здѣсь думаютъ, что любовь, дружба, пріязнь знакомство поддерживаются личными отношеніями, а разлукой и отсутствіемъ охлаждаются и уничтожаются. Въ провинціи думаютъ совсѣмъ наоборотъ; вслѣдствіе однообразія жизни, тамъ удивительно развита наклонность къ любви и дружбѣ. Тамъ рады всякому; мѣшать другъ другу,

не давать покою — тамъ считается священнѣйшею обязанностію. Если кому-нибудь перестанутъ надоѣдать родственники и знакомые, онъ сочтетъ себя самымъ несчастнымъ, наиболѣе обиженнымъ человѣкомъ въ мірѣ. Когда къ провинціялу, живущему въ маленькомъ городкѣ, вдругъ наѣзжаетъ орда родственниковъ и обращаетъ его маленькій домикъ въ боченокъ, набитый сельдями, онъ, по наружности, не знаетъ какъ и радоваться: съ веселымъ лицомъ бѣгаетъ, суетится, угощаетъ всю эту толпу, а внутренно отъ всей души проклинаетъ ее. А между тѣмъ попробуй-ка эти люди въ другой разъ остановиться не у него: онъ никогда имъ не проститъ этого. Такова ужъ патріархальная логика провинціи! И съ такой-то логикой пріѣзжаетъ иногда провинціялъ въ столицу по дѣламъ со всѣмъ семействомъ своимъ. Въ столицѣ есть у него родственникъ, который лѣтъ ужъ двадцать какъ выѣхалъ изъ своего мѣстечка и давнымъ давно перезабылъ всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ. Нашъ провинціялъ летитъ къ нему съ распростертыми объятіями, съ малыми дѣтьми, которыхъ надо размѣстить по учебнымъ заведеніямъ, и обожаемою супругою, которая пріѣхала полюбоваться на столичные магазины модъ. Раздаются ахи, охи, крикъ, пискъ, визгъ. «А мы прямо къ вамъ, мы не смѣли остановиться въ трактирѣ!» Столичный родственникъ блѣднѣетъ, не знаетъ, что̀ дѣлать, что̀ сказать, онъ похожъ на жителя города, взятаго непріятелемъ, къ которому въ домъ ворвалась толпа предавшихся грабежу непріятельскихъ солдатъ. А между тѣмъ ему уже подробно изъяснено, какъ его любятъ, какъ его помнятъ, какъ о немъ безпрестанно говорятъ, и какъ на него надѣются, какъ увѣрены, что онъ непремѣнно поможетъ опредѣлить Костиньку, Петиньку, Ѳединьку, Митиньку по корпусамъ, а Машеньку, Сашеньку, Любочку и Таничку въ институтъ. Столичный родственникъ видитъ, что отъ одной минуты зависитъ его

гибель или спасеніе, собирается съ духомъ и съ холодною вѣжливостію объясняетъ непріятельскому отряду, что онъ никакъ не можетъ принять ихъ къ себѣ, что его квартира тѣсновата и для его собственнаго семейства, что въ корпуса и институты дѣти принимаются по экзамену и по узаконенному порядку, что тутъ не поможетъ никакая протекція, если нѣтъ вакантныхъ мѣстъ, или если дѣти старше или моложе пріемныхъ лѣтъ, или не выдержатъ экзамена, а тѣмъ болѣе протекціи такого незначительнаго человѣка, какъ онъ, который сверхъ того служитъ совсѣмъ по другому вѣдомству и не знакомъ ни съ кѣмъ изъ начальниковъ учебныхъ заведеній. Разочарованные провинціялы удаляются въ бѣшенствѣ, вопіютъ противъ столичнаго эгоизма и развращенія и говорятъ о своемъ родственникѣ, какъ о чудовищѣ. А между тѣмъ это, можетъ-быть, очень порядочный человѣкъ; вся вина его въ томъ, что онъ не захотѣлъ обратить своей квартиры въ безобразный таборъ, лишить себя всякаго пріюта въ собственномъ домѣ, всякой возможности заниматься дѣлами службы въ тиши своего кабинета, принимать у себя по вечерамъ людей, или близкихъ ему, или полезныхъ и необходимыхъ ему по службѣ, и такимъ образомъ стѣснить себя, подвергнуть себя тяжкимъ лишеніямъ для людей, совершенно чуждыхъ ему, съ которыми бы онъ не захотѣлъ вести и обыкновеннаго знакомства. А между тѣмъ и эти провинціялы по своему люди добрые и даже неглупые; вся вина ихъ въ томъ, что, отправляясь въ столицу, они увѣрены найдти въ ней, за исключеніемъ огромности, великолѣпія и модныхъ магазиновъ, свой городокъ, съ тѣми же правами, обычаями и понятіями. Они по своему любятъ роскошь и великолѣпіе, хотя и безъ вкусу, при средствахъ готовы изукрасить всячески свою залу и гостиную; о кабинетѣ не имѣютъ и понятія и не знаютъ зачѣмъ онъ: спальня и дѣтская у нихъ всегда самыя грязныя комнаты;

имъ ничего не стоитъ потѣсниться и пожаться, понятіе о комфортѣ не существуетъ для нихъ, они привыкли къ тѣснотѣ, любятъ ее по пословицѣ; въ тѣснотѣ люди живутъ, да и жилымъ крѣпче пахнетъ. Они всякому рады и, по словамъ Петра Иваныча, хоть ночью ужинъ состряпаютъ. По замѣчанію его племянника эта черта составляетъ добродѣтель Русскихъ, съ чѣмъ Петръ Иванычъ рѣшительно не согласенъ. «Какая тутъ добродѣтель—говоритъ онъ. — Отъ скуки тамъ всякому мерзавцу рады; милости просимъ, кушай сколько хочешь, только займи какъ нибудь нашу праздность, помоги убить время, да дай взглянуть на тебя: все-таки что̀-нибудь новое; а кушанья не пожалѣемъ: это намъ здѣсь ровно ничего не стоитъ... Препротивная добродѣтель.» Петръ Иванычъ выразился немножко жестко, но не совсѣмъ несправедливо. Дѣйствительно, радушіе и гостепріимство провинціяльное больше всего основываются на бездѣйствіи, праздности, скукѣ, привычкѣ. Силу столичныхъ людей они измѣряютъ не мѣстомъ, не связями, не вліяніемъ, а чиномъ, и отъ души увѣрены, что если кто дѣйствительный статскій совѣтникъ, такъ ужь непремѣнно всемогущая особа, которой стòитъ только сказать слово, чтобы сейчасъ рѣшили въ нашу пользу процессъ, тянувшійся пятьдесятъ лѣтъ, приняли вашихъ дѣтей въ учебнòе заведеніе, дали вамъ выгодное мѣсто, чинъ и орденъ. Откажите имъ въ какой-нибудь просьбѣ, при всемъ вашемъ желаніи исполнить ее, но по невозможности выполнить,—и вотъ вы самый безнравственный человѣкъ въ мірѣ, вы зазнались, подняли носъ, презираете провинціялами. А у нихъ первая добродѣтель—ни передъ кѣмъ не зазнаваться, не отказываться ни отъ чьего знакомства и быть готовымъ къ услугамъ всѣхъ и каждаго. Правда, нигдѣ нѣтъ такого важничанья, ломанья, счета старшинствомъ, чинами, званіемъ; но этотъ порокъ, опасный для общаго мира и согласія, смягчается тамъ

добродѣтельною готовностію съежиться въ присутствіи человѣка, который хотя однимъ чиномъ выше, и въ то же самое время не уронить своего достоинства передъ тѣмъ, кто чиномъ ниже. Впрочемъ, эта добродѣтель процвѣтаетъ и въ столицѣ, хотя и въ болѣе тонкихъ формахъ. Но въ провинціи это дѣлается съ истинно аркадскою наивностію «Э, братецъ (говоритъ богатый помѣщикъ или важный чиновникъ бѣдному помѣщику или чиновнику), ты меня вовсе забылъ, аль недоволенъ мной? или плохо кормлю? кажется, у меня для тебя всегда есть плошка за столомъ, шутъ ты гороховый!» Бѣднякъ слегка конфузится, бормочетъ извиненія, держась передъ своимъ патрономъ въ почтительной позѣ; но въ глазахъ его сіяетъ удовольствіе: онъ знаетъ, гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость, и что въ иной брани больше любви, чѣмъ въ иной ласкѣ. «Ну, да хорошо, Богъ тебя проститъ, теперь пойдемъ-ка хлѣба соли откушать, обѣдъ готовъ». И оба довольны: одинъ, что выполнилъ въ точности законы патріархальнаго гостепріимства и обласкалъ бѣднаго человѣка; другой, что хорошо принятъ и обласканъ такою важною въ его глазахъ персоною. И этотъ бѣднякъ всегда предпочтетъ обществу совершенно равныхъ ему людей не только общество аристократовъ его захолустья, но и общество низшихъ его людей, потому что онъ тогда только и чувствуетъ свое достоинство, когда унижается передъ высшимъ и ломается передъ низшимъ. Конечно, это отнюдь не можетъ относиться ко всѣмъ провинціяламъ; вездѣ есть люди образованные, умные и достойные, но они вездѣ въ меньшинствѣ, а мы говоримъ о большинствѣ. Непосредственное вліяніе окружающей человѣка среды такъ на него сильно, что лучшіе изъ провинціяловъ бываютъ не чужды провинціяльныхъ предразсудковъ, и на первый разъ теряются, пріѣхавши въ столицу.

Тутъ все дико имъ, все не такъ какъ у нихъ. Тамъ жизнь

простая, на распашку; ходятъ другъ къ другу во всякое время, безъ доклада. Приходитъ сосѣдъ къ сосѣду; въ прихожей или нѣтъ никого, или спитъ на грязномъ залавкѣ небритый лакей, или оборванный мальчишка, а спитъ онъ потому, что ему нечего дѣлать, хотя окружающая его грязь и вонь могли бы дать ему работы дня на два. И вотъ гость входитъ въ залу—нѣтъ никого; въ гостинную—тоже никого; онъ въ спальню—и вдругъ тамъ раздается визгливое ахъ; гость говоритъ въ пріятномъ замѣшательствѣ: извините-съ, медленно пятится въ гостинную, къ нему кто-нибудь выбѣгаетъ, изъявляетъ свой восторгъ отъ его посѣщенія, и оба смѣются надъ забавнымъ приключеніемъ. А здѣсь, въ столицѣ все на заперти, вездѣ колокольчики, вездѣ неизбѣжное: какъ прикажите доложить? а потомъ то дома нѣтъ, то нездоровъ, то просятъ извинить — заняты, а когда примутъ, то, конечно, вѣжливо, но зато какъ равнодушно, холодно, никакого радушія, ни позавтракать, ни пообѣдать не пригласятъ....

Но обратимся къ герою «Обыкновенной Исторіи». Въ немъ есть чувство деликатности и приличія; хотя онъ и былъ увѣренъ, что дядя приметъ его съ восторгомъ и помѣститъ у себя въ квартирѣ, однако какое-то темное чувство заставило его остановиться въ трактирѣ. Еслибъ онъ сдѣлалъ хорошую привычку разсуждать о томъ, что̀ всего ближе къ нему, онъ пораздумался бы о темномъ чувствѣ, которое заставило его въѣхать въ трактиръ, а не прямо на квартиру дяди, и скоро понялъ бы, что нѣтъ никакихъ причинъ ожидать отъ дяди другаго пріема, кромѣ развѣ равнодушно-ласковаго, и что нѣтъ у него никакихъ правъ на жительство у него въ квартирѣ. Но, къ несчастію, онъ привыкъ разсуждать только о любви, дружбѣ и другихъ высокихъ и далекихъ предметахъ, и потому явился къ дядѣ провинціяломъ съ ногъ до головы. Исполненныя ума и здраваго смысла слова дяди ничего не растолковали ему, а

только произвели на него тяжелое, грустное впечатлѣніе и заставили его романтически страдать. Онъ былъ трижды романтикъ—по натурѣ, по воспитанію и по обстоятельствамъ жизни, между тѣмъ какъ и одной изъ этихъ причинъ достаточно, чтобъ сбить съ толку порядочнаго человѣка и заставить его надѣлать тьму глупостей. Нѣкоторые находятъ, что онъ своими вещественными знаками невещественныхъ отношеній и другими черезчуръ ребяческими выходками не совсѣмъ вѣроятенъ, особенно въ наше время. Не споримъ, можетъ-быть, въ этомъ замѣчаніи и есть доля правды; да дѣло-то въ томъ, что полное изображеніе характера молодаго Адуева надо искать не здѣсь, а въ его любовныхъ похожденіяхъ. Въ нихъ онъ весь, въ нихъ онъ представитель множества людей, похожихъ на него какъ двѣ капли воды и дѣйствительно обрѣтающихся въ здѣшнемъ мірѣ. Скажемъ нѣсколько словъ объ этой не новой, но все еще интересной породѣ, къ которой принадлежитъ этотъ романтическій звѣрокъ.

Эта порода людей, которыхъ природа съ избыткомъ надѣляетъ нервическою чувствительностію, часто доходящею до болѣзненной раздражительности (susceptibilité). Они рано обнаруживаютъ тонкое пониманіе неопредѣленныхъ ощущеній и чувствъ, любятъ слѣдить за ними, наблюдать ихъ и называютъ это—наслаждаться внутреннею жизнію. Поэтому они очень мечтательны и любятъ или уединеніе, или кругъ избранныхъ друзей, съ которыми бы они могли говорить о своихъ ощущеніяхъ, чувствахъ и мысляхъ, хотя мыслей у нихъ такъ же мало, какъ много ощущеній и чувствъ. Вообще они богато одарены отъ природы душевными способностями, но дѣятельность ихъ способностей чисто страдательная: иные изъ нихъ много понимаютъ, но ни одинъ не способенъ что-нибудь дѣлать, производить; онъ немножко музыкантъ, немножко живописецъ, немножко поэтъ, даже при нуждѣ немножко критикъ и литераторъ, но все

эти таланты у него таковы, что онъ не можетъ ими пріобрѣсти не только славы или извѣстности, но даже вырабатывать посредственное содержаніе. Изо всѣхъ умственныхъ способностей въ нихъ сильно развиваются воображеніе и фантазія, но не та фантазія, посредствомъ которой поэтъ творитъ, а та фантазія, которая заставляетъ человѣка наслажденіе мечтами о благахъ жизни предпочитать наслажденію дѣйствительными благами жизни. Это они называютъ жить высшею жизнію, недоступною для презрѣнной толпы, парить горе, тогда какъ презрѣнная толпа пресмыкается долу. Отъ природы они очень добры, симпатичны, способны къ великодушнымъ движеніямъ; но какъ фантазія въ нихъ преобладаетъ надъ разсудкомъ и сердцемъ, то они скоро доходятъ до сознательнаго презрѣнія къ «пошлому здравому смыслу — этому, по ихъ мнѣнію, достоинству людей матеріяльныхъ, грубыхъ и ничтожныхъ, для которыхъ не существуетъ высокаго и прекраснаго»; сердце ихъ, безпрестанно насилуемое въ его инстинктахъ и стремленіяхъ ихъ волею, подъ управленіемъ фантазіи, скоро скудѣетъ любовью, и они дѣлаются ужасными эгоистами и деспотами, сами того не замѣчая, а напротивъ того, будучи добросовѣстно убѣждены, что они самые любящіе и самоотверженные люди. Такъ какъ въ дѣтствѣ они удивляли всѣхъ раннимъ и быстрымъ развитіемъ своихъ способностей и оказывали, сколько своими достоинствами, столько же и недостатками, сильное вліяніе надъ своими сверстниками, изъ которыхъ иные были гораздо выше ихъ,—естественно, что они были захвалены съ раннихъ лѣтъ и сами о себѣ возъимѣли высокое понятіе. Природа и безъ того отпустила имъ самолюбія гораздо больше, нежели сколько нужно его для экилибра человѣческой жизни; удивительно ли, что легкіе и мало заслуженные блестящіе успѣхи усиливаютъ у нихъ самолюбіе до невѣроятной степени? Но самолюбіе въ нихъ бываетъ

всегда такъ замаскировано, что они добросовѣстно не подозрѣваютъ его въ себѣ, искренно принимаютъ его за геніяльное стремленіе къ славѣ, ко всему великому, высокому и прекрасному. Они долго бываютъ помѣшаны на трехъ завѣтныхъ идеяхъ: это — слава, дружба и любовь. Все остальное для нихъ не существуетъ; это, по ихъ мнѣнію, достояніе презрѣнной толпы. Всѣ роды славы для нихъ равно обольстительны, и сначала они долго колеблятся; какой избрать путь для достиженія славы. Имъ и въ голову не приходитъ, что кто считаетъ себя равно способнымъ ко всѣмъ поприщамъ славы, тотъ не способенъ ни къ какому,—что самые великіе люди узнавали о своей геніяльности не прежде, какъ сдѣлавши сперва что-нибудь дѣйствительно великое и геніяльное, и узнаютъ это не по собственному сознанію, а по одобрительнымъ и восторженнымъ кликамъ толпы. И вотъ манитъ ихъ военная слава, имъ очень бы хотѣлось въ Наполеоны, но только не иначе, какъ на такомъ условіи, чтобъ имъ на первый случай дали подъ команду хоть не большую, хоть стотысячную армію, чтобъ они сейчасъ же могли начинать блестящій рядъ побѣдъ своихъ. Манитъ ихъ и гражданская слава, но не иначе, какъ на такомъ условіи, чтобъ имъ прямо махнуть въ министры и сейчасъ же преобразовать государство (у нихъ же всегда готовы въ головѣ превосходные проэкты для всякаго рода реформъ, стоитъ только присѣсть да написать). Но какъ зависть людей сдѣлала невозможными такіе геніяльные скачки для такихъ геніяльныхъ людей, и требуетъ, чтобъ всякій начиналъ свое поприще съ начала, а не съ конца, и на дѣлѣ, а не на словахъ только, доказалъ бы свою геніяльность, то наши геніи поневолѣ скоро обращаются къ другимъ путямъ славы. Хватаются они иногда и за науку, но не на долго: сухая и скучная матерія, надобно много учиться, много работать, и нѣтъ никакой пищи сердцу и фантазіи. Остает-

ся искусство; но какое же избрать? Архитектура, скульптура, живопись и музыка никакому генію не даются безъ тяжкаго и продолжительнаго труда, и, что всего хуже и обиднѣе для романтиковъ, сначала труда чисто матеріяльнаго и механическаго. Остается поэзія — и вотъ они бросаются къ ней со всего размаху, и еще ничего не сдѣлавши, въ мечтахъ своихъ украшаютъ себя огненнымъ ореоломъ поэтической славы. Главное ихъ заблужденіе состоитъ еще не въ нелѣпомъ убѣжденіи, что въ поэзіи нуженъ только талантъ и вдохновеніе, что кто родился поэтомъ, тому ничему не нужно учиться, ничего не нужно знать: у кого дѣйствительно есть большой талантъ, тотъ силою самого таланта скоро пойметъ нелѣпость этой мысли и начнетъ все изучать, ко всему прислушиваться и приглядываться. Нѣтъ, главное и гибельное ихъ заблужденіе состоитъ въ томъ, что они увѣрили себя въ своемъ поэтическомъ призваніи, какъ въ непреложной истинѣ, срослись съ этою несчастною мыслію, такъ что разочароваться въ ней значитъ для нихъ потерять всякую вѣру въ себя и въ жизнь, и въ цвѣтѣ лѣтъ сдѣлаться паралитическими стариками. И вотъ нашъ романтикъ принимается писать стихи и говоритъ въ нихъ о томъ, о чемъ давно прежде него было сказано и великими и малыми поэтами и вовсе не поэтами. Онъ воспѣваетъ въ нихъ свои страданія, которыхъ не испыталъ, говоритъ о своихъ темныхъ надеждахъ, изъ которыхъ видно только то, что онъ самъ не знаетъ, чего хочетъ; простираетъ къ братьямъ-людямъ горячія объятія и хочетъ разомъ прижать къ сердцу все человѣчество, или горько жалуется, что толпа холодно отвернулась отъ его братскимъ объятій. Бѣднякъ не понимаетъ, что, сидя въ кабинетѣ, ничего не стоитъ вдругъ возгорѣться самою неистовою любовью къ человѣчеству, по крайней мѣрѣ гораздо легче, нежели провести безъ сна хоть одну ночь у постели трудно-больнаго. Обыкновенно

романтики придаютъ страшную цѣну чувству, думаютъ, что только одни они надѣлены сильными чувствами, а другіе лишены ихъ, потому что не кричатъ о своихъ чувствахъ. Чувство, конечно, важная сторона въ натурѣ человѣка, но не всѣ и не всегда поступаютъ въ жизни сообразно съ своею способностію чувствовать глубоко и сильно. Случается и такъ, что иной, чѣмъ сильнѣе чувствуетъ, тѣмъ безчувственнѣе живетъ: рыдаетъ отъ стиховъ, отъ музыки, отъ живаго изображенія человѣческихъ бѣдствій въ романѣ или повѣсти — и равнодушно проходитъ мимо дѣйствительнаго страданія, которое у него передъ глазами. Иной управляющій, изъ Нѣмцевъ, со слезами восторга на глазахъ читаетъ своей Минхенъ какое-нибудь восторженное посланіе Шиллера къ Лаурѣ, и, кончивши послѣдній стихъ, съ неменьшимъ удовольствіемъ идетъ пороть мужиковъ за то, что они осмѣлились робко намекнуть своему милостивому барину, что они не совсѣмъ довольны отеческими попеченіями управляющаго о ихъ благосостояніи, отъ которыхъ только одинъ онъ и жирѣетъ, а они все худѣютъ.— Стихи нашего романтика гладки, блестящи, не лишены даже поэтической обработки, хотя въ нихъ и довольно риторической водицы, однако въ нихъ мѣстами проглядываетъ чувство, иногда даже блеснетъ мысль (какъ отголосокъ чужой мысли),—словомъ, замѣтно что-то въ родѣ таланта. Стихи его печатаются въ журналахъ, многіе ихъ хвалятъ; а если онъ явится съ ними въ переходную эпоху литературы, онъ можетъ пріобрѣсти даже значительную извѣстность. Но переходныя эпохи литературы особенно гибельны для такихъ поэтовъ: ихъ извѣстность, пріобрѣтенная въ короткое время чѣмъ-то, и въ короткое же время исчезаетъ просто отъ ничего; сперва ихъ стихи перестаютъ хвалить, потомъ читать, а наконецъ и печатать. Но молодому Адуеву не удалось насладиться хотя на мгновеніе даже ложною извѣстностію: его не допустили до

этого и время, въ которое онъ вышелъ съ своими стихами, и умный откровенный дядя. Его несчастіе состояло не въ томъ, что онъ былъ бездаренъ, а въ томъ, что у него вмѣсто таланта былъ полуталантъ, который въ поэзіи хуже бездарности, потому что увлекаетъ человѣка ложными надеждами. Вы помните, чего ему стоило разочарованіе въ своемъ поэтическомъ призваніи...

Дружба также дорого обходится романтикамъ. Всякое чувство, чтобъ быть истиннымъ, должно быть прежде всего естественно и просто. Дружба иногда завязывается отъ сходства, а иногда отъ противоположности натуръ; но во всякомъ случаѣ, она чувство невольное, именно потому, что свободное; имъ управляетъ сердце, а не умъ и воля. Друга нельзя искать, какъ подрядчика на работу, друга нельзя выбрать; друзьями дѣлаются случайно и незамѣтно; привычка и обстоятельства жизни скрѣпляютъ дружбу. Истинные друзья не даютъ имени соединяющей ихъ симпатіи, не болтаютъ о ней безпрестанно, ничего не требубуютъ одинъ отъ другаго во имя дружбы, но дѣлаютъ другъ для друга, что̀ могутъ. Бывали примѣры, что другъ не выносилъ смерти своего друга и умиралъ вскорѣ послѣ него; другой отъ потери своего друга изъ веселаго человѣка дѣлается на всю жизнь меланхоликомъ; а третій поскорбитъ, потужитъ, да и утѣшится, но если онъ навсегда сохранитъ воспоминаніе, и оно будетъ для него вмѣстѣ и грустно и отрадно,—онъ былъ истиннымъ другомъ умершаго, хотя не только не умеръ самъ отъ его потери, не сошелъ съ ума, не сдѣлался меланхоликомъ, но еще нашелъ силу быть довольно счастливымъ въ жизни и безъ друга. Степень и характеръ дружбы зависитъ отъ личности друзей; тутъ главное, чтобъ не было въ отношеніяхъ ничего натянутаго, напряженнаго, восторженнаго, ничего похожаго на долгъ и обязанность, а то иной готовъ и Богъ знаетъ на какія самопожертвованія для своего друга,

чтобы сказать самому себѣ, а иногда и другимъ: «вотъ каковъ я въ дружбѣ!» или: «вотъ къ какой дружбѣ я способенъ!» Этотъ-то родъ дружбы обожаютъ романтики. Они дружатся по программѣ, заранѣе составленной, гдѣ съ точностію опредѣлены сущность, права и обязанности дружбы: они только не заключаютъ контрактовъ съ своими друзьями. Имъ дружба нужна, чтобъ удивить міръ и показать ему, какъ великія натуры въ дружбѣ отличаются отъ обыкновенныхъ людей, отъ толпы. Ихъ тянетъ къ дружбѣ не столько потребность симпатіи, столь сильной въ молодыя лѣта, сколько потребность имѣть при себѣ человѣка, которому бы они безпрестанно могли говорить о драгоцѣнной своей особѣ. Выражаясь ихъ высокимъ слогомъ, для нихъ другъ есть драгоцѣнный сосудъ для изліянія самыхъ святыхъ и завѣтныхъ чувствъ, мыслей, надеждъ, мечтаній и т. д.; тогда какъ въ самомъ-то дѣлѣ въ ихъ глазахъ другъ есть лахань, куда они выливаютъ помои своего самолюбія. Зато они и не знаютъ дружбы, потому что друзья ихъ скоро оказываются неблагодарными, вѣроломными, извергами, и они еще сильнѣе злобствуютъ на людей, которые не умѣли и не хотѣли понять и оцѣнить ихъ....

Любовь обходится имъ еще дороже, потому что это чувство само по себѣ живѣе и сильнѣе другихъ. Обыкновенно любовь раздѣляютъ на многіе роды и виды; всѣ эти раздѣленія большею частію нелѣпы, потому что надѣланы людьми, которые способнѣе мечтать и разсуждать о любви, нежели любить. Прежде всего раздѣляютъ любовь на матеріяльную или чувственную, и платоническую или идеальную, презираютъ первую и восторгаются второю. Дѣйствительно, есть люди столь грубые, что могутъ предаваться только животнымъ наслажденіямъ любви, не хлопоча даже о красотѣ и молодости; но даже и эта любовь, какъ ни груба она, все же лучше платонической, потому

что естественнѣе ея: послѣдняя хороша только для хранителей восточныхъ гаремовъ... Человѣкъ не звѣрь и не ангелъ; онъ долженъ любить не животно и не платонически, а человѣчески. Какъ бы ни идеализировали любовь, но какъ же не видѣть, что природа одарила людей этимъ прекраснымъ чувствомъ сколько для ихъ счастія, столько и для размноженія и поддержанія рода человѣческаго. Родовъ любви также много, какъ много на землѣ людей, потому что каждый любитъ сообразно съ своимъ темпераментомъ, характеромъ, понятіями и т. д. И всякая любовь истинна и прекрасна по своему, лишь бы только она была въ сердцѣ, а не въ головѣ. Но романтики особенно падки къ головной любви. Сперва они сочиняютъ програму любви, потомъ ищутъ достойной себя женщины, а за неимѣніемъ таковой любятъ пока какую-нибудь: имъ ничего не стоитъ велѣть себѣ любить, вѣдь у нихъ все дѣлаетъ голова, а не сердце. Имъ любовь нужна не для счастія, не для наслажденія, а для оправданія на дѣлѣ своей высокой теоріи любви. И они любятъ по тетрадкѣ и больше всего боятся отступить хотя отъ одного параграфа своей программы. Главная ихъ забота являться въ любви великими. и ни въ чемъ не унизиться до сходства съ обыкновенными людьми. И однакожь въ любви молодаго Адуева къ Надинькѣ было столько истиннаго и живаго чувства; природа заставила на время молчать его романтизмъ, но не побѣдила его. Онъ могъ бы быть счастливъ надолго, но былъ только на минуту, потому что все самъ испортилъ. Надинька была умнѣе его, а главное попроще и естественнѣе. Капризное, избалованное дитя, она любила его сердцемъ, а не головою, безъ теорій и безъ претензій на геніяльность; она видѣла въ любви только ея свѣтлую и веселую сторону, и потому любила какъ будто шутя—шалила, кокетничала, дразнила Адуева своими капризами. Но онъ любилъ «горестно и трудно», весь задыхающійся, весь

въ пѣнѣ, словно лошадь, которая тащитъ въ гору тяжелый возъ. Какъ романтикъ, онъ былъ и педантъ: легкость, шутка оскорбляли въ его глазахъ святое и высокое чувство любви. Любя, онъ хотѣлъ быть театральнымъ героемъ. Онъ скоро все переболталъ съ Надинькой о своихъ чувствахъ, пришлось повторять старое, а Надинька хотѣла, чтобъ онъ занималъ не только ея сердце, но и умъ. потому что она была пылка, впечатлительна, жаждала новаго; все привычное и однообразное скоро наскучало ей. Но къ этому Адуевъ былъ человѣкъ самый неспособный въ мірѣ. потому что собственно его умъ спалъ глубокимъ и непробуднымъ сномъ: считая себя великимъ философомъ, онъ не мыслилъ, а мечталъ, бредилъ наяву. При такихъ отношеніяхъ къ предмету его любви, ему былъ опасенъ всякій соперникъ, — пусть онъ былъ бы хуже его, лишь бы только не походилъ на него и могъ бы имѣть для Надиньки прелесть новости; а тутъ вдругъ является графъ, человѣкъ съ блестящимъ свѣтскимъ образованіемъ. Адуевъ, думая повести себя въ отношеніи къ нему истиннымъ героемъ, черезъ это самое повелъ себя какъ глупый, дурно воспитанный мальчишка, и этимъ испортилъ все дѣло. Дядя объяснилъ ему, но поздно и безполезно для него, что во всей этой исторіи былъ виноватъ только одинъ онъ. Какъ жалокъ этотъ несчастный мученикъ своей извращенной и ограниченной натуры въ послѣднемъ его объясненіи съ Надинькой и потомъ разговорѣ съ дядею! Страданія его невыносимы; онъ не можетъ не согласиться съ доводами дяди, и между тѣмъ все-таки не можетъ понять дѣло въ его настоящемъ свѣтѣ. Какъ! ему унизиться до такъ-называемыхъ хитростей, ему, который затѣмъ и полюбилъ, чтобъ удивить себя и міръ своею громадною страстію, хотя міръ и не думалъ заботиться ни о немъ, ни о его любви! По его теоріи, судьба должна была послать ему такую же великую героиню, какъ онъ самъ, и вмѣсто этого послала

легкомысленную дѣвчонку, бездушную кокетку! Надинька, которая еще недавно была въ глазахъ его выше всѣхъ женщинъ, теперь вдругъ стала ниже всѣхъ ихъ! Все это было бы очень смѣшно, еслибъ не было такъ грустно. Ложныя причины производятъ такія же мучительныя страданія, какъ и истинныя. Но вотъ мало-по-малу онъ перешелъ отъ мрачнаго отчаянія къ холодному унынію и, какъ истинный романтикъ, началъ щеголять и кокетничать «своею нарядною печалью». Прошелъ годъ, и онъ уже презираетъ Надиньку, говоря, что въ ея любви не было нисколько героизма и самоотверженія. На вопросъ тетки: какой любви потребовалъ бы онъ отъ женщины? онъ отвѣчалъ: «я бы потребовалъ отъ нея первенства въ ея сердцѣ; любимая женщина не должна замѣчать, видѣть другихъ мужчинъ, кромѣ меня; всѣ они должны казаться ей невыносимы; я одинъ выше, прекраснѣе (тутъ онъ выпрямился), лучше, благороднѣе всѣхъ. Каждый мигъ, прожитый не со мной, для нея потерянный мигъ; въ моихъ глазахъ, въ моихъ разговорахъ должна она почерпать блаженство и не знать другаго; для меня она должна жертвовать всѣмъ: презрѣнными выгодами, разсчетами, свергнуть съ себя деспотическое иго матери, мужа, бѣжать, если нужно, на край свѣта, сносить энергически всѣ лишенія, наконецъ презрѣть самую смерть—вотъ любовь!»

Какъ эта галиматья похожа на слова восточнаго деспота, которой говоритъ своему главному евнуху: «если одна изъ моихъ одалискъ проговоритъ во снѣ мужское имя, которое будетъ не моимъ, — сейчасъ же въ мѣшокъ и въ море!» Бѣдный мечтатель увѣренъ, что въ его словахъ выразилась страсть, къ которой способны только полубоги, а не простые смертные; и между тѣмъ тутъ выразились только самое необузданное самолюбіе и самый отвратительный эгоизмъ. Ему нужно не любовницу, а рабу, которую онъ могъ бы безнаказанно мучить капризами своего эгоизма и

самолюбія. Прежде, чѣмъ требовать такой любви отъ женщины, ему слѣдовало бы спросить себя, способенъ ли самъ заплатить такою же любовью; чувство увѣряло его, что способенъ, тогда какъ въ этомъ случаѣ нельзя вѣрить ни чувству, ни уму, а только опыту; но для романтиковъ чувство есть единственный непогрѣшительный авторитетъ въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ жизни. Но если бы онъ и былъ способенъ къ такой любви, это бы должно было быть для него причиною бояться любви и бѣжать отъ нея, потому что это любовь не человѣческая, а звѣриная, взаимное терзаніе другъ друга. Любовь требуетъ свободы; отдаваясь другъ другу по временамъ, любящіеся по временамъ хотятъ принадлежать и самимъ себѣ. Адуевъ требуетъ любви вѣчной, не понимая того, что чѣмъ любовь живѣе, страстнѣе, чѣмъ ближе подходитъ подъ любимый идеалъ поэтовъ, тѣмъ она кратковременнѣе, тѣмъ скорѣе охлаждается и переходитъ въ равнодушіе, а иногда и въ отвращеніе. И наоборотъ, чѣмъ любовь спокойнѣе и тише, т. е. чѣмъ прозаичнѣе, тѣмъ продолжительнѣе: привычка скрѣпляетъ ее на всю жизнь. Поэтическая, страстная любовь — это цвѣтъ нашей жизни, нашей молодости; ее испытываютъ рѣдкіе, и только одинъ разъ въ жизни, хотя послѣ иные любятъ и еще нѣсколько разъ, да ужъ не такъ, потому что, какъ сказалъ нѣмецкій поэтъ, май жизни цвѣтетъ только разъ. Шекспиръ не даромъ заставилъ умереть Ромео и Юлію въ концѣ своей трагедіи: черезъ это они остаются въ памяти читателя героями любви, ея апоѳеозою; оставь же онъ ихъ въ живыхъ, они представлялись бы намъ счастливыми супругами, которые, сидя вмѣстѣ, зѣваютъ, а иногда и ссорятся, въ чемъ вовсе нѣтъ поэзіи.

Но вотъ судьба послала нашему герою именно такую женщину, т. е. такую же, какъ онъ, испорченную, съ вывороченнымъ наизнанку сердцемъ и мозгомъ. Сначала онъ утопалъ въ блаженствѣ, все забылъ, все бросилъ, съ утра

до поздней ночи просиживалъ у ней каждый день. Въ чемъ же заключалось его блаженство? — Въ разговорахъ о своей любви. И этотъ страстный молодой человѣкъ, сидя наединѣ съ прекрасною молодою женщиною, которая его любитъ и которую онъ любитъ, не краснѣлъ, не блѣднѣлъ, не замиралъ отъ томительныхъ желаній; ему довольно было разговоровъ о взаимной ихъ любви!... Это, впрочемъ, понятно: сильная наклонность къ идеализму и романтизму почти всегда свидѣтельствуетъ объ отсутствіи темперамента; это люди безполые, то же что̀ въ царствѣ растеній тайнобрачные грибы, напримѣръ. Мы понимаемъ это трепетное, робкое обожаніе женщины, въ которое не входитъ ни одно дерзкое желаніе, но это не платонизмъ: это первый моментъ первой свѣжей, дѣвственной любви; это не отсутствіе страсти, а страсть, которая еще боится сказаться самой себѣ. Съ этого начинается первая любовь, но остановиться на этомъ такъ же смѣшно и глупо, какъ захотѣть остаться на всю жизнь ребенкомъ и ѣздить верхомъ на палочкѣ. Любовь имѣетъ свои законы развитія, свои возрасты, какъ цвѣты, какъ жизнь человѣческая. У ней есть своя роскошная весна, свое жаркое лѣто, наконецъ осень, которая для однихъ бываетъ теплою, свѣтлою и плодородною, для другихъ холодною, гнилою и безплодною. Но нашъ герой не хотѣлъ знать законовъ сердца, природы, дѣйствительности, онъ сочинилъ для нихъ свои собственные, онъ гордо признавалъ существующій міръ призракомъ, а созданный его фантазіею призракъ —дѣйствительно существующимъ міромъ. На зло возможности, онъ упорно хотѣлъ оставаться въ первомъ моментѣ любви на всю жизнь свою. Однакожъ сердечныя изліянія съ Тафаевой скоро начали утомлять его; онъ думалъ поправить дѣло предложеніемъ жениться. Коли такъ, то надо бы было поторопиться; но онъ только думалъ, что рѣшился, а въ самомъ-то дѣлѣ ему только былъ нуженъ предметъ для новыхъ мечтаній.

Между тѣмъ Тафаева начала смертельно надоѣдать ему своей привязчивой любовью: онъ началъ тиранить ее самымъ грубымъ и отвратительнымъ образомъ за то, что уже не любилъ ея. Еще прежде этого онъ ужь начиналъ понимать, что свобода въ любви вещь недурная, что пріятно бывать у любимой женщины, но также пріятно быть въ правѣ пройтись по Невскому, когда хочется, отобѣдать съ знакомыми и друзьями, провести съ ними вечеръ,—что наконецъ при любви можно не бросать и службы. Измучивши бѣдную женщину самымъ варварскимъ образомъ, взваливши на нее всю вину въ несчастіи, въ которомъ онъ былъ виноватъ гораздо больше ея,—онъ рѣшился наконецъ сказать себѣ, что онъ ея не любитъ, и что ему пора покончить съ ней. Такимъ образомъ его глупый идеалъ любви былъ въ дребезги разбитъ опытомъ. Онъ самъ увидѣлъ свою несостоятельность передъ любовью, о которой мечталъ всю жизнь свою. Онъ увидѣлъ ясно, что онъ вовсе не герой, а самый обыкновенный человѣкъ, хуже тѣхъ, кого презиралъ, что онъ самолюбивъ безъ достоинствъ, требователенъ безъ правъ, заносчивъ безъ силы, гордъ и надутъ собою безъ заслуги, неблагодаренъ, эгоистъ. Это открытіе словно громомъ пришибло его, но не заставило его искать примиренія съ жизнію, пойдти настоящимъ путемъ. Онъ впалъ въ мертвую апатію и рѣшился отомстить за свое ничтожество природѣ и человѣчеству, связавшись съ животнымъ Костяковымъ и предавшись пустымъ удовольствіямъ, безъ всякой охоты къ нимъ. Послѣдняя его любовная исторія гадка. Онъ хотѣлъ погубить бѣдную страстную дѣвушку, такъ отъ скуки, и не могъ бы въ этомъ покушеніи оправдаться даже бѣшенствомъ чувственныхъ желаній, хотя и это плохое оправданіе, особенно, когда есть для этого путь болѣе прямой и честный. Отецъ дѣвушки далъ ему урокъ, страшный для его самолюбія: онъ обѣщалъ поколотить его; герой нашъ хотѣлъ съ отчаянія броситься въ Неву, но стру-

силъ. Концертъ, на который затащила его тетка, расшевелилъ въ немъ прежнія мечтанія и вызвалъ его на откровенное объясненіе съ теткою и дядею. Здѣсь онъ обвинилъ дядю во всѣхъ своихъ несчастіямъ. Дядя по своему дѣйствительно кое въ чемъ сильно ошибался, но онъ былъ тутъ самимъ собою, не лгалъ, не притворялся, говорилъ по убѣжденію, что думалъ и чувствовалъ; если слова его подѣйствовали на племянника болѣе вредно, нежели полезно, въ этомъ виновата ограниченная, болѣзненная и поврежденная натура нашего героя. Это одинъ изъ тѣхъ людей, которые иногда и видятъ истину, но рванувшись къ ней, или не допрыгиваютъ до нея, или перепрыгиваютъ черезъ нее, такъ-что бываютъ только около нея, но никогда въ ней. Выѣзжая изъ Петербурга въ деревню, онъ расквитался съ нимъ фразами и стихами и прочелъ стихотвореніе Пушкина: «Художникъ варваръ кистью сонной»... Эти господа ни на часъ безъ монологовъ и стиховъ—такіе болтуны!

Онъ пріѣхалъ въ деревню живымъ трупомъ; нравственная жизнь была въ немъ совершенно парализирована; самая наружность его сильно измѣнилась, мать едва узнала его. Съ нею онъ обошелся почтительно, но холодно, ничего ей не открылъ, не объяснилъ. Онъ наконецъ понялъ, что между нимъ и ею нѣтъ ничего общаго, что еслибъ онъ сталъ ей объяснять куда дѣвались его волоски, она поняла бы это такъ же, какъ Евсей и Аграфена. Ласки и угожденіе матери скоро стали ему въ тягость. Мѣста—свидѣтели его дѣтства, расшевелили въ немъ прежнія мечты, и онъ началъ хныкать о ихъ невозвратной потерѣ, говоря, что счастіе въ обманахъ и призракахъ. Это общее убѣжденіе всѣхъ дряблыхъ, безсильныхъ, недоконченныхъ натуръ. Вѣдь, кажется, опытъ достаточно показалъ ему, что всѣ его несчастія произошли именно оттого, что онъ предавался обманамъ и мечтамъ: воображалъ, что у него огромный поэтическій талантъ, тогда какъ у него не было никакого, что

онъ созданъ для какой-то героической и самоотверженной дружбы и колоссальной любви, тогда какъ въ немъ ничего не было героическаго, самоотверженнаго. Это былъ человѣкъ обыкновенный, но вовсе не пошлый. Онъ былъ добръ, любящъ, и не глупъ, не лишенъ образованія; всѣ несчастія его произошли оттого, что, будучи обыкновеннымъ человѣкомъ, онъ хотѣлъ разыграть роль необыкновеннаго. Кто въ молодости не мечталъ, не предавался обманамъ, не гонялся за призраками, и кто не разочаровывался въ нихъ, и кому эти разочарованія не стоили сердечныхъ судорогъ, тоски, апатіи, и кто потомъ не смѣялся надъ ними отъ всей души? Но здоровымъ натурамъ полезна эта практическая логика жизни и опыта: они отъ нея развиваются и мужаютъ нравственно; романтики гибнутъ отъ нея....

Когда мы въ первый разъ читали письмо нашего героя къ теткѣ и дядѣ, писанное послѣ смерти его матери и исполненное душевнаго спокойствія и здраваго смысла,—это письмо подѣйствовало на насъ какъ-то странно; но мы объяснили его себѣ такъ, что авторъ хочетъ послать своего героя снова въ Петербургъ затѣмъ, чтобы тотъ новыми глупостями достойно заключилъ свое донкихотское поприще. Письмомъ этимъ заключается вторая часть романа; эпилогъ начинается черезъ четыре года послѣ вторичнаго пріѣзда нашего героя въ Петербургъ. На сценѣ Петръ Иванычъ. Это лицо введено въ романъ не само для себя, а для того, чтобы своею противоположностію съ героемъ романа лучше оттѣнить его. Это набросило на весь романъ нѣсколько дидактическій оттѣнокъ, въ чемъ многіе не безъ основанія упрекали автора. Но авторъ умѣлъ и тутъ показать себя человѣкомъ съ необыкновеннымъ талантомъ. Петръ Иванычъ— не абстрактная идея, живое лицо, фигура, нарисованная во весь ростъ кистью смѣлою, широкою и вѣрною. О немъ, какъ о человѣкѣ, судятъ или слишкомъ хорошо, или слишкомъ дурно, и въ обоихъ случаяхъ ошибочно. Одни хотятъ

видѣть въ немъ какой-то идеалъ, образецъ для подраженія: эти люди положительные и разсудительные. Другіе видятъ въ немъ чуть не изверга: это мечтатели. Петръ Иванычъ по своему человѣкъ очень хорошій; онъ уменъ, очень уменъ, потому-что хорошо понимаетъ чувства и страсти, которыхъ въ немъ нѣтъ, и которыя онъ презираетъ; существо вовсе не поэтическое, онъ понимаетъ поэзію въ тысячу разъ лучше своего племянника, который изъ лучшихъ произведеній Пушкина какъ-то ухитрился набраться такого духа, какого можно было бы набраться изъ сочиненій фразеровъ и риторовъ. Петръ Ивановичъ эгоистъ, холоденъ по натурѣ, не способенъ къ великодушнымъ движеніямъ; но вмѣстѣ съ этимъ онъ не только не золъ, но положительно добръ. Онъ честенъ, благороденъ, не лицемѣръ, не притворщикъ, на него можно положиться, онъ не обѣщаетъ, чего не можетъ или не хочетъ сдѣлать, а что̀ обѣщаетъ, то непремѣнно сдѣлается. Словомъ, это въ полномъ смыслѣ порядочный человѣкъ, какихъ, дай Богъ, чтобъ было больше Онъ составилъ себѣ непреложныя правила для жизни, сообразуясь съ своею натурою и здравымъ смысломъ. Онъ ими не гордился и не хвастался, но считалъ ихъ непогрѣшительно-вѣрными. Дѣйствительно, мантія его практической философіи была сшита изъ прочной и крѣпкой матеріи, которая хорошо могла защищать его отъ невзгодъ жизни. Каковы же были его изумленіе и ужасъ, когда, доживъ до боли въ поясницѣ и до сѣдыхъ волосъ, онъ вдругъ замѣтилъ въ своей мантіи прорѣху—правда одну только, но за то какую широкую. Онъ не хлопоталъ о семейственномъ счастіи, но былъ увѣренъ, что утвердилъ свое семейственное положеніе на прочномъ основаніи,—и вдругъ увидѣлъ, что бѣдная жена его была жертвою его мудрости, что онъ заѣлъ ея вѣкъ, задушилъ ее въ холодной и тѣсной атмосферѣ.

Какой урокъ для людей положительныхъ, представителей здраваго смысла! Видно, человѣку нужно и еще чего-

нибудь немножко, кромѣ здраваго смысла! Видно, на границахъ-то крайностей больше всего и стережетъ насъ судьба. Видно, и страсти необходимы для полноты человѣческой натуры, и не всегда можно безнаказанно навязывать другому то счастіе, которое только насъ можетъ удовлетворить, но всякій человѣкъ можетъ быть счастливымъ только сообразно съ собственною натурою! Петръ Иванычъ хитро и тонко разсчелъ, что ему надо овладѣть понятіями, убѣжденіями, склонностями своей жены, не давая ей этого замѣтить, вести ее по дорогѣ жизни, но такъ, чтобъ она думала, что сама идетъ; но онъ сдѣлалъ въ этомъ разсчетѣ одну важную ошибку: при всемъ своемъ умѣ, онъ не сообразилъ, что для этого надо было выбрать жену, чуждую всякой страстности, всякой потребности любви и сочувствія, холодную, добрую, вялую, всего лучше пустую, даже немножко глупую. Но на такой онъ, можетъ-быть, не захотѣлъ бы жениться, по самолюбію; въ такомъ случаѣ ему слѣдовало вовсе не жениться

Петръ Иванычъ выдержанъ отъ начала до конца съ удивительною вѣрностію; но героя романа мы не узнаемъ въ эпилогѣ: это лицо вовсе фальшивое, неестественное. Такое перерожденіе для него было бы возможно только тогда, еслибъ онъ былъ обыкновенный болтунъ и фразёръ, который повторяетъ чужія слова, не понимая ихъ, наклепываетъ на себя чувства, восторги и страданія, которыхъ никогда не испытывалъ; но молодой Адуевъ, къ его несчастію, часто бывалъ слишкомъ искрененъ въ своихъ заблужденіяхъ и нелѣпостяхъ. Его романтизмъ былъ въ его натурѣ; такіе романтики никогда не дѣлаются положительными людьми. Авторъ имѣлъ бы скорѣе право заставить своего героя заглохнуть въ деревенской дичи въ апатіи и лѣни, нежели заставить его выгодно служить въ Петербургѣ и жениться на большомъ приданомъ. Еще бы лучше и естественнѣе было ему сдѣлать его мистикомъ, фанатикомъ, сектантомъ; но всего лучше и естественнѣе было бы

ему сдѣлать его, напр., славянофиломъ. Тутъ Адуевъ остался бы вѣрнымъ своей натурѣ, продолжалъ бы старую свою жизнь, и между тѣмъ думалъ бы, что онъ и Богъ знаетъ какъ ушелъ впередъ, тогда какъ въ сущности онъ только бы перенесъ старыя знамена своихъ мечтаній на новую почву. Прежде онъ мечталъ о славѣ, о дружбѣ, о любви, а тутъ сталъ бы мечтать о народахъ и племенахъ, о томъ что на долю Славянъ досталась любовь, а на долю Тевтоновъ—вражда, о томъ, что во времена Гостомысла Славяне имѣли высшую и образцовую для всего міра цивилизацію, что современная Россія быстро идетъ къ этой цивилизаціи, что этого не видятъ только слѣпые и ожесточенные разсудкомъ, а всѣ зрячіе и размягченные фантазіею давно это ясно видятъ. Тогда бы герой былъ вполнѣ современнымъ романтикомъ, и никому бы не вошло въ голову, что люди такого закала теперь уже не существуютъ...

Придуманная авторомъ развязка романа портитъ впечатлѣніе всего этого прекраснаго произведенія, потому-что она неестественна и ложна. Въ эпилогѣ хороши только Петръ Иванычъ и Лизавета Александровна до самаго конца; въ отношеніи же къ герою романа, эпилогъ хоть не читать... Какъ такой сильный талантъ могъ впасть въ такую странную ошибку? Или онъ не совладалъ съ своимъ предметомъ? Ничуть не бывало! Авторъ увлекся желаніемъ попробовать свои силы на чуждой ему почвѣ—на почвѣ сознательной мысли—и пересталъ быть поэтомъ. Здѣсь всего яснѣе открывается различіе его таланта съ талантомъ Искандера: тотъ и въ сферѣ чуждой для его таланта дѣйствительности умѣлъ выпутаться изъ своего положенія силою мысли; авторъ «Обыкновенной Исторіи» впалъ въ важную ошибку именно оттого, что оставилъ на минуту руководство непосредственнаго таланта. У Искандера мысль всегда впереди, онъ впередъ знаетъ, что̀ и для чего пишетъ; онъ изображаетъ съ поразительною вѣрностію сцену дѣйствительности для того

только, чтобы сказать о ней свое слово, произнести судъ. Г. Гончаровъ рисуетъ свои фигуры, характеры, сцены прежде всего для того, чтобы удовлетворить своей потребности и насладиться своею способностію рисовать; говорить и судить и извлекать изъ нихъ нравственныя слѣдствія ему надо предоставить своимъ читателямъ. Картины Искандера отличаются не столько вѣрностію рисунка и тонкостію кисти, сколько глубокимъ знаніемъ изображаемой имъ дѣйствительности, онѣ отличаются больше фактическою, нежели поэтическою истиною, увлекательны слогомъ не столько поэтическимъ, сколько исполненнымъ ума, мысли, юмора и остроумія,—всегда поражающими оригинальностію и новостію. Главная сила таланта г. Гончарова—всегда въ изящности и тонкости кисти, вѣрности рисунка; онъ неожиданно впадаетъ въ поэзію даже въ изображеніи мелочныхъ и посторонних обстоятельствъ, какъ, напримѣръ, въ поэтическомъ описаніи процесса горѣнія въ каминѣ сочиненій молодаго Адуева. Въ талантѣ Искандера поэзія—агентъ второстепенный, а главный мысль; въ талантѣ г. Гончарова поэзія—агентъ, первый, главный и единственный...

Несмотря на неудачный, или, лучше сказать, на испорченный эпилогъ, романъ г. Гончарова остается однимъ изъ замѣчательныхъ произведеній русской литературы. Къ особеннымъ его достоинствамъ принадлежитъ между прочимъ языкъ чистый, правильный, легкій, свободный, льющійся. Разсказъ г. Гончарова въ этомъ отношеніи не печатная книга, а живая импровизація. Нѣкоторые жаловались на длинноту и утомительность разговоровъ между дядею и племянникомъ. Но для насъ эти разговоры принадлежатъ къ лучшимъ сторонамъ романа. Въ нихъ нѣтъ ничего отвлеченнаго, неидущаго къ дѣлу; это—не диспуты, а живые, страстные, драматическіе споры, гдѣ каждое дѣйствующее лицо высказываетъ себя, какъ человѣка и характеръ, отстаиваетъ, такъ-сказать, свое нравственное существованіе.

Правда, въ такого рода разговорахъ, особенно при легкомъ, дидактическомъ колоритѣ, наброшенномъ на романъ, всего легче было споткнуться хоть какому таланту; но тѣмъ больше чести г. Гончарову, что онъ такъ счастливо рѣшилъ трудную самое по себѣ задачу и остался поэтомъ тамъ, гдѣ такъ легко было сбиться на тонъ резонёра.

Теперь у насъ на очереди «Разсказы Охотника», г. Тургенева. Талантъ г. Тургенева имѣетъ много аналогіи съ талантомъ Луганскаго (г. Даля). Настоящій родъ того и другаго—физіологическіе очерки разныхъ сторонъ русскаго быта и русскаго люда. Г. Тургеневъ началъ свое литературное поприще лирическою поэзіею. Между его мелкими стихотвореніями есть піесы три, четыре очень недурныхъ, какъ, напримѣръ, «Старый помѣщикъ», «Баллада», «Ѳедя», «Человѣкъ, какихъ много»; но эти піесы удались ему потому, что въ нихъ или вовсе нѣтъ лиризму, или что въ нихъ главное не лиризмъ, а намеки на русскую жизнь. Собственно же лирическія стихотворенія г. Тургенева показываютъ рѣшительное отсутствіе самостоятельнаго лирическаго таланта. Онъ написалъ нѣсколько поэмъ. Первая изъ нихъ—«Параша», была замѣчена публикою при ея появленіи, по бойкому стиху, веселой ироніи, вѣрнымъ картинамъ русской природы, а главное—по удачнымъ физіологическимъ очеркамъ помѣщичьяго быта въ подробностяхъ. Но прочному успѣху поэмы помѣшало то, что авторъ, пиша ея, вовсе не думалъ о физіологическомъ очеркѣ, а хлопоталъ о поэмѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ у него нѣтъ самостоятельнаго таланта къ этому роду поэзіи. Оттого все лучшее въ ней проблеснуло какъ-то случайно, невзначай. Потомъ онъ написалъ поэму—«Разговоръ»; стихи въ ней звучные и сильные, много чувства, ума, мысли; но какъ эта мысль чужая, заимствованная, то на первый разъ поэма могла даже поправиться, но прочесть ее вторично уже не захочется. Въ третьей поэмѣ г. Тургенева—«Андрей», много хорошаго,

потому что много вѣрныхъ очерковъ русскаго быта; но въ цѣломъ поэма опять не удалась, потому что это повѣсть любви, изображать которую не въ талантѣ автора. Письмо героини къ герою поэмы длинно и растянуто, въ немъ больше чувствительности, нежели паѳоса. Вообще въ этихъ опытахъ г. Тургенева былъ замѣтенъ талантъ, но какой-то нерѣшительный и неопредѣленный. Онъ пробовалъ себя и въ повѣсти; написалъ «Андрея Колосова», въ которомъ много прекрасныхъ очерковъ характеровъ и русской жизни, но какъ повѣсть, въ цѣломъ это произведеніе до того странно, не досказано, неуклюже, что очень не многіе замѣтили, что̀ въ ней было хорошаго. Замѣтно было, что г. Тургеневъ искалъ своей дороги и все еще не находилъ ея: потому что это не всегда и не всѣмъ легко и скоро удается. Наконецъ г. Тургеневъ написалъ стихотворный разсказъ— «Помѣщикъ», не поэму, а физіологическій очеркъ помѣщичьяго быта, шутку, если хотите, но эта шутка какъ-то вышла далеко лучше всѣхъ поэмъ автора. Бойкій эпиграмматическій стихъ, веселая иронія, вѣрность картинъ, вмѣстѣ съ этимъ выдержанность цѣлаго произведенія, отъ начала до конца,—все показывало, что г. Тургеневъ напалъ на истинный родъ своего таланта, взялся за свое, и что нѣтъ никакихъ причинъ оставлять ему вовсе стихи. Въ то же время былъ напечатанъ его разсказъ въ прозѣ—«Три Портрета», изъ котораго видно было, что г. Тургеневъ и въ прозѣ нашелъ свою настоящую дорогу. Наконецъ въ первой книжкѣ «Современника» за прошлый годъ былъ напечатанъ его разсказъ «Хорь и Калинычъ». Успѣхъ въ публикѣ этого небольшаго разсказа, помѣщеннаго въ смѣси, былъ неожиданъ для автора и заставилъ его продолжать разсказы охотника. Здѣсь талантъ его обозначился вполнѣ. Очевидно, что у него нѣтъ таланта чистаго творчеста, что онъ не можетъ создавать характеровъ, ставить ихъ въ такія отношенія между собою, изъ какихъ образуются сами

собою романы или повѣсти. Онъ можетъ изображать дѣйствительность видѣнную и изученную имъ, если угодно — творить, но изъ готоваго, даннаго дѣйствительностію матеріяла. Это не простое списываніе съ дѣйствительности, она не даетъ автору идей, но наводитъ, наталкиваетъ, такъ сказать, на нихъ. Онъ переработываетъ взятое имъ готовое содержаніе по своему идеалу, и отъ этого у него выходитъ картина болѣе живая, говорящая и полная мысли, нежели дѣйствительный случай, подавшій ему поводъ написать эту картину; и для этого необходимъ, въ извѣстной мѣрѣ, поэтическій талантъ. Правда, иногда все умѣнье его заключается въ томъ, чтобы только вѣрно передать знакомое ему лицо или событіе, котораго онъ былъ свидѣтелемъ, потому-что въ дѣйствительности бываютъ иногда явленія, которыя стоитъ только вѣрно переложить на бумагу, чтобы они имѣли всѣ признаки художественнаго вымысла. Но и для этого необходимъ талантъ, и таланты такого рода имѣютъ свои степени. Въ обоихъ этихъ случаяхъ г. Тургеневъ обладаетъ весьма замѣчательнымъ талантомъ. Главная характеристическая черта его таланта заключается въ томъ, что ему едва-ли бы удалось создать вѣрно такой характеръ, подобнаго которому онъ не встрѣтилъ въ дѣйствительности. Онъ всегда долженъ держаться почвы дѣйствительности. Для такого рода искусства ему даны отъ природы богатыя средства: даръ наблюдательности, способность вѣрно и быстро понять и оцѣнить всякое явленіе, инстинктомъ разгадать его причины и слѣдствія, и такимъ образомъ догадкою и соображеніемъ дополнить необходимый ему запасъ свѣдѣній когда разспросы мало объясняютъ.

Не удивительно, что маленькая піеска—Хорь и Калинычъ, имѣла такой успѣхъ: въ ней авторъ зашелъ къ народу съ такой стороны, съ какой до него къ нему никто еще не заходилъ. Хорь, съ его практическимъ смысломъ и практическою натурою, съ его грубымъ, но крѣпкимъ и яснымъ

умомъ, съ его глубокимъ презрѣніемъ къ «бабамъ» и сильною нелюбовью къ чистотѣ и опрятности — типъ русскаго мужика, умѣвшаго создать себѣ значущее положеніе, при обстоятельствахъ весьма неблагопріятныхъ. Но Калинычъ— еще болѣе свѣжій и полный типъ русскаго мужика: это поэтическая натура въ простомъ народѣ. Съ какимъ участіемъ и добродушіемъ авторъ описываетъ намъ своихъ героевъ, какъ умѣетъ онъ заставить читателей полюбить ихъ отъ всей души! Всѣхъ разсказовъ охотника было напечатано прошлаго года въ «Современникѣ» семь. Въ нихъ авторъ знакомитъ своихъ читателей съ разными сторонами провинціяльнаго быта, съ людьми разныхъ состояній и званій. Не всѣ его разсказы одинаковаго достоинства: одни лучше, другіе слабѣе, но между ними нѣтъ ни одного, который бы чѣмъ-нибудь не былъ интересенъ, занимателенъ и поучителенъ. «Хорь и Калинычъ» до сихъ поръ остается лучшимъ изъ всѣхъ разсказовъ охотника; за нимъ—«Бурмистръ», а послѣ него «Однодворецъ Овсянниковъ» и «Контора». Нельзя не пожелать, чтобы г. Тургеневъ написалъ еще хоть цѣлые томы такихъ разсказовъ.

Хотя разсказъ г. Тургенева — «Петръ Петровичъ Каратаевъ», напечатанный во второй книжкѣ «Современника» за прошлый годъ, и не принадлежитъ къ ряду разсказовъ охотника, но это такой же мастерской физіологическій очеркъ характера чисто русскаго и притомъ съ московскимъ оттѣнкомъ. Въ немъ талантъ автора выказался съ такою же полнотою, какъ и въ лучшихъ изъ разсказовъ охотника.

Не можемъ не упомянуть о необыкновенномъ мастерствѣ г. Тургенева изображать картины русской природы. Онъ любитъ природу не какъ диллетантъ, а какъ артистъ, и потому никогда не старается изображать ее только въ поэтическихъ ея видахъ, но беретъ ее какъ она ему представляется. Его картины всегда вѣрны, вы всегда узнаете въ нихъ нашу родную, русскую природу....

Г. Григоровичъ посвятилъ свой талантъ исключительно изображенію жизни низшихъ классовъ народа. Въ его талантѣ тоже много аналогіи съ талантомъ г. Даля. Онъ также постоянно держится на почвѣ хорошо извѣстной и изученной имъ дѣйствительности; но его два послѣдніе опыта «Деревня» и въ особенности «Антонъ-Горемыка» идутъ гораздо дальше физіологическихъ очерковъ. «Антонъ Горемыка»—больше, чѣмъ повѣсть: это романъ, въ которомъ все вѣрно основной идеѣ, все относится къ ней, завязка и развязка свободно выходятъ изъ самой сущности дѣла. Несмотря на то, что внѣшняя сторона, разсказа вся вертится на пропажѣ мужицкой лошаденки! несмотря на то, что Антонъ—мужикъ простой, вовсе не изъ бойкихъ и хитрыхъ, онъ лицо трагическое, въ полномъ значеніи этого слова. Эта повѣсть трогательная, по прочтеніи которой въ голову невольно тѣснятся мысли грустныя и важныя. Желаемъ отъ всей души, чтобы г. Григоровичъ продолжалъ идти по этой дорогѣ, на которой отъ его таланта можно ожидать такъ много... И пусть онъ не смущается бранью хулителей: эти господа полезны и необходимы для вѣрнаго опредѣленія объема таланта: чѣмъ большая ихъ стая бѣжитъ вслѣдъ успѣха, тѣмъ значитъ успѣхъ огромнѣе.

Въ послѣдней книжкѣ «Современника» за прошлый годъ была напечатана «Полинька Саксъ», повѣсть г. Дружинина, лица совершенно новаго въ русской литературѣ. Многое въ этой повѣсти отзывается незрѣлостію мысли, преувеличеніемъ, лицо Сакса немножко идеально; несмотря на то, въ повѣсти такъ много истины, такъ много душевной теплоты и вѣрнаго, сознательнаго пониманія дѣйствительности, такъ много самобытности, что повѣсть тотчасъ же обратила на себя общее вниманіе. Особенно хорошо въ ней выдержанъ характеръ героини повѣсти; видно, что авторъ хорошо знаетъ русскую женщину. Вторая повѣсть г. Дружинина, появившаяся въ нынѣшнемъ году, подтверждаетъ поданное

первою повѣстью мнѣніе о самостоятельности таланта автора и позволяетъ многаго ожидать отъ него въ будущемъ.

Къ замѣчательнѣйшимъ повѣстямъ прошлаго года принадлежитъ «Павелъ Алексѣевичъ Игривой», повѣсть г. Даля («Отечественныя Записки»). Карлъ Ивановичъ Гонобобель и ротмистръ Шилохвастовъ, какъ характеры, какъ типы, принадлежатъ къ самымъ мастерскимъ очеркамъ пера автора. Впрочемъ, всѣ лица въ этой повѣсти очерчены прекрасно, особенно дражайшіе родители Любоньки; но молодой Гонобобель и другъ его Шилохвастовъ — созданія геніяльныя. Это типы довольно знакомые многимъ по дѣйствительности, но искусство еще въ первый разъ воспользовалось ими и передало ихъ на пріятное знакомство всему міру. Повѣсть эта нравится не одиѣми подробностями и частностями, какъ всѣ большія повѣсти г. Даля; она почти выдержана въ цѣломъ, какъ повѣсть. Говоримъ почти, потому что трагическое для героя повѣсти событіе производитъ на читателя впечатлѣніе чего-то неожиданнаго и непонятнаго. Человѣкъ такъ любилъ женщину, столько дѣлалъ для нея; она, повидимому, такъ любила его; безпутный мужъ ея умеръ; другъ спѣшитъ за границу на свиданіе съ ней, окрыленный надеждами любви, и видитъ ее за мужемъ за другимъ. Дѣло въ томъ, что авторъ не хотѣлъ окрасить своего разсказа тѣмъ колоритомъ, по которому читатель видѣлъ бы естественность такой развязки. Игривый—человѣкъ комически робкій и стыдливый, почему и дозволилъ двумъ негодяямъ изъ рукъ вырвать у него невѣсту. Во время страданій ея супружеской жизни, онъ велъ себя въ отношеніи къ ней какъ деликатнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, но ни сколько какъ любовникъ: оттого ея оробѣвшее, запуганное чувство къ нему скоро обратилось въ благодарность, уваженіе, удивленіе, наконецъ въ благоговѣніе; она видѣла въ немъ друга, брата, отца, воплощенную добродѣтель, и уже потому самому не видѣла въ немъ любовни-

ка. Послѣ этого развязка понятна, равно какъ и то, что Игривый на всю остальную жизнь свою сдѣлался какимъ-то помѣшаннымъ шутомъ.

Въ «Библіотекѣ для Чтенія» прошлаго года тянулись «Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго», г. Вельтмана, кончившіяся во второй книжкѣ этого журнала на нынѣшній годъ. Такъ какъ этотъ романъ начался, кажется, въ 1846 г., то мы о немъ уже имѣли случай говорить. И потому снова повторимъ, что въ этомъ произведеніи романъ смѣшанъ съ сказкою, невѣроятное съ вѣроятнымъ, невозможное съ возможнымъ. Такъ, напримѣръ, Дмитрицкій, герой романа, воспользовавшись бумагами и платьемъ простофили молодаго купчика, который, какъ нарочно, былъ очень похожъ на него лицомъ, является къ его отцу въ качествѣ его сына. Онъ такъ ловко играетъ свою роль, что ни отецъ, ни мать и никто изъ домашнихъ ни одну минуту не возымѣлъ подозрѣнія въ тожествѣ сомозванца съ настоящимъ сыномъ. Самозванецъ женится на богатой невѣстѣ и, узнавши въ ночь брака, что настоящій сынъ появился, тотчасъ же выбирается изъ чужаго гнѣзда съ огромнымъ пукомъ ассигнацій, полученныхъ въ приданое за женою, и съ другаго же дня начинаетъ играть въ московскомъ большомъ свѣтѣ роль богатаго венгерскаго магната. Мудрено что-то! Но, поставивши свои лица въ невѣроятныя положенія, авторъ тѣмъ не менѣе увлекательно описываетъ ихъ похожденія. Но тамъ, гдѣ въ романѣ нѣтъ натяжекъ, талантъ автора является въ самомъ выгодномъ для него свѣтѣ. Такъ, напримѣръ, похожденія настоящаго сына, который все сбирается и никакъ не можетъ рѣшиться броситься въ ноги къ своему «тятинькѣ», боясь, что дражайшій родитель сразу пришибетъ его на смерть, исполнены истины, глубокаго знанія дѣйствительности, увлекающаго интереса. Такихъ прекрасныхъ эпизодовъ въ романѣ г. Вельтмана много. Лучше всего даются ему изображенія ку-

печескихъ, мѣщанскихъ и простонародныхъ нравовъ. Слабѣе всего у него картины большаго свѣта. Такъ, напримѣръ, у него важную роль играетъ великосвѣтскій молодой человѣкъ Чаровъ, котораго вся свѣтскость состоитъ въ томъ, что онъ всѣмъ своимъ пріятелямъ и знакомымъ говоритъ: ска атипа, у-уродъ... Несмотря на всѣ странности и, можно сказать, нелѣпости романа г. Вельтмана, это все-таки очень замѣчательное произведеніе.

Теперь упомянемъ о нѣкоторыхъ произведеніяхъ менѣе замѣчательныхъ. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» была напечатана повѣсть г. Нестроева—«Сбоевъ». Въ ней съ большимъ искусствомъ обрисованъ внутренній семейный бытъ одного московскаго чиновника. Особенно оригинально и тонко обрисованъ характеръ бѣдной жены Ивана Кириловича, Анны Ивановны. Нечаянно разбитое большое зеркало наводитъ на читателя невольный ужасъ: такъ мастерски авторъ умѣлъ намекнуть, чего должно было ожидать себѣ бѣдное семейство отъ своего почтеннаго главы... Но это только задній планъ повѣсти; ея главное основано на любви Сбоева къ Ольгѣ, дочери титулярнаго совѣтника, и вообще на оригинальномъ характерѣ этихъ двухъ лицъ. Но эта-то главная сторона повѣсти и вышла неудачно. Личности героя и героини какъ-то неестественны, не то, чтобы такіе люди не могли существовать въ природѣ, они только не удались автору повѣсти. И не мудрено: въ началѣ ея авторъ самъ говоритъ, что его повѣсть была вызвана чужою повѣстью: заимствованныя мысли рѣдко удаются. Въ концѣ обѣщана новая повѣсть, которая должна служить окончаніемъ первой: такія обѣщанія тоже рѣдко удаются. . Въ «Современникѣ» была напечатана повѣсть того же автора — «Безъ разсвѣта». Мысль повѣсти прекрасна и могла бы обѣщать повѣсти бо́льшій успѣхъ, нежели какой она имѣла: причиною этого было, кажется намъ, то обстоятельство, что второстепенныя лица въ повѣсти всѣ обрисованы болѣе

или менѣе удачно (характеръ мужа героини даже мастерски), тогда какъ характеръ героини вышелъ у него крайнѣ безцвѣтенъ. Это существо вялое, отрицательное, безъ всякаго сопротивленія къ гнетущимъ ея обстоятельствамъ: могло ли оно возбудить къ себѣ какое-либо сочувствіе въ читателяхъ? То ли дѣло Полинька Саксъ! Воспитаніе сдѣлало ее ребенкомъ, но опытъ жизни пробудилъ въ ней сознаніе и сдѣлалъ ее женщиной. Умирая, она писала къ своей пріятельницѣ: «Напрасно братъ твой спитъ у моихъ ногъ и по глазамъ моимъ угадываетъ мои желанія. Я не могу любить его, я не могу понимать его, онъ не мущина. онъ дитя: я стара для его любви. Это онъ человѣкъ, онъ мущина во всемъ смыслѣ слова: душа его и велика и спокойна... Я люблю его, не перестану любить его».

Намъ остается упомянуть еще о «Запискахъ Человѣка», Ста Одного («Отечественныя Записки»), о «Кирюшѣ», разсказѣ неизвѣстнаго автора, и о «Жидѣ» г. Тургенева, чтобы докончить нашъ критическій перечень всего сколько-нибудь замѣчательнаго, что явилось въ прошломъ году по части романовъ, повѣстей и разсказовъ. Но мы должны сказать еще нѣсколько словъ о «Хозяйкѣ», повѣсти г. Достоевскаго, весьма замѣчательной, но только совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какъ тѣ, о которыхъ мы говорили до сихъ поръ. Будь подъ нею подписано какое-нибудь неизвѣстное имя, мы бы не сказали о ней ни слова. Герой повѣсти— нѣкто Ордыновъ; онъ весь погрузился въ занятія науками; какими—объ этомъ авторъ не сказалъ своимъ читателямъ, хотя на этотъ разъ ихъ любопытство было очень законно Наука кладетъ свою печать не только на мнѣнія, но и на дѣйствія человѣка; вспомните доктора Крупова. Изъ словъ и дѣйствій Ордынова нисколько не видно, чтобъ онъ занимался какою-нибудь наукою; но можно догадываться изъ нихъ, что онъ сильно занимался кабалистикою, чернокнижіемъ,—словомъ, чаромутіемъ... Но вѣдь это не наука,

и сущій вздоръ; но тѣмъ не менѣе и она наложила на Ордынова свою печать, т. е. сдѣлала его похожимъ на поврежденнаго и помѣшаннаго. Ордыновъ встрѣчаетъ гдѣ-то красавицу купчиху; не помнимъ, сказалъ ли авторъ что-нибудь о цвѣтѣ ея зубовъ, но должно быть, что зубы у ней были бѣлые, въ видѣ исключенія, ради большей поэзіи повѣсти. Она шла объ руку съ пожилымъ купцомъ, одѣтымъ по-купечески и съ бородою. Въ глазахъ у него столько электричества, галванизма и магнетизма, что иной физіологъ предложилъ бы ему хорошую цѣну за то, чтобъ онъ снабжалъ его по временамъ, если не глазами, то хоть молніеносными, искрящимися взглядами, для учебныхъ наблюденій и опытовъ. Герой нашъ тотчасъ же влюбился въ купчиху; несмотря на магнетическіе взгляды и ядовитую усмѣшку фантастическаго купца, онъ не только узналъ, гдѣ они живутъ, но и какими-то судьбами навязался къ нимъ въ жильцы и занялъ особую комнату. Тутъ пошли любопытныя сцены: купчиха несла какую-то дичь, въ которой мы не поняли ни единаго слова, а Ордыновъ, слушая ее, безпрестанно падалъ въ обморокъ. Часто тутъ вмѣшивался купецъ, съ его огненными взглядами и съ сардоническою улыбкою. Что̀ они говорили другъ другу, изъ чего такъ махали руками, кривлялись, ломались, замирали, обмирали, приходили въ чувство,—мы рѣшительно не знаемъ, потому что изо всѣхъ этихъ длинныхъ патетическихъ монологовъ не поняли ни единаго слова. Не только мысль, даже смыслъ этой, должно быть, очень интересной повѣсти остается и останется тайной для нашего разумѣнія, пока авторъ не издастъ необходимыхъ поясненій и толкованій на эту дивную загадку его причудливой фантазіи. Что̀ это такое — злоупотребленіе, или бѣдность таланта, который хочетъ подняться не по силамъ, и потому боится идти обыкновеннымъ путемъ, и ищетъ себѣ какой-то небывалой дороги? Не знаемъ; намъ только показалось, что авторъ хотѣлъ

попытаться помирить Марлинскаго съ Гофманомъ, подболтавши сюда не много юмору въ новѣйшемъ родѣ и сильно натеревши все это лакомъ русской народности. Удивительно ли, что вышло что-то чудовищное, напоминающее теперь фантастическіе разсказы Тита Космократова, забавлявшаго ими публику въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Во всей этой повѣсти нѣтъ ни одного простаго и живаго слова или выраженія: все изыскано, натянуто, на ходуляхъ, поддѣльно и фальшиво. Что за фразы: Ордыновъ бичуется какимъ-то невѣдомо сладостнымъ и упорнымъ чувствомъ; проходитъ мимо остроумной мастерской гробовщика; называетъ свою возлюбленную голубицею и спрашиваетъ, изъ какого неба она залетѣла въ его небеса; но довольно, боимся увлечься выписками диковинныхъ фразъ этой повѣсти — конца имъ не было бы. Что̀ это такое? Странная вещь! непонятная вещь!...

Изъ отдѣльно вышедшихъ въ прошломъ году книгъ по части изящной словесности замѣчательны только «Путевыя Замѣтки» Т. Ч. Это маленькая, красиво напечатанная книжка, вышедшая въ Одессѣ; авторъ—женщина; это видно по всему, особенно по взгляду на предметы. Много сердечной теплоты, много чувства, жизнь, не всегда понятая или понятая уже слишкомъ по-женски, но никогда не набѣленная, не нарумяненная, не преувеличенная, не искаженная. увлекательный разсказъ, прекрасный языкъ,—вотъ достоинство двухъ разсказовъ г-жи Т. Ч. Особенно интересенъ первый разсказъ: «Три варіаціи на старую тему». Взрослая дѣвушка влюбилась въ мальчика. Потомъ она потеряла его изъ виду и вышла замужъ за человѣка добраго и порядочнаго, но къ которому она не чувствовала ничего особеннаго. Вдругъ она встрѣчается съ Лёлей, который теперь уже сталъ Алексисомъ. У нихъ завязалось нѣчто въ родѣ особенныхъ отношеній, которыя разрѣшились страстнымъ поцѣлуемъ съ обѣихъ сторонъ, полнымъ объясненіемъ и отъѣздомъ Алексиса по настоятельному требова-

нію героини, въ которой любовь не побѣдила чувства долга. Потомъ она уѣхала съ больнымъ мужемъ на воды за границу. Тамъ она получила письмо отъ одной изъ своихъ пріятельницъ, изъ котораго она узнала, что Алексисъ ее любитъ страстно. Письмо это сильно взволновало ее. Разъ, перечитывая его и мечтая объ Алексисѣ, она вдругъ услышала въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ былъ мужъ ея, какой-то странный шумъ. Вбѣгаетъ — и видитъ своего мужа почти въ обморокѣ; съ нимъ случился жестокій чахоточный припадокъ. Оправившись нѣсколько, онъ началъ говорить ей о своей скорой смерти, благодарилъ ее за вниманіе и попеченіе о немъ, радовался, что оставляетъ ее не безъ состоянія, и совѣтовалъ ей выйдти замужъ, такъ какъ она молода, хороша и дѣтей у нихъ не было. По обыкновенію всѣхъ восторженныхъ женщинъ, она съ ужасомъ отвергла послѣднее предложеніе. Затѣмъ ее начали мучить угрызенія совѣсти. И какъ же иначе: мужъ ея умиралъ и благодарилъ ее за любовь и вниманіе къ нему, а она въ это время думала о другомъ, любила другаго. Бѣдная женщина чуть было не разсказала свою тайну умирающему мужу; къ счастію случившійся съ ней обморокъ помѣшалъ этому ненужному и нелѣпому признанію, которое могло только отравить послѣднія минуты добраго и благороднаго человѣка. Такова логика восторженной женщины!... Мужъ героини умеръ; ей было 35 лѣтъ, когда она увидѣла Алексѣя Петровича; онъ былъ женатъ и жилъ честолюбіемъ. Героиня наша едва могла подавить свое волненіе при видѣ его; но онъ обошелся съ ней съ холодною вѣжливостью. Тутъ она совершенно разочаровалась въ извергахъ мужчинахъ и горько плакала. Какъ! онъ все забылъ! Да что же ему помнить-то? Поцѣлуй? исторію любви, которая ничѣмъ не кончилась и прервалась въ самомъ началѣ, одну изъ тѣхъ исторій, которыя со многими мужчинами случаются не одинъ разъ въ жизни? У мужчины много интере-

совъ въ жизни, и потому память его удерживаетъ только исторіи, которыя посерьёзнѣе одного поцѣлуя. Женщина— другое дѣло: она вся живетъ исключительно въ любви, и тѣмъ болѣе своими внутренними ощущеніями, чѣмъ болѣе обязана скрывать ихъ. Женщины особенно падки до любовныхъ исторій, которыя не оканчиваются ничѣмъ серьёзнымъ, въ которыхъ не нужно ничѣмъ рисковать, ничѣмъ жертвовать, можно измѣнить мужу въ сердцѣ—и остаться формально вѣрною своимъ обѣтамъ, удовлетворить потребности любить—и свято выполнить налагаемыя обществомъ обязанности. Героиня второй повѣсти — гувернантка, одна изъ тѣхъ женщинъ, у которыхъ фантазія преобладаетъ надъ сердцемъ, которыхъ надо аттаковать съ головы, т. е. прежде всего надо чѣмъ-нибудь удивить, поразить, возбудить любопытство: не красотой, такъ безобразіемъ, не умомъ, такъ глупостью, не достоинствомъ — такъ странностью, не добродѣтелью, такъ порокомъ. За ней волочится безобразный собой, нисколько не любившій ее человѣкъ, и ее же любитъ страстно благородный, красивый собою мужчина. Она знаетъ цѣну обоимъ имъ—и, какъ бабочка на огонь, рвется къ первому. Повѣсть разсказана хорошо; но видно, героиня не возбудила къ себѣ особеннаго участія, и потому первая повѣсть больше понравилась всѣмъ, нежели вторая. Въ обѣихъ видѣнъ талантъ, отъ котораго можно надѣяться хорошихъ результатовъ, если онъ будетъ развиваться.

Изъ иностранныхъ замѣчательныхъ романовъ, въ «Современникѣ» и въ «Отечественныхъ Запискахъ» была переведена «Лукреція Флоріани» (о ней было уже говорено въ нашемъ журналѣ) и продолжается переводомъ: «Торговый домъ подъ фирмою Домби и Сынъ»; когда этотъ превосходный романъ, далеко оставившій за собою всѣ прежнія произведенія Диккенса, появится весь въ русскомъ переводѣ, мы поговоримъ о немъ.

Къ разряду словесности принадлежатъ записки или воспоминанія былаго. Въ «Современникѣ» были помѣщены двѣ интересныя статьи такого рода: «Изъ записокъ Артиста»,—на, и «Иванъ Филипповичъ Вернетъ, швейцарскій уроженецъ и русскій писатель, г. Л. Тутъ же упомянемъ мы о прекрасной, интересной по содержанію и изложенію статьѣ г. Небольсина: «Разсказы о Сибирскихъ золотыхъ пріискахъ», которая такъ долго тянулась въ смѣси «Отечественныхъ Записокъ». «Письма объ Испаніи» (въ «Современникѣ») г. Боткина были неожиданно пріятною новостью въ русской литературѣ. Испанія для насъ—терра инкогнита. Политическія извѣстія только сбиваютъ съ толку всякаго, кто бы захотѣлъ получить понятіе о положеніи этой земли. Главная заслуга автора писемъ объ Испаніи состоитъ въ томъ, что онъ на все смотрѣлъ собственными глазами, не увлекаясь готовыми сужденіями объ Испаніи, разсѣянными въ книгахъ, журналахъ и газетахъ; вы чувствуете изъ его писемъ, что онъ сперва насмотрѣлся, наслышался, разспросилъ и изучилъ, и потомъ уже составилъ свое понятіе о странѣ. Оттого взглядъ его на нее новъ, оригиналенъ, и все завѣряетъ читателя въ его вѣрности, въ томъ, что онъ знакомится не съ какою-нибудь фантастическою, а съ дѣйствительно существующею страною. Увлекательное изложеніе еще болѣе возвышаетъ достоинство писемъ г. Боткина. — «Письма изъ Avenue Marigny» были встрѣчены нѣкоторыми читателями почти съ неудовольствіемъ, хотя въ большинствѣ нашли только одобреніе. Дѣйствительно, авторъ невольно впалъ въ ошибочность при сужденіи о состояніи современной Франціи, тѣмъ, что слишкомъ тѣсно понялъ значеніе слова: bourgeoisie. Онъ разумѣетъ подъ этимъ словомъ только богатыхъ капиталистовъ, и исключилъ изъ нея самую многочисленную и потому самую важную массу этого сословія... Несмотря на это, въ «Письмахъ изъ Avenue Marigny» такъ много

живаго, увлекательнаго, интереснаго, умнаго и вѣрнаго. что нельзя не читать ихъ съ удовольствіемъ, даже во многомъ не соглашаясь съ авторомъ. Въ этотъ же разрядъ статей смѣшаннаго содержанія, но по формѣ принадлежащихъ болѣе къ отдѣлу словесности, отнесемъ мы: «Новыя варіаціи на старыя темы», Искандера (въ «Современникѣ»); «Разсказы» г. Ферри (тамъ же); «Странствованія португальца Фернанда-Мендеза Пинто, описанныя имъ самимъ и изданныя въ 1614 году», переводъ съ стариннаго португальскаго языка, г. Бутакова; и «Антоніоココ Пересъ и Филиппъ II», соч. Минье (въ «Отечественныхъ Запискахъ»).

Въ прошломъ году журналы наши были особенно богаты замѣчательными учеными статьями. Назовемъ здѣсь главнѣйшія. Въ «Отечественныхъ Запискахъ»: «Пролетаріи и Пауперизмъ въ Англіи и во Франціи» (три статьи); «Физико-астрономическое обозрѣніе солнечной системы», Д. М. Перевощикова; «Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты» (три статьи); «Открытіе Генке и Леверье», Д. М. Перевощикова; »Причины колебанія цѣнъ на хлѣбъ», А. П. Заблоцкаго. Въ «Современникѣ»: «Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи», К. Д. Кавелина; «Изслѣдованіе объ элевсинскихъ таинствахъ», графа С. С. Уварова; «Даніилъ Романовичъ король Галицкій», С. М. Соловьева; «Важность и успѣхи физіологіи», К. Литре; «Опытъ общеполезнаго разсказа о томъ, какъ открыта новая планета Нептунъ», А. Савича; «Константинополь въ IV вѣкѣ»; «О возможности опредѣлительныхъ мѣръ довѣрія къ результатамъ наукъ наблюдательныхъ, и въ особенности статистикѣ», Академика Буняковскаго; «Государственное хозяйство при Петрѣ Великомъ» (двѣ статьи), А. Афанасьева; «Мальтусъ и его противники», В. Милютина; «Александръ фонъ-Гумбольдтъ и его Космосъ» (двѣ статьи), Н. Фролова; «Ирландія», Н. Сатина. Въ «Библіотекѣ для Чтенія» тянулась слишкомъ полгода очень любопытная статья подъ

названіемъ: «Путешествія и открытія Лейтенанта Загоскина въ Русской Америкѣ», вышедшая теперь отдѣльной книгой подъ другимъ заглавіемъ.

Статья г-на Кавелина «Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи», и статья г-на Заблоцкаго «О причинахъ колебанія цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи» безъ сомнѣнія принадлежатъ къ замѣчательнѣйшимъ явленіямъ нашей ученой литературы прошлаго года. Чрезвычайно замѣчательны также въ своемъ родѣ статьи г-на Порошина, печатавшіяся въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ».

Мы не пересчитываемъ здѣсь сочиненій разнаго рода, вышедшихъ въ прошломъ году отдѣльными книгами, потому-что бо̀льшая часть ихъ разобрана въ критикѣ и библіографіи «Современника», а остальныя поименованы въ «Библіографическихъ извѣстіяхъ», приложенныхъ къ VII и XII-ой книжкамъ «Современника» прошлаго года...

Изъ критическихъ статей прошлаго года замѣчательны слѣдующія книги: «Историко-критическіе отрывки», г. Погодина; «Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи М. Погодина о русской исторіи»; «Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ Университетѣ»; «Еврейскія религіозныя секты въ Россіи», г. Григорьева; «Сочиненія Фонъ-Визина», изд. Смирдинымъ (въ «Отечественныхъ Запискахъ»). Двѣ послѣднія статьи, кромѣ своего внутренняго и внѣшняго достоинства, особенно интересны еще тѣмъ, что принадлежатъ автору, до сихъ поръ нигдѣ не писавшему. Въ статьяхъ г. Дудышкина видно знаніе дѣла: онъ хорошо пользуется историческимъ изученіемъ развитія, чтобы объяснять имъ литературныя произведенія данной эпохи. Обыкновенно главный недостатокъ первыхъ статей состоитъ въ длиннотѣ и многословіи; иногда въ такой статьѣ почти ничего не говорится о книгѣ, на которую она написана, но насказано много иногда и хорошаго, но всегда некстати, о предметахъ, во-

все чуждыхъ разбираемой книгѣ. Г. Дудышкинъ умѣлъ избѣжать этихъ недостатковъ; видно, что онъ взялся за дѣло съ готовымъ уже содержаніемъ въ головѣ, вполнѣ владѣетъ своею мыслію, не даетъ ей разбѣгаться или увлекать его то въ ту, то въ другую сторону; но постоянно держитъ ее на данномъ предметѣ, и оттого начинаетъ съ начала и оканчиваетъ въ концѣ, говоритъ вмѣру и потому вполнѣ знакомитъ читателя съ предметомъ, о которомъ пишетъ. Мы не можемъ говорить обо всѣхъ критическихъ статьяхъ, напечатанныхъ въ «Современникѣ» прошлаго года: близость къ этому журналу нѣкоторыхъ лицъ, которымъ принадлежатъ статьи, не позволяетъ намъ этого. И потому мы должны только ограничиться указаніемъ на статьи: «Послѣдніе романы Жоржа Санда», г. Кронеберга; «Историческая литература во Франціи и Германіи въ 1847 году», г. Грановскаго; «Опытъ о народномъ богатствѣ или о началахъ политической экономіи», соч. г. Бутовскаго (три статьи г. Милютина); статья г. Кавелина объ «Исторіи отношеній между князьями Рюрикова дома», соч. С. Соловьева. Замѣтимъ къ этому, что «Современникъ» представлялъ постоянно полные отчеты о всѣхъ замѣчательныхъ явленіяхъ по части русской исторіи. Но вмѣстѣ съ этимъ «Современникъ» долженъ сказать, что, по причинамъ, вовсе независящимъ отъ редакціи, онъ въ другихъ отношеніяхъ не совсѣмъ соотвѣтствовалъ ожиданію публики по части критики. Но въ нынѣшнемъ году онъ надѣется дать этому отдѣлу гораздо больше полноты и развитія.

Русская критика стоитъ теперь на болѣе прочномъ основаніи; она уже не въ однихъ журналахъ, но и въ публикѣ, вслѣдствіе все болѣе и болѣе развивающагося вкуса и образованности. Это чрезвычайно должно благопріятствовать развитію самой критики: она уже дѣло, подлежащее суду общественнаго мнѣнія, а не книжное, не имѣющее связи

съ жизнію занятіе. Теперь уже не всякому можно быть критикомъ, кому только вздумается, не всякое мнѣніе примется потому только, что оно печатное. Пристрастіе партій не можетъ уже убить хорошей книги и дать ходъ дурной. Въ критикѣ нынѣшней часто слышится убѣжденіе, и люди вовсе его неимѣющіе стараются по крайней мѣрѣ прикрываться имъ. Борьба мнѣній, выражающаяся въ критикѣ, свидѣтельствуетъ, что русская литература только быстро подвигается къ совершеннолѣтію, но еще не достигла его. Конечно, вездѣ есть люди, которые какъ-будто самою природою назначены всѣхъ затрогивать, ко всѣмъ прицѣпляться, всѣхъ хулить, безпрестанно заводить ссоры, шумъ, брань. Кромѣ природной наклонности, ни чѣмъ не побѣдимой, ихъ побуждаетъ къ этому и раздраженное самолюбіе и мелкіе личные интересы, нисколько не относящіеся къ литературѣ. Такіе люди — всюду зло неизбѣжное, имѣющее даже свою полезную сторону: эти люди добровольно берутъ на себя ту роль передъ обществомъ, которую Спартанцы заставляли играть илотовъ передъ своими дѣтьми... Но странно и прискорбно, что въ тонъ этихъ людей безпрестанно впадаютъ люди, повидимому, неимѣющіе ничего съ нами общаго, дѣйствующіе какъ-будто на основаніи какихъ-то дорогихъ имъ убѣжденій, наконецъ люди, своимъ общественнымъ положеніемъ, лѣтами, извѣстностью обязанные подавать въ литературѣ примѣръ хорошаго тона и уваженія къ приличію. Вотъ нѣсколько самыхъ свѣжихъ примѣровъ.

Въ 1 № «Сына Отечества» за прошлый годъ былъ напечатанъ разборъ лекцій г. Шевырева. Въ этой статьѣ было сказано и доказано, что трудъ г. Шевырева — «прекрасный замокъ, построенный изъ облаковъ; очаровательная утопія, обращенная назадъ». Это относится болѣе къ теоретической части лекцій; въ фактической же рецензія видитъ только компиляцію. Рецензентъ «Сына Отечества» скрылъ свое имя, но не скрылъ своей учености, своего зна-

комства съ византійскими и болгарскими источниками. Поэтому статья его такъ сильно подѣйствовала на г. Шевырева, что онъ не прежде, какъ черезъ годъ, нашелся въ состояніи отвѣчать на нее. Чѣмъ сильнѣе было нападеніе на г. Шевырева, тѣмъ больше достоинства должно было ожидать отъ его защищенія. Такъ ли поступилъ г. Шевыревъ? Прежде всего онъ изъявилъ свое неудовольствіе, что критикъ «Сына Отечества» скрылъ свое имя, какъ-будто бы тутъ дѣло идетъ объ именахъ, а не о наукѣ, не объ идеяхъ, не объ убѣжденіяхъ. Вѣроятно подъ вліяніемъ своего неудовольствія на эту досадную ему безъименность, г. Шевыревъ ни съ того, ни съ сего напалъ на г. Надеждина. Онъ называетъ его иронически «сей ученый мужъ», «высокоученымъ филологомъ», глумится надъ его мнѣніями о славянскихъ нарѣчіяхъ, ни мало не подозрѣвая, что его аттическая соль сильно сбивается на славянскій бузунъ. Можно и должно опровергать чужія мнѣнія, если они вамъ кажутся несправедливыми; но это слѣдуетъ дѣлать, во первыхъ, кстати, во вторыхъ — съ уваженіемъ къ приличію. Г. Шевыреву не худо было бы не забывать, что онъ ученый, что онъ въ русской литературѣ пользуется по крайней мѣрѣ двадцатилѣтнею извѣстностію, и что все это обязываетъ его быть для молодыхъ литераторовъ примѣромъ положительнымъ, а не отрицательнымъ. Не мѣшало бы также г. Шевыреву вспомнить, что г. Надеждинъ нѣкогда былъ его товарищемъ по университету, такимъ же, какъ онъ, профессоромъ. Но г. Шевыревъ вовсе лишенъ того литературнаго спокойствія, которое составляетъ силу людей, развившихся наукою и опытомъ жизни; онъ, напротивъ, въ литературѣ безпокоенъ и тревоженъ, и оттого безпрестанно вдается въ крайности и промахи, свойственные молодымъ людямъ, только что бросившимся въ литературную дѣятельность со школьной скамьи. Вотъ еще примѣръ: говоря объ извѣстномъ бывшемъ сотрудникѣ «Отечественныхъ Записокъ», работающемъ

теперь въ «Современникѣ», г. Шевыревъ позволилъ сказать себѣ о немъ, что онъ «измѣнилъ знаменамъ Отечественныхъ Записокъ»! Не есть ли эта фраза слѣдствіе тревожнаго и раздражительнаго состоянія, о которомъ мы говорили? Неужели г. Шевыревъ самъ вѣритъ своимъ словамъ? Нѣтъ, ему хотѣлось кольнуть противника, и онъ забылъ, что колютъ правдой, а не вымысломъ. Человѣкъ, о которомъ онъ говоритъ, сдѣлалъ дѣло очень естественное: онъ счелъ за удобнѣйшее и лучшее для себя помѣщать свои статьи въ другомъ журналѣ, и на это имѣлъ полное право, потому что не считаетъ себя прикрѣпленнымъ ни къ какому журналу. Къ числу такихъ же его выходокъ принадлежитъ и безпрестанно повторяемая многими мысль, будто бы Гоголь отреченіемъ отъ своихъ прежнихъ сочиненій поставилъ насъ въ затруднительное положеніе, такъ что мы не знаемъ, что̀ и дѣлать. Больше году прошло послѣ появленія этой книги, мы уже нѣсколько разъ говорили о сочиненіяхъ Гоголя въ томъ же духѣ, въ какомъ говорили о нихъ до появленія его книги. Вообще мы всегда хвалили сочиненія Гоголя, а не самого Гоголя; хвалили ихъ ради ихъ самихъ, а не ради ихъ автора. Его прежнія сочиненія и теперь для насъ то же, чѣмъ были и прежде; намъ нѣтъ нужды до того, что̀ теперь думаетъ Гоголь о своихъ прежнихъ сочиненіяхъ. Но самая болѣзненная выходка г. Шевырева касается Искандера: крайне неспокойное отношеніе духа г. Шевырева къ этому автору заставило его взять на себя тонъ вовсе не литературный; онъ выписалъ изъ романа «Кто виноватъ»? всѣ фразы и слова, въ которыхъ ему захотѣлось увидѣть искаженіе русскаго языка. Нѣкоторыя изъ этихъ фразъ и словъ дѣйствительно могутъ быть подвергнуты осужденію; но бо̀льшая часть доказываетъ только нелюбовь г. Шевырева къ Искандеру. Не понимаемъ, когда находитъ г. Шевыревъ время заниматься такими мелочами, достойными трудолю-

бія только извѣстнаго блаженной памяти профессора элоквенціи и хитростей піитическихъ! А что если кому-нибудь придетъ въ голову мысль выписывать изъ статьи г. Шевырева цѣлые періоды, въ родѣ слѣдующаго: «А что теперь иной русской душѣ, не понимающей настоящаго смысла древней русской жизни, кажется исключительно византійскимъ и какимъ-то мистическимъ и теоретическимъ мудрованіемъ, и даже мелочнымъ умозрѣніемъ, то, что въ себѣ содержитъ самыя простыя и высочайшія истины, такъ это ничего другаго не значитъ какъ только то, что та русская душа расторгла союзъ съ коренными основами жизни русскаго народа и уединилась въ свою отвлеченную личность, изъ тѣсныхъ рамокъ которой видитъ собственно свои призраки, а не дѣло». Впрочемъ, въ такомъ періодѣ мы не можемъ видѣть искаженіе русскаго языка; а видимъ только искаженіе языка г. Шевырева, и конечно въ этомъ отношеніи къ Искандеру надо быть строже, какъ къ писателю съ вліяніемъ; но все-таки придираться къ такимъ мелочамъ, значитъ обнаруживать больше нелюбви къ противнику, нежели любви къ русскому языку и литературѣ, и грозить издалека своему противнику шпилькой или булавкой, когда нѣтъ возможности достать его копьемъ.

Въ прошломъ году вниманіе критики было преимущественно занято «Перепискою Гоголя съ друзьями». Можно сказать, что память объ этой книгѣ и теперь поддерживается только статьями о ней. Лучшая изъ статей противъ нея принадлежитъ Н. Ф. Павлову. Въ своихъ письмахъ Гоголю онъ сталъ на его точку зрѣнія, чтобъ показать его невѣрность собственнымъ своимъ началамъ. Тонкость мысли, ловкость діалектики, при изложеніи въ высшей степени изящномъ, дѣлаютъ письма Н. Ф. Павлова явленіемъ образцовымъ и совершенно особымъ въ нашей литературѣ. Жаль, если все дѣло кончится тремя письмами!

Извѣстный книгопродавецъ нашъ, г. Смирдинъ, своими изданіями русскихъ авторовъ приготовилъ и намѣренъ еще больше приготовить труда и хлопотъ русской критикѣ. Онъ уже издалъ Ломоносова, Державина, Фонъ-Визина, Озерова, Кантемира, Хемницера, Муравьева, Княжнина и Лермонтова. Въ одной газетѣ было говорено о скоромъ выходѣ въ свѣтъ сочиненій Богдановича, Давыдова, Карамзина и Измайлова. Тамъ же увѣряли, что вслѣдъ за ними поступятъ въ печать: «Исторія Государства Россійскаго» Карамзина, сочиненія императрицы Екатерины II, сочиненія Сумарокова, Хераскова, Тредьяковскаго, Кострова, князя Долгорукова, Капниста, Нахимова, Нарѣжнаго,— и что сверхъ того приступлено къ пріобрѣтенію права на изданіе сочиненій Жуковскаго, Батюшкова, Дмитріева, Гнѣдича, Хмѣльницкаго, Шаховскаго и Баратынскаго. Довольно работы критикѣ! Пусть каждый выскажетъ свое мнѣніе, не безпокоясь о томъ, что другіе думаютъ не такъ, какъ онъ. Надо имѣть терпимость къ чужимъ мнѣніямъ. Нельзя заставить всѣхъ думать одно. Опровергайте чужія мнѣнія, несогласныя съ вашими, но не преслѣдуйте ихъ съ ожесточеніемъ потому только, что они противны вамъ, не старайтесь выставлять ихъ въ невыгодномъ для нихъ свѣтѣ не въ литературномъ отношеніи. Это плохой разсчетъ: желая выиграть больше простору вашимъ мнѣніямъ, вы, можетъ-быть, этимъ самымъ лишите ихъ всякой почвы.

ВТОРОЕ ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ МАРЛИНСКАГО. *Изданіе четвертое. Четыре тома. Спб. 1847.*

Марлинскій во многихъ отношеніяхъ лицо замѣчательное въ нашей литературѣ. Немногіе писатели имѣли такой обширный кругъ читателей, пользовались такою повсе-

мѣстною, громкою извѣстностью, какъ Марлинскій. Появленіе новой повѣсти, статьи его въ журналѣ было всегда важнымъ литературнымъ событіемъ, приводило въ движеніе всѣхъ охотниковъ до чтенія. Марлинскій обратилъ на себя общее вниманіе съ перваго своего появленія на литературное поприще. Съ тѣхъ поръ литературная извѣстность росла съ чудовищною быстротою. Наконецъ геніальность его была признана всѣми единодушно и безусловно. Могли сомнѣваться въ Пушкинѣ, находить въ немъ недостатки, даже оспоривать его самостоятельность и великое значеніе для русской литературы; насчетъ Марлинскаго такой скептицизмъ казался невозможнымъ. Онъ имѣлъ большое вліяніе на литературу, породилъ цѣлую школу, которая еще больше возвышала его достоинство, потому-что переняла и довела до крайности одни его недостатки. И вдругъ эта огромная слава пала въ короткое время, во всемъ своемъ блескѣ, во всей своей силѣ.... Такъ иногда умираетъ внезапно человѣкъ крѣпкій, цвѣтущій здоровьемъ и силою.... Мнѣніе публики вдругъ раздѣлилось на двѣ крайнія стороны; одни никакъ не могли разстаться съ прежнимъ понятіемъ о Марлинскомъ, другіе уже видѣли въ немъ только блестящаго фразёра, бездарность, ловко поддѣлавшуюся подъ талантъ. Теперь уже и не спорятъ о Марлинскомъ, никто на него не нападаетъ, никто его не защищаетъ; въ спорахъ за новую литературу, поборники стараго не ссылаются на Марлинскаго, не хвалятъ его; онъ какъ-будто вовсе забытъ. Онъ пролетѣлъ въ литературѣ яркимъ метеоромъ, который на минуту ослѣпилъ всѣмъ глаза и — исчезъ безъ слѣда....

И однакожь Марлинскій былъ писатель не только съ талантомъ, но и съ замѣчательнымъ талантомъ, не чуждымъ даже оригинальности и силы. Блестящій умъ, многосторонняя образованность, знакомство съ наукой еще болѣе возвышали этотъ талантъ. Но человѣкъ—машина многосложная.

въ которой каждая сторона имѣетъ вліяніе на другую, усиливая или ослабляя ее. Страсть къ блеску, къ эффекту была ахиллесовскою пяткою натуры Марлинскаго, лишила его талантъ развитія, способности идти впередъ и наложила на него характеръ легкости и хрупкости. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые не бросятся въ опасность, но обойдутъ ее, если можно рисковать погибнуть не на глазахъ удивляющейся толпы, и, напротивъ, готовы искать опасности, создать ее себѣ, смѣло броситься, впереди всѣхъ, на явную и неизбѣжную гибель, когда они знаютъ, что на нихъ смотрятъ, что будетъ кому удивляться имъ, разсказывать о ихъ подвигѣ... Это отражается въ каждой строкѣ, написанной Марлинскимъ. Сущность предмета, его глубина, его истина никогда не занимаютъ его; онъ весь во внѣшней его сторонѣ, которая брасается въ глаза. Трескъ и блескъ—это были его вдохновители, и онъ былъ ихъ искреннимъ пѣвцомъ. Поразить съ яркостію молніи, увлечь съ быстротою потока, не дать читателю опомниться, вдуматься: вотъ его любимая манера. Онъ дѣйствуетъ на читателя какъ черкесскій наѣздникъ, настигаетъ и схватываетъ его прежде, чѣмъ тотъ пойметъ, въ чемъ дѣло и что съ нимъ случилось. Марлинскій любилъ рисовать преимущественно ту сторону страстей и чувствъ человѣческихъ, которая знакома большинству, которая всѣмъ равно бросается въ глаза.

Литературное свое поприще онъ началъ прекрасно. Его обзоры русской словесности отличались умомъ, новостію взгляда, блестѣли яркими сравненіями, увлекали живымъ, краснорѣчивымъ изложеніемъ. Въ нихъ видѣнъ былъ даровитый литераторъ, человѣкъ съ познаніями, со вкусомъ и образованіемъ, и кромѣ того, свѣтскій, человѣкъ, чуждый школярности и педантизма, чопорности и щепетильности. Первые его повѣсти и разсказы были необыкновеннымъ явленіемъ въ русской литературѣ того времени. Они такъ не

походили на прежніе опыты въ этомъ родѣ, такъ были новы, свѣжи, ярки, оригинальны и отличались такою, въ сравненіи съ ними, естественностію и натуральностію, что въ то время никто не могъ замѣтить фразистости ихъ выраженія, мелодраматизма ихъ содержанія, преобладанія внѣшняго и блестящаго надъ внутреннимъ и спокойно прекраснымъ. Такой успѣхъ могъ ослѣпить всякаго. Въ Марлинскомъ мало было глубокости, но много было огня. Природа не дала ему генія, а онъ хотѣлъ дѣйствовать какъ геніяльный человѣкъ. Такая роль всегда сбиваетъ человѣка съ толку и не даетъ ему ни возвыситься до своихъ настоящихъ средствъ, ни идти по своей настоящей дорогѣ. Съ прекраснымъ талантомъ, которымъ такъ нескупо одарила его природа, онъ могъ бы идти впередъ, постепенно отдѣлываться отъ ложной и переходить къ истинной манерѣ. Правда, тогда некому было увлечь его собственнымъ примѣромъ. Пушкинъ писалъ стихами, и повѣстей въ прозѣ лучше Марлинскаго не было въ нашей литературѣ. Но онъ могъ бы постепенно измѣняться къ лучшему въ своей собственной дорогѣ, постепенно совершенствоваться въ своей собственной колеѣ. Но этому рѣшительно препятствовала его страсть къ эффекту. Онъ вѣчно вертѣлся около однихъ и тѣхъ же характеровъ, однихъ и тѣхъ же мотивовъ. Оттого всѣ герои его повѣстей какъ двѣ капли воды похожи другъ на друга и разнятся только именами. Однообразіе его повѣстей невыносимо скучно. Желаніе блестѣть заставляло его усиливать и природное свое остроуміе, становить на дыбы страсть и чувство, дѣлать вычурнымъ и натянутымъ и безъ того ярко пестрый слогъ,—словомъ, вдаться во всѣ крайности фразёрства. Но Марлинскій никогда не былъ холоднымъ и сухимъ фразёромъ, исключая развѣ немногихъ слабыхъ и неудачныхъ его произведеній. Напротивъ, вездѣ видѣнъ въ немъ фразёръ живой, страстный, пламенный, искренній, который писалъ не потѣя, не ходилъ въ кар-

манъ за словомъ, не ломалъ головы надъ фразою, но едва успѣвалъ класть ихъ на бумагу, по которой перо его скользило съ быстротою паровоза. Только въ его увлеченіи, въ его страстности, въ его блестящихъ, эффектныхъ картинахъ видно больше какого-то опьяненія, какъ-будто отъ пріема опіума, нежели истиннаго вдохновенія. Отсюда происходитъ внутренняя напряженность, натянутость его слога несмотря на видимую его текучесть и легкость.

1831, 1832 и 1833 годы были апогеемъ литературной славы Марлинскаго. Въ это время были напечатаны въ «Московскомъ Телеграфѣ» его лучшія повѣсти: «Страшное Гаданье» и «Аммалатъ-Бекъ», и его знаменитый разборъ романа Полеваго: «Клятва при Гробѣ Господнемъ». Но въ это-то время онъ былъ и наканунѣ своего паденія. Еще года два, три рисовался онъ лихимъ наѣздникомъ на пространномъ полѣ нашей литературы, не подозрѣвая, что его поприще уже кончено, такъ же какъ этого не подозрѣвала и публика. Явленіе Гоголя нанесло страшный ударъ всему риторическому, блестящему снаружи, эфектному,—риторическое, и многое, что до того времени казалось верхомъ натуральности, вдругъ сдѣлалось ненатуральнымъ, Литература и вкусъ публики приняли новое направленіе. Все это оказалось вдругъ, неожиданно. Марлинскій, доселѣ шедшій, повидимому, впереди всѣхъ; вдругъ очутился назади. Его знаменитая статья о «Клятвѣ», блестящая остроуміемъ и живымъ изложеніемъ, уже показывала въ немъ отсталаго представителя умершаго романтизма, казалась шумливою битвою съ мельницами. Начали являться выходки противъ фразистости и неестественности его повѣстей. Но большинство читателей все еще было на сторонѣ Марлинскаго. Но въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго десятилѣтія новая критика сдѣлала Марлинскому рѣшительный вызовъ; бой былъ непродолжителенъ: колоссальная слава, уже подрытая въ основаніи временемъ, разлетѣлась въ минуту....

Однакожь Марлинскій навсегда останется замѣчательнымъ лицомъ въ исторіи русской литературы. Его слава и паденіе—примѣръ рѣзкій и поучительный, показывающій, какъ непрочны бываютъ иногда самые блестящіе успѣхи въ переходныя эпохи литературъ, какъ легко блестящему таланту разыгрывать въ нихъ роль генія, вожатаго вѣка.... Такіе примѣры случаются и въ литературахъ и старыхъ и богатыхъ: вспомните Виктора Гюго... Читать теперь повѣсти Марлинскаго трудно, потому-что скучно, но талантъ и притомъ замѣчательный, виденъ въ нихъ и теперь. Его сочиненія останутся навсегда любопытнымъ памятникомъ той литературной эпохи, которая такъ рѣзко отразилась въ нихъ.

Новое полное собраніе сочиненій Марлинскаго едва ли не полнѣе всѣхъ другихъ, но все-таки не совсѣмъ полно: въ немъ нѣтъ его полемическихъ, статей; печатавшихся до 1823 года въ «Сынѣ Отечества». Изданіе опрятно и даже красиво, но безтолково по раздѣленію каждаго тома на части, съ особою нумераціею. Къ чему это? Двѣнадцать частей, или четыре части,—не все ли это равно? А между тѣмъ это не нужное раздѣленіе затрудняетъ читателя въ пріисканіи статей. Досадно и грустно думать, что у насъ ни одинъ писатель не изданъ какъ слѣдуетъ.

БѢДНЫЕ ЛЮДИ. *Романъ Ѳедора Достоевскаго. Спб. 1847.*

«Бѣдные Люди» были первымъ и, къ сожалѣнію, доселѣ остаются лучшимъ произведеніемъ г. Достоевскаго. Появленіе этого романа было шумнымъ событіемъ въ нашей литературѣ. Раздались громкія похвалы и громкія порицанія, начался споръ. Въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ имя г. Достоевскаго одно занимало наши журналы. Это движеніе доказывало, что дѣло идетъ о произведеніи и талантѣ,

выходящихъ изъ ряду обыкновенныхъ явленій. Г. Достоевскій недавно напечаталъ свой новый романъ «Хозяйка», который не возбудилъ никакого шуму и прошелъ въ страшной тишинѣ. Шумъ, конечно, не всегда одно и то же съ славою, но безъ шуму нѣтъ славы. «Бѣдные люди» доставили своему автору громкую извѣстность, подали высокое понятіе о его талантѣ и возбудили большія надежды — увы! — до сихъ поръ не сбывающіяся. Это однакожь не мѣшаетъ «Бѣднымъ Людямъ» быть однимъ изъ замѣчательныхъ произведеній русской литературы. Романъ этотъ носитъ на себѣ всѣ признаки перваго, живаго, задушевнаго, страстнаго произведенія. Отсюда его многословность и растянутость, иногда утомляющія читателя, нѣкоторое однообразіе въ способѣ выражаться, частыя повторенія фразъ въ любимыхъ авторомъ оборотахъ, мѣстами недостатокъ въ обработкѣ, мѣстами излишество въ отдѣлкѣ, несоразмѣрность въ частяхъ. Но все это выкупается поразительною истиною въ изображеніи дѣйствительности, мастерскою обрисовкою характеровъ и положеній дѣйствующихъ лицъ, и—что̀, по нашему мнѣнію, составляетъ главную силу таланта г Достоевскаго, его оригинальность,—глубокимъ пониманіемъ и художественнымъ, въ полномъ смыслѣ слова, воспроизведеніемъ трагической стороны жизни. Въ «Бѣдныхъ Людяхъ» много картинъ глубоко потрясающихъ душу. Правда, авторъ подготовляетъ своего читателя къ этимъ картинамъ немножко тяжеловато. Вообще, легкость и текучесть изложенія не въ его талантѣ, что̀ много вредитъ ему. Но зато, самыя эти картины, когда дойдешь до нихъ — мастерскія художественныя произведенія, запечатлѣнныя глубиною взгляда и силою выполненія. Ихъ впечатлѣніе рѣшительно и могущественно, ихъ никогда не забудешь....

«Бѣдные Люди» вышли теперь отдѣльнымъ изданіемъ, въ небольшой красивой книжкѣ. На оберткѣ сказано: изданіе исправленное. Мы не имѣли времени сличить новаго

изданія съ старымъ и узнать, въ чемъ состоятъ «исправленія», но сколько можно догадываться по сравненію объема обоихъ изданій, должно думать, что во второмъ сдѣланы авторомъ сокращенія. Это хорошо, и романъ долженъ отъ этого много выиграть.

КИТАЙ ВЪ ГРАЖДАНСКОМЪ И НРАВСТВЕННОМЪ ОТНОШЕНІИ. *Сочиненіе монаха Іокинеа. Въ четырехъ частяхъ. Съ рисунками. Спб. 1848.*

Странное дѣло! Кажется, весь земной шаръ, или всѣ его обитаемыя людьми части, равно бы должны были представлять собою зрѣлище развитія человѣчества; а между тѣмъ эта честь предоставлена только самой малѣйшей изъ пяти частей свѣта—Европѣ. Въ недавнее время и почва сѣверной Америки сдѣлалась театромъ историческаго развитія, но его корень опять-таки въ Европѣ. Можетъ быть, что со временемъ и всѣ части свѣта примкнуться къ общему развитію человѣчества, войдутъ въ его исторію, но опять таки не иначе, какъ черезъ Европу. До сихъ же поръ, съ незапамятныхъ временъ, онѣ коснѣютъ въ нравственной неподвижности, непробуднымъ сномъ спятъ на лонѣ матери природы. Въ этомъ отношеніи, удивительнѣй всѣхъ другихъ странъ Азія. Ее считаютъ колыбелью человѣческаго рода, въ ней прежде другихъ странъ явились начатки общественности, въ ней сдѣланы первыя открытія въ ремеслахъ, искусствахъ, наукѣ въ ней родились религіи, теперь господствующія въ мірѣ, изъ нея вышли всѣ племена, заселившія Европу. И во всемъ Азія остановилась на однихъ начаткахъ, ничего не развила; не усовершенствовала, не довела до конца. Грація сложилась изъ элементовъ, выработанныхъ Азіею и Египтомъ, но она переработала всѣ эти заимствованные элементы, наложила на нихъ печать

своего національнаго духа, и прибавила къ этому элементъ, ей собственно принадлежащій. Этотъ элементъ былъ началомъ европеизма. У Грековъ у первыхъ явились понятія объ отечествѣ, государствѣ, гражданинѣ, гражданскомъ достоинствѣ, столь чуждыя для Востока. Римляне по своему развили европейское начало, перешедшее къ нимъ изъ Греціи въ до-историческія времена, и передали его новой Европѣ. Во всѣхъ столкновеніяхъ съ Азіею, Европа всегда много выигрывала въ цивилизаціи, образованіи, въ наукахъ, въ искусствахъ, ремеслахъ; Азія ничего не выигрывала отъ столкновенія съ Европою. Александръ Македонскій хотѣлъ, путемъ завоеванія, сблизить обѣ части свѣта въ образованіи и нравахъ. Но что же вышло? Персы не сдѣлались Греками, а Македоняне развратились на персидскій манеръ. По вмѣстѣ съ тѣмъ, Александръ присылалъ изъ Азіи Аристотелю экземпляры рѣдкихъ животныхъ и вывезъ изъ Индіи астрономическія таблицы. Въ эпоху крестовыхъ походовъ, вся Европа ринулась на Азію бурнымъ потокомъ. Это событіе имѣло самое сильное и благодѣтельное вліяніе на Европу и — никакого на Азію! Неподвижность — натура азіятца. Если Азіи суждено въ будущемъ цивилизоваться, то, вѣроятно, не иначе, какъ путемъ завоеванія; надобно, чтобы европейское войско, завоевавшее азіятскую страну, смѣшалось съ туземцами, и отъ этого смѣшенія произошло бы новое поколѣніе своего рода креоловъ. Въ наше время самое странное и удивительное явленіе въ Азіи есть, безъ всякаго сомнѣнія, Китай. Вотъ что̀ говоритъ объ этомъ предметѣ почтенный отецъ Іакинѳъ, въ предисловіи къ своей книгѣ.

«Въ наше время — безпрерывныхъ нововведеній въ жизни народовъ какъ въ Европѣ, такъ и на западѣ Азіи существуетъ государство, которое, по своей противоположности во всемъ съ прочими государствами, составляетъ рѣдкое, загадочное явленіе въ политическомъ мірѣ. Это — Китай, въ которомъ видимъ все то же, что есть у насъ, и въ то же время видимъ, что все это не такъ, какъ

у насъ. Тамъ люди такъ же говорятъ, но только не словами, а звуками, которые сами по себѣ, порознь взятые, не имѣютъ опредѣленнаго смысла. Тамъ имѣютъ и письмо, но пишутъ не буквами слагаемыми, а условными знаками, изъ которыхъ каждый представляетъ въ себѣ не выговоръ слова, а понятіе о вещи; въ письмѣ порядокъ строкъ ведутъ отъ правой руки къ лѣвой, но пишутъ не поперекъ, а сверху внизъ, и книгу начинаютъ на той страницѣ, на которой у насъ оканчиваютъ ее. Однимъ словомъ, тамъ много находится вещей, которыя и мы имѣемъ, но тамъ все въ другомъ видѣ.

Китай еще непонятнѣе для насъ въ другихъ противоположностяхъ. Коснемся ли его просвѣщенія—Китайцы имѣютъ свою словесность и науки, и думаютъ, что они просвѣщеннѣе всѣхъ народовъ въ свѣтѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно было бы согласиться съ ними, потому что въ Китаѣ каждый ученый, сверхъ основательности въ сужденіи о вещахъ, основательно знаетъ все, что ему нужно на поприщѣ государственной службы. Но, съ другой стороны, Китаецъ, по странному народному самолюбію, ничего не хочетъ знать, да и не знаетъ ничего, что находится и что происходитъ за предѣлами его отечества. Видя на канифасѣ ярославскій гербъ съ медвѣдемъ, стоящимъ на заднихъ ногахъ съ алебардою на плечѣ, онъ отъ всего сердца вѣритъ, что эта ткань выходитъ изъ государства, жители коего имѣютъ собачьи головы. Обратимъ ли вниманіе на законы Китая—они сорокъ вѣковъ проходили сквозь горнило опытовъ, и вылились столь близки къ истиннымъ началамъ народоправленія, что даже образованнѣйшія государства могли бы кое-что заимствовать изъ нихъ. Со всѣмъ тѣмъ нѣкоторыя злоупотребленія столь сильно укоренились, что правительство, вмѣсто истребленія оныхъ, только старается разными мѣрами облегчить зло,—неотвратимое послѣдствіе тѣхъ злоупотребленій».

Вглядитесь въ устройство этого страннаго государства,—и вамъ съ перваго взгляда можетъ показаться, что это какое-то исключеніе изъ общаго порядка азіятской жизни, что у него нѣтъ ничего общаго съ другими азіятскими государствами (за исключеніемъ Японіи), что наконецъ это чисто европейское государство. Въ немъ ничего нѣтъ оставленнаго на произволъ судьбы и людей, всѣ отношенія опредѣлены, всѣ юридическія случайности предупреждены и обсуждены, на все существуютъ положительные законы;

машина администраціи самая многосложная и вмѣстѣ съ тѣмъ правильная, строго систематическая; законы нерѣдко отзываются человѣколюбіемъ и, повидимому, представляютъ вѣрныя гарантіи жизни, чести и благосостоянію частныхъ людей всѣхъ званій, отъ высшихъ до низшихъ. Для этого есть высшія инстанціи и право апелляціи; за ходомъ правосудія въ провинціяхъ наблюдаютъ прокуроры, а въ столицѣ — прокурорская палата и самъ императоръ. Какъ въ государствахъ европейскихъ, въ Китаѣ существуютъ министерства, на коллегіяльномъ положеніи: предсѣдатель палаты каждой отдѣльной вѣтви администраціи есть министръ. Взгляните теперь на Китай въ другомъ отношеніи. Право на гражданскія должности даетъ тамъ не рожденіе, не привиллегія, а наука и образованіе. Каждый занимающій сколько-нибудь значительную должность есть непремѣнно ученый; ничему не учившійся не можетъ занимать никакой должности. Экзамены студентовъ есть дѣло государственное. Съ какой стороны ни взгляните на это дивное государство — ничего азіятскаго, Европа, да и только!

Но, увы, это только миражъ, разлетающійся прежде, чѣмъ вглядишься въ него! Это такой же призракъ, какъ и политическое могущество Китая, который, съ 400,000,000 жителей, ничего не могъ сдѣлать противъ 3,000 англійскаго войска. Всѣ эти законы и гарантіи хороши только на бумагѣ, а на дѣлѣ служатъ только къ обогащенію берущихъ взятки и утѣсненію дающихъ взятки. Китай, безъ всякаго сомнѣнія, образованнѣйшее азіятское государство, но азіятское въ полномъ смыслѣ этого слова... Государственные чины, совѣты, — все это пустая формальность; тутъ главное — церемоніи. Самая вѣрная гарантія при судопроизводствѣ — взятки. Этого не могъ скрыть даже почтенный отецъ Іакинѳъ, вообще какъ нельзя нѣжнѣе расположенный въ пользу поднебеснаго государства. Напримѣръ,

говоря о пыткахъ (варварскихъ и утонченно жестокихъ), онъ прибавляетъ для смягченія эффекта: «Но сіи пытки употребляются въ такомъ только случаѣ, когда въ важномъ какомъ-либо дѣлѣ всѣ улики говорятъ противъ преступника или преступницы, а они упорствуютъ въ признаніи» (Ч. I, стр. 20). Хорошо оправданіе! Нѣтъ ужь, по нашему мнѣнію, гораздо лучше пытка безъ изъятій; по крайней мѣрѣ дѣло наголо, искренно — знаешь, чего держаться! Чиновники отъ 1-го до 6-го класса подвергаются пыткѣ только съ разрѣшенія государя. «Иногда — добродушно замѣчаетъ почтенный отецъ Іакинѳъ — судьи, по своему произволу, употребляютъ разныя маловажныя пытки» (тамъ же). Это «иногда» словцо небольшое, а много значитъ: именно ни больше, ни меньше, какъ то, что подсудимый есть безотвѣтная и беззащитная жертва судьи, и если имѣетъ средства, не пожалѣетъ никакой «взятки», чтобы иногда избавить себя отъ пытки, маловажной совсѣмъ не для того, кто ей подвергается... Легко сказать «маловажная пытка»! когда пытаютъ сю не насъ... Нѣтъ, не легко, или если легко, то не для всякаго сказать такое ужасное слово!... Судьи за неправосудіе подвергаются суду, ихъ не дерутъ планкою (чудесный инструментъ, обстоятельно описанный почтеннымъ отцомъ Іакинѳомъ), а наказываютъ пониженіемъ чина, вычетомъ изъ жалованья, отставкою, ссылкою, смертною казнію, а по спинѣ лупятъ только въ экстренныхъ случаяхъ. Но что это за гарантія? Низшихъ чиновниковъ судятъ высшіе—рука руку моетъ, обѣ чисты бываютъ, а нето — исправленіе, но не за вину, а за непредставленіе достаточныхъ доказательствъ невинности золотыми и серебряными слитками. Взяточничество — основа китайскаго судопроизводства. Тамъ это уже не злоупотребленіе, не порокъ, не язва общественнаго тѣла (язва можетъ быть только на здоровомъ тѣлѣ, а не на такомъ, которое все — язва).

свѣдѣній по этой части рекомендуемъ искать не въ книгахъ почтеннаго отца Іакинѳа (онъ только вскользь и въ общихъ выраженіяхъ говоритъ объ этой части), а въ небольшихъ статьяхъ, печатавшихся въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1841—1843 годовъ, подъ заглавіемъ «Поѣздка въ Китай» псевдонима Дэ-мина. Это человѣкъ, прожившій въ Китаѣ шесть лѣтъ и знающій китайскій языкъ и китайскую грамоту, но съ понятіями и взглядами вовсе не китайскими. Почтенный отецъ Іакинѳъ показываетъ намъ болѣе Китай оффиціяльный, въ мундирѣ и съ церемоніями; Дэ-минъ показываетъ намъ болѣе Китай въ его частной жизни, Китай у себя дома, въ халатѣ на распашку. Дэминъ ничего не скрываетъ; человѣкъ болтливый и откровенный, онъ не держался русской пословицы—«изъ избы сору не выносить» и разсказалъ намъ, что всѣ важныя мѣста въ Китаѣ на откупу, т. е. даются «за взятки». Вотъ его собственныя слова: «можетъ-быть вы спросите, гдѣ взять бѣдному задолжавшему чиновнику такую значительную сумму на полученіе мѣста и—что̀ еще важнѣе—на уплату всѣхъ долговъ передъ выѣздомъ изъ столицы, равно и на то, чтобы пріѣхать къ мѣсту новаго служенія съ должною возможностью. Но вы не знаете Китая, великаго Китая, съ его 400,000,000 населенія, если думаете, что въ 4000 лѣтъ его существованія, такая важная отрасль государственнаго управленія, какъ взяточничество, не приведена тамъ въ надлежащую систему.» Затѣмъ онъ разсказываетъ, что въ Пекинѣ есть ростовщики, которые заплатятъ и долги чиновника, и цѣну мѣста, и дадутъ денегъ на дорогу, разумѣется, за страшные проценты; а ростовщикамъ выплачиваютъ подчиненные новаго «право суднаго» чиновника, т. е. иногда цѣлыя провинціи.

Изчисленіе родовъ китайскихъ преступленій даже у почтеннаго отца Іакинѳа хоть кого приведетъ въ ужасъ; о безчеловѣчіи казней нечего и говорить. Все это свидѣ-

тельствуетъ о нравственности народа. Лицемѣріе, лукавство, ложь, притворство, униженіе — натура Китайца. И какъ быть иначе тамъ, гдѣ церемонія поглощаетъ всю духовную жизнь народа, гдѣ младшій непремѣнно долженъ удивляться уму и добродѣтели старшаго, хотя бы тотъ былъ глупѣе осла и грѣшнѣе козла? Вся жизнь Китайца, словно пеленками, связана церемоніями. Стоновиться на колѣни и бить поклоны — это его священная обязанность. Что за гибкіе должны быть хребты у этого народа! Храбрость Китайца извѣстна всему міру: это урожденный трусъ. Китайское войско можетъ съ успѣхомъ воевать только развѣ съ китайскимъ же войскомъ. Слабость правительства простирается до того, что оно трепещетъ морскихъ разбойниковъ изъ собственныхъ подданныхъ и, чтобы предохранить себя отъ нихъ, стѣсняетъ морскую торговлю и частное мореходство. О китайской учености нечего и говорить: даже самъ почтенный отецъ Іакинѳъ о ней очень невысокаго мнѣнія. Куда ни обернись, всюду миражи и призраки. Китай силенъ, но держится пока — съ сѣвера миролюбіемъ Россіи, а съ юга — боязнію Англіи обременять себя дальнѣйшими завоеваніями....

Откуда эти противорѣчія, гдѣ ихъ источникъ? Китай — страна неподвижности; вотъ ключъ къ разгадкѣ всего, что въ немъ есть загадочнаго, страннаго. Тутъ ничего нѣтъ, проникнутаго идеей государственнаго и народнаго развитія; все держится на закоснѣломъ обычаѣ. . . . .

Книга почтеннаго отца Іакинѳа — истинное сокровище для ученыхъ, по богатству важныхъ фактовъ. Она можетъ до извѣстной степени годиться и для публики, несмотря на ея слогъ и изложеніе, несмотря на то, что первая часть, въ память пресловутаго на Руси мужа Михайлы Меморскаго, написана въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Но главный ея недостатокъ — замашки автора дѣлать параллели между Европою и Китаемъ, наивныя до смѣшнаго! Напри-

мѣръ, онъ сравниваетъ государственные чины въ Китаѣ съ англійскими лордами и французскими перами. Смѣемъ увѣрить почтеннаго отца Іакинѳа, что тутъ нѣтъ никакого сходства, а есть только безконечная разница. По всему видно, что почтенный отецъ Іакинѳъ знаетъ Китай гораздо лучше Европы. Что же касается до его умолчаній и смягченій въ пользу нѣжно любимыхъ имъ Китайцевъ, — мы не считаемъ ихъ важнымъ недостаткомъ въ его книгѣ: факты говорятъ сами за себя, и истина сама такъ и бросается въ глаза. Прочтя книгу почтеннаго отца Іакинѳа, никто не сдѣлается хинофиломъ... напротивъ!

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА СЪ ЗАМѢТКАМИ О ДАНІИ, ГЕРМАНІИ, ГОЛЛАНДІИ И БЕЛЬГІИ. *Николая Греча. Спб. 1847.*

Вотъ мы, кажется, и выбрались изъ Китая, пріѣхали въ Парижъ, а намъ все кажется, что мы еще въ Китаѣ... И не удивительно: начитавшись о бамбуковыхъ планкахъ, большихъ и малыхъ, о стискиваніи у мущинъ ножныхъ лодыжекъ, а у женщинъ—четырехъ пальцевъ на рукѣ, о разрываніи тѣла живаго человѣка на куски желѣзными щипцами,—мы долго не могли выбросить изъ головы этихъ предметовъ, столько же унизительныхъ для человѣческаго достоинства, сколько и страшныхъ. Мы думали о томъ, какъ мало жестокія казни достигаютъ своей цѣли — удерживать людей отъ преступленій. Онѣ только ожесточаютъ ихъ... Исполненные такихъ-то филантропическихъ, гуманныхъ мыслей, мы развернули книгу г. Греча и случайно напали сразу на мѣсто, гдѣ онъ такъ искренно грустить о томъ, что во Франціи не сѣкутъ взрослыхъ людей розгами... (стр. 58). Полные нашихъ мыслей, мы подумали было, что все еще бесѣдуемъ съ почтеннымъ отцомъ Іа-

киноомъ о Китаѣ, и насилу взяли въ толкъ, что мы давно уже разгуливаемъ съ почтеннымъ г. Гречемъ по Парижу. Развернули книгу въ другомъ мѣстѣ и—опять попали прямо въ Пекинъ! Г-нъ Гречъ патетически описываетъ, какъ г-на Серве, съ которымъ онъ гулялъ за городомъ, не пропустилъ сторожъ въ ворота города, потому-что за нимъ человѣкъ несъ скрипку въ футлярѣ. Въ Брюсселѣ есть октруа, т. е. запрещеніе провозить въ городъ безъ пошлины съѣстные припасы; поэтому всѣ ноши осматриваются; но наши гуляющіе попали въ такія ворота, гдѣ не было таможни, и имъ, естественно, сторожъ посовѣтовалъ идти въ другія. Тогда г. Серве закричалъ, по увѣренію г. Греча, слѣдующее: «Вотъ ваша хваленая законность и свобода! Всякій пьяница можетъ, подъ самымъ ничтожнымъ предлогомъ, остановить и оскорбить порядочныхъ людей. Видѣли ли вы, съ какою злобною радостью этотъ пьяный негодяй смотрѣлъ на ленточку въ моей петлицѣ?» и пр. (стр. 180—181). Да что жь тутъ случилось важнаго? Сторожъ, исполняя свою обязанность, не пустилъ людей туда, куда ему не велѣно пускать ихъ!...

Принялись мы читать книгу съ начала до конца. Это было истинное путешествіе по Китаю, со стороны взглядовъ и воззрѣній почтеннаго туриста. Собственно парижскія письма, въ дополненіе ко всему прочему, показались намъ особенно скучны, какъ фёльетонное старье. Впрочемъ тѣ, которымъ путешествія по Европѣ еще не надоѣли, и старое, всѣмъ извѣстное, кажется еще новымъ,— тѣ съ удовольствіемъ прочтутъ книгу г. Греча. Она написана гладенько, легко; чего же больше для невзыскательнаго читателя?

СЕЛЬСКОЕ ЧТЕНІЕ, *издаваемое княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ и А. П. Заблоцкимъ. Книжка четвертая Спб. 1848.*

Въ послѣднее время положеніе народа всюду стало возбуждать особенное вниманіе правительствъ, обществъ, науки и литературы. Торжество божественнаго ученія Евангелія и успѣхи образованности должны были наконецъ довести до этого Европу, несмотря на царствовавшіе въ ней феодальные предразсудки и учрежденія, долго разъединявшіе государственныя сословія.

Въ Европѣ и у насъ это тотъ же вопросъ, но не тотъ его характеръ. У насъ не было завоеванія и—результата его—феодализма, стало быть, въ нашей исторіи не было борьбы двухъ враждебныхъ элементовъ, изъ которыхъ одинъ представлялся бы племенемъ завоевавшимъ, другой—покореннымъ. Отсюда, напримѣръ, система поземельной собственности у насъ совсѣмъ другая. При дворянствѣ, владѣющемъ своею землею, у насъ существуетъ многочисленный классъ свободныхъ земледѣльцевъ, владѣющихъ своею землею на комунальномъ началѣ. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ слабымъ развитіемъ мануфактурной промышленности, причиною того, что у насъ нѣтъ пролетаріата въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ въ Европѣ. Отсюда явленіе нищеты у насъ имѣетъ другой характеръ и другія причины. Оно дѣлается очевиднымъ, бросается въ глаза только при неурожаяхъ. Стало быть, это зло временное и мѣстное, которое, по обширности Россіи, никогда не можетъ быть для нея общимъ. Но тѣмъ не менѣе это зло трудно предупреждать и также трудно облегчать. И вотъ тутъ-то, стало быть, настоящее наше зло. А какія его причины? — невѣжество, старые закоренѣлые привычки и предразсудки, ложныя начала, на которыхъ опирается наше земледѣліе, неразвитость, или, лучше ска-

зать, почти не существованіе той промышленности, которой потребителемъ должна бъ быть масса народа, затруднительность сообщеній. Очевидно, что самое вѣрное лѣкарство противъ такого зла должно состоять въ успѣхахъ цивилизаціи и просвѣщенія. Путь мирный и спокойный, ручающійся за достиженіе великой цѣли общаго благосостоянія! Петръ Великій направилъ Россію на этотъ путь и указалъ ей ея цѣль; и съ тѣхъ поръ до сей минуты, она была вѣрна указаннымъ ей ея Моисеемъ пути и цѣли, вѣдомая достойными потомками великаго предка, преемниками его власти и духа... Въ отношеніи къ внутреннему развитію Россіи, настоящее царствованіе, безъ всякаго сомнѣнія, есть самое замѣчательное послѣ царствованія Петра Великаго. Только въ наше время правительство проникло во всѣ стороны многосложной машины своего огромнаго государства, во всѣ убѣжища и изгибы ея, прежде ускользавшіе отъ его вниманія, и сдѣлало ощутительнымъ благотворное вліяніе свое во всѣхъ стихіяхъ народной жизни. Общественное благоустройство, не въ одномъ административномъ, но и въ нравственномъ смыслѣ этого слова, составляетъ предметъ его особенныхъ попеченій. Старыя основы общественной жизни, которыя уже заржавѣли отъ времени и могли бы только затормозить колеса великой государственной машины и остановить ея движенія впередъ, мудро отстраняются мало-по-малу, безъ всякаго сотрясенія въ общественномъ организмѣ. Обращено особенное вниманіе на положеніе и бытъ народа и сдѣланы попытки, обѣщающія прекрасные результаты, на его, такъ сказать, воспитаніе. Вотъ истинное продолженіе великаго дѣла Петра! Это именно то самое, за что̀ бы теперь взялся самъ великій преобразователь Россіи, еслибъ онъ могъ возстать изъ гроба, и о чемъ не только въ его время, но и долго послѣ него нельзя было и думать! Не говоря о многомъ другомъ, мы, въ доказательство сказаннаго нами,

укажемъ только на учрежденіе министерства государственныхъ имуществъ.

Это просвѣщенное, вполнѣ соотвѣтствующее духу вѣка стремленіе правительства имѣло сильное вліяніе на направленіе общественнаго мнѣнія. Обнародываемыя правительствомъ статистическія свѣдѣнія, заключающія въ себѣ драгоцѣнные факты для изученія даже нравственнаго состоянія, быта и характера народа, не могли не оказать благодѣтельнаго вліянія на самую науку и не обратить ея на вопросы, представляемые русскою жизнію. Отсюда рѣзкая разница между старыми и молодыми поколѣніями: первыя толкуютъ все о политикѣ, администраціи, смотрятъ на вопросы сверху внизъ, говорятъ о развитіи промышленности, городовъ — и далѣе не идутъ; вторые понимаютъ вопросъ наоборотъ, снизу вверхъ, и скромно ограничиваются на первый случай почвою, думая, что, прежде всего не обработавши, не сдѣлавши ея способною давать плодъ, нечего заботиться о плодахъ, а эта почва для нихъ—народъ. Другими словами: послѣднія думаютъ только о тѣхъ плодахъ, которые родятся подъ открытымъ небомъ, и мало толку видятъ въ произведеніяхъ оранжерей и теплицъ....

Но теперь явилась у насъ особая порода мистическихъ философовъ, основывающихъ свое ученіе на идеѣ народности и народа. Что многочисленнѣйшій и низшій классъ въ государствѣ, обыкновенно называемый народомъ, въ противоположность обществу, подъ которымъ разумѣются среднее и высшее сословія, есть хранитель сущности духа народной жизни,—это истина несомнѣнная. Народъ - сила охранительная, консервативная; и потому во всякой коренной реформѣ, касающейся всего государства, только то дѣйствительно, что проникнетъ и въ народъ. Своею инстинктивною преданностію преданію, обычаю, привычкѣ, онъ противится всякому движенію впередъ, всякому успѣху

и медленно, съ упорствомъ поддается натиску врывающихся къ нему сверху нововведеній. Этимъ онъ, съ одной стороны, предохраняетъ само общество отъ произвольныхъ уклоненій отъ нормы народной жизни, ибо никогда не приметъ ничего несвойственнаго и, стало быть, вреднаго ей; съ другой, дѣлаетъ прочными всѣ результаты историческаго развитія, которыхъ не можетъ не принять. Непосредственное начало есть условіе всего живаго, и все сознательное и искусственное, чтобъ быть дѣйствительнымъ, а не призрачнымъ, должно имѣть свои корни въ непосредственномъ. Но все непосредственное трудно для опредѣленія и яснѣе понимается чувствомъ, какимъ-то инстинктомъ, нежели умомъ. Оттого ребенокъ всегда больше загадка, нежели взрослый человѣкъ. Оттого стихія народной жизни, то, что называется народностію, національностію, никогда не можетъ быть выговорена нѣсколькими словами. Но наши мистическіе философы, о которыхъ мы заговорили, думаютъ, что они вполнѣ разгадали и постигли тайну русской народности, на долю которой, по ихъ мнѣнію, достались любовь и синтезисъ въ пониманіи и образѣ жизни, такъ же, какъ на долю Запада, въ отличіе отъ насъ, достались вражда, анализъ и отрицаніе. Хотя нѣкоторые изъ нихъ и принимаютъ реформу Петра за необходимую, но это только увеличиваетъ путаницу и противорѣчія ихъ мистической теоріи, потому-что норма нашей жизни, по ихъ убѣжденію, только въ народѣ, и притомъ преимущественно въ народѣ до эпохи монгольскаго ига. Народъ для нихъ, стало быть, высшее откровеніе всякой истины, касающейся до сущности и формы нашей государственной жизни. Стоитъ только дѣлать всѣмъ то, что дѣлаетъ народъ, не отставать отъ него ни въ чемъ—и все пойдетъ хорошо, больше не о чемъ будетъ и заботиться. Само собою разумѣется, что всякая попытка на распространеніе просвѣщенія и образованія въ народѣ, въ ихъ глазахъ,

есть ни больше, ни меньше, какъ святотатственное посягательство на здоровье и честь народной жизни. Вотъ до какой нелѣпости можетъ довести людей самая истина, если она понята ими односторонне. Источникъ этого заблужденія заключается именно въ томъ пониманіи народа, которое мы сами сейчасъ высказали, и на которое эти господа съ торжествомъ могли бы указать, какъ на свое оправданіе. Но это только одна сторона предмета. Мы не знаемъ доселѣ ни одного народа, котораго развитіе и ходъ впередъ не были бы основаны на раздѣленіи народной жизни на народъ и общество. Этого раздѣленія нѣтъ у азіятскихъ коснѣющихъ народовъ, ибо у нихъ раздѣляютъ народъ касты, привиллегіи, но не просвѣщеніе и образованіе. Начиная съ Грековъ, родоначальниковъ европейской цивилизаціи, у всѣхъ европейскихъ народовъ высшія сословія были представителями образованія и просвѣщенія, по крайней мѣрѣ, вездѣ то и другое начиналось съ нихъ и отъ нихъ шло и къ народу. Безъ этихъ высшихъ сословій, которымъ обезпеченное положеніе и присвоенныя права давали возможность обратить свою дѣятельность на предметы умственные, народы навсегда остались бы на первобытной степени ихъ патріархальнаго быта. Ученые и художники большею частію вездѣ выходили изъ народа, но не къ народу обращались они. Правда, во времена всеобщаго невѣжества, напримѣръ, въ мрачной ночи среднихъ вѣковъ, ученые въ особенности составляли особую касту, равно чуждую и народу и обществу, и съ той и другой стороны могли ожидать для себя только обвиненія въ чернокнижничествѣ и костра. Но когда мракъ невѣжества началъ разсѣеваться, къ кому обратились служители науки? кто принялъ въ нихъ участіе? — среднія и высшія сословія, а не народъ. Что̀ касается до искусствъ, они всегда существовали и поддерживались высшими сословіями. Стало-быть, это раздѣленіе народа на классы было

необходимо для развитія человѣчества. Личность внѣ народа есть призракъ, но и народъ внѣ личности есть тоже призракъ. Одно условливается другимъ. Народъ — почва, хранящая жизненные соки всякаго развитія; личность — цвѣтъ и плодъ этой почвы. Развитіе всегда и вездѣ совершалось черезъ личности, и потому-то исторія всякаго народа такъ похожа на рядъ біографій нѣсколькихъ лицъ. Исторія показываетъ, какъ часто случалось, что одинъ человѣкъ видѣлъ дальше и понималъ лучше всего народа то, что̀ нужно было народу; одинъ боролся съ нимъ и побѣждалъ его сопротивленіе, и самимъ народомъ причислялся потомъ за это къ числу его героевъ. Бывали и такіе народы, которые не стоили одного человѣка; по крайней мѣрѣ для насъ вымышленный или истинный Анахарсисъ гораздо лучше всѣхъ Скиѳовъ, его недостойныхъ соотечественниковъ.

Итакъ, очевидно, что раздѣленіе на классы было необходимо и благодѣтельно для развитія всего человѣчества, и что выйдти изъ привычекъ и обычаевъ простаго народа совсѣмъ не значитъ выйдти изъ стихіи народной жизни въ какую-то пустоту и отвлеченность и сдѣлаться призракомъ. Одинъ народъ, разумѣя подъ этимъ словомъ только людей низшихъ сословій, не есть еще нація: націю составляютъ всѣ сословія. Люди, которые презираютъ народъ, видя въ немъ только невѣжественную и грубую толпу, которую надо держать постоянно въ работѣ и голодѣ, такіе люди теперь не стоютъ возраженій: это или глупцы, или негодяи, или то и другое вмѣстѣ. Люди, которые смотрятъ на народъ человѣчнѣе, но думаютъ, что, по причинѣ его невѣжества и необразованности, онъ не заслуживаетъ изученія, и что вовсе нечему учиться у него, такіе люди, конечно, ошибаются, и съ ними мы готовы всегда спорить. Но еще больше ихъ ошибаются тѣ, которые думаютъ, что народъ нисколько не нуждается въ урокахъ

образованныхъ классовъ, и что онъ можетъ отъ нихъ только портиться нравственно. Нѣтъ, господа мистическіе философы, нуждается, да еще какъ! Народъ — вѣчно ребенокъ, всегда несовершеннолѣтенъ. Бываютъ у него минуты великой силы и великой мудрости въ дѣйствіи, но это минуты увлеченія, энтузіазма. Но и въ эти рѣдкія минуты онъ добръ и жестокъ, великодушенъ и мстителенъ, человѣкъ и звѣрь. Никакая личность не сравнится съ нимъ, въ эти минуты, ни въ способности ясновидѣть истину, ни въ способности грубо заблуждатся, ни въ добрѣ ни въ злѣ, ни въ геніяльности, ни въ ограниченности. Это сила природная, естественная, непосредственная, великая и ничтожная, благородная и низкая, мудрая и слѣпая въ ея торжественныхъ проявленіяхъ. Это — море, величественное и въ тишинѣ и въ бурѣ, но никогда не зависящее отъ самого себя, никогда не управляющее само собою: вѣтеръ его повелитель....

Просвѣщеніе и образованіе никогда не могутъ лишить народъ его силы и очень могутъ исправить или по крайней мѣрѣ смягчить его недостатки. Звѣрь родится почти готовымъ; какъ скоро молоко матери поставило его на ноги — онъ совсѣмъ готовъ, его воспитаніе кончено. Въ устройствѣ своего тѣла и въ своемъ инстинктѣ онъ имѣетъ все, что̀ нужно для поддержанія и охраненія его существованія. Чѣмъ больше похожъ онъ на звѣря своей породы, тѣмъ онъ лучше, совершеннѣе. Человѣкъ родится въ болѣе жалкомъ и слабомъ состояніи, нежели звѣрь. Искусство, объ руку съ природой, встрѣчаетъ его у порога жизни и провожаетъ за порогъ жизни. Необходимость въ пеленкѣ, въ колыбели уже показываетъ его зависимость отъ искусственнаго, противоположнаго природѣ. Онъ все долженъ перенять отъ взрослыхъ — и языкъ, и понятія, и формы жизни. Предоставленный одной природѣ, отдаленный отъ всякой искусственности, онъ выростетъ звѣремъ, дурно воспитанный, онъ будетъ животнымъ, только

не дикимъ, а домашнимъ; но если звѣрь долженъ походить на звѣря, то человѣкъ тѣмъ болѣе долженъ быть человѣкомъ. Не потому ли обезьяны такъ и отвратительны, не въ примѣръ прочимъ животнымъ, что, будучи звѣрьми, похожи на людей. Что же можетъ быть отвратительнѣе человѣка, похожаго на звѣря? Конечно, все это нисколько не можетъ относиться ни къ какому народу, потому что всякій народъ живетъ общественною жизнію, всегда искуственною въ самой ея естественности, стало-быть никогда звѣриною. Но зато, посмотрите на вѣчно младенчествующія племена: много ли въ нихъ человѣческаго, кромѣ всегда присущей человѣческой натурѣ возможности очеловѣчиться? И сколько у инаго народа бываетъ племенныхъ дикихъ чертъ, какъ дружно уживается въ немъ человѣческое и прекрасное рядомъ съ звѣрнымъ и безобразнымъ! Ему ли не нужно воспитаніе? его ли не надо учить, просвѣщать, образовывать? Подобнымъ мыслямъ слѣдовало бы родиться только въ лѣсахъ, выходить изъ крѣпколобыхъ головъ звѣриныхъ. Человѣкъ, отдѣлившійся отъ народа образованіемъ, наблюдая и изучая народный бытъ, можетъ научить простаго человѣка лучше пользоваться тѣмъ, съ чѣмъ тотъ обращался всю жизнь свою. Онъ можетъ научить его не только употребленію барометра, въ которомъ тотъ не нуждается хоть потому, что ему не на что купить такой дорогой вещи, но уходу за скотомъ, въ которомъ тотъ очень нуждается. Мало того: узнавши что-нибудь полезное отъ народа, образованный человѣкъ можетъ возвратить народу это же самое, у него взятое пріобрѣтеніе въ улучшенномъ видѣ.

Но самъ народъ — лучшій рѣшитель этого вопроса. Бываетъ въ его жизни періодъ, иногда очень длинный, когда онъ дѣйствительно отъ всякаго нововведенія, не сообразнаго съ его привычками, отстаиваетъ себя словно отъ смерти. Но если ему суждено жить, а не прозябать рас-

тительно, другими словами: если ему суждено историческое существованіе, а не фактическое только, этотъ періодъ рано или поздно долженъ кончиться. Такъ было съ русскимъ народомъ. Назадъ тому лѣтъ пятьдесятъ, матери выли какъ по мертвымъ, провожая сыновей своихъ въ школы, — и это матери не крестьянки, а разныхъ городскихъ сословій; а теперь всякій крестьянинъ радёхонекъ возможности выучить своего сына грамотѣ. Ученье свѣтъ, неученье тьма, говоритъ онъ, и въ его глазахъ грамотный человѣкъ—существо высшаго разряда. Сдѣлай грамотный передъ безграмотнымъ подлость — послѣдній, упрекая его, всегда скажетъ: «а еще грамотный!» Только люди, дѣтски вѣрующіе въ непреложность апріорныхъ теорій и не признающіе доказательной силы фактовъ, могутъ думать, что реформа Петра не коснулась народа и, если зацѣпила его, то чисто внѣшнимъ образомъ. Это очевидная нелѣпость. Что русскіе народъ—одинъ изъ способнѣйшихъ и даровитѣйшихъ народовъ въ мірѣ,—это онъ самъ доказалъ такъ хорошо, что въ этомъ не сомнѣваются въ Европѣ даже тѣ, которые, во всемъ остальномъ, не хотятъ въ немъ видѣть что-нибудь другое, кромѣ дикаго Татарина. Способность переимчивости у русскаго народа равняется только его страсти къ переимчивости. Это его натура. Трудно было ему сдвинуться съ своей стоячести въ первый разъ, но сдвинувшись, онъ уже не можетъ не идти. Предразсудки, преданіе гораздо меньше препятствуютъ успѣхамъ его въ образованіи нежели, какъ обыкновенно думаютъ объ этомъ. Правда, русскій человѣкъ ужь такъ созданъ, что не можетъ не покоситься ни на какую новинку. Это относится не къ однимъ крестьянамъ, но и къ господамъ. Явится франтъ въ шляпѣ новаго фасона,—и насмѣшливымъ улыбкамъ нѣтъ конца; а черезъ недѣлю сами насмѣшники, глядишь, разгуливаютъ въ тѣхъ же шляпахъ. Чтò ни увидитъ русскій человѣкъ новаго у сосѣда — рѣдко удержится похаять, а перенять никогда не удержится.

Чрезвычайный успѣхъ «Сельскаго Чтенія» можетъ между прочимъ служить не послѣднимъ доказательствомъ сильной охоты нашего простаго народа, говоря его собственнымъ выраженіемъ, набираться изъ книгъ уму-разуму. Первая книжка «Сельскаго Чтенія» вышла въ 1843 году, и въ томъ же году появилась вторымъ изданіемъ; оба изданія состояли изъ 9000 экземпляровъ. Въ 1844 году вышла вторая, въ 1845 — третья книжка «Сельскаго Чтенія»; въ 1846 году вышло пятое изданіе первой и второе изданіе второй книжки. Всѣхъ экземпляровъ этого прекраснаго изданія разошлось нѣсколько десятковъ тысячъ. Оно, разумѣется, породило подражанія; но они не имѣли никакого успѣха. Не считаемъ нужнымъ болѣе распространяться объ этомъ фактѣ: о немъ много было говорено, но самъ онъ лучше всего говоритъ за себя. Скажемъ только, что безсильная злоба, безсильно выражавшаяся (вѣроятно, оттого, что духъ захватило) намеками и непрямою бранью мистическихъ почитателей народа, были тоже блестящимъ доказательствомъ, что это прекрасное изданіе вполнѣ достигло своей цѣли.

И однакожъ мы не скажемъ, чтобы въ «Сельскомъ Чтеніи» все было прекрасно, и чтобы лучше его ужъ и не могло бъ быть изданія въ этомъ родѣ. Мы предоставляемъ эту манеру хваленія извѣстнымъ «правдолюбамъ» и безпристрастнымъ противникамъ всего западнаго. Въ «Сельскомъ Чтеніи» были статьи превосходныя (особенно изъ тѣхъ, которыя написаны г. Заблоцкимъ), но были и слабыя; изданіе его имѣло свои недостатки, но все-таки было прекраснымъ изданіемъ, и доселѣ не только ничего лучшаго, но и сколько-нибудь сноснаго въ этомъ родѣ еще не являлось. Говорить о прежнихъ книжкахъ нечего, потому что писавшій эти строки и такъ уже много говорилъ о каждой книжкѣ «Сельскаго Чтенія». И потому онъ обращается прямо къ вновь вышедшей—четвертой.

Къ сожалѣнію, мы должны начать наше сужденіе о ней

съ того, что она слабѣе всѣхъ прежнихъ книжекъ. Лучшія статьи въ ней: «Хмѣль», «Сонъ и Явь», г. Даля, и «О томъ, что̀ такое животное, какъ оно живетъ, что̀ ему здорово и что̀ нездорово», г. Заблоцкаго. Первая статья—одинъ изъ лучшихъ разсказовъ г. Даля; мы читали его прежде, но для читателей «Сельскаго Чтенія» онъ тѣмъ не менѣе будетъ новостію, столько же полезною, сколько и прекрасною. О важности содержанія второй статьи обстоятельно говоритъ ея заглавіе, и намъ остается только прибавить, что изложена и написана она съ тѣмъ знаніемъ дѣла, съ тѣмъ мастерствомъ, которыя составляютъ неотъемлемую принадлежность всего, что̀ пишетъ г. Заблоцкій. Очень хороши его же маленькія статейки въ этой книжкѣ: «Не всякая пословица не мило молвится», «Пить до дна, не видать добра», «Пожалѣешь лычко, заплатишь ремешко», «Не шути огнемъ». Всѣ онѣ рѣзко отличаются своею практическою примѣнимостію къ дѣлу, всѣ касаются самыхъ существенныхъ вопросовъ въ жизни нашихъ крестьянъ. Сейчасъ видно, что у автора много не одного усердія дѣйствовать на пользу крестьянъ, но и знанія ихъ быта, умѣнія говорить съ ними. Безъ этого знанія ничего нельзя сдѣлать не только съ усердіемъ, но и съ умѣніемъ дѣлать.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ЧТЕНІИ РОМАНОВЪ. *Спб. 1847.*

Книжечка эта издана для того, чтобы показать заботливымъ отцамъ и матерямъ, какіе романы могутъ читать дѣвицы тѣхъ лѣтъ, когда ихъ «Звѣздочка» называетъ уже «дѣтьми старшаго возраста». Книжечка, какъ видите, по цѣли своей очень полезная, потому-что въ нашемъ обществѣ такіе вопросы рождаются часто. Но кто скажетъ, какіе именно мы должны читать романы? Одни и тѣ же ли романы

долженъ читать человѣкъ взрослый и юноша, однимъ и тѣмъ же ли должна интересоваться женщина, пока еще она не приняла на себя всѣхъ супружескихъ обязанностей и въ то время, когда она дѣлается матерью и съ этимъ вмѣстѣ занимаетъ новое мѣсто въ общественныхъ отношеніяхъ. У насъ, по крайней мѣрѣ, до настоящаго времени говорятъ, что дѣвица не должна того читать, что̀ можетъ читать женщина,—что молодой человѣкъ, пока онъ учится и находится въ заведеніи, можетъ вытверживать только вѣковымъ приговоромъ утвержденные отрывки изъ Корнеля, Расина, Бернардена де-Сенъ-Пьера, прозу Карамзина, стихи Ломоносова, Державина и (съ недавняго времени) нѣсколько стиховъ Пушкина. Это же почти выучиваютъ и дѣвицы. Но мы сдѣлаемъ здѣсь одинъ вопросъ: что̀ читаютъ дѣвицы, когда онѣ бракомъ освобождаются отъ надзора родительскаго, и молодые люди, когда они сходятъ съ ученическихъ скамеекъ и занимаютъ мѣста въ обществѣ? — Отъ нихъ скрывали или по крайней мѣрѣ имъ мало говорили о томъ, что̀ дѣлается въ литературѣ въ настоящее время, они жили посреди писателей XVII и XVIII вѣковъ, посреди той жизни, которая была доступна этимъ писателямъ, и вдругъ послѣ того вступаютъ въ жизнь настоящаго времени и въ литературу этой же эпохи. Имъ говорили, что новѣйшіе романы пишутъ зловредно, обольстительно, пагубно для нравственности; хорошо, они были съ этимъ согласны, пока имъ не надоѣли старинные писатели и пока они сами не вступили въ жизнь. Но какъ они только восходятъ на это новое поприще, ихъ, неприготовленныхъ, совершенно обхватываетъ и общество съ своими свѣтскими требованіями, и литература съ своими новыми интересами, о которыхъ они мало слыхали. Умъ ихъ еще свѣжъ и гибокъ, убѣжденія измѣнчивы, и новые писатели, какъ ихъ ни брани, имѣютъ въ себѣ много блестящихъ сторонъ, которыми трудно не увлечься. Что̀ имъ дѣлать? какъ отличить истину отъ лжи,

софизмъ отъ прямаго доказательства? Справиться съ тѣми писателями, которыхъ они учили въ школѣ, съ тѣми наставленіями, которыя имъ дѣлалъ учитель? Но писатели эти говорятъ совсѣмъ о другихъ предметахъ, герои Корнеля и Расина, правда, чувствовали благородно, но были совсѣмъ въ другихъ положеніяхъ, чѣмъ герои нашего міра: это все были величественныя фигуры древняго Рима и Греціи, а не нашей прозаической эпохи. Какъ же быть: оправдывать и соглашаться съ романами или отвергать и не соглашаться съ ними? Идеальные герои Бернардена де-Сенъ-Пьера такъ далеко жили отъ земли, что ихъ не могли даже смущать интересы земные. Стихи Ломоносова и Державина до того возвышенны и торжественны, что могутъ относиться только къ событіямъ государственнымъ, а не къ бѣднымъ приключеніямъ частнаго лица. Что̀ же дѣлать молодому человѣку или женщинѣ, вступившей въ свѣтъ? Въ немъ безпрестанно говорятъ о новостяхъ въ литературномъ мірѣ, о вновь вышедшихъ романахъ: о нихъ спросятъ даже мнѣнія, слѣдовательно ихъ нужно непремѣнно прочесть. Къ этому же влечетъ молодыхъ людей и та жажда ко всему, что̀ запрещается въ школѣ или по крайней мѣрѣ дозволяется съ большими оговорками. Интересъ и важность романа преувеличиваются воображеніемъ, и когда наконецъ доступъ къ нимъ сдѣлается легокъ, тогда-то молодые люди предаются имъ со всею необузданностію, со всею довѣренностью молодости и неопытности; и гдѣ же тѣ плоды, которые старались собрать родители и воспитатели отъ исключительнаго воспитанія одними старинными писателями! Вліяніе романовъ всегда было чрезвычайно велико и часто вредно отъ этихъ причинъ. Посмотрите на молодыхъ людей, получившихъ такое воспитаніе во время оно, когда писала Радклифъ. Они бросались на чтеніе этихъ страшныхъ романовъ съ какою-то яростію и по прочтеніи видѣли міръ не такимъ, какъ онъ существуетъ въ самомъ дѣлѣ, а міръ,

наполненный страшилищами, привидѣніями, разбойниками; имъ страшно было ходить вечеромъ, не только ночью, страшно было сидѣть однимъ въ комнатѣ, страшно было переѣхать изъ города въ городъ. Посмотрите потомъ на другихъ молодыхъ людей, которые выступили въ свѣтъ, когда мадамъ Жанлисъ и Ричардсонъ начали накидывать на міръ сантиментальную сѣть поддѣльныхъ чувствъ и нѣжностей: они, молодые люди, были нѣжны, чрезвычайно нѣжны... но послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, вступивъ въ зрѣлый возрастъ, дѣлались жестоки и суровы, дрались и ругались, какъ будто для нихъ не существовало нѣжныхъ романовъ.... Тогда они ихъ называли уже глупостью. Та же исторія съ Байрономъ, худо понятымъ и вкривь перетолкованнымъ такими молодыми людьми, которые выходили изъ школъ прямо разочарованными.... Всѣ эти писатели были вредны, потому-что ихъ толковали по своему молодые люди, которые до того времени не слыхивали о ихъ существованіи, а потомъ на-слово начинали имъ вѣрить и подражать въ жизни тому, что̀ вычитывали въ романахъ, поэмахъ и драмахъ. Вѣдь правда же, что послѣ перваго представленія «Разбойниковъ» нѣсколько молодыхъ людей пошли въ лѣса промышлять по образцу героевъ Шиллера. Вѣдь теперь этого, слава Богу, нѣтъ; а отчего? оттого, что мы рано узнаемъ эту трагедію, что намъ ее объясняютъ наставники и показываютъ, что въ ней истинно и что̀ поддѣльно.

Какіе же романы можно и должно читать начинающимъ? Если вы хотите знать жизнь, — а романъ есть самая свободная форма, въ которой она выражается, — то читайте романы, въ которыхъ эта жизнь выражается прямо, безъ прикрасъ, безъ натяжекъ сантиментальности, безъ утопіи разстроеннаго воображенія. Молодымъ людямъ, начинавшимъ чтеніе, всегда совѣтывали читать Вальтеръ-Скотта, на какомъ же это основаніи, какъ не на томъ, что въ нихъ какъ въ зеркалѣ вы видите прошедшій бытъ народа.

Если спросите, кого изъ нашихъ романистовъ можно дать въ руки молодому человѣку, не опасаясь всѣхъ вредныхъ послѣдствій односторонности и поддѣльности, вамъ укажутъ на Лажечникова, опять по той же самой причинѣ. Поэтому многіе говорятъ, что молодымъ людямъ можно читать только одни романы историческіе. Совершенно не справедливо; отчего же они не могутъ читать романа, въ которомъ отразилась настоящая жизнь со всѣхъ сторонъ: отчего, напримѣръ, разныя сочиненія Гоголя, Пушкина и Лермонтова не могутъ читать и выучивать всѣ и каждый наизустъ? Если можно читать романы, въ которыхъ отразилась прошедшая жизнь, то также можно читать романы, въ которыхъ вы видите настоящую жизнь. Далѣе, по нашему мнѣнію, гораздо лучше позволять читать романы, въ которыхъ видна односторонность писателя, — но съ тѣмъ, чтобы при этомъ наставникъ пояснялъ, что̀ ложно и не согласно съ дѣйствительностію, — нежели совсѣмъ не позволять ихъ читать, потому-что въ послѣдствіи, когда молодой человѣкъ, избавившись отъ учительской ферулы, добудетъ такой романъ, а онъ непремѣнно его добудетъ, онъ прочтетъ его и на-слово увѣруетъ въ справедливость разсказа, въ непогрѣшимость дѣйствующихъ лицъ и даже постарается подражать одному изъ героевъ, который ему преимущественно понравится. На это скажутъ, что романъ, въ которомъ отразилась дѣйствительная жизнь во всей ея наготѣ, съ ея радостями и бѣдствіями, богатствомъ и нищетою, успѣхами и страданіями, что такая жизнь можетъ очерствить сердце молодаго человѣка и очерствить преждевременно. Не знаемъ, правда ли это, или нѣтъ, но мы позволимъ себѣ сдѣлать вопросъ: что̀ же лучше, — узнать жизнь скорѣе и прямѣйшимъ путемъ, или прежде выучиться заблужденіямъ, а потомъ въ нихъ разувѣряться съ каждымъ днемъ, съ опытностію, до того же времени прожить подъ вліяніемъ фальшивыхъ убѣжденій, сантиментальности,

фантастическихъ бредней, быть смѣшнымъ нѣкоторое время въ обществѣ, фантазировать и мечтать какъ герои Жанлисъ, Ричардсона, какъ «Бѣдная Лиза» Карамзина? Всѣ романы въ этомъ родѣ нужно позволять читать, но при этомъ объяснять, какъ много въ нихъ фальшиваго и какъ мало правды.

НОВАЯ БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ВОСПИТАНІЯ, *издаваемая Петромъ Рѣдкинымъ. Москва. 1847. Книжка VIII и IX.*

Вотъ 1848 годъ и февраль мѣсяцъ, а намъ приносятъ только девятую книжку дѣтской библіотеки за 1847 годъ. Это странно. Неужели и дѣтскую библіотеку постигла одна участь съ другими изданіями и предпріятіями подобнаго рода? Это жаль, очень жаль. Первыя книжки ея обѣщали такъ много; всѣ видѣли въ ней предпріятіе полезное, дѣльное и вдругъ — она начинаетъ останавливаться. Для насъ это рѣшительно задача. Душевно желаемъ ей успѣха и скораго поправленія отъ внезапнаго недуга. Содержаніе 8-й и 9-й книжекъ слѣдующее: О машинахъ, Похожденія Энея, Русская лѣтопись, Морское путешествіе, До завтра. Статья «О машинахъ» составлена очень дѣльно; только намъ кажется, что она слишкомъ серьёзна для дѣтей, которыя въ дѣтской библіотекѣ желали бы видѣть пріятное развлеченіе, а не тотъ же классъ, изъ котораго они только-что вырвались. Ребенокъ, взявши въ руки дѣтскую библіотеку, вѣроятно, прочтетъ съ бо̀льшимъ удовольствіемъ «Морское путешествіе», нежели разсужденіе о машинахъ. Такими статьями, которыя сами по себѣ очень дѣльны, но для ребенка не занимательны, вы отобьете у ребенка всякую охоту къ чтенію. Ребенокъ хочетъ сказочекъ, забавныхъ разсказовъ, а вы даете ему почти ученыя разсужденія.

О «Похожденіяхъ Энея», и о «Русской лѣтописи» мы говорили, разбирая предыдущія книжки. «Морское путешествіе» — разсказъ довольно занимательный и живой. Побольше бы такихъ, и библіотека читалась бы съ удовольствіемъ, а то похожденія Энея, растянутыя на нѣсколько томиковъ, заставятъ всякаго ребенка посулить разныхъ непріятностей. И ребенокъ-то вѣдь совершенно правъ. Книга издается для него; дѣти — публика библіотеки; а на нихъ не обращаютъ ровно никакого вниманія. Какъ же тутъ не оскорбиться маленькой публикѣ! И безъ того ужь съ дѣтьми обращаются не очень деликатно, а тутъ еще измѣняетъ и дѣтская библіотека, на которую была вся надежда. Бѣдныя дѣти! Мы были счастливѣе васъ: мы имѣли «Дѣтское чтеніе» Новикова.

БЛАГОВОСПИТАННОЕ ДИТЯ, ИЛИ КАКЪ ДОЛЖНО СЕБЯ ВЕСТИ. *Сочиненіе Жозефины Лебассю Съ французскаго. Изданіе второе. Спб. 1847.*

ДѢТСКІЙ ПТИЧНИКЪ, *или описаніе любопытнѣйшихъ птицъ и звѣрей съ 56 раскрашенными (?) картинками. Спб. 1847.*

Благовоспитанное дитя, или какъ должно себя вести.... Удивительная, несравненная книжка — и къ тому же еще старая наша знакомая! Она была издана впервые, если мы не ошибаемся, десять лѣтъ назадъ тому, и тогда мы радостно привѣтствовали ее въ одномъ, уже теперь, увы! несуществующемъ журналѣ. Десять лѣтъ.... Боже мой! сколько событій совершилось въ продолженіи этихъ десяти лѣтъ.... сколько замѣчательныхъ событій!... Чудное, право, это время, въ которое живемъ мы. Наши дѣды и прадѣды во 100 лѣтъ не переживали того, что мы переживаемъ теперь въ 10 лѣтъ. Для того, чтобъ убѣдиться въ

этомъ, пробѣгите мысленно хоть исторію открытій въ наукѣ въ послѣднія 10 лѣтъ. Наука и промышленность дружно и быстро идутъ теперь впередъ, совершая чудеса на пути своемъ, все обновляя и преображая вокругъ себя... Даже и литература.... и русская литература сдѣлала исполинскіе шаги въ послѣднія 10 лѣтъ.

Все болѣе или менѣе подверглось измѣненіямъ, преобразованіямъ, улучшеніямъ все.... кромѣ нашей дѣтской литературы. Дѣтская литература рѣшительно не двигается съ мѣста ... Самымъ блистательнымъ доказательствомъ этому можетъ служитъ это милое «Благовоспитанное дитя», которое въ концѣ 1847 года явилось вторымъ изданіемъ, точно въ такой же синей обложкѣ, какъ оно явилось впервые въ 1836 или 1837 году и даже съ тѣми же двумя, говоря деликатнымъ слогомъ, литографированными, а грубымъ языкомъ — лубочными картинами. Эта прекрасная, добродушная книжечка и въ 1847 году имѣетъ цѣлію, какъ она имѣла въ 1837 году, сдѣлать «всѣхъ дѣтей добрыми, любезными и счастливыми» (стр. 154).. . Она совѣтуетъ дѣтямъ и теперь, какъ совѣтывала имъ десять лѣтъ назадъ тому «завести особую тетрадку, для того, чтобы они могли вписывать въ нее имена своихъ непріятелей», т. е. дурныхъ привычекъ, «и потомъ средства, какія признаютъ лучшими, чтобъ ихъ побѣдить» (стр. 156). Добрая книжечка!

Мы перелистовали всѣ семь главъ ея съ чувствомъ неизъяснимаго умиленія и нашли въ ней только одинъ недостатокъ — неполноту ея заглавія. По нашему мнѣнію, эту несравненную книжечку слѣдовало бы назвать такъ: Благовоспитанное дитя, или какъ должно вести себя для того, чтобы въ послѣдствіи заслужить титло благонамѣреннаго человѣка....

Вотъ на выдержку нѣсколько замѣчаній, какимъ образомъ благовоспитанное дитя, долженствующее современ-

немъ превратиться въ благонамѣреннаго человѣка, обязано вести себя:

Въ отношеніи къ родителямъ: «берегитесь, чтобы ваше дружеское обращеніе съ родителями не переходило въ вольность, несогласную съ почтеніемъ» (стр. 5).

«Вы знаете, дѣти, что родители ваши радуются, когда вамъ весело, и скучаютъ, когда вамъ скучно; подражайте имъ, особливо когда они озабочены занятіями, или огорчены какимъ-нибудь несчастнымъ происшествіемъ. Умножайте тогда ваши ласки»....

«Въ торжественные дни рожденія, или имянинъ или перваго дня года изъявленіе дѣтской покорности должно быть усерднѣе обыкновеннаго; выраженіе ихъ любви (чьей?) и желаній пламеннѣе».... и пр. (стр. 6 и 7)... Очень мило!

Эти и тому подобныя прекрасныя наставленія, такъ пламенно выраженныя, перемѣшаны въ книжечкѣ съ небольшими моральными повѣстями. Въ одной изъ такихъ повѣстей представлены два мальчика: Вася-злой—мальчикъ острый, бойкій, съ талантами, но шалунъ, головорѣзъ, и Вася-добрый — мальчикъ тупой, всегда отстававшій отъ своихъ товарищей, но благонравный, прилежный, терпѣливый и «собиравшій постепенно, а не вдругъ плоды своего прилежанія»,—словомъ, такой мальчикъ, въ которомъ можно уже провидѣть будущаго весьма солиднаго и почтеннаго человѣка.... Въ концѣ повѣсти Вася-злой наказанъ за свои пороки, а Вася-добрый вознагражденъ за свое благонравіе... Какая поучительная повѣсть!... Прочитавъ ее, невольно захочется быть на мѣстѣ тупаго, терпѣливаго и благонравнаго мальчика, потому что тупые, терпѣливые и благонравные мальчики превращаются потомъ въ тупыхъ, терпѣливыхъ и благонамѣренныхъ людей, которые, говорятъ, чрезвычайно успѣваютъ по службѣ и въ свѣтѣ.

Но обратимся къ «Благовоспитанному дитяти»... Вотъ, напримѣръ, какъ благовоспитанное дитя должно гулять:

1) Оно должно «сообразоваться въ походкѣ съ идущимъ съ нимъ, чтобъ не стѣснять его, заставляя идти скорѣе, или тише».

и 2) «Встрѣчаетъ ли благовоспитанное дитя кого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ, оно должно кланяться почтительно, или дружески, смотря по лѣтамъ и званію знакомаго» (стр. 23).

Когда къ родителямъ «Благовоспитаннаго дитяти», пріѣзжаютъ близкіе знакомые, то благовоспитанное дитя обязано «спѣшить принять у нихъ шляпу, подать стулъ и стараться предупреждать ихъ желанія. Если же у нихъ есть дѣти, то благовоспитанное дитя можетъ освѣдомляться учтивымъ образомъ объ ихъ здоровьѣ; но посылать поклоны своимъ друзьямъ чрезъ ихъ родителей неприлично» (стр. 26).

Благовоспитанное дитя необходимо должно обладать кротостію; а что̀ такое кротость?

«Кротостію называется мягкость характера, умѣнье жить со всѣми въ согласіи. Человѣкъ кроткій никого не обижаетъ, ни въ чемъ не упорствуетъ, избѣгаетъ споровъ и уступаетъ безпрекословно. Кротость придаетъ лицу плѣнительный видъ спокойствія, имѣетъ власть надъ сердцами».... и проч. (стр. 30).

Благовоспитанное дитя всегда бываетъ воздержно и умѣренно въ пищѣ, «не разборчиво» въ кушаньяхъ и за столомъ беретъ соль не иначе какъ кончикомъ ножа и не подноситъ ее ко рту, не выпиваетъ стаканъ однимъ разомъ, ѣстъ хлѣбъ по кусочкамъ, не рѣжетъ его ножомъ, а ломаетъ пальцами, вытираетъ ротъ не пальцами, а салфеткою; если же въ кушаньѣ попадется что-нибудь постороннее, напримѣръ, паукъ или таракапъ, то благовоспитанное дитя откладываетъ это постороннее на край тарелки, чтобы близь сидящіе этого не замѣтили.... Все это, — прибавляетъ остроумная и благовоспитанная книжечка, — принято «въ хорошемъ обществѣ».

«За десертомъ, если благовоспитанному дитятѣ придетъ охота полакомиться, то оно не должно улыбаться при видѣ пирожковъ, варенья и плодовъ».... и проч. (стр. 72 и 73).

«Дѣлая визиты благовоспитанное дитя мужескаго пола, почтительно поклонившись хозяевамъ дома, должно сѣсть на стулъ (не приличнѣе ли, на кончикъ стула?), держаться прямо и шляпу положить на колѣни».

«Благовоспитанное дитя женскаго пола не иначе должно снять шляпку и шаль, какъ по приглашенію хозяйки дома и положить ихъ къ сторонѣ на стулъ, а не на столъ передъ диваномъ».... (стр. 99).

Вообще «благовоспитанное дитя должно услаждать слухъ изящнымъ выраженіемъ мыслей, а взоры ловкими, благородными пріемами».... (стр. 111). «Вскакивать со стула, бѣгать по комнатамъ, ударять по колѣну или по плечу того съ кѣмъ говоришь — не слѣдуетъ; также предосудительно держаться крѣпко за ручку креселъ, забавляться царапаньемъ мебели, сморкаться безъ нужды, закручивать кончикъ носоваго платка».... и проч. (стр. 113).

Умѣренность и акуратность.... Въ этихъ двухъ словахъ заключается вся нравственная цѣль этой милой книжечки, которая, кажется, хлопочетъ о томъ, чтобы расплодить на Руси родъ Молчалиныхъ.... Прекрасная, похвальная цѣль!... Но для воспитанія дѣтей въ этомъ духѣ не достаточно одной этой милой книжечки. Всѣмъ извѣстно, до какой степени сильно вліяніе матери на воспитаніе дѣтей, и потому одинъ нашъ знакомый намѣренъ издать въ непродолжительномъ времени въ pendant къ благовоспитанному дитяти книжечку подъ заглавіемъ: «Благовоспитанная жена и мать».... Мы прочли эту превосходную книжечку и, не боясь оскорбить скромности автора, сообщимъ изъ нея нашимъ читателямъ одинъ отрывокъ, который, понравился намъ въ особенности:

«Благовоспитанная жена обязана во всемъ безпрекослов-

но повиноваться волѣ своего мужа, или, лучше, вовсе не имѣть собственной воли, собственнаго образа мыслей, собственнаго взгляда, а смотрѣть на все глазами своего мужа... Она не должна никуда выѣзжать безъ него; и должна держать себя холодно-строго съ посторонними мущинами. Если знакомый, хотя бы онъ былъ и близкій пріятель ея мужа, обратится къ ней съ какимъ-либо вопросомъ, то она прежде должна взглянуть на мужа, а потомъ уже отвѣчать на предложенный ей вопросъ, нѣсколько зарумянившись и потупивъ глаза...

«Когда, напримѣръ, нескромный кавалеръ,—а такихъ къ сожалѣнію развелось въ послѣднее время много,—спроситъ у нея:

— А почему вы такъ рѣдко выѣзжаете? отчего васъ не видно ни въ театрахъ, ни на балахъ?

— Ахъ, помилуйте, обязана возразить благовоспитанная жена и мать: — я считаю для себя разсѣяніе такого рода неприличнымъ, потому-что я все свободное отъ хозяйства время посвящаю, и проч.

«Благовоспитанная жена должна смотрѣть въ глаза своему мужу и стараться во всемъ предупреждать его желанія и даже мысли. Она не можетъ читать книгъ безъ его выбора, ибо добрый и благовоспитанный мужъ въ непрестанной заботливости о нравственности своей жены обязанъ выбирать ей для чтенія только самыя нравственныя сочиненія; но такъ какъ и въ самыхъ нравственныхъ сочиненіяхъ могутъ встрѣчаться иногда мѣста нескромныя, неделикатныя, то такія мѣста благовоспитанный мужъ обыкновенно отмѣчаетъ карандашемъ и, отдавая книгу женѣ, говоритъ: «тѣ мѣста, ангелъ мой, которыя мною отмѣчены карандашемъ, ты не читай, потому-что читать тебѣ ихъ не слѣдуетъ»... и проч.

Мы увѣрены, что «Благовоспитанная жена» будетъ имѣть такой же успѣхъ, какъ «Благовоспитанное дитя», и черезъ десять лѣтъ удостоится втораго изданія.

Что же касается до «Дѣтскаго птичника» будто бы съ 54 раскрашенными картинками, то о немъ рѣшительно говорить нечего. Для того, чтобы дать понятіе объ этой книжечкѣ, стоитъ только выписать изъ нея характеристику осла:

«Домашній оселъ происходитъ отъ онагра или дикаго осла. Это полезное животное, хотя водится почти во всѣхъ частяхъ свѣта, однакожь наиболѣе размножается подобно онагру, въ теплыхъ странахъ, такъ что до сихъ поръ невозможно было присвоить его самымъ сѣвернымъ странамъ Европы.... Онъ весьма немногимъ подверженъ болѣзнямъ; его походка тише и ровнѣе лошадиной — и онъ можетъ перевозить большія тяжести. Ослы очень терпѣливы, живутъ до 30 лѣтъ и обыкновенно до самаго конца жизни все работаютъ... »

Неправда ли, эта характеристика осла въ «Дѣтскомъ звѣринцѣ» очень походитъ на характеристику Васи-добраго—тупаго, терпѣливаго и прилежнаго мальчика въ книжкѣ «Благовоспитанное дитя»?

ВЕЧЕРЪ ВЪ ПАНСІОНѢ. *Повѣсть для дѣтей. Спб. 1848.*

Скажите, отчего въ нашихъ юношахъ такъ мало юношескаго, въ нашихъ дѣтяхъ такъ мало простодушно-дѣтскаго? Нигдѣ не встрѣтите вы такихъ смирныхъ, угрюмыхъ дѣтей, какъ у насъ; нигдѣ нѣтъ такой необычайной претензіи казаться людьми дѣловыми, серьёзными, важными, какъ у насъ; а между тѣмъ, несмотря на эту всѣми объявляемую претензію, литература наша да и прочія сферы дѣятельности печально свидѣтельствуютъ о томъ, что наши дѣловыя, серьёзныя и «внушающія» физіономіи скры-

ваютъ одну только надутую пустоту. Мы словно боимся потерять какое-то достоинство, называемъ мальчишествомъ все простодушно-веселое и старѣемся, никогда не бывши молодыми. Наши «мудрецы» считаютъ людьми пустыми и ничтожными всѣхъ тѣхъ, которые откровенно признаются, что очень любятъ театръ, балъ, маскарадъ, общество. Юный народъ на поприщѣ цивилизаціи, мы предстоимъ передъ Европою какими-то юношами со старческими физіономіями: съ самаго нѣжнаго возраста насъ начинаютъ обращать въ взрослыхъ людей; наши дѣтскія игры считаются шалостями, наши дѣтскія печаль и слезы — ревѣньемъ и хныканьемъ, наши дѣтскія радости, наслажденія.... многіе ли помнятъ ихъ въ своемъ дѣтствѣ? Изъ этихъ робкихъ, запуганныхъ дѣтей выростаютъ робкіе, запуганные юноши, и возмужавъ, женясь, становятся въ свою очередь притѣснителями своихъ дѣтей, потому-что ничто такъ не огрубляетъ сердце, какъ грубое обращеніе въ дѣтствѣ.

Наша «дѣтская литература» вовсе не имѣетъ въ виду удовольствія и забавы дѣтей; нѣтъ, она изъ всѣхъ силъ старается съ самаго нѣжнаго ихъ возраста испортить всѣ ихъ простодушныя побужденія разсчетливыми разсказами, какъ Леночка, кладя въ дѣтствѣ деньги, даваемыя ей на лакомства, въ кружку для бѣдныхъ, въ послѣдствіи вышла замужъ за князя, отецъ котораго сдѣлалъ предложеніе матери Леночки, начавъ такъ: «мой сынъ богатъ, а ваша дочь добродѣтельна» (Вечеръ въ пансіонѣ, стр. 20). О радостяхъ дѣтей, о ихъ печаляхъ, о кроткомъ обращеніи родителей и наставниковъ — «дѣтская литература» не хочетъ знать. Она заботится о приведеніи ихъ въ какой-то внѣшній порядокъ добродѣтели, а не о томъ, чтобы пробудить въ нихъ разумное убѣжденіе въ ея достоинствѣ, дать имъ почувствовать, что добродѣтель слѣдуетъ любить просто, какъ любятъ все прекрасное и истинное, а не для доказательства, что вотъ же, дескать, я перещеголяю васъ до-

бродѣтелью, какъ вы хотите перещеголять меня богатствомъ и проч.

ЦРИНИ. *Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, сочиненіе Кёрнера. Переведена В. Мордвиновымъ. Спб. 1847.*

Изъ всѣхъ родовъ поэзіи, Нѣмцамъ преимущественно дался лиризмъ. У нихъ есть великіе лирическіе поэты и великія лирическія произведенія, но нѣтъ ни романа, ни драмы, ни комедіи. Нѣсколько замѣчательныхъ произведеній въ послѣднихъ родахъ (только не въ комическомъ) представляются болѣе или менѣе прекрасными исключеніями изъ общаго характера нѣмецкой поэзіи. Въ нѣмецкой драмѣ люди не дѣйствуютъ, а только говорятъ, высказывая или свои мысли и воззрѣнія, или свои чувства, по поводу того, о чемъ идетъ дѣло въ драмѣ. Таковы трагедіи самого Шиллера: лучшая сторона ихъ—лирическій паѳосъ, обильными волнами льющійся въ стихахъ, какіе умѣютъ писать только великіе поэты. Если допустить существованіе лирическихъ драмъ, какъ особаго вида поэзіи, по формѣ относящагося къ драматургіи, а по сущности къ лирикѣ, то конечно драмы Шиллера—великія созданія. Самыя страстныя, и потому наиболѣе лирическія изъ его драмъ—«Іоанна д'Аркъ» и «Мессинская невѣста». Первокласное произведеніе нѣмецкой поэзіи—«Фаустъ»,—есть по преимуществу лирическое произведеніе. Вообще нѣмецкая драма похожа на оперу: въ ней завязка, развязка, — словомъ, драматическое дѣйствіе есть то же, что̀ либретто въ оперѣ: предлогъ или средство высказывать внутренній міръ ощущеній, чувствъ и мыслей.

Но этотъ родъ лирической драмы требуетъ талантовъ великихъ и очень опасенъ для талантовъ обыкновенныхъ. Оно и понятно: нельзя очень долго читать мелкія лирическія піесы, потому что лирическая восторженность утомляетъ

человѣка скорѣе всякой другой. Давно рѣшено, что черезчуръ длинное лирическое стихотвореніе можетъ быть хорошо лишь мѣстами, а не въ цѣломъ. Теперь, какой же надо имѣть поэту талантъ, чтобы держать читателя постоянно въ лирическомъ энтузіазмѣ въ продолженіи, можетъ-быть, двухъ, трехъ часовъ сряду? Поэтому самую лучшую лирическую драму едва ли кто рѣшится прочесть вдругъ безъ отдыха и перемежекъ. Послѣ этого нечего говорить о лирическихъ драмахъ обыкновенныхъ, даже замѣчательныхъ, но не великихъ талантовъ. Лучшее доказательство этому «Црини» Кернера. Конечно Кернеръ и не думалъ писать лирическую драму, принимаясь за Црини. Но вѣдь и самъ Шиллеръ вовсе не думалъ быть лирическимъ драматургомъ; напротивъ, онъ, всѣми силами своей воли, стремился сдѣлаться для Германіи тѣмъ же, чѣмъ Шекспиръ былъ для Англіи; однакожь, вопреки всѣмъ его усиліямъ, невольно покоряясь своей нѣмецкой натурѣ, онъ и въ своихъ драмахъ остался великимъ лирикомъ. Второстепенные же нѣмецкіе таланты всегда остаются въ своихъ драмахъ лириками, только никогда великими, мѣстами замѣчательными, но въ цѣломъ большею частію скучными. Что̀ касается до Црини, эта драма, отъ первой страницы до послѣдней, показалась намъ очень скучною. Дѣйствія въ ней нѣтъ никакого, да и не могло быть, какъ это мы сейчасъ докажемъ, изложивши ея содержаніе, что̀ можно сдѣлать въ нѣсколькихъ словахъ. Солиманъ, предчувствуя, что ему недолго жить, хочетъ увѣковѣчить свою память послѣднимъ и самымъ великимъ подвигомъ, который превзошелъ бы всѣ его прежніе. Онъ рѣшается идти на Вѣну съ страшнымъ войскомъ; но узнавши, что въ Сигетѣ заперся герой Црини, хочетъ сперва взять эту неприступную крѣпость. Напрасно представляютъ ему, что это только отниметъ у него войско и людей и дастъ германскому императору возможность собраться съ собственными силами и получить помощь со всей Европы. Войска

двинулись къ Сегету. Жена и дочь Црини вмѣстѣ съ нимъ. Послѣдняя любитъ Лоренца Юранича; молодой человѣкъ клянется отцу заслужить руку его дочери подвигомъ и выходитъ изъ крѣпости съ отрядомъ на встрѣчу Туркамъ. Отрядъ возвращается въ крѣпость съ богатою добычею, положивши на мѣстѣ 4,000 Турокъ. Разумѣется, Юраничъ отличился больше всѣхъ и предсталъ къ своей невѣстѣ съ турецкимъ знаменемъ въ рукахъ, которое онъ добылъ въ бою. Дѣйствіе, какъ видите, происходитъ за сценой, а на сценѣ только говорятъ о немъ. Да ужь какъ говорятъ! Самъ Солиманъ не уступитъ въ болтовнѣ никакой кумѣ на свѣтѣ! Монологи Црини—семимильные. Герой этотъ является у Кернера добренькимъ нѣмецкимъ папашей, и семейныя сцены между имъ, женою, дочерью и ея женихомъ не столько умилительны, сколько приторно-сладки. Любовныя сцены между Юраничемъ и Еленою столько же длинны, сколько и скучны. Црини получилъ повѣленіе отъ императора погибнуть вмѣстѣ съ крѣпостью, но не сдаваться; онъ понялъ, что подкрѣпленія ему не будетъ, потому что чѣмъ неудачнѣе и гибельнѣе для Турокъ были попытки ихъ приступовъ къ крѣпости, тѣмъ болѣе возрастали упорство и ярость Солимана. Это положеніе, въ связи съ любовью Елены и Лоренца, составляетъ трагическій фонъ драмы Кернера. Оканчивается тѣмъ, что Турки берутъ крѣпость; Лоренцъ закалываетъ Елену по ея просьбѣ, и потомъ, подобно Црини, безъ латъ идетъ на вѣрную смерть въ послѣднемъ бою. Между тѣмъ Ева, жена Црини, сидитъ на главной башнѣ крѣпости съ зажженнымъ факеломъ; увидѣвши, что мужъ и сынъ ея пали, поджигаетъ порохъ,—и побѣдители вмѣстѣ съ побѣжденными взлетаютъ на воздухъ.

Окончаніе эффектное, но отнюдь не драматическое. Взрывъ крѣпости можно допустить за сценою, а не на сценѣ: иначе это будетъ не драма, а балетъ. Драма Кернера основана на героической рѣшимости Црини погибнуть съ семействомъ.

исполняя свою обязанность. Чувство прекрасное и высокое, но одного его недостаточно для драмы, которая бы состояла изъ борьбы противоположныхъ страстей и враждебныхъ характеровъ и стремленій, а не изъ безпрестанныхъ повтореній одного и того же. Событіе, которое Кернеръ взялъ въ основаніе своей трагедіи, могло бы послужить прекраснымъ содержаніемъ для небольшей лирической поэмы или небольшой лирической драмы, но отнюдь не трагедіи, въ смыслѣ драмы для сцены, для театра.

Теперь о переводѣ. Онъ сильно отзывается первымъ опытомъ и ученичествомъ. Стихи г. Мордвинова превзойдутъ въ прозаичности всякую прозу; особенно не хороши они въ началѣ; читая ихъ, такъ и видишь потогонный процессъ, посредствомъ котораго они добыты. Въ серединѣ и въ концѣ стихи переводчика дѣлаются, какъ-будто бы, легче; видно, что онъ ужь понабилъ руку—разставлять слова въ размѣренныя строчки безъ римѳъ. Но въ началѣ онъ насилуетъ удареніе русскихъ словъ, да и не всегда справляется съ мѣрою стиха. Помнится намъ, что когда-то Цринн былъ переведенъ прозою. Посредственныя произведенія всегда находятъ себѣ переводчиковъ.

РАЗСКАЗЫ ДѢТЯМЪ ИЗЪ ДРЕВНЯГО МІРА (,) *Карла Ф. Беккера. Три части. Переводъ съ нѣмецкаго седьмаго изданія. Спб. 1848.*

Судя по слухамъ, предшествовавшимъ появленію этой книги, равно какъ и по седьмому изданію ея подлинника, а еще болѣе по предисловію переводчика, г. Экерта, мы ожидали найдти въ этой книгѣ гораздо болѣе, нежели сколько нашли въ ней. Первая часть заключаетъ въ себѣ «Одиссею», вторая—«Иліаду», третья—небольшіе разсказы о подвигахъ Язона, Тезея, Алкида, о судьбѣ Эдипа и ги-

бели его рода и т. п. Конечно, хорошо и полезно знакомить дѣтей съ античною жизнію древнихъ; но вопросъ въ томъ, какъ это должно дѣлать. Мы уже высказали на этотъ счетъ мнѣніе по поводу «Библіотеки для Воспитанія», издаваемой Рѣдкинымъ, въ которой тоже были помѣщены Одиссея и Иліада въ сокращенномъ прозаическомъ разсказѣ. Но предметъ этотъ кажется намъ столь важнымъ, что мы не боимся повторить уже сказанное. Поэмы Гомера можно, даже должно передавать дѣтямъ съ выпускомъ, мѣстами даже съ передѣлками для связи, потому-что иначе они узнаютъ изъ нихъ такія вещи, знакомство съ которыми для дѣтей вредно въ нравственномъ отношеніи. Но этимъ должны ограничиться всѣ измѣненія. Передаватель поэмъ Гомера прежде всего долженъ стараться о томъ, чтобы сохранить поэтическій колоритъ подлинника, потому-что этотъ колоритъ составляетъ смыслъ и душу, такъ сказать, твореній вѣчнаго старца. Для этого онъ долженъ передавать ихъ особымъ языкомъ, чѣмъ-нибудь въ родѣ мѣрной прозы. Тогда сколько прекрасныхъ поэтическихъ впечатлѣній для дѣтей, какая подготовка къ классическому ученью! Иліада и Одиссея сложены во времена варварства эллинскаго племени и безпрестанно отзываются варварствомъ; но это было варварство лучшаго племени въ древнемъ мірѣ,—племени, которому суждена была такая великая роль въ историческихъ судьбахъ человѣчества. И потому въ этихъ, такъ часто отзывающихся варварствомъ поэмахъ, такъ много героическаго, возвышающаго душу, человѣческаго! Никакая литература не представитъ ничего лучшаго, какъ, напримѣръ, то мѣсто въ Иліадѣ, гдѣ старецъ Пріамъ цѣлуетъ руки убійцы своего сына, моля его о выдачѣ трупа Гектора, и гдѣ ненасытимый во гнѣвѣ и мщеніи смягчается, при воспоминаніи о своемъ старцѣ отцѣ, и соединяетъ свои вопли, стенанія и слезы съ рыданіями бѣднаго царя Трои. Но человѣче-

ское является проблесками во всѣхъ поэтическихъ проблескахъ всѣхъ народовъ въ мірѣ; оно есть и въ индійскихъ поэмахъ и драмахъ; но тамъ оно является въ безобразныхъ, чудовищныхъ, отталкивающихъ формахъ; какъ человѣческое (т. е. общее всѣмъ людямъ, безъ различія національностей и времени), такъ и поэзія сверкаетъ въ нихъ рѣдкими искрами; это, положимъ, жемчужины, но которыя надо отыскивать въ кучѣ мусору. Не таковы созданія древней Греціи! Въ нихъ все красота, изящество, художественность! Вотъ это-то и заставляетъ забывать о томъ, что бытъ, изображенный въ поэмахъ Гомера, отзывается варварствомъ и дикостію нравовъ. На дѣтей эта сторона не можетъ дѣйствовать вредно; напротивъ, они непосредственно привыкнутъ переноситься въ нравы чуждыхъ народовъ и судить о нихъ не съ точки зрѣнія своего быта, общества и времени. Нечего также бояться, что дѣти примутъ эти сказки за истину. Пусть примутъ; въ свое время, когда перестанутъ быть дѣтьми, они поймутъ что это поэтическія, а не историческія сказанія. Лучше же имъ принять за истину Иліаду и Одиссею, нежели Бову Королевича, Еруслана Лазаревича и Георга Милорда Англійскаго. Вѣдь мы, взрослые, читаемъ хорошій романъ не какъ вымыселъ, а какъ быль, хотя и знаемъ, что это вымыселъ. Мы восхищаемся, принимаемъ участіе въ томъ или другомъ лицѣ, боимся за него, иногда скорбимъ и плачемъ о его гибели, и все-таки не думаемъ утѣшать себя, что это выдумка. Зачѣмъ же отнимать у дѣтей это очарованіе, безъ котораго у нихъ не можетъ быть никакого удовольствія въ чтеніи этихъ поэмъ?

Но ученый г. Беккеръ думалъ объ этомъ совсѣмъ иначе. У него Иліаду и Одиссею разсказываетъ «милый» учитель «милымъ» дѣтямъ. А разсказываетъ онъ не только безъ всякаго участія и теплоты, но съ явною холодностію, не только безъ уваженія, но съ худо скрываемымъ презрѣ-

ніемъ къ предмету своего разсказа. Онъ безпрестанно прерываетъ себя, чтобы толковать «милымъ» дѣтямъ, что вѣдь это все сказки, вздоръ; «милыя» дѣти тоже безпрестанно прерываютъ его, чтобы объяснять все чудесное естественнымъ образомъ. Какіе «милые» маленькіе критики-философы! Вѣрно изъ нихъ выйдутъ со временемъ Лессинги! Увы, нѣтъ! Изъ нихъ ничего не выйдетъ, кромѣ болтуновъ и резонёровъ. Чтобъ сдѣлаться знатокомъ въ поэзіи, а тѣмъ болѣе, критикомъ, надо сперва запастись поэтическими впечатлѣніями, прожить цѣлый періодъ не совсѣмъ отчетливаго и разборчиваго восторга. Духъ критики придетъ самъ со временемъ, мало-по-малу овладѣетъ человѣкомъ и научитъ его отличать посредственное отъ хорошаго, хорошее отъ лучшаго. Не только ребенокъ, молодой человѣкъ, приступающій къ знакомству съ поэзіей прямо черезъ критику, съ готовыми своими или чужими мнѣніями, никогда не будетъ знать поэзіи, и если у него отъ природы эстетическое чувство не разовьетъ его, а заглушитъ.

Въ разсказѣ «милаго» учителя Иліада и Одиссея являются сказками, до того нелѣпыми по содержанію, грубыми и безобразными по изложенію, что мы, право, не знаемъ, почему дѣтямъ лучше читать ихъ, нежели Бову или Еруслана. Мы даже увѣрены, что дѣти съ бо̀льшимъ удовольствіемъ станутъ читать послѣднихъ, потому что въ нихъ разсказъ не прерывается толками, что это-де вздоръ и чепуха. Особенно уродлива вышла несчастная Одиссея. О пользѣ такого чтенія для дѣтей нечего и говорить: тутъ если не вредъ, то совершенная безполезность. Дѣти будутъ видѣть безпрестанную и безчеловѣчную рѣзню, кровавыя жертвоприношенія, иногда даже людьми, обжорство, несправедливости, преступленія, пороки, и уже ничего болѣе не увидятъ изо всего этого. Особенно собьютъ ихъ съ толку боги. Грекъ, создавши своихъ боговъ, перенесъ

на нихъ свои дурныя и хорошія стороны, свои чувства, страсти и понятія. Эти боги были идеализированные Греки, только въ преувеличенныхъ размѣрахъ красоты, тѣлесной и нравственной силы. Эта поэтическая апоѳеоза человѣка довела Грека до самыхъ наивныхъ противорѣчій. Приписавши имъ безсмертіе, онъ поставилъ надъ ними какую-то судьбу, подчинилъ ихъ ей, заставилъ ихъ бояться ея, какъ боялся ея самъ, впрочемъ, рѣшительно не зная, что она такое. Приписавши имъ блаженную жизнь на высокомъ Олимпѣ, Грѣкъ усѣялъ ихъ жизнь всѣми огорченіями и непріятностями, какія испытывалъ самъ. Зевесъ — отецъ и глава боговъ; ему ли, кажется, не блаженствовать! Но у него жена—Гера—богиня земли и раздора. Она поперечитъ ему на каждомъ шагу, преслѣдуя его дѣтей, не съ нею прижитыхъ; онъ безпрестанно съ ней ссорится, грозитъ ей карою, и разъ на желѣзныхъ цѣпяхъ повѣсилъ ее между небомъ и землею, а на ноги повѣсилъ тяжелыя наковальни и бичевалъ ее молніями. Но эта исправительная супружеская мѣра ни къ чему не послужила. Всѣ другіе боги боятся его, а между тѣмъ безпрестанно поступаютъ противъ его воли, а ужъ другъ другу то и дѣло наносятъ обиды. Особенно придаетъ странный сказочный характеръ поэмамъ Гомера вмѣшательство боговъ въ дѣла людей. Всѣ герои сильны не своею силою, а силою стоящихъ за нихъ поборающихъ имъ боговъ, которые собственнымъ оружіемъ то отводятъ отъ своихъ любимцевъ удары враговъ, то сами наносятъ врагамъ удары. Герой Иліады — Ахиллъ; онъ долженъ быть всѣхъ храбрѣе, доблестнѣе, сильнѣе и искуснѣе въ бояхъ. Соперникъ его — Гекторъ. Положимъ, Ахиллъ долженъ былъ одолѣть Гектора; но все же эта побѣда должна бы была ему чего нибудь стоить, а между тѣмъ онъ убилъ его какъ ягненка. Копье Гектора отскакиваетъ отъ шлема Ахилла, не потому, чтобъ брошено было не довольно мощною рукою, а потому,

что шлемъ выкованъ рукою бога Гефеста. Мало того, по волѣ Судьбы, Зевесъ отступается отъ Гектора, и самъ Ѳебъ, не оставлявшій его въ бояхъ, отходитъ отъ него; а между тѣмъ Паллада помогаетъ Ахиллу. Принявши образъ Гекторова брата Деиѳоба, она принимаетъ у Гектора копье; но когда тому оно опять понадобилось, онъ уже никого не увидѣлъ за собою и понялъ, что это было дѣло враждебной ему Аѳины. Мудрено ли послѣ этого было Ахиллу одолѣть Гектора! Гдѣ жь тутъ герой, необыкновенный силачъ и храбрецъ? Но въ поэтическомъ изложеніи все это такъ полно жизни своего особеннаго рода, поэтическаго смысла, такъ понятно это смѣшанное участіе боговъ и людей въ однихъ и тѣхъ же дѣйствіяхъ! Эти боги такъ похожи на людей, а люди на боговъ!

Страннымъ намъ кажется порядокъ разсказовъ Беккера. Одиссея служитъ естественнымъ продолженіемъ Иліады, а между тѣмъ у него Одиссея разсказана въ первой части, а Иліада — во второй; третья часть содержитъ въ себѣ описаніе подвиговъ героевъ, жившихъ, по преданію, до Троянской войны. Только краткое изложеніе Энеиды у мѣста — въ третьей части. Да и вообще Энеида разсказана такъ, какъ слѣдуетъ разсказывать такія поэмы, и взглядъ Беккера на произведенія Виргилія самый вѣрный, умный и современный.

Переводъ этой книги не обнаруживаетъ въ переводчикѣ ни особеннаго знанія русскаго языка, ни умѣнья владѣть имъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ для доказательства. «Даже въ XVI столѣтіи Испанцы, думая (,) что нашли въ Патагоніи людей (,) превышающихъ ростомъ Европейцевъ, не могли удержаться отъ хвастовства, что они наконецъ народъ истинно великанскій; а на повѣрку вышло, что только старинная одежда кажетъ Патагонцевъ выше, чѣмъ они дѣйствительно суть» (Ч. I, стр. 136). Въ этомъ періодѣ нѣтъ смысла: Патагонцы высоки ростомъ, а Испанцы

поэтому сочли себя великанскимъ народомъ! Вмѣсто неуклюжей фразы: «выше, чѣмъ они дѣйствительно суть» не лучше ли было бы сказать просто: выше обыкновеннаго роста. «Но радость благородной царицы объ отрадномъ предсказанiи была скорымъ приходомъ женихов, которые, занимаясь до тѣхъ поръ играми вблизи дворца, теперь же ворвались въ залу, чтобы бражничать по обыкновенiю». — «Послушай, дѣдъ, убирайся по добру по здорову, не то бывать расправѣ между нами». Какой же русскiй скажетъ бывать, тамъ, гдѣ надо сказать быть? Равнымъ образомъ никакой русскiй вмѣсто «сожжемъ» не скажетъ «сожгемъ», какъ это сдѣлалъ г. Экертъ на 123 стр. второй части своего перевода. «Это не мало оскорбило Ахеянъ, и Пенелей очень желалъ помуштровать крикуна». Это что за слово — помуштровать? «Вы можете себѣ представить, что работа идетъ спорко». На 79. стр третьей части употреблено слово извергство; такого слова не бывало въ русскомъ языкѣ; переводчикъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать злодѣйство. «Лишенныя общества и покровительства мужчинъ, жизнь показалась имъ тяжкою мукою» (Ч. III, стр. 93). Сверхъ того переводчикъ очень любитъ нѣжныя уменьшительныя: «когда пирующiе отцы раздаютъ доли своимъ сынкамъ, никто не позоветъ сираго дитятю и не надѣлитъ его. О боги! мой Астiанаксъ, на колѣнахъ отца получилъ самые сладкiе кусочки, и мягкая постелька ожидала его, утомленнаго дѣтскими забавами» (Ч. II, стр. 346—347). Кромѣ того, переводчикъ перелагаетъ Одиссею на наши современные нравы: старая нянька Одиссея (Улисса) называетъ бариномъ, и это слово употреблено не одинъ разъ въ первой части.

КОНЕЦЪ ОДИННАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

1847.

СОВРЕМЕННИКЪ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

1848.

СОВРЕМЕННИКЪ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

